ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II И РОССИЯ: НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

Еще 28 июня 1762 г., в разгар борьбы с прежним, уже фактически низложенным императором Петром III, в Зимнем дворце был наспех составлен манифест. Написанный торопливо и нескладно, вначале он говорил о причинах нового переворота: «Всем прямым сынам отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом, а именно закон наш православный греческий первее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных...

Второе, слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение...»

Растолковав россиянам мысль о возникшей угрозе целостности отечества, манифест от имени Екатерины заключал: «...убеждены будучи всех наших верноподданных таковою опасностью, принуждены были, приняв Бога и его правосудие себе в помощь, а особливо видев к тому желание всех наших верноподданных явное и нелицемерное, вступили на престол наш всероссийский и самодержавный, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественную учинили»[1].

29 июня 1762 г. Петр III подписал манифест о своем отречении, а на следующий день Екатерина II торжественно вернулась в столицу, чтобы надолго стать хозяйкой Зимнего дворца.

Екатерина II была довольно сложной и безусловно незаурядной личностью. Ее характер, с одной стороны, приятной, сдержанной и любвеобильной женщины, с другой — человека — крупнейшего государственного деятеля, начал складываться в семье губернатора немецкого приморского города Штеттина и окончательно сформировался при русском дворе, где Екатерина на протяжении 17 лет была законной супругой великого князя, а затем в течение полугода — бездарного и сумасбродного императора Петра III.

В Штеттине, будучи еще девицей Фике, она с раннего детства усвоила свой первый в жизни урок — хитрить и притворяться. Позже Екатерина писала об этом, вспоминая свою первую наставницу-француженку Кардель: «...она очень заботилась о том, чтобы я, да и она также, являлась перед отцом и матерью такою, какой могла бы им нравиться. Следствием этого было то, что я стала слишком скрытной для своего возраста»[2].

Положение Екатерины Алексеевны было не из простых. Пятнадцатилетней девушкой она жребием судьбы оказалась заброшенной в чужую и совсем незнакомую для нее страну. С первых дней своего пребывания при русском дворе великая княгиня задала себе два важных урока — во-первых, в совершенстве овладеть русским языком и по возможности усвоить русские обычаи, во-вторых, научиться нравиться. Но как ни была она гибка, как ни гнулась под русские придворные нравы и вкусы, ей приходилось трудно.

Возможность добиться успеха зависела не только от самой Екатерины Алексеевны, очень важным при этом было поведение ее мужа Петра Федоровича и императрицы Елизаветы Петровны. Выходки в отношении ее со стороны императрицы (впрочем, иногда и вполне заслуженные: чего стоило, например, ее участие в период Семилетней войны в пропрусских интригах) возмущали Екатерину как человека; пренебрежение со стороны мужа оскорбляло как жену и как женщину; самолюбие ее страдало, но она не жаловалась на свое унижение, чтобы не стать предметом обидного сострадания.

Настоящую надежную союзницу Екатерина встретила в книге. Но она не сразу нашла свою литературу, откладывала книги и возвращалась к нарядам. Однако невыносимо бестолковая жизнь, устроенная племяннице Елизаветой Петровной, пошлая компания, окружавшая Екатерину, бессмысленные разговоры, которые она слышала каждый день вокруг себя, научили ее читать внимательнее, сделали книгу убежищем от тоски и скуки. «Никогда без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений» — так пишет сама Екатерина о том времени.

Работы серьезных авторов вызывали у нее наибольший интерес. История, философия, труды французских

циклопедистов стали для будущей императрицы необходимой духовной пищей. В результате при дворе Елизаветы она не только проходила школу интриг злословия, но и с завидной настойчивостью овладела знаниями.

Отношения Екатерины Алексеевны с мужем не ладывались. Ни для кого при дворе не была секрем его отличающаяся постоянством связь с Елизавей Воронцовой. В 1754 г. у Екатерины появился на ет ее первенец — младенец Павел Петрович, будущий следник русского престола. Но ребенка взяли от тери в апартаменты императрицы. Екатерина была, ким образом, лишена не только супружеской любви, и материнского чувства. И не случайно Павел Петвич вырос человеком, который не только не любил ою мать, но порой даже ненавидел ее. Здесь уместно мечание о том, что право Павла Петровича впоследвии на законном основании претендовать на русский естол было весьма сомнительным. Утверждали, что о отцом был не великий князь Петр Федорович, придворный кавалер Сергей Салтыков, в чем-де прикавалась и сама Екатерина. Кроме того, существола даже версия о подмене мертворожденного млаенца первым попавшимся ребенком из чухонской деевни. Так ли это было или иначе — осталось стоверно неизвестным. Однако нельзя сбрасывать со етов и большое портретное сходство Петра III Павла I и удивительное соответствие их сумасбродх характеров.

Когда настал час переворота, Екатерина действола смело и решительно. Новой императрице с готовстью присягнули не только полки гвардии, но и Се- и Синод. Петр III, напротив, растерялся и не знал, о ему делать. Фридрих II в беседе с французским ославником графом Сегюром сказал о Петре III: он позволил свергнуть себя с престола как ребенок, торого посылают спать»[3].

Выдающиеся способности Екатерины II позволили 34 с небольшим года занимать престол могущественной Российской империи. При этом, будучи по прохождению немкой, она хорошо понимала главное — сская императрица должна иметь в виду прежде его интересы России и старалась не отступать от ого основополагающего правила. Сильной стороной ой женщины была огромная работоспособность, условленная неистовой силой воли и осознанной целеустремленностью. Вместе с тем ей присуща была немалая храбрость в сочетании с большой хитростью, лицемерием, неограниченным честолюбием и тщеславием. Она была скорее натурой рационалистической, нежели эмоциональной, умеющей в различных условиях подавлять в себе вспышки гнева, радости и печали. Для ее повседневной деятельности и поведения в свете характерными были жесткий самоконтроль и постоянное стремление ориентироваться на «общественное мнение». Справедливости ради надо сказать, что эти последние свойства характера Екатерины II, к сожалению, в немалой степени были утрачены в последние годы царствования.

Развернутая характеристика Екатерины II приведена В. О. Ключевским. По меткому выражению историка, Екатерина была «последней случайностью на русском престоле», она все время «твердым, хотя и неслышным, шагом шла по намеченному пути, подкрадываясь к престолу»[4]. В итоге незаконно и при этом дважды захватила власть: отняла у мужа и не передала сыну Павлу.

Ключевский отмечал далее, что Екатерине наряду с трезвым умом были присущи острая наблюдательность, редкий дар бесподобного умения слушать и особый талант завоевывать общие симпатии. Она была вежлива даже с прислугой, проявляла доброту, но имела холодное сердце. При жизни ее ценили выше, чем стали ценить после смерти, и объясняется это тем, что сама она больше дорожила вниманием своих современников, чем мнением потомков.

Начало царствования не было для нее легким и безоблачным временем. Внутри страны среди тех, кто выступал против Петра III, были влиятельные люди, считавшие более справедливым возвести на трон малолетнего Павла, а Екатерину провозгласить правительницей до совершеннолетия императора. Сторонники этого течения с целью ограничить власть императрицы и исключить влияние фаворитов на дела государства предлагали создать постоянный Императорский совет. Это не входило в планы Екатерины, поскольку такой совет мог практически означать неограниченную власть небольшого круга придворных. В этих условиях Екатерине приходилось вести себя осторожно, идти на мелкие уступки и сделки, стараясь не только удержать при себе всех своих приверженцев, но и увеличить их число. Чтобы заставить всех признать законность

своей власти, она решила как можно скорее короноваться в древней столице Руси.

1 сентября Екатерина с наследником престола выехала в Москву. На коронацию в древнюю столицу отправились также 20 сенаторов и члены Синода. 9 сентября процессия остановилась в подмосковном селе Петровском, принадлежавшем Кириллу Разумовскому, 13-го числа состоялся торжественный въезд будущей императрицы в Москву, украшенную ельником и коврами.

Коронация происходила 22 сентября 1762 г. в Успенском соборе Московского Кремля с уже установившимися церемониями. По такому особо торжественному случаю народу было предложено богатое угощение: на Ивановской площади в Кремле и на Красной площади стояли пирамиды хлеба, жареные быки, бараны и другая снедь. Три ночи непрерывно били фонтаны вина и водки. В народ разбрасывали деньги — было приготовлено 120 дубовых бочек с железными обручами, в каждую из них входило до 5 тыс. руб. разменной монеты.

Екатерина была довольна тем приемом, какой сделали ей московские жители. На третий день после коронации, 25 сентября, она писала графу Кейзерлингу, своему посланнику в Варшаве: «Невозможно вам описать радость, какую здесь бесчисленный народ оказывает при виде меня: стоит мне выйти или только показаться в окне — и клики возобновляются»[5].

После коронации Екатерина задержалась в Москве. Она побывала на богомолье в Троице-Сергиевой лавре, пешком ходила в Ростов на поклонение мощам святого Дмитрия Ростовского. С первых дней своего царствования императрица хотела быть популярной в самых широких массах народа. Однако «состояние обеих столиц одинаково возбуждало опасения и заботы правительства».

Разногласия в правительстве Екатерины II продолжались и после ее коронации. Поводом к этому служили две причины. Во-первых, Никита Панин и его сторонники не отказались еще от идеи создания Императорского совета. Во-вторых, появилось новое обстоятельство весьма деликатного свойства. Оно заключалось в том, что братья Орловы и их друзья надеялись на бракосочетание императрицы с Григорием Орловым. Против этого решительно выступали наиболее влиятельные члены правительства: Панин,

Воронцовы, Разумовские и их многочисленные доброжелатели — все они справедливо опасались засилья при дворе партии Орловых. Панин осмелился прямо заявить Екатерине: «Императрица русская вольна делать, что ей хочется, но госпожа Орлова царствовать не будет».

Положение Екатерины было не из легких. С одной стороны, она не могла, да и не хотела лишаться могущественной поддержки Орловых, но, с другой стороны, нельзя было не считаться с мнением большинства аристократов — от них во многом зависело ее дальнейшее правление. И самое главное — Екатерину вполне устраивал фаворит Григорий Орлов, но ей совсем не нужен был муж-император; она предпочитала оставаться свободной и не собиралась делить с кем бы то ни было свою ничем не ограниченную власть. К тому же братья Орловы уже удостоились ее высоких наград. Помимо денежных сумм и крепостных крестьян они получили графское достоинство. Григорий не только стал генерал-адъютантом, но и продолжал пользоваться ее особым расположением. Для начала этого было вполне достаточно.

Чтобы избежать излишних обид со стороны своих приближенных, Екатерина придумала очень ловкий ход. Она приказала составить два манифеста. В первом объявлялось, что императрица вступает в брак с Григорием Орловым. Во втором Алексей Разумовский награждался титулом императорского высочества, поскольку он хотя и тайно, но законным порядком был обручен с покойной императрицей Елизаветой. С этим вторым манифестом Екатерина направила канцлера Воронцова к Алексею Разумовскому. Последний после смерти Елизаветы жил в своем Аничковом дворце. Он не претендовал на власть при дворе и был достаточно умен и опытен, чтобы хорошо понимать, чего ждет от него Екатерина. Поэтому, ознакомившись через Воронцова с манифестом императрицы, он достал из потайного ларца брачные документы, зачитал их канцлеру и бросил в пылавший камин. После чего спокойно добавил: «Я не был ничем более, как верным рабом ея величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих... Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов». Когда Воронцов доложил Екатерине о результатах своей поездки к Разумовскому, она заметила: «Мы друг друга понимаем.

Тайного брака не существовало... Шепот о сем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого...»

Чтобы прекратить пересуды в народе, был издан манифест «О молчанье». Его читали на площадях Москвы и Петербурга и в церквах по всем городам империи. В нем императрица высочайше объявляла: «Воля наша есть, чтоб все и каждый из наших верноподданных единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких продерзких и непристойных разглашений. Но противу всякого чаяния, к крайнему нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных... А если сие наше матернее увещевание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит на путь истинного блаженства, то ведал бы всяк из таковых невеждей, что мы тогда поступим уже по всей строгости законов и неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть нашего гнева»[6].

Почувствовав себя более уверенной, Екатерина уже спокойно могла заняться внутренними делами государства. Для начала она решила освободиться от вельмож, занимавших высокие должности при дворах Елизаветы и Петра III. Отставку получили генерал-фельдмаршал А. Шувалов, генерал-фельдмаршал Н. Трубецкой и генерал-адмирал М. Голицын. Уличенный в денежных махинациях, лишился своего почетного поста генерал-прокурор А. Глебов; он уступил это место князю Я. П. Шаховскому. Бывший в дружеских отношениях с императрицей, генерал З. Чернышев тоже не избежал отставки, но через год, после письменных заверений в его личной преданности, он снова вернулся на должность вице-президента Военной коллегии. Для характеристики личности Екатерины этого периода очень показателен эпизод с просьбой об отставке генерал-поручика П. Румянцева — выдающегося военачальника, снискавшего славу в годы Семилетней войны. Румянцев, которого особо отличал Петр III, не рассчитывал на благосклонность его преемницы и сам подал прошение об увольнении со службы. Екатерина ему ответила: «Вы судите меня по ста-

ринным поведениям, когда персоналитет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека, и думается, что бывший ваш фавер ныне вам в порок служить будет... Но позвольте сказать: вы мало меня знаете, приезжайте сюда, если здоровье ваше то дозволит, вы приняты будете с тою отменностию, которую ваши отечеству заслуги и чин ваш требуют»[7].

Екатерина достигла своей цели — Румянцев остался на службе и в дальнейшем хорошо послужил России как один из выдающихся полководцев.

Делами Иностранной коллегии в полной мере начал руководить Н. И. Панин вместо М. И. Воронцова, а куратором Московского университета был назначен В. Ададуров в связи с отъездом за границу И. Шувалова.

В первые дни после переворота Н. И. Панин, ставший вскоре ближайшим советником Екатерины II, подал императрице проект учреждения Императорского совета. Совет из четырех статских секретарей — иностранных дел, внутренних дел, военного департамента и морского — и двух советников в присутствии императрицы обсуждает дела, после чего она «определяет последнюю резолюцию». Под видом защиты монархии Панин пытался склонить Екатерину к «аристократическому правлению». В конце проекта автор предлагал разделить Сенат на шесть департаментов.

Но, опираясь на враждебное проекту Панина среднее дворянство, Екатерина не осуществила его проекта. Разум императрицы не нуждался ни в каком Совете. Но для облегчения тяжести восходящих к ней дел нужно было разделить ее частный кабинет на департаменты, или, другими словами, заменить государственных советников домашними секретарями. С другой стороны, убеждаясь день ото дня, что дела в Сенате идут очень медленно и беспорядочно, что среди его членов царят разногласия и враждебность, Екатерина реализовала заключительную часть панинского проекта, но уже по-другому. 15 декабря 1763 г. она подписала декрет о разделении Сената на шесть департаментов. Четыре из них, ведавшие внутренними и политическими делами, судными, делами Малороссии, Финляндии, Остзейских провинций, Академии наук и Академии художеств, университета и полиции, а также военными и морскими делами, находились в Петербурге. Пятый, московский, департамент принял дела бывшей Сенатской конторы, а шестой — дублировал

деятельность второго петербургского, т. е. занимался судными делами. На департаменты были разделены Юстиц-коллегия, Ревизион-коллегия, Вотчинная коллегия и Судный приказ. Сибирский и Розыскной приказы, а также Раскольническая контора были ликвидированы.

Екатерина ловко раздробила сплоченный дворянский Сенат, он навсегда потерял свое прежнее значение. В дальнейшем императрица единолично возглавляла центральный правительственный аппарат, только в отдельных случаях созывая в качестве совещательного органа Совет при высочайшем дворе, составленный из крупных сановников по ее выбору.

«Она хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую никаким рядом стоящим хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением. В ближайшей к себе сфере управления она не допускала и тени права, могущей омрачить блеск ее самовластия... Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишенная всякого юридического облика,— это основной факт нашей государственной истории, сложившейся ко времени Екатерины» [8],— писал В. О. Ключевский.

Внутреннее положение страны к началу царствования Екатерины II было далеко не блестящим. Государственная казна практически опустела, а кредит России настолько пал на европейской бирже, что голландские банкиры не хотели больше давать ссуду. Участились выступления крестьян. Волновались 49 тыс. крестьян, приписанных к заводам. Волновались монастырские крестьяне — в числе явно возмущенных насчитывалось более 150 тыс. человек. Помещичьи крестьяне тоже не могли выносить гнета своих господ — их восстания были отмечены в Воронежской губернии и во многих других местах империи. Принимало массовый характер бегство крестьян и раскольников за рубеж. Из западных районов страны и из Новгородской губернии они убегали в Польшу, Лифляндию и Эстляндию. В органах областного и местного управления процветали злоупотребления и взяточничество. Взятки брали губернаторы, воеводы и более мелкие чиновники. До Екатерины дошел даже такой курьезный случай: регистратор Новгородской губернской канцелярии брал себе взятки с бедных людей даже за то, что они присягали на верность новой императрице.

Екатерина II в своих «Записках» пишет: «В 1762 году при вступлении моем на престол я нашла сухопут-

ную армию в Пруссии за две трети жалование не получившею... Внутри империи заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начали присоединяться местами и помещичьи»[9].

Сложным было положение крепостных крестьян, которые либо отбывали свою повинность на барщине, либо были на оброке (в 80—90-х годах первые составляли 56%, вторые—44%). Барщина преобладала в черноземной полосе, расположенной к югу от Оки,— здесь ее отрабатывали до 90% крестьян. В северных, нечерноземных губерниях большее распространение получил оброк. Оброчные крестьяне пользовались некоторой хозяйственной инициативой, но постоянный рост оброка значительно ухудшал их положение. Достаточно сказать, что с 60-х до 90-х годов столетия размер оброка увеличился в 4—5 раз (с 1—2 до 5 руб. на душу).

Наряду с крепостными было еще несколько категорий крестьян. Так называемые государственные крестьяне являлись потомками «черносошных» крестьян. Среди них были и бывшие мелкие служилые люди «по прибору». Экономические крестьяне (бывшие монастырские) после секуляризации в 1764 г. управлялись коллегией Экономии. В центральных районах страны оставалась еще небольшая прослойка дворцовых крестьян. В Сибири, на Урале и Поволжье жили ясачные крестьяне—они платили ясак. Крестьяне этих категорий считались свободными, но тоже находились в зависимости—их эксплуатировало само государство.

В стране продолжало развиваться ремесленное производство—во второй половине XVIII в. оно поставляло на внутренний рынок основную массу промышленных изделий. Помимо старых, традиционных отраслей ремесла—металлообработки, ткачества, обработки кожи, гончарного дела, ювелирного мастерства—появились новые отрасли, вызванные к жизни изменением в повседневной жизни дворян и населения городов. К этим новым видам ремесла относились: изготовление позументов, зеркал, гобеленов, париков, карет и других изделий. На ремесленников русских городов с 1772 г. распространялось цеховое устройство. Чаще это были профессиональные поселения в городах. Кузнецы, кожевники, гончары, плотники и другие ремесленники жили в особых местах посада, имели свои патронажные церкви. На их сходках обсуждались

общие для данного поселения дела. Иногда верховная власть предоставляла таким объединениям посадских людей (братчинам, общинам) право рассмотрения некоторых судебных вопросов. Это были своего рода объединения достаточно самостоятельных товаропроизводителей.

Сведения о цеховом ремесле по Москве и Петербургу показывают высокую степень разделения труда. В Москве в первой половине XVIII в. было 145 цехов, объединявших около 7тыс. человек *. Петербург имел в середине XVIII в. 44 цеха ремесленников, позже — 56 русских и 36 иностранных, где было записано около 7100 человек. Кроме того, в конце XVIII в. здесь было до 4500 посадских, частично также занимавшихся промышленным трудом. Окончательно цеховое устройство было закреплено «Ремесленным положением», которое являлось частью жалованной грамоты 1785 г.

Однако не ремесленное производство, а быстро растущая крупная промышленность представляла собою главные производительные силы страны. К 1767—1769 гг. в стране насчитывалось 655 промышленных предприятий, учтенных Мануфактур- и Берг-коллегией, из них более 496 мануфактур (суконных, полотняных, шелковых, стекольных и пр.) и 159 железоделательных и меднолитейных заводов. В это число не входило большое количество более мелких «заведений». Всего к концу XVIII в. в России действовало 2294 промышленных предприятия.

Все сильнее проявлялось стремление государства передать промышленное строительство и производство в руки частных лиц — купцов и дворян-предпринимателей. Росту числа дворянских вотчинных предприятий способствовали и покровительственная политика правительства, и наличие больших сырьевых возможностей (льна, пеньки, шерсти, кожи, зерна), и избыток даровой рабочей силы, и непрерывно растущий рынок сбыта промышленных изделий. Работа крепостных крестьян на таких предприятиях мало чем отличалась от барщины: условия труда были тяжелыми, а зарплата — мизерной. Низкий уровень оплаты труда большинства работников мануфактур, едва достаточный для их существования, неоднократно от-

* Незадолго до реформы 1861 г. число московских цехов сократилось до 24, но перечень входивших в них специалистов учитывал 283 профессии.

мечался современниками. Тем не менее денежная заработная плата, более или менее гарантированная при нормальной деятельности предприятия, являлась притягательным фактором для обездоленного люда города и деревни. Но, несмотря на абсолютный прирост вотчинных предприятий, к концу столетия их удельный вес заметно упал. Интенсивно осваивались восточные районы империи. Высокий уровень промышленности Урала оттеснил на второй план старые районы металлургии (Тула, Липецк, Кашира — в центре страны; Олонец — на севере). В 1766—1767 гг. из 120 железоделательных заводов 76 работали на Урале. К 70-м годам столетия там было 84 железоделательных, доменных, молотовых и медеплавильных завода. Их продукция составляла 90% выплавки меди и 65% производства черного металла по всей России. В те годы Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна, обогнав такую индустриальную страну, как Англия. В 1800 г. выплавлялось 9,8 млн пудов чугуна. Доменные печи Урала были самыми крупными в мире; их производительность в 1,5 раза превышала производительность доменных печей Англии. На мировом рынке высоко ценилось прочное и антикоррозийное уральское железо. В 1782 г. экспорт железа из России составил 3,8 млн пудов.

В 40—60-х годах началось промышленное освоение Южного Урала. За 30 лет там было построено более 30 заводов. В отличие от Среднего Урала, где использовался преимущественно труд крепостных крестьян, основной рабочей силой на предприятиях Южного Урала были посессионные крестьяне, купленные и приписанные к заводу, и в значительной мере вольнонаемные рабочие. И все же южноуральские заводы не являлись капиталистической мануфактурой.

В России второй половины XVIII в. развивается и капиталистическая мануфактура, особенно в легкой промышленности. В этом отношении характерным был Иваново-Вознесенский текстильный район. В 50-х годах в Иванове и Шуе имелось всего лишь пять полотняных мануфактур, а к концу 80-х годов в Иваново-Вознесенском районе их было уже 52. И только три использовали труд посессионных крестьян, а остальные 49 основывались на труде наемных рабочих, т. е. были капиталистическими. Появились капиталистические мануфактуры и в Костромской губернии. Поставщиком вольнонаемных рабочих для этих

предприятий служило разоряющееся крестьянство. Безлошадные, обездоленные крестьяне, обнищавшие горожане, дети солдат и «разных мелких чинов» — все они пополняли ряды вольнонаемных рабочих. Однако наряду с крестьянами и горожанами все более заметной становится прослойка потомственных рабочих, а также выходцев из новых сословных групп лично свободного населения. Шли на заработки своего рода «середняки» и даже «богатые» (мещанство и купечество), чтобы овладеть мастерством и самим стать предпринимателями. Причинами поступления на предприятие указывали два обстоятельства — «для прокормления и обучения».

Интересно отметить, что создателями капиталистической мануфактуры были не только купцы и дворяне-предприниматели, но и «капиталисты-крестьяне», сами бывшие пока еще крепостными. Сословная принадлежность не всегда, таким образом, означала классовую. В этом сказывались противоречия феодального строя России, в котором зарождались и развивались капиталистические отношения.

Число наемных рабочих, занятых на промышленных предприятиях, неизменно возрастало: за период с 60-х до конца 90-х годов оно увеличилось почти в 2 раза. Менялся характер заработной платы. Определение особым договором срока, на который нанимался рабочий, возможность уйти на другое предприятие, порядок найма «из добровольной платы» — все это было уже элементами отношений зарождающегося буржуазного общества.

Развитие капитализма в России во второй половине XVIII в. сопровождалось дальнейшим развитием всероссийского национального рынка. Рост численности населения, рождение многих новых городов*, отрыв от земледелия большого числа крестьян, превращение целого ряда сел в промышленные центры — все эти объективные факторы создавали условия для развертывания торговли хлебом и другими продуктами сельскохозяйственного производства.

---

* В 1762 г., по данным третьей ревизии, в Великороссии и Сибири проживало 19,2 млн человек. Пятая ревизия, в 1796 г., насчитала на основной территории России 29 млн и на вновь присоединенных землях — 7 млн, т. е. всего 36 млн душ обоего пола. С 1725 г. до начала нового столетия количество городов почти удвоилось — с 336 до 634.

Росло число ярмарок — в 70-е годы их насчитывалось около 1600. Они обрастали целой сетью мелких местных торгов и базаров, собирались все чаще и чаще (до 4—5 раз в год), функционировали до двух месяцев, превращаясь таким образом в экономический центр того или иного района.

Расширение всероссийского рынка способствовало развитию путей сообщения. Помимо основных водных магистралей — Волги с притоками Окой и Камой, Северной и Западной Двины, Ладожского и Вышневолоцкого каналов — разрасталась сеть грунтовых дорог, прокладывались первые шоссейные дороги и тракты. Знаменитый Сибирский тракт проходил от Петербурга и Москвы через всю Сибирь до Байкала. Многоводные сибирские реки — Обь, Енисей, Лена — использовались для грузовых перевозок.

Происходило и территориальное расширение внутреннего рынка. В течение рассматриваемого века территория России возросла с 14 575 тыс. до 16 849 тыс. кв. км. Некоторое время вновь присоединенные земли отгораживались от основной территории таможенными барьерами. После отмены внутренних таможенных сборов к всероссийскому рынку примкнули Украина, Белоруссия, Причерноморье, Приазовье, Кубань и Крым.

Внешняя торговля России была достаточно активной — вывоз товаров существенно превышал их ввоз. Если в 1761—1765 гг. это превышение в денежном выражении составляло 2 млн руб., то в 1791—1795 гг. оно равнялось уже 9,5 млн руб. Характер вывоза тоже менялся — все большее значение приобретал вывоз промышленных товаров. Железо, например, составляло в экспорте России в 1749 г. 6%, в 1758—1766 гг.— 7, а в 1796 г.— 13%. Из всего перечня экспортируемых товаров первые места занимали лен, пенька и пакля (от 20 до 40%), за ними шли юфть, ткани, лес, канаты, щетина, поташ, сало, пушнина. Объем экспортируемого хлеба менялся в зависимости от правительственных запретов на вывоз зерна, связанных с неурожаями и высокими ценами на него на внутреннем рынке. В 60—70-х годах экспорт хлеба начал расти и в начале 90-х годов он реализовался на 2,3 млн руб. Ввозили в Россию преимущественно предметы потребления, спрос на которые предъявляли в основном дворяне. Среди этих потребительских товаров были сахар, сукно, хлопчатобумажные ткани, шелка, вина, фрукты,

пряности, краски, металлические изделия, парфюмерия. Возрастало число торговых партнеров России. Среди них первое место неизменно оставалось за Англией. Крепли торговые связи России с Китаем. Русско-китайская торговля шла через Кяхту — русскую торговую слободу Забайкальской области, расположенную на речке Кяхте, в 80 саженях от пограничной китайской слободы Маймачен. Вывозились в Китай кожи, меха и промышленные изделия; ввозились — шелковые и хлопчатобумажные ткани, чай и фарфор. Торговля с Китаем имела для жизни Сибири важное значение. Внешняя торговля по Каспийскому морю укрепила связи с народами Северного Кавказа и Закавказья. Усилился привоз из Ирана шелка и для внутреннего потребления, и для транзита в Европу.

Отдавая отчет в трудности своего положения, избегая столкновения с дворянами, давшими ей трон и корону, желая сгладить впечатление захвата власти и стать популярной в чужом отечестве, императрица посвятила себя и свою политику служению интересам этого класса. Стремление правительства помочь дворянству приспособить свое хозяйство к развивающимся товарно-денежным отношениям и преодолеть отрицательное воздействие формировавшегося капиталистического уклада на крепостную вотчину составляло важнейшее направление политики Екатерины II во второй половине XVIII в. Начатая предшественниками, эта политика получила в ее царствование еще более широкий размах.

Источником роста дворянского землевладения и душевладения являлись пожалования. Щедроты императрицы превзошли все, с чем была знакома история предшествующего времени. Участникам переворота, обеспечившим ей трон, она пожаловала 18 тыс. крепостных и 86 тыс. руб. наградных. За время своего царствования она раздала дворянам 800 тыс. крестьян обоего пола.

Целям укрепления монопольных прав дворян на землю был подчинен указ о запрещении промышленникам покупать к своим предприятиям крепостных крестьян. До тех пор пока дворяне не занимались предпринимательством, промышленники широко пользовались правом покупки крестьян к заводам. Стоило помещикам построить в своих вотчинах суконные и полотняные мануфактуры, как правительство лишило купцов этой привилегии.

Екатерина, возведенная на престол дворянской гвардией, знала, что дворянство не довольствовалось законом о вольности дворянской, а требовало расширения и укрепления своих прав как господствующего сословия. Новую привилегию дворяне обрели в манифесте «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Обнародованный Петром III в 1762 г. указ был подтвержден Екатериной II. Отныне дворянин мог уволиться в отставку в любое время, мог вообще нигде не служить.

Предполагалось, что дворяне, освободившись от службы в казармах и канцеляриях, ринутся в деревню, чтобы самим управлять вотчинами, а не через приказчиков и внедрять хозяйственные улучшения. Так как в руках дворянства сосредоточивалось громадное количество земли, самой производительной силы в тогдашнем народном хозяйстве, то ему и предстояло стать руководителем всего народного хозяйства, освободившись от службы. Но наличие крепостных крестьян в дворянском хозяйстве — возможность все получить даром, посредством приказа — объясняет отсутствие предприимчивости, равнодушие к техническим знаниям и усовершенствованию приемов хозяйствования многих дворян в своих имениях. Каждая новая хозяйственная потребность помещика обычно удовлетворялась путем установления нового налога на крепостные души.

В то же время не надо забывать, что именно в эпоху Екатерины появились такие оригинальные помещики-хозяева, как А. Т. Болотов, ставший одним из основателей русской агрономической науки, автор многих статей по агрономии, ботанике, организации помещичьего хозяйства.

Под покровительством Екатерины ее ближайшими приближенными в 1765 г. в Петербурге было учреждено Вольное экономическое общество, стремившееся рационализировать сельское хозяйство и повысить производительность крепостного труда.

В 1765 г. манифестом правительства было начато генеральное межевание. Попытка осуществить его в 1754 г. не увенчалась успехом. Вызванное стремлением упорядочить земельные владения в связи с общим оживлением экономики и расширить дворянское землевладение путем ликвидации вольных крестьянских заимок и легализации помещичьих захватов казенной земли, генеральное межевание устанавливало,

что фактическое владение на 1765 г. должно служить основанием для закрепления права на будущее. Этому процессу сопутствовала продажа из казны помещикам по дешевой цене степных земель, не имевших «законных» владельцев.

Главная черта Екатерины II как государственного деятеля выражалась в полной и откровенной поддержке правящего класса дворян. Она, как никто другой из правителей, укрепила крепостное право в России.

Указы 60-х годов венчают крепостническое законодательство, превратившее крепостных крестьян в людей, совершенно беззащитных от произвола помещиков. Указ, изданный на шестой день по воцарении Екатерины, обнадеживал помещиков в их «ненарушимом обладании» имениями и крестьянами. Другой указ, опубликованный в 1763 г., возлагал содержание воинских команд, присланных на подавление крестьянских выступлений, на самих крестьян. Указ преследовал назидательные цели — «дабы другие, боясь его, к тем ослушникам не приставали». Согласно указу 17 января 1765 г., помещик мог отправить крестьянина не только в ссылку, но и на каторгу, причем срок каторжных работ устанавливался им самим; ему же предоставлялось право в любое время вернуть сосланного с каторги. Очередной указ 1767 г. запрещал крестьянам жаловаться на своего барина. Всякая челобитная крепостного приравнивалась к ложному доносу на помещика; была определена и мера наказания ослушникам — ссылка в Нерчинск.

Законодательным актом Екатерины II, вызванным стремлением увеличить государственный земельный фонд, который затем можно будет раздавать в качестве пожалований дворянству, была секуляризация населенных церковных земель. Вступив на престол, Екатерина отменила указ о секуляризации, изданный еще при Петре III, в 1762 г., боясь, что проведение его в жизнь вызовет противодействие со стороны духовенства. Прошло два года, и императрица вновь вернулась к этому вопросу. Убедившись, что авторитет духовенства совсем невелик, что дворяне сочувствуют секуляризации, видя в церковных имениях источник будущих пожалований, она восстановила указ Петра III. Облегчили императрице решение этой задачи и волнения монастырских крестьян, отказывавшихся повиноваться братии. В феврале 1764 г. был опубликован указ о секуляризации вотчин церквей, мона-

стырей и архиереев. Для управления бывшими монастырскими крестьянами была учреждена коллегия Экономии, а для содержания «штатных» * монастырей установлен особый рублевый сбор.

Важным результатом секуляризации явилось улучшение положения бывших монастырских крестьян. Работа на монастырской барщине была заменена денежным оброком, что в меньшей мере регламентировало хозяйственную деятельность крестьян. Последние получили в свое пользование и часть монастырских земель.

В 1771 г. для прекращения публичной торговли крестьянами издан был указ-закон, запрещавший продажу крестьян без земли за долги помещиков с публичного торга. Но закон остался лишь на бумаге, и Сенат не настаивал на его исполнении.

Историк В. О. Ключевский был осторожен в публичных оценках коронованных особ русского самодержавия. Но в записках, сделанных им для себя, откровенно заметил: «При Екатерине II когти правительства остались те же волчьи когти, но они стали гладить по народной коже тыльной стороной, и добродушный народ подумал, что его гладит чадолюбивая мать» [10].

При этом следует подчеркнуть, что Екатерина широко использовала социальную демагогию. Она любила пофилософствовать об «общем благе», о «всеобщем благоденствии» народа.

В своих замечаниях на «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева императрица с явным раздражением написала: «На 147 стр. едит оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лутчее судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной» [11].

Описывая состояние своих подданных, Екатерина не гнушалась грубым обманом. В письме Вольтеру она писала: «Впрочем, в России подати столь умеренны, что нет у нас ни одного крестьянина, который бы, когда ему ни вздумалось, не ел курицы, а в иных Провинциях с некоторого времени стали предпочитать курицам индеек» [12]. После таких заявлений Екатерины у А. С. Пушкина были все основания назвать ее «Тартюфом в юбке и короне».

Крепостные крестьяне часто давали отпор не в меру жадным помещикам. На социальную демагогию и жестокость дворян они отвечали тем, что жгли

---

* Реформа повлекла за собой упразднение более половины существовавших в России монастырей: из 881 оставлено 385.

барские усадьбы, убивали своих господ и их управляющих и стихийно поднимались на вооруженное восстание против засилья крепостничества.

Образование и умственное развитие Екатерины, начатое в духе передового для того времени французского просвещения еще на родине благодаря французским воспитательницам, было завершено ею самой. Она демонстративно выставляла напоказ заимствованные у французских авторов воззрения.

Принимая во внимание влияние философов на европейское общественное мнение, Екатерина II старалась привлечь их на свою сторону. Оставаясь непонятыми коронованными особами Франции — родины Просвещения, Дидро, Вольтер, Даламбер и другие просветители вели оживленную переписку с русской императрицей. Среди ее корреспондентов были Фридрих II, Иосиф II, Вольтер, Дидро, знаменитый скульптор Фальконе, публицист и дипломат барон Ф. Гримм. Переписка с прославленными философами создавала Екатерине репутацию образованной и свободолюбивой правительницы. Философам тоже было не только лестно, но и важно иметь богатых и коронованных поклонников и поклонниц, поэтому они смотрели сквозь пальцы на противоречия, возникавшие при обмене мнениями со своими высокопоставленными корреспондентами. Вольтер, в частности, насквозь видел Екатерину — он понимал, что она писала не столько ему, сколько всей Европе. Подписавшись на посмертное издание сочинений Вольтера (умер в 1778 г.), Екатерина поручила своему секретарю проштудировать их содержание и сделать замечания. Но когда это поручение было исполнено, она даже не заглянула ни в книги великого покойника, ни в заметки своего секретаря.

Дружеские отношения Екатерины со знаменитым энциклопедистом Дидро начались через девять дней после ее воцарения. Эту связь горячо поддерживали княгиня Екатерина Дашкова и русский посол в Париже князь Д. А. Голицын, бывший приятелем Дидро. Чтобы оказать услугу Дидро, Екатерина купила у него библиотеку, оставила ее ему в пожизненное пользование и уговорила его быть у нее библиотекарем с пенсионом 1000 франков в год. Через два года она забыла об этом, а когда поднялся неприятный великосветский разговор, приказала выдать Дидро не только накопившуюся пенсию, но и обещанную ему сумму за 50 лет вперед. В 1773 г. Дидро предпринял путешествие в Пе-

тербург. Екатерина обставила эту поездку всевозможными удобствами, но после нескольких встреч и бесед они остались равнодушны друг к другу.

Переписка Екатерины с Гриммом продолжалась с 1774 по 1796 г. К этому, вероятно, были причины, поскольку известно, что Гримм в общей сложности получил от Екатерины около 500 тыс. руб. Однако о нем как о наиболее постоянном корреспонденте русской императрицы плохо отзывались современники.

Считая себя ученицей просветителей, Екатерина представляла свою деятельность как направленную на просвещение русского народа, на деле же это было целеустремленное укрепление самодержавия. Однако переписка с просвещенными иностранцами создала Екатерине в Западной Европе славу представительницы просвещенного абсолютизма.

К несомненной заслуге императрицы следует отнести ее борьбу против применения в русском судопроизводстве пыток. Здесь кроме влияния французских просветителей на нее сильное впечатление произвело знакомство с делом Артемия Волынского. Екатерина собственноручно написала особую записку, обращенную «сыну моему и всем потомкам». «Советую и поставляю читать сие Волынского дело,— подчеркивала императрица,— от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого беззаконного примера... Еще из сего дела видно, сколь мало положиться можно на пыточные речи, ибо до пыток все сии несчастные утверждали невиновность Волынского, а при пытке говорили все, что злодеи их хотели. Странно, как роду человеческому пришло на ум лучше утвердительнее верить речи в горячке бывшего человека, нежели с холодною кровию; всякий пытаный в горячке и сам уже не знает, что говорит. И так отдаю на рассуждение всякому, имеющему чуть разум, можно ли верить пыточным речам и на то с доброю совестью полагаться»[13].

Наиболее яркими проявлениями политики просвещенного абсолютизма явились Комиссия по составлению проекта нового Уложения и «Наказ», написанный Екатериной II специально для депутатов этой Комиссии. Действовавшее Соборное Уложение 1649 г., принятое еще при Алексее Михайловиче, безнадежно устарело. Еще Петр I для составления нового свода законов в 1700 г. образовал специальную Палату из

) *служилых людей — бояр, окольничих, думных дво-*
ян и дьяков. Палата работала три года, составила
овоуложенную книгу, написала «предисловие» и «ма-
ифест». Но все эти документы не были обнародо-
аны, а Палата была распущена. В 1714 г. учреждается
овая законодательная Комиссия. Она проработала
о 1718 г., составила только 10 глав нового Уложения,
осле чего тоже была упразднена. В 1718 г. Петр I
ешил создать Уложение *на основании русских, швед-*
ких и датских законов, для чего в 1720 г. образовал
Комиссию из трех иностранцев и пяти русских членов.
Позже в нее были добавлены члены от магистрата
Синода. Однако и эти «законодатели» без особых
езультатов протянули до смерти Екатерины I и сами
обою разошлись. При Петре II снова возникла мысль
необходимости создания свода законов. В мае 1728 г.
ерховный тайный совет предписал «выслать к Москве
з офицеров и из дворян добрых и знающих людей
з каждой губернии, кроме Лифляндии, Эстляндии
Сибири, по пяти человек за выбором от шляхетства».
ыборы оказались неудачными, и съехавшиеся к 1 ян-
аря 1729 г. выборные были отпущены по домам. Но-
ые выборы проходили под контролем губернаторов.
Избранные депутаты собрались уже во время прав-
ения Анны Иоанновны и, по-видимому, тоже были
аспущены, так как 1 июня 1730 г. появился новый
каз о немедленном завершении начатого Уложения,
ля чего надлежало «определить к тому добрых
знающих людей, выбрав из шляхетства, духовенства
купечества». Поскольку в этот раз большинство де-
утатов не смогли вовремя приступить к работе, пра-
ительство образовало Комиссию из чиновников. По-
ледняя действовала в продолжение всего правления
Анны Иоанновны, перешла в царствование Елизаветы
без каких-либо видимых результатов закончила свое
уществование около 1744 г. 28 июня 1754 г. была
чреждена — уже в который раз! — новая Комиссия из
осьми членов. Она распалась на общую и частные
одкомиссии, которые состояли при коллегиях. Общая
Комиссия закончила основную часть своих работ (о
уде, о делах уголовных, о правах состояний), но они
е были утверждены императрицей. В 1760 г. Комис-
ия обратилась в Сенат с предложением созвать съезд
представителей разных сословий для подготовки про-
кта нового Уложения. Сенат согласился с этим, и да-
той съезда депутатов было назначено 1 января 1762 г.

Однако выборы затянулись, депутаты собирались медленно и долго оставались без дела. С переездом Екатерины в Москву для коронации туда последовали и съехавшиеся депутаты. Но их работа не начиналась. Тогда они обратились с просьбой отпустить их по домам. Эта просьба была удовлетворена в январе 1763 г.

При таком положении дел у Екатерины II были все основания сказать, что во время ее восшествия на престол Россия не имела надлежащих законов. И потому естественно, что у нее появилось желание собственноручно заняться проблемой законодательства — просвещенная императрица хотела показать себя всей Европе. Используя идеи французских энциклопедистов, она начала писать «Наказ» Комиссии по составлению Уложения. «Два года она читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова, последуя единственно уму и сердцу своему с ревностным желанием пользы, чести и счастья империи...» [14] В половине 1766 г. Екатерина завершила свою работу, показав ее на первых порах только Никите Панину и Григорию Орлову. «Екатерина II умела не только сообразовать дела своего царствования с запросами времени, но и обставить их пышной декоративной обстановкой и помпезным блеском с ловким подчеркиванием материнских своих забот о подданных» [15].

Материалом для «Наказа» послужили «Дух законов» Монтескье* и «О преступлениях и наказаниях» Беккариа**. Все заимствования делались либо буквально, либо в виде компиляции. По этому поводу в 1765 г. сама Екатерина писала Даламберу, что вскоре пришлет ему рукопись своего сочинения, из которого «увидите, как в нем для пользы моего государства я ограбила президента Монтескье, не называя его: но надеюсь, что если он с того света увидит мою работу, то простит мне этот плагиат во имя блага двадцати миллионов людей, которое должно от этого произойти. Он слишком любил человечество, чтобы обидеться на меня. Его книга для меня молитвенник» [16].

---

* *Шарль Луи Монтескье* (1689—1755) — французский просветитель, правовед, философ. Выступал против абсолютизма. Утверждал, что законодательство зависит от формы правления. Автор «Персидских писем» (1721) и «Духа законов» (1748).

** *Чезаре Беккариа* (1738—1794) — итальянский просветитель, юрист, публицист. Его трактат «О преступлениях и наказаниях» (1764) сыграл важную роль в формировании буржуазного уголовного права.

«Наказ» имел 22 главы и введение. В них Екатерина излагала свои взгляды на такие важные вопросы, как монархическая власть, законы, преступления и наказания, народное хозяйство, воспитание, наследственное право, суд и расправа, наследие и кодификация. И самой острой оставалась в «Наказе» проблема крепостного права. «Но здесь нужно заметить, что, черпая у Монтескье и Беккариа материал для своей работы, Екатерина заимствовала у них скорее отдельные мысли и статьи, нежели общий дух их учения. Можно сказать, что она смотрела на них с точки зрения философии Вольтера и в то же время сквозь призму практических соображений старых русских консерваторов. *Этим и объясняется разнохарактерность ее работы*, хотя мысль ее почти везде выражена достаточно ясно»[17].

Екатерина хотела выслушать мнения русских людей о существующих законах и о средствах исправить то, что казалось им дурным; но в то же время она, считая себя представительницею европейского образования, давала им свод мнений, добытых наукою, о возможно лучшем устройстве человеческих обществ, не скрывая, что желаемое ею устройство должно соответствовать настоящим потребностям страны и народа.

Что касается правительственной формы, то первое условие страны — ее чрезвычайная обширность — требовало самодержавия: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностью мест причиняемое»[18].

Взгляд на уголовные преступления и наказания занимал видное место в «Наказе». «Последуем природе, давшей человеку стыд вместо бича, и пускай самая большая часть наказания будет бесчестие, в претерпении наказания заключающееся»,— писала автор «Наказа». Вооружаясь против заключения человека, преступление которого не доказано, императрица писала: «Брать под стражу есть наказание, которое от всех других наказаний тем разнится, что оно по необходимости предшествует судебному объявлению преступления... Взять человека под стражу не что иное есть, как хранить опасно особу гражданина обвиняемого, доколе учинится известно, виноват ли он или невино-

вен. Итак, содержание под стражею должно длиться сколь возможно меньше и быть толь снисходительно, коль можно. Приговоры судей должны быть народу ведомы, так как и доказательство преступлений, чтобы всяк из граждан мог сказать, что он живет под защитою законов» [19].

Екатерина, продолжая начатое еще Елизаветой Петровной, стремилась ограничить пытку как способ укоренившегося судебного доказательства: «Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению... Обвиняемый, терпящий пытку, не властен над собою в том, чтоб он мог говорити правду. Чувствование боли может возрасти до такой степени, что... невинный закричит, что он виноват, лишь бы только мучить его перестали... По сему пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать беззаконного, на силы и крепость свою уповающего» [20].

На поставленный в «Наказе» вопрос, смертная казнь полезна ли и нужна ли в обществе для сохранения безопасности и доброго порядка, был дан следующий ответ: «Опыты свидетельствуют, что частое употребление казней никогда людей не сделало лучшими... А при спокойном царствовании законов и под образом правления, соединенными всего народа желаниями утвержденным, в государстве, противу внешних неприятелей защищенном и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, т. е. силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках самодержца, в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимати жизнь у гражданина» [21].

Демонстрируя свои передовые взгляды, в статьях «Наказа», посвященных наказаниям по делам оскорбления величества, Екатерина писала: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному... Иногда молчание выражает больше, нежели все разговоры... Запрещают в самодержавных государствах сочинения очень язвительные, но оные делаются предметом, подлежащим градскому чиноправлению, а не преступлением; и весьма беречься надобно изыскания о сем далече распространять, представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение, а сие ничего иного не произведет, как невежество, опровергнет дарование разума человеческого и охоту писать отнимет» [22].

14 декабря 1766 г. императрица объявила манифест о созыве Комиссии по составлению нового Уложения. Манифест имел приложение, в котором устанавливался порядок выборов депутатов — членов Комиссии. Последние избирались в следующем количестве: от дворян каждого уезда — по одному депутату; от жителей каждого города — по одному депутату; от однодворцев каждой провинции — по одному депутату; от пахотных солдат и разных служилых людей каждой провинции — по одному депутату; от государственных крестьян каждой провинции — по одному депутату; от инородцев каждой провинции на равных началах — по одному депутату; от чиновников каждого центрального учреждения — по одному депутату; число депутатов от Войска Запорожского и от казацких войск определяли их высшие командиры.

Духовенство было представлено одним депутатом от Синода. Большая же часть населения страны — *крепостные крестьяне — была лишена права посылать* в Комиссию своих представителей. Возраст депутатов устанавливался не моложе 25 лет. Избранные ото всех сословий члены Комиссии с наказами своих избирателей должны были собраться в Москве в конце июля 1767 г. Всего в Комиссию вошло: городских депутатов — 208, дворянских — 161, от свободных крестьян — 79, от казаков — 54, от иноверцев — 34 и от центральных учреждений — 28.

Перед опубликованием «Наказа», когда большинство депутатов Комиссии уже прибыли в Москву, Екатерина выбрала из них «разных персон, вельми разномыслящих» и предложила им не только внимательно ознакомиться с содержанием проекта «Наказа», но и вычеркнуть из него все то, что они находят неподходящим к русским условиям. Весьма знаменательно, что выбранные императрицей «разномыслящие персоны» — имущие сословия исключили из ее «Наказа» более половины статей. При этом особенному сокращению подверглись статьи о свободе крестьян, о собственном крестьянском суде, об освобождении крестьян в случае жестокости их помещиков, об отделении законодательной власти от судебной и о злоупотреблениях, происходящих от их смешения.

Рассуждения императрицы о привычках и нравах русских дворян, их жестокости по отношению к своим крепостным встречаются в ее «Записках»: «...вообще все дворянство тогда еще более, чем теперь, с величай-

шим трудом покидало Москву, это излюбленное ими всеми место, где главным занятием является безделие и праздность и где они охотно проводили бы всю жизнь в том, чтобы таскаться целый день в карете шестериком, раззолоченной не в меру и очень непрочно сработанной, этой эмблеме плохо понимаемой роскоши, которая там царит и скрывает от глаз толпы нечистоплотность хозяина, беспорядок его дома вообще и особенно его хозяйства. Нередко можно видеть, как из огромного двора, покрытого грязью и всякими нечистотами и прилегающего к плохой лачуге из прогнивших бревен, выезжает осыпанная драгоценностями и роскошно одетая дама в великолепном экипаже, который тащат шесть скверных кляч в грязной упряжи, с нечесанными лакеями в очень красивой ливрее, которую они безобразят своей неуклюжею внешностью. Вообще и мужчины и женщины изнеживаются в этом большом городе; они там видят [только пустяки] и занимаются лишь пустяками, которые могут опошлить и самого выдающегося и гениального человека. Повинуясь, так сказать, только своим капризам и фантазиям, они обходят все законы или плохо их исполняют, обрекая себя тем самым на то, чтобы никогда не выучиться повелевать, или на то, чтобы стать деспотами. Предрасположение к деспотизму выращивается там лучше, чем в каком-либо другом обитаемом месте на земле; оно прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления. Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать каменьями... даже граф Александр Сергеевич Строганов, человек самый мягкий и в сущности самый гуманный, у которого доброта сердца граничит со слабостью, как даже этот человек с негодованием и страстью защищал дело рабства, которое бы должен был изобличать весь склад его души. Не мне, впрочем, решать, была ли ему эта роль внушена, или она вытекала из низости, но я привожу этот пример, как один из тех, которые показались мне наиболее поразительными. Все, что можно сказать, это то, что если он

грешил, то по крайней мере с полным сознанием, а сколько было таких, которыми руководил предрассудок или плохо понимаемая выгода! Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди» [23]. Встретив сопротивление дворянских депутатов, она отказалась от своих прогрессивных предложений. «...Чего только я не выстрадала от такого безрассудного и жестокого общества,— вспоминала Екатерина,— когда в комиссии для установления нового Уложения стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, и когда невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать, ибо слишком высоко оценивала тех, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могут привести к некоторому улучшению в настоящем положении земледельцев (имеются в виду помещичьи крестьяне.— *Авт.*)» [24].

«По собрании депутатов в Москву, в числе 652, всем даны для ношения в петлице на золотой цепочке овальные медали, с изображением на одной стороне вензелевого Имп-ого Вел-ва имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорской короной, с надписью: «Блаженства каждого и всех», а внизу «1766 год, декабря 14 день»; и дан указ, коим все депутаты навсегда избавляются от смертной казни, пыток и конфискации их имений, кроме собственных долгов, особа же их во время заседания охраняется от всяких обид двойным штрафом против равных им чиновников» [25].

30 июля депутаты были представлены императрице, а 31 июля в Грановитой палате Московского Кремля состоялось первое заседание Комиссии, на котором генерал А. И. Бибиков по рекомендации Екатерины был избран председателем. Ему принадлежала руководящая роль в Комиссии — он назначал заседания, вносил предложения, ставил их на голосование. Кроме председателя, никто из членов Комиссии не имел права вносить предложения. По всем вопросам работы Комиссии Бибиков совещался с генерал-прокурором А. А. Вяземским. Дела решались большинством голосов. Согласно принятому порядку, перед началом каждого заседания читался «Наказ» императрицы по его отдельным главам.

Существует свидетельство, что сама императрица секретно присутствовала в зале заседаний и лично выслушивала происходившие там прения. Для этого

часть зала была отгорожена большими ширмами, за ними и было поставлено кресло для Екатерины.

В соответствии с манифестом от 14 декабря депутаты прибыли в Москву с наказами от своих избирателей. Интересно отметить, что этих наказов было значительно больше, чем самих депутатов. Особенно это было характерно для представителей более низких сословий. Так, 167 депутатов от крестьян, казаков и иноверцев привезли в Комиссию 1066 наказов. Весьма знаменательным является и тот факт, что наказы, полученные Комиссией от населения, находились по своему содержанию в вопиющем несоответствии с «Наказом» императрицы. Это красноречиво говорит о том, что Екатерина, с таким усердием переписавшая Монтескье и Беккариа, была очень далека от реальной жизни огромного большинства русского народа, от его нужд и чаяний.

Комиссия заседала в Москве до 14 декабря 1767 г. Работа ее отличалась очень слабой подготовкой и отсутствием продуманной системы. Например, семь ее первых заседаний были посвящены чтению большого «Наказа», «обряда управления» и вопросу поднесения Екатерине II титула «великой, мудрой матери отечества». Во время следующих восьми заседаний было прочитано и обсуждено 12 крестьянских наказов. Потом 10 заседаний были заполнены чтением и обсуждением законов «о правах благородных». В продолжение 36 заседаний читались законы о купечестве и обсуждались предложения о лифляндских и эстляндских привилегиях.

Екатерина хотела слышать откровенные голоса различных сословий русского народа, хотела познакомиться, по тогдашнему выражению, с умоначертанием народным, в среду которого хотела провести начала, выработанные современною мыслию и современною наукою; хотела познакомиться с умоначертанием народа, чтобы испытать почву, прежде чем сеять, испробовать, что возможно, на что будет отклик и чего еще нельзя начинать.

Сословие дворянское при этом представляло двойственность, разделение на два лагеря — людей старых и людей новых родов и фамилий. В Грановитой палате послышались голоса против закона Петра Великого, по которому дослужившийся до известных чинов тем самым становился дворянином. Депутат от ярославского дворянства князь М. М. Щербатов, выступая,

объяснял, что Петра Великого к такому решению принудили обстоятельства времени, но теперь от изменения нравов такие положения не только не полезны, но и вредны. «...Первым объяснением имени дворянина будет то, что он такой гражданин, которого при самом его рождении отечество, как бы принимая в свои объятия, ему говорит: ты родился от добродетельных предков; ты, не сделавший еще ничего мне полезного, уже имеешь знатный чин дворянина; поэтому ты более, чем другие, должен показать мне и твою добродетель, и твое усердие»,— говорил М. М. Щербатов, защищая и оберегая прерогативы старого дворянства и противопоставляя ему нравы нового, нарождающегося: «Такие люди, дабы дослужить до офицерского чина и чрез то приобрести звание дворянина, зная, что это зависит от власти, каждого командира, не откажутся льстить его страстям и употреблять другие низкие способы для снискания его благоволения, что, конечно, послужит ко вреду нравов их самих и их начальников» [26].

Многие депутаты были согласны с мнением князя М. М. Щербатова и дополняли его мысли, говоря о том, что вышедшие из посадских и подьячих в офицерские чины люди покупают большие деревни, строят фабрики и заводы, а через это делается подрыв природному дворянству в покупке деревень. «Мое мнение, чтобы запретить пользоваться правом дворянства и покупать деревни тем, которые не из дворян»,— говорил депутат ржево-володимерского дворянства Игнатьев.

Мнение противоположной стороны выразил депутат Изюмской провинции Зарудный: «...думать об отнятии дворянского достоинства, заслуженного многотрудною и полезною отечеству военною службою, понесенными трудами, претерпенными ранами и даже лишением жизни, равным образом приобретенного ежечасными трудами и честностью по статской службе, думать, говорю, об отнятии достоинства у тех, кому оно уже пожаловано и утверждено, мне кажется, несовместно ни с общею дворянства пользою, ни с тем благоденствием, о котором всемилостивейшая наша государыня изволит прилагать попечение, ни с тем наставлением, которое ее в-ство преподала в своем «Наказе», т. е. взаимно делать друг другу добро сколько возможно» [27].

Владение деревнями, крестьянами, господство в собственном смысле было тем дорогим правом, с ко-

торым старое дворянство не хотело делиться с новым, выслужившимся недавно шпагою или пером, но две эти соперничающие стороны были едины в своем нерасположении к людям, которые не выслуживали дворянство ничем и, несмотря на это, пользовались драгоценным правом иметь деревни и владеть крепостными крестьянами: это были заводчики и фабриканты. Воспользовавшись правом покупать под заводы и фабрики деревни, многие из них, видя себя владельцами деревень, стали пренебрегать фабриками, а пользоваться помещичьими доходами; другие, забрав всех крестьян в работу на свое предприятие, нисколько не заботятся ни о земледелии, ни о самих крестьянах, что часто приводит к бунтам, поэтому «не угодно ли будет купленные купцами деревни у них взять, распорядясь так, чтоб их в убытке не оставить»,— говорилось в наказе от ярославского дворянства своему депутату князю М. М. Щербатову.

Участвуя в работе Комиссии, дворяне громко заявляли о необходимости предоставить им право участия в областных судах и управлении. В наказах дворянства содержались просьбы о позволении «каждые два года иметь съезд в своем уезде и на нем рассуждать и рассматривать, все ли в уезде исполняется по законам, не бывает ли кому притеснения от судебных мест, от квартирующихся и проходящих полков или от кого бы то ни было, и если усмотрят какие-нибудь беззаконные действия и притеснения дворянам и крестьянству, то чрез избранного депутата представлять в Сенат».

Если дворянство требовало для себя исключительного права владеть крестьянами, то купцы требовали такого же исключительного права производить торговлю. Депутат от купечества Рыбной слободы (Рыбинска) Алексей Попов требовал: «Предоставить купцам право устраивать фабрики и заводы, покупать к ним крестьян для исправления потребных работ... Дворянству не дозволять торговать и ни у кого, ни под каким видом, покупать купеческое право, ибо дворянство имеет свое собственное право, заключающее в себе большие преимущества, и носить драгоценное дворянское имя... Им следует предоставить продажу только того, что производится в их вотчинах по их хозяйству, не дозволяя ничего скупать у других... надлежит иметь старание о приведении в лучшее состояние земледелия их крестьян...»

Депутат от Коммерц-коллегии Сергей Меженинов, *выступая по поводу споров, кому заводить фабрики* — дворянам или купцам, сказал: «Пускай бы все искали

своей пользы, и в этом нет никакого стыда; только бы один другому не давали помешательства. Всего бы лучше было, если бы дворяне заводили такие фабрики, каких еще не существует в России. Но наш русский народ в этом случае подобен птицам, которые, найдя кусок хлеба, до тех пор одна у другой его отнимают, пока, раскроша все самые мелкие крупинки, смешают их с песком или землею и совсем растеряют»[28].

Общим требованием государственных или черносошных крестьян было улучшение суда: «Мы, как народ безгласный и несведущий в законах, продавая последнее, нанимаем для хождения по делам поверенных, а эти поверенные как челобитчика, так и ответчика обманывают и разоряют...»[29] Наказы этой категории русского общества содержали требования предоставить право решать незначительные дела по долгам, разбирать домашние ссоры, делить сенокосы и пр. своим старостам. Депутат от новокрещеных вотяков считал неудобным определять в судьи к крестьянам дворян или чиновников на жалованье, потому что они поступают по своим обычаям — требуют от крестьянина подвод, съестного, а если он начинает что-нибудь говорить, то его бьют как будто за неучтивость.

Крепостные крестьяне не были представлены в Комиссии. Однако в депутатских наказах от правительственных мест была одна статья, относящаяся к облегчению участи крепостных,— статья «о учинении закона, как поступать в случае того, когда от побой помещиков случится людям смерть». Депутат Коробьин, выступая по вопросу о беглых, сказал, что причины бегства, как *правило, жестокое обхождение помещиков с крестьянами*, слишком большие оброки, указал случаи, когда помещики отнимали у крестьян добытое трудом имущество. Коробьин предлагал ограничить власть помещиков над имением крестьян, но его почти никто не поддержал.

«Владеть людьми, иметь рабов считалось высшим правом, считалось царственным положением, искупавшим всякие другие политические и общественные неудобства... Право было так драгоценно, положение так почетно и выгодно, что и лучшие люди закрывали глаза на страшные злоупотребления, которые естественно и необходимо истекали из этого права и положения»[30],— писал историк С. М. Соловьев.

Этого права требовали дворяне, купечество, духовенство и казаки. Екатерина, собрав в Комиссию представителей этих слоев населения, выслушав их, поняла,

что почва «для освобождения крепостных крестьян... оказалась совершенно неудобною», и, успокоившись по этому поводу, «предоставила времени удобрение почвы посредством нравственно-политического развития народа». «Комиссия уложения,— говорит Екатерина в своих записках,— быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись до́лжно»[31].

В последних числах декабря Комиссия из Москвы переехала в Петербург. Там она продолжала работать с 18 февраля до 18 декабря 1768 г., после чего последовал указ о ее временном роспуске в связи с началом русско-турецкой войны. «Временный роспуск», как потом выяснилось, оказался постоянным — больше депутаты уже не собирались.

Комиссия не выполнила своей прямой и непосредственной задачи — она не только не выработала новый кодекс законов устаревшего Уложения 1649 г., но даже не закончила рассмотрения всех вопросов, подлежавших ее обсуждению. Поэтому и причина ее роспуска, приведенная в указе, выглядела малообоснованной. И действительно, Екатериной руководили другие соображения. Во-первых, стало очевидным, что Комиссия не способна выработать новый кодекс законов. Во-вторых, императрица уже получила от многочисленных заседаний депутатов то, что хотела: она выяснила положение и настроения различных классов русского общества, убедилась в том, что дворянство полностью ее поддерживает и является ее главной социальной опорой, а олигархические устремления некоторой части аристократов не имеют поддержки со стороны широких слоев дворянства. В-третьих, созыв Комиссии помог ей решить и другую важную политическую задачу — укрепить в значительной мере авторитет правительства и самой просвещенной императрицы. И последнее — на заседаниях депутатов выявились острые классовые противоречия. Екатерина, разумеется, не хотела, чтобы официальная правительственная Комиссия превратилась в арену открытых социальных столкновений.

Была, впрочем, еще причина, мешавшая Комиссии выполнить свое назначение: большинство ее членов не имели никакого представления о том, для чего они созваны, и так и не поняли этого до конца.

Екатерина постепенно разочаровывалась в своей Комиссии и в конце концов начала открыто ею тяготиться.

Однако, подводя итог истории разработки Екатериной «Наказа», результаты деятельности первого съезда депутатов от многих сословий, следует отметить, что в историографии существует два основных мнения, весьма отличающихся друг от друга. Выразителем одного из них можно назвать Льва Толстого. Будучи 19-летним студентом Казанского университета, он по совету известного профессора-юриста Д. И. Майера (1819—1856) углубился в сравнение «Духа законов» Монтескье с «Наказом» императрицы. Будущий великий русский писатель и мыслитель пришел к выводу, что документу присуща противоречивость. Екатерина оправдывает монархию, утверждая, что свобода существует при повиновении законам, данным монархом; но свобода при повиновении законам, не от народа данным, не есть свобода. Сделав в своем «Дневнике» подробный разбор «Наказа», Толстой пришел к такому выводу: «Вообще о Наказе Императрицы Екатерины можно сказать следующее.— В нем... везде мы находим два противоположных начала — дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма, от которого тщеславие ея заставляло ее не отказываться...»

Она республиканские идеи «употребляла как средство для оправдания деспотизма... При первом взгляде на этот наказ мы узнаем, что это был плод ума женщины, которая, несмотря на свой великий ум, на свои возвышенные чувства, на свою любовь к истине, не могла подавить своего мелочного тщеславия, которое помрачает ее великие достижения.— Вообще мы находим в этом произведении более мелочности, чем основательности, более остроумия, чем разума, более тщеславия, чем любви к истине, и наконец более себялюбия, чем любви к народу... В заключение скажу, что Наказ этот принес больше славы Екатерине, чем пользу России»[32].

Эту оценку молодого Толстого можно сопоставить с мнением Г. Р. Державина и А. С. Пушкина.

Очень интересно, в чем видел прежде всего достоинство правления Екатерины-Фелицы Державин:

...Ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить...

Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить [33].

Как известно, А. С. Пушкин весьма критически оценивал многие стороны правления Екатерины. Тем интереснее его высокое мнение о «Наказе». В «Послании к цензору», возражая против ретроградных придирок одного из ретивых цензоров, Пушкин писал:

Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты Наказ Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем [34].

В сентябре 1767 г. было определено разослать экземпляры «Наказа», но только в высшие учреждения — Сенат, коллегии и конторы, и только для высших чиновников; губернские, провинциальные и воеводские канцелярии его не получили.

Политика просвещенного абсолютизма была вынужденной попыткой самодержавия приспособиться к новым, нарождавшимся буржуазным отношениям в стране. Нарастание антикрепостнической борьбы крестьян и влияние западных идей — именно это заставило Екатерину II, используя идеи просветителей XVIII в., провозглашавших право граждан на свободу личности и равенство, устранить наиболее отжившие институты абсолютной монархии, чтобы сохранить ее основы.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Выше отмечалось, что для правления Екатерины II наиболее характерным был разгул крепостничества. Этому в значительной мере способствовала сама императрица, отдавая сотни тысяч государственных крестьян в беспросветное рабство своим многочисленным фаворитам. Крепостной крестьянин из последних сил работал на помещика, барин же имел право распоряжаться им как одухотворенной собственностью, мог по любому поводу запороть его до смерти на своей конюшне. В «просвещенный» век «северной Семирамиды» * (так называли Екатерину II ее поклонники) в газете «Санкт-Петербургские ведомости» можно было прочитать объявление: «В Четвертой Мещанской в № 111 продаются две молодые девки, собой видные, грудастые, белье шьют и в тамбур, гладят и крахмалят и стряпать мастерицы. Последняя цена им 1000 рублей. Тут же продается жеребец, да бык, да стая гончих собак, числом пятьдесят, по сходной цене». Такая продажа крепостных без земли практиковалась в продолжение всего царствования Екатерины II.

Примером особенно жестокого обращения дворян со своими крепостными является пресловутое дело Дарьи Салтыковой, или Салтычихи, как называли ее в народе. Дочь небогатого и неродовитого дворянина Иванова, она вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии конного полка Глеба Салтыкова и тем самым породнилась со знатнейшими аристократическими фамилиями — со Строгановыми, Голицыными, Нарышкиными и Толстыми. В 1756 г. в возрасте 26 лет она овдовела и стала полной хозяйкой обширной усадьбы, расположенной в Москве, на углу Кузнецкого моста и Лубянки, и шестисот крепостных душ в губерниях Московской, Вологодской и Костромской. Салтычиха под лю-

---

* *Семирамида* (конец IX в. до н. э.) — легендарная ассирийская царица. Предпринимала удачные военные походы и украсила Вавилон великолепными постройками. Знаменитые висячие сады Семирамиды — одно из семи чудес света.

бым, и больше всего надуманным, предлогом — не столь тщательно вымыты полы, недостаточно чисто выстирано белье и др.— зверски расправлялась со своими крепостными: собственноручно била их по голове скалкой, поленом, утюгом, жгла волосы, обливала кипятком, рвала уши раскаленными щипцами, зимой заставляла избитых баб и мужиков часами стоять полураздетыми на улице под барскими окнами. Очень часто эта кровожадная барыня выбрасывала свою жертву во двор гайдукам, и те по приказу госпожи батожьем, кнутом или плетьми забивали ее насмерть. При этом Салтычиха вопила: «Бейте до смерти! Я сама в ответе и никого не боюсь!»

Дарья Салтыкова была неграмотной. Но она хорошо знала свои привилегии. И продолжала свирепствовать в течение семи лет, замучив при этом до смерти 139 душ, преимущественно женщин, в том числе нескольких малолетних девочек.

О злодействах Салтычихи по всей Москве ходили слухи, на нее была подана 21 жалоба. Но благодаря влиятельному родству и многочисленным подкупам должностных лиц все эти жалобы возвращались в ее собственные руки вместе с жалобщиками, которых ожидала после этого мучительная смерть. Ей угождали не только гражданские чины, но и духовные пастыри. Священник московской приходской церкви Введения у Кузнецкого моста Иван Иванов и священник церкви Троицы в подмосковном поместье Салтычихи Степан Петров не только знали о преступлениях этой барыни, но и всячески скрывали их — они как ни в чем не бывало причащали ее жертвы и хоронили их по православному обряду.

Летом 1762 г. двое дворовых Салтычихи (у одного из них она убила трех жен подряд) бежали из ее подмосковного поместья в селе Троицко-Говорово и добрались до Петербурга. Там им удалось подать жалобу в руки самой императрицы. Не так давно вступившая на престол Екатерина II приказала Юстиц-коллегии провести расследование. Следствие длилось целых 6 лет. Салтычиха отрицала свою вину, продолжая всеми доступными ей способами добиваться защиты у власть имущих. В 1768 г. Юстиц-коллегия была вынуждена все-таки признать, что подследственная «немалое число людей своих мужеска и женска пола бесчеловечно, мучительски убивала до смерти», и приговорила ее к смертной казни. Однако Екатерина II

решила не казнить дворянку Салтыкову или хотя бы публично наказать ее плетью — и приговор стал другим: она была лишена дворянства, на один час возведена на эшафот, сколоченный на Красной площади, и прикована к позорному столбу. На груди ее висела табличка со словами: «Мучительница и душегубица». После этого ей предстояло пожизненное заключение в тюрьме Ивановского девичьего монастыря, расположенного неподалеку от Солянки. Знаменательно, что сообщники Салтычихи — ее дворовые люди и один из священников — понесли более тяжкое наказание: они были биты кнутом с вырезанием ноздрей и сосланы в Нерчинск на вечные каторжные работы.

До 1779 г. Салтычиха сидела в подземелье под сводами церкви. Потом ее перевели в застенок, пристроенный к монастырской стене. В общей сложности она провела в заключении 33 года и за это время ни разу не обнаружила раскаяния. Умерла она в 1801 г. и, несмотря на то, что олицетворяла собою одну из позорных страниц в истории царствования Екатерины II, была похоронена на кладбище Донского монастыря — рядом со многими выдающимися людьми России. Таковы были традиции дворянского общества и всемогущая сила денег.

Усиление крепостнического гнета неизбежно вызывало дальнейшее обострение классовых противоречий в стране. На жестокое насилие своих господ крестьяне отвечали тоже насилием: они убивали помещиков и их управляющих, жгли усадьбы, захватывали «господское добро» и вступали в настоящие бои с карательными войсками правительства. Для более успешной борьбы с существующими порядками беглые крестьяне, дворовые, «работные люди», солдаты и однодворцы объединялись в отряды, которые в официальных источниках назывались «разбойными». Хорошо вооруженные, насчитывающие в своем составе несколько десятков человек, эти отряды нападали на вотчины феодалов, на заводы и купеческие суда. В 60—70-х годах они действовали преимущественно на Волге, Каме, Суре и Оке.

Восставали разные разряды крестьян. Причиной выступления помещичьих крестьян послужила молва, что наряду с манифестом о вольности дворянской будет обнародован манифест об освобождении крестьян от помещиков. Монастырских крестьян приводила в движение против своих хозяев нерешительная политика правительства относительно судеб владений

духовных феодалов. Государственные крестьяне, приписанные к заводам, также тяготились своим положением. Перевод их с денежной ренты на отработочную, по 12—14 часов в день, заработная плата в 2—3 раза меньше, чем у наемного работника, использование владельцем их труда сверх нормы заставляли подниматься на борьбу за улучшение своего положения.

Высшим проявлением классовой борьбы крестьян были восстания. С 1762 по 1772 г. в губерниях Московской, Тульской, Воронежской, Нижегородской, Казанской и Петербургской их было не менее 50. Всего в европейской части России в 60-х годах насчитывалось 122 восстания. Они возникали стихийно и поэтому отличались разобщенностью между собою. Их руководителями становились местные выборные люди, обладавшие смелостью и должной решимостью.

В 60-х годах стихийные выступления горнозаводских рабочих охватили Кыштымские заводы Демидова, Вознесенский завод Сиверса, Каслинский, Воткинский, Ижевский, Туринский, Юговский, Невьянский и Нижне-Тагильский заводы Урала. Волнения рабочих имели место и в других районах страны. В 1769—1771 гг. поднялись олонецкие приписные крестьяне, работные люди на мануфактурах легкой промышленности и в других отраслях.

Во второй половине XVIII столетия продолжалось освоение Поволжья и Приуралья. Строительство крепостей и заводов в Башкирии сопровождалось захватом и скупкой за бесценок огромных пространств плодородной земли и леса. На эти угодья устремились помещики и предприниматели. Вместе с ними сюда прибыло и русское духовенство; оно всеми правдами и неправдами обращало башкир в христианскую веру, обирая при этом новокрещеных. Государственные чиновники со своей стороны беспощадно вымогали налоги и взятки. Бесправные башкиры должны были выносить на своих плечах не только целый ряд государственных повинностей, но и столь же непосильный гнет местных феодалов. На землях Поволжья и Приуралья под тройным гнетом — царского правительства, духовенства и своих феодалов — находились также крестьяне других нерусских национальностей — татар, мордвы, чувашей, удмуртов и марийцев.

Особенно тревожно было на земле Яика. Яицкие казаки со времен Петра I находились на царской службе по охране и защите южных и восточных границ,

получали денежное и хлебное жалованье, подчинялись Военной коллегии и на войсковом кругу выбирали для самоуправления атаманов и старшин. Основой их хозяйственной деятельности были рыбная ловля, разведение домашнего скота и охота. При этом широкое распространение имела система хуторов. Постепенно, в результате имущественного расслоения, в их среде образовались два враждующих между собою лагеря: немногочисленная зажиточная старшина и многочисленная неимущая «войсковая сторона». Старшина захватила для себя лучшие рыболовные участки на Яике, сенокосы и выпасы, распоряжалась получаемым жалованьем и воинской службой казаков, принуждала последних работать на своих хуторах. Эта привилегированная верхушка казачества послушно выполняла все указания царских чиновников из Петербурга, не считаясь при этом с мнением и интересами «войсковой стороны».

Смута началась после незаконных действий станичного атамана Бородина. В 1752 г. было решено все рыбные промыслы сдавать ежегодно на откуп частным лицам. Казна получала за это 10 500 руб., а оставшиеся от продажи деньги за вычетом административных расходов подлежали дележу между казаками. В продолжение трех лет с 1759 г. Бородин не выдавал казакам ни гроша из рыбных денег. Он получил чин полковника, захватил себе в степи огромные участки земли, заимел много крепостных из беглых крестьян, калмыков и казахов и повел себя как помещик, прибегая часто к насилиям и наказаниям плетьми «озорников и мятежных людей». «Войсковая сторона» выступила против своего атамана, жаловалась на него самой императрице и требовала его немедленного отстранения от должности. Весной 1763 г. для расследования дела в Яицкий городок прибыли из Петербурга генерал-майор Потапов и офицер драгунского полка Новокрещенов. В конце 1765 г. указом Военной коллегии Бородин и двое из старшин были лишены чинов и должностей и наказаны денежными штрафами в пользу казаков. Этим указом Яицкому войску предписывалось избрать вольным голосованием трех кандидатов и представить их имена в Военную коллегию, чтобы последняя одного из них назначила новым станичным атаманом. «Войсковая сторона» осталась довольна таким решением. Но после убытия Потапова майор Новокрещенов приказал зачинщиков междоусо-

бия сослать в Тобольск, а сорок доверенных казаков, избранных общим кругом, наказать палками и отправить на службу в Гурьев-городок. Оскорбленное войско снова поднялось и снова направило жалобу в Петербург. По указанию из столицы в Яицкий городок пожаловал командующий войсками в Оренбурге генерал-майор Черепов. Вместе с ним прибыло подразделение драгун. Человек суровый и не в меру свирепый, Черепов не стал вникать в детали конфликта — он приказал собрать войсковой круг и, чтобы принудить казаков к повиновению, дал команду драгунам стрелять сначала в морозный воздух, а потом — в непокорных смутьянов. Три человека были убиты, семеро ранены, а остальные казаки залегли на снег и в таком положении были вынуждены заявить генералу, что «войско Яицкое завсегда Богу, государыне и ее указам повинно».

Черепов уехал с чувством «хорошо исполненного долга», но смута на Яике не прекращалась. Враждующие стороны продолжали по-прежнему обвинять друг друга. Правда, по одному важному пункту удалось договориться — войсковым кругом был выбран и Военной коллегией утвержден в должности станичного атамана простой казак Петр Тамбовцев. Был он человеком честным, но слабохарактерным. Поэтому старшина очень скоро переманила его полностью на свою сторону.

Война с Турцией требовала новых воинских сил. При формировании дополнительного легиона из вольнонаемных правительство решило включить в него отряд яицких казаков числом 335 человек. Указ об этом пришел на Яик в начале 1770 г. Но казаки отказались подчиниться этому указу — в соответствии с древними обычаями они считали себя свободными от регулярной солдатской службы. Тогда атаман Тамбовцев по совету все того же Бородина начал хватать кого попало и силой загонять в отряд. 335 человек было наловлено, и всех их держали под арестом, а в Петербург донесли, что приказ Военной коллегии исполнен и отряд под конвоем будет препровожден в Симбирск. Такое самоуправство не могло привести казаков в послушание, и они в третий раз послали жалобу на имя императрицы.

В марте 1771 г. возник новый неприятный инцидент. Правительство сочло своевременным отправить на войну с Турцией 20 тыс. калмыков. В ответ на это 30 тыс. калмыцких кибиток бросили свои кочевья

и направились в Китай. На Яик пришло высочайшее повеление — срочно командировать в Кизляр 500 казаков в погоню за калмыками. Казаки и этот приказ не спешили выполнять. Последовал второй ордер оренбургского губернатора Рейнсдорпа об отправке команды в Кизляр. Одновременно с этим в Яицкий городок прибыл из Оренбурга генерал-майор фон Траубенберг, человек самовластный и грубый. Озлобленный действиями непослушных казаков, он так круто и неумело повел дело, что казаки не выдержали, подняли бунт и убили не только этого самонадеянного генерала, но и атамана Тамбовцева и нескольких старшин с их друзьями. Произошло это в первых числах января 1772 г. Среди активных участников восстания были казаки Шигаев, Перфильев и Чика-Зарубин — будущие пугачевцы.

На подавление восстания были посланы правительственные войска во главе с генералом Фрейманом. Весной 1772 г. каратели заняли Яицкий городок. Началась расправа с «бунтовщиками». Было арестовано 86 наиболее активных зачинщиков; их препроводили под охраной в Оренбург, где уже работала следственная комиссия.

Последний и самый ощутимый удар Яицкому войску нанесла императрица. В высочайшем повелении говорилось: в Яицком городке учредить должность военного коменданта с гарнизоном; должность станичного атамана, войсковой круг и войсковую канцелярию упразднить; навсегда запретить в городке бить в набат; всех казаков разделить на полки и подчинить их оренбургскому войсковому начальнику; комендантом городка назначить подполковника Симонова.

После этого Яицкий городок опустел — казаки разбежались по дальним хуторам, по степи и другим укромным местам. Многие были схвачены, закованы в цепи и, как преступники, посажены в застенки Оренбурга — там начались допросы и пытки. Однако население Яицкого края не могло смириться с насилием. Казаки ждали часа, чтобы снова вступить в борьбу за отнятую у них вольность.

Таким образом, к началу 70-х годов на огромных просторах Российской империи классовые противоречия настолько обострились, что стало возможным их перерастание в открытую форму вооруженной борьбы. Крепостные крестьяне, горнозаводские рабочие, казаки Яика и угнетенные народы Поволжья и Приуралья

были готовы начать войну с помещиками и их покровителями. Для крестьянской войны нужен был только достойный вождь. Таким вождем стал донской казак Емельян Пугачев.

Емельян Иванович Пугачев родился около 1744 г. в Зимовейской станице, в области Войска Донского, где сто с лишним лет назад появился на свет его столь же знаменитый предшественник — Степан Разин. Родители Пугачева были бедными хлебопашцами. Уже в юношеские годы он отличался беспокойным характером, был ловким и быстрым на решения. В 17 лет его определили на службу. Женившись на дочери казака Софье Недюжевой, Пугачеву через неделю после свадьбы пришлось оставить молодую жену и вместе с другими станичниками отправиться в Пруссию в действующую армию графа Захара Чернышева. Походным атаманом донских полков в этой армии был полковник Илья Денисов. Он очень скоро заметил смелого и находчивого молодого казака и взял к себе в ординарцы. Пугачев участвовал в ряде сражений. Однако его личная отвага не принесла ему славы — во время тревоги он упустил одну из лошадей, принадлежавших Денисову, за что был наказан плетью. Эту позорную экзекуцию Пугачев запомнил — она навсегда зародила в нем ненависть к тем, кто главным народным средством воспитания своих подчиненных считал кнут и палку.

По окончании Семилетней войны Пугачев вернулся в родную станицу, но через полтора года с отрядом казаков был командирован в Польшу — там русские войска во главе с Суворовым успешно сражались с конфедератами, выступившими против нового короля Польши — Станислава Понятовского. Отряд казаков вскоре был распущен, и Пугачев снова оказался в станице, где прожил около четырех лет. В 1770 г. он принял участие в первой русско-турецкой войне. Отряд донских казаков во главе с полковником Кутейниковым в составе 2-й русской армии графа Петра Панина осаждал сильно укрепленную крепость Бендеры. Крепость капитулировала 16 сентября. Под Бендерами Пугачев за храбрость получил звание хорунжего — первый казачий офицерский чин.

На этом, однако, воинская служба Пугачева закончилась. Он заболел ревматизмом ног. Кроме того, на груди у него появились какие-то нарывы. Сначала его списали из действующей армии в лазарет, а потом и совсем отпустили домой.

Семья Пугачевых жила в станице очень бедно и порой голодала. По своему независимому и вольнолюбивому характеру Емельян Иванович не мог ради куска хлеба идти в кабалу к кому-либо из местных разбогатевших казаков. Поэтому начались его скитания в поисках более сносной жизни на стороне.

В те далекие времена необъятная земля русская была полна беглецами и бродягами. Массами бежали от своих господ-тиранов крепостные крестьяне. От непосильного труда скрывались на окраинах работные люди многих заводов. Бежали от беспросветной военной службы солдаты. Бегством спасались от кнута, кандалов и преждевременной смерти каторжники и многие невинно осужденные. Отправлялись в бега даже купеческие дети, промотавшие деньги отца, и сами разорившиеся купцы, скрывавшиеся от долговой ямы и неизбежного позора. Беглым стал и вольный донской казак Емельян Пугачев.

В декабре 1771 г. он подался на Терек, где был даже избран атаманом терского семейного войска. Но 9 февраля 1772 г. был пойман при выезде из Моздока. Три дня он отсидел на гауптвахте, прикованный цепью к обрубку дерева. На четвертый день ему удалось бежать из заключения вместе с охранявшим его часовым.

Вернувшись домой, Пугачев добровольно сдался властям, но по дороге в Черкасск бежал из-под ареста в Стародубские слободы, расположенные в лесистой местности Черниговской губернии. В конце 70-х годов XVII в. сюда эмигрировала небольшая колония московских старообрядцев. Позже в эти леса начали прибывать раскольники, укрываясь от преследования официальной церкви. К 1718 г. в Стародубье насчитывалось 16 слобод с общим населением 3112 человек. Здесь в раскольничьем скиту Пугачев признался старцу Василию, что он беглый казак, и спросил у него, как ему лучше поступить, чтобы обрести более спокойный образ жизни. Участливый к чужим нуждам, Василий посоветовал Пугачеву перейти в Польшу, а затем явиться на Добрянский форпост (Черниговская губерния) раскольником, вернувшимся якобы в Россию,— по еще действующему указу Петра III таким выходцам выдавали русский паспорт и разрешали селиться где угодно, по их собственному желанию.

Прожив в скиту около трех месяцев и заработав немного деньжонок, Пугачев без особого труда привел

в исполнение совет доброго старца. На Добрянском форпосте шесть недель продержали его в карантине, а потом выдали паспорт на жительство в Малыковской волости, на реке Большой Иргиз (левый приток Волги, между Хвалынском и Саратовом). В паспорте Пугачева значилось: «Объявитель его, вышедший из Польши и явившийся собой при Добрянском форпосте, веры раскольнической, Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию его для житья определен в Казанскую губернию, в Симбирскую провинцию к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск, обид, налог и притеснений не чинить и давать квартиры по указам, а по прибытии явиться ему с сим паспортом Казанской губернии в Симбирскую провинциальную канцелярию... приметами он: волосы на голове темно-русые и борода черная с сединой, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой соски две ямки, росту 2 аршина 4 с половиной вершка, от роду 40 лет... Чего в верность дан сей от главного Добрянского форпостного правления за подписанием руки и с приложением печати моей. В благополучном (от заразных болезней.— *Авт.*) месте 1772 г. августа 12». Документ подписали майор Мельников, пограничный лекарь Андрей Томашевский и каптенармус Никифор Баранов [1].

За время пребывания в карантине Пугачев сошелся с добрянским купцом-раскольником Кожевниковым. Последний хорошо знал места на Иргизе и был близко знаком со многими раскольниками, издревле обитавшими в тех краях. Он рассказал Пугачеву о тревожном положении на Яике и посоветовал ему обратиться, в частности, к старцу Филарету, состоявшему игуменом раскольничьего скита Введения Богородицы. Филарет охотно принял прибывшего к нему Пугачева и более подробно поведал ему о последних событиях на Яике. Более того, он одобрил возникшую у Пугачева мысль склонить яицких казаков к побегу и стать их атаманом.

Отдохнув несколько дней у Филарета, Пугачев направился к Яицкому городку. Для начала он остановился на постоялом дворе в Таловом умете, расположенном в Сызранской степи, в 60 верстах от Яицкого городка. Хозяин двора, пахотный солдат С. Оболяев, прозванный «Ереминой Курицей», был человеком доверчивым и добродушным — он еще раз в деталях рассказал своему гостю о тревожном положении на Яике и познакомил его с двумя местными казаками.

22 ноября 1772 г. Пугачев прибыл в Яицкий городок и остановился в доме казака Пьянова. В это время по городку ходил слух, что в Царицыне появился человек, называвший себя царем Петром Федоровичем.

Действительно, в январе 1772 г. в казачье войско на Волге записался крестьянин графа Романа Воронцова Федот Богомолов, бежавший от своего барина из села Спасского Саранского уезда. Однажды, «будучи безмерно пьян», Богомолов объявил себя императором Петром III. Его немедленно схватили, отправили в Царицын и там приговорили к публичному наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и вечной ссылке на каторгу в Нерчинск. Однако исполнение приговора задержалось — единственный в Царицыне палач от беспробудного пьянства заболел в то время белой горячкой. Осужденного тайно содержали в колодках под особо сильным караулом в крепком месте у Царицынских ворот. Эта таинственность возбуждала любопытство стражи. Богомолов воспользовался этим: однажды ночью он показал караульному солдату изображение креста на своем теле и «признался», что «доподлинно есть император Петр Федорович». Солдат поверил этому, и через пару дней жители Царицына не только передавали друг другу «потрясающую новость», но и собирались у Царицынских ворот в надежде увидеть живого императора.

В первое десятилетие царствования Екатерины II солдат Богомолов был не единственным самозванцем на Руси. В замечаниях к «Истории Пугачева», представленных автором Николаю I, А. С. Пушкин писал: «Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: «Жив ли мой отец?»» [2]

Пушкин знал о пяти самозванцах, действовавших до Пугачева; сейчас известны уже десятки крестьянских «Петров III» [3].

Трудно сказать, когда Пугачеву пришла мысль выдать себя за императора Петра III. Но впервые он открыто заявил об этом Пьянову во время своего пребывания в его доме. Сначала он, называя себя купцом, подтвердил ходивший по городку слух. Потом сообщил, что в Царицыне поймали и замучили кого-то

другого, а царю Петру Федоровичу удалось скрыться. Наконец прямо сказал: «Я ведь не купец, я государь Петр Федорович, я-то был и в Царицыне, да Бог меня и добрые люди сохранили, а вместо меня засекли караульного солдата». Далее Пугачев придумал занимательную повесть о том, как он спасся, как ходил в Польшу, бывал в Царьграде и в Египте, а теперь пришел на Яик, чтобы помочь казакам снова обрести украденную у них свободу. Вряд ли казак Пьянов поверил всему, что рассказал ему Пугачев, но он пообещал поговорить со стариками, а это для начала было не так уж и плохо.

После недельного пребывания в Яицком городке Пугачев решил навестить Мечетную слободу (город Николаевск Самарской губернии). И тут произошло непредвиденное: по доносу крестьянина Семена Филиппова, сопровождавшего Пугачева в дороге, его арестовали, заковали в цепь и 4 января 1773 г. доставили в Казань, где по приказу губернатора фон Бранта посадили в «черные тюрьмы», расположенные в подвале старой губернской канцелярии в кремле.

Купец-раскольник Василий Щелоков и игумен раскольничьего скита Филарет приняли участие в судьбе Пугачева — в марте 1773 г. с него сняли кандалы и стали отпускать в город просить милостыню. Пугачев воспользовался этим — он привлек на свою сторону бывшего купца Парфена Дружинина, отбывавшего наказание за недостачу 7 тыс. пудов соли, и вместе с ним и караульным солдатом 29 мая бежал на свободу во время посещения местного священника.

Побег Пугачева был как нельзя более своевременным. Почти следом за ним в Казань прибыло распоряжение из Петербурга. Оказалось, что его персоной заинтересовалась сама государыня Екатерина II. 6 мая она высочайше повелела казаку Пугачеву «учинить наказание плетьми и послать, как бродягу и привыкшего к праздной и продерзостной притом жизни, в город Пелым, где употребить его в казенную работу, такую, какая случиться может, давая ему в пропитание по три копейки на день»[4].

Известие о побеге Пугачева произвело в Петербурге впечатление — в Казань последовало приказание о его немедленной поимке. А он в это время снова появился на постоялом дворе Степана Оболяева. Последний встретил Пугачева как старого знакомого. Пугачев в свою очередь «открылся» Ереминой Курице,

что он император Петр Федорович, показывал ему в бане свои «царские знаки» на груди и «разрешил» сообщить об этом другим казакам.

Как раз в это время в Яицком городке приводился в исполнение приговор по делу об убийстве генерала Траубенберга, и казаки «войсковой стороны» были особенно возбуждены. Поэтому слухи о том, что Петр III жив, что он скрывается где-то недалеко, принимали легендарный характер. И как только появилось известие, что «император» под видом простого пришельца укрылся в Таловом умете, казаки пожелали с ним встретиться.

Перед этой встречей Пугачев был озабочен поиском «письменного человека», который мог бы с его слов составить воззвание к казакам Яика, оформив его в виде именного указа «великого государя Петра Федоровича». С этой целью он вместе с Оболяевым 27 августа предпринял поездку в старообрядческий монастырь, находившийся в Мечетной слободе. Эта поездка окончилась полной неудачей: «письменного человека» не нашли, Еремина Курица был схвачен монастырскими старцами и арестован, а самому Пугачеву пришлось спастись бегством.

По возвращении в осиротевший Таловый умет у Пугачева состоялась решающая встреча с казаками Яицкого городка. В качестве полномочных представителей «войсковой стороны» к нему прибыли Денис Караваев, Тимофей Мясников, Максим Шигаев, Иван Зарубин-Чика и Афанасий Чучков. В целях конспирации свидание имело место в степи, недалеко от Талового умета. Казаки не очень верили в царскую принадлежность Пугачева. Особенно сомневался в этом Зарубин-Чика. Но они твердо решили примкнуть к нему. Караваев прямо сказал сомневающемуся Зарубину-Чике, что это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре. Позже Пугачев признался Зарубину-Чике, Караваеву и Шигаеву, что он всего лишь донской казак, но это откровенное признание только укрепило решимость этих прирожденных сынов казацкой вольности служить вождю, способному поднять и повести за собою народ на борьбу с царским насилием.

Довольные результатами переговоров, участники встречи разъехались в разные стороны. Шигаева и Караваева Пугачев послал в городок подготовить население к прибытию «императора», разыскать «письменного человека», а также обзавестись знаменами и бо-

лее приличной одеждой для «батюшки-государя». Чучков поехал на Узень. Пугачев с Мясниковым и Зарубиным-Чикой степью направился сначала к Кожевниковым хуторам, а потом к открытому безлюдному месту в верховьях реки Усихи, отстоявшему в пятидесяти верстах от Яицкого городка.

Утром 16 сентября в стан Пугачева на Усихе вместе с Мясниковым и Василием Плотниковым прибыл совсем еще молодой Иван Почиталин — его будущий неизменный секретарь. Он с робкой почтительностью преподнес Пугачеву новый зеленый зипун с золотым позументом, шелковый кушак, подержанный бешмет и мерлушковую шапку с бархатным верхом. Пугачев с нескрываемой радостью принял юношу и его подарки. Впоследствии он с отеческой заботой относился к своему всегда скромному и одаренному секретарю. Иван Почиталин в свою очередь до конца оставался верным сподвижником выдающегося предводителя крестьянской войны.

В полдень из Яицкого городка пришло известие, что комендант Симонов снарядил большой отряд на Усиху, чтобы одним разом захватить всех заговорщиков. Пугачев и вся его ватага, насчитывавшая к тому времени несколько десятков человек, устремилась к хутору, расположенному в ста верстах от городка. В пути Пугачев подумал о том, что наступил как раз тот момент, когда к народу надлежит обратиться с «именным указом». На привале об этом было сказано Почиталину. Последний прямо на земле разложил свою «канцелярию» и с душевным трепетом приступил к составлению первого манифеста «царя-батюшки». Хорошо зная чаяния простых людей своего края, он не мудрствуя, но с большим старанием изложил на бумаге те идеи, которыми жили мятежные казаки в дни подготовки восстания. Указ № 1 гласил: «Самодержавнаго императора, нашего великаго государя Петра Федаровича Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая. Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежным царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей вашых. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству

Петру Федоравичу, винные были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до усья и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиянтом. Я, великий государь амператор, жалую вас, Петр Федаравич. 1773 году синтября 17 числа»[5].

А. С. Пушкин высоко отзывался об этом указе. В замечаниях к «Истории Пугачева» он писал: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации Рейнсдорпа* были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками с глаголами на конце периодов»[6].

На хутор отряд Пугачева прибыл к полуночи. Здесь к нему примкнули казаки Кожехаровского и Бударинского форпостов. На другой день всем собравшимся под знаменем Пугачева Почиталин торжественно объявил указ, «подписанный царем Петром Федоровичем». Казаки с радостью присягнули «своему царю», дав клятву служить ему верой и правдой, не щадя живота своего. Так началось восстание Пугачева, потрясшее до основания всю Российскую империю.

18 сентября с отрядом до 300 человек, с развернутыми знаменами Пугачев подошел к Яицкому городку, остановившись за р. Чаган, в трех верстах от городка. Против восставших подполковник Симонов выслал команду премьер-майора Наумова в составе 500 казаков и 270 солдат, с двумя единорогами и тремя трехфунтовыми пушками. В авангарде этой команды шли, по словам Пушкина, «двести казаков при капитане Крылове»**. Когда отряды сблизились, половина казаков Крылова тут же перебежала на сторону Пугачева. Видя такую измену, Наумов не стал испытывать судьбу и ни с чем вернулся в город.

Отряд Пугачева увеличивался с каждым днем, но он не смог взять города — сказалось отсутствие артиллерии. Оставив небольшую часть восставших для осады, Пугачев с главными силами двинулся вверх по Яику, направляясь к Оренбургу. На пути без особого

---

* *Иван Андреевич Рейнсдорп* — генерал-поручик, губернатор Оренбургской губернии.

** *Андрей Прохорович Крылов* — капитан, отец знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Он был в Яицком городке командиром 6-й легкой полевой команды.

сопротивления им были взяты плохо укрепленные форпосты: Гниловский, Илецкий городок, крепости Рассыпная и Нижне-Озерная. В них повстанцы захватывали пушки, оружие, боеприпасы. 27 сентября пугачевцы подошли к крепости Татищевой, расположенной в 66 верстах от Оренбурга.

Губернатор Оренбурга И. А. Рейнсдорп первые вести о действиях Пугачева получил 22 сентября во время *бала по случаю дня коронации императрицы.* Только 24 сентября он послал против мятежников небольшой отряд под командованием бригадира барона Билова при 6 полевых пушках. Но как только Билов 25 сентября подошел к Татищевой, из крепости ушли все калмыки. Поэтому 27 сентября после непродолжительного сопротивления крепость сдалась Пугачеву. Билов и комендант Татищевой полковник Елагин с женой были убиты. Пугачев захватил в крепости провиант, более двух тысяч рублей деньгами и 30 пушек. Здесь к Пугачеву добровольно присоединился с 500 казаками сотник Тимофей Падуров — тот самый Падуров, который в 1767 г. был депутатом Большой Комиссии по составлению нового Уложения — он представлял в Комиссии Оренбургское войско. Пугачев на радостях произ*вел сотника сразу в полковники.*

От Татищевой для восставших было два пути дальнейшего наступления: на Казань и Нижний Новгород или на столицу края — Оренбург. Первый из этих путей отличался целым рядом существенных преимуществ. К ним можно было отнести внезапность наступления, слабую оборону Казани и Нижнего и, самое главное, там ждали Пугачева крепостные крестьяне, волжские бурлаки, татары, марийцы, мордва. Но Пугачев не мог идти этим путем — яицкие казаки вели его на Оренбург. Для них этот город был ненавистным оплотом царского правительства, их главным врагом. Овладение Оренбургом сделало бы Пугачева хозяином всей пограничной полосы и дало бы ему возможность сноситься с башкирами и казаками. Кроме того, казаки *боялись, что Рейнсдорп может ударить им в тыл,* и выбирали более удобный путь на случай их вынужденного отступления и бегства в Персию или Турцию.

Майор (впоследствии сенатор) П. С. Рунич, непосредственный очевидец пугачевского восстания, считал, что «если бы сей государственный злодей с бунтовщиками Яика не занялся шестимесячной осадой Оренбурга, но устремился бы на Казань, то... дошел бы до

самой Москвы». Долговременное свое стояние под Оренбургом сам Пугачев позже расценивал как ошибку. Но когда его везли в Москву, он говорил так: «Мне весьма нужен был Оренбург, ибо я мог в оном основать твердое и постоянное мое пребывание» [7].

2 октября пугачевцы беспрепятственно вступили в Сакмарский городок. Там к Пугачеву прибыл Хлопуша — причиной их встречи послужила очередная глупость Рейнсдорпа. Афанасий Соколов, по прозвищу Хлопуша, по своему происхождению был крестьянином села Мошкович Тверской губернии. Сначала он был извозчиком в Москве. Потом голодная жизнь довела его до Сибири. С вырванными ноздрями и с клеймом на лице, он дважды убегал с каторги, четыре раза был бит кнутом и в последнее время сидел в Оренбурге в остроге, скованный по рукам и ногам. Рейнсдорпа вдруг осенила «счастливая» мысль легко разделаться с Пугачевым: он призвал к себе Хлопушу, вручил ему 4 указа и отправил в лагерь мятежников. Первый указ губернатора предназначался яицким казакам, второй — илецким, третий — оренбургским, а четвертый — самому Пугачеву. Хлопуша должен был образумить казаков, убедить их в самозванстве Пугачева, а его самого схватить и привезти к губернатору. Разумеется, Хлопуша воспользовался детской наивностью Рейнсдорпа, но по прибытии в Сакмарский городок все указы губернатора передал в руки Пугачева, а сам стал его верным сподвижником в звании полковника.

5 октября 1773 г. главные силы восставших подошли к Оренбургу. У Пугачева в это время было 20 пушек и 2440 человек, из них 1400 казаков, 540 солдат и 500 башкир, татар и калмыков. Город обороняли 2900 человек, из них 174 кадровых военных, 1314 престарелых, малобоеспособных гарнизонных солдат, 350 ненадежных татар, остальные — казаки и инвалиды. У защитников города было 70 орудий.

Попытка наступающих штурмом овладеть Оренбургом не имела успеха — сказалось преимущество обороняющихся в артиллерии. К этому времени наступили холода. Тогда Пугачев разместился со своим штабом на зимние квартиры в шести верстах от города, в Бердской слободе, надеясь голодом принудить Рейнсдорпа к капитуляции.

П. С. Рунич так описывал состояние тех местностей, которые были охвачены крестьянской войной

и по которым он проезжал сразу же вслед за продвижением пугачевцев и правительственных войск: «Тучные и изобильные поля сего края с готовым колосом оставались без трудолюбивого жителя в самое время жатвы; всякого рода скот без пастыря скитался по изобильным пашням днем и ночью, топтал оные, рыл хлеб и довершал тем гибель и бедственность поселянина; невероятное множество скитающихся лошадей, измученных, в кровавых ранах и брошенных как от войска пугачевского, так и преследующего за ним корпуса, усыпал дорогу и пашни...

Пугачевская армия все, что на пути своем ни встречала, видела и обнять могла, убивала, грабила и расхищала, подобно саранче; селения по тракту нашему были пусты, и в оных не находили мы ничего более, кроме престарелых людей мужеска и женска пола, а прочие все, кто только мог сесть на коня и идти добрыми шагами пешком, с косами, пиками и всякого рода дубинками присоединялись к пугачевской армии...»[8]

Во время длительного стояния у стен Оренбурга перед Пугачевым встали проблемы, которых не знала практика предшествующих крестьянских войн. Огромная численность его войска требовала организовать снабжение продовольствием и вооружением, заняться комплектованием полков, противопоставить правительственной пропаганде популярность лозунгов повстанческой армии. Были созданы казачьи, башкирские, крестьянские и горнозаводские полки, которые делились на сотни и десятки. Во главе этих подразделений стояли полковники, есаулы и хорунжие. Общевойсковым атаманом был назначен А. Овчинников, артиллерией командовал Ф. Чумаков. Всего войсковых командиров (от есаула и выше) насчитывалось до 200 человек, среди них было 52 казака, 38 крепостных крестьян, 35 заводских рабочих, 62 человека из других народностей (башкиры, татары и другие).

Артиллерия повстанческой армии стала достаточно серьезной силой. Гораздо хуже обстояло дело с ручным огнестрельным оружием. Только казаки и солдаты имели ружья, как исключение они были у некоторых крестьян и горнорабочих. Башкирская, татарская и калмыцкая конница имела на вооружении луки, стрелы и сабли. Большинство крестьян воевало с пиками, топорами, вилами, рогатинами и дубинами. Ненависть к дворянству компенсировала слабую вооруженность.

В качестве руководящего органа в стане Пугачева была образована Военная коллегия. В ее состав вошли 10 наиболее способных человек, уже успевших показать себя в ратном деле. Коллегия являлась одновременно главным штабом армии, высшей судебной инстанцией и органом снабжения войска. Ее обязанности сводились к следующему: давать распоряжения командирам, назначенным «государем»; поддерживать дисциплину, бороться с мародерством и следить, чтобы никто не обижал крестьян, горнорабочих, представителей национальных меньшинств и всякую «чернь бедную»; ведать административными делами на территории, освобожденной от царских властей; распределять имущество, отобранное у помещиков, чиновников, купцов и духовенства; обеспечивать доставку провианта и фуража для войска; вести учет хлеба, соли, вина и денежной казны; комплектовать войско, заказывать заводам оружие, издавать от имени государя указы и манифесты.

Из Берды от Пугачева во множестве отправлялись «царские манифесты». Они распространялись среди разноязычного населения по городам, хуторам, наслегам, кочевьям и улусам. Писались они не только на русском, но и на татарском, немецком, арабском, турецком и даже иранском языках. Их содержание отчетливо отражало лозунги и цели восстания, носившие ярко выраженный антикрепостнический характер. Пугачев обещал казакам ту самую вольность, за которую, проливая свою кровь, боролась «войсковая сторона» Яицкого края. Казаков Пугачев жаловал «землею, водою, травами, ружьями и провиантом», крестьян освобождал от подневольного труда на помещиков и заводчиков, от податей и повинностей. Обращаясь своим именным указом от 1 октября 1773 г. специально к башкирам и калмыкам, он тоже награждал их «землею, водою, солью, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем»[9].

Все указы и манифесты Пугачева были ясны и доходчивы для широких народных масс — они совпадали с их стремлениями и надеждами. Поэтому не прошло и месяца после начала крестьянской войны, а вся Оренбургская и Казанская губернии пришли в смятение. Крепостные крестьяне «вышли из послушания», начались самосуды над помещиками, их имущество растаскивалось по крестьянским дворам, помещики бросали свои поместья и в панике бежали в Оренбург и Казань.

Неимущие крестьяне толпами шли в армию Пугачева, везли продовольствие и фураж.

В стане Пугачева были и высокообразованные люди, свободно владевшие немецким, французским и другими языками. Так, составителем «немецкого» указа был дворянин, вольно или невольно оказавшийся в лагере повстанцев.

Пушкин в своих изысканиях обнаружил «немецкий» указ и узнал, что его составителем был Михаил Александрович Шванвич. Собранные Пушкиным биографические данные о Михаиле Шванвиче и других офицерах, сотрудничавших с Пугачевым (капитан И. Башарин, подпоручик Ф. Минеев и др.), послужили реальным историческим материалом для создания образов героев «Капитанской дочки» — поручика Алексея Швабрина и прапорщика Петра Гринева.

Военная коллегия и сам «государь» большое значение придавали заводам Урала. На Авзяно-Петровский завод Демидова был послан Хлопуша с заданием «возмущать рабочих и лить мортиры». Вскоре пришло известие о занятии пугачевцами Воскресенского, Преображенского и Верхотурского заводов. В конце ноября сторонники Пугачева захватили заводы: Катав-Ивановский, Симский, Усть-Катавский и Юрюзанский.

Следует отметить, что на первом этапе восстания регулярных войск в Поволжье и Приуралье почти не было — они находились на юге России, где происходили военные действия против турок. В немалой степени это обусловило первые успехи Е. Пугачева и быстрое распространение восстания. В некоторых местах дворяне пытались создать свое ополчение из мобилизованных дворовых и крестьян, но последние неохотно шли против «батюшки-царя».

Об этом свидетельствовал такой наблюдательный очевидец, как Андрей Болотов, в то время управлявший имением неподалеку от Коломны, под Москвой. Он получил распоряжение властей снарядить и отправить в Коломну вооруженных людей — от каждых ста душ крепостных двух человек, одного — пешего, а другого — конного. «...Рассудилось мне за благо дать им от себя нотации и увещевать их, чтоб в случае, если и дойдет дело до сражения, то чтоб они помнили, чьи они, и не постыдили бы себя пред всем светом трусостью, а дрались бы хорошенько, и, обратясь к одному из них, самому ражему и бойкому из всех, сказал: «Вот этакому как бы не драться, один десятерых может

убрать». «Да! — сказал он мне на сие, злодейски усмехаясь, — стал бы я бить свою братью! А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!» Оцепенел я, сие услышав и, проглотив сию горькую пилюлю, сказав только: «Дурак! Сукин сын! Что ты это мелешь!» Сам в себе подумал: «Вот каковы защитники и оборонители сии в сердцах своих, и вот жди от них доброго... Можно ли на них полагать какую надежду?.. Они первое готову будут к нему (Пугачеву.— *Авт.*) передаться и против самих же нас обратить оружие свое... Но правду сказать, куда теперь изволить сунуться? Не везде ли опасность одинакова? И не весь ли черный народ вообще, когда не въявь, так в сердцах своих бунтует и готов поднять на нас свои руки» [10].

Первые известия о восстании крестьян и казаков в Оренбургской губернии достигли Петербурга только 14 октября. Правительство Екатерины было весьма озабочено этими неприятными событиями, хотя оно пока еще не знало действительных масштабов вспыхнувших волнений и не представляло себе всей опасности положения, возникшего на юго-востоке страны.

Против Пугачева был послан генерал-майор В. А. Кар, ему предписывалось принять начальство над войсками и «учинить над оным злодеем поиск, его самого и злодейскую шайку его переловить». Одновременно с этим указывалось: казанскому архиепископу — во всех церквах убеждать народ к повиновению императрице; астраханскому губернатору — находиться в Саратове и не допускать Пугачева в Астраханскую губернию; командующему войсками Сибири — по первому требованию выступить к Оренбургу.

30 октября Кар прибыл в Кичуевский фельдшанец, расположенный в 432 верстах от Оренбурга. Здесь под его командованием насчитывалось 3468 человек, в том числе: малопригодных гарнизонных солдат — 1631; плохо вооруженных поселян — 1231; полевых войск — 606.

О «злодее Пугачеве» был объявлен специальный манифест императрицы, но он в сознании простых людей производил обратное действие — не осуждение, а сочувствие к смелому вождю общенародного выступления против крепостнического строя и засилья царского правительства.

7 ноября Кар получил известие, что Хлопуша занял Авзяно-Петровский завод. Он решил выступить против ближайшего соратника Пугачева. Однако выступление потерпело неудачу — в деревне Юзеевой войска

Кара были разбиты пугачевцами. В ночь с 8 на 9 ноября один из его отрядов, под командованием полковника Чернышева, был полностью уничтожен. 32 офицера оказались в плену и были повешены. Рота 2-го гренадерского полка, шедшая из Симбирска на помощь Кару, тоже попала в окружение и после капитуляции была отправлена в Берду. Из-под Юзеевой Кар с остатками своих войск отступил в Бугульму и стал ждать новых подкреплений. Потом он решил собственной персоной появиться в Петербурге, чтобы там доложить, насколько серьезно истинное положение дел в Оренбургском крае. Президент Военной коллегии граф Чернышев запретил Кару покидать свой отряд. Но последний, не дождавшись подкреплений, вернулся в Казань.

Появление Кара в Казани вызвало панику среди дворян и местных властей. Многие помещики в страхе за свою жизнь бежали в Москву и другие города. Их поместья, оставшиеся без присмотра, грабили осмелевшие крестьяне. Беспорядки в крае принимали широкий размах.

Пробыв два дня в Казани и отдав приказ генерал-майору Фрейману ничего не предпринимать до прибытия подкреплений, Кар сказался больным и отправился в Москву, нарушая этим указание графа Чернышева. Такое поведение генерала вызвало возмущение самой императрицы. Кар был уволен со службы с запрещением жительства в обеих столицах, а командующим войсками, посланными против Пугачева, назначили генерал-аншефа А. И. Бибикова. Ему были предоставлены полномочия полновластного диктатора всего юго-восточного края страны. Со штабом Бибикова в Казань выехал подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка, будущий известный русский поэт Гавриил Романович Державин — у него в Казанской губернии было небольшое имение, в котором проживала его мать.

Декабрь 1773 г. был месяцем значительных успехов пугачевцев на многих участках крестьянской войны. Перевес воинских сил и благоприятные возможности были явно на стороне Пугачева. Оренбургский край, Южный Урал и Зауралье были охвачены восстанием. «Зараза» мятежного духа стала заявлять о себе уже в Челябинске, Омске и даже в Тобольске.

Атаман И. Арапов с манифестом Пугачева беспрепятственно дошел до Самары. 25 декабря население

города торжественно встретило его и присягнуло «императору Петру III».

Салават Юлаев и мещеряк Канзафар Усаев подняли на восстание Башкирию. Были взяты Красноуфимск и Сарапул, башкиры подходили к Уфе. На помощь им Пугачев послал Зарубина-Чику, предварительно объявив его графом И. Н. Чернышевым. Последний очень быстро собрал вокруг себя мощное ополчение, обосновался со своим штабом в селе Чесноковке и осадил Уфу. Здесь, в Чесноковке, Зарубин-Чика устроил вторую Берду. Умный и энергичный, он обзавелся своей казной, назначал атаманов и полковников, писал наставления, принимал посетителей и фактически управлял всей Башкирией и Закамским краем. Сотника Кузнецова Чика отправил с войском под Кунгур, атамана Грязнова послал брать Челябу, а сам 23 декабря сделал первую, правда неудачную, попытку овладеть Уфой.

Бибиков прибыл в Казань 26 декабря 1773 г. Несколько раньше там начала работать так называемая секретная комиссия, которая должна была «наблюдать за состоянием умов» в городе и во всем взбудораженном крае. Для начала командующий имел в своем распоряжении только 4 полка, в которых насчитывалось 2547 человек пехоты и 1562 человека кавалерии. К этому надо добавить 1718 человек с 16 орудиями, находившихся уже на полях сражений, отряд генерала Фреймана численностью 1754 человека с 11 орудиями, 280 бахмутских гусар регулярной части генерала де-Колонга, численность которых оставалась неизвестной. В Казани, администрация которой была уже окончательно дезорганизована, Бибиков развил энергичную деятельность. Сравнительно быстро было сформировано казанское дворянское ополчение. За ним появились ополчения симбирских, свияжских и пензенских дворян. Интересный эпизод произошел в расположенном неподалеку от Шацка г. Керинске. Здесь энергичный воевода наряду с ополчением создал даже отряд из пленных турок. Неожиданной атакой на рассвете конные турки и дворянское ополчение рассеяли 10 тыс. пугачевцев и не позволили им захватить город.

«За такой геройский и благоизобретенный подвиг» императрица пожаловала керинскому воеводе 5 тыс. руб., прочим «в сем деле находившимся чиновникам» также назначено денежное вознаграждение. Туркам каждому выдано 100 руб., все они освобож-

дены из плена и до границы сопровождены на казенный счет [11].

Чтобы поддержать воинственный дух дворян, императрица объявила себя «казанской помещицей». Бибиков, однако, понимал, что дворянские отряды не могут сыграть существенной роли в подавлении восстания. Поэтому он просил Екатерину направить в его распоряжение еще несколько полков пехоты и особенно кавалерии.

Пока Бибиков рассчитывал на своих трех генералов — Мансурова, князя Голицына и Фреймана. Мансурову он предписал наступать вверх по реке Самаре и соединиться с отрядом Фреймана, который оставался в Бугульме после незадачливого генерала Кара. Очистив территорию между Самарой и Бугульмой, оба они должны были двигаться к Оренбургу и составить авангард главных сил князя Голицына, которому было поручено освободить от мятежников район юго-западнее Оренбурга. Генерал де-Колонг действовал со стороны Сибири и занял Челябинск. Но он вел себя нерешительно и вскоре оставил Челябинск, забрав с собою воеводу города, всех рекрутов, чиновников и казну, направляясь на помощь Екатеринбургу. Поэтому нужны были свежие боеспособные силы, чтобы восстановить порядок в Башкирии и на горных заводах Урала.

Екатерина II в интересах государства старалась поддерживать добрые отношения с донским казачеством. Она одаривала чинами, землями и деньгами верхушку казачества, предоставляла льготы рядовым казакам. Теперь, во время разразившейся крестьянской войны, императрицу беспокоил вопрос, как донские казаки отнесутся к Пугачеву. Ее порадовало сообщение о том, что в октябре 1773 г. Войско Донское постановило выбрать тысячу зажиточных казаков, чтобы они были готовы выступить против самозванца. В конце ноября полковник Илья Денисов просил разрешения Военной коллегии идти с отрядом в 500 казаков на помощь осажденному Оренбургу. В рапорте он, между прочим, писал, что «Емельян Пугачев его старый знакомый, бывший его ординарец» и что в свое время за упущение по службе он наказал его «нещадно плетью». Это тоже не могло не понравиться императрице — она приказала Денисову следовать с казаками в Самару и поступить там в распоряжение генерала Мансурова. Но и этого показалось Екатерине мало —

ей очень хотелось возбудить у донских казаков всеобщее презрение к их «преступному» земляку. Поэтому последовало высочайшее распоряжение совершить над избой Пугачева в Зимовейской станице «обряд огневого поругания жилища». Как нередко бывает, дело не обошлось без курьеза. Изба Пугачева давно была не только продана, но и перенесена на другое место — в станицу Есауловскую. Однако приказы отдаются для того, чтобы их беспрекословно выполняли. Избу у есауловского казака отобрали, перевезли в Зимовейскую станицу и поставили на старое место. После этого «палач» в красном фартуке поверх полушубка, в присутствии «священного чина, старшин и прочих жителей», по сигналу медного рожка, под треск барабанов совершил над трухлявой избенкой в два окошка, где родился и провел свою молодость Пугачев, «обряд огневого поругания». За поимку Пугачева живым было назначено денежное вознаграждение в 10 тыс. руб.

К началу 1774 г. под знамена Пугачева собралось около 30 тыс. человек при 100 орудиях. На полях крестьянской войны действовали три главных отряда восставших: сам Пугачев продолжал держать осаду Оренбурга; надо сказать, что его продолжительное стояние в Берде было большой ошибкой — оно не было оправдано стратегическими соображениями, и не случайно Екатерина II назвала это «стояние самозванца под Оренбургом» счастьем для своего правительства; Иван Зарубин-Чика держал осаду Уфы и продолжал контролировать положение в Башкирии; Иван Белобородов, сын заводского крестьянина, солдат, затем рабочий порохового завода, человек выдающихся организаторских способностей, поднимал рабочих уральских горных заводов.

Отряд Белобородова с 16 по 21 января взял два Сергиевских, Билимбаевский и два Шайтанских завода. В 40 верстах от Екатеринбурга он наголову разбил отряд правительственных войск и 29 января занял Уткинский завод Демидова, где захватил 15 пушек и много пороха. 15—17 февраля тысячный отряд Белобородова пытался овладеть Сысертским заводом. Потерпев неудачу, он двинулся на север и осадил Екатеринбург. К февралю 1774 г. на Урале было охвачено восстанием 92 завода, т. е. $^3/_4$ всего горнозаводского центра страны. Часть рабочих этих заводов оставалась на своих местах лить пушки и ядра для повстанческой армии, часть вливалась в отряды Пугачева, часть со-

здавала собственные вооруженные отряды, а некоторые из рабочих разбегались по «прежним своим жительствам».

Пугачев понимал, что слишком засиделся в Берде. Войска не должны находиться в бездействии — им нужны успехи, пусть даже не очень значительные. Поэтому он решил взять Яицкий городок — там до сих пор отсиживался комендант Симонов со своим стойким гарнизоном. 31 декабря туда был послан отряд во главе с атаманом М. Толкачевым. Но последний не смог овладеть крепостью. Тогда к Яицкому городку прибыл сам Пугачев. 20 января был предпринят очередной штурм крепости, но и он оказался неудачным. Имея большой запас пороха и оружия, включая пушки, Симонов оборонялся достойно. Он сжег дома на подступах к крепости и теперь своим метким огнем наносил большие потери штурмующим. Пугачев решил сделать подкоп под крепость и попытаться взорвать ее во время нового, последнего штурма.

В это время в Берде происходили свои важные события. В Оренбурге усиливался голод. Голодали не только люди, но и лошади, без которых война в заснеженной степи немыслима. Нужны были и продовольствие, и фураж. Как только Пугачев уехал, Рейнсдорп решил захватить Берду — там находились огромные запасы, столь необходимые Оренбургу. Операцию поручили обер-коменданту генерал-майору Валленштерну. 13 января он выступил из голодного города, имея в своем распоряжении 1700 человек пехоты, 400 казаков и 23 орудия. И был наголову разбит. Пугачевцы на сытых шустрых лошадях скрытно окружили наступающих и смело атаковали их со всех сторон. Потери Валленштерна составили 15 орудий, 281 человек убитыми и 123 ранеными.

На 19 февраля был назначен последний штурм Яицкой крепости. Подкоп подвели под церковь. В ее подвале осажденные укрывали весь свой запас пороха. Поэтому Пугачев рассчитывал, что если заложить в подкоп свои 20 пудов пороха и подорвать его во время штурма, то вся крепость взлетит на воздух. Но Симонова вовремя предупредили, и он успел освободить подвал церкви от опасного груза. И когда произошел взрыв, он не дал ожидаемого эффекта — церковь получила серьезные повреждения, но крепость успешно отразила штурм восставших.

Пребывание Пугачева в Яицком городке не принесло ему победы над Симоновым, но зато оно было

ено другим важным событием в его жизни — он
ся там во второй раз. Этот необдуманный шаг
лал, если верить его показаниям на следствии, по
/ своих ближайших людей — Андрея Овчинико-
ихаила Толкачева, Дениса Пьянова и др. Ему
янулась 17-летняя красавица Устинья Кузнецо-
очь простого отставного казака Петра Михайло-
который якобы в силу сложившихся обстоя-
гв вынужден был дать свое согласие на этот брак.
я говорили Пугачеву, что сама Устинья «такому
получию рада», но, будучи объявлена после цер-
го венчания 1 февраля 1774 г. «царицей Устиньей
вной», она вела себя более чем скромно и не
а тому, что муж ее есть император Петр III.
енитьба Пугачева вызвала отрицательную реак-
его повстанческой армии. Для скрытого неудоволь-
было несколько причин. Во-первых, настоящий
арь не должен жениться на простой казачке. И если
ев позволил себе нарушить этот общепризнанный
ай, то какой же он Петр III? Во-вторых, Петр III не
азведен церковью с Екатериной. Стало быть, что
и говори, а Пугачев становился двоеженцем и брал
ая тяжкий грех. И наконец, самое главное — время
не для свадеб, не для гуляний. Против восставших
лись новые силы, надо готовиться к новым сраже-
, а не бражничать с казаками в Яицком городке.
этому времени войска князя Голицына и генерала
урова через глубокие снега пробирались к Оренбу-
Еще раньше майор Муфель выбил из Самары
атамана Арапова. Жители Самары были приве-
к присяге, а Арапов отошел к Бузулуку. Здесь
о было 2 тыс. повстанцев и 15 орудий. Подошед-
Мансуров в 4-часовом бою разбил пугачевцев —
ив все пушки, они отступили. В конце февраля
уров занял Тоцкую крепость, а Голицын овладел
чинской, в 150 верстах северо-западнее Оренбурга.
перь путь к Оренбургу, Илецкой защите и Яиц-
городку прикрывала Татищева крепость. Чтобы
адить путь наступавшим, Пугачев со своей арми-
Берды срочно двинулся к Татищевой. 22 марта
подошел и Голицын, соединившись с генералами
уровым и Фрейманом. Перед сражением соот-
ние противоборствующих сил было следующее:
чев имел 10-тысячное войско, 38 пушек и только
ружей; Голицын — до 7 тыс. человек, у каждого
а ружье, и 80 пушек.

К этому следует добавить, что у Пугачева сражался «народ», а у Голицына — регулярное войско.

Победа, очень трудная, осталась за Голицыным. Когда поражение восставших стало очевидным, Пугачев по настоянию своих атаманов вышел из боя и с небольшой группой бежал в Берду. Атаман Овчинников с частью своих сил ушел в Илецкий городок. На поле боя Пугачев оставил более двух тысяч убитыми, около четырех тысяч пленными и 36 пушек. Потери Голицына: убито 3 офицера и 138 солдат, тяжело ранено 19 офицеров и 417 солдат.

Вечером 24 марта Рейнсдорп выслал в Берду воинский отряд во главе с офицером Зубовым. Последний безо всякого сопротивления занял слободу, захватив в ней 50 пушек и 17 бочек медной монеты на сумму 1700 руб. В голодный Оренбург немедленно потянулись обозы с продовольствием. В тот же день к губернатору прискакал гонец от Голицына с известием о победе под Татищевой. Вслед за этим в город привезли скованного по рукам и ногам Хлопушу — он был предательски схвачен в Каргале бывшими сторонниками Пугачева. В июне 1774 г. его казнили.

Так закончилась полугодовая блокада Оренбурга. Жители города на два года были освобождены от подушной подати, губернатор Рейнсдорп — пожалован орденом Александра Невского и денежной суммой в 15 тыс. руб.

Под Татищевой Пугачев лишился самых боеспособных сил, казалось, ему больше не подняться. Но размах крестьянской войны быстро восполнял потери. Движение пугачевских войск было направлено в сторону горнозаводского Урала и Башкирии. Начинался второй этап крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева.

24 марта 1774 г. с двухтысячным войском при десяти пушках Пугачев вышел из Берды по направлению к Переволоцкой крепости. На пути он встретил разведку Голицына. Тогда Пугачев повернул обратно и 26 марта без боя занял Каргалу. Здесь он узнал о пленении Хлопуши, приказал казнить всех выдавших его предателей и в тот же день вступил в Сакмарский городок. Отсюда тысячный конный отряд Пугачева осуществил налет на Берду, чтобы запастись провиантом. В Сакмарском городке силы восставших быстро росли — у Пугачева снова было пятитысячное войско, обеспеченное продовольствием и фуражом.

В последних числах марта обстановка в Башкирии существенным образом изменилась. В январе Зарубин-Чика со своей 12-тысячной армией сделал вторую попытку взять Уфу. Но ее двухтысячный гарнизон во главе с комендантом полковником Мясоедовым при 40 орудиях отразил штурм. Потеряв 250 человек убитыми, Чика вернулся в Чесноковку, продолжая блокаду города. На освобождение Уфы Бибиков направил из Казани своего родственника, шефа дворянского корпуса генерал-майора Ларионова. Последний оказался не только бездарным, но и трусливым начальником — он даже побоялся подходить к Уфе. Такой родственник не мог понравиться главнокомандующему — Бибиков охотно принял его отставку и послал в Уфу подполковника Ивана Ивановича Михельсона, только что прибывшего в Казань в составе полка карабинеров.

20 марта Михельсон двинулся со своим отрядом в Уфу. Он решил сразу же напасть на Чесноковку, где стояли главные силы Зарубина-Чики. Последний выслал навстречу Михельсону 7-тысячный отряд с 10 пушками. Бой начался рано утром 24 марта и закончился полной победой правительственных войск. Более 1500 восставших попали в плен — Михельсон отпустил их по домам. Зарубин-Чика с двумя десятками своих приближенных бежал в городок Табынск, расположенный на р. Белой между Уфой и Стерлитамаком. Там табынский казачий есаул Медведев со своими казаками ночью захватил и заковал в цепи Зарубина-Чику и его товарищей по оружию. Арестованных Михельсон отправил в Уфу, куда 4 апреля прибыл и сам. После этого власти начали наводить «порядок» во всей Башкирии. Салават Юлаев, вождь башкир, отошел на северо-восток, в Уральские горы. Мятежные отряды притаились, но только на время.

Голицын не давал передышки — 1 апреля он выступил из Берды на Каргалу. Сражение пугачевцев с солдатами Голицына произошло между Каргалой и Сакмарским городком. И здесь регулярные войска взяли верх над плохо вооруженными отрядами Пугачева. Голицын захватил 10 пушек, около 1500 пленных и большой обоз провианта и фуража. И самое неприятное — в этом бою в плен попали лучшие друзья Пугачева — сотник Тимофей Падуров, Максим Шигаев и Иван Почиталин. Сам Пугачев с отрядом в 500 казаков, заводских крестьян, татар и башкир бежал сначала в село Ташлы, а потом — на уральские заводы.

В первых числах апреля генерал Мансуров занял Илецкий городок. На пути к Яицкому городку его встретил отряд атамана Овчинникова. Бой был неравным и поэтому — скоротечным. Солдат было больше, и пушки генерала были лучше. Овчинников с частью казаков скрылся в степи, а потом соединился с Пугачевым. 16 апреля Мансуров занял городок. Длительная оборона крепости малочисленным гарнизоном во главе с Симоновым закончилась.

Развивая наступление правительственных войск против многочисленных отрядов пугачевцев на огромной территории юго-восточного края, Бибиков из Казани переехал в Кичуевский фельдшанец — поближе к центру событий. Здесь он тяжело заболел, перебрался в Бугульму, но в дороге простудился и 9 апреля скончался в возрасте 43 лет. А в Петербурге в это время ликовали — там считали, что победы правительственных войск под Татищевой, Уфой и Сакмарой означают конец «пугачевщины». Теперь оставалось только успокоить население. Поэтому генерал-поручику князю Щербатову, назначенному на место Бибикова, были даны не столь широкие полномочия — он получил право командовать всеми военными, а вся административная власть возвращалась губернаторам. Но ликование в Петербурге было преждевременным. Крестьянская война продолжалась.

Пугачев появился на Южном Урале. Здесь на заводах Вознесенском, Авзяно-Петровском, Воскресенском и Белорецком его ждали и поэтому встретили хлебом-солью. Но разбойничьи элементы, присущие крестьянским войнам,— сожжение заводов, изъятие у приписных крестьян и работных людей скота и имущества — нарушали единство восставших. Это приводило к тому, что заводовладельцам удавалось вооружить на свои средства работных людей и направить их против пугачевского движения. Тем не менее и в этих условиях Пугачеву при движении на восток удалось занять много заводов, привлечь на свою сторону тысячи новых участников. Народ снова стекался к нему отовсюду — башкиры, татары, заводские люди, калмыки, казаки, беглые крестьяне. И снова по всей Башкирии начали ходить «указы государя». К началу мая Пугачев собрал до 5 тыс. человек. Пройдя мимо Верхне-Яицкой крепости, он окружил более слабую Магнитную крепость и ночью 6 мая взял ее штурмом. Утром 8 мая в стан Пугачева прибыл Белобородов с отрядом в 600

человек, а несколько позже явились его старые друзья-сподвижники — атаман Овчинников, Перфильев, Пустобаев. Овчинников привел с собою 500 человек.

19 мая Пугачев штурмом овладел сильной Троицкой крепостью, расположенной в 100 верстах к югу от Челябинска, после чего лагерем стал в полутора верстах от нее. 21 мая сюда подошел с войсками генерал де-Колонг. Пугачевцы не выдержали трудного 4-часового боя — видя свое поражение, они быстро рассеялись. Де-Колонг захватил 28 пушек и много пленных, преимущественно гражданского люда. Пугачеву удалось скрыться.

В это время к уральским заводам продвигался с войсками Михельсон. 27 мая он прибыл на Саткинский завод, только что оставленный Салаватом Юлаевым. Этот 22-летний отважный башкир отступил со своей конницей сначала на Симский завод, а потом стал искать встречи с Пугачевым. Последний за несколько дней собрал новый двухтысячный отряд. 3 июня он внезапно атаковал Михельсона. Но, несмотря на поддержку подоспевшего Салавата Юлаева, победа осталась за войсками Михельсона. На другой день схватка повторилась с тем же результатом. Тогда Пугачев с оставшимся ополчением через леса и горы пробрался в живописную долину р. Миасс, чтобы накопить новые силы.

Войска Михельсона тоже численно ослабели. Его боевые запасы оскудели, и половина лошадей была покалечена. Поэтому он прямым путем направился в Уфу для пополнения своих рядов и боевого снаряжения.

18 июня Пугачев подошел к крепости Оса, расположенной на главном Казанском тракте, в трех верстах от р. Камы. В крепости укрывалась тысяча человек при 13 пушках. У осаждавших было только три пушки. Но дело обошлось без стрельбы. 21 июня гарнизон Осы и ее население с духовенством во главе распахнули ворота. Крепость Пугачев сжег, после чего переправился через Каму и повернул в сторону Казани, надеясь осуществить давно задуманный поход на Москву.

При движении силы Пугачева быстро росли. Его главное войско после Воткинского и Ижевского заводов вышло на Мамадыш. Здесь 4 июля оно переправилось через Вятку и устремилось прямо на Казань. 11 июля 1774 г. Пугачев подошел к городу, расположившись в семи верстах от него. К этому времени повстан-

ческая армия возросла до 20 тыс. человек. Но она была плохо вооружена — пики, рогатины, дубины и топоры были главным оружием ее бойцов.

12 июля, на заре, Пугачев начал штурм Казани сразу четырьмя отрядами. Оборонявшиеся не смогли сдержать натиска пугачевцев — очень скоро последние толпами хлынули с разных сторон на улицы города. Вышли на свободу заключенные городской тюрьмы. Начались пожары. Потом деревянный город запылал со всех сторон.

А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» писал: «Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч восьмисот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены» [12].

Уцелели только части Суконной и Татарской слобод, а также каменные постройки купцов по Булаку. Большинство населения города пугачевцы выгнали на Арское поле. Небольшая часть горожан во главе с губернатором Брантом, его чиновниками, членами секретной комиссии и ее председателем генерал-майором Потемкиным укрылась в каменном кремле — его пугачевцы не смогли взять штурмом.

На другой день к Казани подошел тысячный корпус Михельсона. Боевые качества его войск были выше боевых качеств пугачевцев, не говоря уже о большой разнице в их вооружении.

«Хотя солдат и кавалерии в отряде мало, но все они наторелые вояки, закаленные беспрерывными походами. Народ молодой, отборный, заласканный. Они вошли во вкус сражаться с безоружными крестьянами и одерживать над ними легкие победы. Им обещаны всякие льготы, всякие милости от военачальников и от самой царицы, и они работают на славу, безжалостно, порой без всякой нужды истребляя своих собратьев. Офицеры отряда отличались уменьем воевать с огромной, но малодисциплинированной толпой и были преданы престолу, как и подполковник Михельсон» [13].

Сам же Михельсон не раз приходил в изумление от храбрости и умелых действий пугачевцев. Он писал в своих донесениях: «Мы нашли такое сопротивление, какого не ожидали: злодеи, не уважая нашу атаку, прямо бесстрашно шли нам навстречу, однако помощью Божией по немалом от них сопротивлении

были обращены в бег...»[14] «Злодеи наступали с такою сильною пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, чего только в лутших войсках надеется можно»[15].

Первая схватка Михельсона с Пугачевым под Казанью длилась семь часов, до густых сумерек. Плохо вооруженные и необученные, пугачевцы отступили и частью рассеялись. Михельсон захватил несколько пушек и до 700 пленных, главным образом безоружных крестьян. Осажденные в Казанском кремле побоялись выйти, чтобы помочь в бою правительственным войскам.

На следующий день утром сражение повторилось. Михельсон остановился на Арском поле и обратился к Бранту с просьбой выслать ему в помощь воинский отряд, поскольку Пугачев наступал на него с новыми силами. Из крепости вышел оставшийся в живых гарнизон города под начальством Потемкина. Вместе с этим отрядом Михельсон перешел в наступление и второй раз разбил пугачевцев.

Уходя от погони, Пугачев переправился через Казанку и отступил от города верст на тридцать. Здесь он вновь — уже в который раз! — стал собирать свои силы. Через два дня у него было уже до 15 тыс. сермяжного войска. Тогда он не устоял перед искушением и вечером снова пошел на Казань.

Третий бой Пугачева с правительственными войсками был особенно яростным. Пугачевцы сражались отчаянно и начали одолевать кадровых солдат. Тогда Михельсон сам повел в атаку свой последний резерв, включая команду обоза. У Пугачева, как всегда, не хватало снарядов. А солдаты картечью косили мятежных крестьян. Потеряв последние 9 пушек, пугачевцы и на этот раз вынуждены были отступить. Офицеры и солдаты Михельсона на протяжении 20 верст преследовали отступающих.

Казань была освобождена. Для восстановления спокойствия в крае из города в нескольких направлениях были высланы небольшие отряды правительственных войск. Некоторым из них удалось захватить отдельных сообщников Пугачева. В частности, в окрестностях Казани попал в плен Белобородов, один из выдающихся руководителей крестьянской войны. Он был высечен кнутом, потом отправлен в Москву и там казнен.

За победы над Пугачевым Михельсон получил чин полковника, 600 крестьянских душ с землею в Полоц-

кой провинции и специальный «презент» от известного владельца уральских заводов Демидова. Офицерам из отряда Михельсона было роздано 3146 крестьян с землею, а некоторые из них получили пожизненные пенсии. Все нижние чины удостоились тройного жалованья.

Относительно Михельсона А. С. Пушкин сделал интересное замечание в «Истории Пугачева». В конце седьмой главы он писал: «История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видели, как быстро и как неутомимо Михельсон преследовал Пугачева. Если Потемкин и Брант сделали бы свое дело и успели удержаться хоть несколько часов, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было бы нам обвинять без доказательства старого, заслуженного воина, проведшего всю жизнь на поле чести и умершего главнокомандующим русскими войсками» [16].

Из-под Казани Пугачев со своими малыми разрозненными силами левым берегом Волги направился в сторону Нижнего Новгорода. Пройдя около 100 верст, он 18 июля с помощью бурлаков на «купеческих посудинах», плотах и лодках переправился на правый берег у селения Сундырь. Здесь вокруг него стали собираться новые толпы тех, кто больше не мог терпеть своего рабского положения. К нему поодиночке, группами и небольшими отрядами подходили крестьяне, рыбаки и разные беглые люди. На берегу русской реки-кормилицы собравшиеся во весь голос читали новый манифест «государя Петра Федоровича» от 31 июля 1774 г., сыгравший огромную роль в восстановлении численности его войска. В нем объявлялись воля, вера и сносная жизнь всем обездоленным: «Жалуем сим именным указом о монаршим и отеческим нашем милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне; и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных

и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку; и свобождаем всех от прежде чинимых от злодеев-дворян и градцких мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощениев...»[17] С точки зрения военной стратегии переход Пугачева на правобережье имел и свои недостатки. По мере удаления от Башкирии от него постепенно откалывалась башкирская конница. В Башкирии действовал свой вождь — Салават Юлаев. Естественно, что любой башкир предпочитал сражаться по призыву своего Салавата, а не русского царя. Возникала и другая проблема — проблема пушек, снарядов и пороха. На Урале все эти крайне важные составные войны Пугачев получал на горнорудных заводах. А где брать их теперь?

В Петербурге о сожжении Казани и о переходе Пугачева на правый берег Волги узнали 21 июля. Такое известие не на шутку обеспокоило Екатерину. Теперь она опасалась уже за судьбу Москвы и поэтому, созвав 22 июля заседание Совета при высочайшем присутствии, резко осудила действия князя Щербатова. Екатерина даже объявила намерение самой ехать «для спасения Москвы и внутренности империи» и потребовала, чтобы каждый член Совета высказал свое мнение. «Безмолвие между нами было великое»,— вспоминал впоследствии Никита Панин. Наконец пришедшие в себя члены Совета начали давать императрице противоречивые советы. В итоге, не придя к единому мнению, они решили обождать.

Вопрос решился уже без других заседаний: по настоянию Г. Потемкина и Н. Панина согласились послать находившегося в Москве по болезни боевого генерала П. И. Панина, прославившегося в Семилетнюю войну при Кунерсдорфе и в русско-турецкую войну взятием Бендер и мечтавшего расправиться с «адским злодеем Емелькой Пугачевым».

Через два дня, 23 июля, в Петербург пришло второе, очень важное известие — 10 июля на выгодных для России условиях с турками был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Трудная война с Турцией, длившаяся шесть лет, закончилась блестящей победой русского оружия. Теперь у правительства Екатерины были развязаны руки, и оно могло бросить против Пугачева все свои резервы.

На усмирение восставших решено было послать генерал-поручика Суворова. Семь конных и пеших полков, квартировавших в Новгороде, Воронеже и других городах, получили приказ немедленно следовать в Москву.

Под команду Петра Панина поступило немалое число войск. Волконский передал ему отряд генерала Чорбы в составе 3162 человек при восьми пушках. В Оренбурге кроме местного гарнизона стояли три полевые команды Долгорукого. В Бугульме находились отряды Юшкова и Кожина. В Башкирии, по р. Белой, действовал отряд полковника Шепелева. Верхне-Яицкую линию оборонял генерал Фрейман. Отряд полковника Рылеева прикрывал Уфу. Крупный корпус де-Колонга стоял на Сибирской линии. Генерал Мансуров, оставив Яицкий городок, следовал на Сызрань. Преследование Пугачева было поручено Михельсону, Меллину и Муфелю. В дополнение ко всему были двинуты полки из Крыма, с Дона и Кубани.

Главнокомандующий был предупрежден, что ему надлежит не столько «поражать, преследовать и истреблять злодеев», а «поелику возможно, сокращая пролитие крови заблуждающихся, возвращать их на путь исправления».

Таким образом, чтобы погасить наконец бушевавший повсюду пожар войны, правительство Екатерины к концу июля выставило против Пугачева целую армию, состоявшую из восьми полков пехоты, девяти легких полевых команд, 18 гарнизонных батальонов, восьми полков регулярной кавалерии, четырех донских полков, полка малороссийских казаков и других более мелких частей. На правобережье Волги крестьянская война разгорелась с новой силой. Пугачев в это время снова разбивал свое народное войско на полки и сотни, назначал новых полковников и сотников. Ему активно помогали его давние сподвижники — атаман Овчинников и полковник Творогов, а также бывший офицер Горбатов. Было решено направиться к Москве через Нижний Новгород. Однако успели пройти всего 15 верст, когда получили достоверные сведения, что Нижний сильно укреплен, а из Свияжска движется большой отряд правительственных войск. Тогда Пугачев повернул на юг, к Цивильску, а потом — на Курмыш.

25 июля генерал-губернатор Москвы Волконский объявил, что Пугачев намерен двинуться на Курмыш, чтобы «сделать покушение на Москву». Сенат призвал к самозащите дворян, торговых людей и мещан

и постановил денежные суммы всех городов Московской губернии немедленно отправить в бывшую столицу.

В Москве началось брожение. Участились случаи столкновения с полицией, простой люд — фабричные рабочие, крестьяне, многочисленная дворня и часть ремесленников открыто вели между собою разговоры о «царе-батюшке», об освобождении от засилья ненавистных господ.

В лагерь Пугачева продолжали прибывать крестьяне. Но, продвигаясь очень быстро, вождь восстания брал в свою армию только конных. Пешие крестьяне разбивались на партизанские отряды, выбирали себе вожаков и, растекаясь по окрестностям, разоряли помещичьи усадьбы, нередко вступали в схватку с правительственными войсками, расправлялись с дворянами.

О пугачевском восстании оставил воспоминания Д. Б. Мертваго, впоследствии генерал-провиантмейстер и сенатор эпохи Александра I. Детство Мертваго прошло в Казанской губернии. Казаки-пугачевцы разгромили их родовое имение, отца повесили и стреляли в него, как в мишень. Дворянских недорослей крестьяне повезли в город Алатырь и сдали пугачевцам: за каждого привезенного на расправу дворянина вне зависимости от возраста и пола выдавалось 10 руб. наградных. В последний момент посаженных в тюрьму дворян спасли вошедшие в город правительственные войска [18].

27 июля главные силы Пугачева подошли к Саранску. И здесь местное население и духовенство торжественно встретили восставших. Примечательно, что во главе встречавших находился не какой-нибудь поп-расстрига, а сам архимандрит Петровского монастыря Александр, впоследствии сосланный в «вечное заточение». В Саранске Пугачев забрал семь пушек, ядра, порох, 9 тыс. руб. медной монетой и, не задерживаясь, направился в Пензу. Следом за ним шел со своими солдатами граф Меллин.

1 августа небольшой отряд казаков, посланный Пугачевым для разведки по пути следования, прибыл в Пензу и на базарной площади всенародно объявил манифест «государя Петра Федоровича». Этого было достаточно, чтобы все городское начальство кинулось в бега, после чего Пугачев без единого выстрела вступил в город. Крестьяне верили «батюшке-государю» и готовы были служить ему, не щадя живота своего.

Однако некоторые сподвижники Пугачева уже стали сомневаться в успехе задуманного ими дела.

Зная, что Меллин идет по следу, 3 августа он оставил Пензу, прихватив с собою шесть пушек, 590 ядер, 54 пуда свинца, 16 пудов пороха, много ружей и сабель и 13 тыс. руб. медной монетой. 5 августа в Пензу почти одновременно вступили войска Меллина и Муфеля.

На пути в Пензу и далее к Саратову в ставку Пугачева толпами шли восставшие крестьяне. Но основное ядро пугачевских сил при этом не возрастало численно. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, огромная толпа, не в одну тысячу человек, с большим обозом не могла идти по одной дороге — не хватало ни продовольствия для людей, ни фуража для лошадей. Во-вторых, крупные отряды воинственно настроенных крестьян без разрешения Пугачева, самочинно выбирали себе полковников и расходились во все стороны по уездам. Они по своему усмотрению, памятуя наказ «государя», мстили помещикам и их прихвостням за многолетние обиды, проявляя порою еще большую жестокость, чем сам Пугачев.

Интересными свидетельствами этого периода являются воспоминания дворянского мальчика, попавшего в самое пекло восстания и оставшегося живым. Восставшие крестьяне схватили его и повезли на расправу к пугачевцам в город. «Отъехав две версты от села, увидел я, сквозь щели телеги, брошенные близ дороги тела убитых дворян. Полагая, что между ними находятся и тела близких моему сердцу, спросил я у крестьянина, куда везет он меня. «В город,— отвечал он,— потому что там только велено убивать дворян...»

Я стал просить, чтоб, развязав меня, он позволил найти тела матушки и сестер и проститься с ними, но он сказал мне презрительно: «Ты сегодня же с ними на том свете увидишься»»» [19].

Движение Пугачева по правому берегу Волги от Казани можно выделить в третий этап крестьянской войны. Отличительными чертами этого периода были разгул стихийности, с одной стороны, а с другой — поспешное отступление Пугачева от все нарастающего преследования правительственных войск.

«Если внимательно всмотреться в грозные события, быстро развернувшиеся на правом берегу Волги, то можно с ясностью видеть, что пугачевское движение теперь утратило почти всякое организационное начало и вылилось в форму движения стихийного... И все

пошло самотеком. В руках Пугачева ныне осталась не власть, а как бы признак власти... Зачинался массовый стихийный мятеж крестьянской Руси, зачиналось пугачевское движение без Пугачева...»[20]

На заре 6 августа пятитысячная армия Пугачева подошла к Саратову. Город не был подготовлен к обороне — его комендант полковник Бошняк, инженер Ладыженский и представитель казанской Комиссии поручик Державин не могли поделить между собою власть и в пререканиях упустили дорогое время. Поэтому несколько выстрелов с Соколовой горы, произведенных по приказу Пугачева, вызвали общую панику. В город хлынули толпы повстанцев. Они освободили заключенных, взломали винные погреба. Скоро начался пьяный разгул и грабеж купеческих домов и торговых лавок, вспыхнули пожары. Целый день бушевали страсти, и только темная ночь и холодный дождь принесли людям успокоение.

Наутро Пугачеву доложили, что захвачены бежавшие из города на судах дворяне. О том, что последовало дальше, сохранилось свидетельство попавшего впоследствии за «возмутительные речи» под следствие кузнеца Алексея Горбунова. Из своего лагеря в трех верстах от города Пугачев прибыл на берег Волги. Перед «батюшкой-царем» весь народ опустился на колени. По приказу Пугачева пленных дворян ружьями и пиками погнали топить в Волгу. Человека четыре, умевшие плавать, почти пересекли реку, но их догнали на лодках и также утопили.

В соборной церкви Саратова Пугачев принял присягу жителей. А 9 августа его воинство двинулось дальше — на юг, к Царицыну. Среди саратовских трофеев было более тысячи ружей, много пороха, пять пушек и 26 тыс. руб. медной монетой.

Пугачев спешил. Но ему не удавалось оторваться от своих преследователей. 11 августа в Саратов вступили Меллин и Муфель. Начались казни и порка кнутом населения, сочувствовавшего восстанию. 14 августа в город пришел полковник Михельсон. И почти следом за ним появился отряд генерала Мансурова. Все эти хорошо вооруженные регулярные войска имели перед собою одну цель — вступить в бой с необученной и разношерстной толпой крестьян, поднявшихся на восстание.

Куда спешил Пугачев? И имел ли он какой-нибудь стратегический замысел? План его был прост и, с его точки зрения, достаточно обоснован. Он хотел проско-

чить около Царицына между Волгой и Доном, поднять донских и яицких казаков, уйти с ними на Кубань и там провести зиму. Что потом? А потом будет видно. Может быть, оттуда даже легче организовать новый поход на Москву?

В этом плане Пугачева было одно очень слабое место. Оно заключалось в том, что он не знал настроения донских казаков и их отношения к восстанию. Казаки Дона жили богаче яицких казаков; они даже с пренебрежением относились к яицкой голытьбе и выступать против правительства Екатерины не имели особого желания. К тому же было и другое немаловажное для Пугачева затруднение — на Дону многие знали Емельяна Ивановича, и его императорскому сану мало кто верил.

Пугачев был безусловно талантливым человеком. На Руси в разные времена подвизались многие самозванцы. Среди них количество «императоров» по имени Петр III определялось даже двузначным числом. Но все они канули в Лету. И только один неграмотный казак Пугачев сумел подняться до уровня народного вождя и зажечь неслыханный пожар крестьянской войны, потрясший Российскую империю от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Он очень любил жизнь и больше всего ценил свободу. «Свобода! То, о чем мечтали миллионы крепостных!.. Казаки, однако, имеют ее несравненно больше, чем мужики, которые могут лишь мечтать о донских или яицких вольностях и постоянно реализуют мечту уходом, побегом на край империи, в казаки... Оказывается, для того чтобы восстать, чтобы начать, уже нужна известная свобода, которой не хватает подавленному помещичьему рабу...»[21] За какой-нибудь десяток лет он на себе испытал 4 ареста и совершил 6 побегов (2 из них из собственного дома). И всегда жил в гуще простого народа и интересами народа.

К этому времени в сознании Пугачева и многих его сподвижников все чаще стали появляться тревожные мысли об исходе восстания. Надежда на успех с каждым днем становилась все менее и менее реальной. В этих условиях опытный и прозорливый Пугачев не мог не думать о том, что, спасая свои шкуры, некоторые его атаманы не устоят перед соблазном предательства. Конечно, этого не сделают ни Овчинников, ни Перфильев, ни Горбатов. Он не сомневался, что этого не допустили бы Хлопуша, Зарубин-Чика,

Шигаев, Падуров, Белобородов и Почиталин. Но где теперь эти его верные друзья? После таких грустных раздумий Пугачев мог бы принять меры, чтобы обеспечить свою безопасность. Но он отличался большой терпимостью к людским грехам и слабостям, в которых винил прежде всего себя,— он надеялся, что ему удастся спасти не только себя, но и своих атаманов.

«В Пугачеве сильно представлен беспокойный, бродяжий, пылкий дух и, сверх того, артистический дар, склонность к игре, авантюре.

Пугачев играл великую отчаянную трагическую игру, где ставка была простая: жизнь...» [22]

Интересным и далеко не простым было отношение Пушкина к личности Пугачева. Конечно, в своих работах он называл его злодеем, разбойником и прочими нелестными словами. Но при этом, между строк, он всегда представлял его незаурядным человеком, вожаком народного движения, исторической личностью. И можно сказать, что симпатии великого поэта в ряде случаев были на стороне этого «разбойника». На экземпляре своего «Пугачева», подаренном знаменитому герою-партизану и тоже поэту Денису Давыдову, Пушкин написал:

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой;
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой [23].

21 августа 1774 г. Пугачев подступил к Царицыну. Попытка с ходу взять город не увенчалась успехом. Тогда наступавшие отошли к Сарепте. 22 августа в Царицын прибыли войска Михельсона. Не принимая боя, Пугачев направился вниз по правому берегу Волги, к Черному Яру. 24 августа корпус Михельсона настиг отступавших у Солениковой ватаги, в 105 верстах от Царицына. Здесь произошел последний бой, в котором Пугачев потерпел окончательное поражение. Он потерял 2 тыс. человек убитыми и 6 тыс. пленными. Среди убитых был главный войсковой атаман Овчинников. На поле боя восставшие оставили 24 пушки. Пугачев бежал за Волгу, сначала на ее луговой берег, а потом в степи. С ним бежали его атаманы Творогов, Чумаков и Федульев, а также 160 яицких казаков и небольшой отряд «разночинцев».

3 сентября в Царицын прибыл генерал-поручик А. В. Суворов. Он имел от графа Панина предписание командирам всех воинских частей и губернаторам беспрекословно исполнять все его распоряжения. Приняв командование над войсками Михельсона, Суворов в Царицыне переправился через Волгу и, посадив пехоту на лошадей, направился в степи для поимки Пугачева. 11 сентября его отряд достиг р. Малый Узень, где в скитах жили раскольники. Чувствовалось, что Пугачев где-то близко. И действительно, предводитель крестьянской войны был в то время совсем недалеко, но... уже в качестве пленника.

Пугачев хотел идти к Каспийскому морю, надеясь пробраться как-нибудь в киргиз-кайсацкие степи. Его атаманы притворно согласились с этим, а сами уже договорились выдать своего вождя. Для большей уверенности Творогов, Чумаков и Федульев склонили к измене физически сильных казаков Тимофея Железнова и Ивана Бурнова. Сначала вместе с другими хуторянами они избавились от ненадежных «разночинцев» — отняли у них лошадей. Потом уговорили Пугачева завернуть на Узень, чтобы забрать с собою своих жен. И здесь, на Большом Узене, 8 сентября заговорщики арестовали его, надеясь ценою предательства спасти свои жизни.

В ночь с 14 на 15 сентября связанный Пугачев был доставлен в Яицкий городок и сдан капитану Маврину. Сюда же привезли жену Пугачева Софью с сыном Тимофеем. 16 сентября прибыл и генерал Суворов.

«Суворов не успел нанести поражение самозваному герою. Но известно, что Александр Васильевич, когда к нему привезли Пугачева, беседовал с ним с глазу на глаз четыре часа. Так и осталось тайной, о чем была та беседа. Стыдливо скрывали мы тот факт, что именно Суворов, всегда отличавшийся исключительным милосердием к побежденным и уважением к противнику, разумеется, честному и достойному, о чем свидетельствуют десятки, даже сотни фактов из его боевой биографии, на этот раз не проникся сочувствием к пойманному...»[24]

На это можно поставить встречный вопрос: а мог ли и хотел ли дворянин Суворов проникаться сочувствием «к злодею-самозванцу Емельке» (собственные слова Суворова)? Во всяком случае он не унизил себя до собственноручной расправы с пленным, не драл ему бороду — то, что делал впоследствии в Симбирске П. И. Панин.

Удивление авторов сборника исторических статей «Дорогами тысячелетий» носит, на наш взгляд, несколько наивный характер: евангельские («общечеловеческие») принципы обычно плохо сочетаются с реальными фактами истории, и настоящий пример — лишнее тому подтверждение.

В этом же сборнике очень много нареканий в адрес Пугачева. Однако, по словам Пушкина, Пугачев «ничего не предпринимал без согласия яицких казаков; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле». Слова «Улица моя тесна» выразительно увенчали собой пушкинскую характеристику положения предводителя восстания в ближайшем его окружении. В романе «Капитанская дочка» на вопрос: «А ты полагаешь идти на Москву?» — самозванец, задумавшись, отвечает: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» [25].

«Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева», причем из последующих пояснений, основанных на высказываниях этих современников восстания, видно, что привязанность к памяти Пугачева исполнена чувства глубокого почитания: «он нам зла не сделал», он-де не был повинен в жестокостях — «не его воля была; наши пьяницы его мутили»; он выступал как выразитель интересов народа и был не самозванец Пугачев, а «великий государь Петр Федорович» [26].

Имя Пугачева «гремит еще в краях», где он действовал, и «народ живо еще помнит» ту кровавую пору, «которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною» [27].

Что же касается многочисленных жестокостей в отношении дворян, то простой народ их оправдывал. Показательно, например, мнение упоминавшегося уже кузнеца Горбунова. Когда следователи во время допроса спросили, осуждает ли он расправу с дворянами в Саратове (Пугачева-де за одно это можно назвать «злодеем»), то Горбунов, рассмеявшись, возразил: «Вить первый император казнил стрельцов? Ну так кровь за кровь отмщается» [28].

А. С. Пушкин, при написании «Истории Пугачевского бунта» исследовавший вопрос об отношении различных классов и социальных группировок к восстанию, так определил состояние дел в ту эпоху: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему до-

брожелательствовало, не только попы и монахи, но архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства»[29].

О завершающем этапе крестьянского восстания интересные сведения сообщает историк А. Петрушевский*. В Яицке, куда был доставлен Пугачев выдавшими его соратниками, было решено изготовить «нечто подобное большой клетке на четырех колесах». Конвоировал Пугачева особый отряд из трех рот пехоты и 200 казаков под командованием А. В. Суворова.

«Когда все было готово,— пишет Петрушевский,— Суворов тронулся в путь и все время лично наблюдал за сохранностью Пугачева... Езда в клетке** очень не нравилась Пугачеву, и, чтобы заставить его быть спокойнее, принуждены были и его, и его 12-летнего сына посадить каждого в особую крестьянскую телегу и привязать к ней веревками, а для лучшего присмотра за ними ночью зажигали факелы». Таким образом прибыли 1 октября в Симбирск, и Суворов сдал Пугачева Панину[30].

Следует отметить, что главные силы пугачевцев были разбиты еще до приезда Суворова. Однако энергичное преследование кавалерией под личной командой Суворова остатков разбитой армии пугачевцев в большой степени повлияло на решение казаков выдать своего предводителя царским властям***.

---

* *Александр Фомич Петрушевский* — историк, генерал-лейтенант, один из лучших дореволюционных биографов Суворова (три тома, два издания) и автор рассказов о Петре I. Особой популярностью пользовались его «Рассказы про старое время на Руси» (20 изданий).

** Интересно, что современный автор считает клетку (которую *не до столь уж давнего времени можно было видеть в экспозиции* Государственного Исторического музея в Москве) «выдумкой» и оправдывает ее применение Суворовым, трактуя как «меру, вполне объяснимую»: «и по сей день во всем мире для перевозки преступников используют закрытые экипажи» (*Лопатин В. С.* Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 30).

Поистине крайности сходятся в необъективности: если раньше старались скрыть участие Суворова в деле с клеткой, то теперь она объявляется закономерным и обычным «закрытым экипажем».

*** Организуя погоню за Пугачевым и его поимку, Суворов рассчитывал, что Екатерина по своей обычной щедрости его наградит («Возвратясь в обществе разбойника с Уральской степи, ожидал себе Св. Ан.», т. е. орден Святого апостола Андрея Первозванного, один из высших российских орденов). Но действительность преподнесла ему неожиданный удар. Павел Потемкин, троюродный брат фаворита, донес Екатерине о теплой встрече П. Панина и Суворова и о публичном заявлении Панина о том, что «якобы Суворов поймал

В Симбирске Панин лично допрашивал Пугачева. Последний держался уверенно и смело отвечал на все вопросы высокого начальника. Граф-самодур не захотел сдержаться — он закончил допрос закованного в цепи Пугачева мордобоем. Эти графские пощечины вождю крестьянской войны потом «прогремели на всю Россию».

Из Симбирска Пугачева, его жену, сына и всех остальных главных «бунтовщиков» направили в Москву. Их переезд был обставлен большими предосторожностями, «словно по московской дороге шла неприятельская армия». По приказу Петра Панина во всех крупных попутных селениях были размещены воинские команды. 4 ноября прибыли в древнюю столицу. Там Пугачева поместили в специально оборудованное помещение в Охотном ряду, на Монетном дворе, приковав к стене. И сразу начались допросы, длившиеся около 10 дней. Их вели генерал-губернатор Москвы князь Волконский и известный заплечных дел мастер Шешковский. Сильный духом и телом Пугачев держался мужественно, но и он в руках Шешковского был доведен до припадков. Отдавая должное поведению Пугачева на допросах, Волконский писал Екатерине: «Однако ж при всем том он не всегда уныл, а случается, что он смеется».

20 декабря в Санкт-Петербурге был опубликован манифест о предании Пугачева и его сообщников суду «соединенного присутствия Сената, Синода, президентов всех коллегий и особ первых трех классов». Суд заседал 30 и 31 декабря в Тронном зале Кремлевского дворца. «Скорый и правый», он приговорил: «За все учиненные злодеяния бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву в силу прописанных божеских и гражданских законов учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь»; Афанасия Перфильева

злодея». П. Потемкин заявлял: «Осмелюсь сказать, что имел более участия (в поимке.— *Авт.*), нежели господин Суворов». Недолюбливавшая Паниных Екатерина немедленно написала своему фавориту: «Голубчик, Павел прав: Суворов тут участия более не имел как Томас (любимая комнатная собачка императрицы.— *Авт.*), а приехал по окончании драк и по поимке злодея...» (РИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 446).

В результате интриги со стороны могущественной потемкинской группировки самолюбивого полководца очередными наградами обошли. Он хорошо усвоил этот урок и в последующих отношениях с Г. А. Потемкиным вплоть до 1791 г. стал всячески искать его благоволения.

«за его упорство и ожесточение в своих злодеяниях» четвертовать; Максима Шигаева, Тимофея Падурова и Василия Торнова повесить; Ивана Зарубина-Чику казнить отсечением головы в Уфе, где «все его богомерзкие дела произведены были»; 18 других пугачевцев наказать кнутом, вырвать им ноздри и отправить на каторгу *.

Пятеро предателей и их приспешники (всего девять человек), выдавшие Пугачева, были «помилованы», причем одних выслали в Рижскую губернию, других, в том числе Творогова,— на север.

8 января последовал рескрипт Екатерины II генерал-прокурору Сената Вяземскому о приведении в исполнение приговора над пугачевцами. Казнь Пугачева и его сподвижников была совершена на Болоте 10 января 1775 г. Площадь, где стоял эшафот с помостом и виселицами по сторонам, была окружена войсками. За эту живую изгородь из солдат с ружьями наизготове пропускали только сановников и богатых дворян. Народ огромной толпой стоял за войсковым каре, заполняя не только площадь, но и прилегающие улицы. Очевидец казни Андрей Болотов свидетельствует в своих записках: однажды, выполнив в Москве нужные дела в канцелярии, направился он обратно в свое имение и встретил на городской заставе знакомого офицера. «Да, как это, братец, уезжаешь ты от такого **праздника**?» (подчеркнуто нами.— *Авт.*) — спросил тот. «От какого такого?» — «Как, разве ты не знаешь, что сегодня станут казнить Пугачева?»

...Через несколько минут мы с ним, севши в сани, и полетели действительно на Болото, как место, назначенное для сей казни. Мы нашли уже всю площадь на Болоте и всю дорогу на нее от Каменного моста уставленную бесчисленным множеством народа...

Мы... спешили бежать к самому эшафоту, дабы захватить себе удобнейшие места для смотрения. Весь оный в некотором и нарочито великом отдалении окружен был сомкнутым тесно фронтом войск, поставленных

---

* Софью Пугачеву, ее детей и Устинью Кузнецову заключили в Кексгольмскую крепость (5 июля 1803 г. их увидел император Александр I; он приказал освободить заключенных и разрешил им жить в городе под присмотром полиции).

Заметим, кстати, что еще Пушкин обратил внимание на то, что, казня Т. Падурова — депутата Комиссии по составлению нового *Уложения*, *Екатерина совершила явное беззаконие, нарушив собственное обещание никогда не предавать смерти депутатов.*

к своему пропитанию полынь до сорок алтын, а дубовые желудки до полутора рублей четверть... В первый месяц неурожая, в самых хлебородных местах, почти нет ни у кого запасного хлеба»[33].

Впоследствии П. Панин испросил у императрицы специальные суммы на устройство казенных хлебных амбаров, строго запретил повышать цену на хлеб сверх им установленного и обязал имущих уступить свой хлеб «по сходной цене».

Все эти меры (наряду с карательными) способствовали прекращению движения.

В конце 1775 г. было обнародовано «общее прощение и повелено все дело предать вечному забвению». Чтобы искоренить из народной памяти воспоминание о пугачевщине, Яик-река была переименована в Урал, Яицкий городок — в Уральск, а Яицкое казачье войско стало называться Уральским.

Изучением документов по истории крестьянской войны занимались многие ученые. Работы В. С. Иконникова, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. Д. Дубровина, современных историков — В. В. Мавродина, Р. В. Овчинникова, А. И. Андрущенко и другие освещают и отдельные стороны движения, и все его в целом. Свое отражение пугачевское движение нашло и в художественной литературе. А. С. Пушкин упорно и кропотливо собирал документальные материалы по крестьянской войне. В «Истории Пугачева», романе «Капитанская дочка» он последовательно излагает ход восстания, показывает, что оно было неизбежной реакцией народа на усиление крепостнического гнета.

Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. Пугачева оставила заметный след в истории. Она охватила огромную территорию — Оренбургский край, Западную Сибирь, Урал, Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье, подошла к границам Московской губернии. Наравне с крестьянами, казаками и городским населением активное участие в ней принял горнозаводский «работный люд», будущий рабочий класс. Важной стороной движения была попытка придать ему черты организованности, и создание Военной коллегии — органа военной, судебной и административной власти является наглядным доказательством.

Сам предводитель восстания Емельян Пугачев имел определенные стратегические способности; при умелом использовании тактики и партизанской борьбы каждый раз ему удавалось уйти от преследования

и сберечь силы от окончательного разгрома, а затем снова собрать многочисленные отряды.

Общенациональные классовые интересы угнетенных: освобождение крестьян от крепостной неволи, безвозмездная передача земли крестьянам, провозглашение «воли» — находили отклик и поддержку у казаков, среди которых началось движение, и у представителей всех нерусских народностей, на территории которых перекидывались волны крестьянской войны. Русские, башкиры, татары, мордва, марийцы, казахи, удмурты и др., сражаясь бок о бок, закладывали основы для понимания общности интересов трудового населения всех национальностей.

Стихия, поднявшая на борьбу сотни тысяч людей, показывает, насколько наивными были их представления о конечных целях восстания. С кольями и вилами, рогатинами и топорами народ шел на войну за свержение власти господ, но при сохранении прежней привычной формы государственной власти в виде монархии с «хорошим мужицким царем».

Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева *поддержала традиции борьбы с бесправием* и угнетением (И. Болотников, С. Разин, К. Булавин). Она сыграла свою роль и в истории политического и социального развития России.

Обычно, оценивая это событие, историки отмечают, что крестьянская война нанесла удар крепостническому строю и ускорила торжество новых капиталистических отношений. При этом часто забывается, что охватившая громадные просторы России война привела к уничтожению масс населения (и множества крестьян, значительного числа дворян), расстроила хозяйственную жизнь в этом регионе и тяжело отразилась на развитии производительных сил.

Насилие и жестокости, в полной мере проявленные противоборствующими сторонами, не могли решить ни одну из назревших проблем социально-экономического развития. Вся история восстания и его последствия — ярчайшее подтверждение гениальной оценки А. С. Пушкина:

«Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» [34].

В Симбирске Панин лично допрашивал Пугачева. Последний держался уверенно и смело отвечал на все вопросы высокого начальника. Граф-самодур не захотел сдержаться — он закончил допрос закованного в цепи Пугачева мордобоем. Эти графские пощечины вождю крестьянской войны потом «прогремели на всю Россию».

Из Симбирска Пугачева, его жену, сына и всех остальных главных «бунтовщиков» направили в Москву. Их переезд был обставлен большими предосторожностями, «словно по московской дороге шла неприятельская армия». По приказу Петра Панина во всех крупных попутных селениях были размещены воинские команды. 4 ноября прибыли в древнюю столицу. Там Пугачева поместили в специально оборудованное помещение в Охотном ряду, на Монетном дворе, приковав к стене. И сразу начались допросы, длившиеся около 10 дней. Их вели генерал-губернатор Москвы князь Волконский и известный заплечных дел мастер Шешковский. Сильный духом и телом Пугачев держался мужественно, но и он в руках Шешковского был доведен до припадков. Отдавая должное поведению Пугачева на допросах, Волконский писал Екатерине: «Однако ж при всем том он не всегда уныл, а случается, что он смеется».

20 декабря в Санкт-Петербурге был опубликован манифест о предании Пугачева и его сообщников суду «соединенного присутствия Сената, Синода, президентов всех коллегий и особ первых трех классов». Суд заседал 30 и 31 декабря в Тронном зале Кремлевского дворца. «Скорый и правый», он приговорил: «За все учиненные злодеяния бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву в силу прописанных божеских и гражданских законов учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь»; Афанасия Перфильева

злодея». П. Потемкин заявлял: «Осмелюсь сказать, что имел более участия (в поимке.— *Авт.*), нежели господин Суворов». Недолюбливавшая Паниных Екатерина немедленно написала своему фавориту: «Голубчик, Павел прав: Суворов тут участия более не имел как Томас (любимая комнатная собачка императрицы.— *Авт.*), а приехал по окончании драк и по поимке злодея...» (РИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 446).

В результате интриги со стороны могущественной потемкинской группировки самолюбивого полководца очередными наградами обошли. Он хорошо усвоил этот урок и в последующих отношениях с Г. А. Потемкиным вплоть до 1791 г. стал всячески искать его благоволения.

«за его упорство и ожесточение в своих злодеяниях» четвертовать; Максима Шигаева, Тимофея Падурова и Василия Торнова повесить; Ивана Зарубина-Чику казнить отсечением головы в Уфе, где «все его богомерзкие дела произведены были»; 18 других пугачевцев наказать кнутом, вырвать им ноздри и отправить на каторгу *.

Пятеро предателей и их приспешники (всего девять человек), выдавшие Пугачева, были «помилованы», причем одних выслали в Рижскую губернию, других, в том числе Творогова,— на север.

8 января последовал рескрипт Екатерины II генерал-прокурору Сената Вяземскому о приведении в исполнение приговора над пугачевцами. Казнь Пугачева и его сподвижников была совершена на Болоте 10 января 1775 г. Площадь, где стоял эшафот с помостом и виселицами по сторонам, была окружена войсками. За эту живую изгородь из солдат с ружьями наизготове пропускали только сановников и богатых дворян. Народ огромной толпой стоял за войсковым каре, заполняя не только площадь, но и прилегающие улицы. Очевидец казни Андрей Болотов свидетельствует в своих записках: однажды, выполнив в Москве нужные дела в канцелярии, направился он обратно в свое имение и встретил на городской заставе знакомого офицера. «Да, как это, братец, уезжаешь ты от такого **праздника**?» (подчеркнуто нами.— *Авт.*)— спросил тот. «От какого такого?»— «Как, разве ты не знаешь, что сегодня станут казнить Пугачева?»

...Через несколько минут мы с ним, севши в сани, и полетели действительно на Болото, как место, назначенное для сей казни. Мы нашли уже всю площадь на Болоте и всю дорогу на нее от Каменного моста уставленную бесчисленным множеством народа...

Мы... спешили бежать к самому эшафоту, дабы захватить себе удобнейшие места для смотрения. Весь оный в некотором и нарочито великом отдалении окружен был сомкнутым тесно фронтом войск, поставленных

---

* Софью Пугачеву, ее детей и Устинью Кузнецову заключили в Кексгольмскую крепость (5 июля 1803 г. их увидел император Александр I; он приказал освободить заключенных и разрешил им жить в городе под присмотром полиции).

Заметим, кстати, что еще Пушкин обратил внимание на то, что, казня Т. Падурова — депутата Комиссии по составлению нового Уложения, Екатерина совершила явное беззаконие, нарушив собственное обещание никогда не предавать смерти депутатов.

к своему пропитанию полынь до сорок алтын, а дубовые желудки до полутора рублей четверть... В первый месяц неурожая, в самых хлебородных местах, почти нет ни у кого запасного хлеба»[33].

Впоследствии П. Панин испросил у императрицы специальные суммы на устройство казенных хлебных амбаров, строго запретил повышать цену на хлеб сверх им установленного и обязал имущих уступить свой хлеб «по сходной цене».

Все эти меры (наряду с карательными) способствовали прекращению движения.

В конце 1775 г. было обнародовано «общее прощение и повелено все дело предать вечному забвению». Чтобы искоренить из народной памяти воспоминание о пугачевщине, Яик-река была переименована в Урал, Яицкий городок — в Уральск, а Яицкое казачье войско стало называться Уральским.

Изучением документов по истории крестьянской войны занимались многие ученые. Работы В. С. Иконникова, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. Д. Дубровина, современных историков — В. В. Мавродина, Р. В. Овчинникова, А. И. Андрущенко и другие освещают и отдельные стороны движения, и все его в целом. Свое отражение пугачевское движение нашло и в художественной литературе. А. С. Пушкин упорно и кропотливо собирал документальные материалы по крестьянской войне. В «Истории Пугачева», романе «Капитанская дочка» он последовательно излагает ход восстания, показывает, что оно было неизбежной реакцией народа на усиление крепостнического гнета.

Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. Пугачева оставила заметный след в истории. Она охватила огромную территорию — Оренбургский край, Западную Сибирь, Урал, Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье, подошла к границам Московской губернии. Наравне с крестьянами, казаками и городским населением активное участие в ней принял горнозаводский «работный люд», будущий рабочий класс. Важной стороной движения была попытка придать ему черты организованности, и создание Военной коллегии — органа военной, судебной и административной власти является наглядным доказательством.

Сам предводитель восстания Емельян Пугачев имел определенные стратегические способности; при умелом использовании тактики и партизанской борьбы каждый раз ему удавалось уйти от преследования

и сберечь силы от окончательного разгрома, а затем снова собрать многочисленные отряды.

Общенациональные классовые интересы угнетенных: освобождение крестьян от крепостной неволи, безвозмездная передача земли крестьянам, провозглашение «воли» — находили отклик и поддержку у казаков, среди которых началось движение, и у представителей всех нерусских народностей, на территории которых перекидывались волны крестьянской войны. Русские, башкиры, татары, мордва, марийцы, казахи, удмурты и др., сражаясь бок о бок, закладывали основы для понимания общности интересов трудового населения всех национальностей.

Стихия, поднявшая на борьбу сотни тысяч людей, показывает, насколько наивными были их представления о конечных целях восстания. С кольями и вилами, рогатинами и топорами народ шел на войну за свержение власти господ, но при сохранении прежней привычной формы государственной власти в виде монархии с «хорошим мужицким царем».

Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева поддержала традиции борьбы с бесправием и угнетением (И. Болотников, С. Разин, К. Булавин). Она сыграла свою роль и в истории политического и социального развития России.

Обычно, оценивая это событие, историки отмечают, что крестьянская война нанесла удар крепостническому строю и ускорила торжество новых капиталистических отношений. При этом часто забывается, что охватившая громадные просторы России война привела к уничтожению масс населения (и множества крестьян, значительного числа дворян), расстроила хозяйственную жизнь в этом регионе и тяжело отразилась на развитии производительных сил.

Насилие и жестокости, в полной мере проявленные противоборствующими сторонами, не могли решить ни одну из назревших проблем социально-экономического развития. Вся история восстания и его последствия — ярчайшее подтверждение гениальной оценки А. С. Пушкина:

«Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»[4].

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ 1775 г.

«Это была, пожалуй, самая веселая пора екатерининского правления. Минувшие войны были победоносны, значение России возрастало, осыпанное милостями дворянство приходило в себя после ужасов пугачевщины... Двор и Петербург жили занятною и кипучей жизнью, в которой великолепие мешалось с убожеством, изысканность с грубостью. Шестерка лошадей насилу вытаскивала золоченую карету из уличной грязи; фрейлины разыгрывали пасторали на эрмитажных собраниях — случалось, что после этого их секли; вельможи собирали картины, бронзу, фарфор, отвешивали друг другу версальские поклоны и обменивались оплеухами; императрица переписывалась с Гриммом; Митрофан Простаков не хотел учиться, хотел жениться; вист, фараон и макао процветали везде — от дворца до лачуги»[1].

Жестоко расправившись с Пугачевым и его сподвижниками, правительство Екатерины II праздновало свою победу. Сама императрица, не так давно напуганная размахом стихийного народного движения, теперь могла тоже спокойно развлекаться, умело сочетая дела большой государственной важности с мелкими делами неприглядного придворного фавора. Однако радость ее снова оказалась непродолжительной. В Петербург пришло известие, что в Рагузе (ныне Дубровник) объявилась новая самозванка, претендующая на русский престол. Эта молодая, красивая и смелая авантюристка называла себя сестрою Пугачева, дочерью императрицы Елизаветы и ее фаворита Алексея Разумовского, внучкой персидского шаха Надира, принцессой Азовской и другими звонкими именами. Она никогда не называла себя княжной Таракановой и тем не менее под таким именем вошла в русскую историю.

У Екатерины II в свое время возникало предположение, не было ли народное движение во главе с Пугачевым следствием какой-нибудь иностранной политической интриги — турецкой, польской или француз-

ской. Следствие над пугачевцами не подтвердило этого. Усиление позиций России на международной арене — ее победа над Турцией в войне 1768—1774 гг. и первый раздел Польши (1772 г.) — вызывало враждебное отношение к Екатерине II не только Турции и польских конфедератов, но также Франции и Швеции. Престарелый Фридрих II тоже не хотел усиления России и не мог питать добрых чувств к бывшей немецкой девице Фике. Поэтому возможность европейско-турецкого заговора против России была вполне реальной. Екатерина все это хорошо понимала и не могла не беспокоиться.

Кто же такая княжна Тараканова? Как появилась фамилия Тараканова — остается пока неясным, но под этой фамилией известны две княжны: одна — действительно дочь от морганатического брака императрицы Елизаветы с Алексеем Разумовским, вторая — самозванка, происхождения и родителей которой мы не знаем.

Первая родилась в 1744 г. Ее нарекли Августой Тимофеевной. Место рождения неизвестно. Сначала она воспитывалась в семье родственников Разумовских — богатых украинских помещиков Дараганов (не отсюда ли «Тараканова»?). Потом ее отправили за границу, в каком возрасте, где она там проживала и воспитывалась — неизвестно. В 1785 г. по повелению Екатерины II Августа была привезена в Россию и насильно пострижена в московском Ивановском монастыре под именем Досифеи.

По существующей легенде, Ивановский монастырь был заложен около 1533 г. в память о рождении Ивана Грозного и посвящен православному празднику — дню Усекновения главы Иоанна Предтечи. Расположенный в нескольких шагах от Солянки, на стыке трех московских переулков (Старосадского, Хохловского и Малого Ивановского), он стал играть роль женской тюрьмы, «острога для лиц исключительного положения». В свое время здесь, в частности, были насильно пострижены царевна Прасковья Михайловна (вторая жена царевича Ивана, старшего сына Ивана Грозного) и царица Мария Петровна (жена царя Василия Шуйского). В XVIII в. монастырь сгорел и временно прекратил свое существование в качестве «святой обители». В 1761 г. он был восстановлен по указу Елизаветы Петровны для призрения «вдов и сирот знатных и заслуженных людей». Отпуская казенные деньги на

реставрацию монастыря за полгода до своей кончины, Елизавета, по иронии судьбы, готовила тюрьму для собственной дочери, которой в тот год исполнилось 17 лет.

Достоверность принцессы Таракановой — узницы Ивановского монастыря подтверждает ее портрет в монашеском одеянии, находившийся в настоятельских кельях московского Новоспасского монастыря. На обратной стороне портрета сохранилась надпись: «Принцесса Августа Тараканова, во иноцех Досифея, постриженная в московском Ивановском монастыре, где по многих летах праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена в Новоспасском монастыре». Судя по этому портрету, Августа имела сходство с императрицей Елизаветой. В 1867 г. портрет был представлен на постоянной художественной выставке в Москве для публичного обозрения.

П. И. Мельников (Андрей Печерский) писал, что «монахиня Досифея, как рассказывают, была кроткого нрава и безропотно подчинялась своей участи. Говорят, она имела свидание с Екатериной и беспрекословно согласилась удалиться от света в таинственное уединение, чтобы не сделаться орудием в руках честолюбцев и не быть невинною виновницей государственных потрясений»[2].

Несмотря на это, содержание ее в обители отличалось особенно строгим режимом. Для нее был выстроен отдельный домик с окошками, обращенными к монастырской стене. Никто не мог ее видеть. Встречи и разговоры с ней запрещались под страхом сурового наказания. В ее прихожей находилась одна-единственная келейница — она совмещала роль прислуги с обязанностями соглядатая и неустанного стража. В церковь Досифея ходила редко, по специальному подземному ходу. В этих случаях для нее одной совершалось специальное богослужение. Вместе с тем эта монахиня имела отдельный и очень изысканный стол. Она получала крупные суммы от тщательно скрываемых лиц — деньги шли на украшение монастыря и для благотворительной раздачи бедным и нищим. У нее был портрет императрицы Елизаветы и какие-то бумаги, которые она все же сожгла, несмотря на долгие колебания. Ее имя не значилось в клировых ведомостях монастыря.

После смерти Екатерины II к затворнице стали допускаться представители высшей московской знати —

они считали для себя честью быть представленными монахине. Некоторые из них говорили с ней «на иностранных языках». Чаще других навещал Досифею митрополит Платон.

Княжна Тараканова-Досифея умерла не в 1808 г., как было указано на ее портрете, а в 1810-м. Последние годы она стала невменяемой и приняла обет молчания. Москва была удивлена ее многолюдными и пышными похоронами. Сенаторы, члены Опекунского совета и доживавшие свой век в Москве престарелые вельможи явились на отпевание монахини в мундирах и с орденами. На похоронах в мундире с Андреевской лентой присутствовал тогдашний главнокомандующий Москвы граф И. В. Гудович, женатый на Прасковье Кирилловне Разумовской, которая приходилась двоюродной сестрой усопшей. Досифея была захоронена не в Ивановском монастыре, где она тайной затворницей провела целых 25 лет, а на кладбище Новоспасского монастыря — в усыпальнице рода бояр Романовых, рядом с родственниками царственного дома.

Что касается самозванки, претендовавшей на русский престол, то происхождение ее так и осталось невыясненным. Многие современники называли ее дочерью пражского трактирщика или нюрнбергского булочника, но такая версия маловероятна, поскольку эта молодая женщина (по ее словам, ей шел в то время 22-й год) отличалась хорошим светским воспитанием, знала французский и немецкий языки, немного говорила по-итальянски и по-английски и не знала польского и русского.

Из бумаг, изъятых у нее при аресте, следует, что после Киля она под разными именами жила некоторое время в Берлине, Генте и Лондоне. В 1772 г. под именем Алины появилась в Париже, где произошла ее встреча с Михаилом Казимиром Огинским, который официально состоял при французском дворе послом польского короля Станислава Понятовского, а неофициально был агентом польских конфедератов. Ему Алина впервые представилась как «принцесса Владимирская». Одновременно в парижском обществе распространялись слухи, что «принцесса Владимирская» воспитывалась в Персии у богатого дядюшки и что она является единственной наследницей несметных богатств. Это помогало Алине окружить себя роскошью, весело проводить время и делать новые долги, хотя ее первые поклонники успели уже попасть в тюрьму

вследствие мотовства и банкротства. Но вскоре и сама самозванка, оставшись без средств и скрываясь от долгов, переехала из Парижа во Франкфурт-на-Майне. Тут ее ожидало более чем скромное прозябание. Но счастье пока не изменяло ей — очень скоро в ее сети попался богатый имперский князь Лимбургский (он же герцог Шлезвиг-Голштинский). В начале июня 1773 г. князь увез свою возлюбленную в замок Нейсес и скоро официально объявил себя ее женихом. Теперь «принцесса Владимирская» стала называть себя султаншей Элеонорой, а также «принцессой Азовской».

В октябре 1773 г. «принцесса Азовская» переселилась в графство Оберштейн, которое ей подарил ее богатый жених. Здесь к ней стал часто наведываться Михаил Доманский, ближайший друг и помощник князя Карла Радзивилла, одного из лидеров Барской конфедерации (1768—1772), выступившей в защиту древних прав и привилегий шляхты, против Станислава Понятовского и политика Екатерины II в польском вопросе.

Карл Радзивилл был человеком гордым и тщеславным, склонным к эксцентричным выходкам. Его нельзя никак назвать умным политиком, но он обладал несметными богатствами. Вокруг этого «пане коханку» подвизалась многочисленная обедневшая польская шляхта, и он особенно не скупился на деньги. Вряд ли ему самому пришла в голову идея использовать эту женщину для заговора против Екатерины II. Не исключена возможность, что Михаил Огинский был первым из поляков, который подготовил «принцессу Владимирскую» к смелой политической авантюре еще в Париже. Как бы то ни было, эта сумасбродная идея пришлась по душе князю, и он охотно приступил к ее осуществлению.

В декабре 1773 г. в Оберштейне Элеонора (она же «принцесса Владимирская») объявила себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны и, таким образом, претенденткой на русский престол под именем Елизаветы II. После свидания с князем Радзивиллом между ними началась переписка и был принят следующий план: «принцесса Елизавета», князь Радзивилл и его ближайшее окружение отправляются в Константинополь к турецкому султану. Оттуда «Елизавета» посылает в русскую армию, находившуюся в турецких владениях, воззвание с призывом свергнуть Екатерину II с престола, который занят ею незаконно. Русской им-

ператрицей провозглашается Елизавета II. Станислав Понятовский лишается королевского трона, и Польше возвращаются все земли, отторгнутые при первом разделе.

13 мая 1774 г. самозванка под именем графини Пиннеберг приезжает в Венецию. Туда же отправляются князь Радзивилл со своими конфедератами и Михаил Доманский. С одобрения Людовика XVI для графини был приготовлен роскошный дом французского посольства при Венецианской республике. Этот факт подтверждает негласное участие Версаля в заговоре против России. Пребывание в Венеции очаровательной «Пиннеберг» наделало много шуму. В ее окружении кроме Радзивилла и Доманского оказались вельможные паны Потоцкий, Пржездецкий, Чарномский, большая группа польских и французских офицеров, были англичане и два турецких капитана — Гассан и Мехемет, корабли которых стояли в Венецианском порту.

После серии пышных обедов и приемов «графиня Пиннеберг», князь Радзивилл и их свита 16 июня 1774 г. на кораблях Гассана и Мехемета отплыли в Константинополь. Сначала путешествие шло хорошо. Но вскоре поднявшаяся буря вынудила Гассана вернуться в Венецию, а корабль Мехемета со свитой «графини» на борту бросил якорь в Рагузе. Рагузская республика находилась в оппозиции к Екатерине II, поэтому «великая княжна Елизавета» и князь Радзивилл встретили в Рагузе доброжелательный прием.

В Рагузе у самозванки появились документы, «подтверждавшие» ее права на русский престол. Вероятно, они заблаговременно были подготовлены поляками, а здесь только переписаны на французском языке рукою самой претендентки. Документы эти представляли собою копии с подложных духовных завещаний Петра I и Елизаветы Петровны, а также выдержки из действительного завещания Екатерины I. «Принцесса» была при этом заверена, что подлинники духовных завещаний на русском языке хранятся в надежных руках.

Слух о наследнице русского престола получил в Рагузе всеобщее распространение. Опасаясь в этих условиях неприятных последствий, местный сенат указал своему поверенному в делах в Петербурге сообщить Н. И. Панину «о домогательствах неизвестной женщины». Глава русского иностранного ведомства не придал значения полученному сообщению и просил сенат

Рагузы «не обращать внимания на эту побродяжку». Такой ответ был дан, конечно, с ведома и по приказанию самой Екатерины — она не хотела поднимать лишнего шума в Европе и надеялась без огласки захватить самозванку и доставить ее в Петербург.

Из Рагузы «Елизавета» отправила два важных письма. Одно из них было адресовано турецкому султану. В нем она сообщала повелителю османов о своих намерениях стать верным союзником Турции, предлагала не подписывать мира с русскими и просила выслать на ее имя фирман — специальный указ султана. Радзивилл был озадачен этим шагом своей подопечной. Он боялся скомпрометировать себя перед султаном и перед лицом всей Европы и поэтому приказал агенту в Константинополе не передавать письма по назначению, о чем, однако, не поставил в известность «княжну».

Второе письмо 18 августа 1774 г. было направлено графу Алексею Орлову-Чесменскому — командующему русским флотом, стоявшим на рейде Ливорно. «Княжна Елизавета» и Радзивилл хорошо знали, что братья Орловы к тому времени утратили доверие Екатерины II. При русском дворе теперь распоряжался Потемкин — непримиримый противник Орловых. К Алексею Орлову, имевшему в Средиземном море реальную военную силу, уже подсылали людей, убеждавших его изменить императрице. Поэтому авторы авантюры питали надежду привлечь на свою сторону русскую эскадру. Однако Алексей Орлов, трезво оценивая обстановку, не только не собирался изменять Екатерине, но, напротив, искал повода вернуть себе ее расположение. Получив пакет, он немедленно отправил его императрице, сообщая при этом свое мнение, что, «буде найдется такая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо в Кронштадт».

В декабре к Алексею Орлову прибыл из Петербурга специальный курьер. Он привез приказ Екатерины: «Поймать вклепавшую на себя имя во что бы то ни стало». Командующий русской эскадрой был даже уполномочен подойти с кораблями к Рагузе, потребовать выдачи самозванки и в случае отказа — бомбардировать город.

Обстановка в Рагузе к этому времени существенно изменилась. Поступило известие о мире между Россией и Турцией. В октябре из Константинополя пришло подтверждение о ратификации обеими сторонами мир-

ного договора. Не было желанного ответа от Алексея Орлова. Представитель Версаля перестал поддерживать новоявленную претендентку на русский престол. В европейских газетах появились статьи, по-разному освещавшие затею Радзивилла. И наконец снова наступило безденежье.

Радзивилл, разуверившись в успехе задуманного дела, охладел к своей протеже и поссорился с ней. «Княжна» заболела (признаки чахотки появились у нее еще в Венеции). Свита польских конфедератов во главе со своим «пане коханку» оставила ее и уехала в Венецию. В эту трудную минуту не изменили своей госпоже Доманский, Чарномский, бывший иезуит Ганецкий, имевший надежные связи в Риме и в Ватикане, и капитан Гассан, успевший стать ее очередным любовником.

Казалось, громкая авантюра подошла к своему концу. Но самозванка была не только смелой, но и сильной женщиной. Она не собиралась капитулировать и решила добиться политической и финансовой поддержки со стороны Ватикана, обещая после своей победы ввести в России католическую веру. На корабле Гассана она прибыла в Неаполь, где через английского посланника Гамильтона получила паспорта на свое пребывание в Риме с малой свитой.

В Риме первой неприятностью оказалось отсутствие папы — Климент XIV умер в сентябре 1774 г., а нового папу пока еще не успели избрать. В первых числах января 1775 г. через аббата Рокотане «княжне» удалось вступить в переписку с кардиналом Альбани — наиболее вероятным кандидатом на папский престол. Однако это мало что давало. Продолжая вести роскошную жизнь, «княжна» делала новые долги. Вскоре появилась угроза со стороны кредиторов. Тогда в поисках средств она обратилась с письмом к Гамильтону, в котором открылась во всех своих замыслах. Последний в деньгах деликатно отказал, а полученное письмо направил Алексею Орлову.

Как всегда, Орлов действовал быстро и решительно. Он послал своего адъютанта Христенека в Рим с поручением — *войти в доверие к «княжне» и добиться* ее согласия принять необходимую ей помощь от командующего русской эскадрой. В дополнение к этому Орлов договорился с английским банкиром Дженкинсом, чтобы тот открыл «княжне» неограниченный кредит (конечно, платить при этом будет тот, кто заказывает игру). «Княжна» заколебалась и сначала

от предлагаемых услуг. Тогда 27 января
письме к «княжне» предложил ей свою
щание возвести ее на русский престол.
я княжна Елизавета» совсем растерялась:
роны, роскошные перспективы, с другой —
ые кредиторы и через несколько дней, мо-
рест за долги. Растерялась и, разумеется, не
согласилась поехать к Орлову в Пизу, за-
дварительно на расходы 2000 червонцев.
не только сразу же вручил княжне эту сум-
латил все ее римские долги. 10 февраля она
Рим. Ее сопровождали Доманский и Чар-
ледом за их экипажем ехал лейтенант Хрис-

дня Орлов встретил самозванку с изыскан-
тельностью в специально подготовленном
палаццо. Она была приятно поражена внеш-
своего нового покровителя. Граф Алексей
большой мастер играть в любовь и блестя-
задуманную теперь партию. Ему было в то
ет, он был красавец и настоящий богатырь.
неделю «княжна» утопала в роскоши, опья-
ей последней любовью. 19 февраля она
рловым прибыла в Ливорно. 21 февраля на
английского консула сэра Джона Дика она
своем желании побывать на русских кораб-
триотическое намерение было поддержано
утствующими. Прибытие княжны на воен-
у русские моряки встретили приветствен-
ными залпами. Но стоило только ей по-
кораблe «Три иерарха», как она тут же была
. Под стражу взяли и ее неизменных спутни-
инского и Чарномского. Так закончился
хорошо поставленный Алексеем Орловым.
обошелся русской казне, но то была круп-
ческая игра, и она стоила дорогих свеч.
того русская эскадра под флагом адмирала
ленниками на борту взяла курс к русским
Алексей Орлов, опасаясь возможных прово-
стороны друзей самозванки, сухопутным
метно отбыл на родину. 11 мая корабли
Кронштадт. 25 мая «княжна» и ее спутники
ывлены в Алексеевский равелин Петропав-
епости.
ь следствие, продолжавшееся до конца го-
генерал-губернатор Петербурга фельдмар-

шал А. М. Голицын, человек добрый и уважаемый, но не блиставший способностями. При бесконечных допросах арестованных ему так и не удалось установить ни происхождения самозванки, ни намерений ее политических сообщников. Она не считала себя в чем-либо виновной и на исповеди, умирая, покаялась только в своем безнравственном поведении.

4 декабря 1775 г. узница знатного, но никому не известного происхождения скончалась от чахотки. Тело ее было предано земле в Алексеевском равелине без церковного отпевания. Следственные дела Доманского и Чарномского 13 января 1776 г. были прекращены по решению Вяземского и Голицына — им выдали по 100 рублей каждому и предложили выехать из России. Но история княжны Таракановой на этом не закончилась.

Все документы, связанные с самозванкой, были строго засекречены царским правительством. Европа очень скоро забыла блиставшую в ее городах «принцессу Владимирскую», а в России трагедию этой женщины знал только небольшой круг доверенных лиц. Правда, в 1859 г. в журнале «Русская беседа» появилась статья Михаила Логинова о княжне Таракановой, основанная на слухах и легендах. Но она прошла не замеченной широкой общественностью.

В 1864 г. в залах Петербургской Академии художеств была выставлена картина К. Д. Флавицкого (1830—1866). Художник с исключительной силой запечатлел психологическое потрясение княжны Таракановой в каземате Петропавловской крепости якобы во время наводнения 1777 г. Картина имела невиданный успех и получила международную известность. Острый драматический сюжет произведения был создан фантазией художника («княжна» умерла двумя годами раньше). Но картина взбудоражила русское общество, она обратила его пристальное внимание на жестокость и беззаконие российских самодержцев. Чтобы как-то приглушить нежелательный резонанс в общественном мнении, последовал именной указ императора Александра II. Вице-президент Академии художеств Г. Г. Гагарин сообщил ректору Ф. А. Бруни, что император повелел в каталоге против картины «Княжна Тараканова» сделать важное замечание, а именно: сюжет ее не соответствует исторической истине. Однако этого оказалось мало — бурное обсуждение шедевра Флавицкого продолжалось. Тогда Александр II был

ынужден разрешить публикацию всех документов, от-осящихся к следствию по делу княжны Таракановой, го и было исполнено В. Н. Паниным в 1867 г. Так ыла открыта русскому народу одна из страниц его стории.

Помимо самозванцев заботливая императрица не ıбывала и о других преступниках. Так, вскоре после одавления восстания Пугачева в Шлиссельбургскую репость по ее именному указу был заключен солдат лашев. Его вина состояла в том, что он бросил амень в Зимний дворец и разбил один из фонарей.

Правда, Екатерина здесь проявила снисходитель-ость и определила Алашеву заточение в Шлиссель-ург не пожизненно, а только... на три года!

Лето 1775 г. было спокойным для Екатерины II. тихли тревожные страсти, вызванные Пугачевым. урция была вынуждена подписать с Россией мир. амозванка, назвавшая себя дочерью Елизаветы Пет-овны и посягнувшая на русский престол, сидела каземате Петропавловской крепости. И наконец, риятно и счастливо продолжался альянс импера-ицы с Григорием Потемкиным — выдающимся госу-арственным деятелем, оставившим в ее жизни самый лубокий след.

10 июля в Москве начались праздники по случаю одписания Кючук-Кайнарджийского договора с Тур-ией (Екатерина при этом одновременно отмечала свою победу над Пугачевым и самозванкой). После ржественного выхода императрицы из Грановитой алаты Кремля в Успенском соборе началось молебст-ие. Во время провозглашения многолетия загудел олокол на Иване Великом, загремели артиллерийские алюты, затрещали залпы из ружей. Состоялось чест-вование и щедрое награждение русских полководцев, естяще проявивших себя в войне 1768—1774 гг. Сре-и них были командующий 1-й армией граф Петр лександрович Румянцев, главнокомандующий фло-ом в Средиземном море граф Алексей Григорьевич рлов, командующий 2-й армией, действовавшей про-ив Крымского ханства, князь Василий Михайлович олгоруков и восходящая звезда — генерал-поручик лександр Васильевич Суворов. Потом «народное» разднество с улиц первопрестольной столицы пере-ло на Ходынку. Туда под пушечную пальбу и грохот жестров прибыла Екатерина. Ее сопровождали лику-щие сановники и именитые дворяне. В специально

возведенных к празднику павильонах шло всеобщее пиршество и рекой лилось вино. Небо над Москвой до поздней ночи пылало заревом иллюминаций и многочисленных фейерверков.

Одним из важных практических шагов, предпринятых правительством Екатерины II, явилось решение об укреплении государственного аппарата и усилении власти дворян на местах.

Областное управление было для Екатерины удобной почвой, на которой она могла сеять заимствованные ею из любимых сочинений политические идеи. Страшный пугачевский бунт, с которым не смогла справиться местная администрация, и наказы депутатов в Комиссию по составлению нового Уложения побудили Екатерину к переустройству системы областного управления.

7 ноября 1775 г. было издано «Учреждение для управления губернией Всероссийской империи». Целью «Учреждения» было, с одной стороны, усилить административный аппарат на местах, с другой — дать в руки провинциальному дворянству средства к подавлению крестьянских восстаний.

Новая губернская реформа внесла изменения в местное управление. Вместо прежних трех степеней областного управления — губерния, провинция, уезд — осталось только две — губерния и уезд. Вместо существовавших прежде 20 было образовано 50 губерний. Каждая из них делилась на уезды. Население губерний составляло 300—400 тыс. жителей, уезда — порядка 20—30 тыс. Екатерина лично выбирала на высшие административные должности известных ей людей, уже проявивших свои выдающиеся способности. Среди них были Г. А. Потемкин, П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев, Я. Е. Сиверс и др.

Из губернаторов особенно деятелен был новгородский — Я. Е. Сиверс. После объезда своей губернии он стал добиваться «соединения каналом реки Ковжи с Вытегрою и чрез них Белого моря с Онежским озером»; вносил свои предложения в Сенат «о съемке на план Архангельской дороги и проведении ее прямыми линиями, отчего много сократится настоящая дорога от Петербурга до Архангельска». Как лицо, заинтересованное в расцвете своего края, Сиверс в донесении в Сенат писал «об учреждении в Вольном экономическом обществе премии примерно в 1000 рублей для выдачи тому, кто первый из Новгородской губернии

представит несколько кулей каменного угля, признанного годным», о позволении ему «выписать из Швеции ученого ботаника и минералога, который бы поехал с ним для обзора губернии и освидетельствовал горы, разделяющие воды Балтийского, Белого и Каспийского морей». Заботясь об участи крестьян, новгородский губернатор доносил в Сенат, что «по незнанию грамоте тем более они достойны сожаления», и, чтобы побудить крестьян учиться грамоте, указывал, по его мнению, надежное средство: «умеющих грамоте не брать в рекруты»[3].

Главным исполнительным учреждением в каждой губернии было губернское правление, состоявшее из губернатора, двух губернских советников и губернского прокурора. Это правление обнародовало в губернии указы и распоряжения правительства, наблюдало за правильным течением всех дел в других учреждениях и за общим порядком. Губернскому прокурору подчинялись прокуроры других учреждений губернии (судов, магистрата).

Финансовым учреждением в губернии была казенная палата, возглавляемая вице-губернатором. Она ведала всеми казенными сборами, подрядами и различными постройками. Казенные доходы хранились в губернском казначействе.

Кроме того, в каждой губернии были: «верхний земский суд» — для дворян; «губернский магистрат» — для купцов и мещан; «верхняя земская расправа» — для однодворцев и государственных крестьян.

Высшими судебными инстанциями в губернии для всех сословий являлись две палаты — уголовного и гражданского суда. В эти высшие судебные учреждения дела передавались из низших судебных учреждений по жалобам сторон или после проверки, для производства окончательного решения.

Уездным исполнительным органом был «нижний земский суд» во главе с блюстителем административного порядка капитан-исправником. Последний избирался местными дворянами из своей среды сроком на три года. Он наблюдал в своем уезде за торговлей, заботился о благосостоянии жителей, производил предварительное следствие по судебным делам. Уездный стряпчий исполнял в уезде обязанности прокурора.

В каждом уезде были также: «уездный суд» — для дворян; «городовой магистрат» — для купцов и мещан;

...ижняя земская расправа» — для однодворцев и государственных крестьян.

Эти уездные судебные учреждения подчинялись губернским судебным учреждениям сословного характера. В городах была учреждена должность городничего, назначавшегося правительством.

Кроме перечисленных учреждений в уездных городах создавалась дворянская опека, ведавшая делами малолетних дворян и дворянских вдов. Аналогичные функции в отношении городского населения исполнял сиротский суд.

«Учреждение» 1775 г. создавало новый орган — приказы общественного призрения, специально ведавшие делами просвещения (школы), благотворительности (приюты, богадельни) и здравоохранения (больницы).

Все учреждения имели в своем составе необходимое количество должностных лиц, причем председателей губернских мест и чиновников, заведовавших казенными доходами, назначал Сенат. На остальные должности исполнителей либо назначало губернское правление, либо оно избиралось дворянами и купцами из своей среды.

В ряде случаев две или три губернии объединялись под властью одного наместника или генерал-губернатора. Например, в состав Олонецкого наместничества вошли две губернии — Олонецкая и Архангельская. Наместником Олонецкой губернии был назначен Т. И. Тутолмин. В. Ходасевич так характеризовал этот екатерининский институт областного управления: «Губернаторство... имело в себе много привлекательного... По службе то было несомненное повышение...

В северной глуши, средь забытого Богом и людьми, частью полудикого населения, привыкшего круглый год питаться рыбкою ряпушкой да зловонной соленой пальей, Тутолмин вообразил себя не только представителем императрицы, но как бы и вовсе императором. Он окружил себя почестями, едва ли не царскими. При выездах его сопровождали отряды сформированной им кавалерии. С собою привез он целую свиту из офицеров, которые ослепляли лапландцев великолепием своего убранства. По петрозаводским улицам засновали их щегольские кареты, хотя в четверть часа можно было пешком пересечь город из конца в конец. По вечерам генерал-губернаторский дом сиял светом и гремел музыкой —

Тутолмин устраивал балы с придворною церемонией. В главной зале он воздвиг императорский трон. В табельные дни, когда приглашенные к обеду сидели за большими столами, Тутолмин обедал отдельно — у подножия трона (хорошо еще не на троне)»[4].

При делении губерний на уезды обнаружился дефицит в городах как центрах уездного управления. Поэтому при проведении реформы около 200 наиболее развитых и крупных сел были преобразованы в уездные города. Например, построенный Петром Великим артиллерийский завод и небольшое селение вокруг него поначалу не имели даже имени: так и назывались Петровский завод. В 1777 г. селение было объявлено уездным городом Петрозаводском. К концу царствования Екатерины II в России насчитывалось 610 городов, при этом в стране проживало 18,7 млн душ мужского пола, а общее количество населения равнялось, таким образом, примерно 37 млн человек.

Губернская реформа 1775 г. значительно укрепила государственную власть на местах. Созданные в губерниях учреждения выполняли теперь настолько обширные функции, что отпала необходимость в ряде коллегий. Поэтому многие из них были упразднены. Из ранее существовавших продолжали функционировать только четыре коллегии — Военная, Морская, Иностранная и Коммерц-коллегия. Реформа, кроме того, усилила позицию правящего класса феодалов. Теперь в уездах почти полностью распоряжались дворяне — они выбирали угодную им власть из своей среды.

Продолжением продворянской политики Екатерины была Жалованная грамота дворянству, данная 21 апреля 1785 г. В ней, в частности, говорилось: «Не токмо империи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо; и для того изстари, ныне, да и пребудет навеки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются...»[5]

Грамота жаловала дворянам: монопольное право на владение крестьянами, землями и недрами земли; право основывать заводы и фабрики и оптом продавать все, что производится в их вотчинах; право заводить на своих землях торги и ярмарки; освобождение от налогов и телесных наказаний. К новшествам Жалованной грамоты относилось наименование первого

сословия. Отныне оно стало называться не дворянством, а благородным дворянством. Новой привилегией являлось запрещение производить конфискацию имений дворян за уголовные преступления. В этом случае имения переходили к законным наследникам.

Дворянство получало особую сословную привилегию на корпоративное устройство в виде губернских и уездных собраний. Эти дворянские собрания созывались один раз в три года и выбирали из своей среды губернских и уездных предводителей, должности которых с 1785 г. приобрели значение постоянных органов, имеющих большой вес в губернских и уездных делах. Предводители дворянства получили право заявлять о своих пожеланиях самому императору, а дворянское собрание имело право делать представления наместнику или губернатору о своих сословных нуждах. Право участвовать в дворянских собраниях дворяне получали по достижении 25 лет. Дворянскому обществу предоставлялась и дисциплинарная власть над своими членами. Грамота вводила ценз, цель которого состояла в том, чтобы лишить права занимать выборные должности мелкое дворянство: избранным мог быть только дворянин, чей доход с имения превышал 100 руб. в год. Дворянин, не имевший офицерского чина, лишался избирательных прав.

Жалованная грамота распространялась на все области империи, на Прибалтику и Украину, а также на Белоруссию и местности, приобретенные по польским разделам. Она дала дворянам то, чего они настойчиво просили: столичное дворянство оставило власть в центре за собой, зато провинция после «Учреждения для управления губерниями» 1775 г. и Грамоты дворянству 1785 г. окончательно оказалась под властью местных дворян.

В тот же день, 21 апреля 1785 г., была опубликована Грамота на права и выгоды городам Российской империи, получившая потом наименование Жалованной грамоты городам. На содержание этого документа оказали влияние пожелания купеческих депутатов и городские наказы в Комиссии по составлению нового Уложения 1767 г. Кроме того, при разработке проекта Грамоты были использованы уставы, определявшие устройство прибалтийских городов, в том числе Риги.

Жалованная грамота городам делила все городское население на шесть разрядов. В первый разряд независимо от сословных принадлежностей входили

«настоящие городовые обыватели», т. е. люди, имевшие в городе дом или землю; к ним относились также дворяне и духовенство. Второй разряд составляли купцы трех гильдий. При этом номер гильдии определялся размером купеческого капитала. В первую гильдию записывались купцы с капиталом от 10 до 50 тыс. руб., во вторую — с капиталом от 5 до 10 тыс. руб. и в третью — с капиталом от тысячи до 5 тыс. руб. Цеховые ремесленники города комплектовали третий разряд. В четвертый разряд входили иногородцы и иностранные гости, «кои ради промысла, или работы, или иных мещанских упражнений» постоянно проживали в городе. Пятый разряд составляли «именитые граждане» — ученые, художники, банкиры («которые деньги переводят»), оптовые торговцы и судовладельцы. И наконец, к шестому разряду относились «посадские люди», которые «промыслом, рукоделием или работой кормятся» и которые «в других частях Городовой обывательской книги не внесены». Все население города в соответствии со своим разрядом заносилось в одну из 6 частей Городовой обывательской книги, которой распоряжался городской голова с выборными депутатами. Основную массу горожан составляли жители третьего и шестого разрядов — они получили общее наименование мещан (на украинском и белорусском языках слово «место» означало город).

Жившие в городе крестьяне не входили в состав городского общества. Это ограничение, обусловленное крепостническим строем, задерживало рост городского населения.

Жители всех разрядов, достигшие 25 лет, получили право раз в три года собираться на Общую городскую думу, где они из своей среды сроком на три года избирали городского голову и шесть гласных (по одному от каждого разряда), которые составляли Шестигласную думу. Эта Шестигласная дума должна была работать регулярно. Под председательством городского головы она заседала каждую неделю и заведовала текущими делами города, его расходами, доходами и общественными постройками. Но главная ее обязанность заключалась в том, чтобы заботиться о раскладке и сборе податей, об исполнении всех казенных повинностей, за исправность которых несло ответственность все «общество градское». О нуждах своего города Шестигласная дума могла ходатайствовать пе-

ред губернатором, который осуществлял надзор за городским самоуправлением.

Как мы видим, Шестигласная дума в принципе являлась исполнительным органом городского самоуправления. Однако в действительности вся реальная власть в городе оставалась в руках городничего и полицмейстера. На долю думы приходились второстепенные вопросы благоустройства и санитарного состояния, которые решались тоже только с согласия уездных и губернских властей *.

Содержание Жалованной грамоты городам говорит о слабости нарождающейся русской буржуазии, которая к этому времени еще не обрела своей надлежащей силы. Об этом же свидетельствовали и наказы городов в Комиссии по составлению нового Уложения 1767 г. В них не было требований об ограничении крепостного права и привилегий дворянства, являвшихся тормозом для развития капиталистических отношений. Больше того, купечество само требовало для себя права владеть землею и крепостными.

Однако интересы государства и правящего класса дворян вынуждали правительство Екатерины II проводить в жизнь отдельные мероприятия, способствующие дальнейшему расцвету в стране промышленности и торговли. В частности, в 1775 г. крупное купечество было освобождено от подушной подати, а еще через год — от рекрутской повинности. В 1779 г. заводчики были освобождены от обязательных поставок металла в казну. Но все эти уступки не нарушали господствующего положения дворянства в империи.

У Екатерины первоначально было намерение дать Жалованную грамоту государственным (незакрепощенным) крестьянам. Но правительство отказалось от этого рискованного шага. Екатерина к этому времени уже успела «отказаться от философических и неисполнимых мечтаний юности. Причины были неотразимые: если б она упорствовала, то давно бы лишилась трона... Наказ был отложен в сторону вместе с прочими сувенирами, и Екатерина очень бывала довольна, когда кое-что из этих возвышенных замыслов удавалось осуществить хотя бы в урезанном виде, потому так

* Эффективность (хотя и кратковременную) этих законодательных мероприятий Екатерины подчеркнул А. Б. Каменский; см.: *Каменский А. Б.* Грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 г.// Вопросы истории. 1993. № 5. С. 188—190.

любила она свое «Положение о губерниях». Отказавшись от должного, она научилась ограничиваться возможным — и была права. Таким образом, она не сделалась идеальной монархиней — удовольствовалась тем, что стала великой. Теперь... это была в высшей степени умная женщина, тонко знающая жизнь и в совершенстве постигшая трудное ремесло государей. Прежде всего и она поняла, что нельзя царствовать в одиночестве — ей во всяком случае; потом — что корысть не последний двигатель даже и лучших государственных людей. Ваятель Шубин простодушно изобразил ее с рогом изобилия, из которого сыплются звезды и ордена. Так оно и было: она щедро сыпала на людей чины, ордена, почести, деньги, земли. Властью и Россией делилась она с вельможами, полководцами, временщиками. Отсюда рождалось соревнование и развязывалась предприимчивость... Противный ветер она превращала в попутный. Корыстолюбцы не забывали себя, но зато и Россия имела от того свою пользу: кряхтела, но созидалась» [6].

На содержание государственного самодержавного аппарата требовались огромные деньги. Войны Екатерины II перенапрягали денежные ресурсы страны и вызвали разруху в финансах. К концу царствования Екатерины II доходы по сравнению с периодом правления Елизаветы Петровны выросли в 4 раза, расходы — почти в 5 раз.

Главными статьями доходов были сборы подушные, таможенные, кабацкие и соляные. Косвенное обложение падало главным образом на народные массы. В то время как доходы за 34 года правления Екатерины II увеличились в 4 раза, население возросло только вдвое.

Историк К. В. Сивков со ссылкой на П. Н. Милюкова * в историческом сборнике «Три века» указывает, что косвенные налоги составляли 42% от доходов в 1764 г. и 43% — в 1796 г. (подушная подать — 33,7% от дохода). Большое значение имели питейные налоги — они одни в 1765 г. составили 20% от всей доходной статьи бюджета. Чистый питейный доход равнялся: в 1763 г.— 4,376 млн руб., в 1796 г.— около 15 млн руб. Цифры эти говорят о распространении народного

---

* *Павел Николаевич Милюков* (1859—1943) — русский историк и политический деятель, один из организаторов партии кадетов. В 1917 г.— министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции — эмигрант. Автор работ по истории России XVIII—XIX вв.

ьяства, поскольку за указанный период питейный налог увеличился более чем втрое, а население страны за это же время возросло менее чем вдвое.

За первые 12 лет царствования Екатерины II расходная статья бюджета возросла с 16,5 млн до 38,9 млн руб. и выглядела следующим образом: на царский двор тратилось около 0,1 всех расходов; на армию и флот — порядка 0,5; на внутреннее правление — 0,4.

За период с 1781 по 1796 г. картина расходов изменилась, а именно: расходы на царский двор с 4,65 млн руб. возросли до 8,76 млн руб.; расходы на армию — с 10,6 млн до 21 млн руб.; расходы на флот — с 3,253 млн до 6,683 млн руб.

Очень показательны своей незначительностью расходы на социальные нужды в 1795 г.: на содержание мостов и перевозов — 69 386 руб.; на строения, починки, каналы — 901 625 руб.; на училища — 782 237 руб.; на воспитательные дома и больницы — 104 685 руб.

Всего при Екатерине II было израсходовано 1 615 млн руб., а доходов получено 1 415 млн руб. Таким образом, общий дефицит государственного бюджета за 34 года составлял 200 млн руб. Он покрывался двумя хорошо известными путями: выпуском бумажных ассигнаций; внешними займами.

Общее количество ассигнаций к концу правления Екатерины II достигло суммы в 156 683 335 руб. Неумеренный выпуск ассигнаций привел к их обесценению. Так, в 90-х годах курс рубля в ассигнациях упал до 70 коп. Внешний долг России к концу царствования Екатерины II равнялся 41,4 млн руб. ассигнациями.

Все это тяжелым бременем ложилось на плечи крестьян, как русских, так и «инородцев», т. е. представителей нерусских народностей.

Областная реформа унифицировала органы местной администрации на территории всей страны, что привело к упразднению автономий некоторых окраин. После упразднения в 1764 г. гетманства на Украину распространилось крепостническое законодательство. Если в 1763 г. универсал гетмана К. Разумовского, не разрешавший крестьянам переходить к другому хозяину без письменного свидетельства помещика, был только подтвержден царским указом, то в 1783 г. Екатерина II вообще запретила всякие переходы крестьян. Крестьянам запрещалось также вступать в казацкие полки, что раньше освобождало их от повинностей. Так называемые слободско-украинские казачьи

полки в 1765 г. стали солдатскими (пикинерными). С 1781 г. перестало существовать старое казацкое управление — вместо полков были созданы наместничества. *Уничтожались последние остатки автономии* Украины — теперь ее делами ведала Малороссийская коллегия. В виде компенсации за потерю автономии Екатерина даровала украинским помещикам все права русских дворян.

После подписания Кючук-Кайнарджийского мира и в связи с освоением Северного Причерноморья Запорожская Сечь утратила роль пограничного буфера между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымским ханством — с другой. *Отношения между Сечью* и русским правительством не всегда были ровными. Запорожцы добровольно приняли русское подданство при Богдане Хмельницком, во время царствования Алексея Михайловича, но Петру I они изменили, перейдя на сторону Мазепы и шведского короля Карла XII, за что русский царь приказал разорить Сечь. После этого запорожцы поселились в устье Днепра и приняли подданство крымского хана. Однако, будучи *природными украинцами, они при Анне Иоанновне по* собственной просьбе вновь получили русское подданство и высочайшее позволение поселиться на своих прежних местах. Теперь, при Екатерине II, южные степи стали интенсивно заселяться. Здесь была образована Новороссийская губерния. У запорожцев стали возникать столкновения с представителями новой власти. Они не только ссорились с колонистами, но нередко, в силу своего вольного характера, прибегали к открытому *насилию, препятствуя обмежеванию земель. 3* августа 1775 г. Екатерина II подписала манифест «Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии». Часть запорожцев после ликвидации Сечи ушла в турецкие владения. Из оставшихся и подчинившихся русским законам запорожцев Потемкин впоследствии сформировал войско черноморских казаков, выделив им земли между Кубанью и Азовским морем. Запорожские земли были розданы *помещикам Новороссийской губернии.*

На особом положении находились дворяне Прибалтики. Хотя губернаторы Лифляндской и Эстляндской губерний назначались в Петербурге, в действительности там местными делами управляли: местные дворянские собрания (ландтаги); выборные от дворян (ландраты); советники губернатора (регирунгсраты).

Эти органы местного самоуправления готовили для утверждения правительством законы и ведали всеми хозяйственными, административными и судебными вопросами. Только в 1783 г. на Прибалтику была распространена общегосударственная система административного управления — Лифляндия и Эстляндия получили статус обыкновенных наместничеств. Но в угоду местному дворянству Павел в 1796 г. восстановил там прежние порядки. Крепостные крестьяне Прибалтики — латыши и эстонцы — несли на своих плечах тяжелые феодальные повинности. Бесправные и беззащитные, они терпели гнет остзейских баронов не в меньшей степени, чем русские крестьяне гнет «своих» помещиков.

Правление Екатерины II по социально-политической направленности можно условно разделить на два этапа. Первый из них (до крестьянской войны) был периодом так называемого просвещенного абсолютизма, когда в интересах правящего класса дворян осуществлялся ряд реформ, обусловленных зарождением и развитием в стране буржуазных отношений и обострением классовых противоречий. При этом, обещая своим подданным «справедливые» законы, «равные» для всех, Екатерина II под флагом заботы о «народе» проводила продворянскую, крепостническую политику, выдавая ее за стремление «все устраивать ко благу для всех вообще и всякого особо». Второй период (после крестьянской войны) продолжался до смерти Екатерины и представлял собою время открытой дворянской реакции. Эта реакционная антинародная политика царизма выражалась в борьбе против Великой французской революции, в преследовании русских просветителей, в цензурных и других репрессиях.

Великая французская революция началась 14 июля 1789 г. взятием в Париже Бастилии — знаменитой тюрьмы для «государственных преступников». Граф Сегюр, бывший французский посланник в Петербурге, писал об этом: «Новость быстро распространилась и была принята различно, смотря по положению и настроению каждого. При дворе она вызвала сильное волнение и общее неудовольствие. В городе впечатление было совершенно обратное, и, хотя Бастилия не грозила никому из жителей Петербурга, я не могу передать энтузиазма, вызванного среди негоциантов, купцов, мещан и нескольких молодых людей из более высокого класса падением этой

государственной тюрьмы, этим первым триумфом бурной свободы... Это увлечение продолжалось очень недолго. Страх скоро погасил первую вспышку. Петербург не был ареной, на которой можно было безопасно обнаруживать подобные чувства»[7].

Подавляющее большинство российского дворянства во главе с Екатериной II и ее окружением заняло резко враждебную позицию по отношению к революционным событиям во Франции. Выходившие в то время в России газеты «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», публикуя сведения о мятеже во французском королевстве, стали бить тревогу. Правительство пыталось изыскать способы, чтобы задушить революцию. Екатерина II широко распахнула двери России французским политическим эмигрантам из среды аристократии. Она через русского посла в Париже пробовала (правда, неудачно) организовать побег короля Людовика XVI.

21 января 1793 г. был казнен Людовик XVI. Статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий писал в дневнике: «2 февраля. С получением известия о злодейском умерщвлении короля французского Ее Величество слегла в постель, и больна, и печальна. Благодаря Бога, сегодня лучше»[8].

8 февраля был подписан указ Сенату «О прекращении сообщения с Францией». При этом имелся в виду разрыв дипломатических, экономических и культурных отношений с революционным Парижем. Указ императрицы повелевал: прекратить действие торгового договора, подписанного с королем Франции 31 декабря 1786 г.; запретить заход в русские порты кораблей под французским флагом, а также русским купцам и судовладельцам посылать свои корабли в порты Франции; «бывших французских консулей, вице-консулей, агентов и прочих к ним принадлежащих выслать из обеих столиц наших и из прочих мест, где они находятся»; «сходно тому и нашим консулям, вице-консулям и принадлежащим к ним, да и вообще всем российским обоего пола предписывается тотчас, по получении указов, к ним посылаемых, выехать из Франции»; «всех французов без изъятия обоего пола, купеческие и мещанские промыслы имеющих, художников, ремесленников, в услужении у частных людей находящихся, разумея тут учителей и учительниц и прочих, признающих нынешнее в земле их правление и оному повинующихся, не терпеть в империи нашей

и из всех мест, где они находятся, выслать»; всем русским подданным запрещалось ездить во Францию и иметь какое бы то ни было сообщение с французами, пребывающими в их отечестве или армии; ввоз в Россию ведомостей, журналов и прочих сочинений, издаваемых во Франции, также был запрещен.

Тем французам, которые осуждали революционные события на родине и пожелали жить под защитою русских законов, вменялось в обязанность принять специальную присягу. Текст присяги был утвержден Екатериной 8 февраля 1793 г.

Правительство Екатерины II не только порвало все отношения с революционной Францией — оно начало подготовку к интервенции во Францию. Русскому послу в Париже было предписано переехать в Пруссию, ко двору графа Прованского (брата казненного Людовика),— там были сосредоточены основные силы французской контрреволюции. В январе 1793 г. по инициативе Екатерины Россия заключила договор с Пруссией, а в марте — с Англией о совместных действиях против Франции. Для поддержки английского флота летом в Средиземное море была направлена русская эскадра под командованием адмирала Чичагова. Австрия тоже заняла враждебную позицию по отношению к Франции. Однако выступлению антифранцузской коалиции помешали события в Польше. Утверждение польской конституции и восстание 1794—1795 гг. под руководством Костюшко создавали опасность возникновения революционной ситуации непосредственно у границ России. Поэтому Екатерина не могла отвлекаться от более важной для России польской проблемы. В 1795 г. польские войска были разбиты, а Костюшко взят в плен. К англо-русскому договору, предусматривавшему борьбу с революцией во Франции, присоединилась Австрия. Осенью 1796 г. на помощь Австрии правительство Екатерины II решило послать 60-тысячный корпус под командованием А. В. Суворова. Но и этот поход не состоялся — его осуществлению помешала смерть Екатерины II.

Напуганная французской революцией («безначалие есть злейший бич, особливо когда действует под личиною свободы, сего обманчивого призрака народов»,— заявила Екатерина II), она обрушила правительственные репрессии против любых проявлений в стране свободомыслия и вольнодумства. Жертвами этих репрессий стали выдающиеся русские просветители Радищев и Новиков.

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) родился в дворянской семье. Дед его, будучи одним из потешных Петра I, дослужился до бригадирского чина. Отец получил хорошее по тем временам образование: знал несколько иностранных языков, много читал, знаком был с историей и богословием. Будучи помещиком Кузнецкого уезда Саратовской губернии, он хорошо относился к своим крепостным. Во время крестьянской войны 1773—1775 гг. он настолько доверял своим односельчанам, что отдал им на поруки своих младших детей, а сам со старшими детьми спрятался в лесу,— *крестьяне не выдали своего доброго барина.*

Александр был старшим сыном в семье. Русской грамоте учился по Часослову и Псалтырю. Мальчиком отец отправил его в Москву к родственнику по линии жены — человеку умному и просвещенному. Здесь Радищев воспитывался у хорошего гувернера-француза и имел возможность пользоваться уроками университетских профессоров. С 1762 по 1766 г. учился в Пажеском корпусе в Петербурге, бывал во дворце и мог наблюдать нравы и роскошь екатерининского двора. По указанию императрицы 12 молодых дворян были отправлены для учебы в Лейпциг. Среди них было 6 пажей, в том числе Радищев, отличавшихся способностями и похвальным поведением. В Лейпциге русские студенты обучались латинскому, французскому и немецкому языкам, философии, истории и теории права. *Кроме того, Радищев по собственной инициативе* весьма серьезно занимался химией и медициной — впоследствии с успехом лечил людей. Позже он выучился также английскому и итальянскому языкам.

Вернувшись в 1771 г. в Петербург, Радищев сначала поступил на службу в Сенат в чине титулярного советника, а потом перешел в штаб генерал-аншефа Я. А. Брюса в качестве обер-аудитора. В 1775 г. вышел в отставку в чине секунд-майора. В 1778 г. вновь был определен на службу в государственную Коммерц-коллегию. В 1788 г. его перевели в Петербургскую таможню, сначала помощником управляющего, а потом — управляющим. Здесь Радищев отличился своим бескорыстием, преданностью долгу и серьезным отношением к порученному делу.

После смерти жены (1783 г.) Радищев обратился к литературной деятельности. Сначала он пробовал себя в переводах, а потом и сам стал автором. Воспользовавшись указом о вольных типографиях, он за-

вел в своем доме собственную типографию и в 1790 г. напечатал в ней свое «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего». В нем описывалось открытие памятника Петру I и высказывались общие соображения о государственной жизни и о власти вообще. «Письмо» было всего лишь «пробой пера» — вслед за ним Радищев в том же году напечатал свое главное произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Эта книга содержит посвящение и делится на главы. Первая из них называется «Выезд», а остальные носят названия почтовых станций между Петербургом и Москвой. Эпиграф к книге взят из «Телемахиды» *. Адресован он самодержавию и крепостничеству и содержит в себе огромную обличительную силу: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». В посвящении автор с полным откровением передает свое личное отношение к рассматриваемой теме: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

В «Путешествии» Радищев смело и правдиво показал *безысходное положение крепостных крестьян*. Отдельные типажи выписаны с большой любовью, теплотой и глубоким сочувствием к их тяжелой доле. Радищев первый выступил против самодержавия. Глубина его мысли в том и заключалась, что он отчетливо понимал неразрывную связь между самодержавием России, господством дворян и системой крепостничества. Поэтому мы по праву называем его первым русским революционером.

В «Путешествие» Радищев частично включил свою оду «Вольность» (полностью она была напечатана только в 1906 г.). Он писал в ней о русском самодержавии:

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, Царь,
На громном троне, властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, рек, щажу злодея,
«Я властию могу дарить;
«Где я смеюсь, там все смеется;
«Нахмурюсь грозно, все смятется,
«Живешь тогда, велю коль жить»[9].

---

* *Телемах* — сын Одиссея и Пенелопы. Его история изложена в знаменитом романе Фенелона, который был переведен в стихах русским поэтом В. К. Тредиаковским под названием «Телемахида».

Автор, однако, не только осуждал. Воспевая свободу, он призывал к революционной борьбе за нее!

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна,
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает;
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя[10].

Радищев был одинок. У него не было единомышленников, и он не мог рассчитывать на победу. «Я зрю сквозь столетие»,— пророчески писал он и смело бросил перчатку самодержавному чудищу, которое было «обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Книга «Путешествие из Петербурга в Москву» издавалась «с дозволения Управы Благочиния», т. е. с разрешения установленной цензуры. Но Радищев, по его собственному признанию, внес в нее дополнительные листы. Она быстро разошлась. Через несколько дней экземпляр попал в руки Екатерине II. Императрица оказалась самой внимательной читательницей — она сделала целый ряд своих письменных замечаний с указанием конкретных страниц книги. И при этом с нескрываемым гневом сказала Храповицкому об авторе: «Он бунтовщик, хуже Пугачева».

Радищев был немедленно арестован и посажен в крепость. Следствие над ним было поручено известному «сыскных дел мастеру» С. И. Шешковскому. Ему же императрица передала свои замечания на книгу подследственного. Одновременно Екатерина направила свое высочайшее повеление главнокомандующему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу. В нем она писала: «Граф Яков Александрович! Недавно издана здесь книга под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец, оскорбительными зражениями противу Сана и власти Царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы Бла-

сочинения взнес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате Уголовного Суда Санкт-Петербургской губернии, где, заключа приговор, взнесть оный в Сенат наш. Пребываем вам благосклонны»[11].

Судьба Радищева была решена: его признали виновным в «заговоре и измене», «покушении на государево здоровье» и приговорили к смертной казни. «По милосердию и для всеобщей радости и по случаю заключения мира со Швецией» Екатерина II смертную казнь Радищеву заменила ссылкой его в Сибирь, в Илимский острог, «на десятилетнее безысходное пребывание».

В Илимске Радищев жил полнокровной жизнью. Он изучал природу Сибири, много читал, писал, лечил людей, помогал местным жителям всем, чем только мог. По свидетельству современника, скоро он сделался «благодетелем той стороны», причем его разумная деятельность простиралась вокруг верст на 500. К нему в ссылку приехала сестра его покойной жены — она привезла ему младших детей и вышла за него замуж. Это еще больше скрасило положение ссыльного.

Радищев был честным, бескорыстным человеком с острым умом и чувствительным сердцем. Больше всего он ценил в людях достоинство, и, конечно, не случайно по дороге в Илимск он написал небольшое стихотворение, в котором было выражено его кредо:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек![12]

Император Павел после своего воцарения высочайшим повелением от 23 ноября 1796 г. освободил Радищева из заключения, вернул ему чины и дворянство и предписал жить в собственном имении в Калужской губернии под наблюдением губернатора.

Александр I предоставил Радищеву полную свободу и назначил членом Комиссии по составлению законов. Радищев увлекся открывшейся перед ним возможностью, вспомнил старину и представил начальству проект, в котором изложил свои прежние мечты об освобождении крестьян. Ознакомившись с этим либеральным проектом, председатель законодательной Комиссии граф П. В. Завадовский удивился юношеской

наивности уже поседевшего Радищева, сделал ему строгое внушение и даже напомнил о Сибири. Радищев был настолько потрясен этим, что принял яд и умер в страшных мучениях в ночь на 12 сентября 1802 г.

Первое издание «Путешествия» Радищева было уничтожено по приказанию Екатерины II. Но сохранились некоторые экземпляры книги, имелись рукописные копии этого произведения — исследователи насчитывают их более 100.

Полное свободное издание «Путешествия» впервые было осуществлено только А. И. Герценом в 1858 г. В Лондоне в Вольной русской типографии.

Николай Иванович Новиков (1744—1818) — выдающийся русский просветитель. Он был вторым человеком, испытавшим на себе незаслуженные репрессии правительства Екатерины II. Сын состоятельного помещика Московской губернии, оставившего в наследство своим сыновьям (Н. И. Новикову и его брату) более 400 крепостных душ, в основном в Коломенском уезде, где в имении Тихвинское-Авдотьино и родился будущий знаменитый деятель эпохи Екатерины. Несколько лет он обучался в гимназии Московского университета. Но в 1760 г. в одном из номеров газеты «Московские ведомости» фамилия Новикова появилась в списке отчисленных из гимназии рядом с Г. А. Потемкиным — оба они были исключены «за леность и нехождение в класс». «Нехождение в класс» Новикова объяснялось скорее всего тем, что из-за болезни отца он вынужден был подолгу оставаться в Авдотьине.

В начале 1762 г. Новиков отправился в Петербург и поступил на службу в Измайловский полк. В день дворцового переворота он стоял часовым у подъемного моста Измайловских казарм во время прибытия в полк Екатерины с братьями Орловыми — это была его первая встреча с великой княгиней, ставшей через несколько минут императрицей и пожаловавшей ему чин унтер-офицера. В составе полка Новиков участвовал в историческом походе в Петергоф. Вместе с ним были конной гвардии вахмистр Г. А. Потемкин и рядовой Преображенского полка, будущий русский поэт Гавриил Державин.

Воинская служба не была призванием Новикова — он обнаружил «вкус к словесным наукам» и склонность к книжному делу. Молодой гвардеец охотно посещал литературные вечера, устраиваемые Екатериной в Эр-

митаже. В 1766 г. в библиотеке Академии наук он на собственные средства напечатал первые свои две книги — переведенные с французского повести и сонет.

Вторая встреча Новикова с Екатериной произошла в 1767 г. В числе нескольких наиболее образованных молодых людей он был послан в Москву для ведения протоколов в Комиссии по выработке нового Уложения. Ему было поручено вести «Дневные записки по 7-му из 19 отделений — «о среднем роде людей»». В его ведении находились также дневные записки Большого собрания, которые он должен был передавать «директору дневной записки» Шувалову, а тот уже докладывал Бибикову или императрице.

Участие в работе Комиссии, знакомство с либеральным «Наказом» Екатерины, запись обсуждений крестьянских требований произвели на молодого человека *сильное впечатление*.

И не случайно сразу же после прекращения заседаний Комиссии Новиков подал в отставку с военной службы. Он решил послужить своей родине на новом поприще.

Дело в том, что Екатерина, желая произвести впечатление на западноевропейское общественное мнение, начала выпускать журнал «Всякая всячина».

Его официальным редактором был секретарь императрицы Г. В. Козицкий. Но на самом деле изданием руководила Екатерина II. На страницах «Всякой всячины» она отстаивала умеренность, снисходительность к слабостям, человеколюбие, «христианские смирения», осуждая «всякое задевание особ». Она очень хотела, чтобы Россию считали страной общего благоденствия, и заявляла, что у нас умирают от объедания, а никогда от голода. У нас вовсе нет людей худых и ни *одного в лохмотьях, а если есть нищие, то по* большей части это ленивцы: это говорят-де и сами крестьяне.

Императрица в духе своих либеральных идей тогдашнего времени как бы призывала других следовать примеру и выпускать журналы. И в этом она нашла немедленный отклик. Только в 1769 г. вышло еще семь журналов, а всего до 1775 г. их стало 16. Четыре лучших — «Трутень», «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек» — последовательно выпускались Н. И. Новиковым в Петербурге.

С мая 1769 г. Новиков стал издавать еженедельный журнал «Трутень». Эпиграф к журналу на 1769 г. был взят из Сумарокова: «Они работают, а вы их

труд ядите». В этом эпиграфе четко и недвусмысленно симпатии издателя оставались на стороне простого народа. В одном из листов «Трутня» автор написал: «Мнится, что похвальнее бедным быть... и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее».

Эпиграфом к «Трутню» на 1770 г. Новиков выбрал другое место, также из Сумарокова: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много».

«Трутень» вступил в смелую полемику со «Всякой всячиной». Он осуждал злоупотребления помещичьей властью, бичевал неправосудие и взяточничество, подвергал осмеянию львов и львиц тогдашнего большого света, щеголей и кокеток. Отвечая Екатерине, Новиков писал, что «больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным потакает».

Сатира метко разила цель. Так, в одном из номеров журнала появилось «сообщение»: «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе».

Сатира Новикова поднималась до постановки важнейших государственных вопросов. Так, он резко обличал тот экономический вред, который приносит неравноправная внешняя торговля, когда богатства страны меняются на безделушки. В 1769 г. «Трутень» поместил такое объявление «Из Кронштадта»: «На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur из Руана в 18 дней; 2. Vetilles из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи... А из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние безделицы, как-то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотно и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы»[13].

Екатерина выразила Новикову свое высочайшее неудовольствие. Это было более чем серьезное предупреждение. Это была угроза. Поэтому 20 апреля 1770 г. издатель «Трутня» сообщил своим читателям: «Всякая Всячина простилась, И то и Се в ничто превра-

лось, Адская Почта остановилась, а Трутню также пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только чтоб более людям не быть в тягость и не наскучать своими рассказами»[14]. После этого 27 апреля вышел 53-й номер журнала — он был последним. В мае 1770 г. «Всякая всячина» также прекратила свое существование.

Однако Новиков не собирался складывать оружие. Уже в июне 1770 г. появился второй его журнал — «Пустомеля». В нем было напечатано сатирическое произведение Дениса Ивановича Фонвизина (впоследствии знаменитого автора «Недоросля»), содержавшее следующие стихи:

Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя...
Что дурен здешний свет, то всякий понимает.
Да для чего он есть, того никто не знает[15].

Духовные власти обвинили Фонвизина в атеизме, а светские — в незаслуженном оскорблении. «Пустомеля» вскоре (после выхода двух книжек) был закрыт. Но и эта неудача не остановила неугомонного издателя — он только решил действовать более осторожно и более дипломатично.

Третий журнал Новикова — «Живописец» появился в апреле 1772 г. В первом его номере содержалась похвала неизвестному автору комедии «О время!» (Новиков, конечно, знал, что этим автором была сама Екатерина). В последующих номерах журнала печатались панегирики Екатерине Дашковой и Григорию Орлову. «Живописец» обнародовал целый ряд сатирических и серьезных статей и, по общему мнению, был лучшим периодическим изданием XVIII в. В нем сотрудничали А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, А. П. Сумароков, И. П. Тургенев. Екатерина II поначалу была довольна журналом — сатира на русские нравы не затрагивала ее самодержавную власть.

«Смирение» Новикова, однако, не могло быть продолжительным. В пятом листе «Живописца» и в последующих его номерах появились «Отрывки путешествия в *** И*** Т***» и «Письма к Фалалею», в которых критика действительности Новиковым достигла наибольшей остроты. Как справедливо писал

последствии Н. А. Добролюбов, «в его (Новикова.— *Авт.*) описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол народе» [16].

Новиков пришел к выводу, что причина бедности рестьянской везде одна — в ней виноваты помещики, бедность и рабство» повсеместно соседствуют.

«О человечество! — восклицал автор «Отрывка утешествия» *.— Тебя не знают в сих поселениях.) господство! ты тиранствуешь над подобными себе еловеками. О блаженная добродетель, любовь ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам!» [17]

«Жестокосердным» и «злым» помещикам Новиков ытался противопоставить добрых, которые должны о-отечески хорошо заботиться о своих крестьянах. Но го не помогло. Императрица снова разгневалась. Успооилась она только тогда, когда в начале июля 1773 г. Живописец» прекратил свое существование. Это произошло за три месяца до выступления Пугачева.

Новиков старался пробудить у читателей идею национального самосознания, обращался к примеру «добродетельных предков». В 1772 г. он издает «Опыт торического словаря о русских писателях», в котором впервые указал свое авторство и ярко выразил вой патриотический характер. В Историческом словаре, ставшем первой литературной энциклопедией России, рассказывается о 317 писателях, принадлежащих преимущественно к XVIII в. В нем особенно одробно автор останавливается на жизни и творстве Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, первого русого актера Ф. Г. Волкова.

Затем последовали новые издания. Первым из них ыла «Древняя Российская Идрография, содержащая писание Московского государства, рек, притоков, ер, кладезей и какие на них города и урочища». Это писание России было составлено при Федоре Алексеиче. Целью публикации было «обличение несправедвого мнения тех людей, которые думали и писали,

---

* Мнения об авторе этого смелого обличения крепостничества казывались разные. Одни, например Г. П. Макогоненко, В. Крестова, им считали Н. И. Новикова, другие — В. П. Семенов, П. Н. Берков — А. Н. Радищева.

что до времени Петра Россия не имела никаких книг, кроме церковных». Екатерина была в числе подписчиков на это издание.

Второй книгой стала посвященная Екатерине II «Древняя российская вифлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко-то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев, и многие другие весьма редкие и любопытства достойные исторические достопамятности». С 1773 по 1775 г. появилось 10 частей этой работы (28 книг).

Императрица отнеслась к ней с большим интересом и помогала Новикову: велела пересылать ему древние рукописи, копии древних актов из архива. Кроме того, она в 1773 г. послала просветителю в награду 1000 руб., а в следующем — еще 299 голландских червонцев.

В 1774 г. Новиков предпринял последнюю попытку издавать свой четвертый журнал — «Кошелек». Он посвятил его «отечеству моему». В нем сатира автора была направлена против широко распространившейся галломании — чрезмерного пристрастия ко всему французскому. Тема эта была тесно связана у него с борьбой против космополитизма вообще, с патриотическим воспитанием читателей в частности. Новиков с чувством собственного достоинства писал о русских: «Русские люди в рассуждении наук и художеств... столько ж имеют остроты, разума и проницания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания» [17].

Жизнь «Кошелька» оказалась короткой — он просуществовал только два месяца и был закрыт властями после выхода 9-го номера. Ходили слухи, что журнал закрыли из-за протеста французского посланника.

Продолжавшийся поиск своей нравственной позиции привел Новикова в ложу масонов.

Масоны (или франкмасоны — от французского «вольные каменщики») представляют собою международное религиозно-философское движение, которое ставило перед собою цель «нравственно облагораживать людей, объединять их на началах братской любви, равенства и взаимопомощи».

В масонском движении XVIII в. принимали участие многие выдающиеся просветители (Вольтер, Лессинг,

Франклин). Они надеялись найти в нем воплощение высоких принципов гуманизма.

Первые сведения о масонстве в России относятся к 1731—1741 гг. (ложи провинциальных великих мастеров капитана Джона Филипса и генерала Якова Кейта). В 1750 г. в Петербурге существовала ложа Молчаливости, а в Риге — ложа Северной Звезды. В 1756 г. в столице появилась новая ложа, где великим мастером стал граф Р. И. Воронцов (отец княгини Дашковой и будущей фаворитки Петра III — Елизаветы). На первых порах русские масоны пользовались полной свободой. В ложе Воронцова собиралась самая избранная публика — в ней состояли князья Голицыны, Трубецкие, Мещерские, фельдмаршал А. Б. Бутурлин, известные русские историки И. Н. Болтин, князь М. М. Щербатов, поэт А. П. Сумароков и др.

Со временем русские масоны, как и западноевропейские, начали делиться на отдельные группы, каждая из которых имела свою организацию, свою программу и свои цели. Одни из них увлекались обрядовой стороной масонских собраний (их пышностью, замысловатостью, интригующей таинственностью), другие с вдохновением занимались мистикой, магией, астрологией и алхимией.

Исчерпывающее описание процедуры приема в масоны с тонким проникновением в психологию неофита дал Л. Н. Толстой. Вспомним, как ищущий смысл жизни Пьер Безухов вступал в ложу: «Дверь отворилась перед ним. Чей-то басистый голос (глаза Пьера все были завязаны) сделал ему вопросы о том, кто он, где, когда родился? и т. п. Потом его опять повели куда-то, не развязывая ему глаз, и во время ходьбы его говорили ему аллегории о трудах его путешествия, о священной дружбе, о предвечном Строителе мира, о мужестве, с которым он должен переносить труды и опасности. Во время этого путешествия Пьер заметил, что его называли то *ищущим*, то *страждущим*, то *требующим*, и различно стучали при этом молотками и шпагами... После этого взяли его правую руку, положили на что-то, а левою велели ему приставить циркуль к левой груди, и заставили его, повторяя слова, которые читал другой, прочесть клятву верности законам ордена. Потом потушили свечи, зажгли спирт, как это слышал по запаху Пьер, и сказали, что он увидит малый свет. С него сняли повязку, и Пьер как во сне увидал, в слабом свете спиртового огня, несколько

людей, которые в таких же фартуках, как и ритор, стояли против него и держали шпаги, направленные в его грудь... Все торжественно молчали, слушая слова председателя, державшего в руке молоток. В стене была вделана горящая звезда; с одной стороны стола был небольшой ковер с различными изображениями, с другой было что-то в роде алтаря с Евангелием и черепом. Кругом стола было семь больших, в роде церковных подсвечников. Двое из братьев подвели Пьера к алтарю, поставили ему ноги в прямоугольное положение и приказали ему лечь, говоря, что он повергается к вратам храма... Пьер оглянулся на серьезные лица окружавших его людей, вспомнил все, что он уже прошел, и понял, что нельзя остановиться на половине дороги. Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь вызвать в себе прежнее чувство умиления, повергся к вратам храма. И действительно чувство умиления, еще сильнейшего, чем прежде, нашло на него. Когда он пролежал несколько времени, ему велели встать и надели на него такой же белый кожаный фартук, какие были на других, дали ему в руки лопату и три пары перчаток, и тогда великий мастер обратился к нему. Он сказал ему, чтобы он старался ничем не запятнать белизну этого фартука, представляющего крепость и непорочность; потом о невыясненной лопате сказал, чтобы он трудился ею очищать свое сердце от пороков и снисходительно заглаживать ею сердце ближнего».

Все процедуры, разговоры, обстановка произвели на Пьера Безухова такое сильное впечатление, что, когда заседание кончилось и он приехал домой, ему «казалось, что он приехал из какого-то дальнего путешествия, где он провел десятки лет, совершенно изменился и отстал от прежнего порядка и привычек жизни» [19].

В 1770 г. в Петербурге была открыта Великая провинциальная ложа. Гроссмейстером этой ложи стал И. П. Елагин *, завязавший сношения с английской ложей и развернувший активную деятельность по распространению масонства в стране. В 1772 г. он получил диплом провинциального мастера всей России. Одновременно с ложей Елагина в России появилась

* *Иван Перфильевич Елагин* (1725—1794) — писатель и историк. При Екатерине II был членом ее канцелярии, литературным сотрудником и управителем театров. Играл большую роль в русском масонстве, из-за чего лишился покровительства Екатерины II.

так называемая Циннендорфская система, основателем которой в Петербурге был барон Рейхель, приехавший из Берлина. Сначала ложи Елагина и Рейхеля не признавали друг друга и даже соперничали между собой. Потом они стали объединяться — возникли «смешанные» ложи, признавшие себя подчиненными берлинской главной ложе. Рейхель, игравший главную роль в тогдашнем масонстве, стремился удержать русских масонов от системы «строгого послушания».

В 1775 г. вышла книга Сен-Мартена «О заблуждениях и истине». Она вызвала новое движение среди русских масонов и их стремление завязать более близкие отношения с иностранными ложами. В результате некоторые ложи обратились к системе шведских масонов, во главе которых стояли шведский король и его брат. В России, таким образом, в начале 80-х годов существовали одновременно две масонские системы — рейхелевско-елагинская и шведская.

В 80-х годах русские масоны испытали на себе определенное влияние розенкрейцеров — одной из ветвей немецкого масонства. Розенкрейцеры мирились со всякими государственными формами, со всякими правительствами и хлопотали только о религиозно-нравственном усовершенствовании «внутреннего человека».

Для характеристики идей московских масонов, к которым принадлежал Новиков, показателен составленный одним из них «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов». Написанная в форме вопросов и ответов, эта книга определяла содержание и цели русских масонов. Один из вопросов гласит: «Как истинный франкмасон должен поступать с подвластными ему?» (Нужно напомнить, что все главные масоны были помещиками.) На это дается следующий ответ: «Наиболее должен он пещись о их вечном блаженстве, воспитывая их в страхе и учении Господнем, обязан наблюдать между ими правду и уравнение, оказывать им снисхождение и обходиться с ними без жестокости, памятуя, что все имеют общего Владыку на Небе, у которого нет лицеприятия»[20].

Тем не менее Екатерина II и ее ближайшее окружение скоро стали относиться к масонам с подозрением. Как отмечал А. И. Герцен, между масонами-мартинистами «была человеческая связь, опора, круговая порука, обмен сил, и, как бы они мистически ни понимали и какими бы иероглифами ни заменяли ее, они стояли

гораздо выше шаткой и бесцельной толпы образованных русских»[21].

Поэтому к масонам стали применяться меры ограничения и принуждения. В 1786 г. им было запрещено заниматься школьными и больничными делами, ко многим из них были приставлены шпионы, их переписка по почте вскрывалась, с писем снимали копии.

Между тем в 1775 г. Новиков был принят в ложу Елагина прямо в третью степень. Скоро он, однако, разочаровался в английской системе, хотя и занимал в ней высшую степень. В поисках более полного выражения своих демократических воззрений он примкнул к ученикам барона Рейхеля, где подружился с Н. Н. Трубецким * и М. М. Херасковым **.

В 1778 г. Херасков, назначенный куратором Московского университета, предложил Новикову взять в аренду на 10 лет университетскую типографию. Николай Иванович охотно согласился, подписал контракт и переехал из Петербурга на жительство в Москву.

Очень скоро благодаря заботам и недюжинным способностям Новикова университетская типография стала одной из лучших не только в России, но и в Европе. Об этом лучше всего говорят сами издания. Из стен типографии вышло: в 1779 г.—45 изданий; в 1780 г.—70; в 1781 г.—73 издания.

Среди них были учебники, переводная литература, книги Руссо, Хераскова, Сумарокова, книги по философии и истории, сказки, общедоступная бытовая литература.

«Прошло всего два с половиной года, как Николай Иванович приехал в Москву, а его издательская деятельность уже приобрела невиданный размах. Во многих городах России, в том числе и в Петербурге, стали появляться издания с маркой Московского университета. Комиссионеры Полтавы, Тамбова, Коломны, Киева, Казани, Пскова, Вологды, Рязани, Симбирска,

---

* *Николай Никитич Трубецкой* (1744—1821) — один из главных русских мартинистов. В 1796 г. был сослан Павлом в Воронежскую губернию, но вскоре возвращен и назначен сенатором. Автор нескольких стихотворных и прозаических произведений, печатавшихся в «Московских ежемесячных сочинениях».

** *Михаил Матвеевич Херасков* (1733—1807) — известный русский писатель. Директор Московского университета (1763—1770); вице-президент Берг-коллегии (1770—1778); второй куратор Московского университета (1778—1802).

Архангельска, Риги, Тулы, Твери, Ярославля, Смоленска устанавливали деловые связи с Новиковым, который отдавал им свою литературу на очень выгодных условиях — со скидкой и с рассрочкой платежа»[22].

По подсчетам историка Л. Светлова, в первое пятилетие 80-х годов издания Новикова составляли уже 35% всей книжной продукции России, а в 1788 г.— 41%, хотя, конечно, значительная часть ее носила богословский и масонский характер[23]. И тем не менее следует помнить, что «большой заслугой Новикова было то, что он впервые так широко познакомил русского читателя со многими крупными произведениями классиков зарубежной и отечественной литературы. Из западных писателей им были изданы в русских переводах сочинения Шекспира, Мильтона, Дефо, Свифта, Фильдинга, Смоллетта, Стерна, Шеридана, Гольдсмита, Мольера, Корнеля, Расина, Скаррона, Бомарше, Мерсье, Гольдони, Лессинга, Клопштока, Виланда»[24].

Новиков не оставил без своего внимания и газету «Московские ведомости», которая перешла к нему вместе с типографией. По словам Карамзина, он сделал «Ведомости» «гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим различные другие статьи. Число субскрибентов (подписчиков) ежегодно умножалось». Через 10 лет оно дошло до четырех тысяч.

Новиков стал издавать к газете и разнообразные приложения.

В октябре 1782 г. по инициативе Новикова и его друга И. Г. Шварца * в Москве было образовано Дружеское ученое общество, главными заботами которого были пропаганда научных знаний и издательское дело, что больше всего соответствовало замыслам Николая Ивановича. В 1783 г. был издан указ о «вольных типографиях», по которому всякому пожелавшему разрешалось печатать книги под надзором полицейской цензуры. Дружеское общество воспользовалось этим и стало печатать книги в 4 типографиях: университетской, двух «вольных» и еще одной, «тайной». В 1783 г. вышло 79 изданий. Книги продавались в университете, в книжных лавках Новикова и других книготорговцев. Большой популярностью среди москвичей пользова-

---

* *Иван Григорьевич Шварц* (умер в 1784 г.) — профессор философии Московского университета, писатель-мистик. Приехал в Москву в 1776 г.

шась первая в Москве публичная библиотека, открытая просветителем в его книжном магазине на Моховой.

Вскоре из Дружеского общества образовалась более солидная организация — Типографическая компания. Ее первым и главным начинанием было создание новой обширной типографии (на 20 печатных станков) и издание огромного количества книг самого различного содержания (сочинения русских писателей, французских энциклопедистов, английских экономистов и немецких философов). Компания, кроме того, посылала молодых людей за границу для завершения образования, оказывала безвозмездную помощь беднякам и помогала создавать школы.

Деятельность Типографической компании не нравилась Екатерине II — ее раздражала возрастающая популярность Компании среди студентов и в кругу русской интеллигенции. Начались преследования Новикова. Екатерина предписала осмотреть все его книги в лавках и в типографии. Она направила указ московскому обер-полицмейстеру Архарову: «Уведомившись, что будто бы в Москве печатают ругательную историю Ордена Езуитского, повелеваем запретить таковое напечатание; а ежели бы оная издана была, то экземпляры отобрать; ибо, дав покровительство наше сему Ордену, не можем дозволить, чтоб от кого-либо малейшее предосуждение оному учинено было»[25]. Новиков действительно напечатал такую книгу. Орден иезуитов был запрещен папой римским, но Екатерина была возмущена тем, что издатель осмелился публично выступить против тех, кому она покровительствовала.

У Новикова отобрали и сожгли сотни книг. Сам он был представлен архиепископу Платону для испытания в вере. Затея эта окончилась полным конфузом — Платон заявил, что «молит всещедрого Бога, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков».

Но и в этих условиях продолжалась деятельность Типографической компании. В 1785 г. было издано 39 наименований книг, в 1786 г. вышло 66 изданий, в 1787 г. увидели свет 132 произведения, и, наконец, через год был побит рекорд — 155 изданий. Всего за 10 лет Новиков напечатал в Москве 944 наименования разных по своему содержанию книг.

В 1789 г. истекал срок аренды Новиковым университетской типографии. Еще задолго до этого Екатерина распорядилась не возобновлять контракта

с неугомонным издателем. И хотя в его распоряжении оставались типографии Компании, потеря университетской типографии была для Новикова серьезным ударом.

В феврале 1790 г. в Москву на должность главнокомандующего Екатерина II направила князя А. А. Прозоровского, человека невежественного и жестокого, делающего свою карьеру угодничеством. Потемкин говорил по этому поводу Екатерине: «Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет». Начались доносы из Москвы. В этих условиях пришлось прекратить деятельность Типографической компании — в ноябре 1791 г. ее члены подписали акт о самоликвидации. А в апреле 1792 г. Прозоровский получил указ расследовать, не печатает ли Новиков церковных книг. Церковные книги были здесь только удобным предлогом. В действительности же Екатерина подозревала Новикова в тайных сношениях (через архитектора Баженова) с «известной персоной», т. е. с великим князем Павлом Петровичем. К тому же статс-секретарь императрицы Грибовский записал в своем дневнике: «Предубеждения ее (Екатерины II.— *Авт.*) против мартинистов, она считает их якобинцами» [26].

В Москве начались обыски. Новиков был арестован. Первоначальное следствие вел в Москве Прозоровский. Рассмотрев захваченные документы, он заключил: «Видно по бумагам, к чему сие клонилось, к благополучию людей, т. е. равенству» [27].

Несколько иначе оценил эти материалы Грибовский. Его дневниковая запись гласит: «Присылка бумаг Новикова от князя Прозоровского; но в них ничего противного правительству не найдено» [28].

15 мая Новикова под конвоем вывезли из Москвы и, минуя Петербург, направили сразу в Шлиссельбургскую крепость. Там он был заключен в ту самую камеру, где когда-то сидел несчастный император Иван VI Антонович.

Отправляя Новикова из Москвы, Прозоровский писал Шешковскому: «Птицу Новикова к вам отправил, правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок» [29].

В крепости Новикова допрашивал сам Шешковский. Он предложил подследственному 55 вопросов, главные из которых были составлены самой Екатери-

ной. Через два с половиной месяца, не добившись показания от Новикова, его признали «преступником, имевшим сообщников». Ему ставились в вину: переписка с герцогом Брауншвейгским (представителем Брауншвейгской династии на русском престоле был Иван VI Антонович); тайные сношения с великим князем Павлом Петровичем (известно, что ему вручались некоторые масонские книги, которые он сам пожелал иметь); издание «развращенных и противных закону православному» книг; участие в масонстве (что не было запрещено законом) и в «поколебании и развращении слабых умов».

В качестве «вредного государственного преступника» Новиков был приговорен к «нещадной казни». Но, «следуя сродному ей человеколюбию и желая оставить ему время на покаяние», Екатерина II указом от 1 августа 1792 г. приказала «запереть его на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость».

Друзей Новикова Н. Н. Трубецкого и И. П. Тургенева Екатерина повелела сослать на житье в дальние от Москвы деревни под присмотр полиции и без права выезда из губернии, И. В. Лопухина — оставить в Москве под надзором полиции. Были арестованы и заключены под стражу студенты В. Колокольников и М. Невзоров, которые получали за границей медицинское образование на средства масона Лопухина.

Интересно, что, когда начальник Тайной экспедиции С. И. Шешковский стал допрашивать Невзорова и угрожать ему за запирательство поркой по приказу Екатерины, последний заявил: «Я не верю, чтобы это приказала государыня, которая написала «Наказ» Комиссии о сочинении Уложения»[30].

Из Петропавловской крепости Невзоров и Колокольников были переведены в тюремную больницу, где Колокольников и умер. Невзоров при новом императоре был освобожден и служил в Московском университете.

Представляет интерес вопрос о причинах такого строгого приговора в отношении Новикова. В самом деле, главные соратники просветителя были наказаны весьма мягко.

Думается, для решения этого вопроса важное значение имеет свидетельство известного мартиниста, сенатора И. В. Лопухина, очень осведомленного человека, имевшего в своих руках при Павле все дела Тайной экспедиции. Он утверждал, что одной из

главных причин все развивавшегося недоброжелательства Екатерины II к масонам-мартинистам было искусственно разжигаемое ее приближенными подозрение «на существовавшую будто связь с обществом нашим у ближайшей к престолу особы (т. е. Павла.— *Авт.*)». При следствии «все метилось на подозрение связей с тою ближайшею к престолу особою... прочее же было, так сказать, подобрано только для расширения завесы»[31].

Это подтверждает и указ Екатерины II о заключении Новикова. В пункте четвертом мартинисты обвинялись в том, что «употребляли разные способы» к «уловливанию в свою секту известной по их бумагам особы». И далее: «В сем уловливании и в помянутой переписке Новиков сам признал себя преступником»[32].

Обращают на себя внимание и действия Павла, когда он стал императором. На другой день по восшествии на престол Павел I именным указом затребовал все документы по делу мартинистов к себе и, видимо, часть их уничтожил. Но это было впоследствии, через четыре года. В том же 1792 г. Новиков был заключен в темницу. Храповицкий записал переданные ему слова Екатерины: «Новиков сочтен умным и опасным человеком»[33].

За четыре с половиной года пребывания в крепости здоровье Новикова было сильно подорвано — он стал «дряхл, стар и согбен». В сырой и тесной камере он сидел вместе с доктором Богрянским и крепостным слугой, добровольно последовавшим за ним. В застенках его больше всего угнетало бездействие. Чтобы как-то занять время, замечательный русский просветитель учил наизусть Библию — единственную книгу, которую ему позволили взять с собою.

Получив свободу при Павле I, Н. И. Новиков не смог снова заняться своим любимым делом.

Покинув крепость, Новиков уже во многом стал другим, здоровье было совсем разрушено, в нем резко усилились религиозные настроения. Он поселился в своем имении, но хозяйственные начинания его были неудачны; пришлось даже заложить имение. Новиков по-прежнему заботился о своих крестьянах (в голодный 1787 год он всю зиму своих крестьян и почти всю округу бесплатно кормил хлебом из устроенного им общественного магазина), строил для них каменные избы, но, испытывая постоянную нужду в деньгах,

шужден был выставить на продажу часть крепост-
ых (Никифора Федорова с его семейством и даже, по
которым сообщениям, своего слугу, с которым вмес-
сидел в крепости).

Этот его поступок П. А. Вяземский оценил так:
«нынешним поколениям либералов» он покажется «не-
роятным». Но «можно быть передовым человеком
по тому или другому вопросу, каким был Новиков,
например по вопросу печати и журналистики, а вместе
с тем быть по иным вопросам строгим охранителем
и сторонником порядков и учреждений не только ны-
нешних, но и вчерашних»[34].

Скончался Новиков 31 июля 1818 г. в возрасте 74
лет. Его дочь обратилась к императору Александ-
ру I с просьбой о помощи, но ответа не получила.
Имение выдающегося просветителя вскоре за долги
было продано с аукциона.

Репрессивная политика царизма в последние годы
правления Екатерины II выражалась не только в рас-
праве над Радищевым и Новиковым. В 1793 г. по
высочайшему повелению был уничтожен «Вадим» —
известная трагедия драматурга Я. Б. Княжнина *, на-
печатанная княгиней Дашковой. Даже Державин, вос-
певший «просвещенный век Екатерины II» в оде «Фе-
ница», подвергся подозрению в революционном воль-
номыслии за переложение 81 псалма, озаглавленное
им «Властителям и Судиям».

В том же 1793 г. по доносу был арестован литера-
тор, отставной поручик Федор Васильевич Кречетов
(ок. 1740 — после 1801 г.). Доносчик (крепостной, полу-
чивший от императрицы за свой поступок вольную
и 200 руб. наградных) сообщил, что Кречетов хвалит
«французское уложение» и намеревается «различными
вольностями довести человечество до высшей степени
благополучия, просветить Россию и тем избавить на-
род от царского ига, в котором он по слепоте своей
пребывает, и путем общего законодательства сделать
законы ненарушимыми»[35].

Сразу же наряженное следствие выяснило и другие
«преступления» Кречетова. Он мечтал ограничить мо-
нархическую власть, ликвидировать все княжеские

---

* *Яков Борисович Княжнин* (1742–1791) — известный драма
тург XVIII в. Род. в Пскове в семье дворянина. Работал переводчи
ком в Иностранной коллегии; в армии дослужился до чина капитана
Литература была главным его занятием.

и дворянские титулы. Следователи установили, что Кречетов «заботился более о равенстве и вольности для всех вообще, ибо он, между прочим, сказал, что раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян, ведь и они таки же человеки».

Весьма критически Кречетов отзывался о русских царях. Так, Петр Великий, по его мнению, был «великий тиран, яко вор и обманщик». Досталось и самой Екатерине II. Доносчик передал слова Кречетова, убийственно характеризующие просвещенную императрицу: «Она-де, впадшая в роскошь и в распутную жизнь и не знающая в правление престолом, и управляют им наемники, и потому не достойна престола, и удобно будет и лишить ее оного, как убийцу, и довлеет заключению в монастырь» [36].

Хорошо можно представить гнев императрицы, прочитавшей эти слова. По ее повелению Кречетов был заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда вышел на свободу только в 1801 г., после воцарения Александра I.

Справедлива оценка личности Ф. В. Кречетова, данная его первым биографом М. Корольковым: «Не принадлежа к крупным писателям своего времени, Кречетов по духу был одним из непосредственных сподвижников Новикова и Радищева» [37].

16 сентября 1796 г. был объявлен указ Екатерины II о запрещении «вольных типографий» и о введении более жесткой цензуры. В нем говорилось:

«Частными людьми заведенные типографии в рассуждении злоупотреблений... упразднить... Никакие книги, сочиняемые или переводимые в государстве нашем, не могут быть издаваемы, в какой бы то ни было типографии, без осмотра от одной из цензур, учреждаемых в столицах наших, и одобрения, что в таковых сочинениях или переводах ничего закону Божию, правилам государственным и благонравию противного не находится» [38].

При этом в каждом отдельном случае устанавливалась тройная цензура — она состояла из одной духовной и двух светских особ.

Преследование русских просветителей, запрещение «вольных типографий» и введение жесткой цензуры самым пагубным образом отражались на книгоиздательстве в России. Об этом убедительно говорят следующие цифры, приведенные Н. Бродским в историческом

сборнике «Три века»: в 1788 г. в стране было отпечатано 439 наименований книг различного содержания; в 1789 г.— 339; в 1790 г.— 263; в 1797 г.— только 165.

* * *

Русское просветительство было частью общеевропейского, оно возникло в значительной степени под влиянием лучших передовых идей Запада и имело свои особенности. Будучи новым явлением в крепостнической России XVIII в., лучшие русские просветители быстро стали расходиться с официальной идеологией.

В то время, когда официальные идеологи дворянства «ставили своей целью обоснование и оправдание монархического строя и прежних социальных порядков, отстаивали необходимость сохранения крепостного права, просветители выступали с резкой критикой этих принципов»[39].

А такие просветители, как А. Н. Радищев и Ф. В. Кречетов, пошли еще дальше, добиваясь ликвидации крепостничества.

Несмотря на все преследования, появление русских просветителей и демократов — большое достижение эпохи Екатерины II и прямое следствие либеральных преобразований первого периода ее царствования. Оно знаменовало появление думающих людей, мучительно размышлявших о дальнейших путях своей Родины. И совсем не случайно, издавая за границей «Путешествие из Петербурга в Москву», Герцен преднамеренно объединил в одном томе сочинения Радищева и князя М. М. Щербатова*.

Этим Герцен как бы сопоставлял разнородные течения XVIII столетия в России — первого русского революционера Радищева и защитника старины крепостника Щербатова. Приветствуя эти две тени прошлого, Герцен писал: «Князь Щербатов и А. Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца сего времени, смотрит в ту дверь, в которую взошел Петр I, и за нею видит чинную, чванную

---

* *Михаил Михайлович Щербатов* (1733—1790) — русский историк, почетный член Петербургской Академии наук, автор работы «О повреждении нравов в России».

Русь московскую, скучный и полудикий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом.

А. Радищев — *смотрит вперед, на него пахнуло* сильным веянием последних лет XVIII века... Радищев гораздо ближе к нам, чем князь Щербатов; разумеется, его *идеалы были так же высоко в небе, как идеалы* Щербатова — глубоко в могиле; но это наши мечты, мечты декабристов»[40]*.

---

* Эту оценку Герцена интересно сопоставить с высказыванием самого Радищева. Тот также подчеркивал свое западничество и считал, что в стремлении модернизации России он продолжает дела Петра и Екатерины. Прощаясь со старым XVIII веком и приветствуя новый XIX, Радищев писал:

> **Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.**
> Зрите на новый вы век, зрите Россию свою...
> (*Радищев А. Н.* ПСС. Т. I. С. 129. Подчеркнуто нами.— *Авт.*).

О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНЫ II И ЕЕ БЛИЖАЙШИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Правительство Екатерины II проводило активную внешнюю политику, которая отвечала чаяниям господствующего класса дворян и купечества и была направлена на укрепление феодально-абсолютистской монархии. Объективно эта политика осуществлялась прежде всего в интересах России и способствовала решению ее важнейших исторических задач, а именно: дальнейшего закрепления на берегах Балтики; утверждения на побережьях Черного и Азовского морей; освоения Северного Причерноморья; освобождения единоверных Украины и Белоруссии от притеснений польской шляхты и защиты их от агрессии со стороны Польши, Пруссии и Австрии.

Все эти внешнеполитические задачи решались в сложной международной обстановке. Швеция не могла смириться с утратой своих былых позиций в Прибалтике. Франция, Англия, Австрия и Пруссия боялись усиления России и делали все, чтобы не допустить этого. К тому же политика Франции в Восточной Европе издавна строилась на Польше, Швеции и Турции, которые должны были служить оплотом против возраставшего влияния России. С другой стороны, Франция была заинтересована в том, чтобы не допускать проникновения России на Ближний Восток, поскольку это наносило ущерб французской торговле.

Во главе русского ведомства иностранных дел стоял граф Никита Иванович Панин (1718—1783). Он родился в Данциге, детство провел в Пернове, где его отец был комендантом. В 1740 г. из вахмистров конной гвардии произведен в корнеты. В 1747 г. был направлен послом в Данию, но через несколько месяцев переведен в Стокгольм, где пробыл 12 лет. В июне 1760 г. назначен воспитателем великого князя Павла Петровича. После смерти Елизаветы сблизился с Екатериной. Принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г., но всегда был противником партии Орловых и сторонником передачи престола Павлу и назначения

Екатерины правительницей. Был одним из наиболее образованных и умных государственных деятелей того времени. «Самый искусный, самый смышленый и самый ревностный человек при моем дворе»[1],— писала о нем Екатерина тотчас по вступлении на престол. По словам одного английского дипломата, Панин не преследовал «других целей, кроме тех, какие соответствуют пользе и чести государыни и укреплению в России правительства». В течение почти 20 лет Екатерина работала рука об руку с Паниным, хотя не любила его и во многом не доверяла ему, считая сторонником ограничения ее власти, и была недовольна тем, что как воспитатель Павла Петровича он не смог или не захотел вызвать и поддержать у своего ученика чувство любви и должного уважения к своей матери.

В ноябре 1780 г. Панина сменил «полномочный для всех негоциаций» князь Александр Андреевич Безбородко (1746—1799). Он родился в Глухове, отец его был генеральным писарем. Обучался сначала в доме родителей, затем в Киевской академии, где обнаружил блестящие способности. Службу начал с 1765 г.— был назначен правителем канцелярии малороссийского генерал-губернатора графа П. А. Румянцева. Во время первой русско-турецкой войны находился неотлучно при главнокомандующем, управляя его делами и исполняя различные поручения. В 1774 г. пожалован в полковники, а в 1775 г. по прибытии с Румянцевым в Москву поступил на службу к Екатерине — ему было поручено принимать прошения, поступающие на высочайшее имя. В 1779 г. Безбородко произведен в бригадиры, через пять лет он получил чин тайного советника и звание второго члена коллегии Иностранных дел. В 1790 г. пожалован званием действительного тайного советника. Даровитый и способный, исполнительный чиновник, умевший отлично составлять любые доклады, Безбородко был прекрасным исполнителем воли императрицы и пользовался ее неограниченным доверием.

Самое непосредственное участие во всех «тайнах», связанных с внешнеполитической деятельностью правительства, принимал Г. А. Потемкин. Екатерина любила называть его своим «учеником в политике». В действительности же она сама в ряде случаев увлекалась блеском внешнеполитических проектов Григория Александровича и тем самым училась у своего фаворита смотреть на Европу с позиций русского человека.

С первых же шагов большое и активное участие во внешней политике своего государства принимала сама Екатерина. Ни один серьезный вопрос в этой области не проходил мимо нее, ни одно ответственное решение не принималось без непосредственного ее вмешательства. «Я хочу управлять сама, и пусть знает это Европа!» — говорила она Потемкину. С молодых лет вовлеченная придворными интригами в большую политику, Екатерина имела уже значительный опыт в деле дипломатии и свои недюжинные дипломатические способности развила в дальнейшем до совершенства. Она обладала большим искусством притворства, которое в XVIII в., а зачастую и позже, считалось основным качеством дипломата. «Весьма ошибутся,— говорила она про себя,— кто по первоначальным приемам будет судить о делах»[2].

Русско-турецкие и русско-шведская войны

Первая задача русской дипломатии в момент вступления Екатерины II на престол состояла в том, чтобы вернуть международный престиж России, утерянный ею за время правления Петра III выходом из Семилетней войны и неожиданным переходом от союза с Австрией к союзу с Пруссией. Екатерина действовала осторожно — она порвала военный союз с Фридрихом II, однако не стала нарушать мирный договор с ним. Это не удовлетворило ни одну из воюющих сторон. Екатерина предложила свое посредничество, но оно было отклонено — Губертусбургский договор 1763 г. между Пруссией, Австрией и Саксонией был заключен без участия России. Тогда по отношению к участникам Семилетней войны Екатерина заняла позицию, в которой сказывалось новое направление международной политики России. Этот новый внешнеполитический курс состоял в том, чтобы Россия могла «следовать своей собственной системе», согласной с ее истинными интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний иностранного двора.

Первым на повестку дня встал польский вопрос. В конце сентября 1763 г. в Польше умер король Август III. В стране начались раздоры партий. В выборы короля наряду с другими державами вмешалась Россия. В своем послании Фридриху II Екатерина писала: «Предлагаю вашему величеству между Пястами (природными

поляками.— *Авт.*) такого, который более других будет обязан вашему величеству и мне за то, что мы для него сделаем»[3]. В 1764 г. королем Польши был избран ставленник России Станислав Понятовский. Но борьба партий в стране продолжалась.

Еще раньше наметилось сближение России с Грузией, оно вылилось в оборонительный союз, заключенный между двумя державами в апреле 1764 г. в Петербурге. В договоре были секретные статьи, предусматривающие: денежную субсидию России от Пруссии в случае войны с Турцией, согласованность действий в Швеции, недопущение каких-либо изменений в конституции Польши, поскольку обе стороны были заинтересованы в политической слабости последней. Таким образом, оборонительный союз с Пруссией позволял России: влиять на польские дела; сдерживать Турцию; «первенствовать на севере»; «играть первую роль в Европе... без больших затрат».

В 1766 г. Россия подписала торговый договор с Англией, которая согласилась при этом с политикой русского правительства в польском вопросе. Франция была общим противником и России, и Англии, поэтому русские и английские дипломаты действовали *согласованно и в Швеции, являвшейся союзником* Франции.

Двусторонние соглашения с отдельными государствами Н. Панин пытался объединить в общую Северную систему, так называемый Северный аккорд, о чем еще в 1764 г. говорил русский посол в Дании барон Корф. Проект заключался в том, чтобы «на севере *составить знатный и сильный союз держав» против* Франции и Австрии с участием Англии. В состав Северного аккорда должны были войти: «в качестве держав активных» — Россия, Пруссия и Дания; «в качестве держав пассивных», соблюдающих доброжелательный нейтралитет,— Польша и Швеция. Проект Панина не увенчался полным успехом, так как его идея не встретила должного сочувствия в Берлине. Кроме того, Панину не удалось привлечь Англию к содействию России в турецких делах. Однако Россия добилась того, чтобы в достаточной степени развязать себе руки в отношении Польши.

Для противодействия русскому влиянию в Польше в 1768 г. в городе Баре, на Подолии, была созвана конфедерация, провозгласившая своим лозунгом самостоятельность страны и затем начавшая борьбу с рус-

скими войсками, посланными в Польшу для защиты интересов некатолического населения (так называемых диссидентов). Попав скоро в трудное положение, конфедераты обратились к Турции с просьбой о заступничестве. Посол Франции воспользовался создавшимся положением — он уговорил конфедератов уступить Турции Волынь и Подолию, если она окажет военную помощь Польше. Турецкое правительство заколебалось. В это время гайдамаки напали на пограничное местечко Балту и сожгли его. Турция нашла этот предлог вполне удобным, чтобы потребовать от России удовлетворения. Гайдамаки были строго наказаны, но Турция не удовлетворилась этим. 6 октября 1768 г. великий визирь Турции пригласил к себе русского посла А. М. Обрескова, обошелся с ним преднамеренно грубо и приказал посадить его в Семибашенный замок.

Объявляя войну северному соседу по собственной инициативе, Турция пыталась переложить вину за это на Россию. Последняя, по словам турок, нарушала подписанные ею договоры, строила крепости вблизи турецких границ, вмешивалась в дела Польши. Наконец, турки считали, что Балту сожгли русские войска. Екатерина, со своей стороны, обратилась к европейским дворам с циркулярной нотой, в которой старалась доказать справедливость русской политики и неправоту Турции, которую провоцируют недруги России. Зима 1768/69 г. прошла в подготовке обеих сторон к военным действиям. С Балканского полуострова стали приходить известия, что местные христиане готовы выступить против Турции. 19 января 1769 г. Екатерина приказала напечатать воззвания на славянском и греческом языках, в которых призывала балканских христиан к восстанию против неверных турок. Это оказало свое положительное действие — начавшись в Черногории, выступления христиан перекинулись на Албанию, Боснию, Герцеговину и Македонию.

В январе 1769 г. крымские татары предприняли набег в Новороссию, но были быстро отбиты. С русской стороны успехом завершилась экспедиция к Азову — он был занят отрядом войск. Однако эти первые небольшие стычки носили с обеих сторон второстепенный характер. Главным театром предстоящих сражений было Днестровско-Бугское направление.

Здесь были сосредоточены две русские армии. 1-я (около 65 тыс.) базировалась в районе Киева, 2-я

(около 43 тыс.) — ниже Кременчуга. Командующим 1-й армией был назначен генерал-аншеф А. М. Голицын, командующим 2-й армией — П. А. Румянцев. Для руководства ведением войны в Петербурге был создан Военный совет при высочайшем дворе. Но при этом командующие армиями пользовались относительной самостоятельностью и в зависимости от обстановки могли принимать свои собственные решения.

В соответствии с планом кампании 1769 г., разработанным Военным советом, 1-я армия должна была действовать в направлении на Хотин и овладеть этой сильной крепостью, расположенной на правом берегу Днестра, 2-й армии ставилась задача обеспечить действия 1-й армии и прикрывать юго-западный участок границы России. Борьба за Хотин велась командующим 1-й армией вяло, нерешительно, с неоправданной осторожностью. Голицын дважды переправлялся на правый берег Днестра и дважды возвращался обратно на левый берег: в первый раз — из-за недостатка в продовольственном снабжении, второй раз — под давлением полевой армии турок. Когда Голицын в третий раз подошел к Хотину, турки перешли в наступление. 29 августа числом около 80 тыс. они форсировали реку и атаковали русскую армию. Русские войска отразили все атаки противника, вынудили его отойти под стены крепости, но преследования не было, в результате чего победа осталась неиспользованной. Голицын придерживался чисто оборонительной тактики. И трудно сказать, как события развивались бы дальше, если бы турки сами не отступили. Они попали в бедственное положение с продовольственным снабжением, и их новый главнокомандующий Молдаванчи-паши отошел сначала к Яссам, а потом — к урочищу Рябая Могила, на левом берегу Прута. Оставленный в Хотине крымский хан Девлет-Гирей после отступления турок тоже ретировался со своими войсками к Рябой Могиле. 9 сентября Хотин был занят русскими войсками.

Одновременно с действиями на суше против Турции было предпринято широко и смело задуманное мероприятие на море. Его инициатором был граф Алексей Орлов, находившийся в то время в Италии. Он подал Екатерине мысль напасть на владения Оттоманской империи с юга, для чего снарядить морскую экспедицию в район греческого Архипелага. Эта чрезвычайно рискованная затея должна была решить сразу три

задачи: высадкой русского десанта на Морейском полуострове побудить греков и черногорцев, исповедующих христианскую веру, к восстанию против турок; отвлечь турецкие силы от главного — Днестровско-Бугского театра военных действий; нарушить морские коммуникации, связывающие Турцию с ее ближайшими владениями, и этим способствовать ослаблению Порты.

Большой риск и вполне реальная опасность в практическом осуществлении задуманной операции определялись двумя обстоятельствами. Во-первых, русским кораблям предстоял чрезвычайно трудный и опасный путь по Балтийскому и Северному морям, через проливы Па-де-Кале, Ла-Манш и Гибралтар до северо-восточной части Средиземного моря. Во-вторых, французское правительство с министром иностранных дел герцогом Шуазелем проводило враждебную политику по отношению к России; оно открыто оказывало военную помощь барским конфедератам в Польше и настойчиво подстрекало к войне с русскими не только Турцию, но и шведов. В этих условиях можно было ожидать внезапного нападения французского и испанского флотов на русские эскадры во время их следования из Кронштадта в район Архипелага.

Екатерина II все же решилась на эту опасную операцию, правильно и дальновидно учитывая в этот критический момент позицию английского правительства. В отношениях между Англией и Францией существовал давний антагонизм. К тому времени у британского кабинета появились новые соображения, по которым для Англии было весьма желательно появление русской военной эскадры на востоке Средиземного моря.

Англичане стремились овладеть путем по Средиземному морю, Нилу, затем по суше от Каира до Суэца и далее морем в Индию. Об этом же мечтали и французы. Овладеть Египтом, принадлежавшим номинально Турции,— вот чего добивалась французская дипломатия. Но всерьез думать об этом французы начали после 1763 г., когда они окончательно уступили англичанам Канаду.

Появление русского военного флота в восточной части Средиземного моря отвлекало французов и турок от Египта к полуострову Морея. Учитывая это, Екатерина II повела беспроигрышную дипломатическую игру. Английское правительство в свою очередь не

только предприняло демонстративные передвижения своего военного флота на путях следования русских кораблей, но и решительно заявило в Париже и Мадриде, что отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии.

Русская экспедиция в Архипелаг была настолько сложным, хлопотливым и рискованным предприятием, сопряженным с такой массой непредвиденных дипломатических случайностей и военных затруднений, что поручить верховное руководство ею кому-нибудь из адмиралов, хотя они и были дельными людьми в своей области, не представлялось целесообразным. Здесь нужен был человек, обладающий умом, хитростью, пронырливостью и изобретательностью, способный, где нужно, либо рисковать, либо поостеречься. Такого человека Екатерина нашла в лице Алексея Орлова. Во-первых, он подсказал императрице, до какой степени может быть полезной задуманная экспедиция в борьбе с Турцией. Во-вторых, он был гораздо умнее, храбрее и одареннее своего брата Григория. Е. В. Тарле писал об отношении Екатерины к Орлову: «Алексея она уважала гораздо больше, чем Григория, и не столько любила, сколько восхищалась его всегдашней и разносторонней оперативностью,— и боялась его... Она его боялась, по-видимому, потому, что знала, до какой степени сам-то он абсолютно ничего не боится и ни перед чем не останавливается»[4].

Первый рескрипт Алексею Орлову был подписан императрицей в Петербурге 29 января 1769 г. В нем Екатерина писала: «...будучи совершенно надежны в вашей к Нам верности, в способности вашей и в горячем искании быть отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем Мы, по собственному вашему желанию, поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство всего сего подвига»[5]. Вторым рескриптом, от 4 марта 1769 г., Екатерина дала Алексею Орлову обширнейшие полномочия и средства, которые ему, по мнению государыни, могут понадобиться для «скорого от вас на месте приласкания таких людей, кои между благочестивыми греческими и славянскими народами отличный кредит иметь могут»[6]. Поскольку будущий командующий экспедицией находился в Италии, в городе Ливорно, назначение командиров для отдельных эскадр производилось без его участия. Но, войдя в Сре-

диземное море, все они немедленно переходили под его верховное командование.

Командиром первой эскадры императрица назначила Г. А. Спиридова. С 1764 г., будучи вице-адмиралом, он командовал Кронштадтской эскадрой. 4 июня 1769 г. ему было пожаловано звание полного адмирала. В состав его эскадры входили 7 линейных кораблей, один фрегат *, одно бомбардирское судно, 4 транспорта, 2 пакетбота ** и 3 галиота ***. Общее число орудий на кораблях было равно 640, команда состояла из 5582 человек. Спиридов вышел в море 18 июля 1769 г. При нем находился также адмирал С. К. Грейг, принятый в 1764 г. на русскую службу капитаном первого ранга.

Вряд ли Спиридов был доволен результатами плавания своей флотилии. Ровно треть его судов не дошла даже до Англии. Многие матросы были выходцами из глубины российского материка и до своей службы не видели моря. Они болели и даже умирали в тяжком и длительном морском походе. Только за первые два месяца плавания Спиридов потерял 100 человек умершими и около 500 тяжелобольными.

Эскадра продвигалась очень медленно — приходилось нередко останавливаться для починок повреждений и устранения разных неисправностей. 12 августа к Спиридову присоединились еще 4 линейных корабля под командованием контр-адмирала Елманова. 6 сентября русский флот был в Копенгагене. 12 ноября Спиридов прибыл в Гибралтар, а Грейг задержался у английских берегов для исправления повреждений на некоторых судах.

В первых числах декабря все русские корабли собрались у острова Менорка в Средиземном море. Здесь выяснилось, что в эскадре годными для дальнейшего похода насчитывается только 9 судов: 5 линейных кораблей, 2 шлюпа **** и 2 военных транспорта.

Следом за Спиридовым из Кронштадта вышла к Архипелагу вторая русская эскадра. В нее входили 3 линейных корабля, 2 фрегата и 3 вооруженных

---

* Фрегат — трехмачтовый корабль с артиллерийским вооружением.

** Пакетбот — небольшое парусное судно для перевозки почты и несения посыльной службы.

*** Галиот — старинное двухмачтовое судно, предназначенное для перевозки грузов.

**** Шлюп — военный трехмачтовый парусный корабль; использовался для разведывательной, дозорной и посыльной службы.

транспорта. Ею командовал английский капитан Джон Эльфинстон, произведенный 29 июня высочайшим указом в контр-адмиралы «сверх комплекта». По прибытии в Средиземное море Эльфинстон должен был принять участие в антитурецкой диверсии в качестве командира линейного корабля «Не тронь меня».

Позже (в начале июня 1770 г.) для похода в Архипелаг была снаряжена третья небольшая русская эскадра во главе с контр-адмиралом Арфой. Последний был датчанином, принятым на русскую службу. Он сравнительно благополучно привел свою эскадру к намеченной цели.

Во второй половине 1769 г. на главном сухопутном Днестровско-Прутском театре военных действий произошли важные изменения. Екатерина II была недовольна нерасторопностью командующего 1-й армией, хотя войска его вслед за Хотином овладели Яссами. А. М. Голицын был отозван в Петербург, а его место занял П. А. Румянцев.

Когда началась война, Екатерина и ее фавориты еще не полностью доверяли Румянцеву, который был любимцем свергнутого Петра III. В начале войны его, назначенного командующим второстепенной 2-й армией, из Петербурга даже не информировали о стратегических планах правительства. «Я,— вынужден был писать Румянцев в Военную коллегию,— подобно слепцу, хожу поднесь в темноте... Уповаю... не оставите меня дружески вразумлять, где я могу по мере возможности производить свои старания к наибольшей пользе»[7].

После своего нового назначения Румянцев смело отказался от пассивной тактики своего предшественника, он умело концентрирует свои силы на главных направлениях и проводит ряд успешных наступательных действий. В сражениях у Рябой Могилы, при Ларге и Кагуле русская армия под его непосредственным командованием громит войска крымского хана, а затем турецкие, которыми предводительствовал сам великий визирь.

Румянцев в своей реляции так сообщал Екатерине о сражении при Кагуле: «Ни столько жестокий, ни так в малых силах, не вела еще армия вашего императорского величества битвы с турками, какова в сей день происходила... Действием своей артиллерии и ружейным огнем, а наипаче дружным приемом храбрых наших солдат в штыки... ударили мы во всю мочь на меч и огонь турецкий и одержали над оным верх...»

Описав все подробности боя и бегство турецких войск и находившихся вместе с ними польских конфедератов к Дунаю, Румянцев с гордостью отмечал: «Да позволено мне будет, всемилостивейшая государыня, настоящее действие уподобить делам древних римлян в том, в чем Ваше императорское величество мне их подражать велели; не так ли и армия Вашего величества поступает, что не спрашивает, как велик неприятель, но ищет, где только он»[8].

Очень показательна реакция Екатерины на эти победы. В Петербурге долго и с большой тревогой ждали успехов. С опаской вспоминали прутскую неудачу Петра I, прежние, не достигшие цели походы Миниха, Ласси.

Поэтому при первом известии о победе при Ларге Екатерина сразу же назначила «достодолжное благодарение Всевышнему», которое должно было проводиться в ее личном присутствии, при стечении «всего народа». Место для проведения торжественного богослужения тоже было избрано с большим смыслом. Екатерина II повелела провести благодарственный молебен в старой церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте. Здесь хранилась особо почитаемая икона Казанской Божьей Матери — символ и залог победы России над ее врагами. Эта икона сопровождала ополчение Минина и Пожарского при освобождении Москвы от поляков. После основания Петербурга, в разгар войны со шведами, Петр I распорядился перевезти святыню в новый город, подчеркивая твердость своих намерений сохранить Северо-Западный край за Россией. И теперь Екатерина II, на другой же день после известия о победе, при большом стечении народа и под грохот пушечной пальбы салюта отметила новый успех русского оружия. Она щедро одарила выдающегося полководца.

Награждая Румянцева за победу при Ларге высшим русским полководческим военным орденом — Св. Георгия первого класса, императрица писала ему: «Вы займете в моем веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного... Посылаю к вам орден Святого Георгия первого класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно». Сообщив Румянцеву эту приятную весть, императрица далее пошла на еще один утонченный знак внимания, сделав в послании

следующую приписку, с характерным ей немецким акцентом:

«P. S. Как я вспомнила, что в Молдавии золотошвеи стятся может мало, то посылаю к вам кованную георгиевскую звезду, какую я сама ношу» [9].

После же Кагула «за оказанные ее величеству и отечеству верные и усердные услуги» Румянцеву было пожаловано звание генерал-фельдмаршала. А затем Екатерина пошла еще дальше. Заново убедившись в полководческом искусстве Румянцева, она в августе 1770 г. предоставила ему право «для блага дел наших с вами» в случае необходимости действовать ее именем. «Как я вижу,— подчеркивала императрица,— что вы и делаете, более на успех дел моих, нежели на какие ни на есть страсти людские, и будьте уверены, что я всегда в сем, как и во всех прочих ваших ревностных предприятиях, всячески вас подкреплять буду» [10].

И Румянцев вполне оправдал ее надежды. Он, как талантливый полководец, много сделал для развития русского военного искусства: стал широко применять каре и рассыпной строй, главной целью действий подчиненных ему войск поставил истребление живой силы противника. Во время командования русскими войсками Румянцевым формировался и расцветал военный гений молодого генерала А. В. Суворова. «Кагульское сражение,— дают оценку современные военные историки,— одна из самых славных побед русской армии в XVIII веке, наиболее крупная победа над турецкими войсками в русско-турецких войнах XVIII — начала XIX века» [11].

Наряду с победами Румянцева на суше лето 1770 г. принесло России огромный успех и в водах Средиземного моря. Эскадры русского флота, пришедшие в Архипелаг, высадили, как было намечено ранее, десант на Морейском полуострове, чтобы побудить местное христианское население к восстанию против турецкого засилья. Однако восстание хотя и началось, но успеха не имело — русский десант был сравнительно малочисленным, повстанческие отряды плохо организованы и слабо вооружены. Туркам удалось быстро подавить выступления христиан. Зато на море события развивались по-другому.

По приказу А. Орлова корабли Спиридова в феврале 1770 г. прибыли в порт Витуло. 10 апреля был занят Наварин — греческий портовый город на юго-западном берегу полуострова Морея. Наваринский порт

стал временной базой русского флота. Турки выслали к Наварину свой флот из 12 линейных кораблей, нескольких фрегатов и более мелких судов, чтобы напасть на русскую эскадру. Орлов, Спиридов и Грейг решили взорвать Наваринскую крепость, выйти в море и дать генеральный бой турецким судам. Но тут в дело вмешался командир второй русской эскадры Эльфинстон, прибывший в Колокинфскую бухту (с восточной стороны мыса Матапан) с 3 линейными кораблями, 2 фрегатами и несколькими транспортами. Узнав о турецком флоте, он пытался атаковать его, хотя не имел для этого достаточных сил. Турки не приняли боя и укрылись в заливе Наполи-ди-Романья, о чем Эльфинстон доложил Орлову. 22 мая Спиридов соединился с Эльфинстоном, и оба адмирала решили начать погоню за выходившим из залива турецким флотом, хотя между собою они не могли поделить власть и жестоко ссорились. Вскоре Орлов прибыл к эскадрам и очень быстро навел порядок на всех судах. Погоня за турками продолжалась. У Орлова в тот момент было 9 линейных кораблей, 3 фрегата, бомбардирский корабль, пакетбот и 16 более мелких судов.

Турецким флотом номинально командовал капитан-паша Ибрагим Хосамеддин. Он мало что понимал в морской службе. Поэтому фактическим начальником флота был алжирец Гассан, человек очень способный, храбрый, хорошо знающий порученное ему дело. Когда преследуемые русским флотом корабли турок вошли в пролив между островом Хиос и побережьем малоазиатского полуострова, Гассан решил здесь принять главное сражение.

Турецкий флот значительно превосходил русскую флотилию как по количеству судов, так и по их вооружению. Корабль капитана-паши был стопушечным, еще один турецкий корабль имел 96 пушек, четыре корабля — по 84, два — по 74, семь — по 60, два — по 50 пушек; кроме этих крупных судов турки имели несколько более мелких. Всего на борту турецких судов насчитывалось 1430 орудий; на русских кораблях в общей сложности было установлено 820 орудий. В своем донесении Екатерине II о Чесме Алексей Орлов писал, что, увидев 24 июня перед собою 16 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, несколько шебек *,

* Шебека — небольшое трехмачтовое парусно-гребное судно с косыми парусами и наклоненной вперед передней мачтой.

бригантин * и множество полугалер **, фелук и других малых судов, он «ужаснулся», но в конце концов «решился». От экипажа русской флотилии действительно требовалась большая отвага, чтобы атаковать превосходящего неприятеля.

Боевой порядок русских кораблей состоял из трех ударных отрядов: «авангарда» (им командовал адмирал Спиридов на корабле «Евстафий»), «кардебаталии» (командир — адмирал Грейг на корабле «Три иерарха») и «арьергарда» (командир — контр-адмирал Эльфинстон на корабле «Святослав»). Верховный командующий Алексей Орлов находился с Грейгом на «Трех иерархах». Кроме указанных трех командиров Орлову непосредственно подчинялся начальник всей артиллерии флотилии цейхмейстер Ганнибал. Это был тот самый Ганнибал, который отличился при артиллерийском обстреле Наварина и о котором Пушкин, говоря об арапе Петра Великого Абраме, писал:

...И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин [12].

24 июня 1770 г. в 11 часов Алексей Орлов дал сигнал: всему флоту атаковать неприятеля. Вскоре от русского огня загорелся турецкий корабль «Реал-Мустафа». Однако русское судно «Евстафий» течением неотвратимо понесло прямо на яркое пламя. Когда корабли сблизились, русские матросы и армейский отряд бросились на абордаж и перебили турок, еще остававшихся на борту пылавшего судна. В этот момент горящая грот-мачта турецкого корабля рухнула прямо на открытую крюйт-камеру «Евстафия», наполненную снарядами и порохом. Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, «Евстафий» взлетел на воздух, а следом за ним перестал существовать и «Реал-Мустафа». Остальные русские корабли продолжали сражение с ожесточенным упорством. Стопушечный корабль капитана-паши был атакован двумя судами. В попытке выйти из-под огня турки неудачно развернули его кормой к «Трем иерархам» и позволили Грейгу продольными выстрелами в упор нанести ему

---

* Бригантина — двухмачтовое парусное судно для разведывательной и посыльной службы.

** Галера — гребное военное судно с одним рядом весел; имела также вспомогательные паруса.

страшнейшие повреждения «без малейшего для себя вреда»[13]. После этого на всех турецких судах начали спешно обрубать якоря — турецкий флот под непрерывным огнем русской артиллерии в беспорядке обратился в бегство, направляя к каменистому берегу Чесменской бухты, расположенной на западном побережье малоазиатского полуострова.

Морское сражение 24 июня продолжалось не более двух часов. На «Евстафии» погибло 34 офицера, 473 матроса и солдата, спаслось 58 человек. Общие потери русских составляли 523 человека: убито (помимо погибших от взрывов) было лишь 16 человек. Такое малое число убитых русские офицеры объясняли тем, что турецкие орудия были наведены слишком высоко и били по рангоутам, повреждая мачты, реи и снасти, но щадя живую силу.

Укрывшись в бухте Чесма, турецкий флот продолжал оставаться для русских в Архипелаге реальной и грозной силой. В свои подзорные трубы русские адмиралы без особого труда видели, что неприятель пока еще сохраняет 14 линейных кораблей, 2 фрегата и 6 шебек. Следовательно, соотношение сил было таким, что вопрос об окончательной победе продолжал оставаться открытым. Надо было принимать решение.

«Алексей Орлов не был моряком и не мог поставить себя в ряд со Спиридовым или Грейгом. Однако он знал, что только он может взять на себя страшную ответственность за возможное поражение русской эскадры, которой негде будет, может быть, даже и отдохнуть и чиниться в случае беды. Прочной-то базы ведь не было вовсе... Не впервые было Алексею Григорьевичу ставить на карту и свою жизнь, и честь, и судьбы России. До сих пор вывозили энергия, вера в себя, счастье. Он решился. «Наше ж дело должно быть решительное, чтобы оной флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы и к дальним победам иметь свободные руки; и для того, по общему совету, положено и определяется: к наступающей ныне ночи приуготовиться»»[14].

Приготовления состояли в том, чтобы не выпустить турецкий флот из бухты, а первый удар по нему нанести брандерами*. Цейхмейстеру Ганнибалу было поручено приготовить к действию 4 брандера. Для

---

* Брандер — судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами и использовавшееся для истребления кораблей противника.

этой цели использовались греческие торговые суда. Командование подготовкой к диверсии и самой операцией было возложено на Грейга. Ему непосредственно подчинялись 7 кораблей и все брандеры. Свой брейдвымпел он перенес на корабль «Ростислав».

В двенадцатом часу ночи с 25 на 26 июня корабли Грейга снялись с якоря, подошли к турецкому флоту, надежно заперли его в бухте и открыли по нему массированный артиллерийский огонь. Во втором часу ночи, в разгар сражения, русскому кораблю удалось поджечь турецкое судно. В этот момент Грейг дал приказ выступить брандерам. Два брандера из четырех успешно дошли до цели и подожгли турецкие корабли. Пожар быстро пожирал одно судно турок за другим — Гассану так и не удалось вывести свои корабли из бушующего огня. От турецкого флота остался неповрежденным только один корабль «Родос», но и он был захвачен русскими моряками, отведен к эскадре и вошел потом в состав русского флота.

Следуя традициям русских моряков, Алексей Орлов приказал подобрать в море раненых турок и «перевезти на корабль для перевязывания ран и подаяния возможной помощи». Спасенных таким образом турок было «множество», и, когда они поправились, «большому числу из них от высочайшего имени ее императорского величества дана была свобода».

Из 15 тыс. моряков турецкого флота при Чесме спаслось не более 4 тыс. Среди них было много раненых. Спасенные разнесли до самого Константинополя потрясающую весть о катастрофе на море.

О славной победе русского флота в далеких водах Средиземного моря историк Е. В. Тарле писал: «Со времен Петра I прошло много лет. Поколение, пережившее Гангут *, уже давно сошло со сцены; Чесма заставила всю Европу вздрогнуть и принять в соображение, что мечта Петра как будто вполне сбылась и что у русского «Потентата» ** налицо обе руки — не только армия, но и флот» [15].

О впечатлении, какое Чесменская победа произвела в России, ярко рассказал будущий поэт и сенатор

---

* Гангутское сражение (1714) между русским и шведским флотами в ходе Северной войны; при Гангуте русские впервые одержали блестящую победу на море, которую Петр I приравнивал к победе под Полтавой.

** Потентат (лат.) — «властелин», «коронованная особа».

И. И. Дмитриев. Детство его прошло на Волге, в самой российской глубинке. «Отец мой, получая при газетах реляции,— вспоминал уже в зрелые годы Дмитриев,— всегда читал их вслух посреди семейства. Никогда не забуду того дня, когда слушали мы реляции о сожжении при Чесме турецкого флота. У отца моего от восторга прерывался голос, а у меня навертывались на глазах слезы» [16].

После Чесмы русские овладели почти всеми островами Архипелага. Екатерина II согласилась с предложением Орлова и Спиридова о необходимости, во всяком случае до заключения мира с Турцией, удерживать за собой Архипелаг. Она поддержала также идею блокировать русскими кораблями Дарданеллы. 18 декабря 1772 г. в рескрипте Алексею Орлову императрица писала: «Флот Наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию. Порта, так сказать, принуждена, не знав, куда намерение Наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды, от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Черным морем, и, следовательно, препятствие причиняется ей действовать как на Черном море, так и на самих Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царь град не без трепета видит флот Наш в таком близком от них расстоянии» [17].

После этого русский флот больше двух лет оставался в Архипелаге. Для поддержания его боевой готовности на должном уровне в восточную часть Средиземного моря были отправлены еще две русские морские экспедиции: четвертая по счету вышла 8 мая 1772 г. из Ревеля, а пятая — 21 октября 1773 г. из Кронштадта. Эта последняя русская эскадра достигла своей цели уже к самому концу войны, поэтому ей не пришлось принять участие ни в блокаде Дарданелл, ни в других морских баталиях.

В то время, когда армия Румянцева с блистательным успехом побеждала значительно превосходящего по силам неприятеля при Ларге и Кагуле, войска 2-й армии, командующим которой был назначен П. И. Панин, насчитывающие в своем составе 34 тыс. человек, надолго застряли под Бендерами. Осада крепости началась в первых числах июля. Но только

в ночь с 15 на 16 сентября 1770 г. Панин решился вести своих солдат на приступ. Бой продолжался всю ночь. После пожара, истребившего почти полностью крепость, ее гарнизон сложил оружие. Победа наконец была достигнута, однако цена ее оказалась слишком высокой — Панин положил под Бендерами более трети своей армии. Такие потери произвели в Петербурге неблагоприятное впечатление. Высокопарный тон донесения Панина не мог рассеять невыгодного для него настроения при дворе. Панину был послан военный орден, но ответный рескрипт Екатерины на его имя был краток и сух. После взятия Бендер военные действия 2-й армии прекратились в связи с наступлением осенней распутицы.

После побед, удививших и напугавших Европу, Россия была заинтересована в подписании мира с Турцией. Военные действия двух армий и флота требовали огромных расходов. Экономическое положение страны ухудшалось, разорение народных масс и тяжесть рекрутских наборов обостряли классовую борьбу. Назревала крестьянская война. Кроме того, чтобы успешно начать новое наступление, русские войска должны были форсировать мощную водную преграду — Дунай. Для этого нужны были немалые дополнительные усилия. Понятно, что в этих условиях мирные переговоры становились для русского двора более предпочтительными.

Однако, как ни велики были по своей силе русские удары, нанесенные Турции на суше и на море, они не сломили ее сопротивления. Ресурсы Оттоманской империи еще не были исчерпаны, и война продолжалась. Этому способствовала также дипломатическая обстановка, складывавшаяся не совсем благоприятно для России.

Не только Франция и Швеция, но и Австрия и Пруссия были крайне обеспокоены русскими победами — они боялись усиления России. Поэтому они стремились вмешаться в русско-турецкий конфликт и предлагали свое посредничество.

Екатерина II правильно учитывала сложившуюся расстановку сил и действовала достаточно осмотрительно. С одной стороны, она готова была начать мирные переговоры с турками, а с другой — особенно не увлекалась идеей посредничества. Она хорошо знала этих посредников и не сомневалась, что их больше всего беспокоят собственные интересы. И когда Фри-

дрих II обратился к Екатерине с предложением начать с Турцией мирные переговоры, ответ ее был весьма уклончивым. Прежде всего она заявила, что мирным переговорам должны непременно предшествовать следующие обязательные условия: немедленное освобождение русского посла Обрескова; гарантии безопасности греческого населения, выступавшего против турок.

Не доверяя посредникам, Румянцев по указанию Военного совета обратился с письмом к визирю, предлагая ему начать двусторонние переговоры о мире. Ответ из Константинополя гласил, что султан уже сообщил Австрии и Пруссии о своем желании мира и ждет от них ответа. Тогда Екатерина 9 декабря направила письмо Фридриху II. В нем она благодарила короля Пруссии за дружеское участие в делах России, еще раз повторила требование об освобождении Обрескова до начала переговоров и сообщила русские условия подписания мира с Турцией. При этом Екатерина предупреждала Фридриха, что сообщать эти условия Порте пока преждевременно.

Предварительный вариант русских условий мира, предложенный Никитой Паниным на Военном совете еще 16 сентября, сводился к следующему: Россия удерживает за собою Азов и Таганрог; русские получают право свободного плавания торговых судов из Азовского моря в Черное. Турция объявляет амнистию всем иноверцам, выступавшим против нее с оружием; объявляется независимость Крыма. Княжества Молдавское и Валашское удерживаются за Россией на время выплаты ими вознаграждения русским за их военные убытки в сумме 25 млн руб. Если русский флот овладеет каким-нибудь островом в Архипелаге, последний должен оставаться за Россией.

Фридрих II остался недоволен русскими условиями мира с Турцией. Сообщая об этом Екатерине II письмом от 4 января 1771 г., он пытался запугать русскую императрицу твердой политикой Австрии, которая тоже не может согласиться с требованиями, выдвигаемыми Россией. По поводу письма прусского короля Екатерина писала Панину: «Я думала, что совершаю великий подвиг умеренности, предлагая план, на основании которого я хотела вести мирные переговоры, и не думала я найти в прусском короле адвоката турок. Я не говорю о венском дворе... Было бы желательно, чтобы перестали нам постоянно показывать

вооруженную или поднятую руку Австрии, ибо Россия, подвергшись нападению, сумеет защититься, она не боится никого»[18].

План кампании 1771 г., принятый Военным советом, предусматривал: для 1-й армии: обеспечить охрану Молдавии, Валахии и Бессарабии; не допускать турок на левый берег Дуная; при этом Румянцеву предоставлялась свобода действий; для 2-й армии: осуществить удар по Крыму.

Весь 1771 г. армия Румянцева крупных военных действий не вела. Левый берег Дуная был очищен от неприятеля на расстоянии от Килии до Видина. Совершались успешные вылазки на правый берег реки — временно были заняты Тульча, Исакчи, Бабадаг.

Во 2-й армии в конце 1770 г. произошла смена главнокомандующего. Петр Панин получил отставку. Он ушел с поста обиженным, считая, что его полководческий талант недооценили и незаслуженно обошли высокими наградами. Новым главнокомандующим стал князь В. М. Долгоруков, боевой генерал, активный участник Семилетней войны.

4 июля 1771 г. с 38-тысячным корпусом Долгоруков разбил 70-тысячную армию крымского хана Селим-Гирея и овладел Перекопом. Вскоре он вторично разгромил 95-тысячную армию хана при Кафе (Феодосии). Потом занял Арабат, Керчь, Еникале, Балаклаву и Тамань, принудил Селима бежать в Константинополь, а на его место посадил сторонника России — хана Сагиб-Гирея. Турция не могла оказать серьезную помощь крымским татарам, поэтому последние вынуждены были подписать с Долгоруковым договор, по которому Крым объявлялся независимым, под покровительством России. После этого отдельные русские гарнизоны были оставлены в некоторых городах Крыма, а основной контингент 2-й армии отведен на зимние квартиры на Украину.

Военные успехи России продолжали беспокоить ее западных соседей. Враждебную по отношению к Петербургу позицию заняла Австрия. В январе 1772 г. русский двор узнал о секретной австро-турецкой конвенции, подписанной в Константинополе 6 июля 1771 г. По этому соглашению Австрия обязалась содействовать возвращению Турции всех крепостей и земель, занятых русскими с начала войны, и добиться выгодных для Турции условий мира с Россией. За это Турция должна была выплатить Австрии денежную субсидию

в 10 млн пиастров, передать ей Малую Валахию и освободить австрийскую торговлю от всех налогов и сборов. В качестве аванса турки выложили 3 млн пиастров.

После этого у австрийского императора Иосифа II и его канцлера Кауница возникли разногласия по вопросу о том, что выгоднее для их империи: получить часть соседних земель у Турции (и тогда пусть продолжается русско-турецкая война!) или выторговать у союзников более жирный кусок польской территории (и тогда необходимы хотя бы внешне нормальные отношения с Россией и участие Австрии в мирных русско-турецких переговорах в качестве посредника). Верх взяла последняя точка зрения. Австрия приняла участие в разделе Речи Посполитой, вследствие чего ей пришлось отказать туркам в дипломатической и военной поддержке.

12 марта 1772 г. Панин получил известие из Вены, что Турция согласна на заключение перемирия с Россией и готова выслать своих уполномоченных на конгресс в Бухарест. Русская сторона отклонила Бухарест как место встречи, поскольку этот главный город Валахии мог стать источником дополнительных интриг и затянуть переговоры. Согласились собраться в Фокшанах в июне. Уполномоченными представителями России на конгрессе были граф Григорий Орлов и освобожденный турками из заключения русский посол Обресков. Турция была представлена на встрече Осман-эфенди и Яссином-заде-эфенди. Вместе с ними прибыли из Константинополя на конгресс представители Австрии и Пруссии. Переговоры проходили с 27 июля по 28 августа и закончились неудачей.

Инструкции, данные Орлову и Обрескову, предусматривали возможность значительных уступок с русской стороны. Уполномоченные могли не настаивать на требовании предоставления независимости Молдавии и Валахии, могли уменьшить территориальные претензии к Турции, но Россия решительно требовала предоставления независимости Крымскому ханству и отстаивала для себя право свободного плавания русских кораблей в Черном море и проливах.

Турецкие представители, подстрекаемые Францией и поддерживаемые Австрией, возражали против каждого предложения русской стороны.

В августе, когда переговоры зашли в тупик, Григорий Орлов неожиданно покинул Фокшаны и отправился

в столицу. Его внезапный отъезд уполномоченные Турции использовали как предлог для прекращения переговоров — *они тоже 28 августа оставили Фокшаны, возложив* ответственность за неудачу так долго готовившейся встречи на русских.

Турки вели себя в Фокшанах неуступчиво, но объективная реальность заключалась в том, что успешно продолжать войну с Россией Порта была уже не в состоянии. Поэтому 7 сентября Румянцев получил от *визиря письмо, в котором тот предлагал возобновить* мирные переговоры в Бухаресте. Предложение было принято, поскольку Россия тоже стремилась к миру. К тому же в Швеции в то время произошел государственный переворот, могущий вызвать новую напряженность в русско-шведских отношениях.

В Бухаресте переговоры возобновились 29 октября. *Они были более продолжительными, но положительных* результатов тоже не дали — турки и здесь не хотели согласиться с потерей своего господства в Крыму и со свободой судоходства на Черном море. Принятое обеими сторонами перемирие кончилось 9 марта. Весной 1773 г. снова начались военные действия.

План кампании 1773 г., утвержденный Екатериной, предписывал Румянцеву осуществить наступление на правом берегу Дуная, в частности на сильно укрепленную крепость Шумла, где были сосредоточены главные силы турецкой армии. В первых числах апреля Румянцев приступил к подготовке наступления. Он решил рядом отдельных ударов захватить инициативу, сковать противника и отвлечь его от места предстоящего форсирования Дуная главными силами русской армии.

Метод сковывания противника одновременно на нескольких тактических направлениях получил в военной практике наименование поисков. К этой достаточно эффективной форме боевых действий Румянцев прибегал в 1771 г. Теперь отряды Вейсмана, Салтыкова и только что прибывшего в 1-ю армию Суворова в течение апреля и мая произвели несколько поисков на правый берег Дуная.

Объектом такого крупного поиска стал Туртукай. Задача, поставленная перед отрядом Суворова, состояла в том, чтобы скрытно переправиться через реку, внезапно нанести удар по военным укреплениям и с наименьшими потерями вернуться на исходные позиции.

Туртукай лежал на террасах правого берега реки. Ширина последней на участке переправы составляла

600—700 м. Турецкий отряд численностью около четырех тысяч человек размещался в двух лагерях, расположенных на восточной и западной окраинах этого населенного пункта и прикрытых земляными укреплениями полевого типа.

В ночь с 9 на 10 мая войска Суворова в два рейса (первым рейсом — пехота, вторым — конница) переправились через Дунай и высадились в 3 верстах от Туртукая ниже по течению. Силы Суворова были невелики: 500 человек пехоты и 200 человек конницы. Но атака русских воинов на вражеские укрепления была настолько внезапной и смелой, что среди турок поднялась общая паника. Операция завершилась полным успехом, и отряд Суворова с победными трофеями (в том числе с захваченными 6 знаменами) вернулся в исходное положение на левый берег реки. Потери русских составили 26 убитыми и 42 ранеными. Турки, согласно реляции Суворова, потеряли 1500 человек.

Сам Румянцев 9 июня с главными силами форсировал Дунай в 30 верстах ниже Силистрии. 18 июня он подошел к этому городу, захватил его передовые укрепления, но овладеть крепостью не смог — для этого силы его были недостаточны. Узнав о приближении 30-тысячной армии Нуман-паши, Румянцев отошел обратно, к месту своей переправы через Дунай.

Одновременно с наступлением фельдмаршала на Силистрию отряд Суворова предпринял второй поиск на Туртукай. К этому времени турецкий гарнизон Туртукая получил подкрепление, и там снова насчитывалось около четырех тысяч человек. С Суворовым переправилось на правый берег и приняло участие в бою около двух тысяч человек при двух орудиях. На этот раз сражение затянулось, противник упорно сопротивлялся и даже контратаковал. Перелома в ходе боя добилась русская кавалерия — она обратила турок в бегство и преследовала их на протяжении пяти верст, после чего отряд Суворова вернулся на левый берег реки.

Навстречу остановившимся у Кайнарджи турецким войскам выступил Вейсман. 22 июня он атаковал неприятеля и разгромил его, хотя сам погиб в бою. Но и после этой победы Румянцев считал себя все-таки недостаточно сильным, чтобы начать генеральное наступление, и вернулся обратно на Дунай. На правом берегу после этого оставался только один пункт, занятый русскими; это был Гирсовский пост. Хорошо

понимая его важнейшее стратегическое значение в тех условиях, Румянцев направил туда Суворова. В реляции, посланной Екатерине II, Румянцев сообщал: «Сей важный пост поручил я теперь генерал-майору и кавалеру Суворову, ко всякому делу свою готовность и способность подтверждающему» [19].

И Суворов в очередной раз блестяще оправдал его доверие.

3 сентября произошел ожесточенный бой с сильным турецким отрядом, попробовавшим атаковать Гирсово.

Описание этого сражения писателем С. Григорьевым вполне соответствует исторической правде: «Верный своей испытанной тактике, Суворов решил выждать полного сосредоточения сил противника, чтобы решить дело разом... Пушки на русских батареях молчали. Турки поставили батареи и открыли огонь по выдвинутому в поле шанцу, где находился сам Суворов. Амбразуры пушек были замаскированы. Обманутые этим, думая, что укрепление защищается одной пехотой, турки бросились на штурм. Из амбразур выставились дула орудий. Грянул залп картечью, затрещали ружейные залпы. Неприятель усеял поле мертвыми телами... Конница Суворова на полном скаку врубилась в центр турецких линий. Янычары привыкли к встрече с русской пехотой, а тут им пришлось иметь дело с конницей. Турецкие кавалеристы, лихие в одиночных схватках, тоже отступили перед щетиной грозных штыков суворовской пехоты. Не выдержав натиска, турки дрогнули и побежали, бросая оружие и амуницию... Турецкий обоз и все пушки достались победителям» [20].

Получив известие о победе, Румянцев написал Суворову: «За победу, в которой признаю искусство и храбрость предводителя и мужественный подвиг вверенных вам полков, воздайте похвалу и благодарение именем моим всем чинам, трудившимся в сем деле» [21].

Зиму армия Румянцева провела на квартирах на левом берегу Дуная. На правом берегу только Гирсовский пост был занят отрядом Суворова.

Румянцев остался крайне недоволен минувшей кампанией и поэтому в 1774 г. намеревался дойти до самых Балкан, хотя армия его была сильно ослаблена. Военные действия начались во второй половине апреля. Первыми выступили дивизия генерал-поручика М. Ф. Каменского, переправившаяся в низовья Дуная,

и дивизия генерал-поручика Суворова, сосредоточившаяся у Гирсово. Обе дивизии должны были наступать на Базарджик, Козлуджи и Шумлу. 2 июня Каменский занял Базарджик, после чего отошел к деревне Юшенлы. Здесь 9 июня к нему присоединился Суворов. В это же время к городу Козлуджи подошел и стал лагерем 40-тысячный турецкий корпус Хаджи-Абдур-Резака. Русских и турок разделял только лес, тянувшийся на 9 верст от Юшенлы почти до Козлуджи.

Старшим начальником при Козлуджи был Каменский, а руководил сражением Суворов, общая численность войск которого не превышала 8 тыс. человек *.

Бой 9 июня начала конница Суворова. Атакованная значительно превосходящими силами противника, она была вынуждена в беспорядке отступить. Стремясь использовать успех, турки атаковали пехоту Суворова. Их натиск последняя встретила плотной линией каре, нанося наступающим ощутимые потери. Тогда турки двинулись в стороны флангов, но там были части дивизии Каменского. Потерпев неудачу в попытке сбить пехоту русских и неся большие потери, турки дрогнули и начали отход. Суворов развивал наступление. Его пехота, поддержанная оправившейся после первой неудачи кавалерией, упорно шла вперед, парируя контратаки турок. Когда войска Суворова продвинулись на 7—8 верст и приблизились к лагерю турок, 10 орудий русской полевой артиллерии своими меткими залпами начали подготовку общего штурма. Войска Хаджи-Абдур-Резака охватила паника. Турки, не дожидаясь штыкового удара, обратились в паническое бегство.

При Козлуджи турки потеряли 500 человек убитыми, 100 пленными, большое число ранеными, 29

---

* Знавший этих двух военачальников французский посланник Сегюр давал им такую характеристику: Суворов — «брал чины саблею... Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, действия быстры». Каменский — «вдали от столицы образованный русский превратился в дикаря; он обходился с людьми своими, как с невольниками, беспрестанно ругался, не платил жалованья и бил за малейший проступок, иногда и тех, кто не был виноват». В конце концов Каменский «погиб жертвой своей жестокости» — был убит своими крепостными (*Сегюр Л.-Ф.* Записки графа Сегюра о пребывании его в России. 1784—1789. СПб., 1865. С. 158, 159).

Такого командира Суворов не мог уважать и, будучи человеком независимым, не хотел ему подчиняться, нарушая при этом субординацию. В свою очередь Каменский жаловался на строптивого подчиненного.

орудий и много знамен. Потери русских: 75 убитых и 134 раненых.

«Анализируя сражение при Козлуджи, следует прежде всего отметить, что победа была достигнута благодаря инициативе Суворова, его настойчивости и предельно активному ведению боя, несмотря на тяжелые условия. Суворов, с одной стороны, правильно понимал стратегическую обстановку, требовавшую победы, с другой — верно оценил возможности своих войск и низкое моральное состояние противника, существенно обесценивавшее его численное превосходство» [22] — такова оценка современных историков.

После боя Суворов остановил свои войска южнее Козлуджи и здесь дождался подхода Каменского. На второй день на военном совете он настаивал на немедленном преследовании отступающего противника, но Каменский считал наступление нецелесообразным и даже рискованным. Поссорившись с Каменским, Суворов под предлогом болезни самовольно уехал в Бухарест. Румянцев встретил его холодно, потребовал объяснить неожиданный отъезд из действующей армии, но просьбу об отпуске удовлетворил. Через месяц с небольшим Суворов получил распоряжение от Румянцева выехать в Москву — его посылали на борьбу с Пугачевым.

Недовольный самоуправством одного генерал-поручика, Румянцев еще более досадовал на нерешительность другого. 13 июня он писал Каменскому: «Радуюсь, с одной стороны, победою, одержанной над неприятелем... при Козлуджи, с другой — не без сожаления встречаю купно с ним присланные уведомления, что вы, совершенно разбив неприятеля, отложили общим советом... днях пользоваться таковою своею победою... Между тем, как вы остановились, неприятель может собрать и ободрить и разбитые войски и учредит свою оборону в укреплениях; не дни, да часы и моменты в таком положении дороги, и потеряние невозвратно» [23].

После Козлуджи русские войска подошли к Шумле и приступили к ее осаде. Один из русских отрядов захватил Чалыкивак, расположенный между Шумлой и Константинополем. Это вызвало дополнительную панику среди турок. Гарнизон Шумлы поднял мятеж. Визирь быстро расправился с восставшими, но понял наконец, что Турция больше не может продолжать войну, и обратился к Румянцеву с просьбой заключить

перемирие. Румянцев отклонил просьбу турецкой стороны и предъявил ультиматум: или немедленные переговоры о мире, или наступление русских войск на Константинополь. У Турции был только один выход — начать мирные переговоры.

4 июля к Румянцеву прибыли уполномоченные визиря с предложением мира. Переговоры велись в ставке главнокомандующего русской армией в деревне Кючук-Кайнарджа, близ города Силистрия. На этот раз они были непродолжительными и, по словам Румянцева, проходили «без всяких обрядов министериальных, а единственно скорою ухваткою военною».

10 июля 1774 г. между Россией и Турцией был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому все прежние договоры между Россией и Турцией, кроме конвенции 1700 г. о границах Азовского уезда, объявлялись лишенными силы. Крымское ханство признавалось независимым от Турции. Под власть России переходило Черноморское побережье с крепостями Керчь, Еникале и Кинбурн. Княжества Молдавское и Валашское получали автономию, и Россия приобретала право защиты и покровительства христианам в этих княжествах. Русским консулам предоставлялась возможность выступать в защиту христианского населения Османской империи. Порта признавала свободу русской торговли на тех же условиях, как ею пользовались Великобритания и Франция, и обещала покровительство русским купцам в Триполи, Тунисе и Алжире. Русские торговые корабли получали право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. За российскими императорами признавался титул, равный падишаху (титул турецких султанов и персидских шахов), чем до этого времени пользовались только французские короли. Согласно секретному приложению к договору, Турция обязалась уплатить России 7,5 млн пиастров (4,5 млн руб.) контрибуции.

По условиям договора Россия взамен приобретений на Черноморском побережье возвращала Порте Архипелаг. Все наши суда должны были через Гибралтар вернуться домой. В момент своего ухода из турецких вод русский флот состоял из 15 линейных кораблей, 21 фрегата, 9 галер и примерно 50 мелких судов.

Победа России в войне 1768—1774 гг. имела огромное международное значение. В дипломатических кругах всей Европы русские победы в этой войне на море и на суше произвели ошеломляющее

впечатление. Недаром, когда турки наконец признали себя побежденными и подписали мирный договор в Кючук-Кайнардже, Екатерина с таким любопытством наблюдала за поведением послов, аккредитованных при ее особе. «Я видела в Ораниенбауме весь Дипломатический корпус и заметила искреннюю радость в одном Аглинском и Датском министре; в Австрийском и Прусском менее,— писала она Штакельбергу, своему послу в Варшаве.— Ваш друг Браницкий смотрел Сентябрем. Гишпания ужасалась; Франция, печальная, безмолвная, ходила одна, сложив руки. Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем, Мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире; да и какая нужда говорить о нем? Он сам за себя говорит»[24].

Столь успешное для России завершение войны с Турцией было не только важным международным событием. Мирный договор способствовал ускорению экономического развития всего юга России. Он стал важным стимулом в активизации черноморской торговли. Но и это еще не все. Мир, добытый кровью и потом русских солдат, создал новые благоприятные условия для борьбы балканских и кавказских народов против оттоманского ига, что в свою очередь тоже отвечало интересам России.

Екатерина щедро наградила своих полководцев, блестяще проявивших себя на войне. Главнокомандующий русским флотом в Средиземном море граф Алексей Орлов получил орден Святого Георгия первой степени и стал именоваться Чесменским. Командующий 2-й армией князь В. М. Долгоруков помимо золотого Георгия прибавил к своему имени титул Крымский. Больших наград удостоился фельдмаршал Петр Румянцев. В особом рескрипте Румянцеву в августе 1774 г. Екатерина II отмечала: «Вам одолжена Россия за мир славной и выгодной... С одной стороны, турки, лишившись Крыма и всех татарских орд, лишились впредь на время военное и знатного числа войск... С другой — доставление нам трех пристаней на Черном море может впредь служить... к связыванию взаимных подданных узлом собственной их корысти чрез беспосредственные на обе стороны торги...»[25]

Екатерина умела ценить своих сотрудников и воздавала им заслуженные почести. В первый же день торжеств по случаю заключения мира с Турцией в 1775 г. заслуги Румянцева были отмечены особо.

В Москве, в Грановитой палате, публично было оглашено следующее пожалование императрицы: «Господину генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву похвальная грамота с прописанием службы его в прошедшую войну и при заключении мира, со внесением различных его побед и с прибавлением к его названию проименования Задунайского; за разумное полководство алмазами украшенный повелительный жезл или булава; за храбрые предприятия шпага, алмазами обложенная; за победы лавровый венец, за заключение мира масличная ветвь, в знак Монаршего за то благоволения крест и звезда Святого апостола Андрея, осыпанная алмазами; в честь ему, фельдмаршалу, и его примером в поощрение потомству медаль с его изображением; для увеселения его деревня пять тысяч душ в Белоруссии; на построения дома сто тысяч рублев из Кабинета; для стола его сервиз серебряный, на убранство дома картины»[26].

А. В. Суворову была вручена золотая шпага, осыпанная бриллиантами. На празднествах он был представлен императрице.

Главное внимание русской дипломатии, руководимой самой Екатериной и Григорием Потемкиным, было направлено на разрешение турецкой проблемы. По мнению Потемкина, наилучшим решением являлось претворение в жизнь так называемого греческого проекта. В случае успешной войны с Турцией предполагалось совсем изгнать турок из Европы и восстановить независимую греческую империю со столицей Константинополем. На греческий престол имелось в виду возвести великого князя Константина Павловича, второго внука Екатерины II, но под тем условием, чтобы Константин Павлович отказался от своих прав на русский престол и чтобы вообще российская и греческая короны никогда не соединялись на одной главе. Из Молдавии и Валахии предполагалось образовать буферное государство Дакию. Австрия со своей стороны должна была получить западную часть Балканского полуострова.

Но положение в Крыму продолжало оставаться достаточно сложным и далеко не стабильным. Зафиксировав в мирном договоре с Россией свое согласие на независимость Крыма, турецкий султан не мог смириться с такой большой для себя потерей. К тому же у него оставалась еще реальная возможность продолжать в Крыму свою политику. Для крымских татар

султан Турции был верховным калифом — в его руках находилась религиозная власть. Он утверждал вновь избираемых ханов. Профиль его по-прежнему чеканился на монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

В итоге в Крыму образовались две враждующие между собою партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции. Между сторонниками этих партий периодически вспыхивали военные столкновения.

В начале 1775 г. хан Сагиб-Гирей был низложен сторонниками турецкой партии. Его брат Девлет-Гирей, утвержденный султаном новым ханом Крыма, в июле 1775 г. высадился с турецким десантом в Алуште. Однако продвинуться туркам в глубь полуострова не удалось.

Поскольку турецкая сторона нарушала договоренность о независимости Крыма, в ноябре 1776 г. в Крым были двинуты русские войска, которые, не встречая сопротивления, заняли полуостров.

В то время обстановка в Крыму напоминала необъявленную войну. Опираясь на поддержку русских, Шагин-Гирею (брату Сагиб-Гирея и Девлет-Гирея) удалось добиться своего избрания ханом Кубани. 30 января 1777 г. он овладел крепостью Темрюк. Потом ему покорилась Тамань. В ответ на это Девлет-Гирей собрал своих сторонников и из Бахчисарая начал выступление против русских войск. Однако прибывший туда под начало Прозоровского Суворов легко рассеял плохо организованные толпы татар. После этого Шагин-Гирей появился в Еникале, где мурзы признали его ханом Крыма. 3 апреля Девлет-Гирей вынужден был на турецком корабле бежать в Константинополь.

Хан Шагин-Гирей — русский ставленник в Крыму — был незаурядной личностью. Образование он получил в Венеции, хорошо знал итальянский, греческий, арабский и русский языки. Писал стихи на арабском и татарском. Но среди местного населения вел себя грубо и высокомерно. Не уважая национальные обычаи и традиции, он жестоко проводил европейские реформы. В глазах народа он стал выглядеть изменником и вероотступником. Поэтому неудивительно, что против него поднялось восстание, во главе которого встал Селим (еще один брат Шагин-Гирея). Шагин-Гирею пришлось искать убежище в русском лагере. Но его

пребывание там было непродолжительным — русские войска наголову разгромили татар.

23 марта 1777 г. в связи с увольнением Прозоровского Румянцев назначил Суворова командующим Крымским корпусом с подчинением ему одновременно всех кубанских войск. 27 апреля новый командующий прибыл в Бахчисарай.

В это время Потемкин возложил непосредственно на Суворова переселение из Крыма в Россию христиан; эта мера, с одной стороны, должна была ослабить татарское ханство, с другой — способствовать экономическому оживлению азовского побережья, низовьев Дона.

Шагин-Гирей пришел в ярость, узнав о переселении христиан из Крыма. Его возмущали два обстоятельства: он не только обнаружил полное отсутствие в своих руках реальной власти, но и лишился важного источника дохода. В знак протеста хан демонстративно прервал отношения с Суворовым, покинул свою столицу Бахчисарай, грозился отправиться с жалобой в Петербург, жаловался Румянцеву и даже распускал слухи, будто русские войска готовятся к избиению татар.

На ханский гнев и недружественную демонстрацию Суворов ответил тем, что держал наготове войска, охранявшие переселенцев. Румянцев предостерегал Суворова от излишних строгостей по отношению к татарам; тот писал о его выговорах Потемкину и продолжал порученное дело*. К сентябрю было переселено «свыше 31 тыс. душ».

Об истинных настроениях Румянцева хорошо свидетельствует его ответное письмо Шагин-Гирею, которое он послал 2 сентября. В нем «всех Российских императорских, прусского Черного орла и голстинского святыя Анны кавалер» (так подписался Румянцев), решительно отклоняя упреки хана и обещая ему свое дальнейшее содействие, сообщал, что единоверцам в России всегда будет предоставляться убежище. В это же время в донесении Екатерине II Румянцев заявил, что «вывод христиан может почесться завоеванием знатной провинции». Однако обстановка в Крыму по-прежнему была сложной.

---

* Позднее историк Н. А. Полевой на основании этих писем сделал необоснованный вывод о том, что Румянцев не был посвящен в это мероприятие, противился ему и даже интриговал против Суворова.

В сентябре турецкий флот в составе 170 «флагов» появился в Черном море, держась ближе к Кафе (Феодосии). Суворов не оплошал — маневрируя со своими войсками по берегу в соответствии с движением турецких судов, он под предлогом античумного карантина запретил туркам высаживаться на берег и не разрешил им набрать на суда пресной воды. Турецкий флот вынужден был поднять паруса и удалиться в Константинополь.

Бесплодность мелких военных демонстраций со стороны турок на Черном море и Дунае привела к тому, что в Порте на время взяли верх сторонники мира с Россией. 10 марта 1779 г. в Константинополе был наконец подписан документ, подтверждающий все условия Кючук-Кайнарджийского договора. Турция признала Шагин-Гирея крымским ханом. Екатерина II со своей стороны согласилась вывести почти все русские войска из Крыма и упразднить Кубанскую укрепленную линию. В Крыму оставались только два русских гарнизона войск, в Керчи и Еникале, общей численностью 6 тыс. человек. Вывод остальных частей завершился 10 июня.

Однако этот относительно мирный период закончился очень быстро — Турция снова стала провоцировать крымских татар против России. Осенью 1781 г. старший брат крымского хана, Батырь-Гирей, приверженец старинных обычаев, живший в Тамани, начал агитацию против Шагин-Гирея. В начале 1782 г. его публично поддержал крымский муфтий (главный богослов у мусульман и толкователь Корана). Шагин-Гирей жестоко расправился с оппозицией — муфтий и еще двое знатных мурз были повешены. Это вызвало всеобщее недовольство татар. Родственник Шагин-Гирея Махмут-Гирей поднял восстание. Восставшие захватили Бахчисарай. Шагин-Гирею снова пришлось бежать под защиту русских войск в Керчь. А Батырь-Гирей переехал в Кафу и при поддержке Порты был провозглашен ханом Крыма. В это время в Никополе был сформирован новый корпус русских войск, который и направился к Карасу-Базару. Отряд Алим-Гирея, насчитывающий несколько тысяч мятежных сторонников Батырь-Гирея, пробовал остановить продвижение русских войск. Но в первом же бою татары были рассеяны, а Батырь-Гирей попал в плен. Шагин-Гирей снова был восстановлен в звании крымского хана.

Вернувшись в Бахчисарай, Шагин-Гирей опять стал прибегать к крайним и неоправданным жестокостям

в борьбе со своими противниками. Узнав об этом, Екатерина II повелела Потемкину «*объявить хану в самых сильных выражениях*», чтобы он прекратил казни и отдал «на руки нашего военного начальника родных своих братьев и племянника, также и прочих, под стражею содержащихся». Вместе с этим повелением императрицы несговорчивому и слишком жестокосердному правителю Крыма был дан совет добровольно отказаться от ханства и передать Крым России.

О важности и необходимости присоединения Крыма к России со всей определенностью заявлял Потемкин. В начале 80-х годов он указывал в своей «Записке» к Екатерине II: «Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите ж теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу,— вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубанской сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна, мореплавание по Черному морю свободное... Приобретение Крыма ни *усилить, ни обогатить Вас не может, только покой доставит*»[27].

Шагин-Гирей хорошо знал, что татары Крыма далеки от желания иметь его своим ханом. Поэтому он правильно оценил своевременность данного ему совета и объявил, что «не желает быть ханом такого коварного народа, каковы крымцы». 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портою Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия Нашего давали Нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия *и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на* тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтоб удалить навсегда случаи и способы

к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии... Но ныне... по долгу предлежащего Нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир, между империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный, который Мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решились Мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону»[28].

Присоединение Крыма* к России — одна из знаменательных страниц нашей истории. Появление Крымского ханства тесно связано с историей Золотой Орды. Крым был владением золотоордынских ханов — они находили там для себя убежище во время многих придворных смут и переворотов. В начале XV в. Хаджи-Гирей основал в Крыму независимое от Золотой Орды ханство. С той поры династия Гиреев занимала ханский престол Крыма до последних дней его существования. При династии Гиреев на протяжении нескольких столетий крымские татары терзали земли Руси и Польши. Их частые набеги на мирные русские города и села оставляли после себя смерть и полное опустошение**. Теперь с этим было покончено. С присое-

---

* Современный историк так комментирует это событие: «В 1783 г. русское правительство воспользовалось благоприятной внешнеполитической обстановкой, сослалось на факты явного нарушения Турцией Кючук-Кайнарджийского договора (объявление населения Тамани турецкими подданными и др.) и заявило, что возвращает себе права победителя в прошедшей войне и включает территорию Крыма в состав России. Это было событие большой исторической важности... Крымский полуостров — в прошлом плацдарм Турции для нападения на Россию — теперь превращался в важную стратегическую позицию Российского государства» (*Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 335).

** Эту мысль четко высказала Екатерина еще в 1787 г. С приобретением Россией Крыма, писала она, «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украйна и Елисаветград поныне еще помнят» (Переписка императрицы Екатерины II... С. 120).

Следует еще раз подчеркнуть, что от набегов татар жестоко страдали как украинские, так и русские и польские территории. Ныне проступает тенденция недооценивать катастрофическое значение погромов земледельческих областей, при которых из них прежде всего в плен уводились молодые мужчины и женщины — цвет нации, ее будущее. Уяснить масштабы трагедии, повлиявшей на все дальнейшее развитие Восточной Европы, поможет следующий факт, приведенный в монографии американского ученого Ф. Госса. В 1628 г. на

дынением Крыма Россия более прочно обосновалась на берегах Черного моря. И благодатная земля Тавриды (это древнее название Крыма было возвращено ему после присоединения) очень скоро ярко засияла южной жемчужиной в короне Российской империи.

В том же 1783 г. был заключен Георгиевский трактат с Восточной Грузией, укрепивший позиции народов Закавказья в борьбе против османского и иранского ига. Его статьи, в частности, гласили: «Артикул 1. Его светлость царь Карталинский и Кахетинский именем своим, наследников и преемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы; и сим объявляет пред лицом всего света, что он не признает над собою и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства е. и. в. и ее высоких наследников и преемников престола всероссийского императорского, обещая тому престолу верность и готовность пособствовать пользе государства во всяком случае, где от него то потребовано будет.

Артикул 2. ...Е. в. дает императорское свое ручательство на сохранение целости настоящих владений его светлости царя Ираклия Таймуразовича, предполагая распространить таковое ручательство и на такие владения, кои в течение времени и по обстоятельствам приобретены и прочим образом за ним утверждены будут»[29].

Ираклий II пошел на подписание этого договора под угрозой постоянных набегов на Грузию со стороны как султанской Турции, так и шахской Персии, опустошавших Закавказье и угрожавших существованию Грузии.

С конца 70-х годов Екатерина начинает отходить от панинской ориентации на Пруссию и искать новых

одной галере мусульманского флота в Александрии произошло восстание христианских рабов-гребцов, все они получили свободу. Показателен национальный состав рабов: три грека, два англичанина, один итальянец и 114 «московитов». Из дальнейших событий выяснилось: 84 человека из них (69%) были православные (русские и украинцы) и 30 человек (25%)—католики (поляки) (*Gosse Ph.* The History of Piracy. New York, 1968. P. 312, 313).

В итоге получается, что 90% рабов-гребцов на мусульманском флоте были славяне, поступившие в основном через крымские невольничьи рынки. Присоединение при Екатерине Крыма — Тавриды — положило конец этой работорговле.

путей в своей европейской политике. Чувствуя силу своего государства, она хочет теперь играть более важную роль в судьбах Центральной Европы. Начавшаяся в Европе война между Пруссией и Австрией за баварское наследство давала для этого вполне подходящий повод. Фридрих II ожидал от России военной помощи, но Екатерина решила выступать всего лишь посредником. В 1779 г. Пруссия и Австрия подписали Тешенский мирный договор, определявший отношения между ними и германскими княжествами. Россия при этом взяла на себя роль не только посредника, но и гаранта порядка, устанавливаемого договором. Это было огромным успехом русской дипломатии.

Англия стремилась привлечь русские силы для участия в войне с Америкой — она даже обещала за это уступить России остров Менорка. Но и здесь Екатерина не проявила желания сражаться за других. Напротив, в связи с англо-американской войной Россия 28 февраля 1780 г. выступила со знаменитой декларацией о морском вооруженном нейтралитете. Этот акт устанавливал право нейтральных судов оружием защищать себя на море и был направлен против Англии, стремившейся хозяйничать в международных водах.

С 1780 г. начинается сближение России с Австрией. В том году в Могилеве имело место первое свидание австрийского императора с Екатериной. Позже Иосиф II посетил Москву и побывал инкогнито под именем графа Фалькенштейна в Петербурге. Завязавшаяся дружба между двумя коронованными особами — австрийской и русской — объяснялась тем, что при их встречах было установлено «одинаковое положение» России и Австрии в отношении Турции и Польши. После обмена письмами между «высочествами» Россия и Австрия заключили между собою оборонительный союз. Эта новая внешнеполитическая ориентация Петербургского двора нанесла «ужасный удар влиянию прусского короля». Для Никиты Панина это означало личное фиаско — в следующем году он был уволен в заграничный отпуск.

На пороге стояла новая война с Портой. Турки не могли примириться с утратой Крыма и с падением своего господства на Черном море. Что война неизбежна, было ясно и той и другой стороне.

В это время Потемкин устроил для Екатерины «гулянье» во вновь приобретенный Россией край. Говорилось, что он намерен показать императрице природ-

ные богатства Новороссии и все сделанное им за краткий срок управления этим краем. Такова была официальная мотивировка путешествия; но замысел Потемкина был более широк... Он так объяснял положение Суворову, получившему в то время назначение в Екатеринославскую армию: «Турки готовы броситься на нас. Шведы к ним пристанут. В Европе считают, что Россия на волосок от гибели... Казна разорена войной и роскошью двора, армия расстроена. Ее нечем кормить и не во что одеть. Для новых контингентов нет оружия. Не забудьте еще и Польшу. Станислав-Август — наш, но где гарантия того, что он не переметнется на сторону пруссаков? Или вдруг французы вскружат ему, бедному шляхтичу, голову — посулят независимость и миллион франков? Не будем прятать голову в кусты. Опасность велика. Наши слабости преувеличивают, но они есть!» И тут Потемкин приоткрыл Суворову завесу над второй, более важной стороной задуманного им для царицы зрелища: «Надо показать гостям императрицы, что все эти росказни вздор. Россия сильна! Готова отстаивать себя и твердой ногой стоит на Черном море! Нам нужны союзники для предстоящей войны!..

...Вы покажите царице и ее гостям — посланникам, королю Станиславу и императору Иосифу — рядовую армейскую дивизию: вот, на дороге у нас стояла, ниоткуда ее не пригоняли; а не то что выбрали получше да нарядили на парад»[30].

В начале 1787 г. Екатерина отправилась в путешествие. Ее сопровождала блестящая свита, в которой находились послы — австрийский, французский и английский, а также король польский Станислав-Август и австрийский император Иосиф II.

30 апреля императрица и ее спутники прибыли в Кременчуг. Французский посланник Сегюр * вспоминал позднее: «В Кременчуге Потемкин доставил нам зрелище больших маневров, в которых участвовали 45 эскадронов конницы и многочисленная пехота. Я редко видывал такое прекрасное и блестящее войско»[31].

Далее внимательный французский наблюдатель подробно описал действия русских войск (следует вспомнить, что на протяжении многих предыдущих лет

* Следует отметить, что Сегюр понимал толк в военном деле. До приезда в Россию посланником он уже успел повоевать в Америке в армии Вашингтона и был награжден орденом Цинциннати.

Франция помогала Порте, французские инструкторы и в момент описываемого путешествия служили в турецкой армии). Поэтому интерес Сегюра к русской армии носил вполне профессиональный характер, о всех подробностях он сообщал в Париж и был особенно заинтересован в точности передачи увиденного: «Вся их тактика в то время, как я их видел, состояла в движении четырьмя колоннами с цепью стрелков впереди, предшествующих казачьим отрядом. Предположив, что неприятель приближается в значительных силах, колонны строились в четыре большие трехшеренговые каре; казаки отступали за колонны и, построясь фронтом в одну шеренгу, становились в их интервалы таким образом, что весь боевой порядок имел вид четырех бастионов и двух куртин; артиллерия становилась в углах каре. В эту минуту, предполагая, что каре окружены неприятелем, как *обыкновенно бывает в сражениях с турками*, вдруг открывался сильный огонь, после которого, если неприятель приведен в замешательство, каре двигалось, стрелки высылались вперед, а казаки, опустив пики, с гиком бросались на опрокинутого неприятеля, чтобы довершить его поражение»[32].

Не случайно Сегюр назвал проведенный маневр-смотр войск «блистательным» и отметил восторг Екатерины II. «Чтобы выразить князю (Потемкину.— *Авт.*) свое удовольствие, в порыве искренней радости (она) сказала ему: «От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления; здесь они в полной силе и действии»»[33].

Об удовлетворении Екатерины виденным в Кременчуге свидетельствует и другой источник — ее письмо в Петербург Н. И. Салтыкову от 1 мая 1787 г.* «Здесь я нашла три легкоконных полка,— отмечала Екатерина,— то есть треть тех сил, про которых покойный Панин и многие оные старушенки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные»[34].

После показа полков гостям устроили демонстрацию флота в Севастополе с выходом кораблей в море. Иностранные наблюдатели передавали свои впечатле-

---

* Этот же мотив звучит в письме императрицы от 3 мая: «Войски, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят не ложно» (Русский архив. 1864. № 9. Стб. 967).

ния следующим образом: «Между тем как их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище: между двумя рядами татарских всадников мы увидели залив верст на 12 вдаль и на 4 в ширину; посреди этого залива, в виду царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек...» [35]

Линейные корабли, фрегаты и бомбардирские суда не только салютовали императрице, но и вели затем прицельную стрельбу по специально подготовленным целям, разрушая макеты крепостей меткими попаданиями ядер и поджигая их брандскугелями. Екатерина побывала на флагманском корабле, ради чего для нее была сшита адмиральская форма. В кают-компании государыня провозгласила тост за господ офицеров и за русский народ, способный на все, даже «выплескать моря и сдвинуть горы».

7 июня знатные путешественники прибыли в Полтаву. Этот исторический город был избран еще для одного из важнейших мероприятий поездки — крупных маневров русских войск, изображавших петровскую баталию 1709 г. В маневрах участвовали 70 батальонов, общее руководство осуществлял Потемкин, присутствовал генералитет. «Полтавское сражение,— описывал увиденное Сегюр,— явилось перед нами в живой, движущейся, одушевленной картине, близкой к действительности. Русская армия разделилась на две половины, из коих одна заняла окопы, другая — шведские редуты. По распоряжению Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро перед взорами царицы произведены были все те маневры, какие могли изобразить нам подобие этой решительной битвы. Движение вперед кавалерии, развернувшей фронт из четырех колонн, стремительная атака, живой и сильный огонь пехоты, в то время как левое крыло вело фальшивую атаку на нее и обходило правый фланг неприятеля,— все это чрезвычайно верно изображало сражение... *

---

* В последнее время в литературе высказано сомнение в том, что маневры под Кременчугом имели место, поскольку упоминания о документах о них не сохранилось (*Лопатин В. С.* Потемкин и Суворов. С. 108). Однако приведенные Сегюром подробности учений

Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины; казалось, кровь Петра Великого струилась в ее жилах. Это величественное и великолепное зрелище достойно увенчало наше романтическое и вместе с тем историческое путешествие» [36].

Это наблюдение зоркого французского посланника подтверждает и собственное письмо Екатерины, которое она отправила 9 июня, т. е. сразу же после отъезда из Полтавы. «Вы увидите из моего письма Александру Павловичу,— сообщала Салтыкову императрица,— чем мы в Полтаве занимались; и самым делом я веселилась красотой войск под командою генерала князя *Юрия В. Долгорукова и его маневром*» [37].

Маневры были хорошей школой и для русских генералов. Суворов внимательно следил за их ходом; в итоге его юношеское увлечение Карлом XII поблекло, и во весь рост ему представилась фигура Петра I и его полководческий гений. Позднее, во время Итальянского похода, Суворов * так говорил об этом событии и об изменении своей оценки Петра: «Я благоговел к Нему... На Полтавском поле, где, по повелению блаженной памяти Матушки Екатерины, был создан точно тот самый Его маневр. По Его следам дознался я, что Он был первый Полководец Своего века; мнение мое и Румянцев удостоил одобрить» [38].

После маневров — военной игры состоялось награждение. Многие генералы были повышены в чине, другие получили ордена, почетные награды. Были отмечены заслуги Потемкина. Суворов получил украшенную бриллиантами золотую табакерку с вензелем императрицы. После награждения императрица отбыла в Москву **.

(построение карс — в первом случае, атака укрепленной позиции противника — во втором, разное количество эскадронов и батальонов — 45 и 70), на наш взгляд, делают маловероятной возможность того, чтобы первые впечатления французского посланника от встречи с русскими войсками в Кременчуге потом у него «слились с впечатлением о полтавских маневрах». Не повторяется он и в описании реакции Екатерины II на маневры. Впрочем, вопрос о кременчугских маневрах нуждается в дальнейшем исследовании.

* Приведенное ниже высказывание Суворова о том, что он «благоговел» к Петру именно «на Полтавском поле», является очень важным, поскольку в своей автобиографии Суворов об этих маневрах не упоминал. И это до сих пор иногда рождает сомнение, участвовал ли он в них.

** Как нам представляется, эта военная игра-маневр в литературе до сих пор должной оценки не получила. А на самом деле она

Между тем в правящих кругах Турции поднялась новая волна антирусских настроений. Более активными стали происки английского посла Гексли и прусского посла Деница — они настойчиво подстрекали Оттоманскую Порту к войне с Россией. Кончилось все это тем, что 5 августа 1787 г. великий визирь Турции Юсуф-Коджа пригласил в Диван русского посла Якова Ивановича Булгакова и сообщил ему, что Порта предъявляет России следующий ультиматум: вернуть Турции Крым; аннулировать все прежние русско-турецкие договоры; отказаться от покровительства Грузии.

Не успел посол передать содержание ультиматума своему правительству, как Турция 12 августа 1787 г. официально объявила войну России. Булгаков был заключен в тюрьму Эди-Куль, находившуюся в известном Семибашенном замке, где он с достоинством русского патриота провел целых 27 месяцев.

Известие о войне дошло до столицы только 29 августа, когда на юге уже начались военные действия. Правительство Екатерины II выпустило 7 сентября 1787 г. манифест, в котором, в частности, говорилось: «Оттоманская Порта, утвердивши торжественными договорами перед лицом света вечный мир с Россией, опять и вероломно нарушила всю святость онаго*... Мы полагаем в том Нашу твердую надежду на правосудие и помощь Господню, и на мужество полководцев (графа Румянцева-Задунайского и князя Потемкина-

---

имела громадное значение: для русского генералитета в присутствии западных наблюдателей давался показательный урок — атака и взятие войсками укрепленной позиции противника, ситуация, которая должна была возникнуть в наступающей войне. Историческая канва была скорее легким флером. Здесь целесообразно выделить три обстоятельства: во-первых, западные наблюдатели отлично поняли смысл показанного (например, Сегюр по свежим следам отметил, что Потемкин в Полтаве мощью 70 батальонов ответил на нападки на устроение Крыма»). Во-вторых, организованная Екатериной и Потемкиным на местности военно-штабная игра на 150 лет опередила соответствующую практику проведения военных игр перед крупными военными кампаниями — обычными такие мероприятия стали лишь в конце XIX — XX в. И наконец, в-третьих, напоминание о славных подвигах предков в предвидении новой большой войны должно было воодушевить русские войска — и рядовых воинов, и их командиров.

* Это утверждение Екатерины любопытно сопоставить с мнением Сегюра; еще раз подчеркнем, что тот отнюдь не был апологетом политики русского правительства. «Курьер, прибывший 12 сентября, — писал французский посланник, — рассеял наши надежды (на мир. — *Авт.*)... Не Россия наступала на Турцию, а Турция напала на Россию» (*Сегюр Л.-Ф.* Указ. соч. С. 248).

Таврического.— *Авт.*), и храбрость войск Наших, что пойдут следами своих недавних побед, коих свет хранит память, а неприятель носит свежие раны»[39].

Для Петербурга начало новой войны с Портой не было неожиданностью — после подписания мирного договора русские готовились к новым выступлениям турок. Для отражения таких попыток были сформированы две армии. Одна (около 80 тыс. человек), под командованием фельдмаршала Г. Потемкина, располагалась под Екатеринославом. Она должна была решать главные задачи кампании: овладеть Очаковом, перейти Днестр и, соединившись с австрийскими союзниками, выйти к Дунаю. Украинская армия (до 37 тыс. человек), под командованием фельдмаршала Румянцева, выполняла второстепенную роль — располагаясь между Днестром и Бугом, она обеспечивала безопасность русской границы с Польшей и осуществляла связь с австрийскими союзниками, которые пока медлили с открытием военных действий против Турции. Помимо этих двух армий на Кубани стоял отряд генерала Текели (18 тыс. человек) — он защищал русские земли с восточной стороны Черного моря.

Начало войны показало переменчивость военного счастья. Турки попытались врасплох захватить в лимане фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Впоследствии стало известно: в случае удачи они собирались атаковать Кинбурн и Херсон. Но русские суда успешно отбились, сами нанесли повреждения турецким кораблям (как потом сообщили Суворову перебежчики, одно судно затонуло) и благополучно ушли.

Однако вслед за этим русское командование постигла большая неудача. Потемкин направил Севастопольскую эскадру в поиск под Варну. Этот поход провалился. 8 сентября 1787 г. жестокий шторм разметал русские суда у мыса Калиакрия. Один фрегат пропал без вести, другой без мачт и руля был занесен под Константинополь и захвачен турками. Остальные корабли в потрепанном состоянии с трудом вернулись в Севастополь.

Эта неудача с русским флотом удручающе подействовала на Потемкина. Выдающийся администратор, но посредственный военачальник, он впал в меланхолию и даже предложил Екатерине временно вывести войска из Крыма «для сосредоточения сил». В ответных посланиях императрица, всячески успокаивая его, старалась внушить ему уверенность. Идею оставить Крым она отвергла категорически:

«Что же будет и куда девать флот Севастопольский?.. Я надеюсь, что сие от тебя писано в первом движении... чрез то туркам и татарам открылася бы паки дорога, так то сказать, в сердце империи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону...» [40]

Твердая поддержка императрицы («Я, как всегда к тебе с дружеским и искренним доброжелательством») помогла Потемкину преодолеть временную слабость. Мысль об эвакуации из Крыма была им оставлена *.

Направляясь с главными силами к Бугу, Потемкин выдвинул на свой крайний левый фланг отряд А. Суворова, поручив ему в командование самый важный в начале войны Херсонский район.

Основной целью турок на этом этапе являлось овладение крепостью Кинбурн и возвращение турецкому султану протектората над Крымским ханством. Значительный флот, войска, обученные французами высадкам с кораблей с боем на берег, назначались для решения поставленных турками задач.

Суворову не впервые пришлось заниматься береговой обороной: в 1778 г. он организовал оборону всей линии крымских берегов. Приняв командование, он принялся за усиление укреплений Херсона и Кинбурна, вместе с тем неустанно приучая войска к действиям на узкой и длинной Кинбурнской косе, и, как всегда, стремился к активным действиям. Явные критические ноты за пассивность и неправильное распределение сил чувствуются в донесении к самому Потемкину от 25 августа: «Виды красивы здесь, под Херсоном и Кинбурном, но для любителей вахт-парадов... Это количество рук, само по себе значительное, могло бы быть использовано с бóльшей пользой в другом месте» [41]. Отряду Суворова суждено было под стенами Кинбурна дать первое крупное сражение русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Кинбурн, означавший на турецком языке «острый нос», располагался на кривой, тонкой и длинной Кинбурнской косе, врезавшейся далеко в море и запиравшей Днепровский лиман. В ясную погоду с косы отчетливо просматривались минареты Очакова — хо-

* Правда, весной следующего года в предвидении летней военной кампании Потемкин опять впал в меланхолию и заявил об оставлении поста командующего. Екатерине тактично пришлось его опять ободрять и укреплять его решимость.

рошо укрепленной турецкой крепости, расположенной в трех милях напротив, на крутом противоположном берегу, у самого входа в лиман. В Очакове находилось много турок, его обороной командовал престарелый Гуссейн-паша. В Днепровском лимане, между Очаковом и Кинбурном, стояла турецкая эскадра капудана-паши Эски-Гассана. В его свите в качестве советников были и офицеры французского флота. В сентябре военные действия под Кинбурном ограничивались бомбардировкой с маневрировавших кораблей противника и ответной канонадой кинбурнских батарей.

Будучи сравнительно маломощной, крепость Кинбурн занимала, однако, важное, ключевое положение. Она сильно стесняла действия турецкого флота и противостояла Очакову, который Екатерина II называла южным Кронштадтом.

С приближением осени командование Порты должно было принять решение — зимовать в замерзающем лимане флот не мог. Оставалось или уводить флот домой, потеряв кампанию, или попытаться взять русскую крепость штурмом. 13 сентября 5 турецких канонерок и несколько линейных кораблей отошли от Очакова и открыли жестокий огонь по кинбурнским укреплениям. Ответ русской артиллерии был тоже достаточно чувствительным: линейный 54-пушечный корабль турок взлетел на воздух вместе со своим экипажем в 500 человек. Ночью турки пытались высадить десант, но были отогнаны казаками и русской пехотой. Утром 14 сентября 2 неприятельских фрегата и 4 галеры снова начали бомбардировку русской крепости. Но генерал-аншеф Суворов, лично руководивший обороной Кинбурна, не позволил туркам развить успех их нападения.

После этого произошел, может быть, не столь заметный в стратегическом отношении, но очень яркий боевой эпизод в сражении под Кинбурном. Недалеко от крепости в бездействии находилось несколько судов из второй, Херсонской эскадры вице-адмирала Н. С. Мордвинова. Галерой «Десна», на которой не так давно Екатерина II совершила путешествие по Днепру, командовал 25-летний мичман Джулиано де Ломбард, мальтиец по происхождению. Зная, что турки больше всего боятся нападения брандеров, он, в нарушение приказа, придал своей галере вид брандера и, спрятав в трюме 150 гренадеров, смело пошел на суда неприятеля. Бой отважного моряка продолжался более двух

часов и кончился тем, что турки отступили. «Десна» вернулась к своей эскадре без потерь, если не считать того, что вражеская пуля оторвала часть уха самому командиру. Суворов сообщал Потемкину: «Шевалье Ломбард... атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей два часа с половиной, и, по учинении варварскому флоту знатного вреда, сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами. Сам и один он ранен в ухо пулею»[42]. Адмирал Мордвинов расценил поступок Ломбарда как пример грубого нарушения дисциплины и приказал арестовать его и отдать под суд. Суворов не мог смириться со столь вопиющей несправедливостью и решительно вмешался в дело. Отважный мичман не только был огражден от расправы, но и получил чин лейтенанта. А посрамленные турки назначили за голову Ломбарда крупную сумму.

В полдень 30 сентября, после лихорадочной подготовки в Очакове, турки начали третью бомбардировку Кинбурна. Она продолжалась днем и ночью и причинила значительные повреждения русским укреплениям. Первого октября неприятель, при поддержке своих судов, высадил 5-тысячный десант. Поспешно оставляя корабли, янычары сразу же окапывались, сооружая ложементы * поперек косы.

Когда началась вылазка турок, Суворов по случаю праздничного дня был на обедне. Он приказал пока не препятствовать сосредоточению противника на косе, заявив: «Пусть все вылезут». Одновременно он распорядился срочно послать к частям, стоявшим на некотором отдалении от Кинбурна, и придвинуть их к месту будущего боя в качестве резерва.

Кровопролитное сражение на узкой Кинбурнской косе началось в 3 часа дня и продолжалось до поздней ночи. Противники несколько раз яростными волнами накатывались друг на друга и, сходясь врукопашную, бились до полного изнеможения.

Во время боя Суворов находился в авангарде, среди солдат, и лично воодушевлял их. Под ним убили лошадь, он вынужден был спешиться. Турки бросились на русского генерала, но его заслонил собой мушкетер Новиков. Начавшие было отступать русские солдаты увидели это, с криками «братцы, генерал

---

* Ложемент — неглубокий окоп для стрельбы лежа или с колена.

остался впереди!» кинулись на выручку и потеснили врагов.

Вскоре Суворов был ранен картечью в бок и на время потерял сознание. Когда его привели в чувство, он снова поднялся, собрал подошедшие наконец резервы и в яростной третьей атаке опрокинул турок в море.

Победа осталась за русскими — она была добыта мужеством и стойкостью солдат и офицеров.

После боя вся Кинбурнская коса была усеяна трупами. Из 5-тысячного десанта турок в Очаков вернулось только 500 человек *. Весть о поражении под Кинбурном произвела в Константинополе сильное впечатление.

Турецкий флот ушел на зимовку в Варну, чтобы весной вернуться под стены Очакова; крепость все так же грозно возвышала свои стены и башни над крутым двадцатисаженным обрывом берега — и с моря, и с лимана она казалась недоступной. 16 октября 1787 г. Екатерина писала Потемкину **: «Завтра, однако, назначила быть благодарственному молебствию за одержанную первую победу; важность сего дела в нынешнее время довольно понимательна, но думаю, что той стороны (а сие думаю про себя) не можно почитать за обеспеченную, дондеже Очаков не будет в наших руках»[43].

Обрадованные очередной победой над турками, Потемкин и Екатерина II позаботились о награждении героев Кинбурна. Суворов получил знаки и ленту высшего русского ордена — Святого Андрея Первозванного. Георгиевские кресты, золотые и серебряные медали, повышения в чинах и денежные суммы достались многим участникам сражения. Не был забыт и храбрый Ломбард — он стал георгиевским кавалером 4-го класса и капитан-лейтенантом.

В январе 1788 г. Австрия объявила войну Турции. Но, стремясь оградить свою восточную границу, Иосиф II раздробил огромную армию на мелкие соедине-

---

* Среди убитых на косе были обнаружены тела трех французских инженеров, участвовавших в десанте. Сегюру пришлось по этому поводу объясняться с Екатериной.

** В этом же письме раздраженная нарушением французами нейтралитета императрица дала такое указание: «Буде из французов попадет кто в полон, то прошу прямо отправлять к Кашкину (Кашкин был тобольским генерал-губернатором.— *Авт.*) в Сибирь северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставить турков».

ния, разбросанные на территории от Днестра до Адриатического моря. Войска на ее левом фланге под командованием принца Саксен-Кобурга намеревались овладеть Хотином. Потемкин к этому времени стягивал свои главные силы к Очакову. Его армия 10 июня 1788 г. подошла к переправе через Буг. А 28 июня русские воины увидели море, стены Очакова и вражеский флот — в Днепровском лимане снова стояла турецкая эскадра капудана-паши Эски-Гассана, вернувшаяся после зимовки из Варны.

Эски-Гассан питал надежду расправиться с русским флотом, поскольку до этого тот избегал встреч с неприятелем и тем самым демонстрировал свою слабость. Мордвинов по-прежнему не проявлял должной активности. Однако надеждам капудана-паши не суждено было сбыться. У Потемкина кончилось терпение, и он наконец заменил Мордвинова адмиралом Нассау-Зигеном. Принц Нассау-Зиген, выходец из Франции, воевал в Испании (командовал плавучими батареями при Гибралтаре) и в конце 1786 г. прибыл на юг России, где сблизился с Потемкиным. Во время путешествия Екатерины II находился в свите императрицы. После разрыва отношений между Россией и Портой он добровольно поступил на русскую службу. В помощники новому командующему эскадрой был назначен Поль Джонс — герой войны за независимость Соединенных Штатов Америки.

Первую попытку атаковать русских моряков в лимане Эски-Гассан предпринял еще 7 июня, до подхода Потемкина к Очакову. Но она закончилась неудачей. Этот морской бой навел Суворова на мысль воспользоваться самим расположением Кинбурнской косы. В ее конечном выступе он скрытно, ночами приказал установить две замаскированные 24-пушечные батареи и ядрокалительную печь. Через 10 дней Эски-Гассан вторично атаковал флот России в лимане. К этому времени к русским кораблям прибыли 22 новых гребных судна из Кременчуга. Получив такое подкрепление, Нассау-Зиген и Поль Джонс сами пошли на сближение с турками. В упорном бою был уничтожен вражеский линейный корабль. После этого турецкие суда бросились под защиту своих крепостных батарей. Флагманский корабль турок замешкался, его немедленно окружили русские гребные суда и сожгли. Только самому капудану-паше удалось спастись. Опасаясь окончательного разгрома, Эски-Гассан решил

ночью вывести оставшиеся корабли из-под Очакова. Вот тут и показали себя возведенные Суворовым батареи. Как только турецкая эскадра стала проходить мимо, русские с близкого расстояния без промаха стали расстреливать вражеские суда. Очень скоро 7 турецких кораблей были разбиты, многие суда в панике сели на мель и превратились в неподвижные мишени. Их окружила русская эскадра и после боя, длившегося 4 часа, завершила разгром. В этом сражении потери турок составили около 6 тыс. убитыми и 1700 человек пленными. Вскоре началась длительная осада Очакова.

Англия и Пруссия (с новым королем Фридрихом-Вильгельмом II) ревниво следили за событиями. Их не устраивали победы русского оружия. Поэтому они с еще большей настойчивостью продолжали подталкивать короля Швеции Густава III к войне с Россией. Последний сам мечтал вернуть шведам земли, утраченные во время Северной войны.

Густав III перед началом войны заявил: «Если успех увенчает наше оружие, я между памятниками русской гордыни поищу только один памятник Петру Великому, чтобы выставить и увековечить на нем имя Густава»[44].

Шведский король весьма самонадеянно сказал, что намерен своими делами помрачить славу Густава-Адольфа* и окончить предприятие Карла XII. Узнав об этом, Екатерина ехидно заметила: «Последнее событие может, понеже сей начал разорение Швеции»[45].

21 июня 1788 г. шведские войска (численностью до 38 тыс. человек) перешли границу в предместье Нейшлота и начали бомбардировку русской крепости. Во главе наступающих находился сам король. Одновременно с началом военных действий Густав III предъявил Екатерине II следующий ультиматум: наказать русского посла в Стокгольме А. К. Разумовского за происки его, направленные на подрыв мирных отношений между Россией и Швецией; вернуть Швеции все провинции, принадлежавшие ей до Ништадтского мира; уступить Крым турецкому султану; разоружить русский флот, вернув все корабли, вышедшие в Балтийское море.

---

* *Густав II Адольф* (1594—1632), король Швеции с 1611 г., полководец. Вел войны с Данией, Россией, Польшей, захватив огромные территории. С 1630 г. успешно участвовал в Тридцатилетней войне, в одном из сражений которой погиб.

Война, начатая шведами в 1788 г., представляла для России несомненно реальную угрозу. Во-первых, главные военные силы России были заняты на юге (вспомним суворовскую критику Потемкина: «Это количество рук могло бы быть использовано с большей пользой в другом месте»); во-вторых, военные действия должны были происходить в Финляндии и в водах Финского залива, т. е. рядом со столицей.

Все эти обстоятельства вызвали среди населения Петербурга беспокойство. Но сама императрица проявила твердость и решительность. Сегюр записал следующий свой разговор с Екатериной. Французский посланник сказал, что «шведский король, очарованный обманчивым сном, вообразил себе, что уже одержал три значительных победы». «Если бы он в самом деле одержал три значительных победы,— возразила императрица горячо,— если бы даже овладел Петербургом и Москвою, я бы ему показала еще, что может сделать во главе храброго и преданного народа решительная женщина на развалинах великой империи».

Поскольку в это время разнесся слух, что Екатерина из-за вражеской угрозы уезжает в Москву, Сегюр обратился за разъяснением. Императрица заявила ему: «Я не еду, будьте уверены... Пишите же вашему двору, что я остаюсь в столице и что если я выйду отсюда, так только навстречу королю»[46].

27 июня, в знаменательный день Полтавской победы, Екатерина II обнародовала манифест о войне со Швецией. Создавалось ополчение. Очень быстро был сформирован добровольный казачий полк. Только одна Москва отправила в Петербург 10 тыс. добровольцев. Гвардия первая выступила в поход. В общей сложности против шведов было мобилизовано 19 тыс. человек. Во главе русских войск был поставлен генерал В. П. Мусин-Пушкин.

Наступление шведов не имело успеха. Их отряд, осаждавший Нейшлот, был вынужден отступить. В начале августа и сам король со всеми войсками удалился за пределы Российской империи.

6 июля 1788 г. около острова Гогланд произошло сражение шведского флота с русским. Кораблями шведов командовал герцог Зюдерманландский, русскими судами — адмирал С. К. Грейг. Победа осталась за русскими моряками. Потеряв один корабль, шведы отступили и были вынуждены укрыться в порту Свеаборга.

В 1789 г. русский парусный флот в Финском заливе был усилен гребной флотилией, командовать которой было поручено прибывшему с юга адмиралу К. Нассау-Зигену. На место умершего в конце сентября 1788 г. адмирала Грейга был назначен адмирал В. Я. Чичагов. 15 июля его эскадра у острова Эланд встретилась с эскадрой шведов, превосходящей русских по числу кораблей. Чичагов принял бой, трудный и весьма упорный, и заставил вражеские суда отступить к Карльскруну.

13 августа 1789 г. принц К. Нассау-Зиген, имея 86 гребных судов (с 1283 пушками), атаковал на Роченсальмском рейде (близ города Котка) шведский флот в составе 62 боевых кораблей и 24 транспортов (783 пушки). Атака велась с двух направлений и закончилась победой русских. Шведы потеряли 13 боевых кораблей и все 24 транспорта, потери русских — 2 корабля. Эта победа лишила шведскую армию поддержки с моря и послужила причиной ее отступления на запад. Русская армия, усиленная до 20 тыс. человек, в течение лета заняла значительную часть шведской Финляндии.

2 мая 1790 г. шведская эскадра герцога Зюдерманландского (27 кораблей) атаковала эскадру Чичагова (17 кораблей), стоявшую на Ревельском рейде. Атакующие были встречены сосредоточенным огнем, потеряли 2 корабля и отошли за острова Нарген и Вульф. Тогда сам шведский король повел 155 гребных судов к Фридрихсгаму, где зимовала часть флотилии Нассау-Зигена. 4 мая здесь произошло морское сражение, в результате которого русские корабли были оттеснены к Выборгу.

23 мая русская эскадра вице-адмирала А. И. Круза, шедшая на соединение с Чичаговым, встретилась с эскадрой герцога Зюдерманландского вблизи острова Сескар. Завязалось двухдневное сражение, после которого шведские корабли вынуждены были укрыться в Выборгской бухте, где стояла их гребная флотилия. 26 мая соединившиеся корабли Чичагова и Круза блокировали шведский флот *.

---

* Екатерина приказала широко отпраздновать этот успех русских моряков. Она нашла необходимым обратиться с особым посланием к герою Чесменского сражения. «Нельзя не обратить взор с благодарным сердцем на того,— писала императрица А. Орлову-Чесменскому,— кто таковых побед у нас на море открыл свету впервые... Ты показал путь, по которому шествуют твои храбрые и искусные последователи» (Переписка императрицы Екатерины II... С. 133).

Целый месяц шведы пребывали в осаде. 21 и 22 июня, после кровопролитного боя, они наконец вырвались в открытое море, потеряв при этом 10 кораблей. Преследование их продолжалось два дня. Принц Нассау-Зиген так увлекся погоней, что смело при попутном ветре вошел в бухту Свенска-зунд и начал громить вражеский флот. Неожиданно ветер переменился, и преимущество перешло к шведам. В итоге русские потеряли 55 судов и до 600 пленных *.

Однако поражение Нассау-Зигена существенно не отразилось на общем соотношении сил воюющих сторон. В Стокгольме начался ропот, и Густав III решился на мирные переговоры. 3 августа 1790 г. в деревне Вереле на реке Кюммене (Финляндия) был подписан мирный договор, не внесший никаких территориальных изменений в отношения между Россией и Швецией. Верельский мирный договор подтвердил существовавшее со времен Ништадтского договора 1721 г. разрешение Швеции покупать хлеб в трех прибалтийских портах России на 50 тыс. рублей ежегодно без пошлины.

Непросто шла война с турками и на юге. 18 июня 1788 г. Севастопольская эскадра контр-адмирала М. И. Войновича вышла наконец по приказу Потемкина в море. 3 июля у острова Фидониси (Змеиного), расположенного против устья Дуная, она встретилась с эскадрой Эски-Гассана. Войнович имел 2 линейных 66-пушечных корабля, 10 фрегатов 50-пушечных и несколько мелких судов. У Эски-Гассана насчитывалось 17 линейных 80-пушечных кораблей, 8 фрегатов 60-пушечных и 3 бомбардирских корабля. Силы были неравные, и не отличавшийся смелостью Войнович не решался вступить в бой. Но капитан бригадирского ранга Ушаков, командовавший авангардом эскадры, состоявшим из линейного корабля и 3 фрегатов, добился у Войновича разрешения начать сражение. Федор Ушаков, впоследствии выдающийся русский фловодец, уже тогда отказался от устаревшей линейной тактики морского боя и в сражении при Фидониси

* Очень интересна реакция Екатерины на эту неудачу. Когда Нассау-Зиген в отчаянии от поражения отослал императрице все ордена, полученные на русской службе, она вернула их ему и ответила следующим посланием: «Я не забыла, что вы семь раз были победителем на Юге и на Севере... Вы мне служили, еще служите и впредь будете служить, дабы урон сей наградить» (Переписка императрицы Екатерины II... С. 123).

применил свой нестандартный маневр — он расчленил общепринятый линейный строй вражеских кораблей, отвлек на себя флагманский корабль Эски-Гассана и обрушил на него всю огневую мощь своего авангарда. Эта первая победа Ушакова в черноморских водах была особенно дорога. Она лишила турецкий флот возможности оказать поддержку осажденному Очакову.

Летом 1788 г. армия Потемкина блокировала с суши Очаков, но брать крепость штурмом светлейший князь не решался. Суворов, вызванный под Очаков из Кинбурна и назначенный начальником левого фланга осадной армии, ранее высоко почитавший Потемкина за все, что он сделал для армии и флота, для России, начал осуждать его за нерешительность и долгое стояние под стенами турецкой крепости. «Одним глядением крепости не возьмешь»,— говорил генерал-аншеф, испытывая раздражение от избранного способа ведения осады. Суворов был убежденным сторонником решительного штурма Очакова. Еще весной он тайно разрабатывал план неожиданной атаки Очакова и вел по этому поводу переписку с моряками. Кто-то донес об этом Потемкину, Суворову пришлось отказаться от своего замысла и оправдываться перед светлейшим князем. Военачальники они были слишком разные *.

«В этих предложениях и отказе,— справедливо отмечал историк Петрушевский,— заключается основное различие двух основных людей, и если взять в расчет их личные характеры и особенности положения каждого, то станет ясно, что взаимные добрые их отношения могли бы сохраниться до конца только чудом»[47].

Но «чудо» не состоялось. Наоборот, 27 июля 1788 г. произошло событие, осложнившее отношения между Суворовым и Потемкиным, этими двумя выдающимися деятелями времен Екатерины II. Около двух тысяч янычар и полсотни турецких всадников неожиданно предприняли вылазку из крепости, пробрались лощинами вдоль Очаковского лимана и напали на шикет казаков, прибывших с Буга. Поднялась

---

* Между тем план Суворова весной имел все шансы на успех. Как раз в это время француз Лафитт, возглавлявший инженерную оборону крепости, сообщал Сегюру, что крепость не устоит против сильной атаки. Время, потерянное Потемкиным, было использовано турками и французскими инженерами, «чтобы усилить гарнизон, подвинуть работы и поставить крепость в оборонительное положение» (*Сегюр Л.-Ф.* Указ. соч. С. 282).

тревога. Суворов приказал построить два гренадерских батальона и один из них лично повел в атаку. Она была настолько успешной, что турки отступили до самой земляной насыпи перед наружным рвом. Укрывшись во рву, они стойко сопротивлялись. Подоспевший второй батальон ударил в штыки. Турки побежали. На плечах неприятеля русские ворвались в сады, прилегающие к Очакову. В это время гонец передал Суворову приказ Потемкина немедленно отступить. Генерал-аншеф оставил его без ответа и продолжал атаку. Турки остановились и, собравшись с силами, перешли в контратаку. Последовали второй и третий приказы Потемкина. Они тоже не возымели должного действия. Под Суворовым была убита лошадь, потом пуля ранила его в шею. Только после этого генерал-аншеф вышел наконец из боя, поручив команду генерал-поручику Бибикову. Однако войска пришли в расстройство и понесли большие потери.

Австрийский принц де Линь предлагал Потемкину немедленно штурмовать турецкие укрепления. Но светлейший остался непреклонным — операция закончилась. Она не принесла успеха русским, потери, по некоторым данным, достигали 300 человек убитыми.

После перевязки раны Суворов получил письмо, в котором Потемкин в резкой форме выговаривал ему: «Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам. К тому же мне странно, что Вы в присутствии моем делаете движения без моего приказания... Не за что потеряно бесценных людей столько, что их бы довольно было и для всего Очакова. Извольте меня уведомлять, что у Вас происходить будет, а не так, что даже не прислали мне сказать о движении вперед» [48].

Рана Суворова была очень болезненной и скоро дала осложнения. На третий день он почувствовал себя очень плохо, последовали обмороки, нарушилось дыхание. Физические страдания генерал-аншефа усугублялись душевными муками — он тяжело переживал и неудачный бой, и немилость Потемкина. 8 августа он послал ему письмо: «Не думал я, чтоб гнев вашей светлости толь далеко простирался; во всякое время я его старался моим простодушием утолять... Коли вы не можете победить вашу немилость, удалите меня от себя, на что вам сносить от меня малейшее беспокойство. Есть мне служба в других местах по моей практике, по моей степени; но милости ваши, где бы я ни был, везде помнить буду. В неисправности моей готов

стать пред престол Божий. Остаюсь с глубочайшим почтением»[49].

Суворов старался умилостивить всемогущего фаворита и писал ему: «Вы сами-де говорили слава подчиненных — есть вместе с тем ваша слава» — и доказывал, что никак не хотел умалить ее у главнокомандующего.

Однако под влиянием Потемкина Екатерина в разговоре со своим секретарем строго осудила Суворова: «Сшалил Суворов; бросаясь без спроса, потерял с 400 человек и сам ранен; он, конечно, был пьян».

В этой реплике императрицы явно чувствуется необъективная информация. Впрочем, следует учесть, что Екатерина тут же приказала секретарю забыть ее слова и никому далее не передавать *.

После ранения Суворов, ссылаясь на рану, выпросил у Потемкина разрешение вернуться под Кинбурн.

Настала осень. Осада Очакова продолжалась. Не было топлива. Открылись болезни: цинга, тиф. В обозе и кавалерии лошади падали от бескормицы.

6 декабря 1788 г. Потемкин отдал приказ штурмовать Очаков. Бой продолжался всего час. Солдаты ворвались в крепость и истребили почти весь гарнизон, который насчитывал 15 тыс. человек. Потери русских при штурме были ничтожны в сравнении с теми, какие понесла огромная армия Потемкина от морозов и болезней осенью и в начале зимы. Если бы Потемкин послушал вовремя Суворова, этих потерь могло бы и не быть[50].

В плен с остатками гарнизона и пушками попал сам трехбунчужный ** Гуссейн-паша, возглавлявший оборону.

После этого Потемкин направил армию на зимние квартиры, а сам отправился в Петербург, где его ожи-

---

* Некоторые современные исследователи (см. примечания В. С. Лопатина к кн.: *Суворов А. В.* Письма. М., 1986. С. 165, 166) отвергают предположение, что Суворов «пытался воспользоваться вылазкой турок, чтобы побудить Потемкина штурмовать Очаков». Главным доводом является то, что служившие под началом Суворова Ф. Антинг и Е. Б. Фукс (оба в этой войне не участвовали) в позднейших своих книгах о таком намерении Суворова не пишут. Аргумент слабый — с не меньшим основанием можно предположить, что самому полководцу не очень хотелось вспоминать этот бой, где он чуть ли не единственный раз за всю свою военную карьеру потерпел достаточно чувствительную неудачу.

** Бунчук — один из символов власти и знаков достоинства. В Турции был символом достоинства пашей (военачальников).

дали награды и слава. Победитель Очакова получил: драгоценный жезл генерал-фельдмаршала; орден Георгия первой степени; грамоту от Сената с перечнем своих заслуг; золотую медаль, выбитую в его честь; редкостный солитер к ордену Александра Невского; шпагу с алмазами на золотом блюдце; сто тысяч рублей на «карманные» расходы.

Прибывший вместе с ним Суворов был награжден бриллиантовым пером на каску с литерой «К» (Кинбурн)*. Вскоре Суворов получил назначение «к бывшей армии Украинской». Но к этому времени по предложению самого Румянцева Екатерина II приняла решение объединить Украинскую и Екатеринославскую армии под командованием Потемкина. Тот приказал князю Н. В. Репнину прикрывать его на левом берегу Прута войсками 2-й армии, а сам с главными силами начал движение к Бендерам. Суворов в армии Репнина командовал дивизией.

Поскольку главные силы, где находился Потемкин, осуществляли свой маневр сравнительно медленно, турки решили сначала разбить австрийцев, а уж потом действовать против русских. 30-тысячная армия Осман-паши начала движение к Фокшанам. Тогда принц Саксен-Кобург, командовавший 17-тысячным корпусом на левом фланге австрийской армии, обратился за помощью к Суворову.

Суворов в это время с 10-тысячным войском занимал удобную позицию у Бырланда, между реками Прут и Серет. Получив извещение от Кобурга, он пошел на соединение с союзниками. А 18 июля саксонскому принцу было вручено предписание Суворова о порядке совместного выступления против армии Осман-паши. По чину Кобург был старше Суворова и имел больше прав на общее руководство войсками. Но он подчинился воле смелого генерала. Союзники этот раз действовали храбро и согласованно. Сражение при Фокшанах произошло 21 июля. Бой продолжался 10 часов и закончился полным поражением

---

* Как отмечает В. С. Лопатин, Суворов непосредственного участия в штурме Очакова не принимал. Однако это не помешало Потемкину по достоинству оценить заслуги своего выдающегося подчиненного под Кинбурном (разгром турецкого десанта на косе Тендра и потопление флота в лимане) и рекомендовать императрице наградить Суворова орденом. (*Лопатин В. С.* Суворов в своих письмах // *Суворов А. В.* Письма. М., 1980). Правда, литеру «К» можно было трактовать так, что заслуги Суворова относятся только к Кинбурну, а никак не к Очакову.

турок. Союзники захватили весь Фокшанский лагерь, 10 пушек и 16 знамен. Осман-паша потерял более полутора тысяч человек. За Фокшанскую викторию Суворов был награжден бриллиантовыми знаками к звезде и кресту ранее полученного ордена Андрея Первозванного. Австрийский император Иосиф II прислал ему табакерку с алмазами.

Успех при Фокшанах не был развит далее, поэтому турки скоро оправились от поражения. Они наметили нанести противнику два новых удара: вспомогательный — из района Измаила на север и главный — от Браилова на Фокшаны. Планируя главный удар, турки предполагали вынудить Суворова и Кобурга отступить в разные стороны, после чего захватить войска Репнина в клещи между своими двумя группировками.

Измаильский корпус турок возглавлял сераскир Гассан-паша. Его выступление предупредил Репнин, подкрепленный частью главных сил русской армии. Они встретились 8 сентября на р. Сальче. Бой закончился победой русских. Репнин завладел неприятельским лагерем и запер турок в Измаиле.

Но основные события развивались в районе Фокшан. Здесь 4 сентября начал наступление сам великий визирь Юсуф-паша. Он вел армию численностью около 90 тыс. человек при 83 орудиях. Великий визирь спешил к Фокшанам, чтобы раздавить по пути слабый корпус австрийцев и затем выйти во фланг и в тыл главной русской армии. Таким образом, над войсками Кобурга нависла реальная угроза. И вновь саксонский принц письмом от 6 сентября обратился за помощью к Суворову.

10 сентября у Фокшан Суворов соединился с австрийскими войсками. После этого силы союзников составляли: русские — 7042 человека при 30 орудиях; австрийцы — 16 918 человек при 53 орудиях.

Когда Суворов принял решение атаковать противника, Кобург стал возражать, ссылаясь на почти четырехкратное превосходство сил у Юсуф-паши. Тогда генерал-аншеф заявил, что будет атаковать турок одними русскими войсками. По этому поводу верно замечал А. Петрушевский, что перед русским генералом «находился представитель тогдашнего, низко упавшего военного искусства, совершенно расходившегося с суворовскими принципами. Дело, которое Суворов строил на духовной натуре человека и обставлял целою воспитательной системой, понималось другими

в виде какого-то графического искусства, требовавшего кучи механических подробностей, то есть дрессировки»[51]. Задетый за живое, Кобург уступил и в дальнейшем принимал как должное все предложения Суворова.

К этому времени армия великого визиря подошла к р. Рымник (притоку р. Серет в Румынии) и расположилась тремя отдельными, недалеко друг от друга остановившимися лагерями. Учитывая это, Суворов разделил боевой порядок союзников на две самостоятельные группы: русские войска и австрийские войска. Из австрийского корпуса была выделена конная группа под командованием смелого генерала Карачая, венгра по национальности. Атака должна была начаться внезапно с двух противоположных направлений, с тем чтобы разгромить противника по частям.

В ночь на 11 сентября 1789 г. союзники скрытно подошли к туркам и с восходом солнца атаковали их одновременно с обоих флангов. В лагерях противника поднялась паника. Одни поспешно свертывали палатки, чтобы отходить по Бухарестской дороге, другие разрозненными кучками пытались оказать сопротивление наступающей пехоте. Через некоторое время турки оправились и пробовали контратаковать. Но солдаты Суворова и австрийские воины «стояли, как стена». Случалось, что янычары с ятаганами и кинжалами прорывались к каре наступающих и тут же гибли от штыков. К полудню, обессилев, турки отступили к лесу. Бой на время, словно по взаимному согласию, прекратился. Однако в час дня Суворов вновь начал атаку: русские ринулись на левый фланг турок, австрийцы с конницей Карачая — на центр и правый фланг. Артиллерия союзников массированным огнем поддерживала наступление своих войск, подавляя меткими залпами пушки противника. На исходе дня общая победа союзников была обеспечена.

«Напрасно визирь, забыв об изнуряющей его лихорадке, пересел на лошадь и с Кораном в руках пытался остановить бегущих. Он даже приказал стрелять в них из пушек. Ничто не помогло... Когда Суворов с Карачаем обогнули... лес справа, а Кобург — слева, им открылась долина, простиравшаяся на семь верст до реки Рымника. Она являла зрелище бегства, беспорядка и гибели. Пехота не поспевала за отступавшими, и турок беспощадно преследовала кавалерия союзников. Армия великого визиря потеряла здесь гораздо

больше солдат, чем во время сражения... Сам визирь успел переправиться через Рымник, но, не перенеся позора, скончался вскоре в какой-то румельской деревне. Весь его обоз, сто знамен, восемьдесят пушек и даже шатер, богато вышитый золотом, достались союзникам» [52].

В сражении при Рымнике потери турок, по реляции Суворова, составляли около 10 тыс. человек убитыми; значительная часть их войск была рассеяна. В донесении своему султану визирь указывал суммарную потерю — 20 тыс. человек. Русские потери — убитыми 45 и ранеными 133 человека. Общие потери союзников — 500 человек.

Победа на далеких берегах Рымника отозвалась в Петербурге салютом, колокольным звоном, поздравлениями и восторженным признанием заслуг Суворова. Иосиф II пожаловал русского полководца титулом графа Священной Римской империи. Екатерина II со своей стороны наградила Суворова: достоинством графа Российской империи с именованием Рымникский; бриллиантовыми знаками Андреевского ордена; шпагой, усыпанной бриллиантами, с надписью: «Победителю визиря»; бриллиантовым эполетом; драгоценным перстнем; орденом Святого Георгия первой степени.

Потемкин 15 сентября писал ему из Каушан: «Объемлю тебя лобызанием искренним и... свидетельствую мою благодарность; ты, мой друг любезный, неутомимой своею ревностию, возбуждаешь во мне желание иметь тебя повсеместно... Если мне слава слава, то вам честь честию; будь уверен, что в полной мере прославляю вашу ревность, храбрость и труды, и прошу, дай мне подробно о всем; я рад, воздам щедрою рукою. Верный ваш друг и слуга Потемкин-Таврический» [53].

Значение «славной виктории» при Рымнике заключалось, разумеется, не в царственных наградах. Ее «обильные следствия» (по выражению Кобурга) не замедлили сказаться на ходе всей кампании. Русские войска освободили от турок все пространство до Дуная. Были заняты Кишинев, Каушаны и Аккерман. 14 сентября пало турецкое укрепление Ходжибей, на месте которого потом возникла Одесса. Армия Потемкина обложила Бендеры. Гарнизон крепости из 16 тыс. человек при 300 пушках сдался 3 ноября без особого сопротивления. Австрийские войска овладели Белградом, заняли Валахию и вступили в Бухарест.

Кампания 1790 г. началась при неблагоприятной для России внешнеполитической обстановке. Шла война со Швецией. Возникла угроза нападения Пруссии — ее войска были сосредоточены на русской и австрийской границах. Враждебную по отношению к России позицию занимала Англия. Австрийская армия в начале года потерпела неудачу — принц Саксен-Кобург был разбит турками под Журжею. В феврале умер император Иосиф II. Его преемник Леопольд II склонялся к мирным переговорам с турками при посредничестве Англии и Пруссии. 27 июля 1790 г. в Рейхенбахе (Силезия) между Австрией и Пруссией при участии Великобритании и Нидерландов была оформлена в виде четырех деклараций конвенция, по которой: Австрия обязалась «приложить усилия» к восстановлению мира с Турцией на основе довоенного статус-кво; Пруссия обязалась содействовать восстановлению власти Австрии в охваченных революцией Австрийских Нидерландах и совместно с Великобританией и Голландией гарантировала сохранение там австрийского господства.

Екатерина II отказалась от переговоров в Рейхенбахе. А правительство Турции, решив продолжать войну с Россией, рассредоточило войска своей полевой армии по дунайским крепостям, придерживаясь пока оборонительной тактики.

В водах Черного моря русский флот в тот период одержал новые победы. Их героем был контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков, назначенный Потемкиным командующим флотом. Весь май и июнь Ушаков находился в плавании. Обойдя со своими кораблями всю восточную сторону Анатолии и берега Абхазии, он бомбардировал Анапу и Синоп — турецкий порт на южном берегу Черного моря. В общей сложности русские моряки сожгли свыше 25 разных военных судов противника. Они потопили, кроме того, 12 транспортных судов, а 8, груженных пшеницей, привели в Севастополь. В результате снабжение продовольствием турецкой армии и Константинополя с моря было прервано.

В первых числах июля 18 турецких кораблей во главе с молодым капуданом-пашой Хуссейном (султан Селим III назначил его вместо Эски-Гассана) взяли курс к Керченскому проливу, чтобы высадить свой десант на восточном берегу Крыма. Узнав об этом, Ушаков немедленно отправился в погоню, имея под своим флагом 16 кораблей. Вечером 7 июля он по-

ошел к Керченскому проливу, где обнаружил флот Хуссейна, готовившийся к высадке десанта. На следующий день Ушаков начал сражение. Навязав кораблям противника свою тактику боя, он нарушил их привычный строй, прицельно бил по ним картечью *с близкого расстояния и скоро принудил к бегству.* Турки бежали, но Хуссейну удалось увести с собой все поврежденные суда.

Починив повреждения у кораблей своей эскадры, Хуссейн через месяц снова вышел в море. В помощь ему султан прислал престарелого капитана-бея (т. е. полного адмирала) Саид-бея. Он предложил Хуссейну сторожить русские суда при их выходе из Днепровского лимана. Ушаков узнал о выходе турецкого флота в море 25 августа. А 28 августа турки были обнаружены им между продолговатым островом Тендра и Хаджибеем. Соотношение сил и при этой встрече было в пользу турок: Хуссейн имел 14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 вспомогательных судна при 1400 орудиях. У Ушакова насчитывалось 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 20 вспомогательных судов при 830 орудиях. Как всегда, Ушак-паша (так турки называли русского адмирала) первым кинулся в атаку. Турки, однако, не приняли боя — они были «под ветром» и стали уходить к устью Дуная. Погоня за ними продолжалась несколько часов. Потом последние турецкие суда стали отставать от своего строя. Хуссейн не мог оставить их без защиты — он вынужден был повернуть корабли и принять бой. Ушаков смело пошел в самую гущу сражения. Его флагманский корабль бился одновременно с тремя турецкими судами, в том числе с 80-пушечным кораблем капудана-паши. И все они скоро вынуждены были выйти из линии. Экипажи остальных русских кораблей, видя, как сражается их адмирал, старались изо всех сил следовать его примеру. Эскадра Хуссейна постепенно сбивалась в кучу, теряя свой боевой строй. К закату солнца, после 5-часового боя, вся турецкая линия судов оказалась разбитой. Турки в беспорядке бежали. Два их отставших корабля, в том числе новенький 74-пушечный «Капитание» с Саид-беем и казной на борту, на второй день были окружены русскими судами. В результате 66-пушечный турецкий корабль с экипажем и сам трехбунчужный Саид-бей попали в плен, а «Капитание», гордость турецкого флота, вместе с казной и своей командой взлетел на воздух. Общие потери турок составили около 2 тыс. человек. К этому надо добавить еще

пушечный флагманский корабль турок, который, ся повреждения, затонул в пути к Константинополю. ские потери были минимальными: убитыми 21 и ра-ыми 25 человек. Отделались незначительными по-ждениями и корабли.

Победы Севастопольского флота на Черном море дали смелости Потемкину — он решил тоже насту-ть. В течение октября и первой половины ноября 0 г. русские войска и гребная флотилия адмирала де аса *, вошедшая в устье Дуная, заняли крепости ия, Тульча и Исакча.

21 ноября 1790 г. русские войска осадили с суши маил — важнейшую турецкую крепость на Дунае, ность «без слабых мест», как выражался Суворов. неприступная твердыня в свое время была пере-оена турками по проектам французских инженеров. ки называли ее «орду-калеси», т. е. армейская кре-сть — в ней могла разместиться полевая армия. ане она представляла собою прямоугольный треу-ьник, обращенный гипотенузой к Килийскому рука-Дуная. Ее общая протяженность по обводу равня-ь 6,5 км. Крепостные сооружения состояли из зем-ого вала и рва. Глубина рва и высота вала, женные вместе, местами превышали 12 м. Ров был олнен водой, в отдельных местах на глубину до 1 м. стороны реки крутизна обрыва достигала 10— м. После боя 20 ноября, когда была уничтожена ецкая флотилия, прикрывавшая Измаил со стороны и, турки возвели здесь 10 батарей, оснащенных ьной артиллерией. В крепостном валу было 4 во-: Бросские и Хотинские — в западном направлении, дерские и Килийские — в северо-восточном. Гарни-крепости насчитывал до 35 тыс. человек, из них ыс. янычар, остальные — конница, татары и воору-ные жители. Осажденные имели 265 орудий раз-о калибра. Обороной Измаила командовал опыт-й комендант Айдос Мехмет-паша, поклявшийся реть, но крепость не сдать.

Взять штурмом такую крепость, как Измаил, было елом почти безнадежным. Военный совет армии, не олучая от Потемкина ясных указаний, постановил

---

* *Хосе де Рибас (Дерибас Осип Михайлович)* (1749—1800) — сский адмирал, испанец. По рекомендации Алексея Орлова 772 г. прибыл в Россию и поступил волонтером на службу в Черно-орский флот. Впоследствии — руководитель строительства Одессы.

11 декабря Суворов послал донесение о победе в Петербург Екатерине: «Гордый Измаил у ног Вашего величества» — и Потемкину в Яссы. 12 числа полководец торжественно въехал в Измаил.

Турки потеряли в Измаиле 26 тыс. человек убитыми, в том числе 60 пашей. Среди последних были четыре двухбунчужных паши и шесть татарских султанов — принцев крови. О русских потерях в разных источниках приводятся различные сведения. Историки Золотарев, Межевич и Скородумов пишут: «Потери русских, по реляции Потемкина в столицу, составляли 1879 человек убитыми (64 офицера, 1815 нижних чинов) и 2703 человека ранеными (253 генерала и офицера, 2450 нижних чинов). Однако это соотношение между убитыми и ранеными вызывает сильное сомнение: число раненых нижних чинов явно занижено. Понятны и причины этого: перевязочные пункты не справлялись с огромным числом раненых солдат, и многие легкораненые, перевязанные товарищами, остались в строю и не были включены в цифру реляции. Число раненых следует увеличить в 1,5—2 раза; тогда получится, что суммарные потери доходили до 6—6,5 тыс. человек, т. е. более 20% от общего числа войск» [58]. Писатель Олег Михайлов в историческом романе «Суворов» приводит другие данные: «Потери русских были показаны Суворовым в 4 тысячи 260 убитыми и ранеными, но скорее всего то были заниженные сведения. Позднейшие сведения говорят, что погибли четыре тысячи и получили ранения — шесть; из 650 офицеров в строю оставалось 250». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона общие потери русских в Измаиле определяет тоже цифрой 10 тыс. человек, из них 4 тыс. убитыми и 6 тыс. ранеными.

Штурм Измаила был выдающимся подвигом русских солдат. Их доблесть и самоотверженность, решимость победить или умереть послужили главным фактором успеха. В своем рапорте Суворов писал: «Невозможно превознесть довольно похвалою мужество, твердость и храбрость всех чинов и всех войск, в сем деле подвизавшихся». При Измаиле отличился генерал-майор М. И. Кутузов, будущий великий русский полководец. Суворов назначил его комендантом крепости еще до окончания кровопролитного боя.

Успехи Суворова на поле боя вызвали зависть других генералов, усиливших против него свои интриги. Под их влиянием не устоял и Потемкин, собиравшийся ехать в Петербург. Если после успешного штурма он

...ирался оставить вместо себя главнокомандующим ...рова, то вскоре светлейший князь не выдержал ...ния. «**Оставляете Суворова** (подчеркнуто нами.— ...): поведет армию в Царьград или сгубит! Вы ...ите»[59],— заявляли недоброжелатели Суворова. ...итоге Потемкин решил назначить главнокомандующим Репнина*. С этого времени между Суворовым ...Потемкиным фактически произошел разрыв, Суворов стал искать контактов с зубовской придворной ...пировкой.

...начале 1791 г. Суворов приехал в Петербург. Он ...итывал получить звание генерал-адъютанта, од... Екатерина, приняв его весьма сдержанно, объяви... взятие Измаила Суворову пожалован чин под...овника Преображенского полка, полковником ...ором была сама императрица. В честь Суворова ... выбита медаль. Награды за штурм Измаила ...или всех своей скупостью, они были смехотворно ... в сравнении с одержанной победой. Причиной ...го отношения двора к Суворову был его разрыв ...темкиным.

...скоре Екатерина по совету Потемкина поручила ...рову осмотреть все укрепления в Финляндии до ...й границы со Швецией. Суворов сел в кибитку ...ал из Петербурга**. А Потемкину императрица

---

* В связи с обострившимся соперничеством между Суворовым ...киным приобретает новую окраску прежде необъяснимый эпи... демонстративным уклонением Суворова от торжественной ...и Потемкиным героя Измаила после победы и резким заявле... Суворова фавориту: «Меня может только наградить Бог и ве... государыня».

...ак показал В. С. Лопатин, эта встреча не могла состояться ...же за взятием Измаила, но она вполне могла произойти до ...а в Петербург того и другого военачальника, и не так уж ...где — в Яссах или Бендерах.

«Я тот, что проиграл», «слетел с Олимпа» — так Суворов ...вал в это время свое положение (*Суворов А. В.* Письма. С. 212,

...ричина срочного удаления Суворова из Петербурга не была ...ом для осведомленных очевидцев-современников. 26 апреля ...екретарь Храповицкий записал: «Говорят, будто бы для того, ... отдалить Суворова от праздника (в честь взятия Измаила.— ...и представления пленных пашей» (*Храповицкий А. В.* Дневник ...).

...С. Лопатин считает это утверждение «придворной сплетней», ...бщая, правда, о другой записи в дневнике Храповицкого ...реля. Великолепный праздник (официальные торжества ... взятия Измаила.— *Авт.*) у князя Григория Александровича ...е).

снять осаду крепости. Но несколькими днями ранее, не зная о принятом решении, Потемкин понял, что успешный штурм Измаила по плечу только Суворову. 25 ноября из Бендер, куда перевелась ставка главнокомандующего, Суворову был адресован ордер следующего содержания: «Остается предпринять с помощью Божиею на овладение города. Для сего, ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду...» [54]

К ордеру было приложено личное послание Потемкина. Светлейший писал: «Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг! По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части... Рибас будет Вам во всем на пользу. Будешь доволен и Кутузовым. Сын принца де Линя — инженер, употребите его по способности. Боже, подай Вам свою помощь... князь Потемкин-Таврический» [55].

Суворову предоставлялась полная свобода действий. Одновременно под предлогом необходимости иметь на Кубани способного генерала Потемкин отозвал из-под Измаила Гудовича *, председательствовавшего 26 ноября на военном совете.

В то время Суворов с войсками своего корпуса находился под Галацем. 30 ноября он ответил Потемкину: «Светлейший князь, милостивый государь! По луча повеление вашей светлости, отправился я к стороне Измаила. Боже, даруй нам свою помощь! Пребуду с глубочайшим почтением, светлейший князь, милостивый государь! Вашей светлости нижайший слуга.

граф Александр Суворов-Рымникский» [56].

2 декабря Суворов подъезжал к Измаилу. Навстречу ему двигались отступавшие от крепости части генерал-поручика Павла Потемкина. Отдав приказ войскам вернуться к Измаилу, Суворов с конвоем казаков поскакал туда же. Под Измаилом в своем подчинении он имел 31 тыс. человек (28,5 тыс. пехоты и 2,5 тыс. конницы) и свыше 500 полевых, полковых и корабельных орудий.

После разведки измаильских укреплений Суворовым все поняли, что штурм решен. Единственным

---

* *Иван Васильевич Гудович* (1741—1820) — русский генерал, участник борьбы против польских конфедератов, первой и второй русско-турецких войн при Екатерине II (его войсками были взяты Гаджибей — Одесса, Бендеры и Килия). Затем командовал войсками на Кавказе, участвовал в войне с Персией, был главнокомандующим в Москве. При Павле I получил титул графа, при Александре I — чин генерал-фельдмаршала.

способом овладеть крепостью являлась эскалада — штурм с помощью штурмовых лестниц. Хорошо понимая это, генерал-аншеф сразу же и в быстром темпе начал подготовку к рискованному и ответственному приступу. Подготовка заключалась не только в тщательной рекогносцировке укреплений противника, заготовке штурмовых средств (фашин, лестниц, шанцевого инструмента) и оборудования своих огневых позиций. Главное было обращено на практическую тренировку войск в специально подготовленном штурмовом городке, состоявшем из участков рва и вала, копировавших измаильские укрепления. Второй по важности задачей была моральная подготовка войск. В этом Суворов в полной мере использовал свое личное влияние на солдат.

7 декабря Суворов послал коменданту Измаила предложение сдаться, на которое последовал отрицательный ответ. 9 декабря военный совет под председательством Суворова принял решение штурмовать крепость в ночь на 11 декабря. Суворовская диспозиция штурму сводилась к следующему: атака ведется одновременно на все три фаса* крепости 9 колоннами, построенными по 3 колонны на каждый фас. Начало штурма было назначено на 5 часов 30 минут, с тем чтобы выполнить эскаладу в темноте, а уличный бой в крепости вести уже при дневном свете.

На рассвете 10 декабря русская артиллерия начала подготовку к штурму. Массированный обстрел Измаила продолжался весь день и всю ночь непрерывно. Наступившая ночь была темной. Приступ начался по сигналу ракетой.

«Когда наступил рассвет, вал был полностью в руках русских. Крепостные ворота были открыты, кавалерийские резервы (действовавшие отчасти в пешем строю) и 20 орудий полковой артиллерии введены в город. Сопротивление турок в последовавших уличных боях было ожесточенным, но не носило в общем организованного характера и распалось на ряд очагов, которые один за другим были ликвидированы... Еще долгое время продолжались бои за отдельные крупные каменные здания, некоторые из них пришлось брать, как и валы, с помощью штурмовых лестниц. К 16 часам бой был закончен»[57].

* Фас — в фортификации прямолинейный участок траншеи или сообщения, невзрывных противопехотных заграждений.

подарила фельдмаршальский мундир, затканный бриллиантами, в 200 тыс. руб.

Падение Измаила произвело ошеломляющее впечатление. В Систове (Болгария) под нажимом Англии и Пруссии проходила конференция представителей Австрии и Турции, обсуждавшая условия заключения между ними сепаратного мира. Известие о победе русских в Измаиле заставило дипломатов прервать конференцию и поспешно разъехаться. В Константинополе вынуждены были заговорить об укреплении столицы и создании всеобщего ополчения. Путь на Балканы для русских был открыт.

Турки все еще продолжали войну, хотя теперь у них не было никакой надежды. В конце февраля 1791 г. после отъезда Потемкина в Петербург русскую армию возглавил Репнин. Он повел дело более энергично — перешел Дунай около Галаца и 28 июня одержал у Мачина новую победу над противником. Почти одновременно на Кавказе Гудович штурмом взял Анапу. После этого турецкий визирь вступил с Репниным в переговоры о мире. Вначале турецкие уполномоченные всячески затягивали дело с подготовкой договора. Но когда 31 июля контр-адмирал Ушаков у мыса Калиакрия одержал верх над турецким флотом Саит-Али-паши, русско-турецкие мирные переговоры обрели деловой характер.

Мирный договор России с Турцией, завершивший войну 1787—1791 гг., был подписан в Яссах (Румыния) 29 декабря 1791 г., когда Потемкина уже не было в живых. Договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., Акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествующие русско-турецкие соглашения. Новая граница между договаривающимися сторонами устанавливалась на юго-западе по Днестру. В соответствии с договором правительство Турции: отказывалось от претензий на Грузию; обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских и кубанских земель; в целях обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполи вознаграждать русских купцов за все убытки, которые могут быть причинены им корсарами.

Ясский договор закрепил за Россией обладание всем Северным Причерноморьем от Днестра до Кубани, включая Крым, и усилил ее политические позиции в отношениях с Турцией.

Освоение Северного Причерноморья

Было время, когда бескрайние степи между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны, в том числе и Северного Причерноморья, русские люди называли «диким полем». Тогда этот край не был доступен для земледельца из-за набегов кочевников. Его плодородные земли, подземные богатства лежали втуне, ожидая, когда придет сюда хозяин-труженик и превратит это «дикое поле» в цветущий сад. Сюда бежали, скрываясь от нищеты и барского засилья, лишенные всех прав крепостные крестьяне, бездомные особыли и всякая другая «вольная» голытьба. Отсюда татарские орды совершали свои набеги на русские, украинские и польские города и села, обрекая их на грабительские погромы, сея вокруг себя смерть и угоняя людей в неволю.

Шли годы. Россия набиралась новых сил и раздвигала свои границы. Настало время и для освоения дикого поля».

Началом организованного заселения этого края можно считать небольшие поселки, основанные около 1735 г. малороссийскими казаками и русскими беглецами на границе Малороссии и Польши. В 1752 г. образовалось и первое военно-земледельческое поселение австрийских сербов и венгров под названием Новая Сербия (на Херсонщине). Русское правительство охотно принимало переселенцев из болгар, сербов и молохов, не допуская в свои земли инаковерующих поляков. В 1753 г. новая большая группа сербов поселилась между реками Лугань и Бахмут, по правому берегу Северского Донца. С приходом других поселенцев вновь осваиваемый край был разделен на две части: Новая Сербия (от Днестра до реки Синюха), граничившая к северо-западу с польскими землями, к югу — со степью, находившейся под контролем турок и татар, и Славяно-Сербия (к востоку от Днестра, до станиц донских казаков), с главным городом Бахмутом.

Около 1760 г. население края превысило 26 тыс. душ (в крае насчитывалось 122 селения, 135 «дач» и 1 церковь).

Наличие крепостного права, препятствовавшего свободному передвижению русского и украинского населения для заселения огромного края, вызвало попытки иностранной колонизации в Новороссии. 4 декабря

1762 г. был издан манифест с призывом к иностранцам селиться в России. Был создан особый аппарат, возглавлявшийся канцелярией опекунства иностранных.

В 1764 г. Новая Сербия была преобразована в Новороссийскую губернию, а Славяно-Сербия — в Екатерининскую провинцию, подчиненную Новороссийской губернии. В следующем году последняя состояла уже из трех провинций: Елизаветинской, Екатерининской и Бахмутской. Если в 1764 г. в крае насчитывалось до 38 тыс. поселенцев, то с приездом новых колонистов и в связи с разрешением селиться раскольникам это число за 4 года возросло до 52 тыс., не считая чиновников, дворян, духовенства и военных чинов, несущих постоянную службу в гусарских и пикинерных* полках. Всего население края в 1768 г. составляло около 100 тыс. человек.

В 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому договору границы Новороссийского края значительно расширились к югу. В 1775 г. к нему было присоединено Запорожье. Тогда же здесь было разрешено селиться грекам. В 1766 г. в крае было образовано 15 новых полков, после чего в случае войны Новороссия могла выставить 10 тыс. конницы.

Освоение Северного Причерноморья шло особенно быстрыми темпами в последней четверти XVIII столетия, когда генерал-губернатором края стал Г. Потемкин. Его деятельность была особенно настойчивой и многогранной. Приглашение колонистов, закладка городов, разведение садов, лесов и виноградников, поощрение шелководства, учреждение школ и типографий, строительство корабельных верфей и фабрик — все это осуществлялось с должным размахом, не жалея средств и усилий, даже не щадя людей.

В 1783 г. Новороссийский край был переименован в Екатерининское наместничество. Его территориальные пределы заметно расширились с присоединением Крыма, из которого была образована Таврическая область. Население наместничества в это время составляло более 700 тыс. жителей. Кроме того, заметно возросло военно-политическое и социально-экономическое значение края — теперь Россия твердо стояла на

---

* Пикинеры (копейщики) — пешие и конные воины в русской армии в XVI—XVIII столетиях, вооруженные длинным копьем (пикой). Предназначались для нанесения поражения противнику в ближнем (рукопашном) бою.

благодатных берегах Черного моря, а ее боевые корабли свободно плавали в его водах, нагоняя страх на турецкий флот. В этом состояла важная историческая победа русского народа в период царствования Екатерины II. На пустынном берегу Днепра Потемкину предстояло заложить город Екатеринослав. По первоначальному проекту город должен был занять площадь около 200 кв. верст; улицы его были намечены шириною 30 сажен. В этом городе предполагалось построить фабрики и заводы, завести школы, гимназии, консерваторию, университет.

В Ахтиаре (на юго-западном берегу Крыма) и на Ингуле Потемкин с яростной быстротой строил флот. В ближайшем будущем Ахтиар — это город русской славы Севастополь, а в устье Ингула вырастет Николаев — крупнейшая в России корабельная верфь.

Своего рода венцом административной деятельности Григория Потемкина в Причерноморском крае было организованное им путешествие Екатерины II в Тавриду. Оно было задумано с большим размахом. Достаточно сказать, что казна отпустила на это 15 млн руб. Это была не просто увлекательная прогулка, а большая, хорошо продуманная политическая игра — надо было показать высокомерной Европе, чего достигла Россия на юге. В честь этого царственного похода русского двора с представителями европейских держав была выбита особая медаль с надписью, выбранной Екатериной: «Путь на пользу!»

Существует мнение, что картина русской жизни, представленная Екатерине и ее гостям, во многом не соответствовала реальной действительности, что она в значительной степени была результатом мистификации, созданной честолюбивым и во всем находчивым Потемкиным. И до сих пор живет в нашем обиходе рожденное в те далекие времена и всем хорошо известное выражение: «Потемкинские деревни».

По этому поводу писатель Валентин Пикуль в романе-хронике «Фаворит» приводит следующие суждения, которые с некоторой корректировкой вполне можно принять:

«Сначала развернем «Советскую историческую энциклопедию», которая признает таланты Потемкина, особо отмечая, что он не только удовлетворял собственное честолюбие, но стремился «и к укреплению международных позиций России, к развитию ее экономики — в последнем бесспорная историческая заслуга

Потемкина». Если это так, то откуда же взялись эти навязшие в зубах «потемкинские деревни»?

Ответ лежит на поверхности: если бы Потемкин понастроил только «потемкинские деревни», Европа и не толкала бы Турцию на войну с Россией,— война была неизбежна именно потому, что враги России не могли смириться с основательным укреплением России на лучезарных берегах Черного моря. «Потемкинскими деревнями» никого не запугаешь, а вот потемкинская Новая Россия внушала страх неприятелям... Правильнее будет сказать так: Потемкин разворачивал в Причерноморье грандиозный макет будущей Новой России, и современники (если они, конечно, не были заклятыми врагами Потемкина) именно так и понимали его стремления...

Да, я согласен: для проезда Екатерины дороги пригладили, вешать дранину и тряпье на плетнях запретили, навозные кучи расчистили, свиней с поросятами попрятали по сараям, народ заранее прифрантился,— но так ведь поступали всегда в ожидании гостей, тем более — высоких. Да и никто из свиты (те же послы иноземные) не позволил бы Потемкину дурачить их, словно глупых детишек. Однако понятие «потемкинские деревни» сделалось нарицательным, обиходным — как символ показного благополучия.

Откуда же оно взялось, именно это выражение?

Оно возникло в 1797 г., а пустил его в политический оборот Европы саксонец Георг Гельбиг, страстный ненавистник России; это выражение окрылили злобой те русские помещики, которые лютейше ненавидели Потемкина как главного укрывателя их беглых крестьян; в ослеплении своем они отвергали все им совершенное и в этом удачно смыкались с Мордвиновым, который, ненавидя Севастополь и флот Черноморский, невольно выражал настроения класса помещиков-крепостников...

Конечно, над гомерическими планами Потемкина можно бы и насмехаться сколько угодно, если бы его проекты не осуществились. Но в том-то и дело, что будущее русского Крыма и русского Причерноморья оказалось гораздо ярче и самобытнее, нежели он рисовал себе в самых радужных снах... что дела Потемкина не были капризом наивного фантазера, искателя шумной славы,— нет, дела светлейшего всегда смыкались с нуждами государства, с великим его будущим»[60].

Согласно плану Потемкина, во время путешествия Екатерины состоялась официальная закладка города

славы Екатерины — Екатеринослава. Среди участников путешествия русской императрицы получила известность злобная острота (в кругу иностранцев) австрийского императора Иосифа II, которому Екатерина предоставила почетное право вслед за ней заложить камень, символизирующий начало нового города: «Я кончил в один день великое дело вместе с императрицей России: она положила первый камень города, а я — последний»[61].

История посмеялась над этим незадачливым предсказанием — бурное развитие Екатеринослава в последующие годы стало еще одним подтверждением жизненности политики Екатерины II и Потемкина по освоению Северного Причерноморья.

Херсон, так же как и Севастополь, детище и гордость Потемкина, заложенный в Днепровском устье девятью годами раньше, уже превращался в крупный торговый порт. Город был полон разноязычной публикой, изобилием товаров и продуктов. Особенно внушительным был вид крепости, корабельных верфей и арсенала с пушками — он убеждал каждого лучше любых слов. Все это доставляло большое удовольствие Екатерине, а австрийскому императору стало не по себе от триумфальной арки, установленной при въезде в город,— на ней на греческом языке было написано: «Дорога в Византию».

15 мая состоялись спуск на воду готовых кораблей и закладка новых. Для императрицы был подготовлен специальный паром с алыми парусами, покрытый богатым персидским ковром. Трон государыни, установленный в центре парома, удивил ее своим великолепием, хотя она давно уже привыкла к роскоши. По свежевыструганному и дымившемуся салу на воду благополучно сошли сначала линейный корабль «Владимир», а потом еще два фрегата — «Иосиф II» и «Александр». Екатерина поднесла мастерам-корабелам серебряные подносы, на которых горками лежали деньги.

После Херсона Екатерина побывала в Бахчисарае, где пожелала на ночь остановиться во дворце крымского хана. А на другой день перед путешественниками, *как в сказке, возник ослепительный Севастополь.* «Все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот,

зердить порт и поселить столько жителей; это дей-ительно был подвиг необыкновенной деятель-сти»[62],— писал граф Сегюр *.

Проехав в карете по берегу Крыма и осмотрев стущую Балаклаву и древнюю Кафу (Феодосию), атерина в июне отправилась в обратный путь. Поло-ние дел в Северном Причерноморье порадовало им-ратрицу. Она осталась довольна деятельностью По-мкина и пожаловала ему титул князя Таврического.

Деятельность Потемкина в освоении прежде пусто-вшего края была многогранной. Мало было завое-ть, надо было закрепить этот край, создать новые рода и порты и как результат этой деятельности — явление на карте России таких крупных городов, как атеринослав, Херсон, Николаев, Севастополь, есса, Ростов-на-Дону. В Предзакавказье по указанию темкина была выстроена цепь укреплений с города-крепостями Ставрополь, Александров, Георгиевск.

После смерти Потемкина Северное Причерноморье осталось без внимания. «Давно уже правительство дело необходимость открыть в южном крае безлесном, каменным углем изобильном ломку сего вещества». да был послан Гайскон, который представил проект б учреждении в Бахмутском уезде разработки каменно-угля и там же на реке Лугане литейного завода».

Доклад был поднесен императрице, и был дан вы-айший указ Зубову об учреждении литейного заво-

К разработке угля и железной руды приступили медленно и по постройке завода пустили его в дей-вие. «Происходящие и поныне для тамошнего края сего заведения выгоды в полной мере полезность ого оправдывают»[63].

По поводу строительства главного черноморского ргового порта на месте турецкого укрепления Гаджи-

---

* Интересно, что после справедливой оценки громадного вклада темкина в организацию освоения нового края России Сегюр ает такое весьма субъективное заключение: «Надобно согласить-что хотя Потемкин был плохой полководец, своенравный дипло-и далеко не великий государственный человек, но зато был ый замечательный, самый ловкий царедворец» (*Сегюр Л.-Ф.* з. соч. С. 193).

При оценке высказываний Сегюра следует иметь в виду, что он ледовательно представлял интересы Франции — державы, под-живавшей Турцию (например, усиление укреплений Очакова в это мя французскими инженерами предпринималось по прямому со-у Сегюра), а Потемкин так же страстно отстаивал интересы сии.

ой по докладу кн. Зубова — преемника Потемкина по управлению Таврической губернией в начале 1792 г. было исходатайствовано высочайшее повеление о начале постройки города Одессы (по проекту вице-адмирала де Рибаса).

Главным начальником строительства был Суворов, но непосредственно новым городом занимался Рибас. Неаполитанец на русской службе, он старался перенять все лучшее, что помнил об итальянских портах. Были построены верфь, две пристани, церкви, госпиталь. Здания военные и гражданские сооружаются в том месте, где некогда ставили лестницу и брали в плен очаковского пашу и откуда начнется позже Дерибасовская улица. И вот уже пришли турецкие, греческие корабли с вином и фруктами, а первый корабль ушел в Неаполь...

«Нынешнее состояние города Одессы,— писал с удовлетворением статс-секретарь Екатерины II А. М. Грибовский,— обогащающего южную часть России и доставляющего казне важный доход, заставляет радоваться...» [64]

Колонизация громадной прежде необжитой территории Новороссии царским правительством в большой степени проводилась за счет переселения из центральных русских крестьян. Пожалование тому или иному новичку владений в Новороссии или в Крыму обязывало его в установленный законом срок заселить эти земли или платить громадный штраф. Такая политика оказалась достаточно эффективной: население Северного Причерноморья росло быстрыми темпами *.

Разделы Речи Посполитой

По занимаемой территории и количеству населения (около 14 млн человек) Польша принадлежала к числу весьма значительных государств в Европе. Ее жители по национальному признаку в основном делились на

---

* После октября — ноября 1917 г. большинство этих территорий вошло в состав Украинской республики, там была проведена «украинизация». Бурное экономическое, индустриальное развитие этих областей продолжалось за счет союзных наркоматов и министерств. В итоге, по оценке экспертов, вклад предприятий этого региона в национальный доход Украины составил 55—70% общего объема (*Алексеев М.* Приоткроем занавес // Независимая газета. 1991. 26 февр. С. 4).

три группы: половина из них тяготела к русским (белорусы и украинцы), более трети относилось к польско-литовскому населению и сравнительно небольшая прослойка — к смешанному германо-еврейскому. Во второй половине XVIII в. отличительная черта социально-политического строя Польши состояла в отсутствии устойчивой государственной власти. Польские короли избирались одним дворянским сословием (шляхтой) и не имели в своих руках реальной власти — они полностью зависели от сеймов, на которых все решалось по произволу двух десятков знатнейших шляхетских родов. Среди них преобладали Радзивиллы, Потоцкие, Сапеги, Любомирские, Браницкие и Черторыйские, владевшие громадными богатствами и необъятными земельными угодьями. Поскольку всюду в стране господствовала величайшая религиозная нетерпимость, польские магнаты использовали в своих целях зависимое от них духовенство и по своему усмотрению распоряжались всей внешней и внутренней политикой государства.

Около богатых магнатов Польши группировались несколько десятков тысяч шляхтичей среднего состояния. На содержании первых и вторых и в их подчинении находилось более миллиона бедной безземельной шляхты. Эта последняя прозябала в косности и невежестве, состоя в свите, дворне и прислугах богачей. Она представляла собой элемент грубый и буйный, всегда готовый к услугам высокородной знати. Вообще пьянство, разгул, драки и насилия были обыкновенным явлением, причем влиятельные магнаты оставались безнаказанными за свои поступки. Считая всякий труд унизительным для благородного шляхтича, дворянство занималось пирами, охотой и войной. В мирное время магнаты враждовали между собою и с толпой своих сторонников разоряли и захватывали друг у друга поместья. Между враждовавшими партиями шла борьба за власть, за королевский престол, за места высших сановников. При этом наряду с грубым насилием широко процветал подкуп.

Городское население Польши занималось промыслами и торговлей. В городах было введено цеховое устройство. Что касается крестьян, то они жили очень бедно и, находясь в крепостной зависимости от помещиков, были абсолютно бесправны. Они были только рабочей силой, жестоко эксплуатируемой и истязаемой панскими управляющими и арендаторами.

Закон избирательного престолонаследия в Польше был принят еще в 1569 г. на Люблинском сейме. Сейм собирался в Варшаве каждые два года на две или три недели. Он избирал не только короля, но и всех высших сановников. Без согласия сейма король не мог издавать законы, объявлять войну и заключать мир, назначать новые подати. Членами сейма (послами) могли быть только дворяне (шляхтичи) и духовенство; крестьяне и простые горожане не имели права принимать в нем участие.

Шляхта была свободным сословием. В каждом уезде местная шляхта собиралась на свои так называемые сеймики, где решала свои дела и выбирала послов на общий государственный сейм. Все дела в общем сейме должны были решаться единогласно. Это означало, что любой шляхтич мог пользоваться в сейме правом «либерум вето» («не позволяю») и таким образом сорвать принятие любого решения. Этим обстоятельством широко пользовались в своих корыстных целях магнаты — они подкупали шляхтича и, используя его право «вето», блокировали неугодное им решение сейма. Пользовались этим и представители правящих иностранных государств, старавшиеся посредством подкупа какого-нибудь близко знакомого послам сейма как можно чаще срывать сеймы для удержания в Польше ослаблявших ее беспорядков. Вследствие этого многие заседания сейма кончались рукопашной схваткой, после чего избранные послы, ничего не решив, разъезжались по домам.

Вторым важным вопросом, вносившим напряженность не только в повседневную жизнь подданных польского короля, но и в русско-польские отношения, был вопрос так называемых диссидентов, т. е. инаковерующих. Гонения на православных (белорусов и украинцев) и всевозможные притеснения русской народности в Юго-Западной Руси не только не прекратились, но во второй половине XVIII столетия еще больше усилились. Православные церкви закрывали или передавали их униатским священникам, православных священников насильно заставляли принимать унию *, а в случае упорства заклю-

* Уния церковная — объединение православной церкви с католической с признанием главенства римского папы при сохранении своих церковных обрядов и своего богослужения. Принята на Флорентийском вселенском соборе в 1493 г. Русская православная церковь отвергла унию.

чали в тюрьму и там подвергали наказаниям. Иезуиты издевались над православными, насильно заставляли их принимать участие в католических богослужениях и вносить деньги в пользу католической церкви. Одновременно с преследованием православных поляки стали стремиться к постепенному слиянию униатской церкви с католической, вводя католические обряды в униатские церкви и унижая униатское духовенство перед католическим.

Православное население Польши не раз жаловалось русскому правительству на притеснения со стороны католиков и просило заступничества. Когда русский престол заняла Екатерина II, белорусский епископ Георгий Конисский прибыл в Россию и снова подал жалобу императрице на жестокие преследования православных в Польше. Екатерина решила стать на защиту диссидентов. В это время умер польский король Август III (1763 г.). В Польше образовались две партии, вступившие в борьбу за выдвижение на престол своего кандидата. Одна из них предложила избрать королем курфюрста Саксонии, сына Августа III. Другая партия, во главе с князьями Чарторыйскими, считала достойным этого высокого поста представителя своей фамилии. В случае избрания королем сына Августа Саксонского Польша попадала под влияние Австрии и Франции, что совсем не устраивало Россию. Партия Чарторыйских стояла, напротив, за союз с Россией. В этих условиях Екатерина II с согласия Фридриха II двинула в Польшу русские войска, чтобы поддержать партию Чарторыйских. На польский престол был возведен граф Станислав Понятовский, племянник Чарторыйских, бывший фаворит Екатерины II. После этого Екатерина и Фридрих II потребовали от польского правительства уравнять в правах диссидентов с католиками. Эти требования были, однако, отклонены сеймом. Тогда русский посол в Варшаве князь Н. В. Репнин по указанию Екатерины составил две дружественные России конфедерации* — православную и протестантскую и на сейме 1767 г. снова потребовал прав для диссидентов. Католическая партия во главе с краковским епископом Солтыком, киевским епископом Залусским и краковским воеводой

* Конфедерация — собрание представителей правительства и общества, имеющее полную власть. В отличие от сейма решения здесь принимались большинством голосов.

Ржевуским выступила против. Репнин пошел на крайнюю меру — опираясь на русские войска, он арестовал вожаков католической партии и отправил их в Россию. Сейм вынужден был пойти на уступки: он согласился прекратить преследования православных, уравнял диссидентов с католиками во всех правах, но постановил, что королем Польши может быть только католик и что католическая исповедь остается в стране господствующей.

В 1768 г. Россия подписала с Польшей договор, по которому: Польша принимала покровительство России; Россия гарантировала сохранение существующего в Польше политического устройства.

Часть польского дворянства осталась недовольна постановлением сейма 1767 г. и договором с Россией 1768 г. Эти недовольные в 1768 г. по инициативе епископа каменецкого Адама Красинского, подкормия рожанского Михаила Красинского и старосты варецкого Осипа Пулавского созвали в городе Баре (Подолия) свою конфедерацию. Барская конфедерация призывала поляков к восстанию «за веру и свободу». Она ставила своей задачей низложение с престола Понятовского и лишение диссидентов только что полученных ими прав.

Понятовский сначала не хотел открыто идти против барских конфедератов. Но когда в дальнейшем определился их явно враждебный по отношению к нему образ действий, польское правительство в соответствии с договором 1768 г. обратилось к Екатерине II за помощью. По приказанию императрицы генералы Апраксин и Кречетников выступили с русскими войсками против конфедератов и вместе с польским отрядом гетмана Ксаверия Браницкого разгромили их в первом же бою и заняли город Бар.

В это время на Украине вспыхнуло восстание крестьян-гайдамаков под предводительством Железняка и Гонты. Восстание было направлено против польских панов, в защиту православных от засилья католиков и униатов. Максим Железняк был русским подданным, сотником запорожского Тимошевского куреня. В июне 1768 г. с отрядом гайдамаков он вступил в пределы Речи Посполитой, взволновал часть Киевского воеводства и начал расправу с панами. За короткое время он сжег 50 польских помещичьих усадеб и замков, взял приступом Канев и Богуслав, Белую Церковь, а потом повернул на поместный город графа Потоцкого —

Умань. Железняк имел огромную популярность среди простого народа — ходили даже слухи, что он имеет от Екатерины II «золотую грамоту», в которой ему предписано избавить православных от притеснений поляков и евреев. Взять Умань Железняку помог сотник Уманского гарнизона Иван Гонта — он с казаками, охранявшими город, перешел на сторону восставших.

Восстание гайдамаков значительно усложнило положение польских конфедератов. Но русское правительство тоже было напугано размахом народных волнений на Украине. Екатерина II приказала подавить выступление Железняка и Гонты. Против восставших были посланы русские войска во главе с генералом Кречетниковым. Последний обманом захватил Железняка и Гонту, после чего отряды гайдамаков были разбиты. Железняк, как русский подданный, был сослан в Сибирь, а Гонту русский генерал выдал полякам. Его ожидала жестокая казнь — польские палачи сначала содрали с него кожу, а потом четвертовали.

После расправы над гайдамаками движение конфедератов снова набрало силу. Терпя поражение от русских войск, они обратились за помощью к Турции и Франции. Турция начала войну с Россией, а Франция помимо денежных средств направила в отряды конфедератов несколько своих офицеров, среди которых широко известным стал полковник Дюмурье. Позже в своих мемуарах он черными красками рисовал тогдашнее политическое положение Польши, а о конфедератах писал, что их предводители проводили время в шумных пирах, что мелкая шляхта, составлявшая их войска, ссорилась между собой, пьянствовала и, не признавая дисциплины, занималась грабежами. Дюмурье пробовал навести порядок в отрядах конфедератов, но ничего не добился и вернулся во Францию.

Несмотря на плохую организацию войск конфедератов, они все-таки волновали Польшу несколько лет. Чтобы покончить с этим, в Польшу был командирован А. В. Суворов. В нескольких сражениях он разгромил оставшиеся отряды конфедератов, и наконец сдался их последний оплот — Краков.

Этим практически был положен конец деятельности Барской конфедерации.

В то время, когда русские войска по просьбе правительства Польши вели борьбу с конфедератами и гайдамаками, само это правительство не только ничего не делало для стабилизации положения в стране, но и ре

шило отказаться от трактата 1768 г. Екатерина II, стараясь все же привлечь Польшу на свою сторону, готова была пойти на уступки и даже пересмотреть соглашение 1768 г. Но польское правительство не захотело вступать в какие-либо переговоры, надеясь, что турки добьются успехов в войне с русскими и заставят Петербург совсем отказаться от вмешательства в польские дела.

Пруссия и Австрия со своей стороны пристально и ревниво смотрели на русско-польские отношения— их совсем не устраивало усиление русского влияния в Польше. Боясь опоздать, они под предлогом наведения порядка в 1770 г. ввели свои войска на польскую территорию: Пруссия заняла Померанию и часть Великой Польши, а Австрия оккупировала Галицию. Зная, что между Пруссией и Австрией существует тайный договор, по которому они намерены захватить у Польши ее западные области, Екатерина II дала понять, что она не позволит им сделать никаких приобретений, если последние будут наносить ущерб России. Тогда Фридрих II предложил русской императрице заключить общее между тремя державами соглашение о разделе Польши. Такой договор Россия, Пруссия и Австрия подписали в Петербурге в 1772 г. По этому поводу 15 *июня* Екатерина *писала*: «*Русский* императорский двор, будучи вынужден, ввиду интересов своей империи, остановить наконец собственными силами ярость польских беспорядков, помешать разрушению государства, а также обеспечить себе справедливое удовлетворение своих законных прав, вступил в полное соглашение с двором императорским и королевским и с е. в. королем прусским, дабы путем единодушных усилий и мероприятий достигнуть этих целей, столь необходимых ввиду соседства их государств.

На основании такого соглашения эти три двора уже явили польской нации о своем намерении единодушно приступить к восстановлению в Польше порядка и спокойствия, к поддержанию конституции этого государства и свободы нации в виду утверждения ее внешнего политического существования и достижения радости, столь желательной для ближайших интересов их соседей»[65].

В результате первого раздела Речи Посполитой Россия вернула себе восточную часть Белоруссии— ти все Полоцкое воеводство, Витебское, Мстиславское и часть Минского воеводства. К России отошла

и польская часть Ливонии (Двинск, Даугавпилс). В Восточной Белоруссии были образованы Могилевская и Псковская (позднее — Полоцкая) губернии, куда вошли и великорусские земли — Псковская и Великолуцкая.

Пруссия по первому разделу Польши получила Померанию и часть Великой Польши (Познани), а Австрия — Галицию, наиболее плодородную и населенную часть Польши. Очень важно заметить, что, в то время как Австрия и Пруссия захватили себе земли с польским и украинским населением, в состав России вошли когда-то утраченные ею земли, населенные украинцами и белорусами.

Польша при первом разделе утратила почти треть своей территории (из 780 тыс. кв. км у нее осталось 554 тыс. кв. км). Несмотря на многочисленные протесты, Понятовский вынужден был собрать сейм для утверждения акта раздела и нового устройства Польши. Сейм только в 1773 г. утвердил раздел страны и, согласно проекту держав, установил «кардинальные права» Речи Посполитой. Гарантами соглашения о разделе Польши были русские войска, стоявшие в Варшаве, Белоруссии и на Украине.

Первый раздел Речи Посполитой пробудил в лучшей, более просвещенной части польского дворянства дух патриотизма. Эта патриотическая партия считала необходимым провести реформы в государственном устройстве страны и этим спасти ее от окончательного падения. Обстоятельства как будто благоприятствовали замыслам патриотов, поскольку Екатерина II в союзе с Австрией начала вторую войну с Турцией. Императрица пыталась привлечь и Польшу к войне с турками, но новый король Пруссии Фридрих-Вильгельм II убедил польское правительство отказаться от союза с Россией и заключить союз с Пруссией. Партия патриотов, к которой присоединился и Станислав Понятовский, особенно настаивала на союзе с Пруссией, так как надеялась при поддержке последней провести задуманные реформы в стране. Полагаясь на прусского короля и воспользовавшись тем, что Россия была в это время занята войной не только с Турцией, но и со Швецией, патриоты вынесли на сейм 1788 г. проект новой конституции Польши. Несмотря на сильное противодействие многих дворян, патриотическая партия во главе с Игнатием Потоцким, маршалом сейма Станиславом Малаховским и известным пуб-

ицистом Гуго Коллонтаем добилась своего — сейм инял конституцию 3 мая 1791 г.

Новая конституция устанавливала следующие пере-ны: избирательное престолонаследие заменялось на-едственным; польский престол после смерти бездет-го Понятовского должен был перейти к саксонскому рфюрсту и утвердиться за его потомством. Испол-тельная власть предоставлялась королю и минист-м. Законодательная власть оставалась за сеймом, но е дела на сейме должны были решаться большин-вом голосов, т. е. «либерум вето» отменялось; вер-вный суд также принадлежал сейму. Сейм был объ-лен постоянным, с выбором послов на два года. нфедерации упразднялись. За шляхтой были оста-ены все права. Города получали право представи-льства на сейме, причем богатые горожане могли ать шляхтичами.

Сторонники прежнего государственного устройства Польше не хотели принимать конституцию. Во главе Феликсом Потоцким, великим коронным гетманом аверием Браницким и польским коронным гетма-м Северином Ржевуским они решили образовать вую конфедерацию. Уже в июле 1791 г. Потоцкий дал *Потемкину записку о плане создания конфедера-и против конституции 3 мая* и просил помощи рус-ой императрицы. Занятая войной с Турцией, Екате-на II не решалась резко выступить против польской нституции — русскому посланнику в Польше И. Булгакову поручено было пока только подби-ть среди польских вельмож партию, преданную ин-ресам России.

После подписания мирного договора между Росси-и Турцией Потоцкий и Ржевуский прибыли в Петер-рг и в марте 1792 г. имели при дворе тайные пере-воры. Было решено, что недовольные конституцией гаты составят конфедерацию, а Екатерина II по-лет в Польшу свои войска. 18 мая 1792 г. Булгаков ... польскому правительству декларацию, в кото-... конституцию 3 мая указывалось как на повод ...рыву отношений между Польшей и соседними ...рствами и «истинные патриоты» призывались ...ествовать великодушным стараниям русской им-...рицы — возвратить Речи Посполитой свободу ...ность». В день вручения декларации русские ...ска (около 100 тыс. человек) под начальством гене-л-аншефа Каховского четырьмя колоннами вошли

в пределы Польши. Того же 18 мая 1792 г. поляки — противники конституции в местечке Тарговице основали конфедерацию. Ее маршалом был избран Потоцкий, его советниками стали Браницкий и Ржевуский.

После Тарговицкой конфедерации правительство Польши обратилось за помощью к Пруссии. Но Фридрих-Вильгельм II не сдержал своих прежних обещаний — он отказал польским патриотам в помощи, заявив, что конституция 3 мая была введена без его ведома и согласия. Такое поведение прусского короля объяснялось тем, что ввиду происшедших во Франции событий Пруссия сблизилась с Австрией и стала искать союза с Россией. Кроме того, Фридрих-Вильгельм II решил воспользоваться внутренними замешательствами в Польше, чтобы произвести второй раздел ее территории, о чем он начал переговоры с Екатериной II. Австрия тоже соглашалась на новый раздел Польши.

Вслед за Тарговицкой конфедерацией в Польше создавались провинциальные конфедерации по воеводствам. Все поляки, не подчинявшиеся конфедерациям, были объявлены врагами отечества. Сам акт составления конституции 3 мая был назван заговором, а сейм, принявший ее,— насильственным и незаконным. Универсал генеральной конфедерации от 30 мая 1792 г. оправдывал вступление русских войск в пределы Польши — с их успехами связывалась судьба конфедератов. 3 июня конфедерация была переведена в Умань, 9 июня — в Тульчин. Тем временем русские войска продолжали продвигаться через Волынь в глубь Польши. Польские войска под командованием Иосифа Понятовского (племянника короля Станислава Понятовского) и генерала Тадеуша Костюшки пытались остановить продвижение русских, но были разбиты. Вскоре войска Каховского заняли большую часть Польши.

Чтобы спасти положение, Станислав Понятовский пытался вступить в переговоры с Екатериной II — он предлагал назначить наследником польского престола ее внука Константина Павловича. Однако русская императрица оставила это предложение без внимания и потребовала от Понятовского, чтобы он присоединился к Тарговицкой конфедерации. Он в июле 1792 г. вынужден был выполнить это требование, чем вызвал эмиграцию предводителей патриотической партии и отставку многих офицеров и генералов польской армии, в том числе Иосифа Понятовского, Костюшки

и других. Правительственные войска после этого были распущены, а русские заняли Варшаву. Король Пруссии тоже двинул свои войска в Польшу и занял города Познань, Торн, Данциг и так называемую Великую Польшу с городами Калишем и Ченстоховом.

27 марта 1793 г. русский генерал Кречетников в местечке Полонном Волынской губернии объявил декларацию Екатерины II о втором разделе Польши. Следом за Россией аналогичное заявление сделал и прусский король. 17 июня на сейме в Гродно под давлением нового русского посланника в Варшаве графа Я. Е. Сиверса состоялось признание поляками второго раздела их страны. По второму разделу Речи Посполитой в состав России вошли Восточная Белоруссия с Минском, Волынь и Подолия — они воссоединились с остальной Белоруссией и Украиной. Пруссия удержала за собою земли, занятые ее войсками. За Польшей осталась территория, равная 254 тыс. кв. км.

После Гродненского сейма Сиверс стал деятельно готовить упразднение Тарговицкой конфедерации. Постепенно из ее деятельности были изъяты все вопросы управления, а потом запрещены и собрания. Решено было образовать новую конфедерацию, во главе которой был бы король, ее маршалом был бы маршал сейма, а ее советниками — члены Гродненского сейма.

15 сентября 1793 г. акт об упразднении Тарговицкой конфедерации, подготовленный одним из польских сторонников Сиверса, был зачитан на заседании сейма и утвержден единогласно. Новая конфедерация получила наименование Сеймовой или Гродненской.

После второго раздела в Польше развернулось освободительное патриотическое движение, целью которого было восстановление Польского государства в его прежних пределах. Активное участие в этом движении принимали Игнатий Потоцкий и Гуго Коллонтай. Но душой и руководителем восстания был Тадеуш Костюшко.

Тадеуш Костюшко (1746—1817) — один из выдающихся представителей польского народа. Он был сыном небогатого шляхтича Новогродского повета. Учился в Варшавской кадетской школе — лучшем учебном заведении тогдашней Польши, где показал выдающиеся способности и завидное трудолюбие. Отец его, жестокий помещик, в 1768 г. был убит своими крестьянами,— это заставило молодого офицера серьезно подумать о жизни бесправных крестьян, на

которых его современники совсем не обращали внимания. В 1769 г. на казенный счет отправился за границу, побывал в Германии, Италии и Франции, пробыл там до 1774 г., обучаясь инженерному делу. На родину он вернулся, исповедуя идеалы свободы совести, равенства сословий и демократического устройства государства. Не найдя в родном краю должного применения своим силам, Костюшко в 1778 г. снова отправляется за рубеж и теперь попадает в Северную Америку, где уже третий год шла борьба американского народа за свободу. Здесь он вступает в американские войска и вскоре становится адъютантом Вашингтона. Когда закончилась освободительная война, Костюшко получил орден Цинциннати, права американского гражданина и чин бригадного генерала.

В это время в Польше началось патриотическое движение, вызванное ее первым разделом. Костюшко примыкает к патриотам и, принятый в армию Иосифа Понятовского в чине генерала, сражается в 1792 г. за конституцию 3 мая. Хотя его корпус был разбит русскими под Дубенкой, поляки признали в нем талантливого полководца и наиболее стойкого защитника своего отечества.

В эмиграции после Гродненского сейма Костюшко вместе с другими патриотами начал подготовку восстания. Оно вспыхнуло в Кракове раньше, чем предполагали его организаторы. В начале 1794 г. русский генерал И. А. Игельстром, назначенный Екатериной послом в Польшу вместо Сиверса, приказал польскому генералу Мадалинскому распустить свою бригаду, состоявшую на содержании Польской республики. Мадалинский отказался выполнить этот приказ и через присоединенные к Пруссии польские земли направился с бригадой к Кракову. Это и послужило поводом к восстанию. Костюшко, срочно прибывший в Краков, был провозглашен начальником восставших вооруженных сил. Высланный против Костюшки русский отряд генерала Тормасова потерпел неудачу при деревне Рацловицы. В этой схватке победу полякам во многом помогли *обеспечить так называемые косинеры, т.е.* простые крестьяне, вооруженные косами. Популярность Костюшки быстро росла. Восстание перекинулось в Варшаву и Вильно. Русские войска, находившиеся в Варшаве, были застигнуты врасплох и, защищаясь на улицах города от поднявшихся на борьбу

родных масс, потеряли более двух тысяч солдат. тальным во главе с генералом Игельстромом уда- ь прорваться.

Костюшко надеялся на общенародное восстание. нако скоро эти надежды начали рассеиваться: кре- стные крестьяне, вступившие в войско повстанцев, ослышав о притеснениях своих семей помещиками, али разбегаться по домам. И вообще простые ди недоверчиво относились к шляхтичам, стоя- им во главе восстания. А шляхта в свою очередь не тела поступиться своими помещичьими привилеги- и. Костюшко, как патриот отечества и как руково- тель восстания, пытался разрешить это неразреши- е противоречие. Изданный им 2 мая универсал бовал облегчения барщины для крестьянских се- , члены которых примкнули к восставшим. 7 мая 4 г. Костюшко издал свой знаменитый Полаиецкий версал, который объявлял всех крестьян Речи По- литой лично свободными людьми, находящимися покровительством закона, обеспечивал им владе- землею и на время восстания уменьшал их повин- ти в пользу помещиков. Окончательное решение го вопроса предоставлялось будущему правитель- у. Но шляхта не могла согласиться с этим — она сто игнорировала предписания последнего универ- а.

В начале июля русские и прусские войска направи- ь к Варшаве, которую накануне занял Костюшко. да польской столицы пруссаками под руковод- ом самого Фридриха-Вильгельма II и русскими под дводительством генерала Ферзена была неудачной. уссаки, получив известия о восстании в Великой льше, в сентябре отступили. Отошли от Варшавы усские. Но в это время Брест заняли части русских командой Суворова. Костюшко решил не допус- ь соединения русских войск — он выступил против рзена и недалеко от Варшавы, при деревне Маци- ицы, навязал ему бой. В этом сражении поляки были биты, а раненый Костюшко взят в плен. Объединив своим командованием русские войска, Суворов ле кровопролитного штурма взял предместье Вар- вы — Прагу. Столица Польши сдалась без боя. 8 но- я 1794 г. Суворов отправил Румянцеву донесение, тоявшее всего из двух строк:

«Виват, великая Екатерина! Все кончено, сиятель- ший граф! Польша обезоружена!» [66]

следующие истины: все люди сотворены равными, и все они наделены своим творцом и некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью»[67]. Основой Декларации являлась идея народного суверенитета.

Война с Северной Америкой со всей остротой поставила перед Англией проблему союзников. При этом особое значение приобрела позиция России — именно от нее английское правительство надеялось получить реальную помощь. Еще 1 сентября 1775 г. Георг III направил Екатерине II личное послание, в котором по существу просил русских солдат для участия в подавлении развернувшейся борьбы североамериканцев за независимость. Британский посланник в С.-Петербурге добивался посылки в Северную Америку 20-тысячного русского корпуса, предлагая при этом подписать уже подготовленный англичанами проект соответствующего договора. Екатерина достаточно реалистично учитывала перспективу войны Англии с Северной Америкой, и поэтому расчеты английского короля на русскую помощь не оправдались. 13 сентября Екатерина ответила Георгу III вежливо, но твердо решительным отказом. Она писала: «Размер пособия и место его назначения не только изменяют смысл моих предложений, но даже превосходят те средства, которыми я могу располагать для оказания услуги в. в-ву. Я едва только начинаю наслаждаться миром, и в. в-ву известно, что моя империя нуждается в спокойствии»[68].

Военные действия в Америке вызвали обострение противоречий между европейскими державами. В этих условиях Париж — столица главного соперника Англии — стал центром дипломатической борьбы. Поэтому именно сюда в декабре 1776 г. прибыл представитель борющейся Америки — Бенджамин Франклин. Визит его имел большой успех. 6 февраля 1778 г. Франция подписала с американцами два важных договора — о союзе и о торговле.

Положение Англии становилось все более затруднительным. В начале 1778 г. в русскую столицу прибыл новый посол Великобритании Джеймс Гаррис. Он пытался возобновить переговоры о заключении военного союза. Но ответ русского правительства, изложенный в ноте Н. И. Панина, был откровенно отрицательный — Екатерина II считала «существующую обстановку совершенно неподходящей для заключения со-

юза между двумя дворами». Таким образом, Россия с самого начала войны США за независимость твердо и неуклонно проводила политику строгого нейтралитета. При этом правительство Екатерины: исходило прежде всего из собственно русских интересов и не придерживалось принципов легитимизма; не рассматривало американцев лишь как «мятежников» и «бунтарей»; считало неизбежным отделение североамериканских колоний от Англии, что не затрагивало интересов России и было для нее даже выгодным.

Находясь в состоянии войны с Северной Америкой и имея самый мощный в мире морской флот, Великобритания стремилась диктовать в международных водах свои условия судам всех остальных стран. Английские военные корабли под видом морской блокады неприятеля захватывали нейтральные суда с самыми невинными грузами. Это вызывало особое недовольство и раздражение правительств многих стран. По этому поводу у лондонского двора систематически происходили «неприятные изъяснения» с представителями нейтральных государств.

Правительство Екатерины II первым проявило инициативу и выступило официально против нарушения свободного судоходства в морских просторах. В 1778 г. Россия предложила Дании общими силами организовать охрану торговых судов, следовавших в русские порты. Весной 1779 г. правительства России, Дании и Швеции, не подписывая пока официального союза, обратились к воюющим сторонам — Англии, Франции и Испании — с декларацией о мерах, принятых ими для защиты торговых судов, включая посылку в море своих небольших эскадр. Однако пиратские действия в морях продолжались — испанцами были захвачены голландские и русские корабли, следовавшие с русским хлебом в порты Средиземноморья.

Тогда 28 февраля 1780 г. русское правительство выступило с декларацией Вооруженного нейтралитета, в которой провозглашались следующие принципы: нейтральные корабли могут свободно плавать у берегов воюющих держав; неприятельская собственность под нейтральным флагом (за исключением «заповедных товаров») неприкосновенна; предметами военной контрабанды признаются только оружие и различное военное снаряжение; блокированным считается такой порт, вход в который практически затруднен в результате действиями военно-морских сил воюющих держав.

Станислав Понятовский отказался от польского престола и остаток жизни провел в Петербурге. Пленный Костюшко был отправлен в Петербург. Павел I освободил его из заточения, а Александр I в 1815 г. дал ему аудиенцию и высказал при этом большое уважение к бывшему вождю польского восстания. Последний, однако, не вернулся в Польшу и закончил свои дни в Швейцарии, освободив незадолго до смерти принадлежавших ему в Польше крестьян.

Третий раздел Польши был произведен в 1795 г. В результате к России отошли Западная Белоруссия, Западная Волынь, Литва и Курляндия. Австрия захватила Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую области, а Пруссия — остальные земли с Варшавой. Польское государство прекратило свое существование, а народ Польши на долгие годы оказался под гнетом русского и австрийского самодержавия и прусского королевского двора.

Разделы Польши были, разумеется, реакционным актом, и русское самодержавие сыграло в них неблаговидную роль. Но при этом нельзя не отметить тот объективный факт, что в этом вопросе действия России принципиально отличались от политики Пруссии и Австрии. Если Пруссия и Австрия захватили чуждые им территории, то участие России в разделах Польши привело к объединению украинских и белорусских земель в едином Российском государстве, которое стало своеобразным преемником великой державы средневековья — Киевской Руси. Русские, украинцы и белорусы составили ядро российского суперэтноса. Быстрее стала развиваться торговля, свободная от ограничений, имевших место в Польше. Был положен конец национальным и религиозным преследованиям православных. Эти новые земли стали втягиваться во всероссийский рынок. Как показал исторический опыт, при всем этническом своеобразии русских, украинцев и белорусов их объединение в едином суперэтносе обеспечило долговременное стабильное развитие этих народов, достижение успехов в экономическом и культурном развитии.

Декларация вооруженного нейтралитета

К концу XVII в. по Атлантическому побережью Северной Америки между Флоридой и р. Св. Лаврентия насчитывалось 13 английских колоний, каждая из

которых, имея не менее чем по 10 тыс. белых жителей, продолжала экономически успешно развиваться на девственной почве. К этому времени произошла колонизация французами более далекой области — берегов Миссисипи. Соседство англичан и французов приводило к частым столкновениям. Серия войн между ними закончилась Парижским мирным договором 1763 г., по которому Англия получила Канаду, восточную половину Луизианы до Миссисипи, а также Флориду. В указанных войнах кроме регулярных английских войск активно участвовала милиция колоний. При этом заметно возросло доверие колоний к собственным военным силам.

Война 1754—1763 гг. значительно увеличила государственный долг Англии. Для покрытия этих расходов английское правительство обложило колонии новыми налогами. Одновременно в Америке было расквартировано 10-тысячное войско англичан, которое обязаны были содержать американцы. Обе меры вызвали возмущение жителей колоний. Начались уличные беспорядки и отдельные столкновения с представителями английских властей. В 1774 г. в Филадельфии открылся нелегальный конгресс представителей от 12 колоний, который выработал петицию к английскому королю и воззвание к английскому народу: в них признавалась связь Америки с метрополией, но одновременно выставлялось требование справедливого отношения к североамериканцам.

Первое вооруженное столкновение между английскими войсками и американской милицией произошло 19 апреля 1775 г. 17 июня серьезное сражение имело место под Бостоном, в нем потери составили: американцев — 441, англичан — 1500 человек. До этой битвы, 10 мая 1775 г., в Филадельфии собрался второй Континентальный конгресс от 13 колоний; он признал защиту от метрополии национальным делом и принял решение об организации 20-тысячной армии во главе с выдающимся политическим и военным деятелем Джорджем Вашингтоном. 23 августа английский король Георг III объявил североамериканские колонии в состоянии мятежа. Так началась освободительная война американского народа за свою независимость.

4 июля 1776 г. Континентальный конгресс единогласно принял написанную Томасом Джефферсоном Декларацию независимости. В этом историческом документе говорилось: «Мы считаем очевидными

Исходя из этих принципов, Россия подписала конвенцию с Данией (9 июля 1780 г.) и Швецией (1 августа 1780 г.). Договорившиеся стороны, подтвердив принципы декларации Вооруженного нейтралитета, объявили о закрытии Балтийского моря для военных судов воюющих держав и о взаимном обязательстве защищать провозглашенные принципы.

К Вооруженному нейтралитету присоединились: Голландия — 4 января 1781 г., Пруссия — 8 мая 1781 г., Австрия — 9 октября 1781 г., Португалия — 13 июля 1782 г., Королевство Обеих Сицилий — 10 февраля 1783 г. Принципы Вооруженного нейтралитета признали Франция, Испания и США, хотя формально к нему не присоединились. Из крупных морских держав только Англия не признала Вооруженного нейтралитета. Декларация Вооруженного нейтралитета утратила свою силу после Версальского американо-английского мирного договора, подписанного 3 сентября 1783 г.

Провозглашение Вооруженного нейтралитета имело огромное международное значение — оно устанавливало твердые начала в международном праве, ограждавшие морскую торговлю нейтральных стран во время войны. Действия, предпринятые при этом Россией, служили улучшению международного положения Соединенных Штатов Америки и в то же время подрывали морское могущество Англии, способствуя ее дипломатической изоляции. 5 октября 1780 г. Континентальный конгресс одобрил декларацию Екатерины II как основанную «на принципах справедливости, беспристрастности и умеренности». Постановление конгресса предусматривало посылку соответствующих инструкций всем военным судам США.

Среди историков возникали разногласия по поводу авторства декларации Вооруженного нейтралитета. Некоторые из них приписывали его Н. И. Панину, другие — самой Екатерине. Вопрос этот, однако, не имеет принципиального значения. Важно, что правительство Екатерины, провозглашая этот исторический акт, еще выше подняло международный авторитет России, возведя ее в разряд мировой державы.

В целом внешняя политика, проводимая в жизнь Россией во второй половине XVIII столетия, носила активный характер и отвечала интересам страны. Многие передовые люди России и Америки вносили свой вклад в сотрудничество. Так активно помогали станов

чию отношений с Америкой Ф. В. Каржавин и Франсско де Миранда.

Федор Васильевич Каржавин (1745—1812)—русский просветитель; путешественник, литератор, противник рабства, участник войны за независимость США. Сын петербургского купца Каржавин учился в Париже, затем преподавал французский язык в троицко-лаврской семинарии, был архитекторским помощником в ведомстве кремлевской экспедиции. С 1773 до 1788 г. странствовал по Европе и Америке; в конце жизни был переводчиком в Коллегии иностранных дел. Приверженец идей XVIII в., Каржавин по своему разностороннему образованию был одним из передовых людей своего времени. После него осталось множество трудов философического, этнографического направлений, по теории архитектуры, оригинальных рисунков.

В то время выдающийся деятель освободительной борьбы народов Южной Америки против испанского владычества венесуэлец *Франсиско де Миранда* долгие годы находился в России. Имеющий титул графа путешественник был принят всюду в России. Миранда имел знакомства с князем Г. А. Потемкиным, фельдмаршалом П. А. Румянцевым, графом А. А. Безбородко, в Киеве он был представлен Екатерине II.

Будучи исключительно любознательным, просвещенным, коммуникабельным, красноречивым и многоопытным, обладая огромным личным обаянием, Миранда нашел среди русских людей немало друзей.

Попытки испанской короны добиться выдачи Миранды или его дискредитации в правящих сферах России оказались тщетными.

Впоследствии отношение Екатерины II и ее окружения резко изменилось из-за уклонения его от принятия *приглашения на русскую службу и согласия быть* генералом революционной армии Франции. Миранда открыто стал на сторону врагов российской самодержавия, на что и последовала соответствующая реакция.

Во имя каких же целей Миранда посетил далекую северную страну? Не подлежит сомнению, что он руководствовался прежде всего идеей освобождения Южной Америки от испанского господства и был как бы послом будущих борцов за свободу этого континента. В России венесуэлец зондировал позицию правительства Екатерины II о перспективе поддержки грядущего выступления угнетенных народов Южной Америки против испанской монархии.

В этот же период Россия пытается наладить связи с Японией. Связующим мостом между Японией и северо-восточными границами Российской империи являются Курильские острова. Открытие Курильских островов в XVII в., так же как и острова Сахалин, бесспорно, относится к числу наиболее важных географических открытий русских мореходов на Тихом океане.

В 1787 г. Г. И. Шелехов и И. И. Голиков сообщили Екатерине II, что они давно проявляют большой интерес не только к Русской Америке и Алеутским островам, но и ко всей Курильской гряде. И предлагали императрице срочно «в предупреждение других держав построить крепостцу и гавань на 21 или 22-м из Курильских островов для заведения торговли с Китаем и Японией»[69].

Григорий Иванович Шелехов (1747—1795) — известный исследователь Сибири. Небогатый рыльский мещанин Г. И. Шелехов отправился искать счастья в Сибирь и уже с 1776 г. стал отправлять свои суда в Тихий океан. Шелехов поставил себе целью удержать за Россией новооткрываемые острова и земли. В 1783 г. он сам отправился на трех кораблях в плавание и в следующем году прибыл к острову Кадьяк, самому близкому из прилегающих к Америке, и успел завести мирные сношения с туземцами и учредить для них русскую школу. А в 1793 г. по его ходатайству на Кадьяк была отправлена духовная миссия и послано несколько десятков ссыльных ремесленников и хлебопашцев для заведения ремесел и земледелия. Для дальнейшего более продуктивного взаимодействия русских и американцев уже после смерти Шелехова, в 1799 году была учреждена Российско-Американская торговая компания.

13 сентября 1792 г. из Охотска вышла в открытое море бригантина «Святая Екатерина». Корабль взял курс к берегам Японии. Поводом для этой экспедиции послужило возвращение в Японию спасенных русскими моряками японцев, потерпевших в 1783 г. кораблекрушение около Алеутских островов. Очутившись на несколько лет в России, японцы смогли убедиться в гостеприимстве и доброжелательности русских людей, о чем они рассказывали по возвращении на родину.

Воспользовавшись этим случаем, правительство России распорядилось для сопровождения японских

ков отправить в Японию русское посольство. шую роль в его организации сыграли Эрик Лакс- и Григорий Шелехов.

усское посольство возглавлял поручик Адам Лак- — сын Э. Лаксмана. Задача посольства состояла , чтобы вступить в переговоры с японским прави- твом об установлении добрососедских отноше- торговли между Россией и Японией. Предыду- попытки завязать торговлю с Японией, носившие ициальный характер и исходящие преимуществен- т действовавшего в Сибири купечества в лице Лебедева-Ласточкина, Лосева и других, не дали ьтатов.

России кое-что знали о проводимой японским ельством политике запрета каких бы то ни было ений японцев с иностранцами. Однако попытка ыми средствами убедить правительство «Нифон- государства» в целесообразности развития тор- отношений с ее северным соседом не считалась дежной. Выдающийся революционный деятель ского народа Катаяма впоследствии писал, что я в общем и целом вела по отношению к Японии *любивую политику и «добивалась открытия* ских портов дипломатическим путем»[70].

дним из ярких свидетельств этого курса и явилась диция А. Лаксмана. Отсутствие дипломатических шений с Японией, изоляционистская политика ского правительства осложняли осуществление ьской миссии. В интересах сохранения престижа и было решено осуществить первый опыт офици- ых посольских сношений с Японией от имени цар- наместника в Восточной Сибири.

отя пребывание русских было ограничено остро- Эдзо, Лаксман был принят как официальный пред- тель. В меру своих сил и возможностей посоль- выполнило возложенные на него поручения; хотя оворы и не завершились заключением каких-либо глашений о торговле между обеими странами, они же дали некоторый результат. Лаксман получил сьменное разрешение японских властей на прибытие писаки одного русского корабля в год, что уже большим достижением, так как до этого из всех

Эрик (Кирилл) Густавович Лаксман (1737—1796) — «сибирский Ломоносов», академик Петербургской Академии, ученый-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник.

европейских стран только Голландия имела доступ в Нагасаки — единственный открытый для иностранной торговли город Японии.

Экспедиция А. Лаксмана собрала ценные сведения о природе Северной Японии, доставила в Россию образцы возделываемых там культурных растений и злаков, а также флоры и фауны. Представляют интерес этнографические данные, собранные А. Лаксманом.

Миссия А. Лаксмана по праву являлась первым русским посольством в Японию, она была мирным актом России, стремившейся установить добрососедские отношения.

Занятость царского правительства борьбой с революцией во Франции, смерть Э. Лаксмана и Г. И. Шелехова и ряд других причин надолго отодвинули проведение в жизнь проекта повторения первой экспедиции в Японию. Лишь во время первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. материалы посольства А. Лаксмана сослужили свою службу при подготовке миссии Н. П. Резанова в Японию.

Как видим, вклад русского народа в историю открытия и освоения Курильских островов, в налаживание добрососедских и взаимовыгодных отношений с Японией и Америкой был велик.

В итоге русская дипломатия эпохи Екатерины II в основном разрешила задачи, унаследованные ею от XVI в.: закреплены были достижения Петра Великого в Прибалтике; воссоединены земли, населенные родственными русскому народу — белорусами и украинцами. Россия стала твердой ногой на Черном море. Наконец Российская империя завоевала решающий голос в делах общеевропейских.

ЕКАТЕРИНИНСКИЕ ОРЛЫ: ФАВОРИТЫ И СПОДВИЖНИКИ РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ. ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ II

Фаворитизм был типичным явлением для самодержавного, бесконтрольного образа государственного правления. Эта безнравственная болезнь в XVIII столетии поразила все монархические дворы Европы.

Фаворитизму были присущи два порока — он неизбежно порождал ничем не оправданное и совершенно бездумное разбазаривание государственных средств и вызывал уродливую деформацию централизованной власти. Как правило, фавориты не только безастенчиво обкрадывали казну, но и становились временщиками в государстве.

Герцен в свое время писал, что историю Екатерины II нельзя читать при дамах. И действительно, трудно представить себе эту государыню без фаворитов. За долгие годы ее правления они образовали целую своеобразную «очередь» к заветным царским покоям. Г. Орлов, Васильчиков, Ланской, Мамонов, Зубов...

Фаворитизм Екатерины II отличался одной весьма существенной особенностью: все фавориты императрицы были ниже ее по своему интеллектуальному уровню, и она обычно не допускала их до бесконтрольной власти. Однако Екатерина заботилась об образовании своих любимцев: с Ланским читала Альгаротти, с Зубовым — Плутарха. Исключением был Григорий Потемкин. Но он представлял собою не просто и не только фаворита, это был один из выдающихся государственных деятелей екатерининской эпохи.

Время шло. Потемкин, казалось, впал в немилость, проблистал Завадовский, и вновь укрепился Потемкин. Об отношении двора к меняющимся фаворитам остались воспоминания Л. Н. Энгельгардта, дальнего родственника Потемкина и одного из его адъютантов. Он описывает то, чему сам был свидетелем: по наговору Е. Дашковой и А. Ланского однажды Потемкин лишился царской милости. Тогда «всякого звания люди его оставили: близ его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Миллионная была заперта

экипажами, так что трудно было и проезжать». Но опала в этот раз не была продолжительной, и Екатерина в знак примирения произвела своего фаворита в фельдмаршалы. И тогда «не прошло еще двух часов, как уже все комнаты его были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более перед ним пресмыкались...»[1].

Сменялись фавориты и фавориты фаворитов...

«Ласкательство, лживая лесть, низменное потворство считались предосудительными. Но искать покровительства, не прибегая к ласкательству, было в порядке вещей. Никакого стыда в том не видели. Когда при дворе появлялся новый любимец, искать его покровительства было даже выражением некоей благонамеренности»[2],— писал В. Ф. Ходасевич.

В разбазаривании государственных средств русская императрица не знала меры — она щедро награждала каждого своего фаворита высокими званиями, деньгами и поместьями с крепостными крестьянами. Если верить историку К. Валишевскому, то простому сержанту гусарского полка Корсакову, ходившему в фаворитах всего 15 месяцев, она подарила миллион рублей. Двадцатидвухлетнему Ланскому Екатерина передала дворцами, землями и драгоценностями 7 млн руб. Мамонов, по рекомендации Потемкина попавший в спальню императрицы, получил от нее в качестве подарка 3 тыс. крестьян и 100 тыс. руб. Если назвать братьев Орловых, Потемкина, Платона Зубова, то они стоили государству огромных денег.

Последним фаворитом императрицы в 1789 г. был Платон Зубов, поручик конной гвардии. Эта связь шестидесятилетней женщины с молодым и красивым гвардейцем больше походила на патологию, чем на здоровое чувство. Историк Ю. А. Лимонов во вступительной статье к роману Валентина Пикуля «Фаворит» писал по этому поводу: «Конечно, мораль коронованных особ была глубоко порочной. Достаточно вспомнить так называемый «олений парк» — гарем, который существовал у «христианнейшего» короля Франции Людовика XIV. Защитница католицизма, «верная жена», «образец добродетели» австрийская императрица Мария-Терезия, как известно, совсем не отличалась строгостью морали, хотя для католической церкви она всегда оставалась самой добродетельной матроной. Но случай с Екатериной II — в последние годы тяжело

больной женщины — выпадает из общей скандальной хроники того времени, ибо он скорее заслуживает внимания медика, нежели историка и писателя»[3].

Платон Зубов во многом подчинил своей воле постаревшую и больную Екатерину и стал могущественным временщиком. Воспоминания Мертваго — наглядный тому пример. Он приехал в Петербург с просьбой об облегчении участи одного из своих родственников, который попал в опалу и был выслан в глухую провинцию. По совету своего друга Г. Р. Державина он пошел на прием с просьбой о решении этого дела к Зубову. «На другой день меня ему представили. Я введен был в спальню. Я нашел тут множество людей, знатных и в чинах, стоявших рабочно, перед фаворитом. Он в халате ходил взад и вперед по комнате, грыз ногти, и кое с кем свысока говаривал, не дожидался ни от кого ответа.

Малорослая с голым хвостом обезьяна прыгала по комам и у одного из вельмож испортила буклю, каковом упражнении по приказанию хозяина он потащать ей не смел.

Обезьяна стала приближаться ко мне и пристально меня смотрела; убоясь, чтоб невольно каким движением не сделать противного боярину (так Мертваго иронией называет фаворита Зубова.— *Авт.*), ретируся я, не дождав счастья услышать к себе голос человека, от коего просил и ожидал милости и споспешествия всей своей семье»[4].

Недостаточная почтительность дорого обошлась Мертваго — ему еще долго пришлось хлопотать о решении своих дел, и, если бы не помощь Г. Р. Державина, он бы ничего не добился.

После смерти Потемкина Зубов занял его высокие должности: стал генерал-фельдцейхместером, новороссийским генерал-губернатором, начальником Черноморского флота. Захватив 36 должностей, он получил княжеское достоинство и громадные поместья в приобиненных польских областях. Вокруг престола корпилось все его многочисленное семейство. Его отец открыто торговал протекциями всемогущего сына, выгадывая при этом крупные взятки.

Императрица все это знала. Знала и на все закрывала глаза. Конец царствования Екатерины был отмечен «для народа и империи». «Ничто не было ли ничтожным, как вельможи в последние годы царствования Екатерины. Без знаний, без горизонта,

без воспитания, без честности, они не имели даже того тщеславного чувства чести, которое по отношению к настоящему является тем же, чем лицемерие по отношению к добродетели. Грубые, как пажи, мздоимцы, как мытари, хищные, как лакеи, и продажные, как субретки комедии, они, можно сказать, были государственной сволочью...

Насколько правители Екатерины были милы и умеренны вокруг нее, настолько же вдали от нее они были ужасны и произвольны. Человек, который прямо или косвенно имел протекцию фаворита, изощрялся на месте своего пребывания в общественной тирании: он не боялся старших, давил подчиненных и безнаказанно нарушал правосудие, дисциплину, указы»[5].

Но нельзя отрицать, что внутренняя и внешняя политика Екатерины II отмечена крупными законодательными актами, выдающимися военными событиями и значительными территориальными приобретениями. Все это было связано с деятельностью государственных и военных деятелей ее эпохи — П. А. Румянцева, Г. Г. Орлова, А. Г. Орлова, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова...

«Это те, кто был и остается гордостью России, ее славой: великий полководец Суворов и великий поэт Державин, первый президент Российской Академии наук Воронцова-Дашкова и основатель Академии художеств Бецкой, славные военачальники Румянцев-Задунайский и Орлов-Чесменский, наконец, выдающийся государственный деятель, вице-император и наместник на юге России Потемкин-Таврический. Из всего этого списка лишь последний был действительно «наперсником» императрицы. Но ведь, кроме того,— и близким другом, наставником и советчиком в важнейших начинаниях и проектах, которые во множестве родились именно в екатерининский век»[6].

Екатерининскими орлами Пушкин назвал наиболее выдающихся сподвижников Екатерины II. В стихотворении 1814 г. «Воспоминания в Царском Селе» он писал:

Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,

Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир[7].

Через 15 лет Пушкин написал новое стихотворение
ом же названием — «Воспоминания в Царском Се-
В нем уже зрелый поэт говорит:

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов[8].

Наряду с другими особенностями В. О. Ключевский
ечал в характере Екатерины II ее положительную
ту — изучать сильные стороны других и уметь каж-
й раз вовремя опереться на них в той или иной
кретной обстановке. Именно поэтому рядом с ней
зменно оказывались смелые и талантливые союзни-
вошедшие в историю под общим именем екатерини-
е орлы. Это название стало собирательным, но здесь
дставлены характеристики далеко не всех людей,
орые были вместе с Екатериной в течение длительно-
ремени и помогали ей в меру своих способностей.
еди них — Григорий и Алексей Орловы, Александр
оров, Петр Румянцев, Григорий Потемкин, Федор
аков, Екатерина Дашкова. Каждому из них проща-
ь странности и даже пороки, кроме одного — бездар-
ти. Вот почему их практическая деятельность сопро-
ждалась блеском и заслуженными победами.

Александр Васильевич Суворов (1729—1800) родился
оскве 13 ноября 1729 г. Отец его, хотя и не принад-
ал к родовитому дворянству, был незаурядной лич-
тью. В возрасте 14 лет он начал службу в долж-
ти денщика и переводчика при Петре I. При Екате-
е I был выпущен лейб-гвардии бомбардир-
жантом, а затем пожалован прапорщиком в Преобр-
женский полк, где продолжил службу до капитана.
д конец жизни достиг высокого положения — стал
ерал-аншефом, членом Военной коллегии, сенато-
м, кавалером Андреевского ордена и орденов Анны
лександра Невского.

Детство Александра Васильевича проходило в деревне и в московском доме в Покровской слободе. Был он мал ростом, хил, тощ, дурно сложен и некрасив, но отличался резвостью, подвижностью и сметливостью. Когда мальчик научился читать, в библиотеке отца, владевшего семью языками, нашлись книги военного и исторического содержания, вызвавшие его особый интерес. Героями юноши стали известные древние полководцы: Александр Македонский, Юлий Цезарь, Барка Ганнибал. Одно время он увлекался победами короля-юноши Карла XII, смело пускавшегося в самые рискованные военные предприятия. Позднее примером героического служения своему отечеству для него стал Петр I, он преклонялся перед гением великого императора.

От природы болезненный, Суворов с юношеских лет закаливал свой организм, занимался физическими упражнениями, любил купаться, лазить по деревьям, играть в лапту и бабки. Отложив в сторону книгу, он садился на резвого скакуна и мчался, не обращая внимания на непогоду.

23 октября 1742 г. «недоросль Александр Васильев сын Суворов» был зачислен солдатом в Семеновский полк. Но пока отец оставил его дома для изучения арифметики, геометрии, тригонометрии, артиллерии, фортификации, военной экзерциции и иностранных языков, о чем каждые полгода сообщалось в канцелярию Семеновского полка. Таким образом, Суворов получил в домашних условиях если не обширное, то во всяком случае систематическое образование. Полученные знания сочетались у него с природным темпераментом, по собственному его выражению, с «быстроправием», а также с набожностью, строгим соблюдением религиозных обрядов, доскональным знанием Библии и всего «церковного круга». 25 апреля 1747 г. Суворов получил свое первое повышение — стал капралом, а в декабре того же года он оставил Москву и отправился в Санкт-Петербург, где «позади Фонтанки, за обывательскими дворами» располагались казармы Семеновского полка.

С поступлением в Семеновский полк у Суворова появилась возможность практического изучения основ воинской службы. Наблюдая русского солдата в его реальной жизни, будущий полководец познавал и открывал для себя характер русского народа. В его натуре укоренились и до последних дней остались луч-

черты русского солдата, о которых справедливо
А. Петрушевский: «...его втянула в себя солдат-
среда. В русской солдатской среде много привле-
ного. Здравый смысл в связи с безобидным
ром; мужество и храбрость спокойные, естествен-
без поз и театральных эффектов, но с подбоем
шего добродушия; умение безропотно довольст-
ься малым, выносить невзгоды и беды так же
о, как обыденные мелочные неудобства. Суворов
русский человек вполне; погрузившись в солдат-
среду для ее изучения, он не мог не понести на
ее сильного влияния. Он сроднился с ней навсег-

уворов заставил себя быть образцовым солдатом:
ю ходил на дежурства, в караулы, тщательно
батывал экзерциции, всегда аккуратно чистил
зывал ружье, безропотно подчинялся дисциплине,
критический ум во всех этих случаях не вступал
тиворечие. Будучи неказистым на вид, он добился
ной выправки, ловко выполнял ружейные при-
и четко отдавал положенные по уставу привет-
. Исполнительный и инициативный, Суворов
кабря 1749 г. был записан в подпрапорщики,
июня 1751 г. произведен в гвардии сержанты.
м звании ему, владевшему французским, немец-
и итальянским языками, поручались «разные
ности и посылки» — с депешами он неоднократно
в Дрездене, Вене и других заграничных городах.
1754 г. императрица Елизавета повелела наибо-
остойных гвардейцев направить в армию офице-
: сержантов — поручиками, унтер-офицеров —
оручиками, капралов и рядовых — прапорщика-
25 апреля Суворов в числе других 34 гвардейцев
чил чин поручика. Военная коллегия определила
Ингерманландский полк, одну из лучших частей
кой армии, предварительно предоставив ему на
домовой» отпуск. После отпуска Суворов недолго
ыл в полку. 4 декабря 1756 г. он в ранге премьер-
ра был определен в «пехотные полки и команды
ал-фельдмаршала Бутурлина», который в свое
я вместе с отцом Александра Васильевича служил
щиках у Петра I.
рмейский офицер Суворов был активным участ-
м Семилетней войны. На первом ее этапе он по-
назначение на должность обер-провиантмейсте-
в Мемеле с поручением снабжать войска, идущие

в Тильзит. В августе 1758 г., будучи уже военным ко
мендантом Мемеля, ему пришлось заниматься фо
мированием батальонов в Лифляндии и Курляндии
Делал он это с большим успехом, за что в октябр
того же года был произведен в подполковники.

Незадолго до сражения при Кунерсдорфе его времен
но направили в бригаду генерал-майора М. Н. Волкон
ского, а затем назначили дежурным офицером при граф
В. В. Ферморе, командовавшем 1-й дивизией. Здесь в ка
честве штаб-офицера он участвовал в деле при Кунерсдор
фе, ставшем первой битвой в его легендарной биографии
Известно, что Суворов состоял в легком отряд
генерала Чернышева, совершившем смелый рейд в
Берлин и некоторое время занимавшем его.

До середины 1761 г. подполковник Суворов оста
вался в 1-й дивизии Фермора «при правлении дивизи
онного дежурства бессменно». *Получив назначение*
в летучий отряд, он с подразделениями казаков и гуса
совершал лихие набеги на регулярные соединения Фри
дриха II, нанося им ощутимые потери и вызывая в н
стане беспорядок. 17 ноября Суворову было поручен
временное командование драгунским Тверским по
ком. Вскоре, во время наступления под Кольбергом
Суворов уже командовал крупным соединением — пр
вой колонной русских войск, состоявшей из трех гуса
ских, двух казачьих и Тверского драгунского полк
Этот опыт оказался удачным. Под деревней Нейгарт
он смело атаковал противника и захватил около сот
пленных. В схватке с пруссаками у деревни Кельц
снова отличился; под ним одна лошадь была убит
а другая — ранена.

Война с Пруссией кончилась для России зимн
кампанией 1761 г. В августе 1762 г. Суворов с деп
шами был послан П. Паниным в Петербург. Вступи
шая на престол Екатерина II в только что отстроен
ном Зимнем дворце приняла отца и сына Суворовы
Как писал впоследствии сам А. В. Суворов, он бы
произведен в полковники следующим собственнору
ным указом императрицы: «Подполковника Алексан
ра Суворова жалуем мы в наши полковники в Ас
раханский пехотный полк»[10].

Во время отбытия царской гвардии в Москву н
коронацию императрицы Астраханскому полку бы
поручена почетная задача: нести в Петербурге караул
ную службу — яркое свидетельство доверия новой им
ператрицы к молодому полковнику.

6 апреля 1763 г. по высочайшему именному указу Суворов был переведен в Суздальский полк. Новый командир в короткий срок превратил его в образцовую воинскую часть, а еще точнее — в новаторскую школу воспитания солдата. Помимо добротного хозяйства, фруктового сада полк имел школу для солдатских детей и построил собственную церковь. Суворов сам проводил уроки, написал учебник арифметики, молитвенник и катехизис.

Командир части требовал беспрекословного послушания от солдат и офицеров, но утверждал, что не строгость, а «умеренное военное наказание, смешанное с явным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние». Самым главным он считал воспитание в нижних чинах нравственного чувства и сознания собственного достоинства.

В Суздальском полку Суворов составил «Полковое учреждение», ставшее дополнением к Пехотному уставу 1763 г. и явившееся прообразом его знаменитой «Науки побеждать». В этом наставлении были подробно изложены все обязанности, которые надлежало неукоснительно выполнять солдату, вплоть до мельчайших и как будто бы незначительных сторон армейского быта.

22 сентября 1768 г. Суворов получил чин бригадира*. Готовясь непрерывно к войне, новый бригадир давно просился на турецкий фронт, где «будет постоже и поотличнее война», но ему в ноябре того же года приказали выступить в Польшу — там начались военные действия против польских конфедератов и турок. Посадив свой полк «на колеса», Суворов по осеннему болотистому бездорожью привел его в Смоленск ровно через месяц, потеряв в пути только одного солдата.

15 мая 1769 г. Суворов был назначен командиром бригады в составе Суздальского, Смоленского и Нижегородского полков. Боевые действия бригады развернулись сначала под Ореховом (вблизи Бреста) против конфедератов, предводительствуемых братьями Пулавскими. «Они стремительно бежали, — заключил Суворов, — их урон был знатен» [11]. Затем его отряд был переведен под Люблин. Удачи на поле боя принесли

* Бригадир — офицерский чин в русской армии (в 1722—1799 гг.), промежуточный между полковником и генерал-майором.

Суворову 1 января 1770 г. звание генерал-майора и несколько позже — орден Св. Анны.

1771 год ознаменовался новыми успехами Суворова. В мае он разгромил в укрепленном местечке Ландскрона двухтысячный отряд конфедератов, которым командовал французский полковник Дюмурье. В первых числах сентября к конфедератам примкнул великий гетман Литвы Огинский, известный талантливый композитор и писатель. Его сильное 4-тысячное войско расположилось в местечке Столовичи, примерно на полпути между Брестом и Минском. Суворову не отводилась главная роль в операции против Огинского. Но всегда инициативный генерал-майор не стал терять время — с отрядом в 882 солдата он скрытно подошел к Столовичам и ночью 12 сентября атаковал поляков. Атака была настолько дерзкой и неожиданной, что увенчалась успехом: Огинский едва спасся бегством, войско его было разбито, казна, имущество и булава гетмана достались русским. «Сражение продолжалось от трех до четырех часов,— вспоминал Суворов,— и вся Литва успокоилась» [12]. Противник потерял более 400 человек убитыми и 300 — пленными, у русских было убито восемь нижних чинов и ранено 3 офицера и 35 солдат. Битва в Столовичах сделала Суворова известным всей Европе — сам Фридрих II обратил на него внимание, советуя полякам остерегаться этого внешне неприметного генерала. За «совершенное разбитие литовского гетмана графа Огинского» Суворов был удостоен ордена Св. Александра Невского.

Важной операцией Суворова в Польше была осада Кракова — там в начале 1772 г. хорошо укрепленный замок был занят крупным отрядом конфедератов во главе с французским бригадиром Шуази. Первый штурм замка оказался неудачным — сказалось отсутствие артиллерии («Артиллерия наша была незнатна» — так образно выразился Суворов). Русские вынуждены были перейти к правильной осаде: подтягивать к замку пушки, копать минные галереи для подрыва стен в момент нового штурма.

Когда все было готово для атаки, Суворов, верный своему принципу избегать лишнего кровопролития, предложил осажденным почетные условия капитуляции. Посланец Шуази начал возражать, тогда «Суворов решился сразу положить конец пустым надеждам и бесплодным затяжкам». Он объявил новые условия, «строже прежних», и добавил, что если Шуази их не

примет, то получит «еще более суровые»[13]. Урок был нят правильно: на следующий же день были согласаны условия капитуляции, и вскоре гарнизон сдал- «Шуази подал свою шпагу Суворову; за ним все альные французские офицеры, в числе восьми. Суров шпаг не принял, обнял Шуази и поцеловал »»[14].

В этом поступке в Кракове со сдавшимся Шуази явилось обычное правило Суворова, которого он ого придерживался всю свою жизнь: щадить плено и ничем не отягощать его участи.

Екатерина была довольна исходом дела, выразив уворову в рескрипте свое благоволение и пожаловав у две тысячи червонцев.

После непрерывных трехлетних походов Суворов овел месячный отпуск в Вильно. А затем сбылось желание — он получил назначение в 1-ю армию, П. А. Румянцеву.

Прибыв на русско-турецкий театр военных дейий, Суворов не замедлил на деле показать свои лководческие способности: 10 мая и 17 июня 1773 г. уществил две победоносные вылазки на Туртукай переправой через Дунай, 3 сентября одержал победу д турками у Гирсова, а в следующем году 9 июня голову разгромил их при Козлудже. Эти победы значительной степени повлияли на исход русско-урецкой войны 1768—1774 гг. и на заключение мира Кючук-Кайнарджи.

В конце 1773 г. Суворов получил кратковременный пуск по вызову своего отца, проживавшего в Москве более 4 лет не видевшего сына. Желая продолжения ода по мужской линии, Суворов-старший предложил -летнему сыну жениться и сам подыскал ему невету — дочь отставного генерал-аншефа князя Прозоовского. Воспитанный в духе послушания старшим, н не противился желаниям отца, которого уважал ставил себе в пример. 18 декабря 1773 г. состоялась молвка, 16 января 1774 г. играли свадьбу.

Писатель Олег Михайлов весьма обоснованно разшлял: «Трудно представить себе пару более неподящую... Ей, способной оценить будущего мужа ль по его наружности, Суворов никак не мог поравиться — сутуловатый, прихрамывающий, маленького роста, с подвижным, но морщинистым лицом, соко поднятыми бровями и неправильным носом, редкими, ставшими скоро седыми волосами. Ни

с внешней, ни с внутренней стороны между ними не было ничего общего. Он — человек глубокого ума, один из образованнейших русских людей своего времени, поразительно начитанный; она — обучавшаяся по часослову. Он — бережливый, иногда до скупости, заклятый враг роскоши; она — не знающая цены деньгам, склонная к мотовству, унаследованному от отца, не привыкшая себе ни в чем отказывать. Он — человек набожный, строго и серьезно относящийся к своим брачным обязанностям; она — по своей легкомысленности кокетливая в мужском обществе, впоследствии будет давать повод к ссорам. Вдобавок оба горячи и вспыльчивы»[15].

Но в самом начале их супружеская жизнь протекала в согласии. В письме к Румянцеву Суворов назвал свой брак «неожиданным благополучием». Однако очень скоро благополучие кончилось.

В том же 1774 г. Суворов был отозван к графу Петру Панину — на подавление крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, принявшей угрожающий для правительства размах. Стремительно прискакав на почтовых с Украины в Поволжье, Суворов включился в борьбу против Пугачева на заключительном этапе восстания и действовал с обычной решимостью: он подчинил себе кавалерию из отряда Михельсона и двинулся по пятам остатков армии пугачевцев. Энергичное преследование их Суворовым во многом повлияло на решение яицких казаков выдать своего предводителя властям. Потом Суворов командовал войсками на Кубани и в Крыму, держал оборону полуострова, организовал переселение из Крыма православных греков и армян, подготавливая тем самым предстоящее присоединение Крыма к России.

К тому времени в семье Суворова начались осложнения. Постоянно занятый служебными разъездами, он иногда по нескольку месяцев не встречался со своей женой. Неожиданно «доброжелатели» донесли ему о ее романе с секунд-майором Санкт-Петербургского драгунского полка Николаем Суворовым, приходившимся великому полководцу внучатым племянником. Потрясенный случившимся, Суворов в сентябре 1779 г. подал в Славянскую духовную консисторию прошение о разводе, которое подтвердил своим письмом к Потемкину с просьбой ходатайствовать перед императрицей «о освобождению его» от уз брака, «коего и память имеет уже быть истреблена». По желанию Суворова его доч

ша по высочайшему повелению была взята от
ри и определена в Смольный институт благород-
девиц.

Царица, в жизни которой мир интимного играл
мную роль, любила «устраивать» частную жизнь
х подданных и была уже хорошо осведомлена
лании Суворова расторгнуть брак... Нет сомнения
м, что сама императрица вмешалась в ссору Суво-
с женою и склонила его к примирению»[16]. По
редписанию Потемкина Суворов вместе с женой в ян-
ре 1780 г. отправился в Астрахань для подготовки
ской экспедиции с целью вернуть России завоеван-
е Петром I земли на южных окраинах Каспия, от-
ные персидскому шаху Надиру при Анне Иоанновн
Идея Каспийского похода не была, однако, осуще-
лена — к ней очень скоро охладели и Потемкин,
Екатерина. Поэтому двухлетнее пребывание в Аст-
хани ничего не добавило к биографии полководца.

В 1782 г. Суворов принял начальство над Кубан-
м корпусом. Здесь ему пришлось приводить в по-
ность ногайцев. Это деликатное дело, несмотря на
чительные затруднения, ему удалось исполнить без
их-либо жестокостей и кровопролития.

В начале 1784 г. в Петербурге Суворов окончатель-
расстался с женой — к этому его вынудили ее новые
мены, ставшие предметом светских разговоров. По-
тки примирения не дали желаемых результатов.
воров проявил характер и силу воли, пойдя на офи-
льный развод. Вскоре после этого он писал Потем-
у: «Служу я... больше 40 лет и почти 60-ти лет одно
желание, чтоб кончить высочайшую службу с ору-
м в руках. Долговременное мое бытие в нижних
х приобрело мне грубость в поступках при чистей-
сердце и удалило от познания светских наруж-
ей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне
ету привыкать. Наука просветила меня в добродете-
ли... Исторгните меня из праздности... в роскоши
ить не могу»[17].

В сентябре 1786 г. Суворов был произведен в гене-
шефы. К началу русско-турецкой войны, в 1787 г.,
исполнилось 58 лет. Выглядел он хилым, но был
ие здоров, крепок, проворен и неутомим. Он лов-
дил верхом, легко переносил бессонницу, голод,
ду, боль и мог трудиться не уставая. И самое
ное — все больше расцветал талант этого выдаю-
ся самобытного полководца. Лучше всего говорят

об этом громкие победы русских войск над турками, одержанные под предводительством Суворова в период 1787—1791 гг. Сражение на Кинбурнской косе, осада Очакова, поражение армии Осман-паши при Фокшанах, разгром войск турецкого визиря Юсуф-паши на берегах Рымника и, наконец, блистательный штурм Измаила — эти яркие страницы полководческой деятельности Суворова не только явились неожиданным сюрпризом для всей Европы, но и стали одной из главных причин, заставивших Турцию подписать с Россией Ясский мирный договор.

Разрыв Суворова с могущественным фаворитом Екатерины II привел к тому, что герой Измаила оказался в опале — по настоянию Потемкина рескриптом Екатерины он был послан в Финляндию «для спознания положений мест для обороны оной». Чтобы продлить фактическую ссылку опального генерал-аншефа, императрица 25 июня 1791 г. уточнила свой рескрипт повелением «вследствие учиненного осмотра границ» построить прилагаемые укрепления». И только 10 ноября 1792 г. Суворов снова отправился на юг России — ему «предпоручались войска в Екатеринославской губернии, Тавриде и во вновь приобретенной области». Его внимание привлекло начавшееся в Польше восстание. Суворов неоднократно просился («хотя бы волонтером») в Польшу. Н. И. Салтыков в Военной коллегии и командующий войсками в Польше генерал Н. В. Репнин, не желая ему новых лавров, всячески этому противодействовали. В то же время военные действия с апреля по август велись нерешительно.

Суворов мучился, просил Румянцева составить ему протекцию. «Я все на мели,— писал он 24 июня 1794 г.— Один вы, великий муж, мне, паки бытие возвратить можете» [18].

Наконец Румянцеву удалось уговорить Екатерину поручить ему общее командование и направить Суворова против польских повстанцев. Среди русских генералов распространилось известие: давая согласие направить Суворова, Екатерина заявила: «Я посылаю в Польшу две армии: одну армию, а другую — Суворова».

Выступив из Немирова, генерал-аншеф в первых числах сентября в районе Кобрина разбил отряд из корпуса Сераковского; конфедераты отступили, оставив русским богатый провиант. Имея отряд в 9 тысяч солдат и офицеров, Суворов преследовал польских повстанцев, настиг их в районе Бреста и разгром

ично, несмотря на то что к этому времени ский корпус насчитывал в своем составе 18 тыс. век. Было захвачено главное корпусное знамя по- в и еще одно — полковое.

Высокие петербургские недоброжелатели Суворова тались ограничить его действия решением част- задачи — занятием Бреста и его обороной. Но оров думал иначе. Он спешил к Бресту не для азейн-вахтерства» (его собственные слова). У него был разработан собственный план окончания вой- в Польше в 40 дней.

К октябрю петербургские военные сановники реши- ли, что военная кампания 1794 г. завершена, и отдали приказ войскам расположиться на зимних квартирах. И после занятия Бреста только Румянцеву Суворов обязан тем, что получил право действовать по-своему именем императрицы требовать подчинения себе русских корпусов Ферзена и Дерфельдена. После этого он двинулся к Варшаве — центру восстания*.

На подступах к Варшаве находилось превращенное крепость предместье Прага. Укрепления его были достаточно надежны, снабжены крупнокалиберной артиллерией, а гарнизон превышал 30 тыс., не считая вооруженных варшавян. Подошедший к Варшаве Суворов после соединения с корпусами генералов

---

* Позже заграничные недоброжелатели Суворова изображали дело так, что русские победили в Польше еще до его приезда. Типичными в этом отношении являются записки о России К. Массона, который успешно делал придворную карьеру (был секретарем у великого князя Александра) до тех пор, пока его не выслал при восшествии на престол Павел I. Тогда Массон стал горячим республиканцем и обличителем русского самодержавия. «Он (Суворов.— *Авт.*),— писал Массон,— поторопился прибыть, чтобы удовлетворить мстительность Екатерины и избить остатки армии, уже побежденной Ферзеном...» (*Массон К.* Секретные записки о России, в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. Т. I. М., 1918. С. 133).

Воспоминания действительных участников военных действий несут последовательность событий иначе. Вот как свидетельствовал об этом Л. Н. Энгельгардт, тогда премьер-майор в корпусе Дерфельдена: «Князь Репнин (главнокомандующий.— *Авт.*) хотел... окончить кампанию, и мы получили от него повеление вступить в квартиры. Но вдруг граф Суворов прислал ордер к Дерфельдену». Суворов потребовал именем ее величества соединиться с ним, чтобы одним ударом поразить гидру мятежа». Попав между двух огней, Дерфельден заколебался. Однако присутствовавший здесь же брат фаворита императрицы В. Зубов настоял на выполнении приказа Суворова, и корпус Дерфельдена выступил (см.: *Энгельгардт Л. Н.* Записки. С. 173—174).

Ферзена, Дерфельдена и П. Потемкина имел в своем подчинении 25 тыс. человек при 86 орудиях. Генерал-аншеф решил штурмом Праги предопределить исход всей кампании. Для успеха дела в полках были срочно изготовлены плетни, фашины и лестницы.

Суворов разработал войскам четкую диспозицию, в которой определял тактику действия — отдельными колоннами; обращал внимание подчиненных на необходимость решительных и настойчивых атак, снова подчеркивал значение прямой рукопашной схватки. «...Без нужды не стрелять,— требовал полководец,— бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски!.. Везде фронт!» [19]

Особенно показательно, что в этом бою, где поистине на карту была поставлена вся его военная карьера (вспомним, что весь высший генералитет, кроме Румянцева, в этом походе был против него), Суворов остался верен своему обычному принципу: врага в бою поражать, но сдавшихся, даже в период штурма, щадить. Подтверждением этого является седьмой пункт диспозиции и ее дополнение.

Суворов приказывает: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать».

Полководец специально разъясняет солдатам значение польских слов «згода» (сдаюсь) и «отруць бронь» (бросай оружие). «Кои положат ружье, тех отделить: вольность! — пашпорты!» [20] — указывает Суворов.

Все эти указания впоследствии сыграли свою роль. Несмотря на кровопролитный штурм, почти 15 тыс. польских солдат и офицеров сдались в плен, и им была сохранена жизнь.

Штурм Праги начался в пять часов утра 24 октября 1794 г. по сигнальной ракете.

Разделившись на семь колонн, войска смело двинулись на укрепления противника. Встреченные картечными выстрелами и сильным ружейным огнем в центре позиции, русские солдаты набросили на глубокие волчьи ямы плетни, перешли по ним препятствия, по лестницам поднялись на вал и овладели неприятельскими батареями. В это же время колонны, действовавшие на флангах, «выдержав перекрестные выстрелы как с батарей, на кои шли, так и с острова на Висле, да из самой Варшавы, под картечным и ружейным огнем, с несказанною твердостию и быстротой перешли ров, опрокинули противников, овладели валом, ударили на

стоявшего за оным конницею и пехотою неприятеля, преодолев сильное его сопротивление, с великим кровопролитием истребили, покрыв все те места его телами»[21].

Войскам шестой колонны под командованием генерала Тормасова в неудержимом штыковом натиске первым удалось овладеть всеми противостоявшими им польскими батареями, ворваться в Прагу и дойти до самого моста.

«Недостанет изречения изъяснить довольно похвалу неустрашимости господ частных начальников,— отмечал Суворов в своей реляции,— мужество командующих колоннами, бодрого рвения штаб- и обер-офицеров и храбрость солдат. Жаркая ревность всех чинов, в сем случае оказанная, неизъяснима; храбрые войски, коими я имею честь командовать, превосходят всякое одобрение. Редко видел я толь блистательной победы, дело сие подобно измаильскому»[22].

Кровопролитный штурм Праги продолжался три часа. По некоторым данным, поляки потеряли 13 тыс. человек в бою, около двух тысяч утонуло в Висле. Примерно 800 человек успели переправиться в Варшаву. 14 680 человек попали в плен, из них Суворов на другой же день не менее 8 тыс. отпустил по домам (в основном это были косинеры-крестьяне и ополченцы-горожане). В ходе штурма погибло и много мирных жителей. Русские потери также были значительны — 580 убитых и 960 раненых.

После штурма Праги устрашенные варшавяне от имени короля запросили мира. Суворов благожелательно встретил депутацию и заявил: «С Польшею у нас войны нет, я не министр, но военачальник: сокрушаю толпы мятежников»[23].

Продиктованные Суворовым условия капитуляции польской столицы были умеренными и гуманными, и польское население приняло их с благодарностью.

Ночью в Варшаве были волнения: желавшие продолжать сопротивление, уходя из города, попытались увести с собой короля и пленных русских, но народ этого не позволил *.

---

* По сведениям секретаря императрицы А. А. Безбородко, «Игнатий Потоцкий был главным тут актером, вооружив народ, предложив новому начальнику Ваврженкому с войском или сдаться, или идти вон из города и не допустив забрать ни короля, ни пленных наших» (РИО. Т. 29. С. 275).

29 октября в 9 часов утра русские войска с барабанным боем и музыкой вступили в Варшаву с распущенными знаменами. Суворов ехал в простом мундире. Магистрат, купечество и мещане поднесли ему хлеб-соль и ключи от города. Русский полководец принял их и поцеловал. Собравшийся на улицах народ в большинстве приветствовал русских. Громче всего звучали крики: «Виват Екатерина!», «Виват Суворов!» *

Однако не эти пышные торжества остались навсегда в памяти многих русских офицеров и солдат. Когда пять лет спустя, во время Итальянского похода, на обеде, который давал Суворов офицерам, полководец спросил майора Корфа, своего старого боевого соратника, что ему запомнилось больше всего за его военную жизнь, тот ответил: освобождение русских пленных в Варшаве. «Я видел,— сказал он,— как с них снимали оковы и как они изливали свои чувства в объятиях своего спасителя»[24].

Освобождение прежде закованных пленных произвело сильное впечатление и на самого Суворова. «Зрелище при свидании их с нами было не только слезное и чувствительно, но важно и нечто священное. Они с радостными слезами называли собратию избавителями, кидались обнимать победителей врагов...»[25]

Были освобождены находившиеся в плену три русских генерала и 1376 офицеров и солдат. Кроме того, свободу получили три русских советника из посольства в Варшаве, а также «все чины, бывшие при посольстве, захваченные противу прав в неволю».

Вместе с русскими были освобождены от оков и отпущены 500 пленных пруссаков и 80 австрийцев.

«Таким образом,— с удовлетворением рапортовал Суворов Румянцеву,— порученное мне дело выполнено во всей его силе в сорок четыре дни со вступления войск со мною в Польшу, кроме 29 дней, что принужден я был остановиться в Бржесте (Бресте.— *Авт.*)»[26].

---

* Денис Давыдов так комментировал это событие: «Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших местью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстромом в эпоху вероломного побоища русских. Полки, наиболее тогда пострадавшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить свое мщение. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова» (*Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 168).

Взятие Варшавы обычно недооценивается в литературе. Как правило, приводится знаменитое донесение Суворова «Ура! Варшава наша!» и ответ Екатерины «Ура! Фельдмаршал Суворов!». Между тем история производства Суворова в фельдмаршалы гораздо сложнее. Во-первых, нужно четко представить, что означало для русских людей XVIII в. взятие Варшавы — это было взятие русскими первой европейской столицы (кратковременное занятие легкими войсками во время Семилетней войны Берлина не в счет — его и не пытались удержать). Во-вторых, Екатерина обычно тщательно соблюдала очередность награждения и производства в следующий чин. А по старшинству Суворову чин фельдмаршала пришлось бы получить после девяти генерал-аншефов, произведенных ранее (и в их числе таких влиятельных, как Н. И. и И. П. Салтыковы, Н. В. Репнин, Ю. В. Долгоруков).

Оценив все это, Екатерина заранее написала рескрипты о производстве Суворова и со своим ближайшим сотрудником Безбородко тайно стала готовить посылку этих документов. Об этом достаточно откровенно свидетельствует переписка А. А. Безбородко *с его приятелем А. Р. Воронцовым.*

Так, уже по получении известия о взятии Праги Безбородко писал: «Ваше сиятельство признаете, что не напрасно поручили фельдмаршалу Румянцеву дирекцию польских дел и не напрасно выбрал он графа Суворова исполнителем... Секретно положено, по получении формального о Варшаве известия, послать графу Суворову чин фельдмаршала... Графу Румянцеву полагают дать в новых провинциях знатную какую-либо посессию. Всего страннее, что граф Николай Иванович (Н. И. Салтыков.— *Авт.*) не в конфиденции по сим двум пунктам и думает еще, что Суворова сделают только генерал-адъютантом; но когда меня спросили, я сказал прямо, что, взяв столицу, есть ли бы меня не сделали фельдмаршалом, несмотря на старшинство домоседов, я бы счел за несправедливость»[27].

Официальное известие в Петербург о взятии Варшавы от Румянцева пришло 19 ноября, императрице были преподнесены ключи капитулировавшего города. На следующий день в дворцовой церкви состоялся благодарственный молебен с пушечной пальбой. Видимо, тогда и был отправлен Суворову долгожданный рескрипт. Среди офицеров распространилось известие,

что Екатерина при этом написала: «Вы знаете, что я не произвожу никого через очередь... но вы, завоевав Польшу, сами сделали себя фельдмаршалом»[28].

В октябре 1795 г. по вызову императрицы Суворов прибыл в Петербург. Несколько месяцев он вел неприятную для него придворную жизнь. В январе 1796 г. ему были подчинены все воинские соединения Вроцлавской, Вознесенской, Екатеринославской, Харьковской губерний и Таврической области. Во второй половине марта фельдмаршал охотно покинул столицу. К тому времени окончательно сложилась его «Наука побеждать» — знаменитая инструкция по тактическому обучению войск, являвшаяся одновременно солдатской памяткой.

«Наука побеждать» создавалась полководцем всю жизнь, ее отличали патриотическая направленность и бесконечная вера Суворова в морально-боевые качества русского солдата и офицера. Она относительно легко запоминалась, потому что излагалась простым, доходчивым, понятным солдату языком. Вот ее образец:

«Солдат во фронте на шагу строится по локтю; шеренга от шеренги три шага; в марше — два...

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишулится, а штык не обмишулится. Пуля — дура, а штык — молодец! Коли один раз! Бросай басурмана со штыка! — мертв на штыке, царапает саблей шею. Сабля на шею — отскокни шаг, ударь опять! Коли другого, коли третьего! Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше.

Береги пулю в дуле! Трос наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун.

В атаке не задерживай! Для пальбы стреляй сильно в мишень. На человека пуль двадцать, купи свинца из экономии, немного стоит. Мы стреляем цельно. У нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии, разве меньше десятого заряду.

Фитиль на картечь! — Бросься на картечь! — Летит сверх головы. Пушки твои, люди твои! Вали на месте! Гони, коли! Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать, они такие же люди.

Умирай за Дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший дом! — Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат не разбойник.

Святая добычь! Возьми лагерь! — все ваше... Без приказа отнюдь не ходи на добычь!»[29]

Суворовская «Наука побеждать» в век палочной дисциплины и жестокой муштры давала возможность вчерашнему крепостному крестьянину почувствовать себя в армии личностью, поверить в собственные силы, понимать свой маневр, дорожить национальным самосознанием и в результате — всегда быть морально и физически готовым сразиться с любым, самым сильным противником.

Следует, однако, отметить, что суворовские афоризмы оказывали на русских солдат неотразимое действие не сами по себе, а в сочетании с его легендарной личностью. Ведь Суворов в отличие от других генералов даже в высоком чине генерал-аншефа сражался в рукопашном бою среди солдат и иногда был в самых первых рядах (вспомним, когда под ним убили лошадь, солдатский крик: «Ребята, генерал остался впереди!»).

Когда же другой генерал попробовал обращаться к солдатам в суворовском стиле («чудо-богатыри» и т. д.), они, по воспоминаниям одного из очевидцев, встретили его речь смехом.

О впечатлении, какое производил Суворов на солдат и на простой народ, оставил свидетельство Денис Давыдов, будущий партизан 1812 года. Еще ребенком в военном лагере (его отец был полковником, командиром Полтавского полка) он услышал о неожиданном приезде Суворова, назначившего учение.

«Я помню,— писал Давыдов,— что покойная мать моя и все жившие у нас родственники и знакомые, лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живого в доме и в селе, собиралось, спешило и бежало туда, где остановился Суворов, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на любимого героя, на нашего боевого полубога...

До рассвета войска выступили из лагеря, и мы спустя час по их выступлении поехали вслед за ними в коляске. Но угонишься ли за конницею, ведомой Суворовым? Бурные разливы ее всеминутно уходили от нас из виду, оставляя за собою один гул. Иногда между эскадронами, в облаках пыли, показывался кто-то скачущий в белой рубашке, и в любопытном народе, высыпавшем в поле... вырывались крики: «Вот он, вот он! Это он, наш батюшка, граф Александр Васильевич!» Вот все, что мы видели и слышали»[30].

Следует заметить, что Суворов командовал армией крепостнической России, и ее феодальные порядки в ряде случаев сдерживали его в выдвижении талантливых офицеров (в отличие, например, от Франции после 1789 г.). Сподвижники Суворова приводят такой эпизод. Во время Итальянского похода полководец обратил внимание на инициативного и храброго унтер-офицера и представил его к производству в офицеры. Однако в ответе из Петербурга он получил отказ — этот унтер был не дворянин и не выслужил срочных лет.

Суворов в негодовании вырвал эту бумагу-отказ из рук офицера своего штаба, бросил на пол и с горечью сказал: ««Боже мой! Я начальник армии и не могу быть ее отцом и благодателем. Дарование в человеке есть бриллиант в коре. Отыскав его, надобно тотчас очистить и показать его блеск... Родимая Россия! Сколько из унтеров возлелеяла ты героев!» Весь этот день граф был скучен и сердит» [31].

Между тем жизнь уготовила Суворову новый крутой поворот. В начале ноября 1796 г. в Тульчин, где находился штаб Суворова, поступило известие о неожиданной кончине Екатерины II и восшествии на престол императора Павла I. Перед Суворовым встала трудноразрешимая задача: как поступить правильно?

Дело в том, что императрица не любила Павла и желала видеть своим преемником любимого внука Александра. В этом духе ею было составлено тайное завещание (по некоторым сведениям, его должны были объявить народу в конце ноября — в Екатеринин день или к 1 января), передававшее престол внуку Александру, минуя его отца, Павла I. Существуют свидетельства, что в число людей, гарантировавших выполнение этого, Екатериной был избран и Суворов. Но он был далеко на Украине, а в Петербурге остальные гаранты смалодушничали или (как Безбородко) прямо изменили воле Екатерины и перешли на сторону Павла. Теперь выбор нужно было делать Суворову. Он мог рискнуть и, используя любовь и преданность ему войск, выступить против Павла, но это было тяжелое решение.

Обычно в литературе проблему взаимоотношений Суворова и Павла сводят к неприятию великим полководцем прусских нововведений императора. Приводят остроты Суворова («Букли не пушки, коса не тесак, и сам я не немец, а природный русак»). Все это было,

но, как видим, вопрос был глубже и сводился к следующему: кому царствовать в России?

Переписка Суворова с его доверенным лицом, родственником Д. Хвостовым, полна намеков: Суворов раздумывает, приемлем ли для России военный переворот. И приходит к выводу о невозможности стать на этот путь.

«Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил»,— пишет он 6 января 1797 г. (подчеркнуто нами.— *Авт.*).

«Я, Боже избавь, никогда против отечества»,— утверждает он 10 января 1797 г. И наконец, 12 января заключает: «Говорю для войск, ныне поздно»[32].

Существует рассказ, что некоторые офицеры пытались уговорить Суворова выступить, намечали и план восстания*. Но при попытке заговорить с ним на эту тему офицера его штаба полковника А. М. Каковского он вскочил и прервал того на полуслове: «Молчи, молчи — не могу. Кровь сограждан!»[33]

Не дремал и Павел. Боясь авторитета Суворова среди войск, он, с одной стороны, начинает выводить отдельные части из-под командования полководца, а с другой — направляет благожелательный рескрипт, намекая, что не будет ставить ему в вину прошлое («кто старое помянет»), и приглашает приехать на коронацию.

В этих условиях Суворов в своей переписке усиливает критическую оценку нововведений Павла (его рассуждение о вшивости пруссаков, порочности прусской стратегии и т. д.) и подает императору сначала (11 января 1797 г.) просьбу об увольнении «на сей текущий год» «в мои здешние кобринские деревни», а затем еще более резкое прошение. 6 февраля Павел в своем приказе объявил: «Фельдмаршал граф Суворов отнесся к Его Императорскому Величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы»[34].

В апреле 1799 г. Суворов с группой офицеров удалился в свое кобринское имение, однако на этом его

---

* Правда, Т. Г. Снытко, введший впервые эти материалы в научный оборот, рассматривал деятельность этих офицеров и позднее их организацию в Смоленске как «преддекабристскую». Более сомнительное толкование их настроений как оппозицию крайностям павловского режима см.: *Сафонов М. М.* Суворов и оппозиция Павлу I // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 127—134.

злоключения не кончились. По свидетельству графини В. Н. Головиной, во время коронационных торжеств в Москве к Павлу поступил донос на Суворова. Написал его человек очень «ограниченный, но очень гордый» и «сверх того сплетник, не лучше старой бабы».

Доносчик сообщал старому недругу Суворова Н. В. Репнину, «будто фельдмаршал волновал умы», и дал ему понять, что готовится бунт. Репнин «не мог отказать себе в удовольствии подслужиться и повредить фельдмаршалу, заслугам которого он завидовал» [35].

О доносе Репнин поспешно доложил императору. В результате в кобринское имение Суворова был прислан специальный чиновник Тайной экспедиции, который, не дав ему как следует собраться, увез полководца в Новгородскую губернию, а последовавшие за Суворовым под Кобрин офицеры были арестованы.

О Кончанском захолустье, месте ссылки, обычно пишут следующее: верный своим привычкам, Суворов вел там спартанский образ жизни, ежедневно купался, регулярно ходил в церковь, читал там «Апостол», пе на клиросе, в нижнем белье ходил по деревне и част играл с крестьянскими детьми.

Но при этом упускается, что Суворов много чита и по газетам следил за событиями в мире. Част уединяясь в небольшой домик, построенный ему окол села, он изучал «ход европейских войн по всем тамош ним заграничным газетам и заблаговременно обдумы вал все, что нужно делать его любезному отечеству Будучи под надзором, Суворов не оставлял своей е кой иронии. По записанным позднее местным пред ниям, он говорил, «что ежели на Руси фельдмаршал и играют в бабки, то это потому, что у ней их избыто чего ради они и должны же по деревням что-нибуд делать» [36].

Опала Суворова, имевшего огромную популя ность в народе и особенно в армии, вызывала нежел тельные разговоры и пересуды. Павел решил поп таться вновь привлечь Суворова ко двору. Он посл к ссыльному фельдмаршалу своего флигель-адъюта та, 19-летнего Андрея Горчакова, приходившегося пл мянником Суворову, с приглашением последнему пр быть в Петербург. Отставной полководец принял э неожиданную «милость» монарха равнодушно и сн чала отказался от поездки в столицу. Но Горчако страшась царского гнева, уговорил упрямого стари

встретиться с императором. Однако, будучи натурой цельной и принципиальной, Суворов не мог согласиться с тем, что делает Павел I. Он не одобрял настойчивости императора ввести в армии прусские порядки, не могло нравиться ему и упорное стремление государя устранить из русской жизни все, что было сделано Екатериной II.

О пребывании Суворова в Петербурге сохранилось яркое свидетельство графини В. Н. Головиной*. «Ничто не представляло более сильного контраста,— вспоминала она,— как присутствие этого сурового солдата, одно имя которого внушало доверие в армии и уважение в Европе, среди безумства и слабостей, резко характеризовавших двор. Странно было видеть среди бального шума Суворова, убеленного сединами, с худощавым лицом, которое, по-видимому, носило еще следы только что испытанной тяжелой ссылки, а также императора, любезно разговаривающего то с ним, то с молодой девушкой, вовсе ничем особенно не выдающейся»[37].

В конце концов император нехотя удовлетворил настоятельную просьбу старого полководца — разрешил ему удалиться в свое Кончанское. Хотя поездка в Петербург и не принесла Суворову заметного удовлетворения, но она имела и свою положительную сторону. Теперь унизительный гласный надзор за фельдмаршалом был отменен.

Однако Павел не прощал ему оппозиции своему режиму. Явно по наущению императора на опального полководца готовились миллионные начеты якобы за неправильно растраченные в его войсках суммы. Видимо, с этим было связано желание Суворова удалиться в монастырь. В декабре 1798 г. он написал Павлу I: «Ваше императорское величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный государь»[38].

На юге Европы в это время пылала новая война. Внимательно наблюдая за успехами республиканской Франции, Суворов говорил о молодом Бонапарте: «Далеко шагает мальчик! Пора унять...»

---

* Головина относит эту сцену ко второму приезду Суворова, в феврале 1799 г., однако Суворов вынужден был посещать дворцовые церемонии именно в феврале 1798 г.

Австрийский император попросил русского полководца взять в свои руки судьбы Австрии и Италии. Суворов все еще был нужен.

Павел I с одобрением встретил просьбу императора Иосифа. В феврале 1799 г. последовал высочайший рескрипт, которым император по настоятельному ходатайству венского двора поручал Суворову начальство над австро-русской армией в войне против Франции.

Суворов принял это предложение. И тут же распорядился: «Час собираться, другой отправляться... Взять на дорогу денег 250 рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтобы такую сумму поверил, потому что я еду не на шутку; да я же тут служил за дьячка и пел басом, а теперь буду петь Марсом» [39].

Итальянский и Швейцарский походы Суворова стали легендой — они увенчали полководца новой славой. Павел I отмечал в октябре 1799 г.: «Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов отечества, недоставало вам одного рода славы — преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх...» [40]

В ознаменование заслуг Суворова Павел пожаловал ему титул князя Италийского и звание генералиссимуса. В рескрипте от 29 октября 1799 г., которым объявлялась эта награда, император указывал: «Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высший степень, чести и геройству представленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков» [41].

Решено было при жизни Суворова поставить ему памятник в Петербурге (в те времена в столице стоял только один монумент — Петру I, сооруженный Екатериной II в 1782 г.) и устроить полководцу небывало торжественную встречу.

Однако милости Павла продолжались недолго. Суворов опять вызвал его подозрения: независимый характер полководца никак не вписывался в царствование капризного и переменчивого императора.

20 марта 1800 г. Павел отдал высочайший приказ-выговор по армии о том, что вопреки принятому императором уставу Суворов во время похода имел дежурного генерала, «что и делается на замечание всей армии» *.

---

* Исторические романисты и историки-специалисты до сих пор спорят о том, что было непосредственной причиной гнева императора. Так, по мнению писателя Олега Михайлова (см. книгу «Суворов», вышедшую за последние годы десятью изданиями), опала была

Еще в дороге Суворову стало известно о гневе на него императора; для престарелого полководца это было сильным моральным ударом. В Петербург он вернулся совершенно больным. 6 мая Суворов скончался.

Похороны великого национального полководца стали крупным событием общественной жизни России. Поэт Константин Симонов, воспроизведя картину похорон генералиссимуса, писал:

Вдоль долгих улиц гроб несли.
На бархате ряды регалий,
Оркестры медным шагом шли,
Полки армейские шагали.
Чтоб этим оскорбить хоть прах,
В эскорт почетный, против правил,
В тот день заняв их на смотрах,
Полков гвардейских не дал Павел.
Ну, что ж! Суворов, будь он жив,
Не счел бы это за обиду;
Он, полстолетья прослужив,
Привык к походному их виду,
Он с ними не один редут
Взял на веку. И, слава Богу,
За ним в последнюю дорогу
Армейские полки идут [43].

искусственно вызвана боявшимися авторитета Суворова заговорщиками против Павла, «стараниями русских немцев» (*Михайлов О. Н.* Избранное. Т. 1. С. 462). Слабость этих утверждений очевидна: против Павла выступали не только «русские немцы» (вспомним, что первый удар императору при его убийстве нанес не кто иной, как зять Суворова, Н. Зубов!), а сам заговор сложился только через полгода после смерти полководца. Да и никто не доказал, что Суворов стал бы защищать Павла.

Среди историков также нет единого мнения. М. М. Сафонов в интересной статье «Суворов и оппозиция Павлу I» объясняет опалу связями Суворова с зубовским кланом и оппозиционной деятельностью офицеров — бывших соратников полководца. В целом это правильно, но встает вопрос: что же конкретно произошло в марте 1800 г.? Статья не дает на это ответа, а официально объявленную причину автор считает вздорной (*Сафонов М. М.* Указ. соч. С. 127).

Еще в 1902 г. Е. Шумигорский высказывал следующее никем не опровергнутое мнение: «Негласною причиною немилости можно предполагать возбужденное недоброжелателями Суворова самолюбие Павла, оскорбленного признанием Суворова, что артиллерийская, квартирмейстерская и провиантские части находились в австрийской армии в лучшем состоянии, чем в русской: в Суворове он опять (подчеркнуто нами.— *Авт.*) увидел екатерининского генерала, противника его преобразований, а между тем недоброжелатели Суворова при дворе вовремя напомнили государю, что он был в родстве с Зубовыми, находившимися в опале» (*Шумигорский Е.* Павел I // Русский биографический словарь. Т. 14. СПб., 1902. С. 55) [42].

Улицы Петербурга, по которым следовал траурный кортеж, были заполнены народом, пришедшим проститься с Суворовым*. Очевидец описываемых событий графиня Головина свидетельствовала: «Погребальное шествие прошло мимо моего дома. Никогда зрелище не было для меня более трогательно. На лицах всех военных запечатлено было выражение самой глубокой горести. По тротуару улиц толпились люди всех слоев общества, и многие из них становились на колени».

Когда возникли затруднения, как пронести гроб по узкой лестнице, распорядители похорон стали совещаться. «Тогда гренадеры, служившие под командой Суворова, подняли гроб, поставили его себе на головы и при возгласе «Суворов должен везде пройти!» снесли его до места назначения»[44].

Прах Суворова был захоронен в Нижней Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге. На надгробной плите могилы генералиссимуса краткая, но выразительная надпись: «Здесь лежит Суворов».

О Суворове написано много**. Замечательно точную характеристику оставил русский военный деятель и историк XIX в. Д. А. Милютин: «Суворов по природе был, можно сказать, типом Русского человека: в нем выразились самыми яркими красками все отличительные свойства нашей национальности... Обожаемый солдатами, прославляемый народом, Суворов имел и фанатичных поклонников, и строгих судей, и непримиримых врагов... В пасквилях, выходивших во Франции и частию в Германии, представляли Русского полководца каким-то полудиким варваром, гением раз-

---

* Следует отметить, что и Павел в атмосфере всеобщей скорби заявил родственникам Суворова, что «он наравне с Россиею и с ними разделяет скорбь о потере великого человека». Он лично выехал навстречу траурному кортежу. По свидетельству Л. Н. Энгельгардта, Павел объявил в русской армии трехдневный траур в память Суворова.

** Время дает свою беспристрастную оценку всем деятелям прошлого. Ныне, когда о Суворове опубликованы, кажется, все имеющиеся материалы, его образ по-прежнему велик. Оправдываются слова русского военного гения, сказанные им по поводу на объективности Дюмаса: «У этого наемника историка два зеркала одно увеличительное для своих, а уменьшительное — для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба, и выставит свое, в котором мы не будем казаться пигмеями» (*Фукс Е. Б.* Анекдоты князя Италийского графа Суворова-Рымникского. С. 35).

рушения, кровожадным, жестоким; сделали из него пугало для детей»[45].

Часто писали о Суворове и поэты. Известны посвященные ему возвышенные стихи русского поэта Г. Державина. Но нам представляется, что образ выдающегося русского полководца лучше всего передан следующим стихотворением А. С. Шишкова, написанным в форме эпитафии покойному:

Остановись прохожий!
Здесь человек лежит, на смертных непохожий:
На крылосе в глуши с дьячком он басом пел,
И славою как Петр иль Александр гремел.
Ушатом на себя холодную лил воду,
И пламень храбрости вливал в сердца народу.
Не в латах, на конях, как Греческий герой,
Не со щитом златым, украшенным всех паче,
С нагайкою в руках, и на козацкой кляче,
В едино лето взял полдюжины он Трой.
Не в бро́ню облечен, не на холму высоком,
Он брань кровавую спокойным мерил оком,
В рубахе, в шишаке, пред войсками верхом,
Как молния сверкал, и поражал как гром.
С полками там ходил, где чуть летают птицы.
Жил в хижинах простых, и покорял столицы.
Вставал по петухам, сражался на штыках;
Чужой народ его носил на головах.
Одною пищею с солдатами питался.
Цари к нему в родство, не он к ним причитался*.
Был двух Империй вождь; Европу удивлял;
Сажал Царей на трон, и на соломе спал[46].

Григорий Александрович Потемкин (1739—1791) родился в селе Чижово, близ Смоленска, в семье мелкопоместного дворянина и рано остался без отца. Воспитывался матерью в Москве, где посещал частное учебное заведение в Немецкой слободе. Поступил в Московский университет и в июле 1757 г. в числе лучших 12 студентов был представлен императрице Елизавете Петровне, но потом заленился и был исключен из университета «за нехождение». Записанный

* *После освобождения от французов Пьемонта сардинский король* возвел Суворова в княжеское достоинство своего королевства с титулом кузена короля. Павел I согласился на это и разъяснил полководцу, что «чрез это он (Суворов.— *Авт.*) и ему войдет в родство, быв единажды принят в одну царскую фамилию, потому что владетельные особы между собою все почитаются роднею».

в рейтары конной гвардии еще в 1755 г., при Петре III он стал вахмистром.

Обычно обращают внимание на то, что 28 июня 1762 г., в день дворцового переворота, Екатерина обратила внимание на 22-летнего вахмистра конногвардейского полка Григория Потемкина. Хорошо сложенный, пышущий здоровьем, он на огромном жеребце рыжей масти находился в передней цепи конногвардейцев, выстроенных на площади перед Зимним дворцом для встречи новой императрицы. Екатерина сошла с крыльца, ей подвели белоснежную породистую лошадь, она легко вскочила в седло, выхватила из ножен шпагу и... растерялась — на ней не было темляка*. Тогда из строя конногвардейцев стремительно вылетел Потемкин, подняв жеребца на дыбы, сорвал у себя с палаша темляк и вручил его императрице. Екатерина ласково поблагодарила находчивого вахмистра, спросила фамилию и запомнила ее.

В действительности все было сложнее. В момент воцарения Екатерины для Потемкина громадное значение имела его дружба с братьями Орловыми, которые были одной из пружин переворота. Через них Потемкин был известен Екатерине, в ее пользу он убеждал выступить своих сослуживцев-конногвардейцев. Сразу же после переворота Екатерина сообщала С. Понятовскому: «В конной гвардии двадцатидвухлетний офицер Хитрово и семнадцатилетний унтер-офицер Потемкин направляли все благоразумно, смело и деятельно»[47].

И здесь главное не то, что Екатерина не знает точного возраста Потемкина и называет его унтер-офицером, а то, что она уже знает его фамилию и его роль. О степени доверия Екатерины и Орловых к силачу-конногвардейцу свидетельствует тот факт, что Потемкин входил в очень ограниченный круг особо доверенных лиц, отправившихся в Ропшу для охраны свергнутого императора. Известно и то, что Потемкин присутствовал при смерти Петра III, впрочем, непосредственного участия в убийстве он, кажется, не принимал.

Тем не менее это событие связало Потемкина как бы круговой порукой с главными руководителями и

---

* Темляк — кожаный ремень (или тесьма) в форме петли с кистью на конце, носимый на рукоятке сабли, шашки, шпаги и палаша. В бою надевался на запястье и служил для надежного удержания холодного оружия.

рота и во многом способствовало его успешной ере (не говоря уже о награждении его Екатериной ием камер-юнкера и 400 душами крепостных).

е покидая военной службы, в 1763 г. Потемкин помощником обер-прокурора Синода. В Комис- 1767 г. по составлению нового Уложения он был купом депутатов от иноверцев и одновременно со- ял членом духовно-гражданской комиссии, но ни- себя не проявил. В 1768 г. Потемкин был пожало- камергеры двора и отчислен из конной гвардии. днако роль простого камергера при дворе Екате- не могла удовлетворить честолюбивого Потем- , поэтому в 1769 г. он отправляется на турецкую у «волонтиром», т. е. добровольцем. Его ратная ба проходила в армии Румянцева. Был он честен, в и храбр, не раз ходил в кавалерийскую атаку, овал *собственной жизнью. Весну 1770 г., в возрас-* 0 лет и в звании генерал-майора, он встретил ндиром бригады, в которую входило два кирасир- полка. Румянцев в реляции Екатерине от 9 сентяб- 770 г. писал: «Ваше Величество видеть соизволили, ько участвовал в действиях своими ревностными игами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй й воли везде употребиться»[48].

Осенью того же года Григорий Александрович по- л продолжительный отпуск и отправился в Петер- , питая надежду приблизиться к хозяйке Зимнего ца. Но в то время добиться желаемого ему не ось, он получил только позволение вступить чную переписку с высочайшей особой.

ернувшись в армию, Потемкин продолжал прохо- суровую школу войны под руководством самого янцева. Он не раз побывал со своими кирасирами упаем — налетит на турецкий лагерь, ударит неожи- о, порубит янычар и вернется обратно. В 1771 г. емкин получил звание генерал-поручика. Он на- *чиво делал свою карьеру в армии при поддержке* ерины. В июне 1773 г. императрица в переписке льтером с удовольствием сообщала своему знаме- му корреспонденту о подвигах Потемкина в сра- иях против турок. В своих письмах Екатерина пи- генерал-поручику, чтобы он напрасно не рисковал й жизнью.

декабре 1773 г. она позвала его в Петербург. Ей ен был человек, на которого можно опереться,

который мог бы стать ее настоящим сподвижником в преодолении трудностей, возникавших каждый день чуть ли не на каждом шагу. Незаурядный ум и острая наблюдательность подсказали Екатерине, что таким человеком может стать Григорий Потемкин.

1 февраля 1774 г. Потемкин прибыл в Петербург. Он, конечно, догадывался, зачем его пригласила Екатерина. Но когда она предложила ему «навестить ее, одинокую вдову» на даче Елагина, где оставалась одна с прислугою, он неожиданно возмутился и написал ей грубую записку, в которой смело заявил, что у нее уже перебывало пятнадцать мужчин, что честь ему дорога и что шестнадцатым он быть не желает.

Существует версия, что это дерзкое письмо Потемкина было известно его современникам и первым биографам светлейшего князя. Как бы там ни было, но ответ самой императрицы на столь неучтивый выпад Потемкина против царствующей особы женского пола давно стал достоянием историков — он опубликован в «Записках императрицы Екатерины II» под откровенным названием «Чистосердечная исповедь».

В этом интереснейшем письме к князю Потемкину, датированном «около 1774», Екатерина признается, что у нее было «изволишь видеть, не пятнадцать, но третья доля из сих», т. е. всего только пять мужчин — Сергей Салтыков, собственный муж, Станислав Понятовский, Григорий Орлов и Васильчиков. Потемкин, таким образом, становился не шестнадцатым, а только шестым ее фаворитом. Далее она оправдывается: «...Бог видит, что не от распутства, к которой никакой склонность не имею, и естьлиб я в участь получила смолода мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась, беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви...» В заключение Екатерина предлагает свое одинокое сердце Потемкину: «...но напрасно я сие к тебе пишу, ибо пос. того *возлюбишь или не захочешь в армию ехать* боясь, чтоб я тебя позабыла, но, право, не думаю, что такое глупость зделала, а естьли хочешь на век мн к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы как и любви, а наипаче люби и говори правду»[49].

Свидание на даче Елагина состоялось. После этого Григорий Потемкин получил «постоянную прописку» в Зимнем дворце на правах всесильного фаворита им ператрицы. Ему шел в то время 35-й год, Екатерина была старше на 10 лет. Почти одновременно он стал

рал-адъютантом, членом Государственного совета
однополковником лейб-гвардии Преображенского
ка. Иностранные послы, внимательно наблюда-
за всем, что происходило во дворце, не преми-
назвать Потемкина «самым влиятельным лицом
ссии».

го появление при дворе Екатерины не на шутку
пугало «малый двор»: Павел и его первая супруга,
Наталья Алексеевна, совсем растерялись и обратились
ветом к своему покровителю Н. И. Панину. По-
ний фактически был уже не у дел, но все же успо-
л молодых супругов, убедив их в том, что «новый
тизан не враждебен их дому». В данном случае
ин был прав — Екатерина выдвинула Потемкина
все как свежую силу, способную нейтрализовать
ждующие придворные партии (братья Орловы
братья Панины) и действовать только в интересах
ударства.

И действительно, теперь ни одно более или менее
езное государственное дело не проходит мимо По-
кина. Став в 1774 г. вице-президентом Военной
легии, он помогает Румянцеву воевать с турками —
ылает подкрепления, не мешая ему при этом прояв-
ь свою полководческую инициативу. Екатерина
нимает к исполнению его советы в устранении по-
дствий выступления Пугачева, в ликвидации Запо-
жской Сечи. В 1776 г. он становится генерал-губер-
ором Новороссийской, Азовской и Астраханской
ерний. Здесь Потемкин проявил кипучую деятель-
ть — освоение и возрождение Северного Причерно-
рья связано прежде всего с его именем. В 1783 г.
ле присоединения к России Крыма он получает
ул светлейшего князя Таврического.

С 1784 г. Потемкин — президент Военной коллегии.
осуществлял общее руководство строительством
лодого Черноморского флота. В русско-турецкой
не 1787—1791 гг. ему был доверен пост главноко-
дующего русской армией. Военные реформы — одна
безусловных заслуг Потемкина, а многие изречения
о дополняют боевые афоризмы Суворова. Он смело
одил изменения в вооружение, одежду и повседнев-
й обиход солдат и офицеров, выступая против не-
жной, показной и обременительной для службы кра-
ты в их обмундировании. Потемкин писал по этому
воду: «В Россию, когда вводилось регулярство, во-
ли офицеры иностранные с педантством тогдашнего

времени; а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и проч. Занимая себя таковою дрянью, и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полорование и лощение предпочтено доброте; а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать нельзя лучше к угнетению солдатов, тем паче что он, взят будучи из крестьян в 30 почти лет возраста, узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее белье и пропасть вещей, век сокращающих»[50].

У Потемкина было полное единодушие с Суворовым в вопросе необходимых экзерциций и воинского обучения подчиненных вообще. Он требовал «обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению. Унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями... наиболее отличать прилежных и доброго поведения солдат, с чего родится похвальное честолюбие, а с ними и храбрость». Здесь уместно заметить, что сам Потемкин, лишенный барского самодурства, позволял себе иногда бить по физиономии некоторых генералов и высоких сановников.

Сложный и не всегда однозначный характер носили отношения Потемкина с его великим современником — Суворовым.

Потемкин и Суворов на боевом поприще впервые вместе оказались в мае 1773 г., когда генерал-майор Суворов просил генерал-майора Потемкина поддержать его поиск на Туртакай и поддержки фактически получил. Когда в июле предполагалось назначение Суворова под начальство уже генерал-поручика Потемкина, Суворов стал умолять*: «Гром ударил, мне сего не воображалось. Прошу иного»[51].

Позже Румянцев изменил свое решение, и Суворов был назначен командовать Гирсовским постом. И позднее отношения Потемкина и Суворова были не всегда гладкими (вспомним хотя бы осложнения по

* Обычно это письмо рассматривают только как стремление Суворова к самостоятельному командованию, забывая весьма критические оценки некоторыми современниками (например, генерал-аншефом Ю. В. Долгоруковым) порядков в частях Потемкина.

овом и после штурма Измаила). Но в целом
но согласиться с современным исследователем
проблемы В. С. Лопатиным в том, что обычно
ин поддерживал русского военного гения*
их судьбы неразрывны в нашей истории»[52].
ельно, например, что когда Екатерина после
ской победы Суворова колебалась, награ-
полководца орденом Св. Андрея Первозван-
том, что он достоин, сомнений у императрицы
ило, смущали возможные обиды других генера-
произведенных ранее, у которых этого ордена не
), тогда в ответ на эти сомнения Потемкин дал
ще замечательный ответ. «Сия важная побе-
сал он,— отвратила от нас те худые следствия,
ы могли быть, естли б нам была неудача...
дение орденом достойного — ордену честь.
чинаю с себя — отдайте ему мой...»[53]
алентин Пикуль в романе «Фаворит» говорит
м, что русские морские специалисты незадолго до
люции давали высокую оценку деятельности По-
кина. Они, в частности, утверждали: «Обладая да-
удачного выбора людей, Потемкин управлял точ-
и, определенными директивами, не стесняя ничьей
циативы, которую умел ценить и поддерживать.
жайшее знакомство с деятельностью «великолеп-
князя Тавриды» совершенно уничтожает создав-
ся по немногим фактам миф о распущенном само-
, властолюбивом деспоте... Напротив, это был
чательный государственный деятель, человек
ультурном отношении на голову выше своих со-
менников. Это был человек, влюбленный в свое
, гуманный и справедливый начальник, горячо
тившийся о благоденствии своего края, снискав-
й всеобщую любовь простым и сердечным отно-
ием к подчиненным...»[54]

---

* Правда, говоря об этой поддержке, на наш взгляд, не следует
ять, что при всей ее важности на первом месте стояли отноше-
монархов к полководцу — сначала Екатерины II, а потом и Пав-
В частности, все офицерские и генеральские звания (исключая
ал-аншефа) Суворов получил без какой-либо поддержки По-
кина. Кроме того, нельзя забывать и о позиции П. Румянцева,
ником которого считал себя Суворов.
А главное, надо учесть, что своей военной карьерой Суворов
н своему военному гению. Это видели и современники. Так,
ор заявлял, что Суворов добывал свои чины своей саблей (точ-
конечно, не саблей, а шпагой), в остальном — подмечено ис-
чительно верно.

Размолвка с Екатериной в 1776 г. мало повлияла на положение Потемкина при дворе. Больше того, Екатерина до старости оставалась под влиянием его мужского обаяния. Став верным другом, он достиг таким путем небывалой власти. Екатерина считала возможным писать ему о своих отношениях с фаворитами. В письме от июня 1789 г. Екатерина сообщала Потемкину, что «близкому другу следует говорить вещи, как они есть». Далее она жаловалась на Мамонова, на его интригу с княжной Щербатовой, хвалила свой добрый характер и свое чуть ли не материнское согласие на свадьбу этих молодых влюбленных, после чего, как она писала, «молодые уедут в Москву».

Существует версия о браке Екатерины с Потемкиным. Об этом писали в свое время французский посланник в Петербурге граф де Сегюр, посланник Австрии Кобенцль и русские историки П. И. Бартенев и Д. Ф. Кобеко. У Бартенева были сомнения только в дате венчания: то ли конец 1774 (до отъезда Екатерины в Москву), то ли начало 1775 г. (когда двор уже прибыл в Москву). Предполагают, что венчание проходило в церкви Вознесения на Большой Никитской улице в Москве, где спустя чуть более полстолетия венчался А. С. Пушкин с Н. Н. Гончаровой. Свидетельницей бракосочетания была любимая племянница Потемкина — Александра Васильевна Энгельгардт, в браке графиня Браницкая. Ее письменное подтверждение столь неординарного события не дошло до нас — записка перешла к одному из графов Строгановых, проживавшему в Одессе, и погибла вместе с его архивом.

Более веским подтверждением того, что брак Екатерины и Потемкина можно считать реальным фактом, Валентин Пикуль называет архив доктора философии и астрономии, члена Академии наук Василия Павловича Энгельгардта, дальнего родственника светлейшего князя. В этом архиве «был альбом Энгельгардта, в нем хранились фотографии брачных венцов Екатерины и Потемкина: венцы были украшены миниатюрными портретами. Энгельгардт своей рукой оставил в альбоме надпись, удостоверяющую законность брака Екатерины и Потемкина...»[55].

В конце февраля 1791 г. Потемкин прибыл в Петербург, чтобы противостоять интригам Платона Зубова, пугавшего Екатерину всевластием князя Таврического. Но добиться должного успеха ему не уд

Императрица уделяла ему все ту же долю уча-
делах государственных, однако ее личные от-
я к нему изменились к худшему: роскошный
ик, устроенный Потемкиным в Таврическом
, она назвала «прощальным вечером», давая
понять своему бывшему фавориту, что даль-
его присутствие при дворе является для нее
тельным. 24 июня 1791 г. Потемкин навсегда
Петербург.

пувшись в Яссы, светлейший князь занялся про-
мирных переговоров с турками. Но ему не
довести их до конца — внезапная болезнь со-
ила его могучий организм. 5 октября 1791 г. в сте-
по дороге из Яссе в Николаев, в 40 верстах от своей
ки, он умер от перемежающейся лихорадки. Тело
было захоронено в Херсоне.

Екатерина II драматически восприняла известие
смерти своего незаурядного сподвижника. «Крик
вания, вырвавшийся из уст императрицы при из-
тии о смерти Потемкина, самый тон ее последних
ем Потемкину красноречивее всех свидетельств го-
ит о том, что значила для нее эта потеря.

Сохранилось письмо Екатерины барону Гримму,
исанное в два с половиной часа утра 13 октября,
через несколько часов после получения известия
мерти Потемкина. «Снова страшный удар разразил-
над моей головой. После обеда, часов в шесть,
ьер привез горестное известие, что мой выученик,
друг, можно сказать, мой идол, Князь Потемкин-
рический умер в Молдавии от болезни, продолжав-
ся целый месяц. Вы не можете себе представить,
я огорчена.

Это был человек высокого ума, редкого разума
восходного сердца. Цели его всегда были направ-
ы к великому. Он был человеколюбив, очень све-
д и крайне любезен... В эту войну он выказал пора-
ельные военные дарования: везде была ему удача —
суше, и на море. Им никто не управлял, но сам он
вительно умел управлять другими. Одним словом,
был государственный человек: умел дать хороший
ет, умел его и выполнить...

В нем были качества, встречающиеся крайне редко
отличавшие его между всеми другими людьми: у не-
был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Бла-
даря этому мы всегда понимали друг друга и не
ращали внимания на толки тех, кто меньше нас

смыслил. По моему мнению, Князь Потемкин бы великий человек, который не выполнил и половин того, что был в состоянии сделать... Теперь вся тяжест правления лежит на мне» [56].

Отзывы о Потемкине после его смерти, как и при жизни, были весьма разноречивы. Одни называли его злым гением Екатерины II, «князем тьмы». Сама императрица считала Потемкина гениальным. Биографии его, выходившие в свет до Октябрьской революции большей частью были полны анекдотических рассказо сомнительной достоверности. Более объективная ха рактеристика Потемкина приведена в Энциклопедиче ском словаре Брокгауза и Ефрона: «Во всяком случае это был самый недюжинный из екатерининских временщиков, несомненно способный администратор, деятельный и энергичный человек, избалованный, однако побочными обстоятельствами, доставившими ему высокое положение, и поэтому лишенный равновесия и способности соразмерять свои желания с действительностью. Начинания его на юге России составляют несомненную его заслугу перед потомством. Созданные им города, особенно Екатеринослав, и теперь принадлежат к наиболее важным населенным пунктам нашего юга. Пороки Потемкина — его женолюбие (связь даже с собственными племянницами), расточительность, пренебрежение к человеческой жизни — все это в значительной степени недостатки эпохи, когда он жил» [57].

В «Заметках по русской истории XVIII века», датированных 2 августа 1822 г., А. С. Пушкин писал о князе Таврическом: «Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее (Екатерины.— *Авт.*) любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными *, победами в северной Турции» [58].

Петр Александрович Румянцев (1725—1796). Его отец, Александр Иванович Румянцев, был человеком,

---

* К слову «бесплодными» Пушкин сделал следующее примечание с критикой в адрес Екатерины: «Бесплодными, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот».

изким к Петру I; преданность своему императору, вкость и сметливость настолько были присущи это- царскому адъютанту, что историк Н. Эйдельман звал его российским д'Артаньяном. Петр I женил его любимца на знатной и богатой красавице Ма- и Андреевне Матвеевой. Императрица Екатерина I упруга Петра I) была восприемницей новорожденно- Петра Румянцева — будущего полководца фельд- ршала Румянцева-Задунайского.

Шестилетним мальчика записали в гвардию. 1740 г. он был зачислен в сухопутный шляхетский рпус, но уже в конце года в чине подпоручика Румян- отправляется в Финляндию, где находился его ец. Через три года он уже полковник и командир хотного полка.

Широкую известность Румянцев приобрел в Семи- тнюю войну. В то время в возрасте 32 лет и в чине нерал-майора он командовал бригадой. Его внезап- я атака противника четырьмя полками резерва без казa главнокомандующего Апраксина вызвала па- ку в прусской армии и принесла русским победу при осс-Егерсдорфе.

Второй раз Румянцев, командуя вспомогательными йсками, отличился в Померании, при осаде и взятии льберга. С корпусом численностью 15 тыс. человек вынудил противника к капитуляции.

Семилетняя война выявила начавшийся кризис ли- йной тактики военных действий в западноевропей- их наемных армиях и зарождение новой тактики ения боя в русской армии. Рост численности одно- еменно участвующих в сражении войск и усовер- ствование оружия — эти положения требовали бо- гибких форм и способов ведения боя, в частности ьшей самостоятельности и инициативы в действиях дельных воинских соединений. Новая тактика заро- лась как тактика действий пехоты в колоннах и рас- шном строе.

При Гросс-Егерсдорфе Румянцев действовал вопре- существовавшим канонам — его полки скрытно брались через лесную чащу, вышли во фланг прус- их войск и, дав только один залп, ринулись в шты- вую атаку. В сражении под Кольбергом Румянцев рвые атаковал боевые позиции неприятеля в ба- льонных колоннах. Впереди колонн в рассыпном ю наступали стрелки (егеря) — они вели сильный, фективный ружейный огонь. Так зарождалась новая,

впоследствии суворовская школа побеждать превосходящего противника малым числом и умением.

Румянцев пользовался особым расположением императора Петра III. При таких обстоятельствах он, естественно, вызывал сначала опасения у великой княгини Екатерины Алексеевны. Последняя в первый же день своего вступления на престол приказала: генерал-поручику Петру Панину срочно убыть из Кенигсберга в Померанию, принять от генерала Румянцева командование русским корпусом и вернуться с войсками в Россию.

Из всего этого Румянцев сделал заключение, что его карьера закончилась. Будучи человеком крутого нрава, он не стал ждать для себя именного указа и сам подал прошение об отставке. Но Екатерина имела на этот счет свое мнение — она знала и высоко ценила воинскую доблесть и незаурядные способности молодого генерала и считала более разумным привлечь его на свою сторону.

Когда в Малороссии усилилось движение за автономию, Екатерина решила упразднить должность гетмана. Ей без особого труда удалось уговорить Кирилла Разумовского подать просьбу о своем добровольном увольнении с этого почетного поста. 10 ноября 1764 г. Сенат получил именной указ императрицы об упразднении гетманского правления и учреждении Малороссийской коллегии. Президентом коллегии (с правами генерал-губернатора) был назначен Петр Румянцев.

При убытии к месту исполнения своей новой должности Румянцев получил от Екатерины секретное наставление по вопросам управления Украиной. Прежде всего должно знать порученную губернию «по всем положения ее околичностям, и для того иметь верную карту в подробности»; карта должна содержать в себе все селения, хутора, города и местечки, реки, озера, леса и земли, заводы и монастыри, проезжие дороги, а также рубежи с соседними губерниями и государственную границу с Польшей и Турцией. Надлежит искусным образом присматривать за тамошними епархиальными архиереями, «дабы различными закоснелого в них властолюбия ухищрениями не выступали они из надлежащих сана своего пределов». Необходимо знать губернатору и правительству «точное число народа малороссийского, то есть как людей к чину воинскому под разными званиями принадлежащих, то и посполитых, мещан и купцов»; получать с учтенного

народа «в казну нашу, по долгу и справедливости, да и по самим уговорным пунктам гетмана Богдана Хмельницкого, нам бесспорно принадлежащие доходы»; покуда будут продолжаться переходы земледельцев с места на место, «надлежит прилагать крайнее ...ание», чтобы «оные переходы вовсе пресечены бы... потребно старание, чтобы разобраться в наличии ...спутанного и перемешанного там правления воинс... с гражданским»; «по множеству беспорядков, ...ующих исправления... надобно иметь и волчьи ...ы, и лисий хвост»; стараться как только возможно о «весьма нужном пункте экономии государственной»; повышать плодородие земли, производить пеньку и выращивать табак, разводить волов и шленских овец, размножить тутовые деревья, увеличивать привоз и вывоз товаров и наблюдать баланс заграничного торга. Исходя из важных политических соображений, постоянно наблюдать, «но без явного виду и огласки» поведение тамошних старшин, «дабы иногда умышляемое зло заблаговременно сведано и предупреждено быть могло», и этим «приобресть к себе любовь и доверие» народа Малой России.

При встрече с Екатериной и особенно после ознакомления с ее наставлением Румянцев, может быть, первые понял, что в голове этой миловидной женщины нет места пустой светской чепухе; с ее здравым смыслом нельзя было не согласиться. И, поняв это, он более двух десятилетий с небольшими перерывами твердостно управлял Украиной, последовательно проводя в жизнь политику Екатерины II.

Когда началась русско-турецкая война 1768—... гг., Румянцев сначала был назначен командуем 2-й армией, задача которой состояла в охране ...ой границы России. Но вскоре ему подчинили 1-ю ...кую армию, сражавшуюся с турками. Здесь и проявились выдающиеся полководческие способности ...умянцева. Его стратегия и тактика ведения войны ...очались в вещих словах, дошедших до нас более ...через два столетия: «Слава и достоинство наше ...ства российского.— *Авт.*) не терпят, чтобы сноприсутствие неприятеля, стоящего на виду у нас, ...ступая на него»[59]. Эта патриотическая формула ...а блестяще претворена Румянцевым в жизнь при ...рге и Кагуле.

Мирные переговоры в Кючук-Кайнарджи русский главнокомандующий вел энергично, как он сам сказал,

«без всяких обрядов министериальных, а единственно скорою ухваткою военною». Они были непродолжительными и вполне приемлемыми для русской стороны.

Победы Румянцева в войне 1768—1774 гг. явились важным рубежом в развитии русского военного искусства. К полководцу пришла заслуженная слава — он стал фельдмаршалом, к своему графскому достоинству добавил титул Задунайского и получил почетные награды. Екатерина увековечила его ратные подвиги памятниками-обелисками в Царском Селе и С.-Петербурге.

В начале русско-турецкой войны 1787—1791 гг. фельдмаршал Румянцев командовал 2-й русской армией — она располагалась между Днестром и Бугом, обеспечивала безопасность русской границы с Польшей и осуществляла связь с австрийскими союзниками. Показать себя в каком-либо серьезном деле ему не пришлось, поэтому в 1789 г., когда Петру Александровичу шел 64-й год, «дабы согласно шло дело», было решено командование 1-й и 2-й армиями и Черноморским флотом сосредоточить в одних руках — в руках светлейшего князя Потемкина.

Румянцев снова вернулся в Малороссию, продолжая подготовку к постепенному введению в ней общерусских порядков. К этому времени он сосредоточил в своих руках большие земельные богатства — они отчасти были куплены, отчасти пожалованы ему императрицей. Богатства, однако, не смогли скрасить последние годы его жизни — в 1796 г. он умер в деревне в полном одиночестве *.

Федор Федорович Ушаков (1743—1817). В «Словаре достопамятных людей Русской земли» историк Бан-

---

* «Наследовав огромное состояние отца, граф Николай (Н. П. Румянцев, старший сын прославленного полководца.— *Авт.*) снаряжает «Рюрик» в кругосветное плавание, исследует Берингов пролив, учреждает комиссию печатания государственных грамот и договоров, воодушевляет в ученых любовь к русской истории и археологии, издает их труды и открывает всем доступ в Румянцевский музей» (*Бильбасов В. А.* Екатерина II и граф Н. П. Румянцев // *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. Т. 3. СПб., 1901. С. 291). На базе Румянцевского музея уже в наше время была образована Ленинская библиотека (ныне — Российская государственная библиотека).

ш-Каменский * писал: «Ушаков Федор Федорович, из бедного дворянина древней фамилии Федора Игнатьевича Ушакова, служившего коллежским регистратором, родился в 1743 году и обучался в морском кадетском корпусе, куда поступил уже в летах взрослых; ибо перед тем ходил со старостой на медведя. В 1766 г. выпущен он из корпуса офицером...» [60]

По окончании морского кадетского корпуса мичман Ушаков два с лишним года служил на Балтийском и Белом морях. Осенью 1768 г. он получил назначение на Дон — в Азовскую флотилию. Россия возрождала на юге свой флот, захиревший после Петра I. Корабли для Азовской флотилии строились в Воронеже и Таганроге. Ушаков сначала наблюдал за строительством кораблей в Воронеже, а потом командовал прамом **, охраняя устье Дона. После этого он шесть лет бороздил Азовское и Черное моря — ходил из Таганрога в Кафу (Феодосию) и Балаклаву.

В апреле 1775 г. лейтенанта Ушакова перевели в Санкт-Петербургскую корабельную команду. Оттуда на «Северном Орле» он отправился в Ливорно и три года проходил службу на Средиземном море. Вернувшись в Кронштадт, Ушаков получил назначение командиром на корабль «Георгий Победоносец», а затем, уже в чине капитан-лейтенанта,— на 66-пушечный корабль «Виктор».

В начале июня 1783 г. капитан 2-го ранга Ушаков уже в Херсоне — там строилось несколько линейных кораблей. Под его непосредственным наблюдением находилось строительство 66-пушечного «Святого Павла», на нем Ушаков будет впоследствии сражаться с турками в водах Черного моря. А пока моряку приходилось не только строить корабль, но и вести борьбу с чумой, в чем он показал свои незаурядные способности — смелость, дисциплину, блестящие организаторские навыки и отеческую заботу о своих подчиненных, прежде всего о простых матросах.

В августе 1785 г. «Святой Павел» под командой капитана 1-го ранга Ушакова пришвартовался в Корабельной бухте быстро строящегося нового русского

---

* *Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский* (1788—1850) — русский и украинский историк и археолог. Автор «Истории Малой России», «Словаря достопамятных людей Русской земли» и «Биографии российских генералиссимусов и фельдмаршалов».

** Прам — малоподвижное плоскодонное судно.

города Севастополя. В мае 1787 г. при посещении Крыма Екатериной II Потемкин представил ей Федора Ушакова как одного из лучших офицеров Севастопольского флота — ему был пожалован чин капитана бригадирского ранга (что соответствовало капитан-командору).

Суворовскую формулу войны «Глазомер, быстрота, натиск» Ушаков в полной мере продемонстрировал в сражениях с турецким флотом на просторах Черного моря. 12 августа 1787 г. началась вторая при Екатерине русско-турецкая война. Потемкин приказал командующему Севастопольским флотом контр-адмиралу Войновичу «выходить в море и искать неприятеля». 18 июня 1788 г., встретив турецкий флот, Войнович долго не решался начать сражение. Тогда Ушаков, командовавший авангардом, добился разрешения вступить в бой. Действуя вопреки принятой в морских баталиях линейной тактике, он расчленил строй вражеских кораблей, обрушил мощь своего авангарда на флагманский корабль Эски-Гассана и в результате одержал полную победу. С этой первой победы на море началась слава русского флотоводца Ушакова. 14 апреля 1789 г. бригадир Федор Ушаков был произведен в контр-адмиралы и назначен начальником Севастопольского корабельного флота.

29 июля 1791 г. Ушаков выступил со своей флотилией из Севастополя и взял курс к Румелийским берегам (в район современной Варны). 31 июля он увидел неприятельские корабли, стоявшие на якоре в линии при Калиакрии. Турки располагали значительным превосходством не только в силах, их корабли находились на хорошей исходной позиции (ветер дул с берега) и были прикрыты береговой батареей. В этой трудной ситуации Ушакову пришла дерзкая мысль — отрезать вражеские суда от берега. При этом существовала реальная опасность подставить свой флот под двойной огонь, но внезапность и смелость всегда были залогом победы. Уверенность в успехе подогревалась еще и тем, что у турок был праздник рамазан, и многие матросы вместе с гарнизоном Калиакрии гуляли на берегу.

Приняв столь необычное решение, контр-адмирал действовал энергично и четко. Строем в три колонны он неожиданно врезался в пространство между берегом и неподвижным турецким флотом и с близкого расстояния обрушил массированный залп артиллерии

по кораблям противника. Турки сначала не могли понять, что происходит. Они в суматохе спешно рубили якорные канаты, чтобы поскорее скрыться в море. Русские корабли преследовали неприятеля до темноты. Только ночь и наступивший штиль спасли турецкий флот от полного истребления. Победа русского флота при Калиакрии еще раз убедила турок в мощи Русского государства и заставила их начать с русскими новые переговоры, закончившиеся подписанием Ясского мирного договора.

Ушаков получил высочайшую грамоту от 14 октября 1791 г. В ней говорилось: «Знаменитая победа в конце последней кампании черноморским флотом Нашим... одержанная в самой близости от столицы Оттоманской, куда флот неприятельский из среды моря вышан с великим его поражением, служит новым доказательством *усердия к службе Нашей, особливо мужества* и искусства вашего, и приобретает вам Монаршее Наше благоволение. Во изъявление оного Всемилостивейше пожаловали вас кавалером ордена Нашего Святого Александра Невского...»[61]

В связи с блистательной победой над Хуссейном Гайдом-Али Потемкин писал Ушакову, что он с удовольствием получил рапорт об одержанной над флотом неприятельским победе, которая возвышает честь флага Российского и «служит и к особливой славе Вашей».

Это было последнее поздравление светлейшего князя — через два месяца его не стало. Место Потемкина занял Платон Зубов. Адмиралтейство перевели из Херсона в Николаев. Войны не было, и адмирал как старший член Черноморского правления вынужден был переехать в Николаев.

В 1793 г. Ушаков получил чин вице-адмирала. Работало еще представление Потемкина — это были запоздавшие отголоски Калиакрии. Но скоро начались неприятности. Платон Зубов снова стал выдвигать Мордвинова: его произвели в вице-адмиралы и назначили главным начальником Черноморского правления.

В начале мая 1798 г. после серьезной ссоры с Мордвиновым Ушаков вынужден был жаловаться императору Павлу I. Жалобу Павел передал в Адмиралтейств-коллегию, там она ходила по инстанциям почти три месяца. А в первых числах августа император приказал Севастопольской эскадре во главе

с Ушаковым немедленно следовать в Константинополь — к этому времени Россия в союзе с Турцией вступила в войну против Франции.

24 августа русская эскадра (6 линейных кораблей, 7 фрегатов и 3 посыльных судна) вошла в Босфорский пролив. Своего недавнего заклятого врага Ушак-пашу турки встречали с искренней радостью, почти восторженно. Султан лично осмотрел русские корабли и остался ими доволен. Столь разительная перемена в отношениях двух недавно враждовавших между собою соседей объяснялась резкими изменениями в международной обстановке.

Франция, бывшая союзница Турции, теперь подготовила морскую экспедицию для захвата турецкой провинции — Египта. Генерал Бонапарт с 36-тысячной армией уже высадился в Александрии. 12 июня 1798 г. французы захватили остров Мальта. Павел I, считавший себя покровителем Мальтийского ордена, расценил эти действия французов как вызов и поэтому предложил туркам военный союз против Франции. Французы заняли все Ионические острова в районе Греческого Архипелага и продвигались к Каиру. Турки опасались, что Франция прочно укрепится в Средиземном море и потом постепенно превратит Порту в своего данника. Вот почему они приветствовали прибытие Ушакова в Константинополь.

19 августа 1798 г. Россия и Турция подписали декларацию об условиях союзного договора. Турецкая сторона обязалась не пропускать в Черное море никого, кроме кораблей под российскими флагами. Всем русским эскадрам разрешалось свободное плавание не только в Черном, но и в Средиземном море. Все начальники турецких портов и арсеналов переходили в подчинение Ушакова, задача которого состояла прежде всего в освобождении Ионических островов, после чего последние должны были временно оставаться под протекторатом России и Турции. Под общее командование Ушакова турки передали свою вспомогательную морскую эскадру (4 линейных корабля, 6 фрегатов и 4 корвета) во главе с опытным адмиралом Кадыр-беем. Кроме того, они взяли на себя обязательство снабжать русских моряков во время похода всем необходимым.

Сделав небольшую остановку у острова Хиос (там брали лоцманов), соединенный русско-турецкий флот начал свой поход к Ионическим островам.

ервый из них, самый южный, Китира (Цериго), л освобожден от французов 30 сентября 1798 г., октября освободили Закинф (Занте), 20 октября — фалинию, затем — Итаку, Лефкас (Санта-Мавра), февраля 1799 г. союзники очистили от французов ркира (Корфу).

Остров Корфу был самым большим и самым бога-м. Французы имели на нем первоклассную крепость мощными защитными сооружениями, по неприступ-сти и силе она могла равняться только Гибралтару. глийский адмирал Нельсон, блокировавший Маль-уже пятый месяц стоял около этого острова без ких-либо результатов. Французский гарнизон крепо-Корфу насчитывал в своем составе 3700 человек 650 орудиях. В конце декабря к союзной эскадре были из Севастополя два новых 74-пушечных кора-. Перед штурмом Ушаков имел в общей сложности линейных кораблей, 13 фрегатов, 7 вспомогатель-х судов и четырехтысячное войско десанта. С целью ления огневой мощи артиллерии осаждавшие воз-ли перед крепостью большую батарею, откуда 30 шек могли прямой наводкой бить по укреплениям ранцузов.

В ночь с 17 на 18 февраля корабли соединенного лота стали на якорь, охватив крепость полукольцом стороны пролива. На флангах находились русские вые суда — *на случай появления французских ко-*лей. В семь часов утра, после ожесточенного об-ела, последовал штурм всеми силами с моря и с су- одновременно. Французы пытались сдерживать тиск атакующих, но были опрокинуты и стали дельными группами сдаваться в плен. К вечеру анцузский губернатор Ионических островов генерал бо и генеральный комиссар Дюбуа заявили о капи-яции. Наутро на флагманском корабле Ушакова подписали следующие условия сдачи острова Кор-крепость и форты со всей артиллерией, арсенала-запасами продовольствия и военным имуществом олной сохранности передаются союзникам; фран-ский гарнизон складывает оружие и в полном со-ве эвакуируется во Францию.

По случаю взятия крепости Корфу силами одного та Ушаков получил много поздравлений — даже *ирал Нельсон, прославленный английский флото-*ец, адресовал ему письмо. Но русского адмирала ольше всего обрадовало поздравление Суворова,

в котором полководец писал: «Ура! Русскому флот
Я теперь говорю самому себе: зачем не был я пр
Корфу хотя мичманом!» [62]

Ушаков задержался на Корфу, чтобы исправит
свои суда и одновременно установить на Ионическ
островах самостоятельное правление — республик
под покровительством России и Турции. Верховны
органом власти этого нового государственного обра
зования был объявлен Сенат семи соединенных остр
вов, состоявший поровну из представителей двор
и поселян. Республика получила из рук русского адм
рала довольно либеральную для того времени конст
туцию, которой были недовольны Англия и Австрия

Глубокое проникновение выдающегося флотовод
Ф. Ф. Ушакова в тайны военной науки, прекрасное зн
ние им психологии нижних чинов, новаторство в вое
ной практике — все это роднило его с великим Суво
вым. И Суворов в свою очередь высоко ценил Ушак
ва, чувствовал их общий подход ко многим вопроса

Сохранилось свидетельство очевидца, как уважа
Суворов Ф. Ф. Ушакова. Когда один из курьеров
Ушакова прибыл с известиями к Суворову, тот е
немедленно принял и в соответствии со старинны
русским этикетом в первую очередь спросил: «Здоро
ли друг мой Федор Федорович?» Офицер, немец
национальности, ответил казенно: «Господин адмира
фон Ушаков здоров». Суворов пришел во гне
«Возьми к себе свое «фон»; раздавай, кому хочеш
а победителя турецкого флота на Черном море, п
трясшего Дарданеллы и покорившего Корфу, называ
Федор Федорович Ушаков!» [63]

Весной 1799 г. 4 фрегата из эскадры Ушакова бы
посланы к берегам Италии — надо было помочь Сув
рову, действовавшему в это время против француз
в Ломбардии и Пьемонте. Русские моряки сравнител
но легко и быстро выгнали французов из Неапол
и прочно утвердились на восточном побережье Тирре
ского моря. 22 августа Ушаков с русско-турецкой э
кадрой подошел к Сицилии и бросил якорь в лазурно
бухте Палермо. В ней гордо возвышался «Фу
ройен» — флагманский корабль адмирала Нельсона.

В Палермо Ушаков имел свидание с Нельсоно
Последний сначала приглашал русского адмирала
свой корабль, но Ушаков, будучи старше Нельсон
откровенно дал понять, что встреча может состоять
только в каюте «Св. Павла» — флагманского корабл

Ушакова. Нельсону пришлось уступить, но вел он себя при свидании надменно и недружелюбно.

За Неаполем моряки Ушакова внезапным броском заняли Рим. Но затем русские оказались в тягость своим союзникам. Австрия и Англия, использовав в своих интересах вооруженную силу России, теперь постоянно стали выживать русские войска из района Средиземного моря. Турки тоже предательски покинули Ушакова — *1 сентября 1799 г. они снялись с якоря* и, подняв паруса, ушли домой, в Константинополь. В этих условиях Павел I отозвал армию и флот в Россию. В июле 1800 г. Черноморская эскадра взяла курс на восток, к родным крымским берегам.

За освобождение «всех похищенных французами уже бывших венецианских островов» Павел I присвоил Ф. Ф. Ушакову чин адмирала. Султан Турции пожаловал русскому адмиралу так называемый челенг — перо, осыпанное алмазами, считавшееся у турок самым высоким знаком отличия. К этому были приложены соболья шуба, табакерка, украшенная алмазами, и тысяча червонных. В отличие от Павла I султан не забыл и русских матросов — прислал им три с половиной тысячи червонных.

С чувством искренней благодарности провожали Ушакова жители Ионических островов. Жители Корфу поднесли ему золотой меч, осыпанный алмазами, с Цериголинии и Итаки — золотую медаль, Занте — золотой меч и серебряный щит. Только в России не смогли по достоинству оценить заслуги своего выдающегося адмирала, о чем он не без горечи писал русскому посланнику в Константинополе: «За все мои старания и столь многие неусыпные труды из Петербурга не примечаю соответствия. Вижу, что, конечно, я кем-нибудь или какими-нибудь облыжностями расстроен; но могу чистосердечно уверить, что другой на моем месте, может быть, и третьей части не исполнил того, что я делаю... Зависть, быть может, против меня действует в Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил, не только того, что вы предсказывали. Что сему причиною? Не знаю... Столь славное дело, каково есть взятие Корфы (что на будущее время эпохою может служить), принято, как кажется, с неприятностью, а за что — не знаю. Мальта ровесница Корфу; она другой год уже в блокаде и когда возьмется, еще неизвестно, но Корфу нами взята почти безо всего и при всех неимуществах...»[64]

По возвращении домой Ушаков не получил руководящего назначения во флоте — его заставили отчитываться по денежным и хозяйственным делам экспедиции на Ионические острова. При императоре Александре I ему было поручено командование Балтийским гребным флотом. Александр I вообще не жаловал флотоводцев. Сомневаясь в целесообразности иметь для России сильный флот, он учредил особую Комиссию, которая, по мысли императора, должна была принять меры «к извлечению флота из настоящего мнимого его существования к приведению оного в подлинное бытие». Эта высокая Комиссия пришла к заключению, что «России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках»[65]. Так бездарные царедворцы зачеркнули славную историю русского флота, его блистательные победы при Гангуте, Хиосе, Чесме, Калиакрии и Корфу.

19 декабря 1806 г. Ушаков подал на имя царя прошение об отставке — фактически он никакой службы уже не нес, хотя в свои 62 года чувствовал себя бодрым и крепким. 17 января 1807 г. Александр I повелел: «Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и полным жалованием»[66].

Последние годы Ф. Ф. Ушаков почти отшельником провел на родине, в Темниковском уезде Тамбовской губернии. Скончался в октябре 1817 г., на 75-м году. Похоронен русский флотоводец в Санаксарской обители, рядом с прахом своего деда, основавшего эту обитель.

Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783) — граф, князь Римской империи. Воспитывался в шляхетс кадетском корпусе, военную службу начал в Семи нюю войну. Под Цорндорфом Орлов был три ранен, но поля боя не покинул. Лично пленив адъю та прусского короля графа Шверина, он вместе с был отправлен в Кенигсберг. По прибытии в Пе бург Орлов уже адъютант генерал-фельдмаршала ра Шувалова. Отличаясь высоким ростом, краса молодцеватостью и общительным характером, всегда имел успех в дамском обществе. Братья ловы, Григорий и Алексей, силачи, гуляки и храбр

ли душою гвардии. Летом 1761 г. Григорий Орлов
третился с Екатериной Алексеевной. Их ночные сви-
ния в Петергофе не прошли бесследно: весной 1762 г.
а родила второго сына — будущего графа Бобрин-
ого, названного Алексеем Григорьевичем (это под-
ерждается собственноручным письмом императри-
Екатерины II от 2 апреля 1781 г.).

В июньских событиях 1762 г. братья Орловы сыграли главную роль — за ними пошли все гвардейские лки, что и определило быструю и бескровную побе- Екатерины над растерявшимся Петром III.

Историки давали следующую характеристику дея-льности Григория Орлова: «Выдающимся деятелем лов не был, но, обладая умом чутким к вопросам я и добрым сердцем, он был полезным советником ператрицы и участником всех наиболее симпатич-х начинаний первого периода ее царствования. Едва говорили при дворе об улучшении быта крестьян, лов является во главе движения, основывает, вместе другими, Патриотическое, потом Экономическое и, конец, Вольное экономическое общество, принимает себя первоначальные расходы по обществу и пред-дательство в нем, во время которого предлагает дачу на премию: «Полезно ли даровать собствен-сть крестьянам». Заступником крестьян является Ор-в и в Комиссии 1767 г.»[67].

Вольное экономическое общество в то время очень ло могло сделать для улучшения положения кре-стных. Однако оно по указанию императрицы объ-вило конкурс на оптимальное решение крестьянского проса. Более конкретно вопрос формулировался так: интересах ли общества право полной собственности естьян на землю? По конкурсу было получено 160 ветов, и лучшим признано сочинение доктора прав рде де Лаббея. Оно гласило: крестьян необходимо вободить от рабства, но прежде их надо подготовить принятию вольности; когда просветится их разум исправятся их нравы, тогда можно даровать им вободу. Члены Вольного общества, в том числе и Гри-рий Орлов, хотя и присудили Лаббею премию и зо-тую медаль, но побоялись опубликовать его ответ. атерина II приказала напечатать статью. А когда игорий Орлов наивно спросил ее, что же будет, если вободить крестьян, она ответила, что тогда поме-ки успеют повесить ее прежде, чем освобожденные мужички прибегут спасать ее.

Григорий Орлов, судя по всем его действиям, вх
дил в число тех примерно двадцати человек, которы
по свидетельству Екатерины, сначала мечтали «о
улучшении настоящего положения» земледельцев-кр
стьян, видели в них «таких людей, как мы». Ког
дворянские депутаты в Комиссии по Уложению стал
критически обсуждать слишком либеральные предл
жения императрицы, тогда только она поняла госпо
ствующие крепостнические представления помещико
ибо, по ее собственному признанию, «слишком высок
оценивала тех, которые меня окружали».

Г. Орлов был для своего времени образованным
человеком. Сохранились свидетельства, что он беседо-
вал с наследником престола Павлом по широкому
кругу вопросов: о химии, астрономии, ботанике, ан
томии, особенно о физике, которую, по словам Екат
рины, знал блестяще. Он был активным участнико
преобразовательных планов Екатерины в первый пе-
риод ее деятельности.

Орловы жаждали власти при дворе. Между ним
и партией Никиты Панина шла скрытая, но неприм
римая борьба за эту власть. Залогом победы брат
Орловы и их сторонники считали законное бракосоч
тание Григория с императрицей. Сначала он тольк
намеками приглашал свою возлюбленную под вене
потом стал уже откровенно настаивать, ссылаясь н
то, что в среде их недоброжелателей злословят п
поводу «сомнительной нравственности матушки-гос
дарыни».

Настойчивое стремление Орловых захватит
власть при дворе осуждали не только сторонники П
нина, но и многие офицеры гвардии. В конце 1762
поручик лейб-гвардии Измайловского пол
П. Ф. Хрущов с дворянами Гурьевыми во время попо
ки хулили императрицу Екатерину и Орловых, обвин
их в незаконном захвате власти. Они призывали гва
дейцев передать престол наследнику Павлу или н
счастному Ивану Антоновичу. Хрущов и Гурьевы бы
публично биты в Москве на Красной площади и сосл
ны в Сибирь. Бывшие приятели Орловых гвардейц
Хитрово и Ласунский в 1763 г. договорились при сл
чае убить Алексея Орлова — они считали его самы
опасным из всех не в меру нахрапистых братьев.

Екатерина не торопилась — она трезво оценивал
свое положение, взвешивая все «за» и «против». В
представлялись бесспорными три важных момент

Во-первых, она пока не может пренебрегать дружбой Орловых: за ними по-прежнему оставалось огромное влияние в гвардейских полках. К тому же сами они были настолько ловкими и смелыми людьми, что иметь их в лагере противников было глупо. Во-вторых, нельзя не считаться со сторонниками Никиты Панина. Авторитет и власть этих аристократов тоже вполне реальны и достаточно весомы. И наконец, последнее и самое главное: зачем выходить замуж и делить с кем-то свою власть? Она может и хочет править империей сама, умело используя в интересах государства выдающиеся способности многих приближенных. Жизнь расставила все по своим местам.

Испытывая нежные чувства к Орлову, Екатерина писала о нем одному из своих заграничных корреспондентов в то время, когда Орлов находился на переговорах с турками: «Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицом к лицу с этими дрянными турецкими бородачами. Гр. Орлов, который без преувеличения самый красивый человек своего времени, должен казаться действительно ангелом перед этим мужичьем; у него свита блестящая и отборная; и мой посол не уступает великолепия и блеска. Я готова, однако, биться об заклад, что он наружностью своею уничтожит всех окружающих. Это удивительный человек: природа была к нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всем этом нет ничего приобретенного, все природное и, что очень важно, все хорошо; но госпожа натура также и избаловала, потому что прилежно чем-нибудь заниматься для него труднее всего, и до тридцати лет ничто не могло его к этому принудить. А между тем удивительно, сколько он знает; и его природная острота простирается так далеко, что, слыша о каком-нибудь предмете в первый раз, он в минуту подмечает смешную и слабую его сторону и далеко оставляет за собою того, кто сообщил ему об этом предмете»[68].

Обстоятельства и время привели к тому, что так легко начавшаяся любовь между Екатериной и Григорием Орловым заметно потускнела. Последний хотел видеть в лице возлюбленной творение рук своих, надеялся подчинить любящую его женщину своей воле. Но этого у него не хватало ни ума, ни такта. Все получалось наоборот: она — императрица, а он — всего лишь верноподданный. Поэтому Григорий часто терял контроль над собой, явно переоценивая свою роль

всемогущего фаворита. При посторонних он вел себя по отношению к императрице «безо всякого стеснения, как ее муж», позволяя иногда говорить в ее адрес грубости. Эта неучтивость «сердечного друга» стала все больше надоедать Екатерине, но она пока терпела и ждала наиболее подходящего момента.

В 1771 г. Москву и центральные губернии России постигла большая беда — из Турции занесли чуму, или так называемую моровую язву. К июлю чума гуляла по всему городу. Из 13 тыс. московских жилых домов в 6 тыс. были больные чумой, а в 3 тыс. домов все жители вымерли. Среди населения началась паника, переходящая в полное отчаяние. Главнокомандующий Москвы престарелый фельдмаршал П. С. Салтыков не проявил себя должным образом и уехал в свое подмосковное имение Марфино. За ним последовали губернатор и обер-полицмейстер.

В это время поп церкви Всех Святых на Кулишках стал рассказывать, что одному из прихожан было видение: якобы москвичи прогневали Бога тем, что не оказывают должного почтения образу Богородицы у Варварских ворот.

К этому месту повалили толпы народа. Перед иконой была установлена лестница и зажжен пучок восковых свечей. Рядом появились аналой и кованные железом сундуки — начались молебны и сбор денег на «всемирную свечу». Из массы молящихся выходили люди, здоровые вперемежку с больными, бросали монеты в сундук, поднимались по лестнице и с трепетом целовали образ.

Московский архиепископ Амвросий приказал опечатать собранную в сундуках общественную казну и прекратить молебны. Когда небольшой отряд военных с подьячими во главе попытался исполнить распоряжение архиепископа, поднялся бунт. В соседней церкви ударили в набат, его вскоре подхватила вся Москва. С возгласами «Богородицу грабят! Смерть богоотступнику Амвросию!» началась всеобщая свалка. Толпа ринулась в Кремль, где в поисках Амвросия учинила погром в покоях Чудова монастыря. Амвросию ещ минувшей ночью удалось укрыться в Донском монастыре, но это его не спасло. На второй день снова вспыхну ли страсти, толпа ворвалась в Донской монастыр вытащила архиепископа из храма во двор, где дворовы В. Андреев и целовальник И. Дмитриев его убили.

Город фактически перешел в руки восставших, кото

рые выставили ряд требований и в их числе ликвида-
ции стеснительных карантинов, разрешения хоронить
умерших от чумы на церковных кладбищах и... снятия
ограничения в торговле вином. С большим трудом
энергичному сенатору П. Д. Еропкину удалось соб-
рать из разных команд до 130 солдат и офицеров,
некоторое количество добровольцев-дворян («волонте-
ров»), с помощью двух пушек отбить у бунтовщиков
Кремль и подавить восстание (сам Еропкин при этом
получил серьезные ушибы камнем в ногу и поленом
в грудь. В схватках погибло около 300 москвичей).

Донесение о событиях в Москве у Екатерины вы-
звало сильное беспокойство: тревожные события про-
исходили в «первопрестольной» — во второй столице
России! Поэтому отнюдь не случайно для наведения
там порядка она направила самого Григория Орлова.

К чести Григория следует сказать, что он опасное
предложение Екатерины принял как должное, без воз-
ражений. В конце сентября с большой свитой и воин-
скими частями он был уже в Москве. Деятельность
Орлова началась с того, что свой дворец на Вознесен-
ской улице он отдал под госпиталь. После погребения
останков Амвросия его убийцы были повешены там,
где произошло преступление. На Красной площади из
числа задержанных по жребию были повешены еще
двое — дворовый А. Леонтьев и крестьянин Ф. Деянов.
Шестидесяти активным участникам возмущения после
битья кнутом были вырваны ноздри, репрессирован-
ные были отправлены на каторгу. Малолетних секли
розгами. Двенадцать человек, «огласивших чудо», то-
же пошли на вечную каторгу.

Г. Орлов без колебаний расправлялся и с теми, кто
продолжал промышлять грабежом в заразных домах.
Такие дома с оставшимися в них трупами и добром
предавались огню: по всей Москве в те дни пылали
пожары.

Орлов действовал не только методами принужде-
ния и устрашения. Он сам не прятался от чумы —
повсюду ходил открыто, с веселым и приветливым
лицом. Врачам и лекарям он установил тройное жало-
ванье, но при этом предупредил, что сурово накажет
каждого, кто будет бездельничать или злоупотреблять
своим положением. Как всегда, Г. Орлов не боялся
смелых решений. Чтобы очистить город от трупов, он
выпустил из тюрьмы воров и других уголовников,
обещая им свободу после того, как они наведут на

улицах и площадях должный порядок. Когда врачи пожаловались, что в карантинах и госпиталях вымерла вся прислуга, Орлов объявил по Москве, что люди крепостного состояния получат вольную, если согласятся добровольно работать в этих заразных учреждениях. И крепостные избавлялись от постыдного рабства, рискуя при этом собственной жизнью.

Постепенно чума начала отступать. Наступившие морозы доконали ее окончательно.

Григорий Орлов вернулся в Зимний дворец победителем. Чувство неловкости и, может быть, даже некоторой вины перед ним Екатерина решила загладить наградами. В Царском Селе она приказала воздвигнуть триумфальную арку с надписью: «Орловым от беды избавлена Москва». На Монетном дворе была отлита памятная медаль с изображением Орлова и Курция*, бросающегося в пропасть, с надписью: «И Россия таковых сынов имеет». На ней Григорий впервые был назван князем. На берегу Невы для него было начато строительство мраморного дворца, на фронтоне которого Екатерина повелела начертать: «Здание Благодарности».

Итак, почет и награды были. Но прежних отношений между ними уже не могло быть. Вскоре Екатерина нашла для князя новое поручение — в ранге первого полномочного посла он был командирован на русско-турецкий конгресс в Фокшаны.

Переговоры в Фокшанах проходили с 27 июля по 28 августа 1772 г. Обеспокоенный слухами о падении своего влияния при дворе, Григорий Орлов самовольно покинул Фокшаны и вернулся в Петербург.

Однако поспешность его оказалась никому не нужной — под видом карантина ему не позволили вернуться в Зимний дворец и указали остановиться в Гатчине. Покои императрицы в это время обживал никому не известный доселе скромный корнет Васильчиков, ставший всего лишь случайным и непродолжительным эпизодом в жизни Екатерины II.

После того как Григорий Орлов пришел в себя и успокоился в Гатчине, Екатерина вызвала его и

---

* *Марк Курций* — римский юноша. По преданию, в 362 г. до Р. Х. в середине Форума появилась глубочайшая трещина, опасная для существования города. Прорицатель предсказал, что ее можно заполнить только «лучшим благом Рима». Тогда юноша в полном вооружении сел на коня и бросился в пропасть, после чего последняя сомкнулась сама собою.

сославшись на тревожную обстановку на Балтийском море, послала его в Ревель командовать Эстляндской дивизией. Никита Панин и его воспитанник Павел восторженно приветствовали почетную ссылку их главного противника. Партия Орловых теперь казалась им не столь опасной. Но на половине цесаревича слишком рано начали торжествовать. В марте 1773 г., когда угроза со стороны Швеции миновала, Екатерина снова пригласила князя Орлова в столицу и вернула ему все его прежние должности — она опасалась в то время заговора со стороны наследника престола. Теперь Панин и Павел негодовали, но это мало трогало императрицу.

На этом, собственно, и закончилась карьера фаворита. С приходом в Зимний дворец Григория Потемкина Орлов утратил всякое значение при дворе. Поэтому, женившись на своей двоюродной сестре Екатерине Николаевне Зиновьевой, он уехал за границу. Семейное счастье супругов не было продолжительным — жена Орлова умерла в Лозанне в 1781 г. от чахотки. После этого у него обострилась душевная болезнь (сильные перепады настроения замечались и раньше). Лишь за несколько месяцев до смерти Орлов вернулся в Москву, где скончался в 1783 г.

В истории России имя Григория Орлова большей частью упоминается только как одного из фаворитов Екатерины или в лучшем случае как одного из братьев Орловых. Между тем это был человек со сложным внутренним миром. Его стремление вместе с императрицей (на первом этапе их деятельности) законодательно облегчить положение крепостных крестьян, покровительствовать искусству («любитель чистых муз, защитник их трудов» — так характеризует его современник) заслуживает положительной оценки.

И не случайно М. В. Ломоносов посвятил ему особую оду, где, в частности, говорилось:

А Ты, о храбрых дел отеческих Наследник,
Что знаеш с мужеством приятность сопрягать,
Блюсти Величество и подданных спасать,
Великие дела соединять к отраде,
И Марсу следовать, и угождать Палладе,
Блажен родитель Твой, таких нам дав Сынов,
Не именем одним, но свойствами Орлов[69].

Алексей Григорьевич Орлов (1737—1808) — граф, генерал-аншеф. Отличался богатырским сложением, громадной силой и смелостью, граничащей с дерзостью.

Во время дворцового переворота 1762 г. Орлов не только сыграл решающую роль, но и показал себя человеком, абсолютно ни перед чем не останавливающимся — его не смущали ни моральные, ни физические, ни политические препятствия.

После восшествия на престол, когда свергнутый Петр III уже неделю сидел под арестом в Ропше, Екатерина II мучительно раздумывала, что же ей дальше делать с этим опаснейшим для нее заключенным. Точнее, она прекрасно знала наилучший для себя выход из этого положения, но не решалась сказать об этом вслух. Алексею Орлову и не надо было говорить, он понимал императрицу без слов. Понимал... и через некоторое время сообщил Екатерине секретной запиской, что в пьяной драке они (группа офицеров во главе с Алексеем) не заметили, как задушили вдруг заскандалившего Петра III.

А. С. Пушкин приводил интересный эпизод, как нельзя лучше характеризующий Алексея Орлова. Во время царствования Павла граф Орлов встретился в Дрездене с Натальей Кирилловной Загряжской. Орлов удивляется, как «такого урода» терпят в России. «Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?» — «А почему ж нет, матушка?» «Орлов был в душе цареубийцей: это было у него как бы дурной привычкой»,— считала Загряжская[70].

Алексей был безусловно умнее, храбрее и дальновиднее своего брата Григория. Именно поэтому Екатерина II не только уважала его, но и боялась его.

Когда перед императрицей встала непростая и весьма деликатная проблема с самозванкой, так называемой княжной Таракановой, Алексей Орлов был первым, кто предложил ей простой вариант: «...буд найдется такая сумасшедшая, тогда, заманя ее на ко рабли, отослать прямо в Кронштадт». И не тольк предложил, но и успешно осуществил эту операцию Можно, конечно, осуждать коварство, говорить о ег безнравственности и даже аморальных приемах, н для него важнее всего была конечная цель.

Алексей Орлов был в числе инициаторов перво русской военно-морской экспедиции в Архипел в 1769—1774 гг. При снаряжении экспедиции с Балт ки на восток Средиземного моря Екатерине понадоб лись качества именно Алексея Орлова.

Экспедиция завершилась полным успехом. Блист тельная победа русского флота над турками при Чесм

принесла громкую славу России и почетный титул Чесменского Алексею Орлову — организатору и вдохновителю этой победы. Известие о победе русских моряков над турецким флотом с необычайной по тому времени быстротой облетело всю Европу и Малоазиатский континент. Европа, писал Е. В. Тарле, «вздрогнула» от неожиданного успеха русских, а в Константинополе поднялась паника.

Экспедиция Алексея Орлова наряду с победами русской армии под предводительством Румянцева, Суворова и Потемкина ускорила общую победу России над Турцией и приблизила дату подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

В 1775 г. Орлов-Чесменский вышел в отставку и жил частью в Москве, в Нескучном дворце, частью в своем дворце в Петербурге. Он вел жизнь богатого вельможи, занимаясь своим хозяйством, благотворительностью и устраивая пышные приемы, любил народные гулянья, песни цыган и русские кулачные бои, в которых нередко, к своему удовольствию, побивал молодых бойцов. На собственном конном заводе он вывел знаменитую до сих пор породу орловских рысаков. Она была получена в результате смешения арабской, английской скаковой лошади с кровью голландской, датской и мекленбургской пород. Главными достоинствами этой породы лошадей являются быстрота, энергия и сила, а также правильность и плавность движения.

Грозные тучи сгустились над головой А. Орлова после смерти Екатерины II, но и здесь он сумел извернуться. Некоторые авторы приписывают именно ему предложение послать Павлу извещение о постигшем императрицу ударе. И Павел этого в дальнейшем не забыл, хотя и помнил о его участии в убийстве своего отца. Он заметил, что Орлова не было среди сановников, первыми принесших ему присягу после кончины Екатерины. По его приказу на Васильевский остров, во дворец Орлова, немедленно были посланы камергер Ростопчин и начальник полиции Архаров с напутствием нового императора: «Я не хочу, чтобы он забывал о своем отце».

Дело было ночью, Алексей Орлов приболел и лежал в постели. Однако он немедленно встал и твердым голосом прочитал присягу. Ростопчин «не приметил в нем ни малейшего движения трусости или подлости».

Милостиво пригласив после этого Орлова дважды на обеды в Зимний дворец, Павел 2 декабря заставил его перенести нравственную пытку, сопровождая останки убитого им человека.

Вскоре Орлову было разрешено выехать за границу — участь много лучшая, чем других бывших участников переворота.

И только после смерти Павла А. Орлов снова стал важной персоной в России. Известно, что Александр всячески стал подчеркивать свое уважение к маститому екатерининскому вельможе, герою Чесмы. Когда Александр торжественно въехал в Москву на свою коронацию, справа от его кареты ехал цесаревич Константин, а слева — не кто иной, как Алексей Орлов.

Во время войны России и Пруссии с Наполеоном в 1806—1807 гг. Алексей Орлов был назначен главнокомандующим 5-й областью земского войска. Он активно занимался образованием милиции и пожертвовал значительные суммы на ее снаряжение.

Но в целом А. Орлов жил в Москве одиноко в своем дворце в Нескучном саду. Как писал А. И. Герцен, «жил он угрюмо, сохраняя вопреки лет свое атлетическое сложение и дикую энергию своего характера. Он в 17 с нахмуренным челом, но без раскаяния пронес по всему Петербургу корону человека, им задушенного сотни тысяч человек указывали на него пальцем; его товарищ, князь Барятинский, бледнел и был близок к обмороку; старик жаловался только на подагру».

Всю свою привязанность этот железный человек в старости отдал своей единственной дочери. Умер А. Орлов в 1808 г., оставив после себя 5 млн руб. денег и 20 тыс. крепостных крестьян.

Судьба его дочери сложилась драматически. Это позволило А. И. Герцену говорить даже о Немезиде и о том, что после смерти отца «вся жизнь ее была одним долгим, печальным покаянием за преступление не ею совершенное, одной молитвой об отпущении грехов отца, одним подвигом искупления их. Она не вынесла ужаса, который в нее вселило убийство Петра III, и сломилась под мыслию о вечной каре отца, отдалась мрачному мистицизму и изуверству. Призванная по рождению, по богатству, по талантам на одно из первых мест не только в России, но и в Европе она прожила свой век со скучными монахами, с старыми архиереями, с разными прокаженными, святошами, юродивыми...

Сады свои и дворец в Москве она подарила государю. Зачем? Не знаю. Необъятные именья, заводы — все пошло на украшение Юрьевского монастыря; туда перевезла она и гроб своего отца... В ризах икон и в архимандритских шапках печально мерцают в церковном полусвете орловские богатства, превращенные в яхонты, жемчуги и изумруды. Ими несчастная дочь хотела закупить Суд Божий» [71].

Продолжая тему, нельзя не назвать еще одно имя, имя «орлицы», которое занимало достойное место в плеяде сподвижников Екатерины II.

Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810). Эта незаурядная женщина с 1783 по 1794 г. стояла во главе двух академий — Академии наук и Российской академии. Она была писательницей, знатоком искусств, педагогом, *филологом, редактором, натуралистом и музыкантом*, и ей, несомненно, принадлежит значительная роль в *истории русской культуры и русского просвещения*. Дашкова оставила «Записки», которые ее биограф и почитатель Александр Иванович Герцен называл документом чрезвычайно важным для изучения XVIII столетия.

Несмотря на то что она была графиней по отцу и княгиней по мужу, Дашкова писала, что всегда чувствовала себя неловко при дворе. И действительно, ей, умной, образованной, с суждениями независимыми, а характером слишком деятельным, было нелегко в мире придворных сплетен, угодничества и мелких интриг. Вольтер и Дидро, а не надменные и самовлюбленные временщики были ее друзьями и собеседниками.

В жизни ее было много неожиданностей, своего рода парадоксов. Уже при крещении новорожденной у купели ее держала сама императрица Елизавета, а крестным отцом был не кто другой, как великий князь, впоследствии император Петр III [72] (в свержении *которого будущая княгиня Дашкова приняла такое* деятельное участие).

Дашкова рано потеряла мать. Отец ее, граф, генерал-поручик и сенатор Р. И. Воронцов, мало интересовался своими детьми (их было пятеро — 2 сына и 3 дочери), и младшую дочь, Екатерину, взял к себе на воспитание дядя М. И. Воронцов, в ту пору вице-канцлер, а с 1758 г.— великий канцлер.

В семье дяди девица Екатерина получила превосходное для того времени образование: говорила на

четырех языках, умела рисовать, хорошо танцева
у нее были изысканные манеры. «Но что же бы
сделано для развития ума и сердца? — спрашивала о
себя потом и сама отвечала: — Ровно ничего».

В 14 лет она заболела корью, и ее отправили в де
ревню. Там при просмотре книг из обширной библио
теки девочкой овладевает новая страсть — чтение серь
езной литературы. Ее кумирами становятся философы
просветители Бейль, Монтескье, Вольтер, Буало.

В семью дяди она возвращается другой — повзрос
левшей, склонной к глубоким размышлениям и уедине
нию. В это время складывается ее характер — незави
симый, самолюбивый, но одновременно впечатлитель
ный и доверчивый. Она решительно отказывается
белиться и румяниться. А в ее личной библиотеке уже
собрано 900 томов, среди них — знаменитая «Энцикло
педия» французских просветителей.

Глубокий психологический портрет юной Екатери
ны Романовны дан писателем-историком Д. Л. Мор
довцевым в его очерке «Русские женщины нового вре
мени»: «Рано проявилось в ней неясное сознание своей
силы и чувство богатых внутренних задатков, и это
обнаружилось в ней, с одной стороны, какою-то гор
достью, признанием за собой чего-то большого, чем
то, что в ней думали видеть, а с другой — страстным
желанием раздела чувств, впечатлений, знаний — жела
нием дружбы и любви. Но отзыва на все это она
могла найти ни в ком: с совоспитанницей своей она
сошлась душою, а других родных никого близко
имела, и только глубокую дружбу воспитала она в се
к своему брату Александру, к которому питала э
чувство всю жизнь, как и вообще все ее привязанно
отличались полнотою и какою-то законченностью: о
всякому чувству отдавалась вся»[73].

На 16-м году неожиданно для всех она выход
замуж за гвардейца князя Михаила Дашкова. Эт
в некотором роде скоропалительный шаг подтверж
ет черты ее характера — независимость, смелость, с
собность до конца отдаваться своему чувству. Се
ретарь французского посланника в Петербурге истор
Клод Рюльер (1735—1791) в книге о дворцовом пер
вороте 1762 г., вышедшей в 1797 г., по поводу замуж
ства Дашковой писал, что князь Дашков, один
самых красивых придворных кавалеров, однажды б
каких-либо особых намерений слишком свободно н
чал говорить любезности девице Воронцовой. После

позвала своего дядю-канцлера и сказала ему, что
ь просит ее руки и что она согласна стать его
ой. Когда канцлер обратился к молодому Даш-
, тот не решился признаться первому сановнику
ерии, что их разговор не заключал в себе такого
деленного смысла, и теперь уже подтвердил свою
ьбу. Может быть, рассказ Рюльера — всего лишь
рический анекдот, но и он говорит о тех особен-
ях, которые были свойственны совсем еще моло-
Дашковой.

После скромной свадьбы супруги Дашковы два
да жили в московской патриархальной семье. В 1761 г.
пригласили в Петербург, ко двору. Открыто осуж-
я поведение великого князя, ставшего потом им-
ратором Петром III, и его недостойное отношение
вой жене Екатерине Алексеевне, Дашкова пыталась
лизиться с последней — обаяние и образованность
ликой княгини восхищади ее.

Екатерина Алексеевна была почти вдвое старше
шковой, но это не помешало: между ними установи-
ь доверительные, почти дружеские отношения. Они
ешивались письмами, книгами, мнениями о прочи-
ном и даже собственными сочинениями. Сохрани-
ь 46 писем Екатерины к Дашковой. Письма от
шковой Екатерина сжигала: при дворе за ней велась
тоянная слежка, а ее смелая и не сдержанная в сво-
увствах подруга могла написать что-нибудь недо-
пенное. Излишне экзальтированная Дашкова была
только ослеплена Екатериной, что в одну из де-
рьских ночей 1761 г., когда Елизавете оставалось
ть всего лишь несколько дней, проникла в апартамен-
великой княгини тайно и, поклявшись ей в предан-
сти, горячо уговаривала ее «действовать во что бы
ни стало».

Дашкова не могла со стороны наблюдать за июнь-
ми событиями 1762 г., она готова была действовать
ым решительным образом. Однако некоторые ис-
ики и сама она в своих «Записках» преувеличивают
оль в дворцовом перевороте. Так, в Энциклопеди-
ом словаре Брокгауза и Ефрона можно прочитать:
думав государственный переворот и вместе с тем
ая до времени оставаться в тени, Екатерина изб-
я главными союзниками своими гр. Орлова и кня-
ю Дашкову. Первый пропагандировал среди войск,
рая — среди сановников и аристократов. Благодаря
шковой были привлечены на сторону императрицы

гр. Н. И. Панин, гр. К. Г. Разумовский, И. И. Бецкий, Барятинский, А. И. Глебов, Г. Н. Теплов и др.»[7] В действительности же роль Дашковой при вступлении Екатерины II на престол была скорее внешне эффектной, чем существенной по своему значению.

Через мужа, служившего в Преображенском полку, она подогревала недовольство Петром III некоторых гвардейских офицеров, указывая на опасность, которая действительно грозила Екатерине Алексеевне и наследнику. Она пыталась вовлечь в «свою партию» таких аристократов, как Никита Панин, Кирилл Разумовский, но последние были более осторожными. Дашкова не была рядом с Екатериной в гвардейских полках и в Казанской церкви, где последняя после благодарственного молебна была провозглашена «самодержавнейшею императрицею всея России». Она узнала о случившемся по небывалому шуму в городе и прибыла в Зимний дворец, когда уже началась церемония приношения присяги новой «матушке-государыне».

Среди награжденных участников заговора Дашкова была не последней — она получила орден Св. Екатерины и 24 тыс. руб. Но это не обрадовало, а, напротив, обидело ее: она поняла, что Екатерина во многом не доверяла ей; княгиня наивно думала, что стояла чуть ли не в центре заговора, а последние события показали, что от нее многое скрывали. После успеха переворота Екатерина заметно отдалилась от нее, как сказал потом Герцен, «с быстротой истинно царской неблагодарности»; награждая свою приятельницу, императрица просто откупалась от нее. Дашкова, как и Панин, полагала, что после отречения Петра III Екатерина уступит русский престол законному наследнику — своему сыну Павлу, а сама удовольствуется титулом регентши; но все поведение императрицы говорило о том, что она намерена царствовать единолично.

Для молодой просвещенной княгини рушились возвышенные мечты о благе отечества, их совместные с Екатериной планы «просвещенных преобразований», где самой Дашковой отводилось место рядом с ее державной подругой.

Дашкова разочаровалась в Екатерине, и к этому у нее были все основания. Теперь императрица думала о своей пылкой приятельнице совсем не то, что писала ей не так давно в письмах. Она доверительно сообщала Понятовскому: «Княгиня Дашкова, младшая сестр

лизаветы Воронцовой, хотя она хочет приписать себе
ю честь этого переворота, была на весьма худом
ету благодаря своей родне, а ее девятнадцатилетний
зраст не вызывал к ней большого доверия. Она
мала, что все доходит до меня не иначе как через нее.
оборот, нужно было скрывать от княгини Дашко-
й сношения других со мной в течение шести месяцев,
четыре последние недели ей старались говорить как
жно менее... Правда, она очень умна, но ум ее
орчен *чудовищным тщеславием и сварливым ха-*
тером...»[75] Таким образом, однозначно определи-
ь места Екатерины «великой» и Екатерины «ма-
», как называли Дашкову, и дистанция между ними
а обозначена четко и бесповоротно.

В первые годы царствования Екатерины II Даш-
а пребывала в немилости. Ей не прощали ни смело-
высказываний, ни желания участвовать в делах
ударства, ни популярности. Вокруг нее создается
осфера недоверия и подозрительности. Появились
ответственные слухи, что она готовит заговор про-
в Орловых, что она была вдохновительницей заго-
Мировича, пытавшегося возвести на престол узника
лиссельбургской крепости Ивана Антоновича. В до-
ршение ко всему судьба неожиданно обрушила на
е страшные удары: в Москве умирает ее сын, остава-
ийся на попечении бабушки, а осенью 1764 г.
Польше умирает муж, вице-полковник лейб-кирасир-
ого полка, находившийся там с русскими войсками.

20-летняя вдова Дашкова, оставшаяся с двумя
тьми и многочисленными долгами покойного мужа,
дней находилась между жизнью и смертью. Попра-
вшись, она решает прежде всего расплатиться с кре-
торами и восстановить благосостояние семьи.
той целью княгиня уезжает в деревню, где пять лет
ет безвыездно и расчетливо занимается хозяйст-
. Об этом самом тяжком для нее времени Дашкова
ала: «Если бы мне сказали до моего замужества,
я, воспитанная в роскоши и расточительности,
сю в течение нескольких лет (несмотря на свой
дцатилетний возраст) лишать себя всего и носить
ую скромную одежду, я бы этому не поверила; но,
обно тому как я была гувернанткой и сиделкой
их детей, я хотела быть и хорошей управительницей
имений, и меня не пугали никакие лишения»[76].

В декабре 1769 г. Дашкова отправляется в свое первое
ухгодичное путешествие за границу. Официальная

цель поездки — «поправление здоровья» детей, а в дей
ствительности осуществляется ее давнее желание увидет
все, что есть в Европе достопримечательного. Чтоб
чувствовать себя более свободно, не посещать иностра
ные дворы и соблюдать строжайший режим экономи
она едет в Европу под скромным именем госпож
Михалковой.

Через Ригу и Кенигсберг Екатерина Романовн
приезжает в Данциг. Остановившись в гостинице «Рос
сия», она видит на стене в зале два монументальны
полотна: раненые и умирающие русские солдаты про
сят пощады у победителей — пруссаков. Дашкова воз
мущена, она негодует особенно яростно потому, чт
в гостинице, как правило, останавливаются русски
путешественники: совсем недавно здесь был Алексе
Орлов и тоже сердился при виде этих картин. «И он и
не купил и не бросил в огонь?» — допытывается он
у русского поверенного в делах. «В сравнении с ни
я очень бедна... но все-таки я это устрою!»

Как всегда не ограничиваясь словами, она поручае
секретарю русской миссии купить синей, зеленой, кра
сной и белой масляной краски и после ужина, хоро
шенько заперев дверь, берет кисть и перекрашивае
мундиры на картинах, превращая победителей в по
бежденных и наоборот, и вот уже пруссаки на колен
умоляют русских о пощаде. Она уезжает из гостиниц
очень довольная собой и веселится, представляя себ
удивление хозяина, когда тот обнаружит, «что прусса
ки вдруг проиграли обе битвы»[77]. После посещени
Данцига Дашкова два месяца живет в Берлине. Здес
ее инкогнито ей не помогло, и по настоянию Фридри
ха II она знакомится с прусским королевским домом.

Во время 10-дневного пребывания в Англии он
посещает Бат, Бристоль, другие города. В Оксфорде е
особенно интересует библиотека университет
и в частности русско-греческий словарь с изложение
грамматики.

В Париже Дашкова проводит 17 дней. Осматрива
мануфактуры, посещает мастерские художников, му
зеи, театры и церкви. Но главное — встречи с Дидро
она видится с ним ежедневно и беседует до поздне
ночи. 57-летний философ и 27-летняя русская кня
в серьезных и доверительных разговорах обсужда
положение дел во Франции, излагают свои взгляды н
преимущества конституционно-монархического пра
ления и на особенно острый и злободневный вопро

репостном состоянии крестьян в России. При этом
шкова, соглашаясь с необходимостью либерализа-
жизни общества и ограничения власти самодер-
вия, оправдывает крепостническую политику Екате-
ы II и пытается доказать, что русский неграмотный
ный крестьянин не сможет правильно воспользо-
предоставленной ему свободой.

сле Парижа Дашкова едет в Лион, где осматри-
знаменитые мануфактуры, а потом отправляется
йцарию. В Женеве она встречается с Вольтером.
же 76 лет, но, беседуя с ним наедине, княгиня
ит в нем проницательного мыслителя Европы.
ова прощается с Женевой, а Вольтер, «великий
к и насмешник в переписке с коронованными
ми», посылает ей вдогонку изысканное письмо
бщает Екатерине II о своей встрече с русской
й.

сле своего первого заграничного путешествия
ова жила по-прежнему уединенно. Будучи занята
анием своих детей, она много читала, сосредо-
главное внимание на вопросах педагогической
Разделяя надежды некоторых современников-
гителей о переустройстве общества на началах
а и справедливости при помощи новых методов
ания, она составила для сына обширную про-
у подготовки, с указанием конкретных предме-
роков их изучения. Для завершения образования
она просит Екатерину II разрешить ее семье
выехать за границу. Выдав дочь замуж за брига-
Щербинина, она в 1775 г. вместе с сыном, до-
и зятем на долгие 8 лет покидает Россию.

снью Дашкова прибыла со своими спутниками
нбург. Пока сын занимался науками в универси-
она завязала дружеские отношения с местными
ссорами — людьми известными, высокообразо-
ми и достойными уважения. Среди них был
номист Адам Смит. В те спокойные годы княгиня
вала свои силы в музыке — ее произведения ис-
нись в Дублинской церкви (Ирландия) и на кон-
х в Англии.

сной 1779 г., когда Павел закончил курс обу-
, Дашкова покинула Эдинбург и отправилась
ествовать по Англии, Голландии, Бельгии, Фран-
Италии. Ее очень беспокоила карьера сына,
му она предварительно написала Потемкину, ин-
ясь, на что они могут надеяться. Но ответ долго

не приходил — императрица пока не жаловала свою бывшую подругу.

Встречаясь со многими людьми, княгиня беседовала с ними на самые разные темы. Интересен ее разговор с австрийским канцлером Кауницем о Петре I. На вопрос Кауница: «Разве вы не считаете... что он сблизил Россию с Европой?..» — Дашкова отвечала: «Великая империя, князь, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, ваша светлость, это доказывает — простите меня, князь,— только невежество или легкомыслие европейских стран, игнорировавших столь могущественное государство»[78].

В Париже Екатерина Романовна проводила время в обществе своего доброго знакомого Дидро, где встречалась с д'Аламбером и Гудоном. Гудон сделал ее бронзовый бюст.

Наконец пришел долгожданный ответ из России. В письме от 22 декабря 1781 г. Екатерина II сообщала, что приказала зачислить Павла Дашкова в гвардию, в тот полк, который укажет сама Дашкова. Надо было возвращаться домой.

В 1782 г. княгиня вернулась в столицу. И сразу заметила более благосклонное к себе отношение Екатерины II. Началась полоса удач. Она почти по-дружески была принята при дворе. Теперь за маленьким столом императрицы стоял куверт для Екатерины Романовны. Сын ее получил назначение и чин, о которых она могла только мечтать. Заметно изменилось к лучшему и материальное положение — ей пожаловано в местье в Могилевской губернии, в котором по ошибке значится две с половиной тысячи «казенных» крестьян. У нее собственный дом в Петербурге, дом в Москве.

Странное и непонятное для нашего современника дело — философски образованная собеседница Дидро и Вольтера при всей своей воспитанности и незаурядности становится расчетливой хозяйкой «живой собственности», демонстрируя этим особенности XVIII века, века крепостничества, сословного неравенства и бесчеловечного унижения бедных и бесправных со стороны богатых и всемогущих. Она подводит балансы, считает «души» крепостных, включая новорожден-

ных младенцев, и даже ставит себе в заслугу, что не обратилась в Сенат с требованием возместить ей 167 крестьян, недостающих по описи могилевского поместья (они скончались в условиях крайней нищеты, царящей в белорусских «казенных» землях). Действительно, противоречив XVIII век, и нельзя однозначно оценивать людей того времени, их слова и их реальные поступки!

24 января 1783 г. Дашкова назначена директором Петербургской Академии наук. Этот указ императрицы был необычным для того времени — Дашкова стала первой женщиной в русской истории, занявшей государственный пост (не считая коронованных особ). Чем руководствовалась Екатерина II? Она всегда умела использовать таланты окружавших ее людей. И в данном случае поводом для принятия решения были деловые качества княгини, ее культурный и общеобразовательный уровень. Дашкова не была ученым, но, являясь эрудированной для своего времени женщиной, почитала науку, была предана ей, имела личные контакты со многими известными учеными Европа. Ей были присущи чувство национального достоинства, неприязнь к бездумному преклонению перед иностранщиной, разборчивость в хозяйственных вопросах и завидная энергия в достижении намеченной цели. Указ императрицы был передан в Сенат до получения согласия самой Дашковой — Екатерина II не сомневалась, что княгиня не откажется от столь прежнего назначения.

В свое время великий Ломоносов указывал, что в Академии «вся власть и управление всеми частями должны быть переданы профессорскому собранию» и что президентом Академии должен быть «человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршей особы»[79]. Екатерина Романовна была таким человеком, она получила этот свободный доступ к императрице.

Дашкова была достаточно умна и понимала, что не сможет руководить наукой, возглавлять собственно научную работу Академии, поэтому, став директором, она главное свое внимание уделяла научно-просветительской, издательской и хозяйственной деятельности. При Академии были открыты курсы по основным отраслям науки, на которых на русском языке читались лекции по математике, естественной истории, химии, физике, минералогии.

В целях подготовки отечественных научных кадров новый директор увеличивает число учеников академической гимназии и в то же время отчисляет шестерых знатных оболтусов «ввиду их полной неспособности к наукам».

Характерным для Дашковой было ее следующее распоряжение о научных открытиях: «Наблюдения и открытия, производимые внутри страны, сообщались за границу до их опубликования в России, к стыду Академии, там пользовались ими раньше нежели у нас... Я велела занести в журнал, что г. академики не должны отныне сообщать подобные открытия за границу, пока Академия не извлекла из них славу для себя путем печати и пока государство не воспользовалось ими»[80].

С новым размахом возродилась издательская деятельность Академии. По инициативе Дашковой вышли из печати: первое «Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений»; второе издание «Описания земли Камчатки» профессора естественной истории Степана Петровича Крашенинникова, вскоре переведенное на английский, немецкий, французский и голландский языки; «Дневные записки путешествия доктора и Академии адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства»; географические карты и «месяцесловы», т. е. календари. Возобновляется выход «Академических известий», и основываются два периодических издания: «Собеседник любителей российского слова» — литературно-художественный и исторический журнал и «Новые ежемесячные сочинения» — просветительское издание, ставящее своей целью «общедоступное изложение научных истин».

К сотрудничеству в «Собеседнике» Дашкова привлекла выдающихся писателей своего времени — Державина, Фонвизина, Хераскова, Капниста, Княжнина. Начиная со второй книжки, императрица печатала в «Собеседнике» свои «Были и небылицы». В литературном отделе «Новых ежемесячных сочинений» были представлены произведения Карамзина, Богдановича, Дмитриева и наиболее интересные переводные работы.

Вместе с тем следует заметить, что после Великой французской революции «Новые ежемесячные сочинения» стали явно реакционным печатным органом. С его страниц сама Дашкова посылала проклятия

французскому народу, сбросившему с престола Людовика XVI.

Портреты государственных и общественных деятелей нельзя рисовать одной светлой краской — все они были живыми людьми, и каждый из них имел свои «родимые пятна». У Дашковой кроме «родимых пятен крепостничества» был еще плохой характер — излишняя самоуверенность, нетерпимость, неуживчивость, неоправданная пристрастность. На это со всей определенностью указывала не только Екатерина II, но и многие авторы, писавшие о Дашковой. Она не оценила гениального механика-самоучку И. П. Кулибина, невзлюбила талантливого академика В. Ф. Зуева, поссорилась с Джакомо Кваренги. Бывали у нее и «вспышки самоуправства», которые, как пишет историк Академии М. И. Сухомлинов, «проявлялись весьма редко и исчезали довольно скоро».

Однако эти недостатки не мешали Дашковой отстаивать в академической жизни принцип равноправия и коллективизма. Она особенно ревностно оберегала достоинство Академии и всегда оставалась резкой и непримиримой по отношению к тем, кто добивался чета не по научным заслугам, а по чинам и связям.

В свое время Ломоносов неоднократно сетовал на сутствие филологического центра при Петербургой Академии наук. Много лет спустя его выдающиеученики, и прежде всего И. И. Лепехин, доказывали ректору Академии необходимость создания лексикографического центра в России. Дашкова сама хорошо го понимала и поэтому в августе 1783 г. представила имя императрицы «всеподданнейший доклад», в котором писала: «Никогда не были столь нужны для угих народов обогащение и чистота языка, сколь ли они необходимы для нас, несмотря на настоящее атство, красоту и силу языка российского»[81]. 30 нтября 1783 г. был издан указ об учреждении Российой Академии и о назначении Дашковой ее президенм (председателем). Открытие императорской Росйской Академии состоялось 21 октября 1783 г.

На первом же заседании был принят устав Акаде-и, содержавший 19 статей (с незначительными изнениями он оставался юридическим документом, по торому Российская Академия работала до 1918 г.). новные задачи нового научного учреждения опредлись статьей 3, которая предусматривала «...сочить прежде всего российскую грамматику, российский

словарь, риторику и правила стихосложения». В шта
Академии помимо президента состояли переводчи
4 писаря и 2 непременных секретаря (в обязаннос
которых входило сочинение и хранение протоколо
заседания, а также хранение рукописных подлинн
ков). Избранные в Российскую Академию кандидат
окончательно утверждались императрицей и остав
лись ее членами пожизненно. В 1783 г. в списке акад
миков насчитывалось 47 человек, из них 6 деятел
литературы и искусства, 14 ученых и 27 представител
государственных учреждений, военных и духовенств
Среди них были Державин, Дашкова, Фонвизин, Х
расков, Княжнин, Лепехин, Щербатов, Потемкин, Ш
валов, Безбородко. Позже членами Академии избир
лись Крылов, Гнедич, Карамзин, Жуковский, Пушки
Бантыш-Каменский, Погодин, Сперанский и др.

Российская Академия сыграла выдающуюся роль в развитии русской филологии. Ее учеными были написаны различные грамматики, десятки статей и книг, посвященных вопросам языкознания. Но основным и самым плодотворным видом ее деятельности были словари. Из этих публикаций главное место занимает знаменитый Словарь Академии Российской в 6 частях, выпущенный в 1789—1794 гг.

Поэт В. К. Тредиаковский в 1735 г. на открытии учрежденного при Петербургской Академии наук Российского собрания говорил о крайней необходимости создания толкового русского словаря. Работа над этим словарем была и в планах Ломоносова. Но только молодой Российской Академии предстояло воплотить в жизнь многочисленные пожелания современников. На первом же академическом заседании был образован специальный «отряд», возглавивший все работы по составлению словаря. В качестве литературных источников при выборе слов и примеров ведущее место занимали работы Ломоносова. Об этом убедительно говорит общее соотношение приведенных в словаре иллюстраций: из произведений Ломоносова — 883, Сумарокова — 30, Хераскова — 13. Историк М. М. Щербатов предлагал шире использовать произведения Тредиаковского, чтобы «воздать справедливость всем нашим российским сочинителям».

Активное участие в подготовке словаря принимала Дашкова. Она рассматривала его по листам, вносила в них свои дополнения и замечания и собрала более 700 слов на буквы «Ц», «Ш», «Щ».

В Словаре Академии Российской зафиксировано 43 257 слов. Создавался он за сравнительно короткий срок — 11 лет. Достаточно сказать, что над Словарем Флорентийской Академии работали 39 лет, а Французская Академия издала свой словарь только через 59 лет. Впоследствии о русском словаре восторженно отзывались Карамзин, Пушкин, Белинский и Чернышевский.

Дашкову называли «доблестным начальником», «сокровительницей муз», но годы свершений не были ... нее счастливыми годами — все ей давалось с тру..., с «беспокойством и хлопотами». Она поссорилась ...перал-прокурором А. А. Вяземским (он, вспомина... Дашкова, «мстил мне за то, что я приняла к себе на ...жбу людей, которых он преследовал и увольнял ...нимаемых ими должностей, лишая их тем куска ...ба»[82]). Не ладила она с фаворитами императрицы ...анским, позже — с Зубовым) и даже спорила с Ека...ной II, отстаивая свою точку зрения в делах Рос...кой Академии. У нее сложились трудные отноше... с собственными детьми. Дочь ее, Анастасия Щер...ина, со своими сумасбродствами и скандалами ...жем, при мотовстве и долгах, попала под надзор ...иции. Мать в черновике завещания «отрешила» ...т всякого наследства и даже просила не пускать ...бственный дом. Сын Павел вырос заурядным ...нивым князьком, хотя и дослужился до генерал-...енанта (чему в немалой степени способствовал ... Потемкин, единственный фаворит Екатерины II, ...горым не рассорилась Дашкова); без разрешения ...тери женился на дочери приказчика, что для само...бивой княгини было еще одним ударом.

Екатерина Романовна пыталась отвлечься от ее...ных неприятностей более ревностной деятельно...о в обеих Академиях. Но этому мешала вновь ...никшая неприязнь к ней со стороны императрицы. ...шкова, по-видимому, не совсем понимала, что ... стране, и при дворе произошли существенные ...мены — до России докатились громовые раскаты ...люции во Франции, и с конца 80-х годов началась ...тическая реакция правительства Екатерины II.

...В августовском номере «Российского Театра» за ... г. Дашкова поместила трагедию Я. Б. Княжнина ...дим Новгородский», которая, по мнению Екатери...ы II, была проникнута «заразой французской революю..., свободолюбивыми мотивами. Действительно, ...н из героев трагедии говорит:

Какой герой в венце с пути не совратился?
Величья своего отравой упоен,—
Кто не был из царей в порфире развращен?
Самодержавие повсюду бед содетель [83].

Ко времени публикации «Вадима» его автора уже
было в живых, поэтому гнев Екатерины II обрушил-
на Дашкову. Она оправдывалась тем, что исполня-
ые в придворном Эрмитаже французские трагедии
раздо более опасны для государей. По воспоминани-
м Дашковой, императрица, встретившись с ней во
орце, спросила: «...что я вам сделала, что вы распро-
раняете произведения, опасные для меня и моей
асти?.. Знаете ли, что это произведение будет сожже-
палачом?» [84]

Хотя позднее этот неприятный для Дашковой ин-
дент был урегулирован, в 1794 г. Екатерина Ро-
новна добилась разрешения на двухгодичный от-
ск, покинула Петербург и отправилась в свое под-
осковное имение Троицкое, неподалеку от Серпухова
Тарусы.

Смерть Екатерины II в 1796 г. еще более осложнила
ложение Дашковой. Новый император Павел I хоро-
о помнил отношение последней к своему отцу Пет-
III. 12 ноября последовали указ об отставке Даш-
вой от всех должностей и высочайшее повелени
ить ей безвыездно в деревне. Но и этого показалось
ало мстительному Павлу — через несколько дней
зимнюю стужу опальная княгиня была разбужена
очью и получила приказ ехать в захолустье Нов-
родской губернии, где ей было велено ждать даль-
йших указаний. Позже по просьбе императрицы Ма
ии Федоровны и фаворитки императора Нелидово
авел умерил гнев: Дашковой разрешили вернуть
свое Троицкое.

Со смертью Павла I опала Дашковой кончил
мае 1802 г. общее собрание Российской Акаде
шило просить Екатерину Романовну вновь воз
ить это научное учреждение. Но Дашкова отклон
оль лестную для нее просьбу, ссылаясь на свое н
огание. Подводя итоги всей своей деятельности,
аписала в «Записках»: «В заключение я могу сказа
спокойной совестью, что сделала все добро, как
ыло в моей власти, и никогда никому не сделала зл
отомстила забвением и презрением за несправе
ивости, интриги и клеветы, направленные против м

ия; я исполнила свой долг по мере сил и понимания; со своим чистым сердцем и честными намерениями я вынесла много жгучего горя, которое вследствие моей слишком большой чувствительности свело бы меня в могилу, если бы меня не поддерживала моя совесть, свидетельствовавшая о чистоте моей жизни; я без страха и тревоги, бестрепетно и спокойно смотрю в глаза приближающейся смерти»[85].

В 1810 г. она скончалась. Незаурядная личность Екатерины Дашковой произвела сильное впечатление на ее современников и потомков. Не случайно ею так восхищался Герцен. «Какая женщина!—восклицал он.—Какое сильное и богатое существование!»[86]

* * *

В 1781 г. один из приближенных Екатерины II (А. А. Безбородко), получив поручение, составил перечень успехов ее царствования за 19 лет.

Эта сводка выглядела так:

1. Губерний устроено по новому образцу	29
2. Городов построено	144
3. Конвенций и трактатов заключено	30
4. Побед одержано	78
5. Замечательных указов, законодательных и учредительных, издано	88
6. Указов для облегчения народа	123
Итого:	492.

Екатерина с гордостью поспешила сообщить эти ые за границу. Она вопрошала своего корреспон- барона А. Гримма, друга Дидро: «Ну, милости- государь, как-то вы довольны нами? Были ли мы ы?»[87]*

бъявив отсутствие законности первым злом рус- жизни, а законопослушание назвав основной до- телью не только подданного, но и монарха, Ека- а взяла на себя труд и инициативу написать аз» и внесла в него самые передовые, либераль- и гуманные идеи того времени.

На известное принижение (и искажение!) образа Екатерины ашей литературе справедливо указывал в последнее время ис- Каменский // *Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...» СПб., . С. 11 и др.

Не выпуская из рук ни одной нити самодержавной власти, императрица допустила косвенное и даже прямое участие общества в управлении, призвав к сотрудничеству в составлении нового Уложения народных представителей — депутатов Комиссии. Так, по ее мнению, самодержавная власть получала новый облик, становясь чем-то вроде лично-конституционного абсолютизма.

Распространению в русском обществе передовой французской литературы императрица способствовала сама. Получив определенное направление, шедшее от трона, наклонность к чтению стала будить вянущий от праздности ум, лучшие представители дворянства стали жадно заимствовать смелые идеи, нашедшие отражение в чужой литературе. Некоторые из этих смелых идей были высказаны отдельными депутатами в Комиссии по составлению нового Уложения и при чтении «Наказа».

«Своим «Наказом» Екатерина бросила в русский оборот, хотя и очень стесненный, много идей, не только новых для России, но и не вполне усвоенных политической жизнью и на Западе, и не спешила воплотить их в факты, перестроить по ним русский государственный порядок, рассуждая: были бы идеи, а они рано или поздно приведут свои факты, как причины приводят следствия»[88],— писал В. О. Ключевский.

Однако эти идеи так и остались до конца царствования просвещенной императрицы парящими в воздухе. «Наказ» был положен под сукно, а Комиссия — распущена. И лучше А. С. Пушкина не скажешь: «Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами*— и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы тех же участи, если б не чрезвычайная его известность»

* Пушкин здесь приводит широко распространенную тогда легенду о смерти Княжнина, наказанного якобы розгами за написание трагедии «Вадим».

В последние годы правления Екатерины II ее репутация просвещенной императрицы заметно потускнела. Напуганная революцией во Франции и антифеодальными выступлениями в собственной стране, она отреклась от лозунгов свободы, равенства и справедливости и открыто выступила с правительственными репрессиями против русских просветителей, против проявлений в стране любых форм вольнодумства.

Политика Екатерины II, получившая название просвещенного абсолютизма, в России, как и в других странах Европы, являлась особой формой самодержавия, для которой характерными были следующие особенности: осуществление ряда реформ, обусловленных зарождением и развитием в стране буржуазных отношений и обострением классовых противоречий; при этом проведение некоторых минимальных мероприятий должно было, с одной стороны, предотвратить народное движение против системы крепостничества, а с другой — облегчить приспособление дворянства, в руках которого оставалась вся полнота власти, к нарождающимся буржуазным отношениям. Самодержавие признавалось единственно правильной формой правления для такой необъятной империи, как Россия; всякое иное правление считалось не только вредным, но и разорительным, в подтверждение этого приводилось утверждение: «Лучше повиноваться законам одного господина, нежели угождать многим». Обещание подданным «справедливых» законов, «равных» для всех, осталось только на бумаге и в уголках памяти императрицы. Все мероприятия самодержавия, в действительности предусматривающие прежде всего защиту интересов правящего класса дворян, преподносились под флагом заботы о «народе» и выдавались за стремление «все устраивать ко благу для всех вообще и всякого особо».

Таким образом, используя популярность идей передовой Европы, изображая свою деятельность как «союз философов и государей», на деле просвещенная русская императрица следовала главной цели — всячески укрепляла и оберегала господство правящего класса — дворян.

Действительно, ее правление имело целый ряд весьма существенных положительных сторон: проведение в стране судебной и губернской реформ; подъем промышленности, особенно металлургии; увеличение

числа школ, больниц и других учреждений; быстрое развитие техники, культуры и искусства. Успешно проводимая внешняя политика позволила России стать мощной мировой державой: усилить свои позиции на Балтике, утвердиться на берегах Черного и Азовского морей, принять в свои просторы новые области — Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ, а также западноукраинские, белорусские и литовские земли *.

О том, какие цели ставила Екатерина Великая, свидетельствует ее письмо к Г. Потемкину от 14 мая 1790 г. «Вся жизнь моя,— утверждала императрица,— была употреблена на поддержание блеска России, и поэтому неудивительно, что наносимые ей оскорбления и обиды я не могу терпеть в молчании и их скрывать, как это мы делали доныне, ради минутной осторожности...»[90]

Хорошо сказал о времени Екатерины II В. А. Жуковский. Правление ее он считал эпохой русской славы. Он писал:

Была пора: Екатеринин век.
В нем ожила вся древней Руси слава,
Те дни, когда громил Царьград Олег,
И выл Дунай под лодкой Святослава.
Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во граде Леонида,
День Измаила роковой,
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида[91].

Четко определившись в том, что ей нужно и чего нее ждут, императрица давала широкие предначер ния, воскрешала память Петра Великого, по слов Ходасевича, привлекала сердца, восхищала умом, ровала улыбками. «Царствование Екатерины II,— по черкивал Пушкин,— имело новое и сильное влияние политическое и нравственное состояние России»[92].

---

* В прошлом у ряда историков существовала тенденция про вопоставлять внешнюю и внутреннюю политику Екатерины II. пример, С. Ф. Платонов писал: «Екатерина — традиционный д тель... Двойственность тех традиций, которым она следовала, оп деляет и двоякое отношение к ней потомков. Если одни ис основания указывают на то, что внутренняя деятельность Екатери узаконила ненормальные последствия темных эпох XVIII в., то д гие преклоняются перед величием результатов ее внешней полити (*Платонов С. Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 639).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Павел I

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ПАВЛА I

6 ноября 1796 г. после внезапного апоплексического удара скончалась Екатерина II. Освободившийся трон Российской империи в возрасте 42 лет занял император Павел I (1796—1801).

Павел родился в 1754 г. При появлении на свет мальчик был взят в покои императрицы Елизаветы, которая сама занялась его воспитанием; Екатерина только в редких случаях могла видеть своего сына. Отношения матери и сына уже тогда носили ненормальный характер. Императрица Елизавета умерла, когда Павлу было 7 лет. Петр Федорович, отец Павла, по своему легкомыслию не мог заниматься воспитанием сына. Попытка Екатерины пригласить Даламбера в качестве воспитателя ни к чему не привела: знаменитый энциклопедист деликатно отказался. Пришлось ограничиться российскими воспитателями. Главным воспитателем Павла был Никита Иванович Панин, назначенный при цесаревиче обер-гофмейстером. Панин и его сторонники при дворе считали более целесообразным такое решение вопроса о престоле — императрица уступает престол законному наследнику, а сама довольствуется ролью регентши. Но Екатерина опиралась на вполне реальную и могущественную силу партии Орловых и не думала уступать Павлу свою неограниченную власть. Панин оставался в скрытой оппозиции к императрице до тех пор, пока не получил полной отставки. В силу этого он не мог, будучи воспитателем цесаревича, помирить его с матерью. Напротив, Панин при всяком удобном случае возбуждал у наследника престола сознание его собственного предназначения, хотя последний до 42 лет не имел должной власти. Все это приводило к тому, что отчужденность между Екатериной и Павлом со временем возрастала и в конце концов перешла в открытую враждебность.

Событие, случившееся летом 1762 г., осталось в п мяти Павла на всю жизнь. С юных лет подверженн какому-то необъяснимому страху, он, подрастая, и

нился скрывать его, но призрак задушенного Петра III
егда стоял у него перед глазами. В этих сложных
противоречивых условиях Павел рос нервным, скрыт-
ным, недоверчивым, подозрительным и даже озлоблен-
ным. Физически слабый от природы, маленького роста,
с некрасивым лицом (в детстве страдавший от опасной
лимфатической опухоли под подбородком), он был
подвержен приступам лихорадки и не только не окреп
в последующие годы, но и присоединил к физической
слабости душевную болезнь.

Образование великого князя по плану Панина дели-
сь на два периода: в первом, до 14-летнего возраста,
едполагалось пройти с ним курс необходимых эле-
нтарных знаний; второй период надлежало посвя-
ть «прямой государственной науке». План этот хотя
и был выполнен, но без особого успеха. Его учили
истории, географии, русскому и немецкому языкам,
математике, астрономии, физике и, конечно, разным
кусствам. Законоучителем великого князя в 1763 г.
л назначен по выбору Екатерины архимандрит Пла-
н, впоследствии московский митрополит.

Однако, по словам Ключевского, «науки плохо да-
лись ему, и книги дивили его своей безустанной
змножаемостью»[1].

20 сентября 1772 г. Павлу исполнилось 18 лет.
ого дня совершеннолетия царственного наследника
огие придворные, и особенно сторонники Н. И. Па-
на, ждали с нетерпением — они надеялись на переме-
в отношениях между императрицей и сыном. Если
атерина и не уступит Павлу свою власть, думали
и, то, быть может, она поделится ею. Но день этот
ошел как самый обыденный — не было ни салюта,
колокольного звона, ни раздачи чинов и наград.
что не изменилось в России, кроме еще более уяз-
енного самолюбия Павла и его почитателей.

Екатерина прекрасно знала, что Павел воспитыва-
ется в оппозиционном духе к ней. Учителя великого
князя действительно укрепляли в нем сознание соб-
ственных прав на престол. Чтобы отвлечь его от этих
идей, императрица решила женить сына. Пригласив
Павла к себе, она показала ему сразу три портрета
молодых девиц, принцесс Гессен-Дармштадтских. «Од-
на из них станет твоей невестой,— сказала она и доба-
вила: — Король Пруссии обращает твое внимание на
Вильгельмину». Мнение Фридриха II было для Пав-
ла равносильно приказу — настолько чтил он этого

выдающегося в его глазах человека. 29 сентября 1773 г. цесаревич вступил в брак с Вильгельминой, принявшей православное имя Наталья Алексеевна.

Этот брак не был продолжительным. В апреле 1776 г. Наталья Алексеевна скончалась от родов. Павел был потрясен тем, что навсегда потерял своего «сердечного» друга — так он называл любимую жену. Но со смертью великой княгини открылись неприятные для Павла обстоятельства: она обманывала доверчивого мужа с его близким другом, графом Андреем Кирилловичем Разумовским. На измену Натальи Алексеевны Павлу открыла глаза сама Екатерина. Зачем она это сделала? Трудно сказать. Может быть, для того, чтобы отомстить наконец покойнице, которая неуважительно относилась к свекрови и восстанавливала против нее Павла? А может быть, лишний раз хотела унизить своего слишком высокомерного сына?

После смерти первой жены Павла между Фридрихом II и Екатериной II началась оживленная переп по проблеме выбора новой невесты для наследн русского престола. Не спрашивая мнения самого же ха, вскоре они остановили свое внимание на двою ной внучке прусского короля — шестнадцатилет принцессе Софии Доротее из Вюртембергского до Когда об этом было сказано Павлу, он, на этот ра доверяя портрету, заявил о своем желании встрети с невестой и ее родителями до свадьбы. В послед числах мая 1776 г. он выехал в Берлин в сопровожде нии фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, торый получил лично от Екатерины подробную инс рукцию на предмет того, что можно, а чего нель позволять жениху во время его пребывания при кор левском дворе.

Сватовство русского цесаревича являлось для Фр дриха II делом большой политической важности. По тому Павлу в Пруссии был оказан радушный прием: русской границы кортеж великого князя сопровожда генералы короля, все дорожные расходы пруссаки ли на себя, а когда кареты с русскими въехали в Бер через триумфальную арку, местные обыватели крич «ура», играла музыка, палили пушки, и сам Фрид встречал почетного гостя около своего дворца.

В Берлине Павлу все пришлось по душе. Во-вых, ему понравилась София Доротея. Через два он признался ей в горячей любви с первого взгл и сделал формальное предложение, не преминув

этом признаться, насколько он одинок в жизни. Обрадованная невеста охотно приняла предложение и обещала принести будущему супругу не только душевный покой, но и много детей. Во-вторых, Павел был в восторге от Фридриха, его вымуштрованных войск и вообще от прусских порядков. В нем проснулись интересы и настроения его отца — Петра III: симпатии к Пруссии, восхищение ее порядками и военной дисциплиной. Дав королю клятву в вечной дружбе, наследник с невестой в приподнятом настроении вернулся в Петербург. Здесь 26 сентября 1776 г. состоялось бракосочетание Павла с Софией Доротеей. Великая княгиня получила православное имя Мария Федоровна.

Появление в Зимнем дворце Марии Федоровны мало что изменило в отношениях между Екатериной и Павлом. На первых порах молодая невестка сохраняла и даже подчеркивала почтительное отношение к своей высокочтимой свекрови. Позднее, привыкнув к новому великосветскому окружению, она стала все более замыкаться с мужем в тесном семейном кругу, во всем поддерживая последнего и угождая ему. Мария Федоровна 12 декабря 1777 г. родила первенца, Александра, а в 1779 г. порадовала мужа вторым сыном, Константином. По примеру императрицы Елизаветы Петровны Екатерина забрала внуков на воспитание в свои апартаменты.

Лишившись места главного воспитателя наследника, Н. Панин продолжал оказывать на Павла большое ...ние. Екатерине не могло нравиться их дальнейшее ...жение. Желая помешать этому, она предложила ...угам в 1782 г. совершить путешествие по Европе. ...е года Павел с женой под именем графа и графини ...рных пробыли за границей. Они побывали в Авст- Италии, Франции, Нидерландах, Швейцарии ...жной Германии. Знакомство с известными городами ...западноевропейских стран развлекло их. Даже ...чное настроение Павла сменилось на более приветное.

Павел произвел благоприятное впечатление в просвещенных и влиятельных кругах Европы, но внимательный наблюдатель и тонкий психолог Фридрих II тогда высказал зловещее предсказание судьбы ...кого князя: «Мы не можем пройти молчанием ...ение, высказанное знатоками, относительно характера этого молодого принца. Он показался гордым,

высокомерным и резким, что заставило тех, которые знают Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, где, призванный управлять народом грубым и диким, избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться той же участи, что и его несчастный отец» [2].

Когда супруги вернулись в Петербург, Н. Панин был уже не у дел и вскоре скончался в своем имении. С этого времени начинается так называемый гатчинский период жизни Павла Петровича.

Мызу Гатчина Екатерина подарила своему сыну после рождения у него дочери Александры в июле 1783 г. Это уединенное место — тихие озера, густые леса, вокруг безлюдье — очень понравилось Павлу. Он давно мечтал удалиться из Зимнего дворца, где все было ему не по душе — сама мать с ее фаворитами, заведенные ею порядки, вся атмосфера придворной жизни чопорных аристократов с их бесконечной угодливой суетой.

Павел жил, как затравленный зверь, всегда готовый к гибели, но все еще не утративший надежды на власть. Царевич изнемогал от страха. «Печальная судьба его отца пугала его, он постоянно думал о ней, это была его господствующая мысль», преследующая великого князя с детства, она стала причиной душевной неуравновешенности Павла до конца его дней.

Почти все мемуаристы пишут о том, что он постоянно не в духе, потому что его голова была «наполнена призраками». Странности наследника престола не остались без внимания и со стороны иностранцев. Французский посланник Сегюр в своих мемуарах писал: «Павел желал нравиться; он был образован, в нем замечалась большая живость ума и благородная возвышенность характера... но вскоре,— и для этого требовалось долгих наблюдений,— во всем его облик в особенности тогда, когда он говорил о своем настоящем и будущем положении, можно было рассмотреть беспокойство, подвижность, недоверчивость, крайнюю впечатлительность, одним словом, те странности, которые явились впоследствии причинами его ошибок, его несправедливостей и его несчастий...» [3]

Удаленный не только от правительственных дел, но и от собственных детей, Павел на целых 13 лет «принужден был заключиться в Гатчине, создавши здесь себе тесный мирок, в котором он и вращался до конца царствования матери» [4].

В Гатчине великий князь стал наконец полновластным хозяином. Здесь он завел свои порядки, копируя во всем прусский образец. Очень быстро вотчина его приняла вид настоящего военного лагеря, с заставами, шлагбаумами, казармами и караулами. Все его заботы были теперь связаны с устройством гатчинской армии — нескольких батальонов, отданных под его непосредственную команду. Солдаты и офицеры этой армии были переодеты в прусскую форму. Вся подготовка войск — бесконечные экзерциции, марши и вахтпарады — велась по уставу прусской армии. Сам он подавал пример суровой спартанской жизни: вставал в 4 часа утра, спешил на учение или маневры войск, производил осмотр казарм и продовольствия. При этом никакая, даже самая мелкая, неисправность не ускользала от его требовательного взгляда, каждое нарушение, каждое отступление от установленного регламента сурово наказывалось. В 10 часов вечера Гатчина уже спала; слышались только шаги патрулей да крики часовых. У Павла в Гатчине начался стремительный взлет карьеры артиллерийского офицера Алексея Андреевича Аракчеева — он был назначен комендантом, а потом начальником всех войск наследника.

В последнее десятилетие своего правления Екатерина с большим опасением наблюдала за настроением и поведением Павла. В результате у нее созрело решение лишить его права наследования престола и передать последний своему старшему внуку, Александру. Апеллируя к закону о престолонаследии, принятому Петром I, она постаралась привлечь к этому акту Марию Федоровну и самого Александра Павловича. Жена Павла отказалась поставить свою подпись на заготовленном для этого случая документе, но при этом не решилась сообщить мужу о возникшем против него заговоре. Девятнадцатилетний Александр вел себя по-другому: он не отказался от предложения бабушки и в то же время дал знать об этом своему отцу.

Как отмечал один из лучших биографов Павла, Н. К. Шильдер, сохранились свидетельства, что в качестве гарантов исполнения завещания Екатерины документ еще при жизни императрицы подписали несколько видных русских деятелей; «называли Безбородко, Суворова, Румянцева-Задунайского, Зубова, митрополита Гавриила и других»[5].

После постигшего Екатерину удара состоялось «частное совещание» некоторых сановников. Известно, что в нем приняли участие братья Зубовы, Безбородко,

граф Н. И. Салтыков, митрополит Гавриил. Обсуж-
дался вопрос: как дальше поступить? Митрополит Гав-
риил, первым поставивший подпись как гарант выпол-
нения воли Екатерины, одним из первых перешел на
сторону Павла. В итоге было решено завещания не
объявлять, а известить Павла. В Гатчину с известием
поскакал Н. Зубов. (Правда, есть данные, что еще до
него Павла известил царедворец Салтыков.)

Так или иначе, Павел срочно прибыл в Петербург
и с помощью Безбородко уничтожил опасный для него
документ *.

Особенности павловского режима: его внутренняя и внешняя политика

На другой день в Петербург вступили гатчинские
батальоны. Полковник Н. А. Саблуков так описывает
впечатление гвардии от увиденного при новом императо-
ре: «Вскоре затем новые пришельцы из гатчинского
гарнизона были представлены нам. Но что это были за
офицеры! И как странно они говорили! Это были по
большей части малороссы... Вскоре, однако, мы убеди-
лись, что о каждом слове, произнесенном нами, доноси-
лось куда следует. Какая грустная перемена для полка...»

Жители Петербурга быстро поняли, что «наста-
иной век, иная жизнь», а некоторые перемены сравни-
вали даже с «неприятельским нашествием». На другой
же день после смерти Екатерины «человек 200 поли-
цейских солдат и драгун, разделившись на три или
четыре партии, бегали по улицам и во исполнение
особого повеления срывали с проходящих круглые
шляпы и истребляли их до основания; а у фрако
обрезывали отложные воротники, жилеты рвали по
произволу и благоусмотрению начальника партии, ка
питана или унтер-офицера полицейского. Кампания
была быстро и победоносно кончена: в 12 часов утро

---

* Современники именно этим объясняли стремительную к
ру Безбородко при Павле: уже 11 ноября 1796 г. он получи
действительного тайного советника, 5 апреля 1797 г. пожа
в князья, а 7 апреля сделан канцлером. Кроме того, Павел дал
или 20 тыс. крепостных. Один из очевидцев в связи с этим писа
«Безбородко за пять месяцев службы императору получил награ
ние в сто раз более, сколько был награжден императрицею
время служения при лице ее величества» (Русская старина. 1885
С. 390).

не видали уже на улицах круглых шляп, фраки и жилеты приведены в несостояние действовать, и тысяча жителей Петрополя брели в дома их жительства с непокровенными головами и в разодранном одеянии, полунагие»[7].

Тех же, кто пытался протестовать, полиция избивала. «Жалобам не внимали, суда не давали».

Вечером Павел в сопровождении военного губернатора Архарова* решил лично объехать город. В его свиту попал и молодой офицер А. М. Тургенев. Впоследствии он вспоминал: на Царицынском лугу внимание Павла привлекло деревянное здание оперного театра. Он три раза объехал вокруг театра, подозвал Архарова и приказал: «Чтобы его, сударь, не было!» Ночью с каким-то поручением Тургенев снова проезжал мимо этого места. «Вообразите мое удивление: оперного дома как будто никогда тут не было: 500 или более рабочих ровняли место... Это событие дало мне полное понятие о силе власти и ее могуществе в России»[8].

С целью «восстановить доброе имя» отца, незаконно свергнутого Екатериной, Павел первым делом произвел коронацию Петра III. 19 ноября его останки были извлечены из могилы в Александро-Невской лавре, переложены в новый, обитый золотым глазетом гроб, увенчаны Павлом царской короной и выставлены в церкви для панихиды, продолжавшейся несколько дней. По сторонам гроба стоял почетный караул. Новый император собственной персоной пять раз побывал на панихиде и при каждом посещении открывал гроб и прикладывался к руке покойного. Затем состоялся торжественный церемониал перенесения праха Петра III в Зимний дворец. На всем пути следования от лавры до дворца шпалерами стояли армейские и гвардейские полки.

В Зимнем дворце гроб Петра III был установлен рядом с гробом Екатерины II. И только после этого рассоединенные по прихоти Павла останки бывших царственных супругов по специально наведенному через Неву мосту были перенесены на вечный покой в Петропавловскую крепость.

---

* Н. И. Греч писал: «Он служил несколько лет обер-полицмейстером и отличался расторопностью, сметливостью, угодливостью и подлостью... Имя его будет жить в списке извергов, вредивших государям больше самых отъявленных революционеров...» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 148—149).

С первых же дней своего царствования Павел I начал круто ломать всю установившуюся при Екатерине систему и насаждать свой полицейско-казарменный порядок, особенно не раздумывая при этом. Он полагал, что в сложившихся условиях идея просвещенного абсолютизма безнадежно устарела и самодержец может удержать власть в своих руках, только опираясь на авторитарную силу. Образцом монарха Павел считал Фридриха II.

Новые гатчинские порядки стали вводиться повсюду: в войсках, при дворе и просто на улице. Павел I взялся за армию. Здесь он все переделал по прусскому образцу. Генералы и офицеры екатерининских времен, прошедшие армейскую школу Румянцева и Суворова, подверглись опале и открытым гонениям. Только за три года было уволено со службы 7 фельдмаршалов (среди них Суворов и Румянцев), 333 генерала и 2260 офицеров. В журнале «Русская старина» за 1877 г. в статье «Военные деятели 1796—1801 гг.» сообщалось, что общее число генералов и офицеров, уволенных и ушедших из гвардии и армии в те беспокойные годы, достигало 12 тыс. человек. Одновременно с изгнанием из армии наиболее опытных ее представителей посыпались милости на посредственных начальников, принявших как должное армейскую школу Фридриха II и искавших благоволения Павла. Чин фельдмаршала получили граф Н. И. Салтыков, князь Н. В. Репнин, граф И. Г. Чернышев, а несколько позже — М. Ф. Каменский, И. К. Эльмпт, В. П. Мусин-Пушкин, А. А. Прозоровский, И. П. Салтыков, И. В. Гудович. Павел унизил высокое звание фельдмаршала, присваивая его лицам вполне заурядным. Он также подорвал авторитет генеральского чина, награждая им особенно четко марширующих и рапортующих юнцов. При новом императоре главными в армии стали не боевые заслуги, выучка, воинская доблесть и достоинство, а внешняя выправка, бессмысленная муштра, чинопочитание и страх перед начальством.

В войсках были введены новый устав, новые чины. Команды стали отдаваться тоже по-новому. Они были составлены из французских слов «с русским склонением». Вместо «К оружью!» стали командовать «Вон!», вместо «Ступай!» — «Марш!», вместо «Заряжай!» — «Шаржируй!».

Стремление Павла подражать во всем Фридриху II сказалось и на форме одежды для войск. Простое и удобное обмундирование, введенное в армии Г. По-

темкиным, было заменено прусским. Солдат стали одевать в темно-зеленые мундиры и длинные камзолы. Мундиры шились из толстого сукна, с лацканами, отложным воротником и обшлагами кирпичного цвета. Каждому выдавалась шляпа с широким серебряным галуном и черным бантом. Она имела такую замысловатую форму, что едва прикрывала голову. Когда на учениях командовали «Беглым шагом», то шляпы летели с голов. В таких случаях снаряжалась особая команда для подбирания шляп. Шею солдата плотно охватывал черный фланельный галстук, в качестве обуви выдавали тесные курносые башмаки, и ноги стягивали за коленями так называемыми суконными штиблетами с красными пуговицами вдоль всей ноги. Снаряжение было тяжелым и весьма обременительным.

А. М. Тургенев в своих записках рассказывает, какие он должен был претерпеть страдания в связи с этими реформами, когда его готовили к дежурству при дворе в один из первых дней нового царствования: «В 5 часов утра я был уже на ротном дворе: двое гатчинских костюмеров, знатоков в высшей степени искусства обделывать на голове волоса по утвержденной форме и пригонять амуницию по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладели моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной форме, и началась потеха. Меня посадили на скамью посредине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров... начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом; если Бог благословит мне и еще 73 года жить на сем свете, я этой проделки не забуду!

Минут 5 и много 6 усердного трения головы моей костюмером привело меня в такое состояние, что я испугался, полагал, что мне приключилась какая-либо немощь: глаза мои видели комнату, всех и все в ней находившееся вертящимися. Миллионы искр летали во всем пространстве, слезы текли из глаз ручьем. Я попросил дежурного вахмистра остановить на несколько минут действие г. костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и г. профессор оболванения голов по форме благоволил объявить вахтмейстеру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить... Начинается мокрая операция. Чтобы не вымочить на мне белья, меня вместо пудроманта, окутали рогожным

кулем; костюмер стал против меня ровно в разрезе п
две половины лица и, набрав в рот артельного квасу
начал из уст своих, как из пожарной трубы, опрыски
вать черепоздание мое; едва он увлажил по шву голо
вы, другой костюмер начал обильно сыпать пуховко
на голову муку во всех направлениях; по окончании се
операции, причесали мне волосы гребнем и приказали
сидеть смирно, не ворочать головы, дать время об
разоваться на голове клестер-коре; сзади в волоса при
вязали мне железный, длиною 8 вершков, прут для
образования косы по форме, букли приделали мне
войлочные, огромной натуры, посредством согнутой
дугою проволоки, которая огибала череп головы и
опираясь на нем, держала войлочные фалконеты с обе
их сторон, на высоте половины уха. К 9 часам утр
составившаяся из муки кора затвердела на черепе го
ловы моей, как изверженная лава волкана, и я под си
покровом мог безущербно выстоять под дождем, сне
гом несколько часов, как мраморная статуя, постав
ленная в саду... Увидев себя в зеркале, я не мог понять
для чего преобразовали меня из вида человеческого
в уродливый вид огородного чучелы»[9].

Когда же Тургенев, новый ординарец, представля
ся государю, тот, милостиво потрепав его по плеч
удовлетворенно заявил: «Эта одежда и Богу угодна
и вам хороша».

На первых порах такие реформы поглощали вс
внимание начальствующих лиц. Известно, что Пав
шутить не любил.

В обучении войск, при ежедневных экзерциция
и вахтпарадах, процветала невиданная жестокост
Особенно свирепствовал генерал Аракчеев. Он попра
лял выправку воинов кулачными зуботычинами, рва
усы у гренадер, бил без различия солдат и юнкеро
нововведенной форменной палкой.

Поведение самого императора порой выглядело н
меньшей мере смешным. Недовольный плохой выпра
кой войск, он самолично принимался за их муштру. Д
генералов, покрытых при Екатерине боевыми лаврам
он устроил в Зимнем дворце тактический класс, где по
надзором Аракчеева читал лекции по строевой час
гатчинец Каннабих, ранее бывший учителем фехтовани

Павел отличался неуравновешенным, вспыльчиво
характером. Его поступки были непредсказуемы.
удачный и смелый ответ он мог тут же произвес
понравившегося ему капитана в полковники. И в то

время бывали случаи, когда он приказывал прогнать со смотра целый полк.

Объективности ради следует заметить, что, неукоснительно проводя свою реформу в армии, Павел хотел устранить многие злоупотребления, имевшие место в последние годы царствования Екатерины II. Он запретил, например, использование низших чинов в услужении по личным домам, дачам и деревням; объединил гатчинские войска с привилегированными гвардейскими полками; исключил из службы офицеров, не находившихся в своих полках в момент его вступления на престол, и др.

Современники императора и едва ли не все участники его убийства отмечали любопытную деталь в период его правления — Павел пользовался популярностью у известной части солдат. И вот за что: довольствие всегда выдавалось точно и даже до срока, полковники не могли более присваивать то, что принадлежало солдатам. Павел строго наказывал офицеров, которые теряли хоть нескольких солдат по дороге к месту службы, присваивая их довольствие, и поощрял тех, кто доставлял свой отряд на место в хорошем состоянии. Второй причиной солдатской преданности Павлу было некоторое уравнение в наказаниях высших и низших чинов. Рукоприкладство, сечение солдат, процветавшее при Екатерине, сохранилось и при Павле, но положение офицеров ухудшилось: их наказывали, оскорбляли, даже били при рядовых, низшие чины практически могли жаловаться на высших.

Солдат при Павле мучают, бьют, но одновременно — в духе павловской политики — ряд послаблений: специальный манифест от 29 апреля 1797 г. объявляет прощение отлучившимся низшим чинам и разного звания людям. Впервые организован военно-сиротский дом, значительно расширена сеть солдатских школ. Вводится более тяжелое, неудобное прусское обмундирование, но зимой меховые жилеты на зимний период. 23 декабря 1800 г. солдатам, находившимся на службе до вступления Павла на престол, было объявлено, что по окончании срока службы они становятся однодворцами, получая по 15 десятин в Саратовской губернии и по 100 руб. на обзаведение [10]. Не многие смогли этим воспользоваться, но это еще один жест императора в сторону бесправной, забитой массы крестьян, одетых в шинели.

Однако неоправданная крайность некоторых из принимаемых мер, слепая ненависть к недавнему

прошлому и бездумное преклонение перед прусс чеством не только сводили на нет добрые намерени Павла, но и вели к губительным для него само последствиям.

Начало царствования, при всех резкостях, было ознаменовано рядом великодушных поступков и благ начинаний. Павел выпустил на свободу Костюшк даровал прощение всем полякам, «подпавшим под нак зание, заточение и ссылку по случаю бывших в Поль замешательств». Из Илимска был возвращен Радище из Шлиссельбурга освобожден Новиков; масон Лопухи был приведен в Петербург и обласкан, но позже он опя вызвал неудовольствие переменчивого императора.

Отказавшись от политики, проводимой матерью и еще не определившись в своей собственной, Пав начал ломать все, что было связано с именем Ек терины II.

Люди, возвысившиеся в минувшее царствовани ждали решения своей участи. «Знаменитейшие особы, первостепеннейшие чиновники, управляющие государ ственными делами, стояли как бы лишенные должно стей своих и званий, с поникнутою головой, не приме ны в толпе народной. Люди малых чинов, о которы день тому назад никто не помышлял, никто почти н знал их, бегали, повелевали, учреждали» [11].

Кары обрушились на некоторых приближенны Екатерины, даже на тех, которых уже не было в живы Узнав, что гроб с телом Потемкина не опущен в зе лю, а находится с 23 ноября 1791 г. в подпольн склепе церкви Св. Екатерины в Херсоне, Павел в а реле 1798 г. отдал распоряжение похоронить его «б дальнейшей огласки, в самом же том месте, в осо вырытую яму, а погреб засыпать и загладить земл так, как бы его никогда не было» [12]. Как свидетельс вовал внимательный современник тех событ И. И. Дмитриев, «даже и самый мавзолей, воздвиг тый под сводом церкви над его (Потемкина.— *Ав прахом, приказано было разрушить*» [13].

Вместо древних греческих или славянских названи данных Потемкиным населенным пунктам в Крым и Екатеринославской губернии, по повелению Пав вводились тюркские или «русские простонародны Южные местности с началом нового царствован охватила эпидемия переименований. Севастополь л лено переименовать Ахтияром, Феодосию — Кафо Были отменены все постановления Потемкина.

Раболепно усердствующий исполнитель, слепое орудие монаршей воли — вот кого хотел видеть новый император вокруг своего трона. Примером такого деятеля стал А. А. Аракчеев, сделавший головокружительную карьеру: Павел произвел его в генералы и назначил комендантом Петербурга.

Столица при Павле жила, словно большая казарма. Въезд и выезд из города подчинялись строгому контролю. На городских заставах стояли полосатые шлагбаумы и будки с часовыми. Военный губернатор Петербурга Архаров по повелению Павла приказал даже дома городские выкрасить в черно-белые любимые цвета государя.

Правление Павла I отличалось усилением в России общей полицейской опеки над частной жизнью всех слоев населения. Он считал, что каждый смертный всегда, везде и во всем должен поступать в строгом соответствии с регламентом, установленным монаршей властью.

Известный польский политический деятель князь Адам Чарторыйский (1770—1861), бывший в дружеских отношениях с Александром Павловичем и хорошо знавший самого Павла I, в своих мемуарах следующим образом описывает колоритную фигуру этого сумасбродного монарха: «Император ежедневно объезжал город в санях или в коляске в сопровождении флигель-адъютанта. Каждый повстречавшийся с императором экипаж должен был остановиться: кучер, форейтор, лакей были обязаны снять шапки, владельцы экипажа сами были немедленно выйти и сделать глубокий реверанс императору, наблюдавшему, достаточно ли почтительно был он выполнен. Можно было видеть [illegible]дин с детьми, похолодевшими от страха, выходящих в снег, во время сильного мороза, или в грязь, во время распутицы, и с дрожью приветствующих государя глубоким поклоном. Императору все казалось, что его пренебрегают, как в то время, когда он был великим князем. Он любил всегда и всюду видеть знаки подчинения и страха, и ему казалось, что никогда не удастся внушить этих чувств в достаточной степени. Поэтому, [illegible]ходя по улицам пешком или выезжая в экипаже, все очень заботились о том, чтобы избежать страшной встречи с государем. При его приближении или убегали смежные улицы, или прятались за подворотни» [14].

Жителям столицы предписывалось не только время подъема и отправления ко сну (день в городе

начинался в 6 часов утра, в 10 часов вечера вся жизнь замирала), но и время обеда и даже указывалось число блюд по сословиям, а у служащих — по чинам. Император иногда ложился спать в 8 часов вечера, и вслед за этим во всем городе гасли огни. По рассказам современников, жители Петербурга старались всячески скрывать ночью свет в окнах, завешивая и запирая последние ставнями.

Строгая регламентация касалась и членов царской семьи. Императрица Мария Федоровна не имела права приглашать к себе без дозволения государя ни сыновей своих, ни невесток.

В своих распоряжениях Павел нередко доходил до курьезов. С целью анонимно доносить своему государю верноподданнические предложения и своевременно сообщать об известных им крамолах Павел приказал повесить у Зимнего дворца специальный почтовый ящик, ключ от которого был только у него. К его горькому разочарованию, злополучный ящик очень скоро пришлось снять — в него посыпались не советы подданных, а карикатуры на самого монарха и его сатрапов. Вальсируя однажды во дворце со своей фавориткой камер-фрейлиной Анной Лопухиной, Павел неожиданно упал. На другой же день, 18 февраля 1799 г., последовал указ, запрещавший танцевать вальс.

Несколько фрагментов хроники того же 1799 г. дают представление о желании императора предписывать своим подданным и моду:

2 апреля.	Запрещение иметь тупей, на лоб опущенный.
6 мая.	Запрещение дамам носить через плечо разные цветные ленты наподобие кавалерских.
17 июня.	Запрещение всем носить широкие большие букли.
12 августа.	«Чтобы никто не имел бакенбард».
4 сентября.	Запрещение немецких кафтанов и «сюртуков с разноцветными воротниками и обшлагами; но чтоб они были одного цвета»
28 сентября.	«Чтоб кучера и форейторы, ехавши, не кричали».
28 ноября.	Запрещение «синих женских сюртуков с кроеным воротником и белой юбкой» [15].

Говоря о личных правах дворянства, один из мемуаристов заметил, что «если бы Павел в несправедливых

ойнах пожертвовал жизнью нескольких тысяч людей, го бы превозносили, между тем как запрещение но-ить круглые шляпы и отложные воротники на платье озбуждало против него всеобщую ненависть»[16].

Присутственный день в павловское время начинал-я *в 5 часов утра, во всех канцеляриях и коллегиях* го время уже горели свечи на столах, и сенаторы уже асов утра сидели за красным столом. Запущения особенно в Сенате, император не терпел; он по-, что после кончины Екатерины II в нем осталось е чем 30 тыс. нерешенных дел. Павел желал, что-и в самых отдаленных местах его государства казы и повеления царской власти исполнялись быст-о. Курьеры ездили тогда из Петербурга в Москву менее чем за двое суток, и таких курьеров было до 20 человек.

Личное стремление нового императора «вникать во соответствовало той социальной роли, в которой ебя представлял. Екатерина II, например, отдавала вестных пределах) армию и флот в ведение фаво-в или умных, инициативных начальников. Павел наоборот, старался увеличить свою непосредствен-власть.

Ломка всего екатерининского, порывистые прояв-я характера императора отразились в огромном честве указов, узаконений, распоряжений в корот-царствование Павла. Начиная с первых, распуб-ованных 6 и 7 ноября 1796 г., и кончая последними ью законами, от 11 марта 1801 г., было издано: онце 1796 г.— 177 документов, в 1797 г.— 595, 98 г.— 509, в 1799 г.— 330, в 1800 г.— 469, в начале г.— 69, т. е. всего 2179 законодательных актов, в среднем 42 в месяц (для сравнения: за 34 с поло-ой года правления Екатерины II — 5948, в среднем месяц)[17].

При всей противоречивости законодательства 796—1801 гг. общим духом сотен новых указов была централизация, самодержавность.

Государь единолично решал большинство админи-ративных вопросов. При Павле особенно усилилось значение генерал-прокурора Сената, заключающее «в себе повсеместную бдительность о благоуспешном те-чении разного рода дел». Выстраивалась железная ли-ния подчинения: император — генерал — прокурор — министр — губернатор. Усиление столичной централи-зации отзывается эхом в провинции: как за высшими

правительственными учреждениями надзирает генерал-прокурор, так за губернатором следит губернский прокурор. Инструкция от 11 марта 1798 г. предписывала ему надзирать за иностранцами и тщательно «сверять их подорожные с маршрутом»; позже губернским прокурорам приказано «обращать замечательное внимание к переписке и сочинениям из чужих край» и обо всем докладывать не начальнику губернии, а генерал-прокурору; от 26 декабря того же года — «доносить по службе о самых главных чиновниках в губернии». За свое короткое царствование Павел сменил четырех генерал-прокуроров — А. Б. Куракина, П. В. Лопухина, А. А. Беклешова, П. Х. Обольянинова, что также говорит об усилении власти самодержца.

Мнение А. Чарторыйского, осведомленного высокопоставленного представителя одновременно российских и польских верхов, дает представление об атмосфере тех лет: «Страх, так часто испытываемый Павлом, он внушил и всем чиновникам своей империи, и эта общая устрашенность имела благодетельные последствия... Боясь, чтобы злоупотребления, которые (чиновники.— *Авт.*) позволяли себе, не дошли до сведения императора и чтобы в одно прекрасное утро без всякого разбора дела не быть лишенным места и высланным в какой-нибудь из городов Сибири, стали более обращать внимание на свои обязанности, изменили тон в обращении с подчиненными, избегали позволять себе слишком вопиющие злоупотребления. В особенности могли заметить эту перемену жители польских провинций, и царствование Павла еще до сих пор в наших местах называют временем, когда злоупотребления, несправедливости, притеснения в мелочах, необходимо сопровождающие всякое чужеземное владычество, давали себя чувствовать всего слабее»[18].

В день коронации, состоявшейся в Москве 5 апреля 1797 г., новый император обнародовал несколько указов. Одним из них был новый закон о престолонаследии. Он отменял распоряжение Петра I и устанавливал, что русский престол наследуется по праву первородства в мужском поколении, т. е. старшему сыну, затем младшим сыновьям.

С восшествием на престол нового императора в крестьянской среде империи пошли слухи об освобождении от крепостного права (так часто было при перемене царствования), они всколыхнули крестьянскую массу, и восстания широкой волной разлились по

ние. Главным очагом этого стихийного движения
ли районы великорусского центра, в частности Ор-
ская и Брянская губернии. За период с 1796 по
г. произошло 184 волнения крестьян с требовани-
освобождения их от власти помещиков и перевода
ное ведомство. Восстания жестоко подавлялись,
овных карали беспощадно.

В целом законодательство Павла I по крестьянскому вопросу было продолжением политики Екатерины II, но новый император пытался использовать как карательные экспедиции, так и некоторые законодательные акты, ограничивающие эксплуатацию крестьянства.

Павел ввел практику приведения к присяге крестьян вне с дворянами и купцами. В манифесте от 5 ап-
я 1797 г. запрещалось отправление барщины по
кресным дням и содержался совет помещикам ограничиваться трехдневной барщиной в неделю. По этому
оду прусский советник Вегенер в донесении своему правительству по случаю коронационных торжеств в апреле 1797 г. писал: «Единственная вещь, которая произвела сенсацию,— это указ, который повелевает, чтобы отныне воскресенья были посвящены полному отдыху с прекращением всякой работы, а кроме того, определяет, чтобы крестьяне работали три дня в неделю на своих господ и три дня на самих себя. Закон, конечно решительный в этом отношении и не существовавший доселе в России, позволяет рассматривать этот
арш императора как попытку подготовить низший
с нации к состоянию менее рабскому»[19]. Однако
ненамного облегчил положение крестьян: поме-
ки русских губерний мало обращали на него внима-
. Что же касается украинских помещиков (там до
пор была двухдневная барщина), то они воспользовались этим царским указом, чтобы теперь заставить своих крестьян работать на себя еще один день.

16 февраля 1797 г. была запрещена продажа дворовых и безземельных крестьян «с молотка или с подобного на сию продажу торга», позже — раздроблять крестьянские семьи при их переходе к другим владельцам. Указом от 16 октября 1798 г. запрещалось продавать дворовых людей и крестьян без земли. В целом же указы Павла I о крепостных крестьянах облегчали участь последних тем, что давали возможность жаловаться на произвол господ. Однако все эти меры никоим образом не свидетельствовали об антикрепостнических настроениях Павла. За свое короткое правление

он успел раздать в собственность помещикам 600 ты
государственных крестьян. Фактическое положени
крепостных оставалось по-прежнему безысходным
Известный русский писатель А. Т. Болотов, свидетел
царствования Павла I, вспоминал следующее об от
ношении государя к крепостному люду: «Пользуяс
свободою и дозволением всякому просить самого го
сударя, затеяли было и господские лакеи просить н
господ своих и, собравшись несколько человек ват
гою, сочинили челобитную и, пришед вместе, подал
жалобу сию государю, при разводе находившемуся
В оной, очернив возможнейшим образом своих госпо
и взведя на них тысячи зол, просили они, чтоб о
освободил их от тиранства своих помещиков, говор
прямо, что они не хотят быть в услужении их, а жела
ют лучше служить ему. Государь тотчас проникну
какие страшные, опасные и бедственные последстви
могут произойти, если ему удовольствовать их прось
бу... и, обозрев окружающих, подозвал к себе одног
из полицейских и приказал, взяв сих людей и отведя н
рынок, публично наказать нещадным образом плет
ми и столько, сколько похотят сами их помещики.
Сим единым разом погасил он искру, которая могл
бы развесть страшный пожар, и прогнал у всех слу
и рабов просить на господ своих» [20]*.

Настроения царя были непостоянны, и ждать после
довательности в проводимой им по отношению к подат
ному сословию политике не приходилось: помещик
и местные власти, даже вблизи от столицы, не говор
о российской глубинке, каждодневно находили способ
обходить стороной петербургские указы. И тем не мене
павловские указы были первыми за много десятилети
официальными документами, по крайней мере провоз
глашавшими некоторые послабления крестьянству.

Историк Н. Я. Эйдельман, изучая законодатель
ство Павла I, по этому поводу писал: «Павел сам
плоть от плоти дворянского сословия. Но в его плана

---

* Эти действия Павла I целесообразно сопоставить с утвержде
ниями, выдвинутыми в последнее время некоторыми беллетристам
Так, у Ю. Нагибина в киноповести «Александр Благословенный
Павел высказывает следующие мысли по поводу освобождения кр
стьян: «Главная загвоздка, сынок, не в дворянстве... Рабы не хот
этого... не хотят, и все! Загадочная душа России» (Литературны
новости. 1993. Октябрь. № 47—48. С. 12). И это говорится после
того, как во время пугачевщины сотни тысяч русских «крепостны
рабов» наглядно показали, хотят они воли или не хотят!

тьяне, народ занимают особое место. Вопрос же естьянской реакции на новое правление непрост, даже активность 1796—1797 гг. порождена прежего слухами о свободе, даруемой сверху. Сведения «184 волнениях» за 1796—1798 гг. требуют сопоения с тем, что было потом, в последующие годы *овского правления*...

1798 г. наблюдается всего 12 активных крестьянвыступлений и коллективных прошений против в 1797; в 1799 г.—10 выступлений, в 1800 г.—16, 01 г.—7...

Самые «тихие» годы александровского царствовадавали 12 выступлений (1807 г.), 15 (1806 г.), 17 г.), большей же частью—не менее 30»[21].

Павел I вопреки екатерининской традиции не опия на гвардию и дворянство в такой степени, как матушка. Объявляя дворянские интересы своими, ый царь готовился «повытрясти и повыколотить из ии екатерининский дух... В его глазах то был дух волия, изнеженности и всяческого разврата»[22].

Ничто так, при перемене правительства, не озаболо *российское дворянство, как опасение, чтоб не* иться ему... дарованной вольности, и удержание привилегии, чтоб служить всякому непринужденно тех пор только, покуда кто пожелает; но, ко бщему всех удовольствию, новый монарх при са- своем еще вступлении на престол, а именно на ий или четвертый день, увольнением некоторых дейских офицеров от службы на основании указа льности дворянства, и доказал, что он никак не ерен лишать дворян сего драгоценного права и залять служить их из-под неволи. Нельзя довольно разить, как обрадовались все, сие услышав...»[23]

Но время перемен было не за горами.

1797 г. Павел велит явиться в полки фиктивным, енок зачисленным недорослям. После царского ра *все младенцы «за неявкою» были уволены.* октября 1799 г. никто не мог «по своему хотению» рать гражданскую службу вместо военной: требось разрешение Сената, утвержденное царем.

Произошли изменения и в поместной жизни дворян- Губернские собрания, как самые влиятельные, ринципно упраздняются, уездные — сильно ограничива-. Выборные из дворян полицейские и судебные власти заменены назначаемыми сверху. Право губернатора ниваться в дворянские выборы значительно возросло.

Если раньше Жалованная грамота дозволяла дворянам сообщать о своих нуждах губернаторам и делать представления через своих депутатов как Сенату, так и царю, то с приходом к власти Павла права дворянских депутаций сильно ограничиваются: для обращения на высочайшее имя требовалось разрешение губернатора или генерал-губернатора.

Потеряла свою силу и та статья Жалованной грамоты 1785 г., дарованная Екатериной дворянству, которая запрещала телесные наказания российских дворян. В павловское время ничего не стоило потерять и само дворянство, неудачно взмахнув эспантоном на марше или неправильно поклонившись.

3 января 1798 г. последовали разъяснения Павла: «Коль скоро снято дворянство, то уж и привилегия до него не касается. По чему и впредь поступать».

Эти мероприятия вызывали недовольство и столичного дворянства, и провинциальных помещиков. Усиливалась неприязнь к новому императору. Но это не означает, что Павел I не защищал интересов правящего класса, что он был «убежденным противником дворянства», как ошибочно называли его некоторые позднейшие историки. Он предпринял ряд мер для укрепления их экономического положения. В частности, в 1797 г. был учрежден государственный Вспомогательный дворянский банк, выдававший ссуды под залог имений из расчета 6% годовых. За первые два года своего существования банк раздал 59 млн руб. Среди новых учреждений павловского времени, которые не вызывали дворянских возражений, были Российско-американская компания и Медико-хирургическая академия. Павел охранял дворянские привилегии в армии. В 1798 г. с военной службы были уволены все офицеры-недворяне, и впредь приказано не представлять военнослужащих недворянского сословия даже к младшему офицерскому чину. Для насаждения образования и воспитания он основал в Дерпте университет, в Петербурге — училище для военных сирот (Павловский корпус), для женщин — институт ордена Св. Екатерины и учреждения ведомства императрицы Марии.

Если докатившиеся до России раскаты Великой французской революции напугали Екатерину II с ее трезвым умом, то у Павла они вызвали чувства тревоги и растерянности. При этом любые народные выступления он связывал с либеральными идеями, усвоенными его матерью, и с той распущенностью, которую он наблюдал в правительстве и в русском обществе.

Павел был убежден в необходимости всеми средствами охранять русское общество от опасных идей Французской революции и поэтому предпринимал гонения на любые либеральные настроения и заморские вкусы. На всем протяжении своего царствования он душил малейшую искру свободомыслия. Еще в 1797 г. были закрыты все частные типографии и устанавливалась строжайшая цензура на русские книги. Одновременно с этим налагался запрет на французские моды. В 1799 г. были запрещены поездки молодых людей за границу для получения образования. Указ от 18 апреля 1800 г. объявлял: «Так как чрез вывезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то отныне... повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку»[24]. По именному распоряжению императора были изъяты из обращения слова «гражданин» и «отечество». И все это делалось с одной целью — истребить в России дух «мятежной» Франции.

В 1797—1799 гг. запрещено 639 изданий, в том числе «Путешествие Гулливера», но пропущен Руссо! Цензуре подвергались и ноты Моцарта и Гайдна. Три цензуры учреждаются в Санкт-Петербурге, а также в Москве, Риге, Одессе и при главной таможне. Ошибки цензоров караются жестоко.

Объем печатных изданий за четыре года павловского правления составил 875 названий, т. е. уменьшился на треть по сравнению с последними четырьмя годами правления Екатерины II[25].

Просвещение все больше контролируется верховной властью — это еще одна характерная черта правления императора Павла I.

Отсутствие ясной системы и резкие колебания отличали внешнюю политику Павла I. При восшествии на престол он прекратил поход русских войск в азербайджанские провинции Ирана, предпринятый Екатериной II в 1796 г. с целью воспрепятствовать Ирану утвердиться в Закавказье. Одновременно было заявлено западным державам, что Россия 40 лет находилась в состоянии изнурительной войны и поэтому император Павел не может отказать своим подданным «в потребном и желаемом ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений».

Однако новые агрессивные действия Франции, угрожавшие русским интересам на Ближнем Востоке, на

Балканах и в Европе, заставили Павла отказаться от своих первоначальных намерений. В этом его активно поддерживали руководители внешней политики России — канцлер А. А. Безбородко, русский посланник в Лондоне граф С. Р. Воронцов, посланник в Берлине Н. П. Панин, посол в Вене А. К. Разумовский.

Крупная торгово-промышленная буржуазия Франции, пришедшая к власти после термидорианского переворота (28 июля 1794 г.), стремилась к созданию колониальной империи на Ближнем Востоке, к превращению Средиземного моря в море для французов. Первым шагом в этом направлении был захват французами Ионических островов. Потом последовало дальнейшее наступление Франции на владения Османской империи. В мае 1798 г. французский флот, выйдя из Тулона, взял курс к африканским берегам. Направляясь к Египту, французы заняли Мальту, чем восстановили против себя русского императора, принявшего незадолго перед тем титул великого магистра Ордена. После этого французская армия под командованием генерала Бонапарта высадилась недалеко от Александрии, заняла Египет и повела наступление на Сирию.

Захват Мальты, Ионических островов и Египта был только первым шагом в честолюбивых планах Бонапарта — за этим могла последовать оккупация Константинополя, Б к нского полуострова и черноморских проливов. Такая перспектива могла закрыть России путь на Балканы и пред авляла собою непосредственную угрозу для Северного Причерноморья. То, что французы не отказывались от подобных планов, подтверждал министр иностранных дел Французской республики Талейран — в 1798 г. он прямо указывал на желательность разрушить у русских Херсон и Севастополь.

Русскую дипломатию беспокоило усиление Франции в Европе. Оно могло нарушить равновесие сил в Германской империи, а в Польше позволить более эффективно использовать против России шляхетскую эмиграцию. И наконец, Павел и его сановники боялись угрозы распространения революции в Европе и проникновения ее идей непосредственно на русскую почву. В этих условиях вопрос о присоединении России к новой антифранцузской коалиции был фактически решен.

Как только армия Бонапарта в 1798 г. высадилась в Египте, Турция объявила войну Франции и обратилась к России с просьбой о помощи. В ответ Павел I послал русскую эскадру под командованием вице-ад-

мирала Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море с задачей изгнать французов с Ионических островов. Русские военные моряки во главе со своим выдающимся флотоводцем блистательно справились с этой задачей. После бегства французов Ионические острова были преобразованы в республику Семи соединенных островов, гарантом и покровителем которой являлась Россия. Турецкий султан объявлялся сюзереном новой республики, в силу чего она должна была платить Порте вассальную дань. Последнее было вынужденной уступкой Турции со стороны русских, но в целом конвенция по статусу Ионических островов усиливала позиции России в Восточном Средиземноморье.

Русско-турецкие переговоры в Константинополе только 3 января 1799 г. завершились подписанием союзного договора. Главные обязательства обеих сторон (России — направить для обороны Турции эскадру военных кораблей, Турции — на время войны с Францией разрешить свободный проход русского военного флота через Босфор) к этому времени были уже выполнены. Этот договор был юридическим выражением новых отношений между Россией и Турцией. Россия выступала теперь в роли спасительницы и покровительницы Османской империи, в то время как Франция — традиционный союзник Турции — стала ее врагом. Договор был подписан на 8 лет. Обе стороны в качестве общей цели провозглашали сохранение целостности своих владений, обеспечение спокойствия, безопасности и политического равновесия между странами, а также противодействия планам французского правительства. Предусматривалось также, что, в случае если Франция усилит «неприязненные действия» против Турции, Россия пошлет на помощь Турции 75—80-тысячное войско, расходы на содержание которого после перехода через Днестр возлагались на Порту.

К русско-турецкому союзному договору присоединилась Англия. Таким образом на Ближнем Востоке был создан мощный антифранцузский блок трех держав. Вскоре он дополнился союзом этих держав с Неаполитанским королевством (Королевством Обеих Сицилий). В Центральной Европе процесс образования антифранцузского блока протекал более сложно. Россия и Австрия быстро договорились о совместных военных действиях против Франции, но Пруссия к коалиции не присоединилась. 29 декабя 1798 г. в Петербурге был подписан русско-английский договор, по

которому Россия обязалась направить в Европу для военных действий против Франции 45-тысячную армию, а Англия со своей стороны согласилась предоставить единовременную денежную субсидию в 225 тыс. фунтов стерлингов и выплачивать ежемесячно по 75 тыс.

Основные военные силы для действия против Франции выставили Россия и Австрия. Их объединенные армии под командованием Суворова были направлены в захваченную французами Италию, ставшую впоследствии главным театром сухопутных сражений. «Веди войну по-своему, как умеешь»,— ответил Павел I на просьбу Суворова о некоторых переменах в войсках, поскольку последний не мог согласиться с прусскими порядками в действующей армии. И все же император не доверял Суворову. Согласившись на его назначение командующим русско-австрийскими войсками, Павел тогда же направил генералу Герману* тайный рескрипт, строго предписав «иметь наблюдение за его предприятиями (т. е. действиями Суворова.— *Авт.*), которые могли бы повести ко вреду войск и общего дела, когда будет он слишком увлекаться своим воображением, заставляющим его иногда забывать все на свете. И так, хотя он по своей старости уже и не годится в Телемаки, тем не менее, однако ж, вы будете Ментором, коего советы и мнения должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами» [26].

Итальянский поход А. В. Суворова. 14 марта 1799 г. Суворов прибыл в Вену. Его встречали восторженные толпы народа — с именем русского фельдмаршала они связывали надежды на успех в войне против францу-

---

* *Иван Иванович Герман* (1744 — после 1801), родом саксонец. С 1770 г. — на русской службе, генерал-лейтенант. При императоре Павле I был генерал-квартирмейстером, командовал русским корпусом за границей, принимал участие в англо-русском десанте в Голландии. Действовал весьма опрометчиво под Бергеном, где части его были разбиты, а сам он попал в плен к французам. Вследствие своеобразной иронии судьбы Павлу пришлось выменивать его на пленных французских генералов (Груши и Периньона), захваченных при Нови Суворовым — тем самым военачальником, «ошибки» которого Герман должен был исправлять и по своему званию генерал-квартирмейстера самостоятельно заведовать «направлением марш*ей и лагерным расположением». Поручение Павла I Герману — следить за Суворовым — было не случайным: Герман принадлежал к числу генералов, завидовавших «постоянному счастью» Суворова и фактически умалявших его военные таланты.

вов, которые совсем недавно угрожали столице Австрии. Суворов был принят императором Францем II, ему был пожалован чин австрийского фельдмаршала. Подчинив Суворову союзную армию, в Вене обещали ему полную свободу действий. Но придворный военный совет — гофкригсрат — хотел получить от командующего его план предстоящей кампании, с тем чтобы навязать ему свои замыслы ведения войны, цель которых сводилась всего лишь к оттеснению французов за реку Адду.

Во главе австрийского гофкригсрата стоял барон Тугут, никогда не служивший в армии и мало разбиравшийся в военных делах, но великий интриган. Тугут через русского посла Андрея Разумовского, которого он всецело подчинил своему влиянию, настойчиво приглашал Суворова на личную аудиенцию, чтобы сообщить свои соображения о военных действиях в Северной Италии. Суворов, однако, считал такую встречу ненужной. «Я не дипломат. О чем мне с ним говорить? Он моего дела не знает, я его дела не знаю»,— ответил он Разумовскому. Фельдмаршал понял, что бессмысленно говорить подробно о плане военных действий здесь, в Вене, без знания реальной обстановки и конкретных условий будущих сражений. Поэтому на все назойливые вопросы представителя гофкригсрата он заявил: «Я начну с Адды, а кончу тем, как Богу будет угодно».

24 марта Суворов выехал из Вены. На прощание император Франц вручил ему подробную инструкцию. Слова и дух этого документа прямо противоречили суворовской «Науке побеждать»: он предусматривал вялую, бесцветную кампанию с маневрированием зимними квартирами. Вместе с тем в этой инструкции явно просматривалось недоверие к командующему, попытка с первых же шагов ограничить его инициативу в интересах венского двора. В дальнейшем противоречия эти возрастали и привели к кризису в отношениях между союзниками.

Противоречия между гофкригсратом и Суворовым не были, разумеется, случайными, они вытекали из того, что стремления союзников не только не совпадали с целями России, но и прямо им противоречили. Австрия, с одной стороны, стремилась получить территориальные приобретения в Италии, а с другой — больше опасалась усиления России в Европе. Таким было и отношение Англии к русским в районе

едиземного моря. В то же время Павел I, явно дооценивая враждебность Австрии, соглашался с ее мерениями в отношении способов ведения войны, первом этапе которой русские войска должны остаться только помощниками союзников, с чем, конечно, не мог согласиться Суворов.

Каким было соотношение сил воюющих сторон? ранция в начале 1799 г. выставила на восточных аницах 181 тыс. своих войск из основного состава 56 тыс. вспомогательных войск из созданных ею спублик в Нидерландах, Швейцарии и Италии; эти помогательные войска использовались главным обзом в местных гарнизонах. Несмотря на то что триотический подъем 1792—1793 гг. спал, боевые чества французских войск оставались высокими — ни приобрели богатый боевой опыт, выучку, уверенсть в себе. Французы были достойным противником воровских войск.

На сухопутном театре войны действовали войска встрии и России. К началу кампании австрийцы выставили 255 тыс. человек. Однако эти войска сильно ступали французам и по своему качеству, и по тактической подготовке.

Россия на войну с Францией направила свои войска исленностью около 75 тыс. и 7 тыс. французских мигрантов во главе с принцем Конде.

Русские войска к месту военных действий прибыли в разное время: корпус Розенберга (20 тыс. человек) — в апреле 1799 г.; корпус Ребиндера (11 тыс. еловек) — в конце июня; корпус Римского-Корсакова (7 тыс. человек) — в августе; корпус принца Конде — в онце сентября; корпус Гёрмана (17 тыс. человек) был правлен в августе для высадки в Голландии.

Чтобы правильно оценить действия Суворова в Итаии, следует иметь в виду следующие важные обстотельства. Во-первых, военно-географические условия Северо-Итальянского театра затрудняли осуществлеие Суворовым активной стратегии с решительными елями: долина реки По с ее притоками представляла обою коридор, окаймленный с севера Альпами юга — Апеннинами, а с запада замкнутый теми же льпами. Только один более или менее доступный орный проход — Тендский — мог вывести на террито-ию Франции, но оттуда до Парижа было слишком алеко. Во-вторых, наступление союзной армии в Се-ерной Италии осложнялось большим числом укреп

ленных пунктов, находившихся в руках французов. В долине По и в предгорьях Альп и Апеннин французы владели 32 крепостями и укрепленными городами с гарнизонами, не считая небольших фортов. И конечно, Суворову не могли не мешать разногласия между союзниками. В руках австрийцев полностью находилась интендантская служба союзной армии, что использовалось австрийским военным советом для саботажа неугодных ему замыслов командующего. Штабная служба и разведка также почти целиком были в ведении австрийцев, что вынуждало Суворова принимать услуги австрийских офицеров.

В начале кампании австрийцы вели военные действия крайне вяло. 25 марта в сражении при Маньяно они вынудили французов к отступлению, но потом позволили им оторваться, а сами вышли лишь на западный берег реки Минчо. К этому времени (4 апреля) Суворов прибыл в Валеджио — главную квартиру армии союзников, где принял на себя командование. На рубеже реки Минчо насчитывалось 48,5 тыс. австрийских войск. Ожидалось также присоединение дивизии Вукасовича из Тирольской армии (7 тыс.) и первых эшелонов корпуса Розенберга (11 тыс.). Таким образом, Суворов располагал армией в 66,5 тыс. человек. О французах точных сведений не имелось. Было только известно, что находившаяся в Северной Италии Пьемонтская армия, уступавшая по своей численности союзникам, отошла на запад. На юге Италии, в районе Неаполя, находилась французская армия Макдональда, но она пока не оказывала какого-либо влияния на обстановку в Северной Италии.

8 апреля, утром, сразу же после прибытия русских войск, Суворов начал наступление на запад, на рубеж реки Адды. На Минчо для блокады крепостей Мантуи (с французским гарнизоном в 10,6 тыс.) и Пескьеры (с гарнизоном французов в 1,3 тыс.) было оставлено около 15 тыс. австрийцев под командой генерала Края.

Следуя тремя колоннами в западном направлении, союзные войска овладели городом Брешиа — французы сдались под угрозой штурма. 14 апреля армия Суворова подошла к Адде. Здесь его разведка обнаружила и уточнила расположение противника.

Пьемонтская армия генерала Шерера численностью 28 тыс. человек была рассредоточена по правому берегу Адды, от озера Комо до ее впадения в По. Адда представляла собой сильную естественную преграду,

но Суворов принял решение форсировать реку, учитывая численное превосходство своих сил (при подходе к водному рубежу он имел 48 тыс. человек) и ошибочное рассредоточение войск противника: не зная точно места переправы, французы растянули линию обороны почти на 50 км.

15 апреля генерал Шерер был сменен на посту командующего армией генералом Моро, одним из наиболее способных полководцев Франции. Последний, пытаясь исправить ошибку своего предшественника, начал стягивать силы армии с флангов к центральному участку обороняемого рубежа. Но было уже поздно. 16 апреля русско-австрийские войска на широком фронте форсировали Адду и нанесли тяжелое поражение противнику. Французы потеряли 27 орудий, 2,5 тыс. человек убитыми и ранеными и 5 тыс. пленными. Потери союзников составили 2 тыс. убитыми и ранеными. Генерал Моро спешно отступил за реку Тичино. Войска Суворова 17 апреля заняли Милан — столицу провинции Ломбардия.

В Милане Суворов дал трехдневный отдых своим войскам, а сам составлял план дальнейшей кампании. 20 апреля он отправил его в Вену. Первая часть плана относилась к действиям самого Суворова на Итальянском театре войны. Неправильные данные разведки, имевшиеся у командующего, предполагали в ближайшее время подход войск Макдональда (что не соответствовало действительности), а также создавали преувеличенное представление о потерях армии Моро и утрате ею должной боеспособности. Считая, таким образом, Макдональда своим основным противником Суворов решил с главными силами идти ему навстречу на правый берег По, а войскам генерала Края ставилась задача овладеть крепостью Мантуя. Против Моро выдвигались лишь небольшие заслоны.

Вторая часть плана касалась ведения войны в целом. В ней Суворов отстаивал свою прежнюю идею нанесения Франции решительного удара более мощным наступлением на ее жизненные центры. Он считал необходимым, чтобы другие группировки союзных войск, в частности войска эрцгерцога Карла, Готца и Бельгарда своим охватывающим наступлением нанесли поражение Швейцарской армии генерала Массены. В дальнейшем было целесообразно совместное наступление Итальянской и Тирольской армий союзников через Альпы севернее Женевского озера с выходом в глубь Франции.

Ответ Вены Суворов получил только в середине мая. В рескрипте императора Франца II основная часть плана отвергалась в откровенно резкой форме. Наступление на правом берегу По не разрешалось. Только в виде уступки позволялось овладеть какой-нибудь крепостью, расположенной на правом берегу По «в недалеком от нее расстоянии». Наступательная стратегия командующего не соответствовала интересам венского двора.

Суворов приступил к реализации своего плана, не дожидаясь известий из Вены. 20 апреля он направил главные силы на южный (правый) берег По. Но развить дальше это наступление ему не пришлось, поскольку вскоре выяснилось, что Макдональд продолжает оставаться далеко на юге, а Моро сосредоточил свою армию между крепостями Валенца и Алессандрия — в углу, образуемом слиянием рек По и Таро. Тогда Суворов, до полного выяснения обстановки, решил занять положение между французскими армиями на обоих берегах По, в районе Тортона — Павия, с тем чтобы при необходимости можно было действовать против Моро или Макдональда. После 5 мая, в связи с возросшей активностью французов со стороны Швейцарии, он переправился обратно на левый берег По. Моро в это время отступил южнее, в Генуэзскую Ривьеру.

15 мая армия Суворова овладела Турином — столицей Пьемонта. Этим завершалось выполнение политической задачи — освобождение Северной Италии. В арсенале города союзники обнаружили 382 пушки, 15 фортепиано и 20 тыс. ружей. В Турине командующий получил еще один рескрипт австрийского императора от 10 мая. В нем в категорической форме требовалось от Суворова *направить все усилия на овладение* оставшимися у него в тылу крепостями, и прежде всего Мантуей. Документ содержал также оскорбительный для фельдмаршала выговор за нарушение прежних указаний об ограничении военных действий на левом берегу По.

К концу мая обстановка на Северо-Итальянском фронте начала приобретать иной характер, весьма неблагоприятный для армии Суворова. Моро в третьей декаде мая сосредоточился в Генуэзской Ривьере с армией численностью до 26 тыс. человек. Макдональд со своими войсками численностью около 29 тыс. к 18 мая прибыл в район Флоренция — Лукка. Теперь французы

получили возможность соединить свои силы. По разработанному ими плану Макдональд должен был выступить сначала в направлении на Болонью — Модену, угрожая сообщениям союзников и осадному корпусу Края у Мантуи, а затем повернуть на запад и двигаться правым берегом По. Моро несколько позже должен был выйти к Тортоне, где, соединившись, французы рассчитывали захватить в клещи и разгромить войска союзников. Макдональд начал наступление 29 мая, а Моро должен был выступить 6 июня.

Этот план французских генералов был вполне разумным и, возможно, имел бы успех, если бы против них выступал не такой опытный полководец, как Суворов. Войска фельдмаршала к моменту выступления Макдональда занимали следующее положение: главные силы численностью 21,7 тыс. человек под командой фельдмаршала стояли в Турине; в районе Асти было две дивизии численностью около 8 тыс.; третья группа союзных войск (18,6 тыс.) под командованием Бельгарда занимала район Алессандрии, Акви, Тортоны и Нови. Осадный корпус Края (15 тыс.) оставался у Мантуи. От него на правый берег По, к Модене, для наблюдения за французами с юга были выдвинуты отряды Гогенцоллерна и Кленау общей численностью 9 тыс. человек. И наконец, со стороны Швейцарии были поставлены заслоны союзников численностью около 16 тыс. При таком расположении войска Суворова казались слишком разбросанными. Но это было не совсем так: в любой момент за два-три перехода командующий мог собрать большую часть своих сил в один кулак в любом угрожающем районе.

Выступивший из района Флоренция — Лукка Макдональд несколькими колоннами перешел через Апеннины и 1 июня атаковал у Модены отряд Гогенцоллерна. Разбитый наголову втрое превосходящими силами французов, последний беспорядочно отступил за реку По. Кленау в свою очередь отступил на восток, в направлении на Феррару. Продолжая выполнять задуманный план, Макдональд повернул на запад и через Парму — Пьяченцу направился к Тортоне, присоединив к своей армии одну из дивизий Моро.

Суворов с русскими войсками и одним австрийским кавалерийским полком утром 30 мая выступил из Турина и в полдень 1 июня был в Алессандрии. Оставшаяся в Турине часть главных сил должна была продолжать осаду Туринской цитадели. Теперь в районе

Асти — Алессандрия — Тортона фельдмаршал имел 37 тыс. человек. Если к этому добавить части, не успевшие подойти из других районов, то общая численность союзных войск должна была возрасти до 50 тыс.

Получив сообщение о поражении союзников при Модене, Суворов оставил сильный заслон (15 тыс. воинов) против Моро, а сам с оставшимися войсками 4 июня вечером выступил навстречу Макдональду. Численность его главных сил несколько уменьшилась за счет выделения флангового прикрытия и отряда для защиты переправы через По и теперь составляла: пехота — 21 тыс., австрийская кавалерия — 3,5 тыс., русские казаки — 1,6 тыс. человек. У Макдональда было около 34—35 тыс. человек.

Сражение двух армий произошло на рубежах рек Тидоне и Треббии и продолжалось три дня — с 6 по 8 июня. Столкновение главных сил имело место 7 июня, к вечеру французы были отброшены за Треббию, но еще не разбиты. Однако к исходу следующего дня Макдональд понял невозможность продолжать сопротивление — войска его были морально сломлены, и с наступлением темноты бой прекратился. В ночь с 8 на 9 июня французы начали отступление. Их преследование велось до реки Адды, после чего Суворов с главными силами вернулся к Алессандрии.

В сражении при Треббии некоторые австрийские генералы (в частности, Мелас, командовавший центром и левым крылом союзных войск) позволяли себе самовольные отклонения от диспозиции командующего армией, затрудняя этим действия Суворова. Такое грубейшее нарушение воинской дисциплины было возможно только потому, что эти военачальники придерживались прежде всего требований австрийского командования, что в свою очередь являлось следствием умышленного игнорирования распоряжений русского фельдмаршала со стороны Вены.

За три дня боев при Треббии Макдональд потерял от 16 до 18 тыс. человек, из них более 12 тыс. пленными. У французов было взято 6 орудий, большую часть их обоза пришлось уничтожить. Потери союзников, по донесениям Суворова, составляли: убитыми — 934 человека, ранеными — 4 тыс., пропавшими без вести — около 500 человек.

«Трехдневное сражение на Тидоне и Треббии является наиболее важным моментом в деятельности Суворова как тактика. Значение его определяется прежде

всего тем, что это было одно из самых крупных сражений, данных Суворовым; при этом противником его были лучшие в Западной Европе войска, и на их стороне был крупный численный перевес, умноженный слабостью австрийцев и условиями местности»[27].

У союзников не было достаточно сил, чтобы преследовать Макдональда за Апеннинами. Поэтому последний в конце июня перевалил через горы и по прибрежной дороге прошел к Генуе.

А Суворов в это время с главными силами стоял в районе Алессандрии. Обстановка после Треббии и соотношение сил противоборствующих сторон позволяли ему наступлением на Генуэзскую Ривьеру довершить разгром французов и этим добиться полного освобождения Италии. После такого наступления он считал необходимым пройти вдоль побережья Средиземного моря к Лиону, а оттуда начать движение на Париж. Однако вмешательство австрийского командования вынудило его на бездействие, длившееся почти полтора месяца.

Успехи Суворова на Итальянском фронте не радовали, а скорее огорчали Вену. Сокрушение Французской республики не входило в политические расчеты Австрии. Заботы ее руководителей сводились к тому, чтобы закрепить за собой освобожденные Суворовым от французов территории в Северной Италии. Одновременно они боялись усиления России в Европе и потому всячески стремились устранить влияние русских на итальянские дела. Их также беспокоили успехи десанта Ушакова в Южной Италии и победы русской морской эскадры в Средиземном море.

Давление верховного командования Австрии вызвало у Суворова протест. Окруженный сетью интриг и шпионажа со стороны австрийских штабных офицеров и генералов, он лишался самостоятельности в своих действиях, с чем не мог примириться. Поэтому Суворов 25 июня из Алессандрии направил личное послание Павлу I, в котором писал: «Робость венского кабинета, зависть ко мне, как чужестранному, интриги частных, двуличных начальников, относящихся прямо в гофкригзрат, который до сего операциями правил, и безвластие мое в производстве сих прежде доклада на 1000 верстах принуждают меня Вашего Императорского Величества всеподданнейше просить о отзыве моем, ежели сие не переменится. Я хочу мои кости положить в моем отечестве и молить Бога за моего Государя»[28].

Получив письмо Суворова, Павел I понял истинную причину разногласий между союзниками. Он обратился к императору Францу и предупредил его, что вмешательство гофкригсрата в руководство войсками, порученными Суворову, может привести к гибельным последствиям. Отставку главнокомандующего Павел не принял, но послал ему рескрипт, в котором говорил о необходимости предохранить себя «от всех каверзов и хитростей венского двора». По существу это было уже началом развала австро-русской коалиции.

В сложившихся условиях Суворову пришлось заняться цитаделью в Алессандрии, все еще удерживаемой французами. 4 июля ночью все осадные орудия, доставленные из Турина, открыли мощный массированный огонь по осажденным. В цитадели загорелись магазин и госпиталь, вскоре умолкли крепостные пушки. Но французы продолжали держаться. И только после 7 дней непрерывной канонады 3-тысячный гарнизон цитадели капитулировал. За Алессандрией сдались Милан и Турин. 3 месяца выдерживал осаду 15-тысячного корпуса генерала Края 10-тысячный гарнизон французов в первоклассной крепости Мантуя. Но 18 июля и она капитулировала. Союзниками были взяты 675 орудий, флотилия канонерских лодок и большие запасы продовольствия. Эту победу высоко оценили в Австрии. Русский император тоже не остался равнодушным к такому событию — пожаловал Суворову титул князя Италийского.

Овладение Мантуей радовало самого Суворова прежде всего из-за ожидаемых последствий: у него появилась реальная надежда начать наконец-то наступление на Генуэзскую Ривьеру. Суворов не мог считать кампанию законченной, пока существовала армия Моро. 30 июня по приказанию командующего в Алессандрию прибыл корпус Края. Теперь силы Суворова составляли 65 тыс. человек, и фельдмаршал не стал терять времени — назначил новое наступление на 4 августа. Однако его опередили французы.

Последние за время предоставленной им передышки восстановили боеспособность своей итальянской армии и довели ее численность до 43 тыс. человек, после чего решили начать активные действия. 24 июля в Геную прибыл молодой прославленный генерал Жубер и стал во главе армии, заменив Моро. 1 августа французские войска вышли на равнину и заняли Акви на реке Бормиди. Перед рассветом 3 августа 34 тыс.

человек (9 тыс. Жубер выделил для прикрытия флангов) подошли к Нови и заняли выгодную позицию на высотах у этого города.

На следующий день Суворов силами приблизительно 50 тыс. человек первым атаковал противника. Бой начал корпус Края на левом фланге французской армии. В этом бою Жубер был убит, командование вновь принял генерал Моро. Сражение у Нови отличалось особым ожесточением и упорством, оно закончилось жаркой штыковой схваткой и беспорядочным отступлением французов. Потери союзников составили 8 тыс. человек, французы потеряли 10 тыс., при этом погибли командующий генерал Жубер, дивизионный генерал Ватрен и бригадный генерал Гаро. Среди 4600 пленных французов оказалось 4 генерала.

Преследование обескровленного противника могло быстро привести к полному уничтожению французской армии. Именно такое решение принял Суворов и на 4 августа дал диспозицию на преследование Моро. Но это решение командующего снова было сорвано самым грубым образом — австрийский генерал Мелас и его интенданты заявили фельдмаршалу о неготовности обоза с продовольствием к выступлению. Потом пришел рескрипт императора Франца, предписывающий Суворову отложить наступление на Генуэзскую Ривьеру без указания каких-либо на то причин или мотивов. В связи с этим фельдмаршал отвел свои главные силы к Асти и расположился там лагерем в ожидании последующих указаний.

В середине августа 1799 г. Суворов получил рескрипты императоров Павла I и Франца II, извещавшие его о принятом ими новом плане дальнейшего ведения войны. Согласно этому плану, Суворов должен был с русскими войсками покинуть Италию и направиться в Швейцарию. Наступление на Геную отменялось, таким образом, окончательно. Итальянская кампания, во время которой победы Суворова высоко подняли авторитет русской армии и всей России, на этом была закончена.

Швейцарский поход А. В. Суворова. Действия Суворова в Швейцарии определялись новым планом войны, составленным в июле английским и австрийским кабинетами министров и санкционированным императорами Павлом и Францем. Разработке этого плана пред

шествовал русско-английский договор о посылке в Голландию смешанной военно-десантной экспедиции. Другой предпосылкой к новому плану являлось ожидавшееся в августе прибытие в северную часть Швейцарии русского корпуса Римского-Корсакова численностью 27 тыс. человек, двигавшегося через Германию. Вслед за ним сюда должен был прибыть французский эмигрантский корпус Конде. В то время в Швейцарии находились австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла.

Суть принятого плана состояла в том, что все русские войска, т. е. корпуса Розенберга и Ребиндера, бывшие до сих пор в Италии, и прибывающие — Римского-Корсакова и Конде должны сосредоточиться в Швейцарии под командованием Суворова и, заменив находившиеся здесь австрийские войска, изгнать оттуда французскую армию Массены, после чего начать наступление на Францию. При этом войска Карла перемещались на Средний и Нижний Рейн с последующей задачей — вступить в Бельгию.

С военной точки зрения такой план был далек от разумно обоснованной стратегии. Суворов в Италии имел реальную возможность разгромить французскую армию в Генуэзской Ривьере и оттуда развивать вторжение во Францию. Теперь же он должен был решать новую задачу, имея при этом мало шансов на успех. Армия эрцгерцога Карла, вместо того чтобы совместно с корпусом Римского-Корсакова разгромить Массену, отходила далеко на север, растягивая и без того длинную линию фронта. Этот план в полной мере соответствовал политическим интересам Англии и Австрии — он направлял усилия русских войск (чьи успехи в Италии слишком беспокоили Вену и Лондон) на действия в диких горных областях Швейцарии. Интересная деталь: исполнители плана — Суворов и эрцгерцог Карл — не привлекались к его обсуждению, он был представлен им в готовом виде.

Изложение плана действий в Швейцарии Суворов получил в рескрипте австрийского императора от 16 августа. Он пытался возражать и в своих донесениях Францу от 18 августа и Павлу от 21 августа предлагал отложить намечаемые перемещения войск. Одновременно фельдмаршал убеждал эрцгерцога Карла не спешить с отводом австрийских войск из Швейцарии. Но все его предложения и просьбы остались без внимания. По прибытии Римского-

Корсакова австрийский корпус сосредоточился на Рейне восточнее Базеля, а затем в конце августа выступил в Средний Рейн. Прекрасно понимая, что корпус русских остается при этом один на один с армией Массены, эрцгерцог временно оставил в Швейцарии войска своего центра под командованием генерала Готце.

В сложившихся условиях соотношение сил резко менялось в пользу французов: Римский-Корсаков и Готце имели 36 тыс. человек против Массены, армия которого без войск правого крыла насчитывала 58 тыс. Чтобы не допустить разгрома союзников французскими войсками, Суворов вынужден был немедленно идти им на помощь. Отсутствие продовольствия и вьючного скота для горного обоза задержало его на несколько дней. Выполняя нелепый «швейцарский» план, Суворов хотел выступить стремительно, чтобы противник не успел опомниться. Между тем австрийское интендантство нарушило планы Суворова. Только 10 сентября он смог начать свой поход в Швейцарию из района Таверно, расположенного в предгорьях Альп. Внезапного удара не получилось.

Территория Швейцарии, где развернулись боевые действия войск Суворова, представляла собой систему труднопроходимых горных хребтов, сообщающихся между собой отдельными проходами и перевалами. В связи с этим на Швейцарском театре войны преимущественное развитие получила так называемая кордонная разброска сил. Стремясь прикрыть все горные проходы, командующие с обеих сторон вынуждены были сильно дробить и растягивать свои войска.

Во время прежней службы в Крыму и на Северном Кавказе Суворов наблюдал и анализировал действия отрядов в горах и поэтому мог исключительно точно определить содержание горной войны. Как записал Е. Б. Фукс, уходя с войсками в горы, полководец сказал: «На Альпах все не то... О регулярных сражениях и баталиях нечего и думать. Это война стрелков. Неутомимость солдата, отважная решимость офицера. Там будут сражаться все!..»[29]

Общая численность французской армии составляла 84,5 тыс. человек, не считая войск в гарнизонах Швейцарии (8 тыс.).

Суворов шел из Италии с двумя корпусами русских войск численностью 20 тыс. человек. В общей сложности войска союзников (включая находившиеся в Швейцарии соединения Науендорфа, Штрауха и Рогана) насчитывали тоже 84 тыс. человек, однако при равенстве

сил французы имели весьма важное преимущество в более выгодной дислокации своих сил.

В Таверно Суворов остановился в доме 70-летнего Антонио Гаммы, прекрасно знавшего горы и пользовавшегося большим авторитетом среди швейцарских горцев. Дружеским обращением он произвел такое впечатление на старика, что тот, несмотря на протесты своей многочисленной семьи, по просьбе Суворова решил идти с русскими проводником. И далее, он «был весь Швейцарский поход с графом неразлучен, разделял с нами холод и голод, подвергал беспрестанно жизнь свою опасности и был армии очень полезен; ибо в каждом селении внушал своим землякам швейцарцам лучшее к нам расположение и был живою нашей прокламацией» [30].

За день до выступления в Швейцарию, т. е. 9 сентября, Суворов составил свой план предстоящих боевых действий. Основная идея его заключалась в том, что успех операции может быть достигнут только концентрированным наступлением всех групп союзных войск. Главный удар по левому крылу армии Массены наносит группа самого Суворова по самому короткому, но наиболее трудному пути — через Сен-Готардский перевал вдоль долины реки Рейса. Через два дня в районе Швиц эти войска соединяются с наступающими группами Готце и выходят на правый фланг и в тыл главным силам Массены. Для содействия атаке Римский-Корсаков передал Готце из своих войск 5 тыс. человек. Вместо колесной артиллерии Суворов брал с собою 25 легких горных пушек. Колесную артиллерию и обоз он направил в Швейцарию обходным путем. Облегчив армию до последней возможности, полководец взял только то, что можно было везти во вьюках.

13 сентября войска Суворова достигли южных склонов Сен-Готарда. После фронтальных атак позиций противника и ряда кровопролитных штурмов наступавшие к вечеру овладели перевалом, а 14 сентября французы были атакованы у Чертова моста. Эта беспримерная по своей сложности и храбрости операция после обхода французов авангардом под командованием П. И. Багратиона завершилась победой русских «чудо-богатырей», что позволило Суворову продвинуться в долину Рейсы. Но впереди его ждали новые трудности — дороги на Швиц вдоль берега Люцернского озера не было, а водный путь нельзя было использовать из-за отсутствия судов. Фельдмаршал принял решение двигаться горными тропами. Никогда

в мире ни одна армия не проходила по такому пути, какой выбрал русский полководец, и никто из полководцев, кроме него, не решился бы подвергнуть свою армию таким испытаниям.

На рассвете 14 сентября Массена, не зная о наступлении Суворова и поэтому независимо от запланированной операции войск союзников под Цюрихом нанес удар по группировке Римского-Корсакова. Последний с ядром своих сил к ночи 15 сентября оказался в окружении. Оставив обоз и артиллерию, он с большими потерями пробился на север и отошел за Рейн, в район Шафгаузена, уничтожив за собой мосты. Войска Готце тоже были разбиты, сам он погиб, а остатки группировки отошли за Рейн.

Вину за эти неудачи Суворов позже возлагал на высшее австрийское командование и его венское руководство, которых он называл «злодеями». В письме к русскому послу в Вене А. К. Разумовскому он следующим образом оценивал причину поражения: «Эрцгерцог из Швейцарии ушел, жертвуя Корсаковым в угодность злодеям...» [31]

Таким образом, весь центр и правое крыло союзников в Швейцарии потерпели поражение, и группа Суворова, сосредоточившаяся в Мутенской долине, оказалась в критическом положении: войска утомлены, боеприпасы и продовольствие на исходе, а помощи ждать неоткуда. Оставалось одно: с оружием в руках пробиваться в Россию или всем погибнуть.

В этот наиболее тяжелый за всю его боевую деятельность момент Суворов не пал духом, проявив все величие полководческого дарования. Подбадривая войска, он неустанно повторял: «Мы русские, мы победим». Утром 18 сентября, когда обстановка для него вполне прояснилась, он собрал военный совет, на котором предложил следовать через перевал Прагель сначала в Кленскую долину, а затем в долину реки Верхняя Линта на соединение с имевшимися там союзными войсками Линкена.

У Массены были бы шансы уничтожить группу Суворова, если бы он свои главные силы бросил в Мутенскую долину против русских. Но французский генерал основное свое внимание обратил на преследование Римского-Корсакова, который отступал, избегая крупного сражения с превосходящими силами противника. А Суворов в это время оставил в Мутенской долине для прикрытия со стороны Швица арьергард под кома

ндованием Розенберга и с главным ядром своих войск отступал по принятому на военном совете маршруту. Арьергард русских не только отразил, но и разгромил в Мутенской долине начавшееся наступление французских войск, несмотря на их численное превосходство. После этого Розенберг прошел через перевал Прагель и присоединился к Суворову у Гларуса.

23 сентября войска Суворова двинулись к засыпанному глубоким снегом перевалу Паникс.

Константин Симонов так описывал этот труднейший переход русских:

Холодный ветер завывал,
Гуськом, хватаясь друг за друга,
Ползли солдаты. Ни кирки,
Ни альпеншгока. Ветер в спину.
Перевернувши карабины,
Шли, опираясь на штыки.
Подряд, как волны в океане,
У ног катились облака.
Протянешь руку—и рука
Сейчас же пропадет в тумане...
Ни разу ни одни войска
Еще не шли по этим тропам.
На них взирает вся Европа,
Во всех углах материка
Гадают, спорят и судачат:
Пройдут они иль не пройдут,
Что ждет их—гибель или сдача?
Пусть их гадают! Только тут,
Среди лишений и страданий,
Среди камней и снежных груд,
Солдаты знали без гаданий,
Что русские везде пройдут! [32]

Суворов двигался в рядах солдат. Участник похода рассказывает, как ободрял и воодушевлял он окружающих: «Суворов, посреди сих ужасов и посредь своего войска, ехал на лошади, едва ноги свои влачившей, в синей, обветшалой епанче, которая после смерти отца ему досталась и называлась родительскою, и в круглой большой шляпе, взятой у одного капуцина... «Вперед—с нами Бог! Русское войско победоносно, ура!» Сии слова героя, и все забыто» [33]*.

---

* Это описание очевидца представляет особый интерес в сопоставлении с некоторыми сегодняшними публикациями, претендующими на новое слово в освещении похода. Так, А. Иванов считает: «На самом деле прорыв через Альпы представлял собой вереницу

С трудом преодолев горы, русские 28 сентября спустились в долину переднего Рейна, где соединились с частями Линкена. На этом, собственно, и закончился Швейцарский поход Суворова. В конце октября он отвел свои войска на зимние квартиры в Баварии, после чего последовал разрыв между Россией и Австрией и, как следствие этого, прекращение военных действий между Россией и Францией.

«Общий результат описанных действий был неудачен для союзников. Из трех войсковых групп две оказались разбитыми; потери их в общем были значительно больше, чем у французов; был утрачен ряд важных позиций. Однако действия группы самого Суворова, к которым, собственно, и относится название «Швейцарский поход», явились самой славной страницей боевого пути Суворова и выдающимся событием в военной истории нашей Родины. В неслыханно трудных условиях русские войска совершили ряд беспримерных подвигов, а Суворов проявил во всем блеске свое тактическое искусство, железную волю и энергию»[34].

Из 20 тыс. воинов, вышедших с Суворовым из Италии, к конечному пункту пробилось 15 тыс.

Сам же Суворов незадолго до смерти, в марте 1800 г., так подводил итоги своего Швейцарского похода: «...итак, гора родила мышь... Не владея искусством ни ведения войны, ни установления мира,

---

тел, беспомощно валявшихся в снегу вдоль седловины Паникса. Мимо этой вереницы двигались полуживые существа, выносящие на себе самого генералиссимуса-старика, находившегося среди суворовцев, наследника престола и полковые знамена. В самом конце брели горцы — князь Багратион и несколько грузин, имена которых еще не известны ни русской, ни грузинской истории (?!). Их задачей было поднимать на ноги обессиленных» (*Иванов А.* Кто предал русских «эдельвейсов»? // Правда. 1993. 19 нояб. С. 4).

Изображенная А. Ивановым картина резко противоречит всем сохранившимся подлинным документам. Ранее было приведено свидетельство настоящего участника похода. К этому можно добавить, что в период перехода Суворов был фельдмаршалом и его никто не нес; Багратион «горцем» не был, мифических грузин-спасателей также не существовало.

Главное же в том, что «полуживые существа» не смогли бы пробиться через заслоны французов и выйти из окружения, сохранив знамена, оружие, и даже привести с собой 1400 пленных французов.

Между тем новейшим очернителям истории Альпийского похода Суворова не приходит в голову простая мысль: почему же лучшая тогда в Западной Европе французская армия не пленила или не уничтожила «полуживые существа», позволила им, сохранив оружие, выйти из гор Швейцарии и не освободила захваченных в плен соотечественников?

кабинет (австрийский.— *Авт.*), погрязший в лукавстве и коварстве, вместо Франции заставил нас все бросить и отправиться по домам... Нам потребовалось 15 дней, чтобы очистить Италию, но меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить. Я был отрезан и окружен; день и ночь мы били врага и в хвост и в гриву, брали у него пушки, которые бросали в пропасти за неимением транспортов. Враг потерял в 4 раза больше нас*. Мы везде проходили с победой и соединились в Куре»[35].

Павел был доволен спасением русской армии и завершением похода. Суворова он произвел в генералиссимусы. Были награждены и другие участники: великий князь Константин, «во мзду и вятшее отличие», 28 октября 1799 г. был пожалован титулом цесаревича, орденами или денежными наградами отмечены многие генералы. Всем нижним чинам Павел приказал выдать «по 2 руб. серебром на человека».

Новый поворот в политике Павла и его гибель

В начале 1800 г. произошел резкий поворот в отношениях России со странами Запада. Вывод австрийских войск из Швейцарии, хозяйничанье Австрии в Пьемонте и Ломбардии после ухода оттуда Суворова и, наконец, откровенно недоброжелательная политика венского двора, ставшая главной причиной неудач русских войск в Швейцарии, привели к разрыву русско-австрийского союза. Павел I отозвал Суворова в Россию и в апреле 1800 г. порвал с Австрией дипломатические отношения.

Назревал конфликт между Россией и Англией. Этому способствовали многие факторы. Россия была недовольна тем, что Англия в 1799 г. поддержала притязания Австрии на Пьемонт и Ломбардию и предложение австрийцев перебросить войска Суворова из Италии в Швейцарию. Провал совместной экспедиции в Голландию еще больше ухудшил русско-английские

* Д. А. Милютин к данным о потерях французов сделал такое примечание: «Дедон слышал от самого ген. Удино (начальника штаба армии Массены), что, по всем собранным справкам, потеря французов за весь Швейцарский поход, т. е. в течение 15 дней, простигала до 6000 чел. убитых, раненых и пленных» (*Милютин Д. А.* История войны 1799 года между Россией и Францией. Т. III. СПб., 1857. С. 526).

отношения. Англия со своей стороны выступала против усиления влияния России в Восточном Средиземноморье, в частности на Ионических островах. Наконец, англо-русские отношения осложнил захват Англией острова Мальта после капитуляции французов. Павел I, как великий магистр Ордена мальтийских рыцарей, сам намеревался овладеть этой стратегически важной крепостью на средиземноморских коммуникациях. Россия не могла мириться также с агрессивными действиями британского флота и каперов против торговых судов балтийских государств.

Осенью 1800 г. конфликт принял открытую форму. Судам Англии было запрещено заходить в русские порты, русско-английская торговля была прервана, а на имущество английских подданных, находившееся в России, наложен секвестр. Для защиты морской торговли нейтральных держав Россия в декабре 1800 г. заключила с Данией, Швецией и Пруссией конвенцию о возобновлении системы вооруженного нейтралитета, успешно применявшейся против Англии еще при Екатерине II. Грузы воюющих держав (за исключением военных), провозившиеся на нейтральных торговых судах, были объявлены неприкосновенными. Россия, Швеция и Дания образовали Северную лигу, направленную против Англии.

Париж внимательно наблюдал за русско-английским конфликтом. Генерал Бонапарт, установив свою диктатуру, в 1800 г. стал прощупывать почву для сепаратного соглашения с Россией.

Павел I охотно принял заигрывания первого консула Франции. В конце 1800 г. он послал со специальным поручением к Бонапарту русского дипломата С. А. Колычева, бывшего посланника в Берлине, Гааге и Вене. Для переговоров Павел вручил Колычеву секретную инструкцию, в которой среди прочего содержалось следующее: русский император предлагал «сколько угодно принижать австрийский дом, будучи уверен, что от того зависит спокойствие Европы». Надлежало восстановить гарантии независимости острова Мальта; это требование должно войти во все переговоры о мире между Францией и Англией. Франция должна отозвать свои войска из Египта и вернуть его Оттоманской Порте с целью «предохранить оную от англичан». Русский император предоставлял Бонапарту свободу действий относительно торговли, «с тем чтобы Россия и Франция по взаимности открыли ее».

При исполнении всех этих условий Павел был готов признать Францию республикою и «сноситься с нею прямо обо всем, что будет нужно». Переговоры с Францией велись не только о мире, но и о военном союзе против Англии, о посылке десанта на Британские острова. Кроме того, Бонапарт предложил Павлу организовать совместный поход в Индию, который должен был стать важной составной частью в их борьбе с Англией. Свой план похода Бонапарт прислал в Россию через генерала Дюрока. Русский император ответил согласием и на эту бессмысленную авантюру.

В силу своего несдержанного характера Павел решил действовать немедленно. 12 января 1801 г. он отправил атаману Донского войска приказ выступить со всем войском в поход на Индию. Через месяц с небольшим казаки выступили в количестве 22,5 тыс. человек с 12 единорогами и 12 пушками, без обоза, без припасов и без какого-либо продуманного плана. Все войско делилось на 4 эшелона, одним из которых командовал генерал Платов. Поход сопровождался страшными лишениями и был прерван только со смертью Павла.

Сближение с Францией привело Россию к военному конфликту с Англией. В марте 1801 г. в Балтийское море была направлена английская военная эскадра. Британский адмирал Нельсон намеревался уничтожить русские корабли, находившиеся в Ревеле и Кронштадте. Над Петербургом нависла реальная угроза. Но в этот момент в русской столице произошел дворцовый переворот, коренным образом изменивший русско-английские отношения.

Здесь уместно заметить, что немалую роль в подготовке дворянского заговора против Павла I сыграл русско-английский конфликт 1800 г. Прекращение торговли с Англией нанесло большой материальный ущерб значительной части русского дворянства и купечества, которые через балтийские порты вывозили на английский рынок свои товары — хлеб, железо, кораблестроительные материалы, лен, пеньку, сало.

В ночь на 12 марта 1801 г. произошел дворцовый переворот, Павел I был убит группой заговорщиков.

Этому последнему в истории русского самодержавия дворцовому перевороту были свойственны некоторые существенные черты прежних заговоров подобного рода, и в то же время ему были присущи свои отличительные особенности. Он тоже не имел широкой социальной основы и преследовал одну-единственную

ель — переход верховной власти от одного неугодного
ица к другому, более угодному. Вполне определенной
олитической программы у заговорщиков не было. Но
месте с тем переворот произошел в ту историческую
эоху, когда раскаты грома Великой французской бур-
уазной революции не только доносились до России,
о и вызывали смертельный страх у правящей дворян-
кой верхушки за свое будущее благополучие. Француз-
кая аристократия всегда служила русским вельможам
римером для подражания. Теперь абсолютистские
роны Европы стали очень шаткими и непрочными — в
о беспокойное время их обитатели лишились былых
ривилегий и влачили свое существование на задворках
вропейских королевских дворов.

Дореволюционная историография более ста лет
крывала правду о том, что произошло в Михайлов-
ком замке в ночь на 12 марта 1801 г. Учебные пособия
ообщали об «апоплексическом ударе», якобы пости-
шем императора Павла Петровича.

Главным внутренним мотивом заговора против
Павла I было недовольство правящего класса дворян
го правлением. В страхе перед революцией самодер-
ец пытался до крайности усилить свою власть. Не-
тойчивая внешняя политика Павла не отвечала нац-
нальным интересам России. К тому же неуравно-
ешенный характер императора, деспотический произ-
ол, вспышки гнева дискредитировали самодержавие
иногда вызывали сопротивление. Один из очевидцев
авловских выходок, гвардейский офицер Н. А. Саб-
уков, вспоминал, что однажды Павел вздумал от-
равить под арест морского министра П. В. Чичагова
от запротестовал, ссылаясь на привилегии, предо-
тавлявшиеся ему по статусу кавалеров Георгиевского
реста. Павел пришел в ярость: по его приказанию
ежурный генерал Уваров сорвал с мундира опального
от крест. Чичагов сбросил мундир и пошел в кре-
ость «за якобинство» в одном жилете. Впрочем, им-
ератор его скоро простил [36].

Павел мог посадить в крепость любого не угодивше-
о ему или в чем-нибудь провинившегося. Так, в начале
800 г. в Шлиссельбургскую крепость была отправлена
руппа военных во главе с генерал-майором, застигну-
ая за карточной игрой. Известно, что один из этих
гроков просидел в крепости с февраля по ноябрь.

Венцом многочисленных примеров самодурства
Павла было заключение в крепость неких мужа и же-

ны, обвиненных им в «самовольном знакомстве и дальнейших последствиях»[37].

После смерти Павла Александр I издал специальный указ «О прощении людей». Согласно этому указу, репрессированные были разделены на 4 категории:

1. По ведомству Тайной экспедиции, лишенные чинов и дворянства,— 28 человек.

2. По ведомству Тайной экспедиции, без отнятия чинов и дворянства — 64 человека.

3. Содержащиеся в крепостях и сосланные, не имевшие чинов,— 41 человек.

4. Живущие под присмотром по ведомству Тайной экспедиции — 22 человека.

Всего в этих списках (неполных) поименно показано 155 человек[38]. Эти цифры далеко не полны. Лучший дореволюционный биограф Павла I Н. К. Шильдер выявил по бумагам государственного секретаря Д. П. Трощинского, что на 11 марта 1801 г. репрессированных числилось всего 700 человек. По другим данным, называли 12 тыс. амнистированных при воцарении Александра I.

Н. Я. Эйдельман, автор наиболее значительной работы об эпохе Павла в послевоенные десятилетия, пытался, в частности, проанализировать масштабы репрессий. Его вывод: репрессии широко затрагивали дворян, которые составляли «около половины амнистированных и реабилитированных в начале правления Александра I». Но даже если цифры репрессированных, по современным меркам, «внешне не слишком крупные, на деле составляли заметную долю российского просвещенного слоя. Можно говорить о *каждом десятом чиновнике и офицере, подвергавшемся какому-нибудь наказанию или опале* (подчеркнуто нами.— *Авт.*). Однако еще раз напомним, что дело не только в числе репрессированных. Главное, не было уверенности, что завтра любой не попадет в число опальных»[39].

Правящая верхушка дворянства не могла с этим мириться. Идеей заговора была, таким образом, борьба с деспотизмом и произволом власти, хотя в этот демократический лозунг вкладывалось узкосословное дворянское содержание.

«*За частностью... хорошо видно общее. Во-первых,* претившиеся привычки к известному уровню личного спокойства; запрещения же, наподобие «шляпных», тем тяжелее, чем мельче: если уж такие права регламентируются, что мечтать о более существенных! Во-вторых,

«за шляпным гонением», за битьем офицера, за «дураком», жалуемым губернатору, за многосторонним и постоянным унижением частного, личного в пользу государственного,— *за всем этим дворянство теряло представление* о надежности, обеспеченности своего положения»[40].

Первая антипавловская конспирация возникла в 1797 г. и функционировала до конца 1799 г. В ней участвовали: наследник престола Александр, его жена Елизавета Алексеевна, известный польский политический деятель, близкий друг Александра Адам Чарторыйский, будущий государственный деятель при Александре I Н. Н. Новосильцев, граф П. А. Строганов и вице-канцлер князь В. П. Кочубей. На своих тайных собраниях участники этой оппозиции вели политические разговоры о наилучших формах переустройства страны. В группе были составлены два документа: секретный «манифест» о конституционном устройстве России и записка «О потребностях империи Российской». Конспирация 1797—1799 гг. не была решительно настроенным «тайным обществом», однако ее субъективные намерения, направленные против самодержца, дополнялись объективными факторами — нарастающим духом дворянского сопротивления. Первый заговор против Павла не дал каких-либо заметных результатов, и в 1799 г. его деятельность пошла на убыль. Участники его один за другим попали в опалу и либо были высланы за границу, либо получили отставку.

Наиболее важным в истории царствования Павла I был 1799 год. Чарторыйский свидетельствовал в своих записках: «Именно с этой поры Павла стали преследовать тысячи подозрений: ему казалось, что его сыновья недостаточно ему преданы, что его жена желает царствовать вместо него. Слишком хорошо удалось внушить ему недоверие к императрице и к его старым слугам. С этого времени началась для всех, кто был близок ко двору, жизнь, полная страха, вечной неуверенности»[41].

С 1800 г. против Павла выступили новые заговорщики: Никита Петрович Панин, Ольга Жеребцова и английский посол лорд Витворт. Н. П. Панин, сын известного генерала Петра Панина и племянник знаменитого государственного деятеля Никиты Панина, был блестящим, умным дипломатом. В 29 лет он стал тайным советником, а в 1799 г., осенью, по прибытии из Берлина получил высокий пост вице-президента Коллегии иностранных дел. По словам декабриста М. Фонвизина, «воспитанный умным и просвещенным

лей, граф Н. П. Панин усвоил свободный образ *мыслей, ненавидел деспотизм».*

Ольга Александровна Жеребцова, родная сестра Платона Зубова, была красавицей и авантюристкой. Спустя почти полвека с ней познакомится Герцен: она ет ему сочувствовать и помогать в получении доку тов на выезд за границу. Герцен сравнивал ее со менитой княгиней Дашковой. В 1800 г. она пред вляла опальных Зубовых, лишенных огромных до ов и власти, и мечтала добиться реванша.

Лорд Витворт, опытнейший дипломат, был аккре ован при русском дворе с 1788 г. Он поддерживал Жеребцовой дружеские и интимные отношения ключился в опасную игру, когда Россия порвала вические отношения с Англией. Вполне вероятно, через него правительство Лондона начинало субси овать заговорщиков.

Вскоре к заговору 1800 г. присоединились итал ц на русской службе адмирал Иосиф де Рибас авное действующее лицо дворцового переворота — ный губернатор Петербурга граф Петр Алексеевич лен. По словам историка Эйдельмана, Пален был айшим представителем того мощного клана «про щенных циников», который прежде возглавлялся терриной II и Потемкиным. Панин и Пален устано и контакты с наследником Александром. Послед колебался, но главные представители заговора ействовали на него доводами о «страдающем оте стве», об опасности другой, возможной и не кон пируемой ими конспирации. По мнению Чарто ского, мстительная впоследствии обида Алексан на Палена, Панина и Зубовых была вызвана тем, они не обошлись без него, «не выдвинули Брута, отором бы наследник ничего не знал».

Следует отметить, что Павел своими грубыми вы ками способствовал переходу Александра в лагерь тивников. М. Леонтьев, тогда офицер-семеновец, оминал, что комендант Михайловского замка гене -лейтенант Н. О. Котлубицкий по приказанию царя ил к наследнику и передавал, что он «дурак и ско а», а тот только покорно отвечал: «Слышу»[42].

Наряду с деспотией Павлу были свойственны суе рность и неожиданные рыцарские порывы. Ему кто то предсказал, что если его правление продлится четы е года, то потом ему уже можно будет не беспокоить я о своем благополучии. Этим ловко воспользовались

заговорщики — в связи с приближением 7 ноября 1800 г., 4-й годовщины царствования, Павлу посоветовали помиловать всех опальных и этим продемонстрировать всем свой незлопамятный характер. Последовал именной указ от 1 ноября, гласивший: «Всем выбывшим из службы воинской в отставку или исключенным, кроме тех, которые по сентенциям военного суда выбыли, паки вступить в оную, с тем чтобы таковые явились в Санкт-Петербург для личного представления нам». Этот указ помог заговорщикам вернуть ко двору Зубовых и генерала Беннигсена. 23 ноября Платон Зубов был назначен директором 1-го кадетского корпуса.

Во второй половине ноября и в начале декабря заговорщики испытали неприятный контрудар со стороны своего противника: Павел неожиданно удалил Панина из Петербурга в московский сенат, а адмирал де Рибас 2 декабря умер при загадочных обстоятельствах в возрасте 50 лет. Это, однако, не остановило заговора. Зимой 1800 г. к нему присоединился командир Преображенского полка 33-летний генерал-лейтенант Талызин — он был убежденным противником павловской системы. К заговору были привлечены также многие другие офицеры Преображенского и Семеновского полков — первые через Талызина, вторые через наследника Александра, близко знавшего многих семеновцев. Напряжение в Михайловском замке нарастало. Этому способствовало прибытие к русскому двору 13-летнего племянника Марии Федоровны, принца Евгения Вюртембергского. Павел не только устроил ему неожиданно пышную встречу, несоизмеримую с его политической и династической ролью, но и в дальнейшем оказывал особое внимание. Появились слухи, что император решил женить его на своей дочери Екатерине. Потом начались разговоры, что Павел намерен подготовить Евгению дорогу к русскому трону и в связи с этим обещает в ближайшем будущем императрицу Марию Федоровну сослать в Холмогоры, а своих сыновей заточить: Александра — в Шлиссельбургскую крепость, а Константина — в Петропавловскую крепость. По Петербургу ходил слух, что Семеновский полк за преданность наследнику будет скоро разослан по сибирским гарнизонам.

О достоверности таких намерений Павла судить очень трудно. Но очевидно одно: все эти слухи и разговоры были важным стимулом для заговорщиков. Не

исключено, что в этом деле принял самое активное участие расчетливый Пален. По словам Эйдельмана, «Павел стравливал охотников и жертву, попеременно обращаясь к тем и другим».

Существует версия, что 9 марта генерал-прокурор Обольянинов доложил Павлу о существовании в столице заговора против монарха. Утром, во время доклада генерал-губернатора, Павел сказал Палену, что с ним хотят повторить 1762 год. Пален быстро нашелся и ответил: «Да, я знаю. Я сам заговорщик». Потом удивленному государю он объяснил, что в целях безопасности самодержца он специально проник в число заговорщиков и теперь держит в своих руках весь заговор. И добавил: «Пока я буду там присутствовать, Вам можно не беспокоиться. И скоро станет Вам известно». Павел поверил этому, а Пален решил про себя, что надо немедленно форсировать туманное дело.

Щекотливый разговор с императором заставил Палена срочно встретиться с наследником Александром, чтобы принять окончательное решение. От имени всех заговорщиков Пален поклялся Александру, что они желают убивать царя, что их цель — добиться от него отречения от престола. Исполнение было назначено на 11 марта, когда дежурным в замке будет батальон Семеновского полка — на него можно было положиться.

Был понедельник шестой недели Великого поста. Император встал рано — около пяти часов утра. На разводе он придрался к семеновскому караулу и сказал Александру — шефу Семеновского полка: «Вашему Высочеству свиньями надо командовать, а не людьми»[43]. В этот день Павел заставил всю императорскую семью (за исключением малолетних) присягнуть ему не вступать с заговорщиками ни в какую связь. В полночь, когда сменились все караулы, а царский двор уже видел первые сны, заговорщики по приглашению Палена собрались на квартире Талызина. Число присутствовавших, по разным сведениям, колебалось от 40 до 60 человек*. Это были генералы и обер-офицеры, в большинстве своем молодые люди в возрасте от 25 до

* Полковник Николай Саблуков, командир эскадрона конного полка, который был близок ко двору и догадывался о заговоре, но не принимал в нем участия, общую цифру заговорщиков определил в 180 человек.

30 лет. Все в парадной форме, при лентах и орденах — таким был приказ в знак предстоящего торжественного и очень важного для отечества события. Много пили шампанского. Здесь впервые Пален открыто провозгласил тост за здоровье нового императора — Александра Павловича; Платон Зубов, как общепризнанный представитель славного екатерининского царствования, подтвердил, что все делается с санкции законного наследника, которому еще Екатерина II хотела передать из своих рук русский престол. После этого заговорщики двумя отдельными колоннами направились в Михайловский замок. Первую колонну возглавлял Пален, вторую — Платон Зубов и Беннигсен. Пален со своей группой проследовал к парадному входу замка. Группа Зубова — Беннигсена через Садовую улицу вышла к Рождественским воротам замка и, сняв охрану, проникла в спальню императора. Разбуженный шумом, Павел вскочил с кровати и спрятался за ширмой. Его вытащили, Платон Зубов и Беннигсен потребовали от него подписать акт о добровольном отречении от престола. Император вступил в спор. Поднялся шум со стороны тех заговорщиков, кто слишком много выпил шампанского у Талызина. В это время шталмейстер Николай Зубов, зять Суворова, человек огромного роста и необыкновенной силы, ударил жестикулировавшего Павла по руке и спросил: «Что ты так кричишь?» Павел с негодованием оттолкнул его. Тогда последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаха ударил Павла правой рукой в левый висок. Император без чувств повалился на пол. В ту же минуту Скарятин, офицер Измайловского полка, снял висевший над кроватью собственный шарф императора и стал душить его. Началась беспорядочная свалка присутствующих. Заговорщики опомнились лишь тогда, когда увидели, что император неподвижно лежит на полу с изуродованным и окровавленным лицом. Н. И. Греч в своих воспоминаниях о прощании народа с императором, тело которого было выставлено в Михайловском замке, писал: «Я раз десять ходил в Михайловский замок и мог видеть только подошвы его ботфорт и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. Едва войдешь в дверь, указывали на другую, с увещеванием: «Извольте проходить»»[44].

М. Леонтьев вспоминал: семеновцев днем после переворота петербуржцы «встречали как избавителей, хотя из благопристойности и не кричали «ура», но,

встречаясь с нами, снимали шляпы и кланялись с улыбкой благодарности»[45].

Обывательская жизнь со смертью Павла мгновенно изменилась. Появились кавалеры в запрещенных круглых шляпах и жилетах, пышные выезды цугом и т. п. Ожил екатерининский дух, такой ненавистный убитому императору.

* * *

В. О. Ключевский так определил время правления Павла I: «Это царствование органически связано как протест — с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников — с будущим. Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями — его главной задачей». Но «его преобразовательные позывы получили оппозиционный отпечаток, реакционную подкладку борьбы с предшествующим либеральным царствованием. Самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды»[46].

С иной позиции подошел к оценке этого царствования А. С. Пушкин. Не вдаваясь в определение всех его сторон, он выделил как основной момент возможность и в новых исторических условиях (и, в частности, в России — он прямо говорит о «русских защитниках самовластия») расцвета деспотического произвола. «Царствование Павла,— подчеркивал Пушкин в 1822 г.,— доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы»[47]*.

---

* Сопоставим эти выводы с характеристикой Н. И. Греча эпохи Павла: «Ужасное время... Не могу и теперь, в старости, вспоминать без страха и злобы о тогдашнем тиранстве, когда самый честный и благородный человек подвергался ежедневно, без всякой вины, лишению чести, жизни, даже телесному наказанию, когда владычествовали злодеи и мерзавцы, и всякий квартальный был тираном своего округа. Буду еще не раз иметь случай говорить об этом царстве ужаса, *не уступающем Робеспьерову. Хорошо теперь заочно* хвалить время Павла! Пожили бы при нем, так вспомнили бы» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 86—87).

РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В начале XIX столетия Российская империя представляла собой огромную континентальную страну, включавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии, часть Северной Америки (Аляску) и Закавказье. К середине XIX в. размеры ее достигли 18 млн кв. км. Население, насчитывавшее в 1815 г. (по 7-й ревизии) 45 млн человек, выросло к 1851 г. (по 9-й ревизии) до 69 млн человек.

Огромные пространства, разнообразие природных, экономических и этнических условий страны накладывали свой отпечаток на структуру ее общества и характер экономического развития.

Территориальное расширение сопровождалось дальнейшим превращением России в многонациональную страну.

Усложнялся и социально-экономический облик государства вследствие постепенного вовлечения в общероссийскую хозяйственную и культурную жизнь новых народов, находившихся на различных ступенях общественного развития.

В Российской империи уже в то время можно было выявить метрополию — центральную часть с преобладанием русского населения (Великороссия) и примыкавшие к ней родственные православные славянские народы (украинцы и белорусы).

К центру тяготели с востока — Сибирь, с юга Северокавказский регион, где большинство населения составляли потомки переселенцев из метрополии. При этом казачьи округа имели, подобно британским минионам, значительную внутреннюю автономию.

На окраинах империи проживали многочисленные народы и народности, частью завоеванные, частью присоединившиеся добровольно.

Для начала XIX в. уже была справедливой характеристика, которую современный исследователь придит для последующего периода: «...по своей этно- риториальной структуре Российская империя и

ставляла сложную систему, состоявшую из полиэтнической метрополии с моноэтническим центром — Великороссией, огромного пространства переселенческих районов Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа с преобладанием русского населения и национальных окраин, заселенных десятками народов и народностей, иные из которых имели в прошлом какой-либо тип государственности, а часть сохранила внутреннюю автономию»[1].

Первая половина XIX в. в социально-экономической истории империи — время дальнейшего разложения феодальной формации и вызревания в недрах ее новых, капиталистических отношений. Вместе с разложением феодальной системы хозяйства в окраинных районах страны распространялись помещичье землевладение и крепостной труд. Правда, окраины России были более свободными от крепостничества, там создавались очаги капиталистического производства, в том числе аграрного.

В начале XIX в. европейская часть России была разделена на 47 губерний и 5 областей (Астраханская, Таврическая, Кавказская, земли Войска Донского и Войска Черноморского). К середине столетия вся Россия имела 69 губерний и областей, которые в свою очередь делились на уезды (в Белоруссии и на Украине — на поветы). На губернию в среднем приходилось 10—12 уездов. Группы губерний в некоторых случаях объединялись в генерал-губернаторства и наместничества. Так, были объединены три литовско-белорусские (Виленская, Ковенская и Гродненская с центром в Вильно) и три правобережноукраинские губернии (Киевская, Подольская и Волынская с центром в Киеве). Кавказское наместничество включало в себя Закавказские губернии с центром в Тифлисе.

В указанный период в стране образовались отдельные экономические районы, в которых некоторые отрасли народного хозяйства занимали доминирующее положение и этим определяли лицо данного края. Так, вокруг Москвы сложился Центральнопромышленный район, в который влились Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Калужская губернии. Здесь были сосредоточены наиболее значительные промышленные и торговые центры страны, основная часть ее промышленного производства. Неземледельческие занятия населения играли в этом районе существенную роль.

К этому региону с юга примыкал земледельческий Центральночерноземный район с Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерниями. Это был основной зерновой район России с господством барщинного помещичьего хозяйства, со слаборазвитой промышленностью.

Оба района отличались относительно высокой плотностью населения.

Вологодская, Архангельская и Олонецкая губернии с их сравнительно редким населением, сочетавшим занятия сельским хозяйством с охотой и рыболовством, составляли Северный регион. Леса, сенокосные и пастбищные угодья способствовали сохранению здесь подсечной системы земледелия с трехпольем и развитию мясо-молочного хозяйства и лесных промыслов.

Северо-западный район составляли губернии Петербургская, Новгородская и Псковская, которые специализировались на технических культурах (лен, конопля, соя и др.). Он примыкал к крупнейшему политическому, промышленному и культурному центру страны и ее важнейшему порту на Балтике — Петербургу, определявшему облик этого края.

Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии формировали Прибалтийский регион, а Виленская и Ковенская — Литовский. Для этих районов характерным оставалось интенсивное земледелие с ориентацией на европейский рынок. Продукция сельского хозяйства вывозилась через Ригу и Ревель, которые в то же время были крупными промышленными центрами.

В Белорусском районе (Минская, Витебская, Гродненская, Могилевская и примыкавшая к нему Смоленская губерния) развивалось скотоводство и земледелие с преобладанием барщинного помещичьего хозяйства. Его товарная сельскохозяйственная продукция (рожь, овес, гречиха, ячмень и картофель) шла на европейский рынок.

Крупные помещичьи латифундии Правобережной (Киевская, Волынская, Подольская губернии) и Левобережной (Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии) Украины с производством зерна, свекловодством, животноводством и промышленной переработкой продукции сельского хозяйства (в частности сахароварение и винокурение) определяли хозяйственный облик этих губерний.

Бессарабская область, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и область Войска Донского

го представляли собой Южный степной район. Плодородные почвы и сравнительно редкое народонаселение этого края привлекали сюда всевозрастающий приток переселенцев из центральных губерний России и Украины. В рассматриваемый период юг России был краем, который довольно быстро заселялся. Достаточно свободное предпринимательство в области сельскохозяйственного производства способствовало процессу освоения края. Помещичье хозяйство здесь не играло существенной роли. Необозримые земельные пространства на первых порах допускали развитие экстенсивного сельского хозяйства — животноводства, производства пшеницы, разведения винограда. Продукция все шла на европейский рынок через порты Черного моря — Херсон, Николаев и Одессу.

Местом интенсивного освоения являлось степное Предкавказье, куда входили Ставропольская, Терская, Кубанская губернии и Черноморский округ. Здесь было много свободных и удобных для сельского хозяйства земель. Это обстоятельство привлекало большое количество переселенцев из Центральной России. Главной отраслью хозяйства этого района вначале было животноводство, которое со временем уступило место производству пшеницы.

Казанская, Симбирская, Самарская и Пензенская губернии входили в регион Среднего Поволжья. Его населяли многие национальности. Большинство населения составляли удельные и государственные крестьяне. Заволжье этого края не было полностью освоено имело много свободных земель. Поэтому сюда продолжали прибывать переселенцы из центра России.

Нижнее Поволжье с губерниями Саратовской и Астраханской также были местом оживленного освоения. Здесь, как и в Среднем Поволжье, наблюдалось возраставшее производство зерна для внутреннего рынка страны. Этому в значительной степени способствовала крупнейшая воднотранспортная магистраль — Волга.

Район Урала и Приуралья включал в себя Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии. Наличие крупных горных и металлургических заводов, использующих в основном принудительный труд, являлось главной особенностью края. Каждый такой завод имел свой управленческий аппарат, с принадлежавшими ему сотнями тысяч десятин лесных и земельных угодий являл собой как бы автономную территорию.

Редким народонаселением и разнообразием географических и экономических условий отличались огромные пространства Сибири и Дальнего Востока. Удельный вес населения Сибири по отношению к населению европейской части России составлял: в 1795 г.— 3,4%, в 1863 г.— 5,3%. Больше всего была освоена южная часть Западной Сибири. Продолжалось заселение южной части Восточной Сибири, особенно бассейна Ангары и района Забайкалья. В середине XIX в. началось освоение дальневосточного Приморского края.

В Закавказье процветали натуральное хозяйство и патриархальные отношения. Здесь центрами торговли являлись старинные города Грузии, Армении и Азербайджана. Этот многонациональный район отличался большим разнообразием в своем экономическом и социальном развитии.

Формирование самостоятельных хозяйственных регионов на просторах России являлось показателем роста ее производительных сил и общественного разделения труда. Такая хозяйственная специализация способствовала развитию товарно-денежных отношений в стране.

Россия первой половины XIX в. являлась аграрной страной, 90% населения которой составляли крестьяне. Основной отраслью экономики было сельское хозяйство. В своем развитии оно еще не испытало глубокого проникновения капиталистического уклада. Преимущественной системой земледелия оставалось давно сложившееся трехполье: яровые — озимые — пар. Прирост сельскохозяйственной продукции происходил не столько за счет улучшения обработки земли и внедрения новых агротехнических методов, сколько за счет расширения площади посевов как в центре, так и на окраинах. Так, с 1802 по 1860 г. площадь посевов увеличилась с 38 до 58 млн десятин (т. е. на 53%), а валовые сборы зерна — со 155 до 220 млн четвертей (в одной четверти — 9 пудов).

В общем объеме сельскохозяйственных культур первое место занимали серые хлеба: рожь, овес, ячмень. Вместе с тем в черноземных губерниях, южной степной полосе и Среднем Поволжье стал заметно возрастать удельный вес посевов пшеницы. Картофель из огородной постепенно превращался в полевую культуру, его посадки значительно расширились с 40-х годов столетия. Наряду с производством зерна одной из важных отраслей сельского хозяйства являлось жи-

вотноводство, носившее натуральный характер: скот разводили преимущественно для домашнего употребления. И только в степной полосе России, в Прибалтике и в губерниях Тверской, Ярославской и Вологодской товарное животноводство начинало занимать надлежащее место.

Основными производителями товарного хлеба были степные, поволжские и центральноземледельческие губернии. В 50-х годах XIX в. общая масса товарного хлеба в Европейской России составляла около 342 млн пудов (18% среднегодового сбора). Из этой общей массы: 70 млн пудов шло на экспорт; 72 млн — на винокурение; 110 млн — на нужды городов; 18 млн — на армию; 72 млн пудов закупало негородское промысловое население центральнопромышленных губерний страны.

В промышленных губерниях увеличивались посевы технических культур — льна и конопли. Так, за первую половину XIX в. во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях производство льноволокна увеличилось в 5 раз и достигло 2 млн пудов в год. Производство конопли и пеньки было наиболее развито в Нижегородской и Калужской губерниях. В Ярославской и Московской губерниях особенно быстрыми темпами развивалось огородничество. Продукция городов шла не только на внутренний, но и на внешний рынок.

Восьмая ревизия (1836) показала, что в России в то время насчитывалось 127,1 тыс. помещиков, которые с своими семьями составляли 1% населения страны. 3 тыс. помещичьих семей владели крепостными крестьянами, причем большинство из них (70%) были мелкопоместными, имевшими в своей собственности 1 души крестьян мужского пола. Крупных помещиков насчитывалось около 3%, однако они владели половиной всех крепостных крестьян (в среднем по 1 крестьян на одного помещика). Среди этих богатейших вельмож — Шереметевы, Юсуповы, Гагарины, Воронцовы, Голицыны, каждому из них принадлежали сотни тысяч крепостных крестьян и сотни тысяч десятин земли. Все они, как правило, занимали высокие посты в государстве. По данным десятой ревизии (1857), число помещиков, владевших крепостными крестьянами, уменьшилось на 7,5%. Это сокращение было вызвано главным образом разорением мелкопоместных владельцев.

В середине XIX в. наблюдалось, с одной стороны, небольшое сокращение помещичьего землевладения в Центральной России (за счет продажи дворянами своих земель представителям других сословий), а с другой стороны, значительное увеличение дворянского землевладения в Приуралье, Поволжье и районах степного Юга (за счет крупных земельных пожалований сановникам царского двора). В целом же к 1858 г. дворянское землевладение возросло на 3% (в то время в собственности помещиков находилось 104,8 млн десятин земли, что составляло 32% всех земельных угодий европейской части России).

Развитие товарно-денежных отношений подрывало натуральный характер хозяйства. Стремление помещика к производству хлеба на продажу вызывало расширение барской запашки и сокращение крестьянских наделов. К этому следует добавить открепление крестьян от своих наделов и привлечение их к более выгодным промысловым занятиям. Все более широкое развитие обмена и торговых отношений разлагало крепостное право и расширяло возможности освобождения крестьян от внеэкономического принуждения. Наконец, не так быстро, но вместе с тем неотвратимо наступали положительные сдвиги в технике сельскохозяйственного производства.

Процесс разложения крепостничества протекал *противоречиво и неоднозначно в различных районах* страны. Крестьяне в неземледельческих губерниях переводились с барщины на оброк, при этом их внеэкономическое принуждение в какой-то степени ослабевало. Зажиточные оброчники имели возможность выкупиться на волю. В земледельческих губерниях, наоборот, возрастала барщина и усиливалось внеэкономическое принуждение крестьян. В целом же по России с конца XVIII до середины XIX столетия удельный вес барщинных крестьян увеличился с 56 до 71%. К моменту реформы 1861 г. барщинная форма крепостничества заметно преобладала над оброчной. Такое соотношение форм эксплуатации бесправных крестьян объяснялось двумя причинами: помещичье хозяйство, с одной стороны, вступало в товарно-денежные отношения, вследствие чего увеличивалось производство хлеба на продажу, с другой — еще недостаточное промышленное развитие страны, ее аграрный характер не способствовали более широкому распространению оброчной формы. Следует заметить, что расширение

барщинной формы крепостничества отнюдь не означало ее большей рентабельности по сравнению с оброчной. Напротив, кризис крепостного хозяйства развивался прежде всего как кризис барщинной системы, при которой производительность подневольного труда крестьян неизменно падала. Крестьянин, конечно, не мог быть радивым тружеником на барских угодьях, он не столько работал, сколько тянул время. При этом не могли заметным образом поднять производительность труда крепостных различные меры стимулирования и интенсификации барщины (введение нормы дневной выработки, частичная оплата и др.).

В то же время и оброчные хозяйства помещиков переживали свои трудности. Дальнейшее развитие крестьянских промыслов породило между ними конкурентную борьбу. Одновременно рост фабричной промышленности подрывал многие традиционные крестьянские ремесла. Заработки оброчных крестьян заметно сокращались, их платежеспособность падала, а следовательно, уменьшалась и доходность помещичьих имений. В результате начиная с 20-х годов XIX в. повсеместно росли недоимки — главный показатель несоразмерности крестьянского оброка с реальной платежеспособностью крепостных.

Чтобы повысить доходность своих поместий, более богатые и инициативные помещики пытались использовать рационализаторские формы — выписывали новые сельскохозяйственные машины, новые сорта семян, удобрения, улучшенные породы скота. Но в условиях крепостной России эти новаторы, как правило, терпели неудачу и в конце концов разорялись. Показателем упадка помещичьих хозяйств служит рост их задолженности. Помещики стали закладывать в кредитные учреждения свои поместья и крестьян. Процесс этот протекал особенно быстро в предреформенные десятилетия. Если в 1833 г. в залоге числилось 4,5 млн душ крестьян, то в 1859 г. это количество возросло до 7,1 млн (65%). К 1859 г. общая сумма помещичьего долга равнялась 425,5 млн руб. и в 2 раза превышала годовой доход государственного бюджета. Непроизводительная трата помещиками получаемых ссуд, злоупотребления ими щедрой финансовой помощью государства, осуществляемой за счет народа (в первую очередь за счет крестьянства), свидетельствовали о паразитизме дворянского класса.

Всех крестьян дореформенной России можно разделить на три неравные по своей численности группы:

помещичьи, государственные и удельные. Первая из названных категорий была самой многочисленной. Накануне отмены крепостного права помещичьих крестьян насчитывалось 23,1 млн человек обоего пола, из них 1 467 тыс.— дворовые и 543 тыс.— приписанные к частным фабрикам и заводам. Наибольшая масса крепостных крестьян проживала в центральных губерниях. В Литве, Белоруссии и на Украине они составляли от 50 до 70% всего населения. Значительно меньше было крепостных в северных и южных степных губерниях — их удельный вес к остальному населению колебался от 2 до 12%. В Сибири крепостных насчитывалось 4,3 тыс. человек обоего пола, в Архангельской губернии их не было совсем.

По форме феодальной эксплуатации помещичьи крестьяне делились на оброчных и барщинных. В центральнопромышленных губерниях на оброке находилось до 67,5% крестьян, а в губерниях с развитым промысловым отходом на оброк было переведено до 80—90% крестьян. В черноземных, средне- и нижневолжских губерниях оброчные крестьяне составляли от 23 до 27%, в Литве, Белоруссии и на Украине — 1—7%.

В некоторых районах страны практиковалась так называемая месячина, являвшаяся разновидностью барщины. Она отличалась от обычной барщины тем, что помещики выдавали плату натурой в виде месячного продовольственного пайка и одежды крепостным крестьянам, лишенным земельных наделов и обязанным все время работать на барских угодьях. Как разновидность форм феодальной эксплуатации месячина не получила заметного распространения.

Как бы ни соотносились между собой формы эксплуатации, феодальные повинности значительно возрастали с течением времени. С конца XVIII до середины XIX в. площадь барской запашки на душу населения увеличилась на 65%, а размеры оброка возросли в центральнопромышленных губерниях — в 3,5 раза, в центральноземледельческих — в 2,5 раза. При этом сокращались крестьянские наделы, особенно в земледельческих губерниях. Лишившиеся своих наделов крестьяне переводились в дворовые. Число последних только с 1851 по 1858 г. увеличилось в стране с 1 036 тыс. до 1 467 тыс. человек. Рост барской запашки сокращал время, необходимое крестьянину для обработки своего надела. В результате урожайность крестьянских полей падала. Все это свидетельствовало

что крепостное право подрывало в России производительные силы крестьянских хозяйств.

Государственные крестьяне принадлежали казне и официально считались свободными сельскими обывателями, поэтому их положение по сравнению с помещичьими было несколько лучше. К этой сословной категории принадлежали: различные группы незакрепощенного сельского населения, проживавшего на коренных русских землях и на присоединенных территориях; бывшие черносошные крестьяне; экономические крестьяне (отобранные в 1764 г. у монастырей); остатки незакрепощенных крестьян Прибалтики, Белоруссии, Украины, Закавказья и Поволжья. Государственных крестьян мужского пола насчитывалось: в 1796 г.— 6 034 тыс., в 1857 г.— 9 345 тыс. человек (около 19 млн душ обоего пола). Большинство их проживало в северных и центральных губерниях России, на Левобережной и Степной Украине, в Поволжье и Приуралье. Они тоже находились в феодальной зависимости. Феодалом здесь выступало само государство: *оно предоставляло в пользование крестьянам* земельные наделы, за которые получало с них фиксированные законом повинности (оброк) и, кроме того, взимало общегосударственные и местные налоги. Подушная подать и оброк государственных крестьян за первую половину века возросли в 3 раза.

Нередко государственные крестьяне переходили в помещичьи. При Екатерине II и Павле I их фавориты получили в частное владение 1,4 млн государственных крестьян. Александр I хотя и прекратил пожалование своим приближенным казенных крестьян, но не защитил последних от других форм закабаления, в частности от перевода их на военные поселения и передачи в удельное ведомство.

Удельные крестьяне, занимавшие как бы промежуточное положение между помещичьими и государственными, принадлежали императорской фамилии. В 1797 г. был создан Департамент уделов для управления землями и крестьянами, находившимися в собственности царствующего дома. Бывшие дворцовые крестьяне стали после этого удельными. Их насчитывалось: в 1797 г.— 463 тыс. мужского пола; в 1858 г.— 838 тыс. (1,7 млн душ обоего пола). Проживали они в 27 губерниях, но более половины их находилось в Поволжье (в Самарской и Симбирской губерниях). За период с 1797 по 1858 г. размеры оброка удельных

крестьян тоже выросли в 3 раза. К тому же удельные крестьяне несли другие натуральные и денежные повинности. Царская семья к середине XIX в. только в виде оброка получала в год со своих удельных поместий до 3 млн руб. серебром.

В крепостной деревне России всегда существовало имущественное неравенство, которое с развитием торговли при определенных экономических условиях приводило к социальному расслоению крестьянства. Этот процесс выражался в выделении из общей массы крестьян, с одной стороны, ростовщиков, скупщиков, торговцев и предпринимателей, а с другой — беднейшей группы крестьян. Численность разбогатевшей верхушки в деревне была незначительна, но ее экономическая роль существенно возрастала — иногда она держала в кабале целую округу.

Основными источниками обогащения являлись торгово-ростовщическая деятельность и эксплуатация как беднейшего, так и среднего крестьянства.

Процесс социального расслоения деревни протекал тем интенсивнее, чем меньше давал себя знать феодально-крепостнический режим. Деревня государственных крестьян подвергалась дифференциации быстрее, чем помещичья или удельная, а оброчные крестьяне — больше, чем барщинные. Особенно усиленно этот процесс развивался там, где была наиболее развита торгово-промышленная деятельность крестьян, в частности в центральнопромышленных губерниях России.

Социальное расслоение крестьянства было закономерным процессом. Оно означало не только выделение из общей массы крестьян различных имущественных групп, но и складывание между ними новых отношений, имевших капиталистический характер. Этот объективно протекавший процесс подрывал устои крепостнического строя и создавал условия для зарождения нового, более прогрессивного способа производства.

Промышленность являлась той сферой деятельности человека, в которой раньше и интенсивнее формировался новый способ производства.

Промышленное развитие дореформенной России отличалось широким распространением мелкой, главным образом крестьянской промышленности. Если в 50-х годах XIX в. вся продукция обрабатывающей промышленности оценивалась в 550 млн руб., то $^2/_3$ ее (400 млн руб.) приходилось на долю крестьянских

кустарных промыслов. При этом многие традиционные крестьянские промыслы с их многовековой историей свое наибольшее развитие получили в конце XVIII — первой половине XIX в. Последнее обстоятельство было обусловлено ростом общественного разделения труда, развитием хозяйственной специализации отдельных районов страны и усилением обмена между ними.

Крестьянская промышленность усиленно развивалась в центральнопромышленных губерниях России, в частности в Московской, Калужской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской и Нижегородской. Здесь сложились специализированные промысловые селения, такие, как Иваново, Павлово, Ворсма, Богородское, Городец, Вичуга, Кимры,— они становились центрами текстильной, кожевенной, деревообрабатывающей и металлообрабатывающей промышленности.

Мелкая промышленность являлась хорошей базой для зарождения и роста капиталистического производства — в ее орбите готовились квалифицированные кадры, накапливались капиталы, формировалась промышленная буржуазия. Династии известных русских фабрикантов Морозовых, Гучковых, Рябушинских вышли из крепостных крестьян-кустарей.

Рынок рабочей силы для развивающейся промышленности складывался под воздействием промыслового отхода крестьян. Если в 1826 г. по стране уходивших на промыслы (на срок от полугода до 3 лет) насчитывалось 756 тыс., то в середине 50-х годов XIX столетия их число возросло до 1,3 млн человек. Кроме формирования рынка рабочей силы отходничество подрывало узы, прикреплявшие крестьянина к наделу и к помещику. Устои феодально-крепостнической системы хозяйства уже не были такими прочными, как раньше.

Одновременно с мелкой крестьянской развивалась и росла крупная промышленность. Ее рост происходил за счет распространения капиталистической мануфактуры и последующего перерастания мануфактуры в фабрику. Динамика становления крупной промышленности в России за период с 1799 по 1860 г. характеризуется следующими показателями: в 1799 г. в стране было всего 2094 предприятия, на них работали 81,8 тыс. рабочих, из них 48,2 тыс.— крепостных и 33,6 тыс.— вольнонаемных. В 1825 г. общее число

предприятий в стране возросло до 5261, работавших на них было 210,6 тыс., из них 96,1 тыс.— крепостных и 114,5 тыс.— вольнонаемных. В 1860 г. общее число предприятий достигло 15 338, работавших на них — 565 тыс., из них 103 тыс.— крепостных и 462 тыс.— вольнонаемных.

При сравнении видно, что наиболее быстрый рост промышленных предприятий и рабочих на них приходится на вторую треть XIX в. Особенно заметно быстрое увеличение применения вольнонаемного труда. Накануне реформы 1861 г. вольнонаемный труд на фабриках и заводах более чем в 4 раза преобладал над трудом крепостным. Это говорит о том, что промышленность, базировавшаяся на крепостном труде, переживала кризис.

Кризис проявился прежде всего в упадке посессионных предприятий, в резком сокращении численности посессионных рабочих (посессионными являлись предприятия, построенные частными лицами, получившими при этом от казны лес, землю, рудники и крепостных крестьян для работы на этих предприятиях). Если в 1799 г. посессионных рабочих насчитывалось 33,5 тыс., в 1825 г.— 29,4 тыс., то в 1860 г. их осталось всего 12 тыс. человек. Низкая производительность подневольного труда, конкуренция со стороны более производительных капиталистических мануфактур, рост волнений среди посессионных рабочих вынуждали самих владельцев предприятий отказываться от посессионного права.

Начало промышленного переворота в России выражалось в переходе от мануфактуры к фабрике и по времени приходилось на вторую треть XIX в. Процесс этот имел две стороны, находившиеся в тесном и постоянном взаимодействии: техническую, означавшую систематическое применение в производстве машинного оборудования, и социальную, заключавшуюся в формировании буржуазии и пролетариата. Ускоренное внедрение в промышленность машинной техники началось с 30-х годов столетия. Если за 1831—1840 гг. в русской промышленности было приобретено машин на сумму 6,9 млн руб., в 1841—1850 гг.— на 16,6 млн, то в 1851—1860 гг.— уже на 84,5 млн руб. Новая машинная техника способствовала переходу от подвольного к наемному труду. Наемный рабочий более эффективно использовал в процессе производства новую сложную технику. Применение машин и станков

печивало существенное повышение производительности труда: в середине 50-х годов один рабочий изводил продукции в 3 раза больше, чем в начале в., при этом $^2/_3$ всей продукции крупной промышленности в стране приходилось на долю машинного изводства.

Однако крепостной строй России сдерживал темпы ического и социального обновления промышленности. Только после реформы 1861 г. фабричное производство заняло в стране господствующее положение.

Быстрое развитие промышленности в России в первой половине XIX в. сопровождалось ростом городов. ло их за период 1811—1863 гг. выросло с 630 до . При этом темпы роста численности городских елей существенно опережали общий прирост населения страны. Городское население европейской части сии с 1811 по 1863 г. увеличилось с 2 765 тыс. до тыс. человек, т. е. в 2,2 раза, тогда как все население выросло лишь на 60%.

Среди общей массы городов преобладали небольшие. Так, в 1811 г. из 630 городов 500 насчитывали ее 5 тыс. жителей каждый, 16 городов имели до тыс. и только 19 — свыше 20 тыс. человек.

Крупными городами были Петербург и Москва. Их ление увеличивалось сравнительно быстро. Число елей Петербурга за 1811—1863 гг. выросло 6 тыс. до 540 тыс., а Москвы — с 270 тыс. до тыс. человек.

Быстро росло население торгово-промышленных ов, крупных морских и речных портов. За указанный выше период число жителей Риги увеличилось ,5 раза, Одессы — в 11, Самары — в 8, Ростова-Дону — в 7, Николаева — в 15 раз. Рост городского ления происходил за счет притока крестьян, приходивших в город на заработки. Так, в Москве 852 г. среди ее 337 тыс. жителей крестьян было тыс. (58%), в Петербурге в 1858 г. среди 494 тыс. елей крестьян насчитывалось 260 тыс. (52%).

Деление населенных пунктов на города и села изводилось официально по административному знаку и не могло обойтись без элементов формализма. Поэтому некоторые уездные и заштатные рода по существу являлись большими селами, жители которых занимались преимущественно сельским ейством. В то же время целый ряд крупных торгово-промышленных центров, которые по характеру

занятий населения и по своему внешнему виду были настоящими городами, формально оставались селами, среди них Иваново, Павлово, Городец, Кимры и др. Мало того, некоторые из них принадлежали помещикам, права которых охранялись феодальным государством. Последнее обстоятельство являлось тормозом для процесса дальнейшего градообразования.

Социально-экономические преобразования в дореформенной России требовали дальнейшего развития путей сообщения. Пока транспорт страны оставался только водным и гужевым. Наиболее важной транспортной артерией была Волга — в ее грузопотоке преобладал хлеб, направлявшийся из поволжских и центрально-черноземных губерний в промышленные регионы и в Петербург. Она играла также большую роль в торговле России со Средней Азией и Ираном.

Правительство вынуждено было принять меры по улучшению транспортной связи Верхней Волги с Петербургом, в частности были осуществлены технические усовершенствования на сооруженной еще в XVIII в. Вышневолоцкой водной системе. В 1810 г. был открыт новый водный путь — Мариинская система, включавшая в себя Шексну, Белое озеро, реки Ковжу и Вытегру и шлюзованные каналы. Вскоре начал действовать третий водный путь — Тихвинский. В него входили Молога, ряд мелких речек и озер, соединенных каналами, а также Сясь и затем каналы в обход Ладожского озера к Неве. Правда, этот путь был мелководным по нему проходили суда грузоподъемностью до 2 тыс. пудов.

Широко использовались в качестве транспортных артерий другие реки страны: Северная и Западная Двина, Неман, Днепр, Дон, Днестр. По ним в северные, западные и черноморские порты перевозились хлеб, лен, лес, железо, поташ и другие виды отечественной продукции, предназначенные на экспорт.

Интенсивное строительство водных каналов велось в Белоруссии. В 1804 г. там открылся Огинский канал, соединивший реки Припять и Днепр с Неманом, с 1805 г. стала действовать Березинская система, которая связала Днепр с Западной Двиной. Это позволило ценный мачтовый лес сплавлять дешевым способом из Белоруссии в Рижский порт.

Феодальное государство не было способно решать многие крупные хозяйственные задачи даже при известной заинтересованности в них правящего класса

этому многие каналы и шлюзы оставались недо-
оенными. Гидротехнические сооружения в большин-
е своем отличались примитивностью, а водный
анспорт в целом не блистал совершенством.

В 1815 г. появился на Неве первый пароход — «Эли-
ета», построенный в Петербурге на машиностро-
льном заводе Берда. С 1817—1821 гг. пароходы
ли ходить по Волге и Каме. До 1825 г. только завод
рда выпустил 11 паровых машин для пароходов.
849 г. был основан известный Сормовский судо-
оительный завод. Судостроение развивалось настоль-
быстро, что к 1860 г. по Волге, Днепру и
е, а также по Черному и Каспийскому морям хо-
ло 339 пароходов.

Шоссейные дороги в России начали строить в пер-
половине XIX в. К 1825 г. их протяженность со-
ляла около 367 верст, а к 1860 г.— уже почти 8515
ст. Главными были шоссе, соединявшие Петербург
Варшавой, Москву — с Петербургом, Варшавой,
ославлем и Нижним Новгородом.

Первая железная дорога в стране была построена
837 г. между Петербургом и Царским Селом. Ее
кенность составляла 25 верст. Петербургско-Мо-
ая железная дорога строилась 8 лет — с 1843 по
. Она имела большое экономическое значение.
860 г. в России было принято в эксплуатацию около
тыс. верст железнодорожных путей. Но для огром-
просторов страны протяженность шоссейных до-
и железнодорожных линий, построенных в доре-
шной России, была ничтожно мала.

но недостаточные темпы строительства транс-
ых средств служили тормозом для более ин-
ного развития в стране промышленности и тор-

ем не менее первая четверть XIX в. ознаменова-
тными успехами в развитии внутреннего рын-
ки. Этому способствовали рост городов, мощ-
ъем промышленного производства и углубле-
оцесса разделения труда. На внутреннем рынке
ами товарами были хлеб, скот, изделия кре-
ких промыслов и продукция обрабатывающей
ышленности, особенно текстильной.

внутренней торговле большую роль играли рус-
марки. Первая из них — Макарьевская — начала
ировать при Василии Ивановиче (1524).
ле 1817 г. ярмарка была перенесена в Нижний

Новгород, на левый, низменный, луговой берег Оки недалеко от ее впадения в Волгу, и получила названи Нижегородской. На постройку гостиного двора казно было ассигновано 6 млн руб. В 1822 г. на Нижегород ской ярмарке была открыта торговля в 42 рядах. Го тиный двор состоял из 60 отдельных корпусов с 25 лавками, по берегам обводного канала было выстро ено еще более 40 каменных зданий для торговли и хр нения товаров. Время торга на ярмарке было устано лено с 15 июля по 15 августа. Позже, с 1864 г., ярмар официально стала закрываться 25 августа.

Торговый оборот всероссийской Нижегородско ярмарки рос из года в год. Так, если в 1829 г. на не было продано товаров на 28,2 млн руб. серебром, т в 1863 г. эта цифра достигла 125 млн руб.

Ярмарка на Волге поражала современников сво грандиозностью, обилием и разнообразием на ней т варов. Один из очевидцев писал: «Здесь встречают вещи самые противоположные: старое тряпье и мех черных лисиц и горностаев, бураки из березовой кор наполненные икрою, и красивые шкафы из красно дерева, киргизские войлоки и лионские шелковые тк ни, русское парусное полотно и кашмирские шал стеклянные пронизки и восточный жемчуг, лапти и а лийские сапоги, бурки татарские и моды парижск чай и кипрское вино, конская сбруя и книги; слов все от самых простых и необходимейших вещей самых дорогих и редких, какие только роскошь ропы и Азии могла изобресть»[2].

Второй по своему значению среди ярмарок нече ноземной полосы была Ростовская ярмарка (в Яр лавской губернии). Ее денежный оборот был в 10 р меньше оборотов Нижегородской ярмарки, но влия распространялось на непосредственных производит лей региона, в то время как на Нижегородской ярма первую роль играли широкие транзитные операции.

Только в европейской части России в 1824 г. бы зарегистрировано 76 крупных ярмарок с привозом каждую товаров более чем на миллион рублей. Бол шинство их действовало на Украине. Из ярмарок в р личных пунктах черноземной полосы выделялась называемая Коренная ярмарка в Курске с привоз товаров на 12 млн руб.

Помимо крупных ярмарок развивалась сеть мелк сельских базаров и торгов. Их экономическая ро переплеталась с торговыми и ростовщическими опер

ниями многочисленных постоялых дворов и других торговых заведений. В процессе первоначального накопления капитала они имели существенное значение.

Особым характером отличались ярмарки и базары на отдаленных окраинах империи. Их рост свидетельствовал о значительном расширении внутреннего рынка и включении национальных окраин в общероссийские торговые связи. Среди них особое место занимала Ирбитская (в уездном городе Ирбите Пермской губернии), она работала с 1 февраля по 1 марта и была центром торговых связей России с Сибирью и Средней Азией. За период с 1817 по 1850 г. оборот Ирбитской ярмарки возрос в 9 раз, и потому она занимала второе место после Нижегородской ярмарки.

В дореформенной России широкое распространение получила торговля вразнос. Так называемые офени и коробейники покупали на ярмарках и базарах ткани, галантерею и мелкие предметы домашнего обихода и этим товаром разъезжали по всей стране, проникая в сельскую глубинку и принося своей торговлей радость жителям отдаленных деревень.

Экономика такой огромной страны, как Россия, не могла обойтись без внешней торговли. И действительно дореформенная Россия торговала со многими странами Европы и Азии. Из них главным партнером была Англия — в середине XIX в. на ее долю падало 34% всего экспорта и импорта. Из других стран соответственно приходилось: на Германию — 11%, Францию — 10, Китай — 7, Голландию — 6, Данию — 6, Турцию — 5, США — 3%.

В 1801—1810 гг. среднегодовой вывоз товаров из России определялся суммой в 59 млн руб. В 1856—1860 гг. он возрос в 4 раза и соответствовал 226 млн руб. При этом ввоз товаров в страну за эти годы увеличился в 5 раз (он определялся соответственно увеличением стоимости импорта с 42 млн до 206 млн руб.).

Русская внешняя торговля имела активный баланс, превышение экспорта над импортом. Это в значительной степени достигалось установлением высоких пошлин на ввозимые в страну товары. Правительство преследовало здесь две цели: во-первых, защищало русскую промышленность от конкуренции западноевропейских производителей и, во-вторых, получало дополнительные поступления в казну за счет таможенных пошлин.

Россия вывозила хлеб, лен, пеньку, сало, лес, кожи, щетину. Сырье и продовольственные товары составляли 80—90% стоимости русского экспорта. Главным в нем был хлеб. Из России ежегодно вывозили: в 1801—1805 гг.— 19,9 млн пудов хлеба; в 1836—1845 гг.— 27—29 млн; в 1856—1860 гг.— свыше 69 млн пудов.

Важнейший вопрос: за счет чего вывозила Российская империя — за счет изобилия хлеба во всех ее регионах или за счет недопотребления?

Как определяют современные исследователи[3], в период между 1801—1860 гг. в России к «голодным годам» не относятся только 1819, 1831, 1836, 1859 и 1860-й. Во все остальные годы та или иная местность страны голодала. Сельское хозяйство периодически страдало или от природных явлений (прежде всего от засухи и последствий чрезвычайно холодных зим), или от социальных последствий (в основном от чрезмерных поборов помещика).

Так, официальный Журнал Министерства внутренних дел сообщал: «Еще менее благоприятен был 1805 год... Урожай был очень посредственный во многих губерниях, а в некоторых даже недостаточен. Причинами такого неудовлетворительного урожая были в одних местах дожди во время налива хлеба и во всю жатву, а в других — холодная погода и засуха, в иных — саранча и град, наконец, преждевременная зима, воспрепятствовавшая собрать созревший хлеб и свезти его в целости. Самый большой неурожай оказался в губерниях литовских, Волынской, Подольской, Киевской и новороссийских»[4].

Или другой пример: в 1838 г., когда вывоз хлеба сравнению с данными на начало века удвоился, по суровой зимы, по официальным данным, во мно местах весна сопровождалась «холодною погодою, ... которой наступило бездорожье... Лето, напроти очень дождливое, отчего хлеб недозрел местами, а тр вы, не убранные с полей, гнили». В результате и эт год был голодным в северо-западных, западных, цен ральных губерниях и местами на Украине.

Наконец, посмотрим, что было в 1856—1860 гг. когда вывоз хлеба по сравнению с началом века боле чем утроился. В 1857 г. тоже, только по официальным данным МВД, в 15 губерниях урожай был удовлет рительный, в 20 — посредственный, а в 13 — скуд (Архангельская, Астраханская, Витебская, Воро

ская, Курская, Могилевская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Смоленская, Тверская, Харьковская и Ярославская)[5]. Исследователи справедливо и этот год отнесли к числу голодных.

Среди импортируемых в Россию товаров заметно преобладали различные ткани, бумага, сахар, краски, инструменты и предметы роскоши. В дальнейшем особое место в ввозе в Россию начали занимать машины, шедшие из Англии, Франции, Бельгии. Динамика внешней торговли, ее относительная стабильность определялись не только экономической конъюнктурой, но и политическими и военными событиями в торгующих странах. Континентальная блокада Англии, объявленная Наполеоном, вызвала заметный спад русской внешней торговли в 1808—1812 гг. Отмена хлебных законов в Англии в 1848 г. вызвала резкое увеличение экспорта русского хлеба. Особенно большой ущерб внешней торговле России нанесла Крымская война 1853—1856 гг.

Торговля России с другими странами велась через порты Балтийского, Черного, Белого и Азовского морей. В 1802 г. в порты Балтийского моря прибыло 2786 судов, Черного и Азовского морей — 706, Белого моря — 236. В 1850 г. в порты Балтийского моря заходили 3423 корабля, а Черного и Азовского морей — 2590.

Внешняя торговля, связывая Россию с мировым рынком, втягивала ее в орбиту капиталистических отношений. Это обстоятельство также становилось одним из факторов, подрывающих ее феодально-крепостнические хозяйственные основы.

Первая половина XIX в. была отмечена усилением антифеодальных выступлений народа. Массовое антикрепостническое движение крестьян, составлявших основную социальную силу, являлось выражением все более обострявшегося конфликта между новыми, объективно развивавшимися в стране социально-экономическими процессами и феодально-крепостническим строем. При этом рост крестьянских волнений был обусловлен не только усилением феодальной эксплуатации и ухудшением их положения, но и упорным стремлением масс добиться свободной хозяйственной деятельности.

Крестьянские выступления нарастали по мере приближения реформы 1861 г. Так, за первую четверть XIX в. было зарегистрировано 651 волнение крестьян (по год в среднем 26), за вторую четверть — 1089

выступлений (за год в среднем 43), а на последнее предреформенное десятилетие (1851—1861 гг.) — 1010 (за год в среднем 101).

Массовые волнения крестьян приобретали всероссийский характер, что особенно вызывало страх у помещиков и царского правительства. Кроме коллективных выступлений крепостные крестьяне выражали гневный протест против своего бесправного положения и в других формах: убивали помещиков и их управляющих, жгли барские усадьбы, отправлялись в бега, не исполняли барщины и не платили оброка, прибегали к потравам барских полей и лугов, расхищали лес, подавали жалобы царю (что в те времена запрещалось законом).

Отечественная война 1812 г., борьба крестьян-партизан за освобождение от французов родных мест породили у них несбыточные надежды на получение воли. И когда эти иллюзии рассеялись, а крепостнический гнет еще больше усилился, в стране произошел ряд крупных выступлений крестьян. Из них наиболее значительными были волнения в 1818—1820 гг. на Дону (охватившие 256 селений с 44 тыс. жителей) и в 1819 г. восстание военных поселян в Чугуеве (под Харьковом). В 1820 г. в Петербурге имело место волнение лейб-гвардии Семеновского полка, вызванное бесчеловечным обращением с солдатами. В июле 1831 г. восстание в новгородских военных поселениях было настолько крупным и опасным, что на его усмирение выезжал Николай I.

Волновались крестьяне национальных окраин империи — Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Закавказья и Бессарабии. Эти антифеодальные и национально-освободительные выступления играли важную роль в общенародной борьбе с самодержавием и крепостническим строем.

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ В НАЧАЛЕ XIX в.

Александр I, старший сын Павла и Марии Федоровны, родился 12 декабря 1777 г. Екатерина II с ранних лет взяла внука под свою опеку. Она старалась воспитать будущего императора в духе современных для того времени педагогических требований, проникнутых идеями либерализма и Руссо, для чего лично написала «Бабушкину азбуку» с анекдотами поучительного характера. Главным официальным наставником Александра был граф (впоследствии князь) Н. И. Салтыков, пользовавшийся расположением своего питомца до самой смерти. Педагогическая деятельность такого воспитателя, как Николай Салтыков, с его «доморощенным курсом салонных манер и придворной гигиены» была ничтожной. Главным учителем и воспитателем будущего императора с 1783 по 1795 г. был швейцарец Лагарп, поклонник республиканских идей и политической свободы. Он говорил и читал со своим питомцем о могуществе разума, о равенстве людей, о справедливости, настойчивее всего — о природной свободе человека, о нелепости и вреде деспотизма, о гнусности рабства. Русский язык, литературу, историю, философию Александру Павловичу преподавал Михаил Никитич Муравьев, образованный для своего времени человек и один из известных писателей XVIII в. в либерально-политическом направлении. «Добрый и умный Муравьев подливал масла в огонь, читая... свои собственные идиллии о любви к человечеству, о законе, о свободе мысли»[1].

Александр слушал и проникался этими высокими идеями, воспринимал же их «как политические и моральные сказки», потому что это говорилось и читалось ему в возрасте от 10 до 14 лет, т. е. «немножко преждевременно»[2], писал В. О. Ключевский.

«Его учили, как чувствовать и держать себя, но не учили думать и действовать; не задавали ни научных, ни житейских вопросов, которые бы он разрешал сам, ошибаясь и поправляясь: ему на все давали готовые ответы — политические и нравственные догматы, которые

не было нужды проверять и придумывать, а только оставалось затвердить и прочувствовать. Его не заставляли ломать голову, напрягаться, не воспитывали, а... насыщали лакомствами европейской мысли»[3]. Великого князя не научили даже родному языку как следует, до конца жизни он не мог вести по-русски обстоятельного разговора о каком-нибудь сложном деле. Таково было знакомство со страной, которой он в дальнейшем должен был управлять. В итоге воспитание Александра носило отвлеченный характер и не имело национальной основы. Великий князь стал для своего времени относительно образованным человеком, но совсем не знавшим собственной страны.

С юных лет Александр лавировал между сторонниками Екатерины и Павла. Утром он в неуклюжем мундире присутствовал в Гатчине на военных парадах и экзерциях грубого и несдержанного в обращении отца, а вечером появлялся в Эрмитаже среди изысканного общества царственной бабушки. Жизнь при дворе приучила его к двуличию и лицемерию; приспосабливаться к людям и обстоятельствам и использовать их в своих личных интересах становилось привычным в поведении будущего императора. «Принужденный говорить, что нравилось другим, он привык скрывать, что думал сам. Скрытность из необходимости превратилась в потребность»[4]. В характере Александра прочно укоренил... скрытность и непостоянство. Он любил больше всего свою собственную персону и ради сохранения своего... мог идти на уступки и скрывать свою ненависть к лю... под маской очаровательной улыбки. Наблюдатели-со... временники приписывали ему способность пускать пы... в глаза, казаться не тем, кем он был на самом деле.

Воспитание Александра было прервано его ран... женитьбой. 10 мая 1793 г. по воле императрицы в воз... те 15 лет он был объявлен женихом 14-летней Лу... дочери наследного принца Баденского, ставшей п... бракосочетания сначала русской великой княгиней, а... следствии — императрицей Елизаветой Алексеевно...

Взрослея и все чаще соприкасаясь с окружаю... действительностью, Александр видел, что нравы и...

---

* Если верить биографу Александра профессору Шима... после нескольких мимолетных измен он перестал интересов... своей супругой и вступил в длительную связь с женой буду... гофмаршала Марией Антоновной Нарышкиной, урожденной ... ной Четвертинской.

придворного русского общества совсем не похожи на те, о которых проповедовали Лагарп и Муравьев. Вскоре после увольнения Лагарпа в 1795 г. Александр с горечью и болью писал своему наставнику о низостях придворной жизни, о безумии неограниченной власти, о намерении «отказаться впоследствии от носимого... звания» и о своем желании поселиться вместе с женой на какой-нибудь тихой ферме. Такие же настроения звучат и в письме к приятелю, В. П. Кочубею, находившемуся послом в Константинополе. Александр сообщает ему, что блистательное положение, в котором он находится теперь и какое предназначено ему в будущем, его не удовлетворяет и он намерен от него отказаться. Его характеру больше свойственны тишина и спокойствие, а не придворная жизнь. «Кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах ломаного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Барятинский, оба Шатыковы, Мятлев и множество других, которых не стоит даже и называть и которые, будучи надменны низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся»[5].

При вступлении на престол Павла Александр был назначен генерал-губернатором Петербурга и командиром гвардейского корпуса. Павел, не забывая о заговоре Екатерины II, не доверял сыну, и последний должен был вместе с другими дрожать перед вспыльчивым государем. Тогда же он ближе познакомился с А. А. Аракчеевым и был вынужден не раз прятаться за его спину от строптивого отца.

И вот в этой обстановке, когда великий князь сам видел и понимал безумие неограниченной власти, ничтожные свободу и благосостояние страны, когда выбор исполнителей был основан не на заслугах, а лишь на фаворитизме, он приходит к власти. «Александр вступил на престол с запасом возвышенных, но нерожелательных стремлений, которые должны были упрочить свободу и благоденствие в управляемом им государстве, но не давал отчета, как это сделать»[6],— писал В. О. Ключевский.

Вступление Александра на престол сопровождалось всеобщим одобрением. «Если некогда воцарение Павла сопровождалось вторжением неприятеля в завоеванный край, то его смерти радовались, как изгнанию

супостата. При дворе, в канцеляриях, в частных домах, на улицах люди поздравляли друг друга, обнимались, спешили облечься во фраки, жилеты и круглые шляпы; панталоны и сапоги с отворотами появились всюду; все головы причесались «а-ля Титюс», косички были уничтожены, и букли обрезаны. Дамы, не теряя времени, переменили моду. Экипажи с французскою и немецкою упряжью исчезли, и появилась русская упряжь, кучера и форейторы. Общество предавалось ребяческой радости. Сам молодой император поспешил снять с себя знаки Мальтийского ордена. Словом, восторг, по выражению свидетеля, «выходил даже из пределов благопристойности». Правда, его изъявляло преимущественно дворянство — прочие сословия приняли весть о перевороте молчаливо... Грядущее было еще неясно, но избавление от Павла казалось уже несомненным счастием для России»[7]. В обещании нового императора править «по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой» дворянство видело утверждение своего могущества и привилегий. И действительно, царь отменил наиболее одиозные распоряжения Павла, удалил *его любимцев* — И. П. Кутайсова и П. Х. Обольянинова, объявил широкую амнистию осужденным, возвратил к прежним служебным занятиям опальных вельмож и чиновников. Он разрешил ввоз иностранных книг, снял запрет на выезд за границу, издал указ об уничтожении Тайной экспедиции и восстановил Жалованную грамоту дворянства, разрешив дворянские выборы в губерниях. Поменяли и военную форму, и хотя она была также весьма неудобной, но ею восхищались, потому что были уничтожены ненавистные прусские мундиры.

Новый император пытался использовать в своих интересах популярные фигуры прошлого царствования. В связи с этим в июне 1801 г. с большим размахом Александр провел открытие памятника Суворову (сам памятник был отлит еще при Павле).

На Царицынском лугу были собраны батальоны *гвардейских и армейских полков. Офицер М. Леонтьев* оставил подробное описание торжества: «Государь, остановясь в средине круга войск, прямо против памятника, изволил вынуть шпагу из ножен (в знак, что он сам будет командовать) и послал князя Волконского с приказанием опустить ширмы... В мгновение ока ширмы упали, и нам явился блестящий от солн-

вид великого мужа! Государь тотчас сам скомандовал: «Палить!», и громы пушек, соединясь с залпами батальонов, потряся воздух, потрясли и сердца всех зрителей, исполненных восторга при виде того, кто всю жизнь свою посвятил на славу и защиту отечества. По совершении трех залпов мы под предводительством государя пошли мимо памятника Суворова церемониальным маршем и салютовали оному; проходя мимо которого, я видел государя, стоящего на правую сторону изображения героя с опущенной шпагой»[8].

Однако все эти мероприятия не давали серьезного эффекта. В стране процветали казнокрадство и взяточничество чиновников, дезорганизация центральных органов управления, запутанность законодательства, наблюдалось заметное падение авторитета и роли Сената. Все это требовало новых, более широких реформ государственного управления.

Для обсуждения государственных вопросов в марте 1801 г. при императоре был образован Непременный совет — совещательный орган из 12 человек,— «доверенностью Нашею и общею почтенных». Вместе с Д. П. Трощинским, составившим манифест о восшествии Александра на престол, в него вошли и другие представители титулованной знати, в основном екатерининские вельможи. Но все они — П. В. Завадовский, А. Р. Воронцов, П. и В. Зубовы, Н. И. Салтыков и др.— требовали власти. Александр тяготился их обществом, консервативными взглядами и такими же направлениями, которые они хотели проводить в жизнь.

С первых дней царствования император окружил себя людьми, которые должны были помогать ему в преобразовательных работах. Эти молодые, мечтательные, либеральные и в сущности послушные приятели Александра за чашкой кофе обсуждали проекты благодательных и просвещенных реформ. Узкий кружок близких друзей императора назвали Негласным комитетом, представители высшей знати окрестили его «якобинской шайкой». В него входили: племянник князя А. Безбородко граф Виктор Кочубей, граф Павел Строганов (тот самый, который юношей побывал во Франции во время Великой революции и даже принимал в ней участие), Николай Новосильцев и польский князь Адам Чарторыйский. Во время дворцового заговора Кочубей находился в ссылке в своем малороссийском поместье, Новосильцев состоял при

осольстве в Лондоне, а Чарторыйский служил при
ипломатической миссии в Сардинии. По вступлении
а престол Александр сразу же призвал всех четверых
о двору. Воспитанный в либеральнейшем духе, Алек-
андр искренне мечтал «обуздать деспотизм нашего
равительства», как он выражался. Заседания комите-
а, не носившие официального характера, начались
июне 1801 г. Находясь под впечатлением передовых
вропейских идей, эти люди были бы «удивлены и даже
скорблены, если бы им сказали, что образованный
ми неофициальный или негласный комитет как раз
есть настоящее детище ненавистного деспотизма, ибо
оздан единственно по произволу монарха и намерен
ершить судьбы России неофициально, негласно, то
сть безответственно, через голову высших государ-
твенных учреждений»[9]. В записках П. А. Строганова,
которые он вел для себя о заседаниях Негласного
омитета, есть признание в том, что идеи, которые
ысказывал сам государь на заседаниях, не всегда были
основательны, но противоречить ему никто не решался.

Из обсуждавшихся вопросов, определявших внут-
еннюю политику Александра в первые годы его прав-
ления, можно назвать следующие: состояние админи-
трации, крестьянский вопрос и система образования.

Реформа местных учреждений, проведенная еще при
Екатерине II, практически не затронула центральные
учреждения. Между тем в системе центральной адми-
трации продолжал наблюдаться явный беспорядок.
Все управление империей распределялось между Сена-
том, являвшимся одновременно органом администра-
тивным и судебным, и коллегиями: военной, морской,
иностранных дел и торговли. Функции коллегий не
были точно определены. Военная коллегия, например,
не ведала назначением офицеров: их производил в долж-
ность сам император по представляемым ему спискам.
Области, завоеванные при Екатерине II, управлялись
почти бесконтрольно отдельными лицами. Так, Ново-
россия была в свое время в ведении Потемкина, Литвой
распоряжался Платон Зубов. Кроме того, император
имел при себе нескольких государственных секретарей,
которые вмешивались во многие дела, переделывая их
по своему усмотрению или по капризу императора.

В высших и средних кругах столичного дворянства
были распространены различные взгляды на необходи-
мость проведения государственных реформ. Откровен-
но консервативная группа и при новом царствовании

выступала против каких-либо социальных новшеств. Опираясь на силу традиции, она считала незыблемым ществующий принцип самодержавия и призывала ператора лишь к уважению изданных законов. Одновременно существовала так называемая сенатская ртия, представлявшая главным образом вельмож ринского времени. В ее проектах первенствующее место отводилось Сенату, большинство членов торого избиралось дворянскими собраниями, ими избиралась и вся местная администрация. Сенат, ким образом, получал законодательную, а импера-р — исполнительную власть. Существовал также оект, согласно которому Сенат избирался верхами личного дворянства и являлся представительным ганом, наделенным законодательной, исполнительй, судебной и «оберегательной» властью. Либеральная же группировка общества открыто выступала за рокие реформы «в духе времени». Либералы, уповая просвещенную бюрократию, полагали, что она лжна формировать мнение нового монарха [10].

Друзья императора в Негласном комитете решительно выступили против проектов сенатской партии, скольку принятие их означало бы введение в России кой «аристократической конституции», т. е. установление власти дворянской олигархии.

В 1802 г. был обнародован указ о правах Сената. ем частично были учтены пожелания аристократов: т признавался верховным органом власти, обладим административной, судебной и контролируй властью, но вся его деятельность находилась ной зависимости от государя.

том же 1802 г. был принят манифест о министерреформе и образовано восемь министерств: военморское, иностранных дел, внутренних дел, финанародного просвещения, юстиции и коммерции. аве каждого из них стоял министр, руководивший мством через свою канцелярию. Эти высокие по-ания близкие друзья императора: министром раных дел стал П. В. Кочубей, товарищем ми-ра внутренних дел — Н. Н. Новосильцев.

чреждался также Комитет министров для совместного обсуждения дел государственного управления. ачально в нем председательствовал император, оверивший позже эту роль А. А. Аракчееву.

ласть министерства в отведенном ему ведомстве ространялась на территорию всей империи, но его

местные органы управления не были созданы. Министерства не получили судебных функций, как это было у упраздненных коллегий.

По мере укрепления своего положения Александр I после реформ 8 сентября 1802 г. (учреждение министерств и Комитета министров, преобразование Сената) перестал считаться с Непременным советом, и на его рассмотрение все чаще стали поступать разнообразные маловажные и запутанные дела (о дворянском достоинстве, земельных спорах, пересмотре судебных решений и т. п.). А. Чарторыйский в своих воспоминаниях пишет по этому поводу, что император «продолжал еще по временам отсылать некоторые неприятные и запутанные дела на обсуждение так называемого Совета — нужно же было дать ему пищу на некоторое время и не допускать слишком быстрой его смерти; но вскоре, однако, он сам погас вследствие своего ничтожества»[11]. Непременный совет просуществовал до учреждения Государственного совета в 1810 г. и не оставил существенного следа в аппарате самодержавия.

Новая администрация имела свои серьезные недостатки: функции министерств, Сената и Непременного совета не были четко определены. Не были также установлены пределы власти министров и характер их ответственности за свои распоряжения, деятельность их практически не контролировалась. Они подчинялись лично государю и могли всегда заручиться его поддержкой, поскольку он сам выбирал и назначал их.

Создание министерств привело к возникновению огромного бумажного делопроизводства. Отчеты, доклады, циркуляры и распоряжения стали теперь одним из главных средств управления. В результате этого выросли штаты чиновников, возникла незримая, но достаточно могущественная власть канцелярии и бюрократии, свойственная истории XIX в. Взяточничество, казнокрадство и произвол стали характерными чертами русской жизни.

Вопрос о крепостном положении крестьян остро поставили в повестку дня еще не забытые воспоминания о пугачевском бунте, повторявшиеся локальные волнения крестьян и раскаты французской революции. Разговоры на заседаниях комитета были жаркими и довольно смелыми. Кочубей стоял за радикальные мероприятия, Новосильцев советовал действовать постепенно, не раздражая помещиков и не возбуждая крестьян, Строганов тоже был настроен решительно,

а Чарторыйский говорил, что «право помещика на крестьянина так ужасно само по себе, что ни перед чем не следует останавливаться, чтобы уничтожить его». Однако все эти высказывания оставались пустыми декларациями. Особенно неуверенно вел себя Александр, он все время колебался, когда доходило до дела, не проявлял при этом должной воли и не чувствовал себя хозяином положения.

В результате вопрос об общей крестьянской реформе был отвергнут, ибо, по мнению Негласного комитета, освобождение «непросвещенных» крестьян может привести к «буйству», что в конечном счете грозит гибелью государству.

По случаю коронации были объявлены разные награды, но многие сановники остались недовольны, не получив крестьян, на которых они рассчитывали. Одному из таких недовольных Александр сказал: «Большая часть крестьян в России рабы: считаю лишним распространяться об унижении человечества и о несчастии подобного состояния. Я дал обет не увеличивать числа их и потому взял за правило не раздавать крестьян в собственность».

Едва ли эти мысли утешили сановника, что не так уж удивительно, ибо даже просвещенные литераторы того времени не очень были склонны к крестьянской эмансипации. Карамзин, например, в своем «Вестнике Европы» охотно помещал сентиментальные повести, где жизнь крепостных и быт помещиков изображались как счастливая идиллия... А в «Друге просвещения» появлялись время от времени заметки Державина и Шишкова, где встречались недобрые намеки на «якобинскую» программу императора [12].

В 1801 г. последовал указ, запрещавший печатать в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления о продаже крестьян без земли и с раздроблением семьи. Но закон был обойден находчивыми помещиками, поскольку после этого они слово «продажа» стали заменять словами «отдача в услужение».

Заслуживает внимания указ правительства от 12 декабря 1801 г. о продаже незаселенных государственных земель. Согласно ему, всем лицам свободных состояний — дворянам, купцам, мещанам и государственным крестьянам — разрешалось покупать свободные земли и вести на них хозяйство с привлечением наемного труда. Этот указ положил начало буржуазному землепользованию в России, а также разрушил вековую

монополию дворянства, которое одно могло приобретать землю в личную собственность.

Из законодательства по крестьянскому вопросу наибольшее значение имел указ от 20 февраля 1803 г. о вольных хлебопашцах. Он разрешал помещикам по их усмотрению отпускать своих крестьян на волю с землею за выкуп по свободному договору. При этом разрешение мотивировалось интересами прежде всего самих помещиков — в таком случае они могли получить более высокую цену за свою землю, чем при продаже ее в другие руки. Отпущенные по этому указу крестьяне становились свободными хлебопашцами и составляли особую категорию населения, занимая по отношению к государству среднее положение между государственными и помещичьими крестьянами. Этот указ носил характер всего лишь частного разрешения, он не мог дать серьезных практических результатов в изменении общей сословной структуры феодального общества и не решал острой проблемы наделения крестьян землей как непременного условия их освобождения. За 25 лет в разряд свободных хлебопашцев поступило всего 47 тыс. крестьян.

В начале XIX в. правительство сократило раздачу казенных крестьян в частные руки. Такая мера была вызвана, разумеется, не заботой о благе крестьян, а их открытым протестом против закрепощения. При этом стали прибегать к другой форме поощрения — сдаче государственных имений в аренду на определенный срок. Все это не могло, конечно, заметным образом улучшить положение крестьян, но все же ограничивало перевод государственных крестьян в крепостные.

В 1804 г. был проведен начальный этап аграрной реформы в Латвии и Эстонии. Крестьяне, имевшие земельные наделы, объявлялись собственниками последних, но при этом были обязаны отбывать барщину и платить оброк владельцу земли. Положение 1804 г. не распространялось на безземельных крестьян-батраков. Главной целью этого аграрного законодательства являлось, с одной стороны, стремление создать для себя в этих провинциях надежную социальную опору в лице местной феодальной верхушки, а с другой — пойти на мелкие уступки требованиям крестьянских масс, чтобы, оберегая сословные привилегии землевладельцев, смягчить остроту классовых столкновений, имевших место не только в центре страны, но и на ее окраинах.

В конечном счете правительство Александра I практически ничего не сделало для действительного решения крестьянского вопроса. Дворянство, удерживая всю полноту власти в своих руках, решительно выступало против изменения крепостнических отношений в стране, а сама феодальная природа самодержавного правления была призвана надежно охранять эту власть.

Более конкретными по своему содержанию были мероприятия, принятые правительством Александра I в области просвещения. Оно оставалось в стране на низком уровне. Крестьяне, мещане и даже некоторые дворяне были неграмотными. От этого страдало управление государством, сдерживалось развитие торговли и промышленности, ощущалась острая нехватка технических кадров. Правительство порой с большим трудом могло подыскать образованного человека даже на должность губернатора, не говоря уже о многочисленных вакансиях чиновников различного ранга в канцеляриях и конторах. Гражданский правительственный аппарат был заполнен в основном малограмотными служащими. В начале XIX в. даже в таких столичных учреждениях, как Заемный и Ассигнационный банки, встречались чиновники, которые с трудом могли поставить свою подпись. Такое же состояние дел наблюдалось и в армии. Упорядочение всей системы образования в стране становилось объективной необходимостью.

Учитывая все это, новое правительство приняло решение о единой системе просвещения. В 1803 г. было учреждено Министерство народного просвещения во главе с одним из последних фаворитов Екатерины II, графом Завадовским, принимавшим участие вместе с фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским в составлении Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Его товарищем по министерству был М. Муравьев, один из воспитателей Александра I. По новой структуре образования все школы делились на четыре ступени: приходские одноклассные училища (при церквах) для низших слоев населения, в которых обучали чтению, письму и Закону Божьему; уездные двухклассные училища для горожан, купцов и мещан; губернские четырехклассные гимназии и университеты для дворян. Предполагалась преемственность в программах между этими учебными заведениями, что давало бы возможность получения полного образования. На содержание этих школ было выделено значительно больше средств, чем в предшествующие годы.

Было образовано 6 учебных округов с попечител
ми во главе. Попечители жили в столице и проводи
через центральные учреждения меры, нужные подведо
ственным им округам. Указ от 24 января 1803 г. «О
устройстве училищ» предупреждал, что через пять л
лица, не представившие свидетельства об окончан
такого учебного заведения, не будут определяться в ч
новничьи должности. «Разум сего постановления,
прояснял впоследствии указ от 6 августа 1809 г.,— с
стоял в том, чтобы разными частями гражданск
службы доставить способных к учению образованн
чиновников»[13]. Уровень образования среди чиновни
ства в России был очень низким: до 1810 г. более 31
имели домашнее образование, что, по слова
Н. П. Ерошкина, занимавшегося политическими и
ститутами России XIX столетия, «скрывало в равно
мере и образование, полученное с помощью иностра
ных учителей и гувернеров, и самую ординарную м
логрpreмотность; 22,2% имели «низшее и среднее об
разование» и только немного более 13% — высшее»[14]
Реализация плана государственных преобразовани
требовала образованных чиновников.

В России было открыто пять новых университето
Казанский, Харьковский (1804), Виленский (180
Дерптский (1802) и несколько позднее — Петербур
ский (1819), преобразованный из Педагогического ин
ститута. Они *готовили учителей для гимназий, сп*
циалистов-медиков, а также кадры для гражданско
службы.

На правах университетов были открыты учебны
заведения исключительно для дворян: известный Цар
скосельский лицей, Демидовский лицей в Ярославле,
лицей Безбородко в Нежине. Первый из них был ос
нован в 1811 г. и за период с 1817 по 1895 г. подготовил
51 выпуск с общим числом воспитанников 1283. Из
стен этого заведения вышли многие выдающиеся дея
тели русской культуры и дипломатии, среди них
А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, Л. А. Мей, князь
А. М. Горчаков и др.

Появились специальные высшие школы: Московско
коммерческое училище, Институт путей сообщения,
В Академии наук на правах ее специального отделени
была восстановлена Российская Академия, лишен
денежной субсидии при Павле I. Получила свою су
дию Петербургская медико-хирургическая академи

Принятый в 1804 г. университетский устав про

смотривал автономию университетской жизни: выборность ректора и профессуры, собственный суд и невмешательство администрации в дела университетов.

Несмотря на перечисленные мероприятия, образование в России по-прежнему было недоступно простому народу. Единая система просвещения на практике не осуществлялась. В действительности одна гимназия приходилась на две губернии, одно уездное училище — на 8—10 уездных городов. Приходские школы полностью зависели от благополучия прихода и священников, которые сами часто были малограмотными. К тому же денежные субсидии на школы резко сократились с началом войны 1805 г.

Эти опыты перестройки управления и общественных отношений составляли первую эпоху преобразовательной деятельности Александра I, но они, как писал В. О. Ключевский, «недостаточно обдумывались и страдали важными недостатками: недостаточно согласовались одни с другими, велись чрезвычайно торопливо; так, новые центральные ведомства, министерства явились единоличными учреждениями, а руководимые ими губернские учреждения сохраняли прежний коллегиальный строй» [15].

От дальнейших преобразовательных работ императора отвлекли внешние события. Неудачные войны 1805—1807 гг. и особенно позорный для России Тильзитский мир с Наполеоном (1807 г.) подорвали репутацию Александра I. Эйфория первых лет царствования стала проходить.

При этом необходимо отметить, что и в первые годы царствования Александра существовала дворянская фронда. Одним из наиболее ярких ее выразителей был будущий партизан 1812 года, поэт-офицер Денис Давыдов. Написанные им в 1803—1804 гг. басни «Голова и Ноги», «Река и Зеркало», «Орлица, Турухтан и Гагарев» ходили по рукам.

В первой из них Ноги однажды «очень гневно разговорились с Головой». Как прямой вызов Александру и всему самодержавию звучал заключительный аккорд стихотворения — ответ Ног нападкам на них спесивой Головы:

А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть,—
Твое Величество об камень расшибить [16].

Особенно сильное впечатление на современников произвела другая басня Д. Давыдова — «Орлица, Турухтан и Тетерев». Восхвалив под именем Орлицы век Екатерины («неправду, клевету с престола презирала»), Давыдов в последующих строках клеймит Павла — петуха Турухтана, «царя лихого и сущего тирана». Но особенно злободневно прозвучала его характеристика глухого Тетерева (Александр страдал дефектом слуха):

И все согласно захотели,
Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый...[17]

Сатиру на Тетерева и его правление Александр долго не мог простить автору, и это стоило последнему высылки из столицы в провинцию.

...Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их —
Скупяга из скупых,
Не царствует — корпит над скопленной добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью.
Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет,
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью кто по́ миру пошел,
Иной лишен гнезда — у них коль не нашел.
Нет честности ни в чем, идет все на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.

Вполне закономерным (и очень смелым для своего времени) выводом заключает Давыдов и всю басню. Он обращается ко всем «птицам»:

Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов[18].

Напомним еще раз: весь этот эпизод с обличительными стихами Д. Давыдова имел место еще в самом начале царствования Александра. С течением времени дворянская оппозиция, направленная против «самовластия» царя, еще более усилилась. Среди столичного дворянства появились разговоры, эпиграммы и анонимные письма, осуждавшие внешнюю политику правительства, бездарное военное руководство (которо

по существу направлял сам Александр) и недостатки административных преобразований. Император опасался дворянской оппозиции, тем более что в ее рядах оказались его мать, братья и даже некоторые друзья. Убеждаясь в лицемерии и предательстве окружавших его лиц, Александр стал мнителен, он помнил печальный опыт своего отца. Его напрасная подозрительность пугала многих. Как ответный предупредительный акт в 1805 г. функции ранее упраздненной Тайной экспедиции были переданы Комитету для решения дел, относящихся к высшей полиции. Позже, в 1807 г., он был преобразован в Комитет по охране общей безопасности. За группировками оппозиции и отдельными сановниками устанавливалось тайное наблюдение.

Походы и неудачи охладили первоначальное либеральное настроение Александра. Позже А. Чарторыйский писал о нем: «О прежних либеральных мечтаниях, доведенных до крайних пределов, не было больше речи. Император уже не заговаривал со мной ни о своем намерении отказаться от престола, ни о составлении по его требованию манифеста... Он понимал теперь, какие непреодолимые препятствия стоят на пути даже самых элементарных преобразований в России»[19]. Окружающие не внушали ему доверия. Члены Негласного комитета один за другим удалялись от государя. Их места занял человек, который стал единственным доверенным сотрудником Александра.

В 1808 г. на арену политической жизни страны выдвигается *Михаил Михайлович Сперанский* (1772—1839). Сперанский родился в семье священника в селе Черкутино Владимирской губернии. С семи лет обучался во Владимирской семинарии, а с 1790 г.—во вновь открывшейся главной семинарии при Александро-Невском монастыре в Петербурге. Необыкновенные способности выдвинули его из среды учеников, и по окончании курса он был оставлен учителем математики, физики, красноречия и философии. Изучив самостоятельно политическую и философскую литературу на немецком, французском и английском языках, он приобрел весьма широкие знания, познакомился со взглядами Вольтера и французских энциклопедистов. Позднее стал домашним секретарем князя А. Б. Куракина, известного дипломата и государственного деятеля.

В 1797 г. он поступил на службу в канцелярию Куракина, занявшего при вступлении Павла на престол пост генерал-прокурора. При воцарении Александра I

Сперанский получил звание статс-секретаря и в 1802 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел. Здесь он скоро обратил на себя внимание, и в следующем году министр В. Кочубей поручил ему составить план устройства судебных и правительственных мест в империи.

В 1806 г. произошло личное знакомство Сперанского с Александром I — во время своей болезни Кочубей начал посылать его с докладами к государю, последний оценил выдающиеся способности чиновника и приблизил его к себе; он не был похож как на екатерининских вельмож, так и на его молодых друзей. Александр проявил интерес к этому человеку, что само по себе уже было явлением. В 1808 г. он включил его в свиту во время своего эрфуртского свидания с Наполеоном. Став основным советником императора, Сперанский получил задание подготовить общий проект государственных преобразований в России.

«Введение к уложению государственных законов» Сперанский подготовил к концу 1809 г. В нем автор предостерегал правительство, что существующее общественное устройство «несвойственно уже более состоянию общественного духа». В целях предотвращения революции он предлагал Александру I дать стране конституцию, которая должна будет только «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в сущности его ту же силу и то же пространство самодержавия» [20]. Этими внешними формами, по мнению Сперанского, должны быть: элементарная законность, выборность части чиновников и их ответственность, новые буржуазные начала организации суда и контроля, разделение законодательной, исполнительной и судебной власти при допущении выборных представителей от народа к законосовещательной деятельности, т. е. расширение политических прав «среднего сословия».

По проекту во главе государства должен стоять монарх, облеченный всей полнотой власти. При нем надлежит иметь Государственный совет, представляющий собой совещательный орган из назначаемых монархом сановников. В Совете обсуждаются все крупные государственные мероприятия; через него к государю поступают все дела от нижестоящих органов, и таким путем осуществляется единство всей деятельности правительства.

Кроме того, должны быть выборные Государственная и местные думы. Волостную думу составляют все имеющие право голоса и старшины государственных крестьян (по одному от 500 человек). Она решает все местные вопросы и на три года выбирает депутатов в окружную думу. Последняя занимается делами своего округа и выбирает депутатов в губернскую думу. Депутатов в Государственную думу — высший представительный орган — избирает губернская дума из своих членов. Государственная дума обсуждает предложенные ей свыше законопроекты, которые потом передаются в Государственный совет и на утверждение государю.

Сперанский предлагал принцип выборности и при создании судебной власти. По его мнению, волостной, окружной и губернский суды должны быть выборными. Однако высшая судебная инстанция — судебный сенат (который одновременно оставался административным учреждением) должен назначаться государем пожизненно из числа представителей, избранных в губернских думах.

Выборная система Сперанского имела в своей основе не сословный (феодальный) принцип, а имущественный ценз (владение движимым и недвижимым имуществом), что свидетельствовало о сохранении пережитков сословий. Все население России делилось на следующие три категории: дворянство, обладавшее гражданскими и политическими правами; «люди среднего состояния» (купцы, мещане, государственные крестьяне), которые имели только гражданские права — собственность, свободу занятий и передвижения, право выступать от своего имени в суде, и «народ рабочий» — помещичьи крестьяне, слуги, рабочие и домашние, не имеющие никаких прав. Избирательным правом могли пользоваться только представители первых двух категорий. Таким образом, основные политические права получали лишь два сословия.

Для третьего сословия — «народа рабочего» — проект реформатора предоставлял некоторые гражданские права при сохранении крепостного строя. Сперанский считал, что крепостное право будет отменено постепенно, путем развития промышленности, торговли и просвещения, так как «нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в оном не оставаться». Сохраняя существование сословий, проект Сперанского ослаблял сословные перегородки, предусматривая более широкую возможность

рехода из «среднего состояния» в дворяне путем
ыслуги, а из «народа рабочего» — в «среднее состоя-
ие» путем приобретения частной собственности[21].
бъективно планы реформатора были направлены на
екоторое ограничение самодержавия путем расшире-
ия прав дворян и буржуазии, на более быструю эво-
юцию абсолютной монархии в сторону монархии
уржуазной. В то же время этот план был абстракт-
ым, «но ни государь, ни министр никак не могли
одогнать его к уровню действительных потребностей
наличных средств России»[22],— писал В. О. Ключев-
кий. Сперанский переоценивал возможности самодер-
кавия и недооценивал господствующую силу дворян-
тва, которое не могло добровольно пойти на ограни-
ение своей власти. Поэтому радикальные социальны
реформы не могли быть претворены в жизнь в услови
их крепостнической России.

Самого Александра I вполне устраивали лишь час
тичные преобразования крепостной России, сдобрен
ные либеральными обещаниями и отвлеченными рас
суждениями о законе и свободе. Хорошо его знавши
А. Чарторыйский писал: «Император любил наруж
ные формы свободы подобно тому, как увлекаются
зрелищами. Ему нравился призрак свободного прави
тельства, и он хвастал им; но он домогался одни
форм и наружного вида, не допуская обращения и
в действительность; одним словом, он охотно дарова
бы свободу всему миру при том условии, чтобы вс
добровольно подчинились исключительно его воле»[2

Две частные меры, имевшие внутреннюю связ
с готовившимися реформами, указывали, какие люд
требуются для новых правительственных учреждени
Указ от 3 апреля 1809 г. о придворных званиях опред
лял, что звания не являются отличием и не дают пра
на чин. Придворные лишались звания, если не состо
ли на государственной службе. Другой указ, от 6 авг
ста, устанавливал правила производства в чины
гражданской службе. Теперь для получения соответс
вующего чина требовалось пройти всю иерархи
службы: чиновнику, начиная с VIII класса и выш
требовался университетский диплом, при отсутстви
последнего надлежало сдавать экзамен по программ
приложенной к указу. Оба указа вызвали недовольст
и переполох в придворном обществе и среди чино
ков, так как готовились тайно и были изданы со
шенно неожиданно.

Существенные части преобразовательного плана Сперанского относились к центральному управлению и придали последнему более стройный вид. 1 января 1810 г. был объявлен манифест Александра I об упразднении Непременного совета и учреждении Государственного совета. В последний вошли 35 высших сановников, назначенных государем. Государственный совет должен был обсуждать все подробности государственного устройства, насколько они требуют новых законов, и свои соображения представлять на усмотрение императору. Несколько позже, в 1811 г., по инициативе Сперанского были реорганизованы министерства. Упразднялось Министерство коммерции, дела которого распределялись между министерствами финансов и внутренних дел. Для решения дел о внутренней безопасности было образовано Министерство полиции. Учреждены новые особые ведомства — государственного контроля, духовных дел иностранных вероисповеданий путей сообщения — стали существовать со значением министерств. Были определены состав и делопроизводство последних, пределы власти министров, их ответственность.

На этом реформы закончились. Сам Государственный совет стал противником дальнейших преобразований. Реформа Сената так и не была осуществлена, хотя назрела довольно долго. Она была основана на разделении дел административных и судебных. Сенат предполагалось разделить на правительствующий, состоящий из министров, и судебный. Состав последнего предусматривал назначение его членов следующим образом: одна часть — от короны, другая — выбиралась дворянством. В праве выборов дворянством состава сената члены Государственного совета усмотрели ограничение самодержавной власти. К преобразованию губернского управления даже не приступали.

Наиболее важным мероприятием того времени была финансовая реформа, проведенная Сперанским через Государственный совет, который так и не стал достаточно авторитетным органом, на что надеялся реформатор.

Финансы России в результате ряда войн находились в крайне расстроенном состоянии. Дефицит государственного бюджета достигал огромной цифры. Еще в 1809 г. Сперанскому было поручено разработать меры улучшения финансового положения страны. По его предложению правительство прекратило выпуск

новых ассигнаций, резко сократило государственные расходы, продало в частные руки часть казенных имений и, наконец, ввело новые налоги, коснувшиеся всех слоев населения. Осуществление этих мероприятий дало положительные результаты. Так, в 1812 г. государственные доходы увеличились со 125 млн до 300 млн руб. Но в то же время указанные меры, и прежде всего налоги, вызвали недовольство населения. При этом общее раздражение было направлено против Сперанского. В дворянских кругах его презрительно называли «зловредным поповичем».

Сперанский уже в 1811 г. начал понимать неосуществимость своих далеко идущих планов. В октябре он даже обратился с просьбой к императору освободить его ото всех дел и предоставить возможность продолжать работу над сводом законов. Но Александр I отказал ему в этом. Однако падение Сперанского было не только неизбежным, но и близким.

Активными противниками Сперанского, открыто выступавшими против его реформ и выражавшими взгляды наиболее реакционных дворянских кругов, были широко известный писатель и историк Н. М. Карамзин и родная сестра Александра I, великая княгиня Екатерина Павловна. Четвертая дочь Павла I и Марии Федоровны, Екатерина Павловна, проявляла живой интерес к общественной жизни. В 1809 г. она вступила в брак с принцем Георгом Ольденбургским и проживала с ним в Твери. Здесь вокруг нее составился тесный кружок определенно консервативного направления. Желанным гостем у нее был Карамзин.

Великая княгиня считала конституцию «совершенным вздором», а самодержавие — полезным не только России, но и западноевропейским государствам. В ее глазах Сперанский был «преступником», овладевшим волей слабохарактерного монарха. Можно предположить, что помимо идейного антагонизма вражда [illegible] гини к реформатору объяснялась также и личны[illegible] расположением к человеку, который заслонял [illegible] императора и не раз становился ей поперек до[illegible] Сперанский, в частности, имел смелость выст[illegible] против кандидатуры Карамзина на пост министр[illegible] родного просвещения, выдвинутой Екатериной [illegible] ловной после смерти Завадовского. Он отказал, [illegible] того, в поддержке той шведской политической па[illegible] которая прочила на шведский престол мужа ве[illegible] княгини, принца Ольденбургского.

Н. М. Карамзин пытался играть активную роль
при дворе Александра I. 15 марта 1811 г. император
ехал в Твери свою любимую сестру. Последняя
вила ему записку Карамзина «О древней и новой
сии в ее политическом и гражданском отношени-
». В ней писатель подверг резкой критике все меропри-
тия, проводимые правительством, считая их несво-
ными и противоречащими «духу народа» и ис-
ской традиции. Выступая за просвещение, он
время защищал самодержавие, доказывая, что
«основалась победами и единоначалием, гибла
новластия, а спаслась мудрым самодержави-
Он доказывал, что дать крестьянам свободу
ет навредить государству: «Мне кажется, что
рдости бытия государственного безопаснее по-
ть людей, нежели дать им не вовремя свобо-

цей мыслью Карамзина было то, что стране
не реформы, а «патриархальная власть». По
нению, «дела пойдут в России как должно,
ы найдете в России 50 людей умных, добро-
ных», которые ревностно станут блюсти «ввек
каждому из них благо» россиян. «Если гу-
оры не умеют или не хотят делать того — ви-
удое избрание лиц; если не имеют способа —
худое образование губернских властей» *. Ис-
публицист призывал вопреки Сперанскому быть

овольно точную критику выводов Карамзина дал еще
А. Н. Пыпин. «Во взглядах Карамзина,— писал исследова-
ыло, таким образом, много положительно фальшивого
гношениях к народу, и к истории, и к настоящему... В конце
ействие подобных воззрений было, конечно, вредное, демора-
е... Есть немалые основания думать, что идеи Карамзина,
ившиеся в «Записке», имели практическое влияние на высшие
нового наступившего периода... В «Записке» Карамзина
их Сперанского встретились два начала русской общественно-
еской жизни: один — давний, другой — только что появив-

был завещанный допетровской Россией почти восточный
ием, при котором и отдельные личности, и целое общество
справны. Европейские нравы смягчили внешность, но не
ю сущность. Между тем в русскую жизнь с XVIII века
и некоторые влияния европейской образованности; в лучших
отревало сознание личного и общественного достоинства
начинало тяготить сознание бесправности; для успехов
его развития уже чувствовалась потребность в большой
ественной самостоятельности» (*Пыпин А. Н.* Общественное
о в России при Александре I. СПб., 1908. С. 252, 258, 259).

«осторожнее в новых государственных творениях, ста
раясь всего более утвердить существующие и дума
более о людях, нежели о формах» [26].

Нападки и многочисленные доносы на Сперанского, а также недовольство консервативной части дворян последними преобразованиями возымели свое действие на слабовольного и нерешительного Александра. Накануне войны он решил покончить со всякого рода реформами и убрать с правительственной сцены их главного режиссера. Если в начале их совместного пути по переустройству страны Александр уважал Сперанского и доверял ему, интересовался замыслами реформатора и даже проникся ими, «в пору этого озарения они и творили свою конституцию», писал В. О. Ключевски то в дальнейшем «и досталось же подданному за э непривычную и непосильную работу, заданную им у и сердцу своего государя! При первой же ошибке, как только представился случай совлечь его с тягостной высоты и поставить в уровень подданного, с каким самодовольным и мстительным великодушием прочи тал он Сперанскому свой царственный урок и, ласков простившись с ним, велел врагу его, министру полици Балашову, сослать его как провинившегося чиновник в Нижний. После этого Александр никого уже не уважал а только по-прежнему боялся, ненавидел и презирал» [2

29 марта 1812 г. Сперанский без суда был выслан в Нижний Новгород, но в сентябре 1812 г., когда к Мо скве подходила армия Наполеона, отправлен в Перм под более строгий надзор. В январе 1813 г. Сперански послал из Перми Александру оправдательное письмо на которое император не захотел, а может быть, н мог ничего ответить. Только осенью 1814 г. опальном министру разрешили жить в имении своей дочери в В ликополье, недалеко от Нижнего Новгорода.

Указом Александра I от 30 августа 1816 г. Спера ский был полностью оправдан, после чего назнач пензенским губернатором. Позже, с 1819 по 1822 г., был генерал-губернатором Сибири.

Новый сибирский генерал-губернатор решил пр вести ревизию Сибири. Ревизия Сперанского вскры вопиющие злоупотребления, произвол местного чальства и полное бесправие населения. Чтобы как поправить положение, он решил провести в Сиби реформы.

«Первым сотрудником» при проведении сибир преобразований был будущий декабрист С. Г. Бат

Он энергично занимался разработкой «Сибирского ожения» — обширного свода реформирования ап- а управления Сибири, определившего правительственную политику в отношении коренных сибирских дов. Была написана большая часть проектов ы о ссыльных, этапах и др.). Особенно важным создание «Устава об управлении инородцев», ко- й действовал до начала XX в.

ериод работы над «Сибирским уложением» Ба- ов искренне верил, что Сперанский, «вельможа сильный, и сильный только для добра», дей- но преобразит Сибирь. Впоследствии ему ста- что Сперанскому не было дано «никаких к исполнению возложенного поручения» и ре- его деятельности в Сибири не отвечали воз- мся надеждам. Однако Батеньков считал, что *ех нельзя винить лично Сперанского». Он* оследнем: «Память о нем сохранилась во всей и, несмотря на перемену лиц, уставов и дел, ибо ие памятники и очерк учреждения устояли среди этого. Личность его нелегко изглаживалась из ти, и многие семейства помнили добром»[28].

1822 г. Сперанский вернулся в Петербург и был м Александром I. История возвышения, государ- ной деятельности и ссылки этого человека в об- активизации политической жизни России ряду событий, будивших мысль, заставля- мышлять над действительными причинами щего.

бристы хорошо знали негласные политические Сперанского: «Введение к уложению государ- х законов», «Отрывок о Комиссии уложения», азе правления» и др. Поэтому, когда возник создания временного революционного прави- , *первым кандидатом в него был назван* Сперанский. «Сравнительный анализ проектов кого и программы декабристов по крестьянс- просу показывают, что, размышляя о необ- *ти ликвидации крепостничества, идеологи де-* а и Сперанский исходили из общих установок й философии своего времени — создания есте- о права человека на свободу... Однако в об- онкретных предложений, направленных на ение крепостничества, отчетливо проявилось межевание между программными установка- ских революционеров и Сперанского»[29]

Сперанский негласно поддерживал декабристов
вернее, вел «тонкую игру», и после поражения восста
ния его судьба висела на волоске. Царь нашел возмож
ность «покарать» Сперанского за связи с декабристам
и назначил его в 1826 г. членом Верховного уголовно
го суда, что было «большой личной трагедией» Спе
ранского. Дочь часто видела отца «в терзаниях и с
слезами на глазах».

Активное участие Сперанского в суде над декаб
ристами не «искупило» полностью его вины в глаза
Николая I. До последних лет жизни Сперанского цар
несмотря на внешние знаки внимания (собственноруч
ное награждение Андреевской звездой в 1833 г. в связ
с завершением работы над сводом законов, дарован
графского титула, назначение преподавателем к на
следнику престола и т. д.), не забыл о направлении ег
деятельности до 1812 г. и о его невыявленных связя
с членами тайных обществ [30].

Пушкин в 1834 г. сказал Сперанскому: «Вы и Аракче
ев, вы стоите в дверях противоположных этого царство
вания (Александра I.— *Авт.*), как гении Зла и Блага» [3

Умер М. М. Сперанский в феврале 1839 г. в возра
те 67 лет.

«Сперанский несомненно является одним из самы
замечательных людей России. Ему принадлежит т
большая заслуга, что он хотел дать своей стране ко
ституцию, свободных людей, свободных крестьян, з
конченную систему выборных учреждений и судо
мировой суд, кодекс законов, упорядоченные финанс
предвосхитив таким образом за полвека с лишн
большие реформы Александра II и мечтая для Росс
об успехах, которых она долго не могла достигнуть»

В такой оценке Сперанского есть большая до
правды. Действительно, полное осуществление
проектов несомненно ускорило бы эволюцию Рос
в направлении к помещичье-буржуазной монарх
Распад феодально-крепостнических отношений и вн
неполитическая обстановка после Тильзитского м
ного договора принуждали дворянство в извест
мере мириться со Сперанским. Но в то время, ко
война России с Францией была решена, проекты С
ранского стали излишними, и сам он стал помех
которую надо было убрать.

Внешняя политика России — крупной державы
ра, по праву занимавшей важное место в системе м
дународных отношений,— в начале XIX в. опред

ь преимущественно той обстановкой, которая сложилась в Европе. Страна к тому времени имела ную армию, насчитывающую в своем составе около 500 тыс. человек, и развитую структуру дипломатических институтов. Русское правительство поддержало постоянные дипломатические отношения со многими странами Европы, с Османской империей Соединенными Штатами Америки.

Внутри страны после значительных изменений в аппарате дипломатической службы были учреждены должности министра и товарища министра иностранных дел, они осуществляли руководство Коллегией иностранных дел. Важные дипломатические посты занимали представители высшей придворной знати. Так, первыми министрами иностранных дел были русские аристократы А. Р. Воронцов и Н. П. Румянцев, немец Будберг, поляк А. Чарторыйский. Наиболее серьезные проблемы международных отношений обсуждались на заседаниях Непременного совета, Негласного комитета, а с 1810 г.— Государственного совета. Вместе с тем вопросы внешней политики страны по-прежнему оставались прерогативой самого царя.

Главным противоречием в Европе, определявшим всю международную обстановку в рассматриваемый период, оставалась конфронтация между Англией и Францией, их борьба за европейскую экономическую и политическую гегемонию. Мирный договор между ними, подписанный в марте 1802 г. в Амьене, завершивший распад 2-й антифранцузской коалиции, не устранил причин их противоборства и потому оказался долговечным. В мае 1803 г. война между ними вспыхнула снова.

Первые дипломатические акты нового правительства свидетельствовали о намерении России не вмешиваться в соперничество двух великих держав. Через три месяца после вступления Александра на престол, 5 июня 1801 г., в Петербурге была подписана англо-русская мирная конвенция, положившая конец конфликту между двумя странами. Продолжались переговоры с Францией. В октябре 1801 г. они закончились подписанием мирного договора и секретной конвенции между Россией и Францией. Такая позиция Петербурга объяснялась тем, что многие представители русского дворянства считали, что война с Францией не дала бы России каких-либо выгод и повлекла бы за собою только расстройство финансов.

Однако сохранить нейтралитет в борьбе Англии Франции Александру I не удалось. Наступления онапарта в Италии и Германии затрагивали непосредственные интересы России. Южногерманские государства — Бавария, Вюртемберг, Баден, находившиеся од покровительством Петербурга, теперь втягивались орбиту французской политики. Летом 1803 г. французы оккупировали Ганновер и некоторые пункты районе Гамбурга — места русской торговли. Россия ынуждена была потребовать от Бонапарта нейтралиета Северной Германии и одновременно начать переоворы с Пруссией о совместных действиях.

Недовольство России вызывала и усилившаяся активость Франции в Средиземном море. Французская дипоматия поставила себе целью восстановить утраченное ю влияние на Ближнем Востоке и подорвать русскоурецкий союз. В июне 1803 г. французы заняли Бриндии, сконцентрировав там крупные военные силы. Это оздавало реальную угрозу Ионическим островам и Адиатическому побережью Балканского полуострова.

С 1804 г. Россия начала усиленную переброску свох войск на Ионические острова. Военные транспорты роходили через проливы Босфор и Дарданеллы. Туецкое правительство охотно давало на это разрешеие, поскольку оно более чем когда-либо поддерживало союз с Россией, которая одна могла оказать омощь туркам в случае французского вторжения.

В марте 1804 г. отряды французской армии, нарушив суверенные права, вторглись на территорию Баенского курфюршества, заняли город Эттенгейм и заватили проживавшего там в эмиграции французского ерцога Энгиенского, одного из претендентов на прегол Франции. Этот представитель королевской семьи о приказу Наполеона был доставлен в Париж, заклюен в Венсенский замок, а потом по приговору военноо суда, обвинившего его в том, что он получал деньги т Англии и воевал против Франции, расстрелян. Расправа над принцем Бурбонского дома вызвала протест сей монархической Европы. Наибольшую решительость проявил русский император — он протестовал фициально, особой нотой. На эту ноту Александр I олучил тот знаменитый ответ, который никогда не ыл им забыт и который он не мог простить Наполеону. «Смысл ответа заключался в следующем: герцог Энгиенский был арестован за участие в заговоре на изнь Наполеона; если бы, например, император

андр узнал, что убийцы его покойного отца, атора Павла, находятся хоть и на чужой терри-, но что (физически) возможно их арестовать, бы Александр в самом деле арестовал их, то он, сон, не стал бы протестовать против этого нару- чужой территории Александром. Более ясно ть публично и официально Александра Павлови- убийцей было невозможно. Вся Европа знала, Павла заговорщики задушили после сговора ксандром и что юный царь не посмел после своего ения и пальцем тронуть их: ни Палена, ни Беннин, ни Зубова, ни Талызина и вообще никого из них, они преспокойно сидели не на «чужой террито- а в Петербурге и бывали в Зимнем дворце»[33].

к и не получив от Наполеона гарантии соблюде- йтралитета Северной Германии и Неаполя, Рос- сентябре 1804 г. порвала дипломатические от- ия с Францией. 11 апреля 1805 г. в Петербурге подписана англо-русская союзная конвенция, по рой Россия приняла на себя обязательство выста- против Наполеона армию в 115 тыс. человек ее численность этой армии была увеличена до ыс.), а Англия — выплатить участникам коалиции дии в размере 1 250 тыс. фунтов стерлингов за лизацию каждых 100 тыс. человек и, кроме того, твовать со своей стороны не только в морских, но сухопутных военных действиях. Конвенция содер- секретные статьи, в которых шла речь о послево- м устройстве Европы. Осенью 1805 г. к конвенции оединилась Австрия, а потом — Швеция и Неапо- ское королевство, чем и было завершено образо- е очередной (3-й) антинаполеоновской коалиции. дача действий союзников заключалась в том, что им не присоединилась Пруссия — в то время она металась между двумя лагерями.

Возобновив войну с англичанами, Наполеон летом 1803 г. начал энергичную подготовку своих войск дке на Британские острова. В Булони, на ше, напротив английского берега, им был военный лагерь. Там должна была собраться ская армия, чтобы осуществить решительный на столицу Англии. «Мне нужно только ь туманной погоды — и я буду господином а, парламента и Английского банка»,— го- Наполеон. Булонский лагерь в первой половине вырос в грозную военную силу. Первоклассная,

превосходно экипированная армия французов ожидала
только тумана над Ла-Маншем и сигнала к посадке на
суда. Но создание антифранцузской коалиции вынуди
ло Наполеона решительным образом изменить свои
планы. Теперь, в 1805 г., перед ним в третий раз стоял
во всеоружии союз первоклассных европейских дер
жав. Предстояла новая грандиозная проба сил, только
не на территории Англии, а в центре Европы.

По стратегическому плану союзников соединенные
силы русской и австрийской армий должны были на
чать вторжение во Францию со стороны Баварии. Но
австрийцы, не дожидаясь подхода русских войск, пер
выми вступили в пределы Баварии, заняли Мюнхен
и расположились у крепости Ульма.

Узнав о выступлении неприятеля, Наполеон поднял
громадный булонский лагерь, построил в походные
порядки свою армию, усилил ее новыми формировани
ями и стремительно двинул через всю Францию в Ба
варию. Через 20 дней французы были на Дунае. 24 сен
тября Наполеон выехал из Парижа, 26-го он прибыл
в Страсбург, а уже 20 октября 1805 г. окруженная
в Ульме французскими войсками австрийская армия со
всеми военными запасами, артиллерией и знаменами
сдалась на милость победителя. После этого движение
французов к Вене продолжалось ускоренным темпом
13 ноября Наполеон въехал в Вену. Бежавший из сто
лицы австрийский император Франц послал Наполе
ону предложение о перемирии, но оно было отклонено
Теперь все надежды союзников возлагались на рус
ского императора и его войска. А сам Александр
уповал на привлечение в коалицию Пруссии. Однако
этим надеждам не суждено было осуществиться.

Русскими войсками (около 45 тыс. человек) в эт
время командовал М. И. Кутузов. Последний прекрасн
понимал, что принимать сражение со 100-тысячно
армией Наполеона равносильно самоубийству, поэтом
спасение русских войск он видел в их быстром отходе
правый берег Дуная. При занятии Вены француз
удалось овладеть единственным уцелевшим мостом че
Дунай. Наполеон приказал своим войскам переправит
через этот мост, чтобы помешать отступлению русск
и разгромить их. Но Кутузову удалось избежать поз
ной капитуляции. Потеряв в тяжелых арьергардных бо
около 12 тыс. человек, он ушел от наседавшего Наполе
на и привел части своей армии в Ольмюц (Оломоуц),
уже находились оба императора — Александр и Фра

К этому времени в район предстоящего сражения России были подтянуты императорская гвардия другие армейские подразделения, и численность рус- теми войсками, которые привел Кутузов, дости- тыс.; к ним присоединились 15 тыс. австрийцев, них вырваться из окружения в Ульме. У союз- таким образом, была под Ольмюцем внуши- я армия (90 тыс. человек). Кутузов, однако, луч- тих знал, что эта армия по своим боевым каче- не сможет противостоять Наполеону. Поэтому должал настаивать на том, что следует уходить на восток, затягивать войну, чтобы дать Прус- мя окончательно решиться выступить на сторо- ников. Но аргументы русского полководца не ли планам молодого русского императора.

ксандр I плохо разбирался в военном деле, но, ный жаждой славы, рвался в бой. Отступать от опа, имея такую мощную армию, ему казалось ным и ненужным. Он, безусловно, надеялся на успех и, не обладая военным опытом, уже л немало ошибок. По требованию царя рус- йска из России к Аустерлицу шли точно на с барабанным боем, «офицеры были все под ». Это ненужное изнурение, писал участник по- породило ненависть войска к сему государю первою причиною падения славы войск, кото- настоящей нужде, перенося все тяготы, умели ся и побеждать, видя заботу о себе Суворова, ева и других полководцев» [34].

олеон в это время боялся только одного: как кие не ушли и этим не затянули войну. Догады- что происходит в лагере неприятеля, он подыг- Александру и вел себя так, будто боится пред- его сражения. Он приказал своим аванпостам отступление и послал к Александру своего гене- ъютанта с просьбой о личном свидании и с пред- ием о «перемирии». В русском штабе ликовали, ьше всех радовался Александр, уверовавший ость Наполеона. Все предложения последнего ялись. Решено было немедленно напасть на цузов.

декабря 1805 г. недалеко от деревни Аустерлиц 20 км севернее Вены произошла кровавая битва. леон лично руководил сражением с начала и до . При нем были все его маршалы, четко и быстро нявшие указания своего полководца. Поражение

союзников определилось с первых же утренних часов боя. Умело спланировав свои действия и использовав уязвимые стороны союзнической армии, Наполеон суме оттеснить ее к замерзшим прудам и дал приказ артилл рии бить ядрами в лед. Лед трескался, солдаты тону в ледяной воде. Под Аустерлицем русско-австрийск армия потерпела не просто поражение, а полный разгро Союзники потеряли 15 тыс. убитыми и 20 тыс. пленн ми. Остатки армии, побросав почти всю артиллери весь обоз с провиантом и боевыми запасами, бежал Французы из 80 тыс. потеряли меньше 9 тыс. челов

Оба императора, Франц и Александр, покину поле битвы задолго до окончательной катастроф Свита, спасаясь, бросила своих высокочтимых госуд рей. Перепуганные монархи скоро разлучились, уне сенные лошадьми в разные стороны.

«Короткий зимний день склонялся к вечеру, солнце, ярко светившее весь день, зашло, а Александр и Франц в темноте спасались от плена. Александр дрожал, как в лихорадке, и плакал, потеряв самообладание. Его быстрое бегство продолжалось и в следующие дни. Раненый Кутузов едва спасся от плена»[35].

После этого Франц заявил Александру, что продолжать борьбу не имеет смысла. Последний не мог с этим не согласиться. Франц направил Наполеону письмо с просьбой о личном свидании. Победитель вежливо принял австрийского императора на своем бивуаке, недалеко от Аустерлица, потребовал немедленного ухода в пределы России остатков русской армии и согласился вести мирные переговоры только с Австрией. Франц беспрекословно принял предложения Наполеона. Так закончила свое существование 3-я антифранцузская коалиция европейских держав.

26 декабря 1805 г. в Пресбурге Австрия подписала с Францией сепаратный мирный договор, после чего вся Южная Германия перешла под власть Наполеона. А перед русским правительством встал очень трудный вопрос: какого курса придерживаться в отношениях с Францией: мир или новая война? В январе 1806 г. состоялся ряд совещаний приближенных Александра, в ходе которых обсуждалась проблема внешних отношений. Мнения царских сановников разделились: одни настаивали на продолжении войны с Наполеоном в союзе с Англией, другие, учитывая недовольство общества и многих офицеров армии поражением под Аустерлицем, предлагали вернуться к политике «свое

ободных рук», проводимой в первые годы царствования Александра I, третьи считали более благоразумным заключить мир с Францией на условиях раздела Европы на сферы влияния.

Придерживаясь различных точек зрения, окружение Александра I не могло не признавать особую остроту англо-французских противоречий как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Поэтому русское правительство действовало одновременно на два фронта: в Лондоне миссия Г. А. Строганова вела переговоры о новом союзе против Наполеона, а в Париже русский посланник Убри обсуждал с министром иностранных дел Франции Талейраном условия предстоящего мирного договора.

Переговоры Урби с Талейраном со всей очевидностью показали, что Франция не собирается отказываться от своих завоеваний и делить с Россией влияние в Европе и на Ближнем Востоке. Конвенция, подписанная Убри в Париже, на прелиминарных (предварительных) условиях фактически признавала все завоевания Наполеона. Поэтому она не была ратифицирована Александром.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III не отличался смелостью и твердым характером. Еще в октябре 1805 г. в присутствии русского императора он поклялся перед гробом Фридриха II, что непременно выступит против Наполеона. Но страх перед французским полководцем был настолько велик, что он очень скоро забыл свою клятву. В Пруссии среди дворянства и части буржуазии царили волнение и раздражение, вызванные ненавистью к Наполеону: королева Луиза ненавидела «кровавого корсиканца», офицеры и генералитет Пруссии только и мечтали о том, чтобы отомстить Наполеону за обиды и то презрение, которое он откровенно выражал по отношению к их королевству. И все обвиняли при этом своего короля в трусости.

В сентябре 1806 г. Фридрих-Вильгельм набрался немец смелости и решил послать свои войска в Саксонию, потребовав одновременно от Франции отвода войск от границ Пруссии. Ответ Наполеона был молниеносно быстрым: он вторгся в союзную с Пруссией Саксонию, 14 октября разгромил прусскую армию при Йене и Ауэрштедте и занял Берлин. Здесь 21 ноября 1806 г. Наполеон подписал свой знаменитый декрет о континентальной блокаде, направленной против

Англии, но сыгравшей огромную роль во всей истории Европы.

Русское правительство после сомнений и колебаний взяло курс на продолжение борьбы с Наполеоном. Поиск новых союзников в Европе осенью 1806 г. привел к образованию 4-й антифранцузской коалиции. Последняя, однако, не успела собрать свои силы. Быстрое поражение Пруссии фактически поставило Россию одну лицом к лицу с Наполеоном.

Теперь выступление Александра I против Наполеона диктовалось новыми и на этот раз более существенными мотивами. Во-первых, война постепенно приближалась к русским границам — французские войска уже двигались от Берлина на восток. Во-вторых, уже не одна делегация поляков обращалась к Наполеону с просьбой о восстановлении самостоятельности Польши, а это грозило потерей Литвы и Белоруссии и даже Правобережной Украины. И в-третьих, если уступить Наполеону, он обязательно заставит Россию примкнуть к своему декрету о континентальной блокаде, что вызовет прекращение сбыта русских сельскохозяйственных продуктов в Англию и, как следствие этого, подрыв и без того неустойчивой валюты страны.

Петербург решил направить против Наполеона 100-тысячную армию с артиллерией и несколькими казачьими полками. Позже должна была выступить гвардия. Придерживаясь своей тактики, Наполеон пошел навстречу русским. Уже в ноябре французы вступили на территорию Польши.

Дворяне и торгово-ремесленная буржуазия Польши приветствовали приход Наполеона — они надеялись на возрождение самостоятельной Польши. Но Наполеон меньше всего думал об этом — ему нужна была Польша как источник пополнения и снабжения своей армии и как удобный плацдарм для наступления на Россию.

В конце ноября передовые части русской армии подошли к Варшаве. Узнав об этом, Наполеон приказал маршалам Мюрату и Даву занять столицу Польши. 28 ноября кавалерия Мюрата вошла в город. Скоро в Варшаву прибыл и сам Наполеон. Начались бои с русскими.

После нескольких мелких стычек первое крупное сражение между русскими и французскими войсками произошло 26 декабря 1806 г. при Пултуске на р. Нареве. Русскими командовал генерал Бенниг

французами — маршал Ланн. Битва закончилась без явного перевеса в ту или другую сторону. Но оба командующих доложили своим императорам о победе. Беннигсен при этом рапортовал Александру, что он разбил самого Наполеона, хотя последний вообще не был в районе боя.

После сражения при Пултуске французская армия расположилась в Польше зимними лагерями. У Наполеона к этому времени было 105 тыс. человек. Из Франции подтягивались новые подкрепления. В армии Беннигсена насчитывалось 80—90 тыс. человек. К русским тоже подходили свежие силы из внутренних губерний. Обе стороны не только ждали новой встречи, но и стремились к ней.

Эта вторая битва, одна из самых кровопролитных за всю кампанию, произошла 8 февраля 1807 г. в Восточной Пруссии при Прейсиш-Эйлау. Она тоже фактически закончилась ничейным результатом. Беннигсен потерял более трети армии. У Наполеона, лично руководившего сражением, также были огромные потери. Хорошо показала себя русская артиллерия — своим метким огнем она истребила почти весь корпус маршала Ожеро. С наступлением ночи Беннигсен отошел с поля боя, поэтому французы считали себя победителями. Но Наполеон хорошо понимал, что огромные потери его армии больше говорили о неудаче, чем о победе. К тому же Беннигсен сохранил боеспособную армию и тоже считал себя победителем.

Время наступившего четырехмесячного затишья Наполеон использовал для тщательной и всесторонней подготовки своих войск к новым решающим схваткам с русскими. К маю 1807 г. в его распоряжении было 7 маршалов, в корпусах которых насчитывалось 218 тыс. человек. Кроме этого 170 тыс. французов стояли в Пруссии, пока не призванные к участию в надвигавшейся весенней кампании. Проблема с провиантом была решена: 26 мая маршалу Лефевру после продолжительной осады сдался Данциг с огромным количеством различного рода запасов.

Русская армия за это время тоже пополнилась. Но снабжение оставляло желать много лучшего. Солдаты голодали, мерзли в зимнее время и даже умирали, лишенные нормальных условий.

В последних числах мая к русской армии прибыл Александр I. Приукрашивая повествование о битве под Прейсиш-Эйлау, Беннигсен внушил царю, что,

поскольку зима кончилась и дороги стали проходимыми, не следует терять времени и упускать из своих рук инициативу.

Наступление русских началось 5 июня: по приказу Беннигсена Багратион напал на корпус Нея. Наполеон, планировавший наступление 10 июня, составил новую диспозицию и сам немедленно прибыл на место действия. Здесь, к своему удивлению, он увидел, что Беннигсен почему-то не только прекратил преследование Нея, но и, простояв около двух суток на одном месте, отступил назад. Тогда, собрав в один ударный кулак 6 корпусов и свою гвардию (общим числом более 125 тыс. человек), Наполеон отдал приказ о генеральном сражении.

У Беннигсена в этот момент было примерно 85—100 тыс. годных к бою солдат. 10 июня в окрестностях Гейльсберга произошла жаркая схватка противоборствующих сторон, длившаяся несколько часов. Авангард французов потерял в ней убитыми и ранеными около 8 тыс. человек, русские — около 10 тыс. (в бою был ранен и сам Беннигсен). После этого Наполеон главные силы направил на Кенигсберг, предвидя, что русский главнокомандующий постарается удержать за собой главный город Восточной Пруссии. И действительно, русская армия, вошедшая накануне в местечко Фридланд, предприняла попытку переправиться через реку Алле, чтобы следовать к Кенигсбергу.

Здесь, у Фридланда, 14 июня 1807 г. завязалась битва, закончившая эту войну. Торопясь преодолеть реку, Беннигсен допустил грубую ошибку, сосредоточив основные силы в излучине Алле. Русские оказались в ловушке: солдат сначала поражала артиллерия неприятеля, а потом французы атаковали их всеми силами и опрокинули в реку. Кавалергарды под начальством Кологривова дрались особенно храбро и при атаке истребили часть корпуса Нея. Но это не спасло армию от полного разгрома. Русские потеряли всю артиллерию и 25 тыс. убитыми, ранеными и пленными. С остальными своими войсками Беннигсен отступил к реке Прегель. Французы с боем вошли во Фридланд, а потом заняли Кенигсберг, где захватили большие запасы продовольствия и снаряжения, доставленные англичанами для русской армии.

19 июня войска Наполеона достигли Немана и остановились у Тильзита — на границе Российской империи. Здесь русский главнокомандующий (с разрешения императора) прислал на аванпосты францу-

зов парламентера с белым флагом. Наполеон на предложение русских о перемирии ответил согласием.

После того как Александр I узнал о разгроме русской армии при Фридланде, чувство самосохранения заставило его круто изменить свою политику. Наполеон стоял на русской границе, через полторы недели он мог быть в Вильне. Россия одна не могла и не хотела нести бремя войны. В правительственных кругах все отчетливее зрела тенденция к прекращению войны. Идею мира поддерживала влиятельная придворная группировка, в нее входили великий князь Константин Павлович, императрица Мария Федоровна, князь А. Б. Куракин и даже кружок молодых друзей царя, которые считали, что продолжение войны приведет к серьезным внутренним трудностям.

Решившись на мирные переговоры с Францией, Александр I боялся, как бы Наполеон не передумал. Чтобы не терять времени, он 22 июня из Шавля послал князя Лобанова-Ростовского в Тильзит к Наполеону с надлежащими полномочиями. Император Франции тоже стремился к миру, поскольку не считал себя готовым к походу в глубь России. Поэтому акт о перемирии был подписан сразу же, без каких-либо проволочек. Александр ратифицировал его и заявил, что хотел бы встретиться с Наполеоном. Последний со своей стороны выразил такое же желание.

Свидание императоров состоялось 25 июня и было обставлено необычной, поразившей воображение современников условностью. Чтобы не затрагивать престижа ни той, ни другой стороны, т. е. чтобы Наполеону не заходить на русскую территорию, а Александру не появляться в лагере французов, посередине Немана у Тильзита был установлен огромный плот, а на нем сооружен обтянутый белым полотном павильон с фронтонами, украшенными вензелями Александра и Наполеона. Во втором часу дня к плоту от противоположных берегов реки одновременно причалили две лодки, из которых вышли Александр, нарядившийся в этот знаменательный день с особой изысканностью, и Наполеон в скромном мундире и треуголке. Императоры скрылись в павильоне и в течение двух часов вели беседу наедине. О содержании их разговора современники могли только догадываться.

На другой день Александр I по приглашению Наполеона посетил Тильзит. Днем оба монарха принимали парады, совершали конные прогулки и давали

торжественные обеды, а вечером до глубокой ночи без свидетелей и даже без секретарей вели переговоры о судьбах своих империй и всей Европы. Объективности ради следует заметить, что при этой дипломатической дуэли расчетливый и скрытный Александр показал себя более сильным противником, чем первоначально думал о нем Наполеон. В итоге 7 июля 1807 г. между Россией и Францией были подписаны Тильзитский мирный договор и союзный трактат, направленный против Англии.

Во время переговоров Наполеон предложил все земли Пруссии, от Немана до Вислы, присоединить к России. Александр I, не желавший обострять отношения с Пруссией, убедил его отказаться от этого плана. По Тильзитскому мирному договору Пруссия теряла все земли на левом берегу Эльбы — они отходили ко вновь создаваемому Вестфальскому королевству. Одновременно под протекторатом Наполеона создавалось Варшавское герцогство из земель, захваченных Пруссией при разделах Речи Посполитой. Вольным городом под покровительством Пруссии и Саксонии объявлялся Данциг. К России отходил Белостокский округ.

Россия соглашалась на посредничество в переговорах Франции с Великобританией, а Франция принимала на себя роль посредника при заключении мира между Россией и Турцией. В секретных статьях договора Россия уступала Франции бухту Котор (на восточном побережье Адриатического моря), обязывалась вывести свои войска из Молдовы и Валахии и признавала суверенитет Франции над Ионическими островами.

По трактату о наступательном и оборонительном союзе стороны обязывались вести совместные действия в войне против любой европейской державы. Было условлено, что если Великобритания не примет посредничества русских или не согласится до 1 ноября 1807 г. заключить мир, то Россия должна будет порвать с нею дипломатические и торговые отношения. Наполеон со своей стороны брал на себя обязательство выступить на стороне России против Турции, если последняя откажется от посредничества Франции и переговоры с нею зайдут в тупик.

9 июля 1807 г. был подписан тоже унизительный для немцев мирный договор между Францией и Пруссией. Кроме некоторых территориальных изменений он обязывал Пруссию сократить свою армию до

0 тыс. человек, уплатить Франции 100 млн франков контрибуции и присоединиться к континентальной блокаде.

Великобритания ответила отказом на предложение Александра I о посредничестве. Оставаясь верной только что подписанному договору, Россия объявила Англии войну. Франция же в нарушение своих договорных обязательств на Балканах тайно поощряла Турцию в военных действиях против России.

О патриотических настроениях русских кругов сохранилось яркое свидетельство Дениса Давыдова — очевидца встречи двух императоров в Тильзите. Он рассказывает, как в начале переговоров в русскую ставку приехал французский посланец Перигоф, который держал себя с вызывающей наглостью (не снимал головного убора в присутствии русских генералов и т. д.).

«Боже мой! — восклицал Д. Давыдов, вспоминая позднее пережитое.— Какое чувство злобы и негодования разлилось по сердцам нашей братии, молодых офицеров, свидетелей этой сцены! Тогда еще между нас не было ни одного космополита; все мы были старинного воспитания и духа, православными россиянами, для коих оскорбление чести отечества было то же, что оскорбление собственной чести. Разгоряченное воображение наше представляло нам Перигофа каким-то татарским послом, приехавшим за данью в стан великих князей российских... Поступок Перигофа был первым шагом к оскорблению нашего достоинства, столь часто впоследствии оскорбленного Лористоном, Савари и в особенности Коленкуром проклятой и наглой памяти; но зато, в день победного вступления нашего в Париж, надо было видеть, как все эти лица униженно прибегали к великодушию нашего государя» [36]*.

Тильзитский мир означал крутую ломку в расстановке международных сил и в направлении внешней

---

* Эти оскорбления русской чести Д. Давыдов называл «каплями, упавшими в океан событий 1812 года» и позднее с законной гордостью писал: «Когда вспомнишь об этой тяжелой эпохе, продолжавшейся пять лет сряду, и тут же взглянешь на Россию и увидишь, что она теперь, и представляешь себе все то, что она совершила без помощи, без подпоры доброжелателей и союзников, одна, сама собою, собственным духом, собственными усилиями,— тогда, краснея, говоришь об Аустерлице, и о Фридланде, и о нечестивых наполеоновских надзорщиках, о всех этих каплях, упавших в океан событий 1812 года,— тогда гордо подымаешь голову и мыслишь: я русский» (*Давыдов Д. В.* Соч. С. 241).

политики России. Александру I, безусловно, пришлос
пойти в Тильзите на большие жертвы. Война с Англи
ей, как следствие тильзитских условий, не отвечал
интересам России. Особенно тяжелым для России был
пункт об участии в континентальной блокаде. Прекра-
щение торговли и политических связей с англичанами
пагубно отразилось на экономике страны и сильно
ударило по ее экономическим интересам. Сокращение
таможенных сборов привело к снижению государ-
ственного дохода. Образование герцогства Варшавско-
го являлось для Франции плацдармом на русской гра-
нице, а это не могло не беспокоить дворянство России
после Аустерлица и Фридланда. Отказ от протекторá-
та над Ионическими островами, потеря бухты Котор
и вывод русских войск и флота из Средиземного моря
представляли собой крупное поражение царизма в вос-
точном вопросе. Выгодные политические и стратеги-
ческие позиции, завоеванные Россией в 1798—1807 гг.,
были теперь утеряны, а вместе с этим была утрачена
надежда на выгодный союз с Турцией и на открытие
с ее стороны проливов для русского военного флота.

Вместе с тем мир с Наполеоном был для России
реальной необходимостью — затягивать войну с Фран-
цией было не только бесперспективно, но и рискован-
но. России нужна была передышка, возможность соб-
раться с силами перед грядущими испытаниями. До-
стижениями при переговорах в Тильзите можно
назвать выигрыш времени и сохранение государствен-
ной самостоятельности Пруссии.

Чтобы компенсировать Александру потери, Напо-
леон предложил ему поделить сферы влияния в Ев-
ропе. Признавая за последним владычество на запа-
де — в Германии и Италии, Александр получил «право»
господства в восточной половине Европы — в Турции
и Швеции.

После Тильзита Александр I предложил шведскому
королю Густаву IV свое посредничество в мирных пе-
реговорах с Францией. А когда англичане без объявле-
ния войны напали на столицу Дании Копенгаген и уве-
ли датский флот, Россия потребовала содействия Шве-
ции в закрытии Балтийского моря для флотов
западных держав. Густав IV отверг это требование
и еще более сблизился с Англией. Русское правитель-
ство 16 ноября 1807 г. снова обратилось к правительст-
ву Швеции, приглашая его к более активным действи-
ям. В ответе, пришедшем через два месяца, король

Швеции отвергал приглашение русских, поскольку французы занимали многие гавани Балтийского моря. Стало известно и о том, что Густав IV готовится помогать Англии в войне с Данией, имея в виду нападение на Норвегию.

Эти обстоятельства, а также обеспечение безопасности Петербурга за счет расширения северо-западных границ давали Александру I повод занять Финляндию. В начале 1808 г. русские войска численностью около 24 тыс. расположились вдоль границы, между Фридрихсгамом и Нейшлотом. Командовал ими упрямый и строптивый генерал (пруссак по происхождению) Буксгевден. Войска шведов в Финляндии по численности уступали русским.

9 февраля русские войска, не дожидаясь объявления войны, перешли границу. 18 февраля они заняли Гельсингфорс. Шведы отступили сначала в Свеаборг, потом к Таммерфорсу, куда приказано было прибыть остальным шведским отрядам, разбросанным по всей Финляндии. 26 апреля русским войскам без сопротивления сдался Свеаборг, где шведы оставили 7 тыс. пленных, более 2 тыс. орудий, большие запасы военного имущества и 110 судов.

Густав IV, узнав о наступлении русских войск, приказал арестовать всех находившихся в Стокгольме сотрудников русского посольства. Петербург ответил на это 16 марта 1808 г. официальным объявлением войны. К этому времени дела на севере Финляндии приняли для русских неблагоприятный оборот. Отряд Тучкова понес большие потери. Потерпели поражение отряды Кульнева и генерала Булатова. Буксгевден обнаружил полную неспособность руководить боевыми действиями русских войск в сложных природных условиях Финляндии. На его место в начале декабря был назначен генерал Кнорринг. Император Александр приказал новому главнокомандующему немедленно и решительно перенести военные действия на шведский берег, используясь возможностью переправиться через Ботнический залив по льду. Однако педантичный и осторожный Кнорринг упустил благоприятное время для перехода в наступление. И только в марте 1809 г. русские войска двинулись к берегам Швеции. Вскоре они овладели Аландскими островами и городом Умео. Но с наступлением весны Кнорррингу пришлось отвести свои войска обратно, поскольку рискованно было продолжать наступательные операции на шведской

территории, имея за спиной освободившееся от ледяного покрова море.

В начале апреля 1809 г. на место Кнорринга был назначен Барклай-де-Толли, получивший одновременно с этим чин генерала и пост генерал-губернатора Финляндии (ранее, командуя корпусом, он принимал участие в переходе через Ботнический залив и в овладении городом Умео). Военные действия возобновились и вновь были перенесены на шведский берег. В это время в Швеции произошла смена правительства и короля. Угроза Стокгольму заставила нового короля, Карла XIII, в августе начать с русскими переговоры, которые завершились подписанием 5 сентября 1809 г. в финском городе Фридрихсгаме мирного договора между Швецией и Россией.

По Фридрихсгамскому договору вся Финляндия вместе с Аландскими островами на правах великого княжества вошла в состав Российской империи. Теперь русско-шведская граница устанавливалась по Ботническому заливу и рекам Торнео и Муонио. При этом финнам, проживавшим в Швеции, и шведам, проживавшим в Финляндии, предоставлялось право возвратиться на родину со всем своим имуществом. Швеция приняла на себя обязательство подписать мир с Францией и Данией, разорвать союз с Великобританией и присоединиться к континентальной блокаде. Восстанавливалась также прерванная войной русско-шведская и финляндско-шведская торговля. В частности, Швеция получила по договору право беспошлинно закупать в России 50 тыс. четвертей зерна ежегодно.

После присоединения к России Финляндия как автономное государство управлялась по своим внутренним законам. 19 ноября 1808 г. было утверждено «Положение об учреждении главного управления в новой Финляндии». По «Положению», создавался Комитет главного управления из 12 местных жителей (6 дворян и 6 недворян), где председательствовал генерал-губернатор. Это было высшее административное учреждение края. Судом и государственным хозяйством управлял Правительственный совет. Делопроизводство велось на шведском языке. Финляндия имела свою конституцию и свой избираемый четырехсословный сейм, в компетенцию которого входило внутреннее законодательство. Кроме того, у княжества была своя таможня, и все доходы его шли на внутренние нужды, минуя общеимперскую казну; оно было осво-

бождено от содержания армии и от несения других военных расходов. В середине XIX в. финны получили самостоятельную денежную систему. Все это способствовало быстрому развитию капиталистических отношений в Финляндии.

Русско-шведская война 1808—1809 гг. была последней в истории отношений этих двух государств. Несмотря на то что победа над шведами была куплена дорогой ценой, сам факт вхождения Финляндии в состав России имел важное значение для обеспечения безопасности Петербурга и Прибалтики. В то же время не следует забывать, что эта война была на руку прежде всего Наполеону, желавшему поссорить Россию с ее соседями и тем самым добиться ее политической изоляции.

Союз России с Францией был вынужденным, поэтому он носил временный, компромиссный характер. Соглашением Александра I с Наполеоном была недовольна значительная часть русского общества, патриотические чувства которой были оскорблены военным поражением. Экономические последствия разрыва с Англией породили оппозиционные настроения в правящих дворянских кругах. Недовольство выражали помещики и купцы, связанные с экспортом хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. По свидетельству шведского посланника графа Стединга, говорить о возможной «перемене царствования» начали не только в частных петербургских домах, но и в «публичных собраниях». Русского царя называли «приказчиком Наполеона».

Все это заставляло нерешительного Александра I проявлять завидное упорство и настойчивость в дипломатической борьбе с французским императором в послетильзитский период. Он не принимал должных мер для строгого соблюдения положений континентальной блокады, допускал проникновение в Россию английской контрабанды и мало обращал внимания на требования Наполеона о запрещении посещать русские порты кораблям из нейтральных стран.

Наполеон тоже испытывал недовольство, поскольку Россия по-прежнему оставалась непреодолимым препятствием на его пути к мировому господству. Чтобы не делить с русскими своего влияния в Европе, он предложил Александру I план раздела территории Османской империи. Переговоры по этому вопросу велись в 1808 г., но они были для Наполеона всего лишь дипломатической игрой, с помощью которой он рассчитывал удержать русского императора в орбите

своей политики. Никакого реального соглашения по этому плану достигнуто не было.

Как бы то ни было, но мир нужен был и России, и Франции. Поэтому, чтобы продемонстрировать крепость франко-русского союза, Наполеон и Александр решили еще раз встретиться. Встреча состоялась 27 сентября 1808 г. в немецком городе Эрфурте. Внешне все обстояло благопристойно и даже красиво — при первом свидании императоры с жаром обнялись и публично расцеловались. Они не переставали проделывать это две недели подряд, ежедневно и неразлучно показываясь на смотрах, парадах, на верховых прогулках и балах. «Публичность была самым главным в этих объятиях и поцелуях: для Наполеона эти поцелуи утратили бы всю свою сладость, если бы о них не узнали австрийцы, а для Александра — если бы о них не узнали турки»[37].

Но переговоры в Эрфурте были трудными. Император Франции добивался от Александра обязательства выступить против Австрии в случае возникновения нового франко-австрийского конфликта. Последний не хотел брать на себя такого обязательства. Тогда Наполеон в припадке гнева бросил под ноги свою шляпу и начал топтать ее ногами. Александр побледнел, но не дрогнул и заявил своему высокому партнеру: «Вы резки, а я упрям... Будем разговаривать, будем рассуждать, а иначе я уеду».

Поведение Александра I в Эрфурте в значительной мере определялось не только общественным мнением, сложившимся в России, но и общеевропейской обстановкой. Он знал о существовании внутренних противоречий в лагере противника, о серьезных неудачах французов в Испании, охваченной пламенем народной войны, о заметном росте патриотических настроений среди немцев и австрийцев, придавленных сапогом французских оккупантов. Сыграло свою роль и поведение в Эрфурте Талейрана. Этот бывший епископ, выдающийся дипломат и беспринципный политик, ставший у Наполеона министром иностранных дел, изменил своему императору, вступил в тайную с[вязь] с русским царем, убеждая последнего сопротивля[ться] домогательствам Наполеона, поскольку его влад[ычество] ство в Европе становится непрочным. В дальней[шем] Талейран стал платным агентом Петербурга — [от] молодого советника русской миссии в Париже К[арла] Нессельроде он сообщал русскому царю сведения о за[мыслах]

ражениях Наполеона, за что получал десятки тысяч франков.

Свидание Александра и Наполеона в Эрфурте завершилось подписанием «Союзной конвенции между Россией и Францией». Она официально продлевала франко-русский союз. При этом интересы России были учтены в значительно большей степени, чем в Тильзите. Признавались права России на Финляндию, Молдову и Валахию.

После эрфуртского свидания императоров политические противоречия между Россией и Францией продолжали обостряться. Правящие круги Петербурга болезненно реагировали на военное укрепление и территориальное расширение герцогства Варшавского, на происки французских дипломатов в Константинополе, все более полное подчинение Наполеону германских государств. Россия продолжала испытывать тяготы континентальной блокады. В стране резко возрос торговый дефицит — в 1809 г. он достиг 157 млн руб. Не имевшая развитого торгового флота Россия пыталась найти выход в так называемой нейтральной торговле, т. е. в использовании для этой цели ганзейских, американских и греческих судов. Нейтральная торговля способствовала значительному проникновению в Россию контрабандных английских товаров. Правительство Александра I смотрело на это по-прежнему сквозь пальцы, а в Париже такое попустительство вызывало раздражение.

15 декабря 1809 г. в Париже в присутствии всех высших сановников империи и всей императорской семьи был официально подписан протокол о разводе Наполеона с его первой женой, Жозефиной. После этого имя блага империи монарху надлежало выбрать для себя другую супругу. «У политики нет сердца, а есть только голова»,— говорил Наполеон. Поэтому французский император мог породниться с династической семьей только великой державы. Его выбор пал на Россию, где были две великие княжны, родные сестры Александра. Правда, старшую из них, Екатерину Павловну, успели заблаговременно выдать замуж за принца Ольденбургского. Но оставалась свободной Анна. Наполеону было не так уж и важно, какая княжна станет его женой — он не видел ни одной из них. Своему французскому послу в Петербурге Коленкуру он поручено передать русскому царю предложение французского императора и узнать его ответ.

январе 1810 г. при русском дворе наблюдалось
шое волнение — все ждали, каким будет ответ На-
ну. Александр в самых льстивых выражениях
л Коленкура, что лично он очень хотел бы видеть
сестру женой французского императора. Но Анна
слишком молода, ей всего 16 лет... А 50-летняя
ратрица Мария Федоровна категорически возра-
против этого брака. Ее поддерживала значитель-
часть придворных — при дворе не любили фран-
ого полководца, не раз побеждавшего русских.
ы завуалировать свое нежелание породниться
полеоном, Петербург сообщил Парижу, что мать
кой княгини хотела бы несколько отсрочить брак
і дочери. Наполеон после такого ответа особенно
аздумывал — в тот же день через австрийского
а в Париже Меттерниха предложил свою руку
ри австрийского императора Марии-Луизе, на что
медлительно получил согласие.
Іеудавшееся сватовство Наполеона к русской вели
княжне, разумеется, не могло способствовать улуч
ию русско-французских отношений. Скорее наобо
Поэтому в Петербурге царила тревога. Александр
о окружение были обеспокоены тем, что теперь
грия окончательно входила в орбиту французской
тики, а Россия оставалась на континенте одна перед
ом завоевателя. Когда Наполеон присоединил
рей империи несколько немецких княжеств и горс
включая герцогство Ольденбургское, Александр
олько заявил протест французскому императору, но
вел его до сведения всех европейских правительств
м актом русский царь хотел показать, что дело в
ько в том, что герцог Ольденбургский является ег
ей, но что он не может мириться с новыми агресси
ми действиями своего тильзитского союзника. Ру
нота протеста не была удовлетворена. Тогда в к
1811 г. Александр I и его правительство нанесл
етный удар — повысили таможенный тариф на вв
ые из Франции вина, шелка и бархат. Теперь протес
ал Наполеон. Его протест тоже был отклонен.
После этого сведущие политики уже не сомнева-
ь, что новая большая война в Европе неизбежна.
лако никто еще не мог сказать, когда она начнется,
им будет соотношение борющихся сил и чем она
ончится.
Важное место во внешней политике России занима
называемый восточный вопрос. В качестве между-

ародной проблемы он возник в середине XVIII в. был связан, с одной стороны, с ослаблением некогда огущественной Османской империи, а с другой — с илением колониальной экспансии западноевропей-их государств. С начала XIX в. очень важным для ссии стало обеспечение выгодного судоходного ре-има на Босфоре и Дарданеллах — от этого зависели только безопасность черноморских границ страны, и экономическое развитие ее южных окраин. В этой зи приобрели большое значение русско-турецкие ношения, отношения двух соседних государств, име-щих общую сухопутную и морскую границу. Поэто-у русские дипломаты вели напряженную борьбу за ественную позицию Турции, за свое влияние стантинополе. Важной составной частью восточ-олитики России были ее дружественные отноше-с народами Балканского полуострова, помощь народам в их борьбе за освобождение от ига ской империи.

Между Россией и Турцией в 1799 г. был подписан ный договор, направленный против Франции. кому военному флоту был открыт свободный вы-в Средиземное море, после чего эскадра . Ушакова успешно действовала у берегов Италии ив французского экспедиционного корпуса.

Александр в первые годы своего правления поддер-ал курс на укрепление добрососедских русско-ту-их отношений. В 1805 г. в Константинополе Тур-и Россия подписали новый союзный договор. Он возглашал «мир, дружбу и доброе согласие» между ржавами. Стороны гарантировали целостность сво-владений и обязывались действовать совместно во х вопросах, затрагивающих их безопасность, а так-оказывать друг другу вооруженную помощь при падении на одну из них. Если такая помощь почему-оказывалась невозможной, то предусматривалась ее ежегодной денежной субсидией. Подтверж-, что остаются в силе Ясский мирный договор Константинопольская конвенция 1800 г. о Рес-ике Ионических островов и все другие соглаше-ключенные между сторонами.

При создании антифранцузской коалиции (в соста-оссии, Великобритании, Австрии и других держав) должна была согласовывать свои действия ией и в течение войны способствовать проходу военных транспортов через проливы. Россия

гарантировала целостность Ионических островов, а Турция обязалась предоставить свободный проход через черноморские проливы русским военным судам, предназначенным для обслуживания и снабжения размещенных там войск. Были приняты договоренность считать Черное море закрытым и обязательство противодействовать проходу в это море иностранных военных судов или транспортов с военными грузами. Срок действия договора определялся девятью годами, но русско-турецкий союз оказался недолговечным.

Поддерживая добрососедские отношения с Турцией, Россия никогда не забывала о народах Балканского полуострова. Сербское восстание 1804 г. положило начало широкому национально-освободительному движению на Балканах. Руководители восстания обратились за помощью к России. Союзный договор с турками первоначально не позволял русским оказывать повстанцам существенное содействие. И все же в 1805 г., в самый трудный момент для восставших, русские корабли прибыли к Галацу и доставили сербам оружие и боеприпасы.

В начале 1806 г. русско-турецкие отношения резко ухудшились. После разгрома русских при Аустерлице Турция нашла более выгодным для себя сблизиться с Францией. В том же году в Константинополь прибыл французский посол генерал Себастиани. Он сумел склонить Порту на сторону Франции и спровоцировать русско-турецкий конфликт. Порта закрыла проливы для русских кораблей и начала провокационную политику в Дунайских княжествах. В декабре 1806 г. вспыхнула новая русско-турецкая война, развязанная Турцией при подстрекательстве Франции.

Начиная войну, турецкий султан преследовал реваншистские цели, стремясь снова овладеть Крымом, поработить народы Закавказья, лишить Дунайские княжества тех привилегий, которых добилась для них Россия. При этом Турция все больше теряла свою самостоятельность во внешней политике и превращалась в орудие наполеоновской дипломатии. Русское правительство в свою очередь и в это трудное для него время не отказывалось от планов проникновения на Балканы и в Восточное Средиземноморье, совсем не собираясь вести только оборонительную войну.

Теперь, когда отпала забота о сохранении союза с Турцией, Россия установила тесное сотрудничество с Сербией. Она посылала сербам деньги и боеприпасы,

направила к ним военного инструктора. Для совместных военных действий с сербами были направлены русские войска. Сербская армия вела операции в тылу у турок, весной 1806 г. она осадила Белград, а в декабре овладела им. Между Россией и сербскими повстанцами летом 1807 г. было заключено соглашение, подписанное их вождем Карагеоргием. По этому соглашению Россия оказывала существенную материальную помощь сербскому национально-освободительному движению.

На стороне России в войне против Турции выступала Республика Ионических островов. Последние стали центром греческого национального движения, опорным пунктом первых борцов за независимость Греции. Созданная при помощи России и в течение девяти лет (1798—1807) находившаяся под ее покровительством, Республика Семи соединенных островов стала первым греческим национальным государством нового времени.

Русская армия, стоявшая на Дунае под командованием генерала от кавалерии И. И. Михельсона, насчитывала в своем составе всего лишь 40 тыс. человек. Поэтому на первом этапе войны эти войска не могли вести широких наступательных операций. Но и после пополнения армии последующие командующие — князь А. А. Прозоровский и граф И. М. Каменский — тоже вели военные действия нерешительно, направляя главные силы на взятие и удержание отдельных крепостей и на оборону правобережья Дуная. И все же следует отметить, что в сражении при Обилешти 14 июня 1807 г. русские войска нанесли крупное поражение туркам и этим спасли от разгрома Бухарест.

Более активно действовали русские моряки. С весны 1807 г. Средиземное море снова стало ареной крупных операций русского флота. Вице-адмирал Д. Н. Сенявин занял остров Тенедос и блокировал Дарданеллы. В Дарданелльском и Афонском морских сражениях в июле 1807 г. он разгромил турецкий флот.

В марте 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен генерал М. И. Кутузов. К этому времени численность армии снова значительно уменьшилась и не превышала 45 тыс. человек (5 ее дивизий по повелению государя накануне были отправлены на Днестр для усиления западных границ в связи с угрозой вторжения Наполеона). Так как турецкая армия к весне 1811 г. выросла до 80 тыс., новому

командующему для начала пришлось быть особенно осторожным и, по его словам, «держаться скромного поведения». Но вскоре армия Кутузова была усилена приходом на Дунай 9-й дивизии из Ясс и 15-й дивизии из Хотина. Собрав в один кулак разбросанные ранее по Дунайскому театру военные силы, Кутузов перешел в наступление и 4 июля под Рущуком разгромил почти вдвое превосходящую по численности турецкую армию. В октябре—ноябре он окружил турок под Слободзеей. Это заставило Турцию начать переговоры о мире. Как ни противодействовала Франция русско-турецким переговорам, 28 мая 1812 г. незадолго до начала нашествия Наполеона на Россию Турция подписала с русскими Бухарестский мирный договор.

По этому договору, содержавшему 16 открытых и 2 секретные статьи, в состав России включалось междуречье Прута и Днестра, т. е. Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Теперь граница с Турцией устанавливалась по реке Прут до соединения его с Дунаем, а далее по Килийскому руслу Дуная до Черного моря. Россия возвращала Турции все земли и крепости, завоеванные ею в Азии, но удерживала за собой как добровольно присоединившиеся к ней все области Закавказья до Арпачая, Аджарских гор и Черного моря. Турция получала обратно только Анапу. По секретной статье Россия могла пользоваться участком морского побережья Кавказа протяженностью 30—40 верст. Ей предоставлялось также право торгового судоходства по всему течению Дуная, а военного — до устья Прута. Для народов Молдовы и Валахии сохранялись привилегии, установленные Ясским мирным договором 1791 г. Статьи договора, касавшиеся Сербии, имели важное значение для национально-освободительного движения на Балканах. Сербии предоставлялась широкая автономия в делах внутреннего управления, причем Россия имела право контролировать исполнение этой статьи договора.

Бухарестский мирный договор имел для России большое значение, поскольку он обеспечил нейтралитет Турции в период Отечественной войны 1812 г.

ЭПОХА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 12 ГОДА

Отечественная война 1812 г. была крупнейшим событием русской истории начала XIX в., имевшим не только общеевропейское, но и мировое значение. Для России она с первых дней была войной справедливой, носила национальный характер и поэтому способствовала росту национального самосознания.

Как справедливо пишет современный исследователь проблемы, «если в дипломатии и войнах 1805—1811 гг. единоборствовали российское дворянство и французская буржуазия (народные массы использовались с обеих сторон лишь как «пушечное мясо»), то в 1812 г. борьба между теми же противниками, вопреки их желанию, выдвинула на первый план как самостоятельную и решительную силу русский народ. Он не был ответствен за отсталость и реакционность царившего тогда в России режима, не имел в отличие от своих хозяев ни агрессивных, ни реставраторских намерений и не собирался нападать на чужие страны, но уж коль чужестранцы пришли с мечом топтать русскую землю, он поднялся на защиту отечества и повел с захватчиками справедливую, освободительную войну» [1].

Главной предпосылкой и причиной ее возникновения было стремление французской буржуазии к мировому господству. Выразителем этой агрессивной политики был Наполеон Бонапарт. Проявив себя выдающимся военачальником на завершающем этапе Великой французской революции, он в 1799 г. стал консулом, а в 1804 г.— императором. Задушив революцию и устранив все установления, ущемлявшие интересы крупной буржуазии, Наполеон подменил революцию перманентной войной. При этом справедливые войны времен революции он превратил в захватнические, империалистические.

Главным соперником французской буржуазии в Европе, Америке и на Ближнем Востоке была буржуазия Англии. Поэтому Наполеон ставил своей конечной задачей сокрушение экономического и политического

могущества Англии и подчинение своему контролю всех стран Европы. На пути к достижению этой цели стояла Россия — она сдерживала агрессию французского императора. Наполеон откровенно говорил об этом: «Еще три года, и я — господин всего света»[2].

Таким образом, в начале XIX в. судьбы народов Европы, в том числе и Англии, в значительной мере зависели от России, от того, выстоит ли она перед невиданным по своим масштабам нашествием французской армии. Важно заметить, что этот главный вопрос в конечном счете решался не искусством царских дипломатов и полководцев, а мужеством, стойкостью и моральной силой всего русского народа.

Обещая «раздавить Россию», Наполеон хотел низвести ее в ранг второстепенной державы. При этом он имел в виду не только разгром русской армии и капитуляцию царя, но и отторжение от нее ряда территорий и изоляцию ее от берегов незамерзающих морей. Эти замыслы Наполеона комментировал русский посол в Париже князь А. Б. Куракин. В августе 1811 г. он писал, что французский император готовит против русских войну, которая имеет своей целью оттеснить Россию «к прежним границам, лишить ее территорий, завоеванных ею у Швеции и Польши, возродив это королевство, низвести ее к тому положению, в котором она находилась до славного царствования Петра Великого — одним словом, превратить ее в чисто азиатскую державу, лишив того положения одной из первых держав, которое она сейчас занимает»[3].

Наполеон нарушал условия Тильзитского договора. Он открыто начал это делать с 1810 г. Как уже говорилось, без всяких на то оснований он захватил Ольденбургское герцогство, признанное независимым по соглашению, подписанному в Тильзите. Им была расширена территория Варшавского герцогства за счет Западной Галиции, отобранной у Австрии. В Польше французы строили военные склады и магазины, превращая Варшавское герцогство в плацдарм для вторжения в Россию. Вместе с тем Наполеон в резкой форме требовал от России неукоснительного соблюдения условий навязанной им континентальной блокады в отношении Англии.

Завоевания Бонапарта в Европе сопровождались разорением покоренных государств. Этому неизбежно способствовали постои французских войск, принудительная вербовка населения в неприятельскую армию,

бесконечные налоги, разрушение местной промышленности. Французская агрессия вызывала национально-освободительную борьбу против тирании завоевателя. Поэтому Александр I не без основания рассчитывал на то, что нападение Наполеона на Россию ускорит создание новой антифранцузской коалиции и позволит ему по праву возглавить этот союз. Тогда он сумеет взять реванш за прежние свои неудачи и поднять свой пошатнувшийся престиж. Но в то же время правительство русского самодержца оказалось неспособным подготовить страну к новой большой войне, к отражению предстоящего вторжения неприятеля. В частности, царская дипломатия не сумела сорвать замыслы неприятеля относительно политической изоляции России — Наполеону к 1811 г. удалось сколотить широкую антирусскую коалицию и вовлечь в нее почти все государства Европы, включая Австрию и Пруссию.

Наполеон вел усиленную подготовку к войне — ни одну из своих войн он не готовил так тщательно, как войну против России, понимая, что ему предстоит встреча с сильным противником. Его ассигнования на военные цели составили 100 млн франков. Он провел дополнительную мобилизацию, увеличившую его армию на 250 тыс. человек. Для похода на Россию ему удалось сформировать так называемую Великую армию численностью свыше 600 тыс. солдат и офицеров. Ее ядром являлась 10-тысячная старая гвардия, состоявшая из ветеранов, помнивших победу при Аустерлице. Командный состав армии обладал солидным боевым опытом. Прославленные маршалы Наполеона — суровый Даву, стремительный Ней, темпераментный Мюрат — были крупными мастерами военного искусства. Среди войск все еще жил культ «маленького капрала», как продолжали ласково называть своего императора французские солдаты и офицеры у бивуачных костров, поддерживая этим определенное настроение в армии. Управление войсками было хорошо налажено, штаб работал бесперебойно. До начала наступления французами были внимательно изучены особенности театра предстоящих сражений. Наполеон поставил свой стратегический план кампании, он был прост и достаточно конкретен: всей массой войск вклиниться между русскими армиями, окружить каждую поодиночке и разбить в генеральных сражениях как можно ближе к западной границе. Срок всей кампании планировался не более чем на месяц.

В процессе подготовки к войне с Россией Наполеон
билизовал материальные ресурсы всех подвластных
/ стран Европейского континента, однако было бы
правильно чрезмерно преувеличивать военно-эконо-
ческую мощь наполеоновской коалиции, поскольку
одна из входивших в нее стран не успела еще
ежить промышленного переворота.

В Петербурге не только знали о подготовке Напо-
она к войне, но и сами пытались осуществить ряд
роприятий в том же направлении. Военное мини-
рство, возглавляемое М. Б. Барклаем-де-Толли,
1810 г. разработало программу, предусматрива-
ую перевооружение русской армии и укрепление
падных границ империи, в частности усиление обо-
нительной линии по рекам Западной Двине, Берези-
и Днепру. Но эта программа из-за тяжелого финан-
вого положения государства не была выполнена.
частично построенные вдоль Немана, Западной
ины и Березины военные укрепления создавались
спех и не стали преградой на пути вторжения
анцузской армии.

Не простой была и проблема людских ресурсов.
истема комплектования русской армии путем набора
крутов из крепостных крестьян, а также 25-летний
ок солдатской службы не позволяли иметь достаточ-
е количество подготовленных резервов. В ходе вой-
приходилось создавать ополчения, нуждавшиеся
обучении и вооружении. Поэтому, несмотря на до-
лнительные рекрутские наборы, русская армия, пр
ывавшая западную границу, к началу войны нас
ивала 220—230 тыс. бойцов. Французы, таким
зом, имели почти тройное превосходство в сил

этому следует добавить неудачное стратегическое
строение русских войск. Они были разделены на три
мии, отстоявшие друг от друга на расстоянии до
0 км. 1-я армия (М. Б. Барклая-де-Толли) была со-
едоточена в районе Россиена и Лиды на фронте
отяженностью 180 км. 2-я армия (П. И. Багратиона)
сполагалась на участке в 50 км между Неманом
Западным Бугом. 3-я — резервная — Западная армия
енерала А. П. Тормасова) стояла на Волыни и была
трезана от армии Багратиона лесисто-болотистой по-
осой Полесья. Следовательно, если 600-тысячная ар-
ия Наполеона была развернута на территории в 300
м, то русские войска численностью чуть больше
0 тыс. человек занимали пространство в 660 км.

Такой крупный просчет можно объяснить только тем, что у высшего командования русской армии не было хорошо продуманной стратегии ведения войны. Действительно, план предстоящих военных операций русская сторона начала готовить в 1810 г. в глубокой тайне. В его разработке принимали участие Александр I, Барклай-де-Толли и прусский генерал Фуль. Однако в окончательном виде он не был принят и дорабатывался уже в ходе военных действий. В начале войны Фуль предложил вариант, по которому в случае наступления французов на армию Барклая-де-Толли она должна была отступить к укрепленному лагерю около города Дриссы и здесь дать генеральное сражение. Армия Багратиона, по замыслу Фуля, должна была действовать во фланг и тыл неприятеля. Из этого варианта как раз и вытекало разделение русских войск на три отдельные армии.

Но не следует думать, что у русских не было способных офицеров и талантливых полководцев. Напротив, в армии еще жили традиции славной военной школы генералиссимуса Суворова побеждать умением, умением и храбростью. Среди русских генералов того времени было немало воспитанников этой школы: благородный и пылкий Петр Багратион — он командовал авангардом суворовской армии в знаменитом и труднейшем швейцарском походе; мужественный Алексей Ермолов, получивший свой первый боевой орден из рук Суворова,— он был тому же вольнодумец и острослов, за что сидел в каземате Петропавловской крепости при Павле I; отважный Николай Раевский, участник войн с Турцией, Польшей, Швецией и Францией,— он станет впоследствии героем Бородинского сражения; жизнерадостный Дмитрий Дохтуров, участник войн со Швецией и Францией, он в предстоящей войне будет командовать корпусом, войска его сыграют решающую роль в бою под Малоярославцем; наконец, поседевший в боях и походах, с выбитым турецкой пулей глазом Михаил Илларионович Кутузов. Все эти военачальники высоко ценили доблесть и стойкость русского солдата, знали путь к его сердцу и воспитывали в войсках наступательную тактику, мужество и взаимную выручку в бою.

Армия Наполеона при всей ее высокой организации имела значительного количественного и качественного превосходства в артиллерии.

Кроме того, французская армия не превосходила русскую по количеству и боевым качествам конницы. Коневодство ни в одной из стран Европы не было так развито, как в России. Это служило надежной базой для русской конницы — единственного в то время высокоподвижного рода войск. Однако рациональное использование огромных материальных ресурсов тормозилось большой протяженностью территории, низкой плотностью населения, отсутствием мало-мальски проходимых дорог, крепостным правом и косностью царской администрации. Но и армия Наполеона по мере ее продвижения на восток тоже сталкивалась с серьезными затруднениями в снабжении.

И наконец, русский солдат не уступал французскому по своему боевому духу. Для русского солдата понятие «родина» не было пустым звуком. Он готов был драться до последнего вздоха за свою, политую его потом землю, за свою веру.

Таким образом, проигрывая врагу в численности, планировании и организации стратегического развертывания войск, русская армия не уступала ему в вооружении и боевой подготовке. В ходе Отечественной войны соотношение сил существенным образом менялось. Если армия Наполеона по мере продвижения в глубь России таяла, то русские войска крепли и закалялись в боях, пополнялись новыми силами и снаряжением. А самое главное — их поддерживал русский народ. В конечном счете это обстоятельство и привело к полному поражению интервентов.

В ночь на 12 июня 1812 г. армия Наполеона без объявления войны начала переправу через Неман. Близ Ковно французские отряды прикрытия на лодках переплыли на восточный берег и не встретили там никого, кроме казачьих разъездов. Саперы навели плавучие мосты, по которым перешли через реку полки гвардии, пехотный и кавалерийский корпуса и артиллерия. Нигде не видно было ни русских войск, ни оживленных дорог, ни шумных лагерей. Рано утром авангард французских войск вошел в Ковно.

Главные силы русских войск (армия Барклая-де-Толли) были сосредоточены в то время в 100 км к юго-востоку от места переправы неприятеля. Литовское население еще со времен нашествия Тевтонского ордена старалось селиться подальше от границ Пруссии. Поэтому восточный берег Немана казался безлюдным. Один из участников похода вспоминал потом: «Перед

нами лежала пустыня, бурая, желтоватая земля с чахлой растительностью и далекими лесами на горизонте...» Картина показалась уже тогда «зловещей»[4].

В тот самый день, 12 июня, когда французская армия начала свою переправу через Неман, Александр I присутствовал на празднике, который русские офицеры давали в его честь в окрестностях Вильны, пригласив на торжества высшее виленское общество. Здесь русский император вечером узнал о наступлении неприятеля. 14 июня он оставил город, послав предварительно своего министра полиции генерал-адъютанта А. Д. Балашова к французскому императору с предложением начать переговоры о мирном разрешении конфликта. Наполеон принял последнего уже в Вильне, которую французы заняли на четвертый день после переправы через Неман.

Существует версия, что Наполеон, отказавшись от каких-либо переговоров, с издевательской насмешкой спросил у Балашова, не может ли он указать ему самый короткий и самый верный путь на Москву. Русский генерал-де ответил зазнавшемуся завоевателю, что есть много дорог на Москву; одна из них ведет через Полтаву, намекая тем самым на бесславный поход Карла XII, армию которого разгромили войска Петра I в 1709 г. Историк Е. В. Тарле пишет, что эта версия «должна быть принимаема с большой осторожностью, особенно те места, где Балашов будто бы намекнул Наполеону на Испанию и упомянул о Полтаве. Министр русской полиции не блистал никогда безупречной правдивостью, и более чем вероятно, что он присочинил эти свои героические намеки уже позднее»[5]. Как бы там ни было, но ни у кого не вызывает сомнения, что вопрос Наполеона был действительно резким по содержанию и оскорбительным по форме.

В Вильне Наполеон оставался полных 18 дней, что впоследствии военные историки считали одной из его роковых ошибок. Но как и раньше в Дрездене, он ждал подходившие к нему новые армейские части. Уже здесь ему доложили о первой серьезной неприятности — массовом падеже лошадей из-за нехватки фуража. Была и другая сложность — в Литве и Белоруссии поляки не выставили под ружье достаточных сил. Это заставило Наполеона уже в самом начале кампании лучше понять все особенности и трудности затеянного им дела, что сразу же нашло свое отражение в его повседневной политике: к явному разочарованию поляков,

он не присоединил Литву к Польше, а создал для нее особое временное управление. Такое решение означало, что он не хочет предпринимать ничего, что могло бы помешать миру с Александром. В этом проявлялась двойственность планов Наполеона в отношении исхода начатого им похода.

Его надежды вклиниться между армиями Барклая-де-Толли и Багратиона, навязать им крупные сражения и поодиночке разгромить терпели неудачу. Барклай-де-Толли ввиду невыгодного соотношения противоборствующих сил, убедившись в слабости своих оборонительных укреплений и непригодности избранной позиции, своевременно начал отступление через Полоцк к Витебску и далее к Смоленску на соединение со 2-й армией. Удар, намеченный Наполеоном по войскам 1-й русской армии в районе Вильны, пришелся по пустому месту. 2-я армия (Багратиона), искусно маневрируя и сдерживая в боях натиск неприятеля, тоже сумела выйти из-под атак французов. Опыт и мастерство Багратиона позволили ему вырваться из ловушки, устроенной его войскам маршалом Даву под Могилевом, и, переправившись в районе Нового Быхова через Днепр, направиться к Смоленску. В начале августа русские армии соединились у Смоленска. Это был первый крупный успех русского командования — сорвался план Наполеона разгромить рассредоточенные войска поодиночке.

В Витебске Наполеон задержался на две недели — надо было подумать о перспективах дальнейшего похода в глубь России. К тому времени забот появилось немало: приходилось повсюду оставлять воинские гарнизоны; обозы не поспевали за движением войск; ослабевала дисциплина в армии; участились случаи дезертирства; растягивались коммуникации. Наполеон с тревогой наблюдал, как в результате длительных изнурительных переходов по пыльным проселочным дорогам в июльскую жару постепенно тает его Великая армия. Личный состав его лучших дивизий уменьшался за счет заболевших, отставших, раненых и погибших в постоянных боях с русскими арьергардами. Армия французов насчитывала в своих рядах уже не более 200 тыс. человек. Поэтому в Витебске перед Наполеоном встал вопрос: продолжать ли наступление? Может быть, лучше остановиться в Белоруссии на зимних квартирах и разделить войну против России на две кампании?

Однако властелин огромной империи, глава могущественной коалиции европейских держав, главнокомандующий все еще многочисленной и грозной армии не мог принять такого решения — это означало бы признать свою неудачу, что неизбежно подорвало бы его престиж как полководца и ускорило бы разложение армии, развал коалиции и крушение империи. Он вынужден был продолжать движение на восток, все дальше уходя от своих баз и источников военного снабжения.

В русской армии по мере ее отступления преобладали совсем другие настроения. Покидая родные города и села, солдаты и офицеры испытывали досаду, чувство вины и угрызения совести — они хотели, они должны были сражаться с врагом, посягнувшим на их землю. Эти настроения впоследствии очень хорошо передал М. Ю. Лермонтов словами бывалого ветерана:

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»[6]

Военачальники спорили между собой. Главнокомандующий Барклай-де-Толли упорно и совершенно правильно настаивал на отступлении. В то время он оказался дальновиднее других — надо было сохранить армию, ее высокую боеспособность. Но у солдатских костров и на привалах все чаще стало звучать слово «измена» (имелось в виду немецкое происхождение Барклая). Окруженный недоверием и незаслуженно обиженный злоречием, Барклай-де-Толли остался верен самому себе. Позже история реабилитировала полководца.

Наполеон стремился к генеральному сражению с русской армией. Он решил обойти Смоленск и зайти русским войскам в тыл. Французское наступление началось 1 августа. Французский император двинул корпус маршала Нея и конницу маршала Мюрата в обход Смоленска. Этому помешали войска 27-й дивизии Д. П. Неверовского — они встретили французов у Красного. Русские солдаты с невиданным упорством отбивали атаки неприятеля. После боя от дивизии осталась

лишь шестая ее часть, которая прорвала вражеское кольцо, вошла в Смоленск и соединилась с главными силами армии.

Солдаты корпусов Раевского и Дохтурова, оставленные для прикрытия отхода главных сил армии, более двух суток отстаивали свои позиции под Смоленском. Им помогали жители города. По Смоленску непрерывно била артиллерия французов. Город горел. Русские взорвали пороховые склады, после чего в ночь на 18 августа 1812 г. оставили Смоленск.

Когда французские войска вошли в горящий полуразрушенный город, перед Наполеоном снова встал вопрос о дальнейших перспективах войны: в его ударной группировке оставалось лишь 135 тыс. войск. Маршал Мюрат советовал своему императору не идти далее. Оставаясь пока в Смоленске, Бонапарт пытался договориться с Александром I о мире. Однако это предложение осталось без ответа.

После соединения армий Барклая-де-Толли и Багратиона русские насчитывали в своих рядах около 120 тыс. человек. Французские войска еще превосходили русских по численности. Некоторые русские генералы, в том числе Багратион, предлагали дать сражение. Но Барклай-де-Толли, узнав о подходе наполеоновской армии, отдал приказ о продолжении движения в глубь страны.

Война принимала затяжной характер. Французы грабили население, разоряли деревни и города. Это в свою очередь вызывало у местных жителей ожесточение и упорное сопротивление. При подходе неприятеля они скрывались в лесах, ничего не оставляя врагу. Зарождалось и ширилось крестьянское партизанское движение.

Общественное мнение осуждало Барклая-де-Толли, уклонявшегося от больших сражений с французами и отступавшего на восток. Национально-освободительный характер войны требовал назначения нового главнокомандующего, который пользовался бы большим доверием и авторитетом. Таким человеком являлся М. И. Кутузов, который в то время был начальником петербургского ополчения. Русский император не любил Кутузова. Но последний уже не раз показывал свое искусство полководца и, самое главное, пользовался популярностью в армии и в русском обществе. Поэтому когда на специальном заседании Чрезвычайного комитета кандидатура Кутузова была предложена

на на пост главнокомандующего, Александр I был вынужден с этим согласиться и 20 августа подписать соответствующий приказ.

Назначение Кутузова на столь важный и ответственный пост получило одобрение всей России. Оно было положительно встречено особенно в армии. Среди солдат сразу же стала популярной пословица: «Приехал Кутузов бить французов!»

Кутузов принял командование в очень тяжелых условиях. Большая территория России была захвачена неприятелем, французы превосходили военные силы русских, русская армия отступала. К тому же правительство Александра I не выполнило своих обещаний. Кутузову было обещано для пополнения армии 100 тыс. рекрутов, а также народное ополчение в 100 тыс. ратников. Когда русская армия была уже под Можайском, выяснилось, что Кутузов реально мог получить лишь 15 тыс. рекрутов и 26 тыс. ополченцев.

29 августа новый главнокомандующий прибыл в ставку русской армии, располагавшуюся в местечке Царево-Займище, где Барклай-де-Толли готовился дать генеральное сражение с Наполеоном. Кутузов отменил это решение, придерживаясь тактики отступления и считая ее единственно правильной для сохранения боеспособности армии. Отход войск продолжался до села Бородина, расположенного вблизи Можайска, в 120 км западнее Москвы. Здесь и произошло генеральное сражение русских с армией Наполеона, вошедшее в историю яркой страницей.

Кутузов не случайно избрал бородинскую позицию для большого и ответственного сражения. Она позволяла русским войскам с наибольшим успехом вести оборонительные действия против наступающих французов. На относительно узком фронте эта позиция перекрывала сразу две дороги на Москву — Старую Смоленскую и Новую Смоленскую, соединившиеся у Можайска. С правого фланга, которым командовал Барклай-де-Толли, войска прикрывала речка Колоча, впадающая в Москву-реку. Воды в Колоче к концу лета было не так много, но берега ее были круты и обрывисты. Холмистая местность с ручьями и оврагами давала возможность на выделявшихся высотах создать опорные пункты, установить артиллерию и скрыть от противника часть своих войск. Все поле местами было покрыто кустарником и мелколесьем, а с юга и востока окаймлено сплошными ольховыми и березовыми лесами.

Чтобы улучшить позицию, Кутузов приказал дополнительно укрепить ее. С этой целью на правом фланге было воздвигнуто несколько насыпных валов и на них установлены пушки. Батарея из 18 орудий, получившая название Курганной, размещалась на центральной возвышенности (здесь во время битвы стоял 7-й пехотный корпус, которым командовал генерал Раевский). На левом фланге, у деревни Семеновской, на открытой равнине были сооружены искусственные земляные укрепления для артиллерийских батарей. Они были обращены углом к противнику и назывались флешами. (Семеновские флеши именовались еще Багратионовыми, так как здесь располагались части 2-й армии.)

Местность вынуждала французов на узком участке атаковать русские войска в лоб, преодолевая крутые берега Колочи. Это неизбежно приводило к большим потерям среди атакующих, чего и добивался Кутузов.

При изучении Отечественной войны 1812 г. неоднократно возникал вопрос: была ли необходимость в Бородинском сражении? И если «да», то для какой из противоборствующих сторон эта необходимость была более важной, более существенной? По-своему оригинально и однозначно на этот вопрос ответил Л. Н. Толстой. В романе «Война и мир» он писал: «Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть — для русских то, что мы приблизились к погибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к погибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение»[7].

Однако Бородинской битвы не могло не быть. Она была неизбежна. Кутузов дал сражение, во-первых, потому, что этого желала отступавшая армия. Во-вторых, возбужденное общественное мнение не простило бы Кутузову, если бы он без решительной схватки с неприятелем отступил до самой Москвы. Кроме того, принимая решение о Бородинском сражении, Кутузов с полным на то основанием рассчитывал обескровить врага, лишить его надежды на легкую победу и этим положить начало позорному изгнанию оккупантов из пределов России. У Наполеона были свои

соображения. Учитывая свое временное превосходство в силах, он надеялся в генеральном сражении разгромить русскую армию, принудить Александра I к вынужденному миру и с блеском закончить очередную кампанию.

Достигнув района Бородина, Кутузов следующим образом расположил русские войска по фронту. Более многочисленную и сильную 1-ю армию под командованием Барклая-де-Толли (около 70% всех сил) он поставил на правом фланге, вдоль берега Колочи. Подразделения этой армии прикрывали дорогу на Мо- ву. Армию Багратиона он разместил на левом флан- о деревни Утицы. Роль передового оборонительно- пункта выполнял пятиугольный редут (полевое епление, приспособленное для круговой обороны), роенный впереди всей позиции на левом фланге ревни Шевардино.

Когда Наполеону доложили, что русская армия ьше не отступает и готовится к сражению, он очень адовался. Наконец-то у него появлялась возмож- ь показать русским свою силу. Он не сомневался беде. Его армия к этому времени насчитывала 135 . солдат и 587 орудий. У русских было 103 тыс. лярных войск, 7 тыс. казаков, около 10 тыс. ратников чения и 640 орудий. Небольшому превосходству ких в артиллерии Наполеон надеялся противопоста- свое мастерство в управлении войсками, стреми- ность маневра и сокрушительную мощь удара *.

В полдень 5 сентября авангард французов атаковал ардинский редут. Около 30 тыс. пехоты и 10 тыс. ицы обрушил Наполеон на 8 тыс. русских пехо- ев и 4 тыс. конников. Вскоре огневой бой перешел ыковую схватку. Укрепление несколько раз пере- ло из рук в руки. К вечеру французы овладели им, ко внезапной атакой русские выбили их оттуда. подступах к редуту и на его земляных валах оста- 6 тыс. неприятельских трупов. Только по приказу узова русские войска около полуночи покинули

По подсчетам историка Н. А. Троицкого, численность русской и (регулярных войск, казаков и ополченцев) составляла тыс. человек. Но из них регулярных было только 115,3 тыс., тыс. человек составляли ополченцы, в основном не имевшие и и вооруженные пиками и саблями. Французские войска насчи- ли около 134 тыс. человек, причем все они были кадровыми ошо вооруженными (*Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. 988. С. 142).

занятую ими позицию. После взятия укреплений Наполеон не смог двинуться дальше.

Битва на Бородинском поле началась на рассвете 7 сентября и продолжалась более 12 часов. Свой главный удар Наполеон наносил по левому флангу русской позиции, где армия Багратиона обороняла Семеновские флеши. Здесь на участке около 2 км Наполеоном было сосредоточено 45 тыс. солдат и 400 орудий[8]. Это наступление французов возглавляли их лучшие генералы — Ней, Даву, Мюрат и Удино. Только после восьмой атаки флеши были заняты неприятелем. Однако русские войска на этом участке отошли лишь на полкилометра и не позволили противнику развить свой успех. Генерал Дохтуров, заменивший смертельно раненного Багратиона, быстро восстановил оборону за Семеновским оврагом.

После полудня Наполеон перенес наступательные действия армии на Курганную батарею. Он даже решил ввести в бой из своего резерва дивизию молодой гвардии. Однако в это время по приказу Кутузова русская конница под командованием Платова и Уварова обошла левый фланг французов. Узнав о рейде русской конницы, Наполеон остановил свою гвардейскую дивизию и вынужден был произвести перегруппировку войск.

Битва за Курганную батарею была ожесточенной. Стойкость русских удивляла французов. Только в четвертом часу дня, понеся огромные потери, французы овладели редутом на центральной возвышенности. Но это был их последний успех. К вечеру, убедившись в бесплодности дальнейших атак, Наполеон отвел свои войска на исходные рубежи, которые они занимали утром. По этому поводу Кутузов доносил: «Батарея переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами»[9].

Наполеон не достиг своей цели — разгрома русской армии. Потери с обеих сторон были огромными. Французы в этой кровавой схватке потеряли свыше 5 тыс. солдат и офицеров (43% личного состава). Потери русских составили 44 тыс. человек (свыше 30% личного состава). Бородинская битва явилась моральной победой русской армии, она стала началом конца величия французского императора и его армии.

К воспоминаниям об этой битве Наполеон неоднократно возвращался в последующие годы, уже нах

дясь на острове Святой Елены. В беседе с генералом Гурго он спросил: какую битву тот считает самой выдающейся? Генерал ответил, что Аустерлиц. На это Наполеон возразил — нет, битву под Москвой *он ставит* намного выше [10]. Вспоминая 50 или 60 битв, *которые он дал в* своей жизни, Наполеон отмечал: «Можно сказать, что та, под Москвой, была одной из тех, где было заслужено больше всего, а результаты получены наименьшие» [11].

Доблесть русских солдат и офицеров, проявленную на Бородинском *поле, с особой силой* воспел М. Ю. Лермонтов в своем патриотическом стихотворении «Бородино».

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, *спаленная пожаром*,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина [12].

Без свежих подкреплений Кутузов не мог пойти на новое сражение. Когда ему ночью сообщили окончательные данные о потерях, он решил продолжить отступление. 13 сентября в крестьянской избе подмосковной деревни Фили он собрал военный совет. На нем некоторые генералы (Беннигсен, Платов, Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов) *настаивали на том*, что перед Москвой необходимо дать новое сражение. Им возражали Барклай, Раевский, Остерман и Толь. Наконец старый полководец прекратил прения, заявив, что с потерей Москвы еще не потеряна Россия. Для ...ьбы отечества важнее было сохранить боеспособ... армию. Поэтому, как ни трудно ему было, он без ...асования с Александром I, под свою личную от...ственность, отдал приказ оставить Москву.

С восходом солнца 14 сентября русская армия непрерывным потоком двигалась через город, направляясь на Рязанскую дорогу. Население тоже покидало ...китые места. 100 тыс. жителей из 200 тыс. ушли ...сте с армией. В тот же день в Москву вступили ...нцузы. Наполеон с Поклонной горы долго любо...ся панорамой древней златоглавой столицы Руси, ...л бодр и весел. Но скоро его настроение испор...лось. Он более двух часов ожидал депутацию от ...сковских бояр», которая должна была с покор-

стью вручить ему ключи от города. Депутация не
илась. На вопрос: «В чем дело?» — ему ответили, что
эсква опустела.

Офицеров и солдат встретил чужой город с враждеб-
настроенными жителями, людьми преимуществен-
простыми и неимущими, кому некуда было вы-
ать.

В первый же вечер пребывания французов в Москве
пыхнули пожары. Сначала они носили локальный
рактер, но потом получили широкое распростра-
ние. Огонь свирепствовал на Красной площади,
Арбате, в Замоскворечье. Его страшной добычей
али Гостиный двор, Московский университет, Ку-
инский вдовий дом с 700 ранеными русскими сол-
тами. В ночь с 16 на 17 сентября в Москве поднялся
льнейший ветер, продолжавшийся больше суток.
ожары усилились. Огонь охватил центр города близ
ремля, загорелась Троицкая башня. Французский им-
ратор в целях безопасности вынужден был на не-
олько дней укрыться в загородном Петровском
ворце. К 19 сентября ветер утих, пошел дождь.
ожары продолжались, но это была уже не та ог-
нная буря, которая за несколько дней уничтожила
очти три четверти города.

О причинах московских пожаров у современни
историков возникали разные суждения. Французс
енералы и сам Наполеон были убеждены, что
усские поджигали свой город, с тем чтобы он
остался завоевателям. По приказу французского
андования подозреваемых в поджогах русских па
тов хватали и расстреливали. Однако некоторые
идцы событий и историки виновниками пожаров
али самих французов — при грабежах и пья
азгуле они неосторожно обращались с огнем. Ост
ить мародерство были не в силах ни Наполеон
азначенные им генерал-губернатор и комендант го
да. Начался опасный для Наполеона процесс мора
ого разложения армии.

Как великий патриотический подвиг русского нар
да оценил пожар Москвы современник этого собы
А. С. Пушкин:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою [13].

Продолжая оставаться в Москве, Наполеон видел, что его армия разлагается, грабежи и мародерство не прекращаются. Вставала проблема с продовольствием. Правда, в городе еще оставались запасы, но они подходили к концу и не пополнялись. Крестьяне окрестных деревень прятали продукты от неприятеля. Французское интендантство пробовало само вести заготовку продовольствия в деревнях, но солдаты увлекались грабежом, а местные партизаны выслеживали и убивали их. Некоторые маршалы предлагали своему императору остаться на зиму в Москве. Но Наполеон не имел возможности пойти на это. Он лучше других знал, что его положение в Европе было не настолько прочным, чтобы можно было на продолжительное время оставаться в Москве. *Его европейские «союзники»* были не так надежны, чтобы император мог позволить себе оставить их без пристального внимания.

После продолжительных размышлений Наполеон решил, что самое лучшее в его положении — подписать с русскими соглашение о мире или хотя бы о перемирии. Следуя этому решению, он трижды пытался склонить Александра к мирным переговорам. Первая попытка была предпринята 18 сентября через начальника Московского воспитательного дома генерала И. В. Тутолмина. Последний просил французское командование об охране дома и его воспитанников, оставшихся в Москве. Наполеон вызвал генерала к себе, разрешил подать рапорт о доме императрице Марии Федоровне и неожиданно добавил: «Я прошу вас при этом написать *императору Александру, которого я уважаю потому*, что я хочу мира»[14].

Чиновник воспитательного дома с рапортом Тутолмина был отправлен ко двору, но ответа от Александра не последовало.

Вторая попытка была осуществлена через И. Яковлева, отца А. И. Герцена. Наполеон отправил с ним письмо Александру I с повторным предложением начать переговоры о мире. Русский император и это предложение оставил без ответа.

Тогда Наполеон 4 октября послал в лагерь Кутузова, стоявшего в селе Тарутине, маркиза Лористона, бывшего перед войной послом в России. В беседе с Кутузовым маркиз жаловался на партизанский характер войны и передал от Наполеона третье предложение *о мире. Кутузов отказался вести с Лористоном* какие-либо переговоры, обещая направить

курьера в Петербург. Наполеон и в этот раз не получил от русского императора ответа, а Кутузову в рескрипте от 9 октября было сообщено, что государь отказывается от мирных переговоров.

У Наполеона была еще другая, более радикальная возможность воздействовать на политику Александра I, не желавшего идти на переговоры. Речь идет об издании декрета, который освободил бы крестьян от крепостной зависимости. Если бы он был объявлен, то произвел бы среди подневольных крестьян ошеломляющее действие. Это неизбежно затронуло бы всю русскую армию. Армия, крепостная по своему основному составу, с палочной дисциплиной и мордобоем, с офицерами из дворянского сословия, считавшими солдат людьми второго сорта, не осталась бы равнодушной к такому событию.

Между прочим, в то время среди многих крестьян ходили подспудные слухи об ожидаемой свободе. Эти слухи вызывали у дворян настоящую панику. О них доносили и Александру I, утверждая, что крамольные разговоры ведутся и среди солдат. Мысли на эту неординарную тему одно время занимали и самого Наполеона. Известно, что он самым серьезным образом интересовался документами по истории крестьянской войны под предводительством Пугачева. Однако у него было что-то вроде физического отвращения к народным движениям. Будучи одним из душителей революции во Франции, он не мог в силу своего классового самосознания способствовать революции в России. Поэтому опасения русских дворян оказались напрасными, а слухи среди крестьян остались всего лишь слухами.

В те дни, когда армия французов оставалась в Москве, при русском дворе царила паника. Высшая дворянская знать, окружавшая императора, больше всего боялась похода Наполеона на Петербург. Среди паниковавших особенно выделялась императрица Мария Федоровна, мать Александра I. Она хотела покинуть столицу, приказала уложить свои вещи и советовала сыну начать мирные переговоры. К подписанию мира государя подталкивали и его брат, великий князь Константин, и Аракчеев. Александр I колебался, но не уступал. Его самолюбие не позволяло ему забыть те оскорбления, которые наносил ему Наполеон.

Совсем по-другому относились к нашествию завоеватели простые русские люди. Ни длительное отсту-

ление нашей армии, ни потеря Москвы не могли поколебать в русском народе уверенность в победе над врагом. Об этом убедительно говорит «Солдатская песня» И. Кованько, написанная в то время:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда!
Наш фельдмаршал, князь Кутузов,
Их на смерть впустил туда.

Вспомним, братцы, что поляки
Встарь бывали также в ней;
Но не жирны кулебяки —
Ели кошек и мышей.

Напоследок мертвечину
Земляков пришлось им жрать,
А потом пред русским спину
В крюк по-польски изгибать.

Свету целому известно,
Как платили мы долги;
И теперь получат честно
За Москву платеж враги.

Побывать в столице — слава,
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то Варшава,
И Париж то будет знать![15]

Выступив из Москвы по Рязанской дороге, Кутузов предпринял очень важный в стратегическом отношении маневр: оставив на Рязанском направлении арьергард своих войск, он с основными силами перешел у Красной Пахры на Калужскую дорогу и двинулся на юг до Тарутина (80 км от Москвы), где 3 октября расположился лагерем. Это позволило ему избежать преследования со стороны французской армии, контролировать сразу три южных направления и тем самым преградить Наполеону путь в плодородные южные губернии и к городам с военными запасами — Туле, Калуге и Брянску. Арьергард русской армии (два казачьих полка) продолжал отступление по Рязанской дороге и тем ввел в заблуждение Мюрата, который, командуя авангардом французов, по пятам преследовал русскую армию, а потом потерял ее из виду.

В Тарутине армия Кутузова получила пополнение. Регулярный состав ее увеличился до 120 тыс. бойцов. Кроме этому надо добавить более 100 тыс. ополченцев, которые были сосредоточены в Московском округе

и которым на этом этапе Кутузов придавал важное значение. В армию подвозилось дополнительное вооружение (Кутузов имел более 600 орудий, у Наполеона их было 569) и продовольствие, более оперативная связь налаживалась с партизанами. Поскольку армия французов, находясь в Москве, не увеличивалась, так как прибывавшие с запада подкрепления не могли восполнить ее текущих потерь убитыми, ранеными, пленными и больными, русские войска получили численное и материальное преимущество над противником. Соотношение сил окончательно изменилось в пользу русских.

Пребывание русской армии в Тарутинском лагере стало переломным в ходе Отечественной войны. И совсем не случайно сам Кутузов писал, что река Нара, протекающая у Тарутина, будет для русских «так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая»[16].

18 октября произошел знаменитый Тарутинский бой. Убедившись в том, что Кутузов с основными силами ушел на запад, Мюрат (у него в авангарде было 26 тыс. солдат и офицеров) с Рязанской дороги тоже повернул на Подольск и остановился на правом берегу реки Чернишни. Вблизи Тарутина он был атакован Кутузовым. Передвижение русских подразделений на исходные рубежи для атаки производилось в ночное время. При этом русские колонны действовали несогласованно, в результате чего окружить и уничтожить французов не удалось. Тем не менее Мюрат потерял около 5 тыс. воинов и вынужден был отступить. Эта операция явилась первой победой русских войск, начавших наступление.

Поражение Мюрата ускорило отступление 110-тысячной французской армии из Москвы. 19 октября после 36 дней пребывания в холодной, сожженной Москве, не добившись от Александра I согласия на мирные переговоры, Наполеон наконец-то понял безвыходность своего положения и решил оставить этот неприветливый разоренный город. Испытывая острую неприязнь к русским и к их несговорчивому императору, он перед уходом отдал варварский приказ взорвать дворцы, Кремль и собор Василия Блаженного. Только смелость и находчивость русских патриотов, вовремя перерезавших зажженные французами фитили, и начавшийся дождь спасли от уничтожения выдающиеся памятники русской культуры. В результате взрывов

частично пострадали Никольская башня, колокольня Ивана Великого и другие сооружения на территории Кремля.

Наполеон со своим войском попытался выйти к Калуге. Он все еще надеялся встретить русскую армию, разгромить ее в очередном бою и проложить себе путь в южные губернии, не разоренные войной и богатые продовольствием и военными запасами. Кутузов преградил ему путь, направив к Малоярославцу навстречу Наполеону крупные военные силы.

24 октября под Малоярославцем произошло упорное и кровопролитное сражение. Небольшой город, сгоревший дотла, восемь раз переходил из рук в руки. Войска Кутузова оставили его только после того, как заняли удобную позицию, надежно преграждавшую неприятелю путь на Калугу. Наполеон воочию убедился в серьезном усилении боеспособности русской армии, вырвавшей в этом бою инициативу наступления из его рук. После этого ему не оставалось ничего другого, как только отступать по разоренной Смоленской дороге. Утром 26 октября Наполеон отдал приказ об отступлении на Можайск и далее на Смоленск. С этого момента инициатива в военных действиях полностью перешла к Кутузову.

Но Кутузов после битвы у Малоярославца не хотел новых сражений и избегал их. Стратегия старого полководца была рассчитана на то, что деморализованная французская армия, отягощенная награбленным в Москве, потерявшая маневренность и дисциплину, в условиях наступивших холодов, при отсутствии теплой одежды и продовольствия, при острой нехватке лошадей и фуража для них сама идет к своей гибели.

Однако бои и многочисленные мелкие стычки с неприятелем возникали сами собой. 4 ноября генералы А. Милорадович и М. И. Платов атаковали подвижной арьергард французской армии. Бой продолжался 10 часов, в результате чего противник потерял тыс. человек и вынужден был продолжать свое поспешное отступление. 6 ноября Наполеон прибыл в Городогобуж, откуда направился к Смоленску, где солдаты французской армии надеялись на отдых, а Наполеон рассчитывал добыть продовольствие и фураж. Но ожидания обманули и императора, и его солдат. Поскольку к этому времени главные силы Кутузова подошли к Ельне, Наполеону пришлось оставить Смоленск. Покидая Москву, французский император имел под ружьем 100 тыс. солдат и офицеров; выходя 14 ноября из

Смоленска, его армия насчитывала около 50 тыс. человек. За армией тянулось около 30 тыс. безоружных людей.

Кроме войск Кутузова наперерез французской армии с севера двигались войска фельдмаршала П. Х. Витгенштейна (ранее его корпус прикрывал направление на Петербург), а с юга — Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова. Таким образом, опасность, угрожавшая отступающей армии Наполеона, возрастала с каждым днем.

С 17 ноября под Красным произошло трехдневное сражение русских войск с вышедшими из Смоленска французами. В результате упорных схваток корпус Нея был почти полностью уничтожен. Французы оставили русским 116 пушек, много пленных и огромный обоз. Убитых и раненых с французской стороны насчитывалось около 5 тыс. Противник лишился почти всей артиллерии и кавалерии. За это сражение фельдмаршал Кутузов получил титул князя Смоленского, а атаман Платов — графское достоинство. Выйдя из боя под Красным, Наполеон через Оршу направился к Борисову. Там он предполагал переправиться через Березину. Трем русским армиям (Витгенштейна, Чичагова и самого главнокомандующего) надлежало окружить отступавшего Наполеона, не дать ему переправиться на правый берег Березины и разгромить его. В соответствии с этим планом Витгенштейн взял Полоцк, Чичагов — Борисов, а сам Кутузов шел следом за французами. Но окружение не состоялось — Наполеону удалось перехитрить русских. Он притворным маневром убедил Чичагова, что собирается предпринять переправу южнее Борисова. В действительности переправа была произведена с 26 по 28 ноября у деревни Студянки, в 12 верстах выше Борисова, но и здесь наполеоновская армия понесла большие потери. Один из двух построенных ими понтонных мостов надломился при прохождении артиллерии. Значительная часть отступавших неприятельских войск не смогла вовремя перейти на правый берег реки и была перебита или взята в плен Витгенштейном и передовыми частями Кутузова.

После Березины отступление остатков французской армии представляло собой беспорядочное бегство *

* В ноябре, после переправы через Березину, наступили сильные холода. Армия Кутузова, следовавшая по пятам за французами, также страдала от холода, т. к. теплые вещи не поспевали доставкой, несла потери в боях, теряла отставших на дорогах. Если в Тарутине

Император Франции бросил армию и 18 декабря тайно отправился в Париж. Русскую границу перешло только 30 тыс. французов — это все, что осталось от 600-тысячной армии Наполеона, начавшей в июне вторжение на нашу землю.

7 декабря 1812 г., сообщая Александру I об изгнании из пределов России французских войск, Кутузов писал: «Исполнились слова вашего императорского величества: усеяна дорога костями неприятельскими!.. Я почитаю себя щастливейшим из подданных, быв избран благодетельною судьбою исполнителем высочайшей воли вашего императорского величества»[17].

6 января 1813 г. Александр I издал манифест об окончании Отечественной войны.

Война 1812 г. не случайно получила в истории России наименование Отечественной. Она названа так, во-первых, потому, что в ней решалась судьба России, и, во-вторых, потому, что она вызвала небывалый *дотоле подъем патриотических чувств в сознании* широких народных масс. Вопреки растерянности и порой бездеятельности царского правительства, вопреки инертности многих дворян, напуганных размахом народного движения внутри страны, простое население русских сел и городов включилось в борьбу с иноземными захватчиками.

С самого начала войны русским людям стало ясно одно: на их землю пришел жестокий и коварный враг, он опустошает страну и грабит ее жителей. Обида за терзаемую родину, жажда священной мести за сожженные деревни и разрушенные города, за разграбленную Москву, за все ужасы нашествия, желание отстоять Россию и наказать непрошеных завоевателей — эти чувства охватили весь народ. Крестьяне, вооруженные топорами, вилами, косами и дубинами, добровольно объединялись в небольшие группы и отряды, ловили отставших французских солдат и беспощадно убивали их. Если французские солдаты приходили за хлебом и фуражом, крестьяне оказывали им яростное сопротивление, а в тех случаях, когда не могли одолеть пришедших визитеров, сами сжигали хлеб и фураж и убегали в леса.

у Кутузова в строю было 120 тыс. человек, то в Вильну пришло с ним в середине декабря меньше половины прежнего состава. Из 600 орудий, с которыми он вышел из Тарутина, у него осталось около 200.

Национальный характер войны 1812 г. выражался и в формировании сил ополчения. Набор в ополчение был объявлен 18 июля в 16 центральных губерниях и на Украине. На Дону и Урале формировалось казачье ополчение. Крестьяне охотно шли в ратники, тем более что ходили слухи, будто бы после войны ополченцев освободят от крепостной зависимости. Всего за войну из ратников ополчения было образовано 82 пехотных и 25 конных полков и 30 дружин, насчитывавших свыше 320 тыс. человек. Кроме того, около 100 тыс. ополченцев входило в так называемые внутренние формирования, несшие охранную службу в своих районах. В формирование ополчения кроме русского внесли свой вклад другие народы: Украина выставила в 1812 г. 74 тыс. ратников; дружины ополчения формировались также в Прибалтике, Поволжье и Приуралье. В Прибалтике в составе русской армии действовал так называемый Корпус вольных конных и пеших егерей, составленный из эстонских и латышских крестьян. Несмотря на слабую выучку и недостаточное вооружение, *они героически дрались бок о бок с солдатами* на полях сражений.

Участие народа в войне 1812 г. заключалось не только в том, что он пополнял армию рекрутами и ополченцами. Народ кормил, одевал, обувал и вооружал армию. Своим трудом он помогал преодолевать те упущения, которые проявило военное ведомство. Важно отметить, что в это время заметно возросла производительность труда и повысились темпы производства на военных заводах, мануфактурах и в ремесленных мастерских, работавших на армию. Самоотверженно трудились рабочие не только Брянского арсенала, Тульского оружейного, Шосткинского порохового и Луганского литейного заводов, но и других казенных предприятий и «вольные мастера» Москвы, Калуги, Твери, Владимира и еще многих городов России.

Ярким примером народной активности в вой с французами было партизанское движение. Оно в никло стихийно, но потом направлялось из главн штаба Кутузова. В рядах партизан были солдаты, *заки, ополченцы и добровольцы из крестьян.* Арме кими отрядами командовали офицеры регулярной мии, которые имели приказ внезапно нападать французов, их обозы, на фуражиров и отставшие ти. Особенно успешно действовали против неприят

ских войск отряды Д. Давыдова, А. Фигнера, И. Дорохова и А. Сеславина, имена этих отважных офицеров стали известны всей России.

Денис Васильевич Давыдов (1781—1839), впоследствии генерал-лейтенант, известный поэт-партизан, один из друзей А. С. Пушкина, был адъютантом у князя Багратиона. В начале войны 1812 г. состоял подполковником в Ахтырском гусарском полку. Перед Бородинским сражением он добился у Кутузова разрешения перейти к партизанским действиям и начал их с отрядом в 130 всадников. Быстрые успехи партизан убедили Кутузова в целесообразности этой «малой войны». Под селом Ляховом Давыдов вместе с другими партизанами взял в плен двухтысячную бригаду французского генерала Ожеро. Его отряд уничтожил французское кавалерийское депо под городом Копысом, рассеял неприятельские войска под Белыничами. Продолжая свои действия до Немана, партизаны Давыдова первыми заняли Гродно.

Александр Самойлович Фигнер (1787—1813) в начале Отечественной войны был штабс-капитаном артиллерии. После занятия французами Москвы с разрешения главнокомандующего проник туда в качестве разведчика, в результате чего добыл для русских ценные сведения. Благодаря необычайной смелости и знанию иностранных языков он, переодеваясь во французскую военную форму, неоднократно проникал в неприятельский лагерь, собирая важные для русских войск сведения. Набрав небольшой отряд из охотников и отставших солдат, он смело стал нападать на французов. Его действия были настолько дерзкими и успешными, что Наполеон назначил за его голову большое денежное вознаграждение. Но Фигнер оставался неуловимым. Вместе с Сеславиным он отбил у французов целый транспорт с драгоценностями, награбленными в Москве. Погиб Фигнер близ города Дессау.

Иван Семенович Дорохов (1762—1815), генерал-лейтенант, участвовал в боях под Смоленском и в Бородинском сражении. С сентября командовал партизанским отрядом, который истребил несколько французских команд. При Малоярославце был ранен. Выводил от французов Верею, где был похоронен согласно его предсмертной воле.

Александр Никитич Сеславин (1780—1858), капитан во время войны 1812 г., прославился своими партизанскими действиями. Неотступно следуя за французами

ми, наносил им большие потери и доставлял Кутузову ценные сведения о противнике. Выказал особенную храбрость в Бородинском сражении. Был несколько раз ранен.

Были и другие партизанские отряды. Некоторыми из них командовали крестьяне. Так, в Богородском уезде Московской губернии против французов действовал отряд Герасима Курина, насчитывавший 6 тыс. человек. В отряде солдата Федора Потапова было 3 тыс. человек, он нападал на врага у самой Москвы. В районе Гжатска воевал отряд драгуна Ермолая Четвертакова, в нем было 4 тыс. бойцов. Был даже крестьянский отряд партизан, во главе которого стояла женщина — Василиса Кожина из Сычевского уезда Смоленской губернии. Мужики ее отряда не давали пощады оккупантам.

Широкий размах партизанского движения раздражал Наполеона. Для борьбы с партизанами он вынужден был выделять крупные армейские соединения и жаловался, что русские ведут войну «не по правилам». По этому поводу образно высказался Л. Н. Толстой: «Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что высшим по положению русским людям казалось почему-то стыдным драться дубиной, а хотелось по всем правилам стать в позицию... дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие» [18]*.

Солдаты и офицеры русской армии показали на полях сражений с полчищами Наполеона образцы беззаветной храбрости, стойкости и выносливости. Русский народ всегда чтил и до сих пор продолжает чтить

---

* Вслед за замечанием о роли народной войны Л. Н. Толстой высказывает замечательное суждение о подвиге русского народа в ней: «И благо тому народу, который не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью» (*Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 12. М.; Л., 1933. С. 120—121).

своих героев. В Петербурге в Эрмитаже есть уникальная в своем роде портретная галерея Отечественной войны 1812 г. Ее увековечили следующие строки из стихотворения А. С. Пушкина «Полководец», высеченные на стене зала:

У русского царя в чертогах есть палата
Она не золотом, не бархатом богата...
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года...[19]

Историческое значение войны 1812 г. и состояло в том, что она вызвала новый прилив патриотических чувств среди всех слоев населения — крестьян, горожан, солдат. Борьба с жестоким врагом пробудила дремавшие дотоле силы России и заставила ее увидеть себя в новом свете. Способствуя росту народного самосознания, война дала толчок развитию всех областей русской культуры. Передовые люди страны, в частности, по-новому ощутили величие и мощь своего народа.

Высоко оценивали значение минувшей войны декабристы. Они считали себя детьми 1812 г. Из них примерно треть непосредственно участвовала в боевых действиях.

Велико значение Отечественной войны в международном плане — она положила начало освобождению народов Центральной и Западной Европы.

В Отечественной войне 1812 г. Кутузов поднял русское военное искусство на новую ступень развития. Благодаря более гибкой стратегии он измотал противника в сражениях при Бородине и Малоярославце и вынудил его к отступлению по Смоленской дороге. В ходе преследования после боев под Вязьмой, Красным и на Березине неприятельская армия была полностью разгромлена. Об этой стратегии Кутузова уважительно отзывался Л. Н. Толстой. Он писал: «В 12-м и 13-м годах Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь был недоволен им. И в истории, написанной недавно по высочайшему повелению, сказано, что Кутузов был хитрый придворный лжец, боявшийся имени Наполеона и своими ошибками под Красным и под Березиной лишивший русские войска славы — полной победы над французами... А между тем, трудно себе представить историческое лицо, деятельность

торого так неизменно и постоянно была бы на-
авлена к одной и той же цели. Трудно вообразить
ое цель более достойную и более совпадающую
волею всего народа. Еще труднее найти другой
имер в истории, где бы цель, которую поставило
ое историческое лицо, была бы так совершенно
стигнута, как та цель, к достижению которой была
правлена вся деятельность Кутузова в 12-м году»[20].

После изгнания французов из пределов России вой-
Александра I с Наполеоном не получила своего
лного завершения. Кутузов был против продолже-
я войны. Он не видел для России никакого смысла
том, чтобы кровью русских солдат освобождать
руссию и другие германские государства от вассаль-
й зависимости. Кроме того, учитывая количествен-
е и качественные характеристики истощений в по-
едних боях русской армии, Кутузов предвидел для
е огромные трудности при новой войне с Наполео-
м. Однако Александр не хотел с этим считаться.
сский император исходил из того, что если дать
полеону передышку, то вся Европа по-прежнему
танется в его власти, а угроза на Немане станет
стоянной. К тому же были основания надеяться, что
роль Пруссии вступит в союз с Россией и тоже
ъявит войну Франции.

13 января 1813 г. русская армия перешла Неман и,
гупив в Варшавское герцогство, начала новую кам-
нию против Наполеона. 27 января русские заняли
ршаву. В феврале 1813 г. Пруссия официально вст-
ла в союз с Россией, подписав с нею так называемый
лишский трактат. По этому соглашению Пруссия
сстанавливалась в границах 1805 г. Обе стороны
язались вести с Наполеоном военные действия и не
ключать с ним сепаратных договоров. Было также
изнано целесообразным привлечь к союзу Австрию.
о трактату Россия должна была выставить армию
150 тыс. человек, Пруссия — не менее 80 тыс.

Не встречая сопротивления, русские войска продви-
лись вперед, освобождая польские и немецкие горо-
. 11 марта они вступили в Берлин. Немцы встречали
сских восторженно, считая их освободителями от
ранцузского ига. Кутузов обращался к местному на-
лению с воззваниями, призывая союзников объеди-
иться против общего врага.

В апреле 1813 г. в небольшом силезском городке
нцлау скончался Кутузов. Тело его было перевезено

в Петербург и погребено в Казанском соборе. После этого русскую армию возглавили Александр I, Барклай-де-Толли и Витгенштейн. Отсутствие единого руководства не могло принести армии ничего хорошего.

Тем временем Наполеону удалось создать новую армию. Весной 1813 г. закончилось обучение 140 тыс. новобранцев, призванных досрочно; к этому надо добавить 100 тыс. войск, сформированных еще в 1812 г. для охраны порядка внутри империи, *они также были* включены в регулярную армию. Наконец, оставались на службе те 30 тыс. солдат, которые вернулись из России. Все это давало Наполеону возможность иметь в строю около 300 тыс. бойцов.

15 апреля 1813 г. император Франции выехал к армии в Эрфурт, чтобы выступить против русских и пруссаков. 4 мая произошли бои у Вейсенфельса и под Лютценом. Сражение под Лютценом было особенно упорным и кровопролитным. *Победа осталась* за Наполеоном. Союзники потеряли около 20 тыс. воинов. Через несколько дней французы были уже в Дрездене. 20 мая началась битва под Баутценом. Ней общие потери с той и другой стороны составили около 30 тыс. убитыми и ранеными. Победа снова была на стороне французов.

Успехи Наполеона вынудили союзников прибегнуть к передышке. Враждующие стороны приняли посредническое предложение министра *иностранных дел* Австрии К. Меттерниха и 4 июня подписали в Плесвице договор о перемирии. Однако это соглашение не привело к миру — для обеих сторон передышка была только временной.

Рост национально-освободительного движения в Пруссии и продвижение союзных войск до берегов Эльбы положили конец колебаниям правительства Австрии. Австрия присоединилась к антифранцузской коалиции. 9 *сентября в Теплице были подписаны* русско-австрийский и русско-прусский договоры. Они провозглашали дружбу в рамках оборонительного союза и взаимно гарантировали нерушимость границ участников соглашения. В помощь подвергшемуся нападению каждая из сторон обязалась выставить свой вспомогательный корпус. Было условлено не заключать отдельного мира с Францией. Против Франции каждый из союзников должен был выставить по 150 тыс. человек. 3 *октября Англия заключила* договор с Австрией, присоединившись таким образом к Теплицкому

глашению. На сторону коалиции перешли государ-
ва Рейнского *союза и Швеция. Теперь армия союз-*
ков насчитывала около 500 тыс. человек (у Наполе-
на к этому времени было 400 тыс. воинов).

К осени 1813 г. внутреннее и международное поло-
ение Франции стало более напряженным. Престиж
аполеона начал падать не только в стране, но и в ар-
ии. Ему изменили некоторые его приближенные
аршал Мюрат, генерал Жомини). В Германии ши-
ялось национально-освободительное движение, по-
явились добровольческие партизанские отряды.

16 октября на равнине у Лейпцига *началось одно из*
амых крупных сражений Наполеона с войсками ко-
алиции, продолжавшееся три дня и вошедшее в ис-
орию как битва народов. Последнее название этой
ровопролитной схватки как нельзя более полно ха-
актеризует состав ее участников. На стороне союз-
иков сражались русские, прусские, австрийские
шведские войска, в армии Наполеона кроме францу-
ов были поляки, саксонцы, голландцы, итальянцы
ельгийцы и немцы. Всего в битве приняли участи
олее 500 тыс. человек. На этот раз Наполеон потерпе
рупное поражение. Его армия оставила поле боя и от
тупила к Рейну. Общие потери французов составил
5 тыс. человек, союзники потеряли около 60 тыс. Бит
а под Лейпцигом стала кульминацией войны 1813 г
Но это поражение не заставило Бонапарта сложит
оружие и обратиться к державам коалиции с мирно
инициативой. Для этого потребовалось продолжени
войны на территории Франции.

Продолжавшееся *отступление* Наполеона, а так
освобождение Германии вызвали противоречия сре
участников коалиции. Австрия, в частности, боял
усиления России и в лице французского императо
надеялась иметь противовес против нее. Поэтому о
настаивала на новых переговорах с Францией, угро
в противном случае покинуть союз. Россия и Анг
стояли за продолжение военных действий, но при
не отказывались от переговоров. В ноябре 1813
инициативе Меттерниха Наполеону было пер
мирное предложение коалиции. Император Фра
медлил с ответом. Чтобы поторопить его, союзни
продолжили наступление. Их главные силы между
декабря 1813 и 2 января 1814 г. перешли Рейн и
января двинулись к французскому городу Шомо
В феврале в Шатильоне начались наконец перегово

Однако они не дали положительных результатов. Россия и Англия соглашались восстановить Францию в границах 1792 г. Но Наполеон требовал сохранения за своей империей «естественных границ», т. е. границ по Рейну, Пиренеям и Альпам. Союзники отвергли эти требования, и 12 марта переговоры были прерваны.

К этому времени Наполеон утратил свои позиции в Центральной Европе. Саксония, Бавария и Вюртенберг присоединились к антифранцузской коалиции. Вестфальское королевство, трон которого узурпировал младший брат Наполеона, Иероним, перестало существовать — его заняли русские войска. Талейран, министр иностранных дел Франции, давно уже вступил в тайные переговоры с Александром I.

В то время, когда в Шатильоне продолжались бесплодные переговоры, Россия, Австрия, Пруссия и Англия приняли так называемый Четверной трактат. Он был подписан 10 марта (датирован 1 марта) 1814 г. в Шомоне, занятом союзными войсками. По Шомонскому трактату стороны согласились продолжать войну с Наполеоном до полной победы и не подписывать с Францией ни мира, ни перемирия без общего согласия. Каждая из сторон обязалась выставить армию не менее чем в 150 тыс. человек. Англия согласилась финансировать войну, выделив в 1814 г. для этой цели 5 млн фунтов стерлингов. Предусматривалось, что восстановлением Франции в границах, существовавших на 1 января 1792 г., будет достигнуто дореволюционное равновесие в Европе. Согласно секретным статьям трактата, к нему должны были примкнуть Испания, Португалия, Швеция и Голландия.

В феврале и в первых числах марта, когда шли мирные переговоры, Наполеон одержал ряд побед над союзниками. 20 марта произошла битва при Арси-сюр-Об. У Наполеона в тот момент на поле сражения было около 30 тыс. воинов, у союзников — 40 тыс. в начале битвы и до 90 тыс. к концу. Хотя Наполеон на нескольких участках отбросил неприятеля, говорить о чьей-либо победе было трудно. Потери французов составили 3 тыс., у союзников они достигали 9 тыс. человек.

После сражения при Арси-сюр-Об Наполеон со своими главными силами попытался зайти в тыл неприятельских войск. Тогда союзники по совету Талейрана, уже откровенно изменившего своему императору, решили идти прямо на Париж. По имеющимся у них

:дениям, ждать во французской столице народного
противления не было основания, в то время как се
дение могло сразу решить судьбу войны и привести
извержению Наполеона.

Путь союзникам преграждали войска маршалов
армона и Мортье общей численностью 25 тыс. чело-
к. В бою 25 марта они не выдержали натиска союз-
ков и поспешно отступили к Парижу. Теперь у фран-
зов для защиты города было около 40 тыс. человек,
подошедшей же армии союзников насчитывалось 100
ис. Ожесточенный бой на подступах к Парижу про-
лжался несколько часов. Союзники потеряли при
ом 9 тыс. человек, из них около 6 тыс. русских. Ко-
андовавший сражением Мармон не выдержал: подав-
нный страхом неизбежного поражения, под влияни-
м Талейрана он прекратил сопротивление и капитули-
овал. Произошло это на исходе дня 30 марта 1814 г.

Узнав о новом, неожиданном выступлении союз-
иков, Наполеон немедленно отправился с армией
Парижу. Ночью 30 марта он прибыл в Фонтенбло
здесь узнал о капитуляции своей столицы. Сначала
мператор твердо решил все оставшиеся у него силы
он рассчитывал иметь в своем распоряжении 70 тыс.)
винуть на Париж. Но обстоятельства оказались силь-
ее его желаний. Все маршалы наполеоновской армии
ыли деморализованы и в этот критический момент не
огласились с императором. Наполеону оставалось
олько одно — отречение от престола. 6 апреля он
озвал своих маршалов и прочел им следующее: «...
ак союзные державы провозгласили, что импера-
Наполеон есть единственное препятствие к устано-
ию мира в Европе, то император Наполеон, вер-
воей присяге, объявляет, что он отказывается за себя
за своих наследников от трона Франции и от тро
Италии, потому что нет той личной жертвы,
кертвы жизнью, которую он не был бы готов прин
в интересах Франции»[21].

31 марта 1814 г. Александр I триумфально въ
в Париж на белом коне во главе 80 тыс. рус
немецких и австрийских солдат; рядом с ним бы
король Пруссии и князь Шварценберг.

По мере того как колонна продвигалась к пло
Мадаен в центре города, толпа бросалась чуть
под ноги лошадей, приветствуя монархов как осв
дителей... Самые бурные проявления чувств дост
императору Александру. Он улыбался толпе, вы

дывавшим из окон молодым женщинам, махал им рукой.

Принимая депутатов от Парижа, Александр заверил, что союзные армии будут вести себя безупречно по отношению к жителям; любое проявление насилия будет жестоко караться; безопасность города обеспечит Национальная гвардия; будет испрошено лишь необходимое количество продовольствия.

Достойно особого упоминания отношение Александра I к побежденному противнику и к Франции. Со времени похода на Россию и вплоть до падения Наполеона он смертельно ненавидел соперника, но, одержав победу, проявил к нему великодушие и заставил союзников принять очень мягкие условия для Наполеона (владение островом Эльба, ежегодная двухмиллионная пенсия, гвардия из 50 солдат и т. д.).

В конце апреля Наполеон был направлен в ссылку на остров Эльба. В Париже Талейран образовал правительство. А в начале мая 1814 г. в столицу прибыл новый король Франции — Людовик XVIII, брат казненного французским народом Людовика XVI.

Поражение Наполеона и крах его империи вызвали новую расстановку сил в Европе. Фундаментом политического устройства стал Парижский договор, подписанный 30 марта 1814 г. между Россией, Англией, Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Францией — с другой. Позже к договору присоединились Швеция, Испания и Португалия. По этому трактату территория Франции устанавливалась в границах 1792 г. Восстанавливалась независимость Нидерландов (в составе Голландии и Бельгии). Из 38 немецких государств была создана федерация. Англия удерживала за собой Мальту и Ионические острова, обязуясь при этом возвратить Франции все захваченные колонии, принадлежавшие последней на 1 января 1792 г. Кроме того, Франция получала обратно свои владения в Индии без права укреплять их. Австрия получила Венецию и Ломбардию в Северной Италии и Иллирийские провинции на Балканах, населенные славянами. В соответствии с Парижским договором союзные державы, воевавшие с Наполеоном, через два месяца должны были открыть в Вене конгресс для заключения общего договора и утверждения новой политической системы, сложившейся в Европе.

В политике европейских правительств стран-победительниц главным было их стремление ослабить

ранцию, лишить ее всех завоеваний, добытых при
наполеоне, и с большей для себя выгодой добиться
вого территориального передела Европы. Вполне
кономерно, что в ходе подготовки и при заседа-
ях Венского конгресса обсуждение последней про-
емы вызвало острые разногласия между победи-
лями. Англия и Австрия были обеспокоены воз-
ошим влиянием России в европейских и междуна-
одных делах — они прилагали все усилия, чтобы
еньшить это влияние. Что касается России, то для
е первостепенным оставался польско-саксонский
опрос. С его решением русское правительство связы-
ало задачу общего политического переустройства Ев-
опы. Александр I в инструкции своему статс-секрета-
ю по иностранным делам К. В. Нессельроде пред-
исывал добиваться передачи России всего герцогства
аршавского. Пытаясь привлечь на свою сторону
Пруссию, русский император обещал ей часть террито-
ии Саксонии, против чего выступала Австрия. 2
ентября 1814 г. между Россией и Пруссией было под-
исано тайное соглашение, по которому Россия выво-
ила свои войска из Саксонии и признавала передачу
оследней Пруссии. Судьба Саксонии мало интересо-
ала Англию — ее больше всего беспокоило русско
лияние на Балканах и возможность возрождени
Франции.

Венский конгресс продолжался с сентября 1814 п
юнь 1815 г. В австрийской столице собрались 21
представителей всех европейских государств (кром
Турции). Главную роль на заседаниях конгресса играл
Россия, Англия, Австрия и Пруссия. Россия была пред
ставлена на конгрессе Александром I, К. В. Несселт
роде и А. К. Разумовским. По первоначальной догово
енности союзников Франция приглашалась на ко
гресс только для того, чтобы высказать свое мнени
Но ее представитель, опытнейший дипломат
Ш. М. Талейран, воспользовался противоречиям
между Англией, Россией, Австрией и Пруссией и до
бился права участвовать в переговорах наравне с гла
ными организаторами этой встречи.

Основными задачами Венского конгресса были во
становление феодальных порядков и прежних дина
тий в европейских государствах, борьба с революцио
ным движением, удовлетворение территориальны
притязаний победителей Наполеона и, как уже ука
валось, новый передел Европы.

Чтобы не допустить усиления Пруссии, Талейран решительно выступил против лишения саксонского короля его владений и престола. С этой целью он вступил в тайные сепаратные переговоры с Меттернихом и представителем Англии. 3 января 1815 г. между Францией, Англией и Австрией был подписан тайный договор, направленный против Пруссии и России. Цель этого договора состояла в том, чтобы помешать присоединению Саксонии к Пруссии и Польши к России.

В разгар дискуссий и тайных переговоров пришло известие, потрясшее Венский конгресс. Наполеон бежал с Эльбы и высадился во Франции. Это сразу примирило враждовавшие на конгрессе стороны. 23 марта участники конгресса приняли декларацию, объявлявшую Наполеона вне закона и призывавшую всех участников новой (седьмой по счету) антифранцузской коалиции к войне с ним. 18 июня произошла последняя битва — при Ватерлоо, недалеко от Брюсселя, закончившаяся поражением Наполеона.

9 июня 1815 г. представители России, Франции, Пруссии, Австрии, Англии, Испании, Швеции и Португалии подписали Заключительный генеральный акт Венского конгресса, состоявший из 121 статьи. Согласно этому акту, Франция была сведена к границам 1792 г. В Нидерландское государство объединялись Бельгия и Голландия. Швейцарии, территория которой была увеличена включением в нее горных перевалов, гарантировался постоянный нейтралитет. Сардинское королевство, восстановленное на северо-западе Италии, снова получило Савойю и Ниццу. Англия прочно обосновалась на Средиземном море, получив Мальту и Ионические острова, а также часть колоний, которые она захватила у Франции и Голландии (Капская колония на юге Африки и остров Цейлон). Александру I не удалось овладеть всеми польскими землями: к России отошла большая часть бывшего Варшавского герцогства, получившая наименование Королевства Польского. Россия закрепила за собой Финляндию и Бессарабию. Была снова восстановлена власть Австрии над Ломбардией, Венецией и малыми итальянскими герцогствами. Кроме того, к Австрии переходила руководящая роль в Германском союзе, образованном из 38 немецких государств и четырех вольных городов — Гамбурга, Бремена, Любека и Франкфурта-на-Майне. Пруссия при поддержке России значительно

силилась: кроме Северной Саксонии и Познани она олучила Рейнскую провинцию и Вестфалию — наибо-ее важные по своему значению области Германии. Швеция была компенсирована Норвегией, отнятой Дании как союзницы Наполеона.

Венский конгресс, восстановив на престолах сверг-утые династии, нарушил тем самым обещания, дан-ые народам Европы во время войны с Наполеоном. Ответом на это было революционное движение, широ-ой волной разлившееся по Европе. Признаки недо-ольства нарастали и в России: крестьяне жаловались а тиранство помещиков, солдаты и офицеры были аражены «вольным духом». В этих обстоятельствах ередной задачей реакционной коалиции держав ста-а борьба с революционным движением.

Венские соглашения были дополнены провозглаше-ием так называемого Священного союза.

«...Русская армия, состоявшая наполовину из кре-остных рекрутов,— писал историк В. О. Ключев-кий,— прошла от Москвы до Парижа, чтобы помочь Европе избавиться от завоевателя. Вокруг бивачных огней на полях Лейпцига и на высотах Монмартра русские офицеры, сопоставляя эти события, помыш-яли о далеком отечестве, о его новом значении для человечества, о национальной самобытности, о сокры-ых силах своего народа, которым не давали развер-нуться на просторе перед человечеством. Дома эти омыслы встречали живой отклик. Между тем ход те-ке мировых событий поставил русскую политику на страже только что восстановленного законного поряд-а в Европе. Усвоенные ею охранительные принцип Священного союза, не благоприятствуя национально олитическим движениям за границей, мало распола али к деятельному продолжению преобразовательных начинаний дома, а патриотическое возбуждение, оно тогда выражалось, не усиливало этого распол ния»[22].

ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Внешние события 1812—1815 гг. оказали огромное влияние на ход дел внутренних. «Можно даже сказать,— писал В. О. Ключевский,— что редко когда внешняя политика так изменяла направление внутренней жизни в России; может быть, это произошло оттого, что Россия редко переживала такие события, какие испытывала в те годы. События эти очень неодинаково действовали на русское общество и на русское правительство. В первом они вызвали необыкновенное политическое и нравственное возбуждение... Высшие руководители общества, т. е. военно-гражданские, расположены были к самым широким ожиданиям, надеялись теперь, что правительство не только предложит, но и расширит свою прежнюю программу.

Между тем правительство относилось уже не по-прежнему к преобразованиям; оно не расположено было проводить и прежней программы. На правительстве отразилось то настроение, с которым вышел из пережитых опасностей его глава... Император Александр очень утомился в эти годы; быстрая смена побед и поражений нарушила в нем прежнее нравственное равновесие... Пережитые события поселили в правительстве чувство утомления, охлаждения к энергичной внутренней деятельности, даже некоторое разочарование в прежних политических идеалах»[1].

Русский народ дорого заплатил за победу в Отечественной войне 1812 г. В ходе ее погибло около 2 млн человек. Расходы на войну превысили 200 млн руб., а 1 млрд составила общая сумма материальных потерь. Во многих местах была разрушена промышленность, сократилась торговля. В районе военных действий были уничтожены города и села.

Война затронула и социальное положение отдельных слоев русского общества. Основная ее тяжесть легла на плечи крестьянства — оно стойко выносило невзгоды войны. В стране было мобилизовано около 1 млн рекрутов и ополченцев. Большие убытки

понесло и дворянство. Возросла его задолженность государству, продолжавшая увеличиваться вплоть до реформы 1861 г.

Во время войны усилилась дезорганизация административного аппарата. Администрацией были допущены многочисленные злоупотребления — хищения, взяточничество, казнокрадство и бюрократическая волокита. Победу в войне русское самодержавие использовало в своих интересах. Опираясь на нее, Александр I пытался играть руководящую роль в европейской политике. Это требовало содержания огромной армии и немалых материальных средств, их должна была дать разоренная и опустошенная войной страна.

После войны политика самодержавия принимала все более личный и династический характер. Проекты того времени даже по сравнению с реформами начала века были весьма ограниченными. Они сводились к незначительным перестановкам в органах управления, к перестройке отдельных звеньев административного аппарата, к улучшению их работы. В результате состояние местного управления нельзя было назвать сколько-нибудь удовлетворительным. Это видно из письма к царю первого генерал-губернатора пяти губерний (Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской), бывшего министра полиции А. Д. Балашова. Он писал: «В селениях власть помещика неограниченна... Недоимок миллионы. Полиция ничтожна. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилище и судьи вне уважения, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомлены... Лучшие дворяне от выборов уклоняются... Хозяйственной части нет и признаку. Главные, коренные доходы основаны на винной продаже...»[2]

Война углубила классовые противоречия в стране. Созданные специальные комиссии оказывали поддержку лишь дворянам. Крестьяне по-прежнему остались в кабале у крепостников. Идя на войну с захватчиками, крестьянство ожидало в награду за победу над врагом получить освобождение от крепостнической зависимости. Но после войны феодально-крепостнические порядки в деревне стали еще тяжелее. Ополченцы вернулись в деревни, опустошенные неприятелем, многие семьи остались без кормильцев. В стране нарастала волна народного протеста против крепостного строя.

Всего, по неполным данным, за первую четверть XIX в. насчитывается 280 крестьянских волнений. Почти треть их падает на 1816—1820 гг. Упорным, например, было движение на Дону в 1818—1820 гг., когда помещичьи крестьяне, приписанные к слободам наследников Платова, Иловайского и др., стали протестовать против жестокой эксплуатации и выдвинули требование о переводе их в казаки или в казенное ведомство. Волнения охватили огромную территорию — Миусский округ, часть Донецкого округа и ряд уездов Екатеринославской губернии.

Стихийные волнения рабочих этого времени сливались с крестьянскими выступлениями, имея общую с ними антифеодальную направленность. Восставшие требовали повышения заработной платы, снижения норм «урока» и «вольности», т. е. освобождения от крепостной зависимости. Значительные волнения произошли на чугуноплавильных и железоделательных заводах Баташевых во Владимирской губернии, на горных заводах Расторгуева. За первую четверть XIX в. произошло 62 волнения рабочих.

Проблема крепостного права оставалась острейшим вопросом современности. Во-первых, потому, что нарастающий протест против крепостничества самих крестьян вызывал тревогу царского двора. Во-вторых, низкая производительность крепостного труда и, как следствие этого, нищета деревни отрицательно сказывались на доходах государства.

Правительству был представлен целый ряд проектов освобождения крестьян. Для большинства из них характерны признание необходимости ликвидации крепостного права только в будущем, предпочтительность безземельного освобождения крестьян и призыв к осторожности при осуществлении этого важнейшего социального мероприятия. Во всех проектах нетрудно было заметить одну общую особенность — страх перед действительным освобождением крестьян, перед неизбежными последствиями этого освобождения и для помещиков, и для государства. Авторы предложений исходили прежде всего из интересов крепостников и настаивали на проведении реформы сверху, при сохранении доходов и привилегий помещиков.

Из всех представленных проектов внимания заслуживают два: один принадлежал либеральному адмиралу Н. С. Мордвинову, другой — графу А. А. Аракчееву. Мордвинов был известным государственным деятелем.

При Екатерине II и Павле I служил во флоте — был председателем Черноморского адмиралтейского правления. При Александре I привлекался к обсуждению важнейших государственных дел. Был членом Государственного совета, возглавлял Департамент государственной экономии. По его проекту единственно возможным путем отмены крепостного права являлся выкуп крестьянами личной свободы без земли по ценам, устанавливаемым законом. При этом сумма выкупа определялась возрастом и рабочей способностью выкупающегося. Например, ребенок с 9—10 лет должен платить за себя 100 руб., работник в возрасте 30—40 лет — 2 тыс. руб., более пожилой крепостной — меньшую сумму. Ясно, что по этому проекту свободу могли получить только разбогатевшие крестьяне. О проекте Мордвинова В. О. Ключевский сказал: «Словом, трудно было придумать проект, менее практический и более несправедливый, чем тот, какой развивается в записке Мордвинова»[3].

Аракчеев предлагал освобождение крестьян осуществить под руководством правительства, которое постепенно выкупало бы крепостных крестьян с землею у помещиков по ценам данной местности. Для этого оно ежегодно назначает капитал, образующийся посредством отчислений из питейного дохода или выпуска 5-процентных облигаций государственного займа. Крестьяне должны были освобождаться с землею в размере двух десятин на душу. Этот проект имел определенный смысл, но его практическое осуществление было нереальным.

За период с 1804 по 1818 г. своеобразная по форме крестьянская реформа была проведена в прибалтийских губерниях. По «Положению об эстляндских крестьянах» 1816 г. последние получили личную свободу, но без земли, которая провозглашалась собственностью помещика. Крестьяне могли арендовать землю, а в перспективе и выкупить обрабатываемый надел. Устанавливался 14-летний переходный период, в течение которого помещик в значительной степени сохранял свою власть над крестьянами. Такие же условия освобождения были записаны и в «Положении о лифляндских крестьянах» 1819 г.

По своему содержанию реформа имела крепостнический характер, лишала крестьян земли и заменяла юридическую форму зависимости крестьян от помещика не менее тяжелой — экономической, поземель-

ной. Осуществленная в ограниченном регионе, со специфическими условиями развития, отгороженная языковым барьером от русских губерний, она не сыграла заметной роли в России.

Продолжали разрабатываться и планы преобразований. В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Высшую законодательную власть осуществляли сейм, собиравшийся раз в два года, и Государственный совет, действовавший постоянно. Провозглашалась свобода печати и личности. Все акты должны были совершаться на польском языке. Королем провозглашался император, представленный в Варшаве наместником либо из лиц царской фамилии, либо из поляков. Вся власть, согласно этой конституции, сосредоточивалась в руках все той же шляхты, а нищая крестьянская масса так и осталась бесправной.

Открывая весной 1818 г. Варшавский сейм, Александр заявил, что намерен ограничить самодержавие на пространстве всей России, а не только на территории ее окраин. Эти речи отозвались в сердцах многих передовых людей, внушив им надежды на конституционные намерения царя.

Александр был уверен, что конституция у места там, где есть гражданственность, порядок, грамотность, добрые нравы. В России он этого не находил, считая, что русский народ не достиг еще «надлежащей зрелости» для учреждения конституционных порядков.

Однако в 1818 г. Александр поручил министру юстиции Н. Н. Новосильцеву подготовить план конституционного устройства России. Дворянство не могло остаться равнодушным к этим либеральным выходкам императора (в народе уже ходил слух о том, что правительство не только хочет даровать свободу, но якобы уже ее и даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение). «Что за сим следует, вообразить ужасно, но всякому понятно...»[4] — писал Александру возвращенный из ссылки Сперанский. Память о пугачевском бунте была жива. Царь хорошо знал настроение господствующего класса, а также видел, как он считал, полную невежества мужицкую Россию, вовсе не цивилизованную в европейском смысле и потому не способную пока понять и принять конституционные начала. Проект так и остался на бумаге.

Таким образом, особенность внутренней политики самодержавия после войны состояла в неспособности осуществить ни одну серьезную реформу, имевшую важное общественное значение. В стране процветала административная канцелярская рутина, и главным распорядителем стал всесильный и ненавистный временщик граф А. А. Аракчеев. Время его правления во второй половине царствования Александра I получило наименование аракчеевщины. Александр I, постоянно отвлекаемый от управления страной конгрессами Священного союза, доверил страну этому человеку. Аракчеев стал первым после царя лицом в империи.

Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834) был сыном обедневшего помещика Новгородской губернии. Первоначальное образование получил под руководством сельского дьячка. Отец с трудом, не без помощи добрых людей, определил сына в военное училище, где юноша показал успехи в науках, особенно в математике. В 1787 г. он получил офицерское звание. Граф Н. И. Салтыков, принявший участие в судьбе молодого Аракчеева, порекомендовал его наследнику престола Павлу Петровичу как расторопного артиллерийского офицера. Сначала комендант Гатчины, затем в звании генерала — комендант Петербурга, на 28-м году жизни Аракчееву было пожаловано графское достоинство и две тысячи крепостных крестьян. 4 января 1799 г. Павел назначил его командиром гвардейского артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии. Но 1 октября того же года ревностный служака неожиданно вышел в отставку, продолжавшуюся до нового царствования. Процветавшая при Павле I прусская школа военной муштры, палочной дисциплины и повседневной жестокости сделала из Аракчеева образцового солдафона, хорошо усвоившего одну непреложную истину: «Все приказания начальника надлежит исполнять в срок и наилучшим образом».

14 мая 1803 г. Александр I снова призвал его на службу. В 1808 г. Аракчеев получил назначение на пост военного министра. В 1810 г. ему пришлось оставить министерство: император назначил его председателем Департамента военных дел в Государственном совете с правом присутствия в Комитете министров и Сенате. После Отечественной войны 1812 г. доверие Александра к Аракчееву возросло до того, что на него было возложено исполнение высочайших предначертаний не

только по военным вопросам, но и по делам гражданского управления. Александр I поручил ему быть докладчиком по делам Комитета министров, хотя официально такой должности при дворе не было. Это позволило Аракчееву сосредоточить в своих руках огромную власть — власть временщика, юридически никем не определенную и ничем не ограниченную.

Современники говорили, что Александр I приблизил к себе Аракчеева для того, чтобы «поставить рядом с собою пугало пострашнее, по причине внутреннего брожения» в России. Такая роль ему действительно подходила, однако это вовсе не означает, что он был лишен способностей. Назначая Аракчеева военным министром, Александр поставил перед ним задачу восстановить боеспособность русских войск после неудачной войны с Наполеоном. Надлежало укомплектовать армию, прибегая к новым рекрутским наборам, повысить дисциплину, реорганизовать артиллерию, наладить бесперебойное материально-техническое снабжение. Эту нелегкую задачу Аракчеев выполнил не без успеха. Он действовал с упорством и завидной энергией, последовательно наводя должный порядок. Многие специалисты считали, что его преобразования в армии, и особенно в артиллерии, положительно сказались на повышении боеспособности вооруженных сил — главной опоры самодержавия.

На полях военных сражений Аракчеев не показал себя ни доблестным офицером, ни опытным в делах стратегии и тактики генералом, ни тем более способным полководцем. Он был рожден образцовым чиновником. Для него самым главным и существенным были порядок (пусть он даже носил внешний, формальный характер), субординация, строжайшая палочная дисциплина и слепое выполнение приказаний вышестоящего начальника. У Аракчеева им был царь.

В «Петербургских очерках» П. Долгоруков следующим образом характеризует эту личность: «Внутренними делами в России заведовал в то время Аракчеев, и заведовал самовластно, так что без него и мимо него ничего сделаться не могло... Бездушие, презрение к человечеству, часто жестокость, суровость всегда, отсутствие всякого лоска образованности, непреодолимая наклонность к тиранству и грубость в обхождении, достигавшая таких размеров, что когда по случайному стечению обстоятельств ему приходилось кому-нибудь сделать добро или оказать услугу, то весьма часто

облекал он свой поступок благодеяния в такие формы, что охлаждал чувство благодарности»[5].

С детства угрюмый и необщительный, он оставался таким всю свою жизнь. Среднего роста, сухощавый, он всегда имел суровый внешний вид. Зная его приверженность к жестокости и ничем не ограниченную власть, подчиненные трепетали перед ним.

Личная жизнь Аракчеева не была благополучной. В феврале 1806 г. он женился на дворянке Н. Ф. Хомутовой. Однако красивая крестьянка Н. Ф. Минкина, бывшая с 1800 г. его домоправительницей в Грузино, сумела настолько привязать к себе графа, что вскоре развела его с женой. По характеру Минкина была не менее жестокой, чем ее хозяин. Истязаниями она доводила дворовых людей до самоубийства. Крестьяне считали ее колдуньей. Несколько попыток с их стороны отравить ее кончились неудачей. Тогда в 1825 г. они убили новоявленную Салтычиху. Этот дикий случай оставил свой след в мрачной биографии Аракчеева.

На первый взгляд кажется непонятным, как Александр I, начавший свое царствование с либеральных реформ и считавший себя человеком, воспитанным на европейской культуре, мог приблизить к себе такого солдафона, как Аракчеев? По этому поводу можно сказать только следующее. Во-первых, Александр I очень быстро забыл о своих либеральных порывах. В 1815 г. он стал одним из авторов реакционного Священного союза, направленного против любых проявлений свободомыслия. Во-вторых, не лишено, по-видимому, смысла и замечание Л. Н. Толстого: «В механизме государственного организма нужны эти люди, как нужны волки в организме природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, как ни несообразно кажется их присутствие и близость к главе правительства. Только этою необходимостью можно объяснить то, как мог жестокий, лично выдергивавший усы гренадерам и не могший по слабости нерв переносить опасность, необразованный, непридворный Аракчеев держаться в такой силе при рыцарски-благородном и нежном характере Александра»[6].

Одним из наиболее уродливых проявлений аракчеевщины в России являлись военные поселения. Мысль о них не была новой — они существовали еще в XVII столетии на окраинах Московского государства, где сдерживали набеги крымских татар и других кочевых инородцев. При Петре I с той же целью военные посе-

ления были учреждены на Украине и по Царицынской линии, при Елизавете — на Волге и по Оренбургской линии, при Екатерине II — на Кавказе. Чтобы дать призрение нижним чинам, уволенным в отставку по инвалидности, болезням и старости, военные поселения создавались и во внутренних губерниях страны (в частности, в Оренбургской, Казанской, Смоленской). Но к концу XVIII в. они были упразднены.

Идея учреждения новых военных поселений в широких масштабах первой четверти XIX в. принадлежала Александру I, который по примеру системы комплектования армии, принятой в Пруссии, надеялся этим путем в случае необходимости сразу значительно увеличить действующую армию. Кроме того, царь полагал, что, поскольку военные поселения должны вести свое собственное хозяйство и сами обеспечивать себя всем необходимым, они не так дорого будут стоить государству, как регулярная армия.

Идея сочетать жизнь гражданскую с благодетельной военной дисциплиной, где каждый солдат знает свое место и свое дело, не давала покоя Александру. Он всегда тяготился тем, что в России не так все благоустроено, как в Европе. Императору казалось, что проект военных поселений решит проблему — вместо неряшливой и неплодотворной гражданской жизни наступит стройная военная система.

Ради справедливости следует заметить, что Аракчеев первоначально был против этой затеи. Но он не мог пойти против желания своего государя, тем более когда последний назначил его главным организатором этого важного государственного дела.

Первый опыт устройства военных поселений был осуществлен в 1810 г. — в Климовичском уезде Могилевской губернии был поселен запасной батальон Елецкого мушкетерского полка. Все сметы и планы этого поселения разработал Аракчеев по образцу принадлежавшей ему в Грузино вотчины. Батальон поселения был составлен преимущественно из женатых людей нижнего чина; холостым было разрешено жениться на крестьянках казенных имений. Поселенцы получили от казны земледельческие орудия, рабочий скот и семена для первого посева. Война 1812 г. приостановила организацию Могилевского военного поселения — батальон вошел в состав действующей армии.

Осенью 1816 г. Аракчеев вновь приступил к выполнению царского поручения. В Высоцкую волость

Новгородской губернии был поселен батальон гренадерского полка. Вся эта волость была изъята из гражданского подчинения, и для управления ею был командирован личный адъютант Аракчеева. Мужики волости были объявлены военными поселянами, их обрили, надели на них мундиры и заставили учиться строевой службе. Солдаты же регулярного войска попали в положение батраков. В апреле 1817 г. в Новгородской губернии поселился гренадерский полк, в Могилевской губернии — Полоцкий пехотный полк, в Слободско-Украинской (Харьковской) губернии — три полка уланской дивизии. Затем число военных поселений постоянно увеличивалось. К концу царствования Александра I их насчитывалось: в Новгородской губернии — 12 гренадерских полков и 2 артиллерийские бригады, в Могилевской и Екатерининской губерниях — 16 кавалерийских полков, в Петербургской губернии — 2 роты служителей Охтинского порохового завода. За 10 лет в разряд военных поселенцев было переведено 375 тыс. государственных крестьян, что составляло треть русской армии.

Расчеты Александра I, что военные поселения обойдутся государству дешевле регулярных войск, оказались наивными. Хозяйства поселений, как правило, были убыточными. В них процветали подневольный военно-крепостнический труд, строжайшая дисциплина и до мелочей расписанный казарменный порядок. При этом подавлялась любая инициатива и сама личность труженика. Мелочная регламентация обыденной жизни поселенцев держала их в постоянном страхе. За малейшие проступки виновные подвергались телесным наказаниям. Система фрунтового обучения основывалась на побоях. Порка провинившегося была обычным явлением — в военных поселениях использовались целые возы заблаговременно заготовленных розог и шпицрутенов.

Все земледельческие работы выполнялись по приказам и под надзором начальников. А так как последние были малосведущи в сельскохозяйственном производстве и свое главное внимание обращали на военное обучение, то очень часто эти работы начинались несвоевременно и не отличались хорошим качеством: хлеб осыпался на корню, сено гнило от дождей. К этому следует добавить всеобщее взяточничество начальствующих лиц, начиная с офицеров: Аракчеев, требовавший от своих подчиненных только внешнего порядка,

не мог искоренить всеобщего грабежа. Поэтому для устройства военных поселений государство вынуждено было прибегать к новым расходам. При Александре I на эти цели было выделено 26 млн руб.

Невыносимо уродливой была личная жизнь военных поселенцев. От подъема до отбоя она протекала под бдительным оком соответствующих командиров. Никакой личной свободы, никаких занятий, не предусмотренных регламентом. Браки заключались тоже с разрешения начальства. В этом случае холостые мужчины выстраивались в одну шеренгу. Напротив выстраивалась такая же шеренга из незамужних женщин. Полковой командир вызывал по имени солдата из мужской шеренги и передавал ему женщину из шеренги напротив, она и становилась его законной супругой; при этом выражать свое мнение о симпатиях и антипатиях не разрешалось. Браки в военных поселениях заключались не с целью создания крепкой и счастливой семьи, а для того, чтобы пополнять ряды поселенцев; в рождавшихся мальчиках видели будущих солдат армии.

Дети оставались у родителей до 7 лет. После этого они зачислялись в школу кантонистов, где воспитывались унтер-офицером и обучались грамоте, закону Божию, началам арифметики и ремеслам. С 12 до 18 лет они должны были принимать участие в хозяйственных работах. Затем из кантонистов старших возрастов формировались учебные эскадроны и батареи.

Неудивительно, что в военных поселениях с каждым годом нарастало недовольство. В 1817 г. произошли беспорядки в отдельных волостях Новгородской губернии, где крестьяне сопротивлялись нововведениям и отправили депутацию к государю. В том же году возникли волнения в Бугском войске, которое не хотело быть преобразованным в военное поселение. Особенно крупные выступления произошли в 1819 г. в Таганрогском и Чугуевском полках Слободско-Украинского поселения, где поселенцы отказались косить сено для казенных лошадей. Для усмирения восставших были вызваны регулярные войска. Поселенцы оказали им упорное сопротивление. Восстание было жестоко подавлено Аракчеевым: 313 поселенцев преданы военному суду, 70 человек наказаны шпицрутенами. При этом истязания отличались такой жестокостью, что часть осужденных умерла на месте экзекуции. Об усмирении восстания Аракчеев доложил личным рапортом государю. На этом рапорте царь

написал: «Благодарю тебя искренно, от чистого сердца за все твои труды»[7].

В идее военных поселений был весь Александр. Отвлеченная мысль об идеальном порядке, о благообразии быта, внушаемая ему с детства, отразилась на этой реформе в странном карикатурном сходстве. Это была безумная мысль о том, что можно облагодетельствовать граждан сверху, без их свободного участия в созидании своей жизни. Император поселил их не в серых лачугах, а в раскрашенных по-прусски домиках, где они одеты, обучаются ремеслам и военной дисциплине; они должны быть счастливы. Пока без свободы, но потом он освободит их. Таким был либеральный император Александр I, которого придворные аристократы и поклонники из дворянского сословия нарекли Александром Благословенным.

Проводимая самодержавием политика затронула и русскую культуру. В 1816 г. Александр I назначил на пост министра просвещения своего друга, обер-прокурора Святейшего синода князя А. Н. Голицына, пользовавшегося высочайшим доверием, с 1812 г. Голицын являлся президентом Библейского общества, созданного в России при содействии императора.

В 1817 г. Министерство просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Теперь Голицын в одном ведомстве наряду с вопросами образования занимался делами религиозных вероисповеданий. Царский манифест о преобразовании министерства требовал от него, чтобы «христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Борьба с революционными идеями, распространившимися в стране, велась посредством расширения религиозной пропаганды. Религиозные принципы, по мысли Александра, должны были лечь в основу воспитания и образования.

При новом министерстве были созданы Главное управление училищ и Комитет для проверки учебников, куда вошли преимущественно реакционеры и религиозные фанатики. Русское духовенство было недовольно тем, что делами православной церкви Голицын занимался наряду с вопросами других вероисповеданий (католических, протестантских, магометанских и даже еврейских).

Была создана новая, более строгая организация надзора за печатью. Она установила, что «из учебников надо устранить все, что может внушить не-

желание исполнять обязанности перед семьей и государством, все, что противоречит христианскому учению»; этого можно достигнуть с помощью учебных книг «спасительного соответствия между верой, знанием и авторитетом государства»[8]. В своем стремлении угодить власть имущим цензоры доходили иногда до смешного: найдя крамольную мысль или отдельное сомнительное выражение, они запрещали вполне благонадежные и полезные обществу книги. В печати запрещалось рассуждать о системах политического строя. В 1819 г. было запрещено печатать письмо Ломоносова «О размножении и сохранении русского народа» как содержащее мысли, противные православной церкви. Вольнолюбивые стихи Пушкина чуть не стоили ему ссылки в Сибирь. Заступничество Карамзина и Жуковского смягчило кару — Пушкин был сослан в Кишинев. Особый указ 1824 г. запрещал российским чиновникам издавать без дозволения начальства произведения, касавшиеся «внешних и внутренних отношений Российского государства». Цензура придиралась к любому выражению, казавшемуся ей «вольным».

Начались гонения на высшую школу. Первый удар был нанесен Казанскому университету. Обследовать его и навести в нем порядок было поручено в 1819 г. М. Л. Магницкому. В свое время этот чиновник находился в числе сотрудников Сперанского в Государственном совете. После падения последнего он очень быстро сориентировался и стал ревностным помощником Голицына в Главном управлении училищ. Пробыв 6 дней в Казани, Магницкий доложил по начальству, что университет по всей строгости законов и по справедливости подлежит уничтожению в виде публичного его разрушения. Государь положил на докладе свою резолюцию: «Зачем разрушать, можно исправить»[9].

«Исправлять» дела в университете поручили тому же Магницкому, назначив попечителем Казанского округа. При его участии ректору и директору Казанского университета была составлена новая инструкция, которая стала обязательной и для других университетов. В ней отмечалось, что главный порок в преподавании — это «дух вольнодумства и лжемудрия», грозящий разрушением общественному порядку. Формально существовавшая университетская автономия была ликвидирована, 11 лучших профессоров (из 25) — уволены. Конспекты лекций проверялись, из

них изгонялось все, что могло в какой-то мере подорвать устои религии. Студенты распределялись не по курсам, а по степеням нравственного содержания. Среди них была установлена казарменная дисциплина, о их домашней жизни наводились справки в полиции. Провинившегося студента называли грешным и в лаптях и крестьянском армяке заключали для исправления в специальную комнату уединения. Остальные учащиеся каждое утро перед лекциями должны были молиться за скорейшее исправление грешника. Заключенного ежедневно посещал священник, который исповедовал и причащал его до окончания исправительного срока. Неисправимых студентов отправляли в солдаты.

Вслед за Казанью начался погром в Петербургском университете. Там также использовалась инструкция Магницкого. Лучших профессоров (преподавателей философии, всеобщей истории и статистики) обвинили в неблагонамеренности, уволили с работы и отдали под суд. Обвинения были настолько надуманны и несправедливы, что процесс наделал много шума и решения его были отменены в высшей правительственной инстанции. О моральной благонадежности осужденных говорит и тот факт, что один из них был потом назначен преподавателем у старшего сына императора Николая I.

Вернувшись в Россию в 1815 г., Александр I все больше окунается в мистицизм. На это были свои причины. Влиянию революционных идей Запада и распространению их в России самодержавие противопоставляет религиозные догмы, заимствуя их у некоторых западноевропейских христианских религий. Личные мотивы императора также играют не последнюю роль. Самодержец не верил в потенциальные силы своего народа и приписывал успех победы над Наполеоном вмешательству сверхъестественных божественных сил. В манифесте по поводу окончания войны и водворения мира говорилось, что «самая великость дел сих показывает, что не мы то сделали. Бог для совершения сего нашими руками дал слабости нашей свою силу, простоте нашей свою мудрость, слепоте нашей свое всевидящее око»[10].

Еще в декабре 1812 г. был утвержден императором доклад об учреждении по западноевропейскому образцу Библейского общества, с 1814 г. оно стало Российским. Под руководством Голицына его отделения ста-

ли насаждаться во многих городах. Среди членов общества был сам государь.

Александр думал, что русский народ темен и суеверен. Крестьяне верят, что существует много богородиц, молятся о ниспослании дождя, освящают колодцы... Надо научить их евангельской истине, чтобы они освободились от суеверий. Поэтому в основе своей деятельности общество ставило целью перевод, издание и распространение среди русских людей Библии, включая священные книги Ветхого и Нового Завета. С 1813 по 1822 г. включительно в России было распространено более 427 тыс. экземпляров Библии. Поскольку это не противоречило канонам православной веры, русское духовенство вначале поддерживало Библейское общество и его президента. Однако скоро среди членов общества, преимущественно аристократов, широкое распространение получили идеи мистицизма, обскурантизма. Сам Голицын тоже был мистиком. Особенно яростным защитником православной веры был архимандрит Новгородского монастыря Фотий. Он не относился к числу образованных русских клерикалов и скорее всего напоминал собою смелого религиозного фанатика, говорил о своих видениях и снабжал представителей высшего света широковещательными посланиями. Такие послания были доставлены государю. Александр I имел два свидания с Фотием. Первое произошло 5 июля 1822 г. при содействии князя Голицына. На вторую встречу, 20 апреля 1824 г., Фотия пригласил в свой кабинет государь. Их беседа продолжалась три часа. После этого Фотий настолько обрел смелость, что публично предал Голицына анафеме. Принимая воинствующего Фотия за истинного выразителя веры, государь 15 мая 1824 г. освободил князя Голицына от управления Министерством духовных дел и народного просвещения, посоветовав ему отказаться от президентства в Библейском обществе. Чтобы совсем не удалять из правительства своего давнего друга, император сохранил за ним Министерство почт. Дело дошло до того, что в рамках общества в Петербурге появилась секта Е. Ф. Татариновой, считавшей себя основательницей «духовного союза». Собрания этой секты представляли собой радения шаманов, хлыстов и других обскурантов веры. На собраниях бывали члены Библейского общества. Посещал их и князь Голицын.

Иерархи русской церкви открыто выступили против Библейского общества и его президента. Эту

борьбу активно поддержал Аракчеев, видевший в лице Голицына опасного для себя конкурента; он использовал против последнего любые интриги, чтобы лишить его доверия государя.

Объединенными усилиями церковники и Аракчеев добились ликвидации в мае 1824 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Деятельность Библейского общества характеризовалась как крамольная и направленная к ослаблению в русском народе приверженности к вере и церкви православной. В апреле 1826 г. оно также было ликвидировано.

Таким образом, политика самодержавия после войны 1812—1815 гг., в том числе и в области русской культуры, сводилась к усилению централизации власти, ее бюрократизации, к стремлению регламентировать и поставить под контроль все стороны общественной жизни. А. А. Аракчеев как проводник этой политики получил такую характеристику: «Чтобы не входить в подробности, достаточно обозначить деятельность Аракчеева словами одного современника, который сказал, что Аракчеев хотел из России построить казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям. Следствием всего этого было тягостное настроение, которое все более овладевало обществом»[11].

Внешняя политика России отличалась в то время непоследовательностью и противоречивостью. Объяснялось это тем, что Александр I, ставший одним из арбитров Европы, с одной стороны, отстаивал реакционную тенденцию в международных делах, направленную на поддержку отживших монархических режимов и на подавление революционных движений. С другой стороны, его правительство, да и сам он не могли не учитывать тех прогрессивных изменений, которые произошли в Европе после Великой французской революции. Эта двойственность русской внешней политики после 1815 г. отразилась даже в структуре Министерства иностранных дел: работу его коллегий направляли два различных по своим политическим взглядам дипломата — И. Каподистрия и К. В. Нессельроде.

Граф Каподистрия, грек по происхождению, получил образование в Падуанском университете, а в 1802 г. поступил на дипломатическую службу в России. В 1815 г. стал статс-секретарем, а с 1816 по 1822 г.— русским министром иностранных дел. Был сторонником союза России с Францией, старался удерживать Александра I от чрезмерного увлечения иде-

ями Священного союза. Граф Нессельроде, немец по происхождению, был протестантом и до конца жизни не научился правильно говорить по-русски. Поддерживал близкую дружбу с Меттернихом и являлся сторонником союза России с Австрией. Как ярый монархист, проникнутый идеями Священного союза, питал ненависть ко всякому стремлению к свободе как в Европе, так и в России. С 1810 г. стал статс-секретарем, а с 1816 г. управлял Коллегией иностранных дел. Таким образом, в России было как бы два министра иностранных дел. Император служил их верховным примирителем и посредником, склоняясь более на сторону Нессельроде. Последний с 1822 г. стал полноправным министром и руководителем внешней политики России.

Система международных отношений в Европе после 1815 г. была связана с деятельностью Четверного и Священного союзов, в которых Россия играла одну из главных ролей. Соглашение о Четверном союзе, подписанное Россией, Англией, Австрией и Пруссией 20 марта 1815 г., поддерживало реставрированный режим Бурбонов во Франции в его борьбе против революционно-демократических выступлений. Оно требовало от оккупированной державами-победительницами Франции точного выполнения решений Венского конгресса и выплаты наложенной на нее огромной контрибуции.

Акт Священного союза был подписан 26 сентября 1815 г. в Париже русским императором Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III. Это соглашение представляло собой реакционное объединение европейских монархов после падения Наполеона и просуществовало до 1833 г. Цели участников Священного союза состояли в сохранении европейских границ, установленных Венским конгрессом, и в борьбе против проявлений «революционного духа». Каждый из участников принял на себя обязательство подавать друг другу помощь «во всяком случае и во всяком месте».

Позднее к Священному союзу присоединился король Франции Людовик XVIII, а в дальнейшем все монархи Европы, за исключением турецкого султана, как «нехристианина», и Англии, которая официально не вошла в состав союза, но на практике часто координировала свою политику с его общей линией. Для

обсуждения европейских дел периодически созывались конгрессы Священного союза, где рассматривались и принимались меры по борьбе с нарастающим революционным движением. Главную роль на этих конгрессах играли Александр I и Меттерних. Зарождавшийся, по мнению Александра I, как оплот европейской свободы, Священный союз на деле стал синонимом реакции.

За время его существования было созвано четыре конгресса. Первый, Аахенский, проходил с 30 сентября по 21 ноября 1818 г. с участием представителей России, Австрии, Англии, Пруссии и Франции. На нем обсуждались проблемы Франции. В принятом решении говорилось, что оккупационные войска союзников должны покинуть Францию не позднее ноября 1818 г., а оставшаяся к уплате сумма контрибуции устанавливалась в размере 265 млн франков. На конгрессе обсуждался и вопрос о включении Франции в Священный союз. Людовик XVIII с готовностью согласился участвовать в советах и трудах этого альянса.

При обсуждении проблемы о прекращении торговли неграми российский император, в государстве которого люди продавались и покупались даже без земли, выступил защитником чернокожих и требовал радикальных мер для прекращения торговли ими.

Декларация от 15 ноября, подписанная всеми участниками конгресса, провозглашала их солидарность в поддержании начал «международного права, спокойствия, веры и нравственности, коих благодетельное действие столь пошатнулось в наши времена злополучные»[12].

Второй конгресс Священного союза состоялся в октябре—декабре 1820 г. в Троппау, в Силезии. Он был созван по инициативе Меттерниха в связи с революцией в Неаполитанском королевстве, которая представляла угрозу владычеству Австрии в Ломбардии и Венеции.

19 ноября 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол, провозглашавший право вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств без приглашения со стороны правительств последних для подавления там революционных выступлений. Англия и Франция отказались признать принцип вмешательства в такой неограниченной форме, но дали понять, что не станут мешать интервенции. По настоянию Александра I протокол, санкционировавший

военную оккупацию Австрией Неаполитанского королевства, должен был обеспечивать сохранение неприкосновенности королевства и возможность по его желанию добровольно даровать неаполитанскому народу свою конституцию.

В январе 1821 г. конгресс переехал в Лайбах. Его заседания были посвящены переговорам с итальянскими монархами. Представители России, Австрии, Пруссии, Франции, Англии, итальянских государств и папы римского обсудили на нем меры по подавлению революционных выступлений в Неаполитанском королевстве, Пьемонте, Испании и Греции. По просьбе неаполитанского короля Фердинанда I участники конгресса приняли решение направить в Неаполь и Пьемонт австрийские войска, которые в марте и апреле 1821 г. восстановили там абсолютистские режимы.

Последний, Веронский, конгресс Священного союза проходил в Италии с 20 октября по 14 декабря 1822 г. Он был самым представительным по числу участников. Кроме главных его членов в Верону прибыли итальянские монархи, министры иностранных дел, видные дипломаты и военачальники. Россия была представлена делегацией из 29 человек.

Главное место в работе конгресса занимал вопрос об испанской революции. Обсуждались условия, при которых Австрия, Франция, Пруссия и Россия обязывались выступить против Испании, а также вопросы, связанные с восстанием в Греции, русско-турецкий конфликт, торговля неграми и судьба испанских колоний в Южной Америке.

На конгрессе развернулась острая борьба между державами. Россия, Австрия и Пруссия, испытывая страх перед революцией, уполномочили Францию выступить от имени Священного союза против испанской революции и распространить свою интервенцию и на испанские колонии в Латинской Америке. Однако против такого решения возражала Англия. В связи с этим Англия обратилась к США с предложением скоординировать действия со своей стороны. В результате США выступили с известной «доктриной Монро» («Америка для американцев»). Участникам конгресса пришлось отказаться от распространения интервенции на латиноамериканские страны. Тогда представители России, Австрии, Пруссии и Франции вынесли решение о совместном дипломатическом выступлении против испанского революционного правительства.

При обсуждении положения в Италии вопреки же-
нию Франции было принято решение продлить ав-
йскую интервенцию в Неаполе и Сардинии. Воп-
о торговле неграми, поставленный на обсуждени
гацией Англии, не был решен. Конгресс отказало
ке принять греческую делегацию, прибывшу
рону за помощью.

8 марте 1821 г. началось национально-освободи
ное восстание в Греции под руководством княз
ксандра Ипсиланти, бывшего генерала русской ар
, участвовавшего в походах 1812—1813 гг. Алек
ср I пытался совместно с другими европейским
кавами начать коллективные переговоры с Турцие
реческому вопросу. Русский император хотел со
ь на Балканах под своим протекторатом греческо
дарство и решить вопрос о проливах в свою
ьзу. Но предложения русского монарха не получи
оддержки. Александр I принял решение действо
на Балканах самостоятельно, после чего началас
центрация русских войск на границах с Турцией
му в определенной степени способствовало на
ение всех слоев русской общественности: дворян
), купечество и духовенство высказывались за ока
ие помощи греческому народу. «Все: и долг хри
нина, и долг русского царя, и честь, и совесть — во
ожайше предписывало Александру подать помощ
кам. В дворах французском и прусском он наше
в то время верную поддержку и мог бы освободит
мусульманского ига все христианские племена, то
циеся под этим бесчеловечным, страшным игом
этот полезнейший для России путь и старало
равить русскую политику Каподистрия, но Метте
через Нессельроде внушил Александру обратно
кам отказано было во всякой поддержке по то
то бы причине, что они нарушили обязаннос
данных, восстав против своего законного (!!!) гос
я, султана турецкого!!! Христиане преданы были
тву оттоманам, и русский царь поступил, как мо
ько поступить шах персидский или какой-нибуд
гой поклонник Магомета» [13].

Страх перед революцией взял верх. Австрия оказ
решительное давление на Александра, напомн
основной принцип Священного союза, выража
йся в борьбе с революцией в любом месте. Австри
держала Англия: этим государствам было нежел
ьно *укрепление России на Балканах.* В результа

Александр изменил свою политику вмешательства в пользу греков.

Осенью 1823 г. была подавлена испанская революция. Это явилось последним «успехом» Священного союза.

Восстание декабристов в России в 1825 г., революции 1830 г. во Франции и в Бельгии, а также польское восстание 1830—1831 гг. нанесли сокрушительный удар по Священному союзу. В 1833 г. в Мюнхенгреце так называемое соглашение трех монархов (России, Австрии и Пруссии) пыталось возродить Священный союз. Но эта попытка окончилась неудачей. Революция 1848 г. во Франции окончательно похоронила этот реакционный по своим целям политический союз.

Несмотря на Бухарестский мирный договор 1812 г., русско-турецкие отношения заметно ухудшились после нашествия Наполеона на Россию. Турция стала нарушать условия подписанного ею соглашения и в 1813 г. вновь ввела свои войска в Сербию. Сербский господарь Карагеоргий эмигрировал в Австрию, а новый — Милош Обренович принял турецкие условия перемирия. В 1815 г. в Сербии вспыхнуло второе восстание. Только благодаря дипломатическому нажиму России между Турцией и Сербией в 1816 г. был подписан мирный договор, который устанавливал автономию Сербии. Для сербского народа начался новый период борьбы за окончательную независимость от Турции.

Экономические, культурные и политические связи России с США в начале XIX в. сложились и развивались дружески. В 1804 г. началась переписка между президентом США Т. Джефферсоном и Александром I. Она привела в 1808 г. к установлению дипломатических отношений между государствами, что в свою очередь способствовало значительному расширению экономических связей между ними. Американские суда были частыми гостями Санкт-Петербурга во время континентальной блокады. Русское правительство заняло доброжелательную позицию по отношению к США во время англо-американской войны 1812—1814 гг., несмотря на союз с Англией. Провозглашенная США «доктрина Монро» не вызвала ухудшения русско-американских отношений, поскольку была направлена главным образом против тех европейских держав, которые обладали наиболее крупными колониальными владениями в Америке. Эта политическая доктрина, кроме того, способствовала распространению колониальной экспансии самих США.

По инициативе Российско-американской компании усские дипломаты с 1808 г. вели переговоры с США б укреплении отношений между двумя странами. Іервое соглашение, однако, удалось заключить лишь 1824 г. 17 апреля 1824 г. в Петербурге была подписа-а русско-американская конвенция о дружественных вязях, торговле, мореплавании, рыбной ловле и тер-иториальных разграничениях на северо-западе Аме-ики. В США подписание конвенции было встречено удовлетворением. Вместе с тем американские правя-*щие круги не прекращали экспансионистской политики* а Тихоокеанском Севере, что стало потом одной из ричин продажи Россией Аляски в 1867 г.

При Александре I Россия пережила ряд крупных исторических событий. «Известные нам обстоятель-ства его детства, молодость, влияния учителей, соблаз-ны либерального тщеславия приподнимали, возбужда-ли, навязывали роль,— писал В. О. Ключевский.— По-следовавшие испытания, Аустерлиц, Фридлянд, разрыв со Сперанским, 1812—1815 гг., поддерживали возбуждение, фальсифицировали энергию. Но вот путь славы пройден. Европа признала, жмуря глаза от све-та, новое солнце, шедшее с Востока на смену старому, закатившемуся на Западе, где-то на Атлантическом океане. Бури военных лет сдули накладные краски; исторический грим стал не нужен; тильзитский полишинель больше не тревожил самолюбия; играть стало некого; почувствовалась потребность быть самим со-бой. С Россией у него не было никакой связи, ни нравственной, ни даже этнографической: внук немца из Голштинии и немки из Ангальт-Цербста, он родился от принцессы из Вюртенберга, вскормлен немкой из Лиф-ляндии, воспитан вольтерьянцем из Швейцарии. С про-шлым, составившимся из таких случайностей, Алек-сандр после наполеоновских войн создал себе в России положение, исполненное противоречий»[14].

Осенью 1825 г. Александр I выехал на юг для ор-ганизации лечения своей супруги Елизаветы Алексеев-ны, вынужденной по рекомендации врачей покинуть Петербург. Там он и скончался 19 ноября на 48-м году жизни. После этого в народе ходила эпиграмма, от-ражавшая в какой-то степени образ так рано оборвав-шейся жизни русского государя: «Всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге».

Многие не верили в смерть императора и полагали, что он таинственно исчез. Видимо, с этим связано

известие о появлении на Урале (в Красноуфимске, кото-
в 1836 г. загадочного старца Фе[дора Кузьмича, кото-
рый был наказан за бродяжничест[во плетьми и высла-
в Сибирь. Старец Федор Кузьми[ч, напоминавший
которым императора Александра[I, жил там до своей
смерти в Томске в 1864 г. Но пр[веденная историком
великим князем Николаем Миха[йловичем (дядей Ни-
колая II) экспертиза текстов, на[писанных Александ-
ром I и Федором Кузьмичом, да[ла отрицательные ре-
зультаты. «Всеми экспертами ед[иногласно было при-
знано, что не имеется ни мале[йшего сходства,
в почерке, так и в отдельных б[уквах, между обоими
почерками»[*].

Весьма колоритную фигуру [Александра I в поэти-
ческой форме нарисовал А. С. [Пушкин в 10-й главе
«Евгения Онегина», уничтоженн[ой автором при жизни
и дошедшей до нас только в виде [отдельных отрывков:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда[16].

Довольно обстоятельную и [близкую к истине ха-
рактеристику царя дал историк [Ю. Середонин в биог-
фическом очерке, опубликованн[ом в Словаре Брок-
уза и Ефрона.

«В ряду русских государей [Александр I ... не только
высокое место; он принадлежи[т русской и европейских
и всемирной истории. Нельз[я не только излагать
и внутренней истории, [европейской, германской
того времени (Пруссии, Авст[рии, Германии
Франции) без обращения к [личности
Он не удержался на достигну[том
его не называют великим, но[
долго держалось в памяти [

---

* К публикации вел. кн. Ник[
приложены четыре фотокопии образ[
дора Кузьмича. Позволяющие лю[
о степени их сходства.

Романтическая история Федора[
внимание Л.Н. Толстого, задумы[
ющей средой. Он пытался напис[
незаконченной). После разыскани[
Толстой 2 сентября 1907 г. прозо[
торически доказана невозможност[
ра и Козьмича, легенда остается
Прелестный образ» (*Толстой Л. П*

прав в своем предсказании: Александр на престоле остался человеком; в нем не было самомнения, самоуверенности, столь частых в его положении: он весь был *сомнение и колебание*.

В области религии Александр всю вторую половину жизни искал истины; отличаясь веротерпимостью, он с полным уважением относился и к православным монахам, особенно отшельникам, и к квакерам, и к католическим ксендзам, и ко всем сектантам.

В области свободы гражданской он не уничтожил крепостного права, но первый положил конец распространению этого уродливого явления русской жизни и продолжал начатое отцом его вмешательство государственной власти в отношения между помещиками и крестьянами.

В *области свободы политической он в первую половину* царствования искренне хотел дать ее русскому народу, во вторую только иногда говорил об этом; во всяком случае он много содействовал развитию либеральных идей в России» [17].

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

До декабристов в России были либо стихийные восстания крестьян, без осознанной политической программы борьбы, либо выступления прогрессивных для своего времени одиночек-революционеров, из которых особенно выдающимся является А. Н. Радищев. Декабристы первыми в стране создали революционную организацию, разработали программу свержения царского самодержавия и отмены крепостного права и в соответствии с этим осуществили вооруженное выступление против крепостническо-абсолютистского строя.

В выступлении декабристов прослеживаются две особенности: во-первых, оно возникло в России в период перехода от феодально-крепостнической формации к капиталистической и, во-вторых, на раннем этапе руководство борьбой за буржуазные преобразования принадлежало не буржуазии, а передовым представителям дворянства. Последнее обстоятельство объясняется тем, что Россия в своем развитии отставала от западноевропейских стран. Русская буржуазия в эпоху крепостного права еще не сформировалась как класс, и хотя она имела свои политические требования, но не могла выдвинуть своих политических лидеров.

Возникновение декабристского движения было обусловлено всем ходом исторического развития России. Бесправное положение народных масс, сопоставление его с виденным в Западной Европе стали одними из главных факторов в формировании освободительной идеологии декабристов. П. И. Пестель говорил в своих показаниях, что рабство крестьян всегда на него сильно действовало.

На зарождение вольномыслия у декабристов большое влияние оказала победа русского народа в Отечественной войне 1812 г. «Мы были дети 1812 года»,— заявлял декабрист Матвей Муравьев-Апостол. Прогрессивно настроенные офицеры из либеральных слоев дворянства, вернувшись домой после военных походов

1813—1815 гг., увидели ту же нищету и рабство; солдаты, с которыми они вместе кровью добывали победу над Наполеоном, вновь стали холопами и крепостными в господских имениях. Это оскорбляло патриотические чувства, унижало национальное самосознание прогрессивной части общества и служило для них призывом к борьбе за освобождение своего отечества. Ликвидацию самодержавия и крепостничества декабристы считали спасением для России.

Движение декабристов представляло собой не только чисто русское, национальное явление — оно проходило в русле общеевропейского и мирового революционного процесса и составляло его органическую часть. В Южной Европе в первой четверти XIX в. происходили революционные выступления; декабристы знали о них, сочувствовали им, жестокое подавление и расправа с восставшими вызывали у них резкое осуждение.

Историк и юрист М. Н. Гернет, основываясь на материалах следствия над декабристами и на собственных ответах 37 декабристов, так определил причины их свободомыслия:

чтение политической и другой иностранной литературы — 19 человек;

поездки и походы за границу — 9;

окружающая русская действительность — 6;

влияние тайного общества — 6;

либеральная политика Александра I — 2;

прочие причины — 2 человека[1].

Данные эти весьма показательны. Можно смело утверждать: вывод академика М. В. Нечкиной о том, что движение декабристов выросло на почве русской действительности и на него не оказали решающего влияния ни увлечение западноевропейской философией, ни заграничные военные походы, ни примеры западноевропейских революций, а только историческое развитие страны, объективные исторические задачи в русском историческом процессе[2] породили это выступление, является недостаточно полным и требует существенного уточнения.

Свое первое тайное общество декабристы назвали Союзом спасения. Организационно он оформился в феврале 1816 г. в Петербурге и просуществовал до января 1818 г. Это была замкнутая группа единомышленников, носившая заговорщический характер и насчитывавшая в своем составе на первом этапе не более

12 членов, на последнем — 30 человек. Организаторами общества были А. Н. Муравьев, Н. М. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, М. И. Муравьев-Апостол, С. П. Трубецкой и И. Д. Якушкин. Раз возникнув в эпоху борьбы с Наполеоном, чувство патриотизма осталось у декабристов необычайно сильным, доходящим до экзальтированности; оно, отмечал П. Е. Щеголев, «проникало и обнимало всю психику человека и было таким же мощно действующим, как у народников — любовь к народу, у искренно верующих людей — любовь к Богу»[3].

Александр Николаевич Муравьев (1792—1863) служил в гвардейском Генеральном штабе, вышел в отставку полковником, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Был в числе основателей Союза спасения, затем в 1819 г. отошел от участия в обществах. В 1826 г., отнесенный следственной комиссией к четвертому разряду обвинения, ввиду раскаяния «не лишая чинов и дворянства» сослан в Якутск. С 1828 г.— на государственной службе; в 1855—1861 гг. был нижегородским губернатором.

Никита Михайлович Муравьев (1795—1843) был капитаном гвардейского Генерального штаба, участником заграничных походов русской армии. Деятельный член тайных обществ, автор одного из проектов конституции. Спорил с Пестелем о целесообразности истребления лиц императорского дома, доказывая, что «люди, обагренные кровью, будут посрамлены в общем мнении». В выступлении на Сенатской площади не участвовал. Следственной комиссией отнесен к первому разряду обвинения. Верховным уголовным судом присужден к смертной казни, замененной 20 годами каторги. С 1827 г.— в Нерчинских рудниках, с 1835 г.— на поселении в Иркутской губернии.

Сергей Иванович Муравьев-Апостол (1795—1826) детство провел в Гамбурге, затем воспитывался в Париже. На службу поступил в корпус инженеров путей сообщения юнкером. Участник заграничных походов русской армии, подполковник. Организатор и руководитель восстания Черниговского полка. «Будучи окружен отрядом гусар и артиллериею, он защищался, став против самой артиллерии, и, повергнутый картечью на землю, с помощью других сел опять на лошадь и приказывал идти вперед»[4]. Отнесен к высшему разряду обвинения. Повешен 13 июля 1826 г.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол (1793—1886) — подполковник в отставке, брат С. И. Муравье-

ва-Апостола. Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии и восстания Черниговского полка. Отнесен к первому разряду обвинения и приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. По высочайшему повелению срок снижен до 15 лет, затем поселение. С 1836 г. жил в Ялуторовске, с 1856 г.— в Твери.

Сергей Петрович Трубецкой (1790—1860) — князь, гвардии полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В 1818—1819 гг. состоял мастером в масонской ложе. Был избран диктатором восстания 14 декабря 1825 г., но на Сенатскую площадь не явился. Отнесен к первому разряду обвинения. Верховным судом приговорен к смертной казни, замененной ссылкой на вечную каторгу. Каторгу отбывал с 1826 г. в Нерчинских рудниках; в 1839—1856 гг.— на поселении в Иркутской губернии. *Жена его, княгиня Екатерина Ивановна,* в 1827 г. последовала за ним на каторгу.

Иван Дмитриевич Якушкин (1793—1857) — капитан в отставке, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Отнесенный следственной комиссией к первому разряду обвинения, приговорен к 20 годам каторги. Ссылку отбывал с 1827 г. в Чите, а с 1830 г. был переведен в Петровский завод.

В конце 1816 г. в Петербург приехал П. И. Пестель. Он узнал от близких друзей о существовании Союза спасения, вступил в общество и стал наиболее активным, радикально настроенным декабристом.

Павел Иванович Пестель (1793—1826) был сын известного государственного деятеля, при Павле I *нимавшего должность петербургского почт-директ* и президента Главного почтового правления, а при Александре I заседавшего в Сенате и с 1806 г. исполнявшего обязанности сибирского генерал-губернатора. Пестель, участник Отечественной войны 1812 г., был ранен под Вильной. По выздоровлении служил адъютантом у фельдмаршала Витгенштейна. Во время граничных походов русской армии отличился в сражениях при Лейпциге, при Бар-сюр-Об и при Труа. После войны проживал в Тульчине. В 1822 г. переведен полковником в совершенно расстроенный Вятский пехотный полк, который в течение года привел в образцовый порядок. После смотра полка Александр I не только благодарил его командира, но и пожаловал ему

3 тыс. десятин земли. Арестован (по доносу) 13 декабря 1825 г., отнесен к высшему разряду обвинения, повешен в июле 1826 г.

В феврале 1817 г. Союзом спасения был принят статут (устав) общества, написанный в основном Пестелем. С этого времени члены общества стали называть себя истинными и верными сынами Отечества. К уставу были приложены тексты торжественных клятв по масонскому образцу, которые произносились на кресте и Евангелии. Участники заговора клялись хранить все в строжайшей тайне. Нарушившему клятву грозила смерть.

Истинным и верным сынам Отечества были ясны цели борьбы: ликвидировать крепостное право и самодержавие, ввести конституцию, представительное правление. Но каким образом действовать? Ужасы народной революции пугали дворян-революционеров. Они полагали добиваться своих целей для народа, но без народа. Было решено требовать конституцию в момент смены императора на престоле. Однако ответа на вопрос, как осуществить такое требование, не было. На тайных собраниях в поисках выхода шли обсуждения и горячие споры.

В августе 1817 г. по случаю закладки на Воробьевых горах храма в честь пятилетия победы в Отечественной войне 1812 г. царский двор на год переехал из Петербурга в Москву. Его сопровождала гвардия в составе двух сводных полков. Среди офицеров этих полков оказались почти все члены первого тайного общества декабристов. В Москве гвардия была расквартирована в Хамовнических казармах, расположенных близ Девичьего поля. Один из основателей тайного общества, Александр Муравьев, будучи обер-квартирмейстером сводного гвардейского отряда, получил в казармах квартиру. Она стала местом собраний декабристов, на одном из которых и возник так называемый московский заговор — план убийства царя. Декабрист Якушкин первым предложил свою кандидатуру цареубийцы и никому не хотел уступать «этой чести», но в ходе обсуждения выяснилось, что выполнить эту операцию готов каждый из присутствующих. Но кто давал этот акт насильственного устранения царствующего монарха? Где гарантия того, что новый император, заняв престол, согласится на принятие конституции и освобождение крестьян от крепостной зависимости? Такой гарантии не было. Поэтому идею

цареубийства пришлось отклонить. Не удовлетворенные собой декабристы ликвидировали организацию и, ища более правильную программу и тактику, основали новое тайное общество — Союз благоденствия. Он возник в Москве в январе 1818 г. и просуществовал три года. В его составе насчитывалось более 200 членов, среди них были почти все члены Союза спасения.

Союз благоденствия ставил перед собой ту же цель, что и Союз спасения: ликвидацию крепостничества и самодержавия. Но он пытался яснее определить методы и средства борьбы и найти ту основную силу, которая движет историей. Подобной силой декабристы считали общественное мнение. Пестель в своей «Русской правде» указывал, что правящая феодальная аристократия «общим мнением всегда потрясена быть может». Поэтому «общее мнение» должно предшествовать революции и затем стать ее движущей силой.

Чтобы овладеть общественным мнением, Союз благоденствия имел намерение создать широкую сеть тайных и легальных организаций и руководить ими. При этом намечалось создание литературных, научных, педагогических, хозяйственных, женских и молодежных организаций. Предполагалось также издавать журнал «Россиянин XIX века». Согласно новому уставу общества, в него кроме дворян надлежало принимать купцов, мещан, духовных лиц и свободных крестьян. По мысли декабристов, общественное мнение может готовиться в течение 20 лет и примерно около 1840 г. должна произойти революция.

За три года своего существования Союз оформился организационно. Его управы (отделения) были в нескольких городах России — Полтаве, Тамбове, Киеве, Кишиневе и в Нижегородской губернии. В Москве и Тульчине были главные управы, учреждавшие по нескольку побочных управ. Коренная управа (руководящий центр) находилась в Петербурге.

Важное значение имело создание первой части нового устава общества, так называемой Зеленой книги (название произошло от цвета ее обложки), которая содержала программу подготовки общественного мнения для будущего переворота. Члены Союза начали работу над второй частью устава, содержащей конечные цели борьбы.

С Союзом благоденствия идейно было связано литературное общество «Зеленая лампа». Помимо литературы оно обсуждало политические проблемы. Обще

ство собиралось на квартире Никиты Всеволожского, в комнате, освещенной зеленой лампой (отсюда его название).

В 10-й главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин так вспоминал это время:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты*,
У осторожного Ильи.
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев** им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян[5].

Декабристы работали в Вольном обществе учреждения училищ по методе взаимного обучения, создавали так называемые ланкастерские школы. Метод ланкастерских школ был способом массового распространения просвещения. Председателем Вольного общества был член Союза благоденствия граф Федор Толстой (двоюродный дядя Л. Н. Толстого), его заместителем — Федор Глинка, секретарем — Вильгельм Кюхельбекер. Общество действовало преимущественно среди бедного люда. Заботами Союза благоденствия в Петербурге было обучено около тысячи детей, на юге страны — полторы тысячи.

---

* *По мнению большинства исследователей, Пушкин здесь упоминает виднейших деятелей Союза благоденствия Никиту Муравьева и Илью Долгорукова. Поэт до своей ссылки на юг посещал собрания будущих декабристов.*

О Никите Муравьеве биографические данные приводились ранее.

Илья Андреевич Долгоруков (1797—1848) — член Союза спасения и Союза благоденствия, блюститель его Коренной управы. После ликвидации Союза в тайных обществах не участвовал и после подавления восстания декабристов наказанию не подвергался (Алфавит Боровкова // Указ. соч. С. 254).

** О Н. И. Тургеневе биографические сведения приведены далее.

Члены Союза пытались бороться с произволом судебных властей. В результате этого, по свидетельству декабриста Глинки, «многие взяточники обличены, люди бескорыстные восхвалены, многие невинно утесненные получили защиту; многие выпущены из тюрем... иные, уже высеченные (по пересмотрении дел), прощены и от ссылки избавлены... купец Савастьев уже с дороги в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семействе, а другой костромской мещанин, высеченный, лишенный доброго имени и сосланный в крепостную работу... найден невинным и освобожден от крепостной работы, и возвращен восвояси, и отдано ему честное имя»[6].

Некоторые члены Союза писали царю о необходимости отмены крепостного права. До нас дошли сведения о таких записках декабристов Николая Тургенева, Александра Муравьева и др. Муравьеву царь повелел передать, что он «дурак, не в свое дело вмешивается».

Отсутствие в принятой части устава четкого определения конечных целей движения и особенно средств в их достижении скоро стало тормозом в деятельности Союза благоденствия. Двадцатилетний срок подготовки «общественного мнения» теперь казался необоснованно длинным, а практическая деятельность общества — малоэффективной. Численный рост тайной организации делал ее более рыхлой. Среди членов общества появились ненадежные люди, много говорившие и мало занимавшиеся конкретными делами. У многих более радикально настроенных членов появилась резкая неудовлетворенность сделанным. Она все более сказывалась при встречах, в спорах и при обсуждении создавшегося положения.

В такой обстановке Коренная управа Союза благоденствия приняла решение созвать в Петербурге совещание по основным программным вопросам. Оно состоялось в январе 1820 г. на квартире Федора Глинки. Там присутствовало основное ядро общества, в том числе Павел Пестель, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев, Михаил Лунин, Николай Тургенев, Иван Якушкин, и другие члены организации. Председательствовал на совещании граф Федор Толстой.

С докладом о том, какое правление в стране лучше — конституционно-монархическое или республиканское, на совещании выступил Пестель. Он постарался убедительно показать все выгоды республика

ского правления по сравнению с правлением монарха, хотя и ограниченного конституцией. В результате участники совещания единогласно высказались за республику. Таким образом, Союз благоденствия стал первой в истории освободительного движения России организацией, признавшей целью своей борьбы установление республиканского строя.

В 1820 г. по Европе прокатилась волна революционных выступлений. В России тоже было неспокойно. Участились выступления крестьян против помещиков. Тревожное положение оставалось в земле Войска Донского. Потом появились сведения о коллективном протесте солдат Семеновского гвардейского полка. До этого полк был образцовым. Пересматривая командный состав, удаляя неугодных ему лиц, Аракчеев в 1820 г. назначил полковника Шварца командиром этого полка. Будучи ярым сторонником аракчеевщины, Шварц ввел среди солдат жестокую палочную дисциплину. За пять месяцев своего командования Шварц безжалостно наказал 44 человека. Солдаты не выдержали. 16 октября 1820 г. головная «государева рота» полка самовольно собралась на перекличку и потребовала удаления свирепого полковника. Это было неслыханное нарушение военной субординации, это был бунт. Генерал-лейтенант И. В. Васильчиков, командовавший отдельным гвардейским корпусом, объявил роту арестованной и отправил ее в Петропавловскую крепость. Тогда в защиту арестованных выступил весь полк. Его солдаты отказались выдать зачинщиков. Весь полк был арестован, а потом расформирован.

Все эти события произвели на декабристов огромное впечатление. Они, с одной стороны, побуждали их действовать более решительно, а с другой — способствовали усилению разногласий между радикально настроенными и умеренными членами общества. Надо было по-другому строить конспиративное общество, разработать новую программу, изменить тактику и порядок отбора новых членов. Для обсуждения этих вопросов в начале января 1821 г. в Москве собрался съезд Союза благоденствия, на котором умеренные оказались в большинстве (они даже не пригласили в Москву Пестеля). Это сказалось в решении отсечь от движения наиболее радикально настроенные элементы и в признании того, что в практической деятельности общества основной должна быть умеренная, средняя линия.

На съезде было сделано важное сообщение о том, что правительственным органам стало известно о существовании тайной организации. Тогда было принято постановление считать Союз благоденствия распущенным. Это решение о роспуске общества рассматривалось наиболее активными декабристами не как отказ от дальнейшей борьбы, а как средство и повод для его реорганизации, чтобы, освободившись от сомневающихся и колеблющихся членов, перейти к более активной деятельности.

Умеренно настроенный декабрист подполковник И. Г. Бурцов служил в штабе 2-й армии, стоявшей в Тульчине. Он был участником московского съезда Союза благоденствия и в марте 1821 г. привез в Тульчин письменное объявление о роспуске тайного общества. Собравшиеся в кабинете Пестеля члены так называемой Южной управы Союза благоденствия не признали постановления съезда, считая, что он превысил свои полномочия. На общем собрании управы было решено «общество продолжать». Так в марте 1821 г. в Тульчине возникла новая тайная организация — Южное общество. Его председателем был избран П. И. Пестель, блюстителем — А. П. Юшневский*; оба они одновременно стали директорами.

Южное общество признало главным революционный способ действия посредством войск, считая при этом основным условием успеха начало военного выступления в столице. Власть можно было захватить лишь в столице, сломив сопротивление царизма. В такой огромной империи, как Россия, начинать дело свержения самодержавия на окраине страны не имело смысла.

На собрании Общества было принято решение о строжайшей дисциплине, о безусловном и немедленном повиновении избранной директории; подтверждено право каждого директора в случае необходимости действовать от имени всей директории.

Поскольку была одобрена тактика военной революции, изменились условия приема в Общество новых членов. Теперь членом тайной организации мог стать

---

* *Алексей Петрович Юшневский* (1786—1844) — генерал-интендант 2-й армии, республиканец по своим убеждениям. Следственной комиссией отнесен к первой категории обвинения, осужден на вечную каторгу. С 1827 г. ссылку отбывал в Нерчинских рудниках, с 1839 г. — на поселении в Иркутской губернии.

только военный, преимущественно тот, кто командовал регулярными войсками. Пестель показывал на следствии: «Общество имело желание как можно более начальников войск обратить к своей цели и принять в свой союз, особенно полковых командиров, предоставляя каждому из них действовать в своем полку, как сам наилучше найдет. Желало также и прочих начальников в Общество приобрести, генералов, штаб-офицеров, ротных командиров»[7].

Южное общество разделилось на три управы. Центральной была Тульчинская, две другие существовали: одна — в Василькове, другая — в Каменке. В управах шла углубленная работа над программой Общества и над вопросами тактики действий.

В 1822 г. организационно оформилось Северное общество. Его наиболее активными деятелями были Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, М. С. Лунин, И. И. Пущин.

Николай Иванович Тургенев (1789—1871) образование получил в Московском университетском пансионе. Состоя на службе в архиве Коллегии иностранных дел, одновременно слушал лекции в Московском университете, позже учился и в Геттингенском университете. Служил в Комиссии составления законов и в канцелярии Государственного совета. Экономист, один из основоположников финансовой науки в России («Опыт теории налогов», 1818). Участвовал в учреждении Союза благоденствия и Северного общества. По состоянию здоровья с 1824 г. имел продолжительный заграничный отпуск. Будучи в Англии, узнал, что привлечен к суду по делу декабристов. Вернуться в Россию, чтобы предстать перед Верховным судом, отказался. Заочно приговорен к вечной каторге. С 1826 г. — политэмигрант. Главное сочинение — «Россия и русские».

Евгений Петрович Оболенский (1796—1865) — князь, поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Следственной комиссией отнесен к первому разряду обвинения, приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. С 1826 г. — в Нерчинских рудниках, с 1839 г. — на поселении в Иркутской и Тобольской губерниях. Освобожден по манифесту 1856 г. с возвращением дворянского звания. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.

Михаил Сергеевич Лунин (1787—1845) — подполковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Следственной комис-

сией отнесен ко второму разряду обвинения, осужден на 20 лет каторги. В 1836—1840 гг. распространял написанные им от руки нелегальные произведения. За обнаруженное при обыске сочинение «Взгляд на тайное общество в России» в 1841 г. заключен в Акатуйскую тюрьму. Скончался в тюрьме при так и не выясненных до сего дня обстоятельствах.

Иван Иванович Пущин (1798—1859) окончил Царскосельский лицей, друг А. С. Пушкина. Служил судьей Московского надворного суда. Участвовал в выступлении 14 декабря на Сенатской площади. «Он взялся ободрять войска на площади, где оставался до картечных выстрелов, расхаживая по фасам, поощрял солдат к мятежу и при наступлении кавалерии на чернь скомандовал переднему фасу взять ружья от ноги»[8]. Следственной комиссией отнесен к первому разряду обвинения, осужден на вечную каторгу. С 1826 г.— в Шлиссельбургской крепости, с 1828 г.— в Нерчинских рудниках, в 1839—1856 гг.— на поселении в Туринске, Ялуторовске. Автор «Записок о Пушкине».

Северное и Южное общества тесно взаимодействовали между собой. Так, член Северного общества, переселившийся на юг, вступал в Южное общество, а член Южного, переехав на север, становился членом Северного общества. Один из организаторов Северного общества, Никита Муравьев, был избран третьим директором Южного общества.

В 1821—1825 гг. как в Южном, так и в Северном обществе были разработаны политические программы революционного действия — «Русская правда» Павла Пестеля и Конституция Никиты Муравьева.

Павел Пестель получил блестящее образование и имел пристрастие к общественно-политическим наукам. Будучи наиболее радикально настроенным декабристом, он стал автором одного из проектов конституции. Проект в 1824 г. получил название «Русская правда», в память древнего законодательного документа Киевской Руси. Этим автор хотел подчеркнуть национальные традиции и связь предстоящего революционного выступления с историческим прошлым русского народа.

Пестель провозглашал диктатуру Временного верховного правления во время революции, считая это решающим условием успеха. Он предполагал, что диктатура должна продлиться 10—15 лет. Его «Русская

правда»» была наказом Временному верховному правлению, наделенному диктаторскими полномочиями. Полное наименование проекта Пестеля гласило: «Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая заветом для усовершенствования Государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления».

«Русская правда» оживленно обсуждалась на заседаниях Южного общества: присутствующие не только знакомились с содержанием проекта, но и вносили в него свои замечания и предложения. В итоге документ представлял собой, с одной стороны, огромный личный труд Пестеля, а с другой — идейный памятник декабристской тайной организации.

В «Русской правде» кроме введения и краткого заключения намечалось 10 глав: первая — о границах государства; вторая — о различных племенах, Российское государство населяющих; третья — о сословиях государства; четвертая — «о народе в отношении к приуготовляемому для него политическому или общественному состоянию»; пятая — «о народе в отношении к приуготовляемому для него гражданскому *или частному состоянию*»; *шестая — об устройстве* и образовании верховной власти; седьмая — об устройстве и образовании местной власти; восьмая — об «устройстве безопасности» в государстве; девятая — «о правительстве в отношении к устройству благосостояния в государстве»; десятая — «наказ для составления государственного свода законов»[9]. Написаны и окончательно отредактированы были только две первые главы и часть третьей; четвертая и пятая главы были составлены начерно.

Проект Пестеля предусматривал решительную отмену крепостного права. По мнению Пестеля, будущая Россия должна быть обществом свободных людей. Освобождение крестьян без земли признавалось совершенно недопустимым. Земля рассматривалась как общественное достояние, каждый гражданин имел право на земельный надел, что должно было, по мнению Южного общества, предохранить его от обнищания. Аграрный проект Пестеля был более радикальным, чем крестьянская реформа 1861 г.,— он шире открывал двери буржуазному развитию страны.

Одним из главных положений проекта конституции должно было стать требование уничтожения самодер-

жавия и провозглашения республики. Пестель считал самодержавие антинародным и был сторонником революционной верховной власти народа и объединения всех сословий государства «в единое сословие гражданское». Дворянство уничтожалось вместе с другими привилегированными сословиями, при этом объявлялось равенство всех перед законом.

Предлагаемая проектом республика должна была стать единым неразделыным государством с сильной централизованной властью. Пестель не поддерживал идею федерации, считая, что она может привести к сепаратистским тенденциям. В административном отношении проект предусматривал деление республики на 10 областей и 3 удела (Столичный, Донской и Аральский). Каждая область состояла из 5 округов или губерний, губерния — из 10—12 уездов, уезд — из волостей, имевших до 2 тыс. жителей мужского пола каждая.

Народному вече из 500 человек, избранных на 5 лет, принадлежала высшая законодательная власть в стране. На вече избиралась Державная дума как орган исполнительной власти в коллективе 5 человек тоже на 5 лет. Верховный собор из 120 наиболее заслуженных граждан, избираемых пожизненно, осуществлял контрольную (блюстительную) власть. Распорядительной властью были наделены окружные, уездные и волостные наместные собрания, а исполнительной — окружные, уездные и волостные правления. Главы окружных и уездных наместных собраний становились выборными посадниками. Глава волостного собрания являлся волостным предводителем. Все местные органы власти избирались на год. Имущественный ценз при выборах отменялся.

При решении национального вопроса Пестель был по-своему дальновиден — он провозглашал равенство всех национальностей, но не ставил вопроса о праве наций на самоопределение, считая, что все народы России должны слиться в единый народ. Исключение делалось только для Польши, которая могла бы стать независимой при условии, что она поднимется на восстание одновременно с декабристами, осуществит у себя революционные преобразования и останется верной союзницей России.

Столицей республики должен был стать Нижний Новгород. Он располагался в центре страны, на удобных торговых путях (на Волге), соединяя Европу

с Азией. Отдавая предпочтение именно Нижнему Новгороду, Пестель не оставил без внимания и тот факт, что из этого города народное ополчение Минина и Пожарского начало освобождение России от иноземного ига в Смутное время.

Проект конституции Пестеля провозглашал главный буржуазный принцип — священное и неприкосновенное право личной собственности. Он устанавливал для всех граждан республики полную свободу занятий и вероисповеданий. Автор проекта отстаивал свободу торговли.

«Русская правда» была революционным проектом буржуазного переустройства феодально-крепостнической России. В целом она являлась смелым планом продвижения вперед отсталой в экономическом и политическом отношении страны.

В Северном обществе с проектом конституции выступил Никита Муравьев. Хорошо знакомый с вышедшей к тому времени политической литературой, в том числе с законами революционной Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов, с испанской конституцией 1812 г., Муравьев интересовался историей и сам был автором нескольких работ исторического характера. Свой проект он начал писать с осени 1821 г., но можно предположить, что большую подготовительную работу он проделал значительно раньше.

Проект Муравьева обсуждался среди членов Северного общества; они делали свои замечания, при несогласии — возражали. Но его не рассматривали на общем собрании Северного общества, за него не голосовали члены тайной организации. Был он известен и Южному обществу, в том числе Пестелю.

Конституция Муравьева была более умеренной по сравнению с «Русской правдой» Пестеля, поскольку она предусматривала создание не республиканского, а конституционно-монархического государства. Но в сравнении с русской действительностью того времени она была в значительной мере прогрессивным документом.

Классовая дворянская ограниченность проекта Муравьева отразилась в подходе к решению вопроса о крепостном праве. Он торжественно декларировал отмену крепостного права, но при этом устанавливал неприкосновенность помещичьего землевладения. Крестьяне получали свободу без земли. Только в последнем варианте Конституции Муравьев предусматривал

выделение бывшим помещичьим крестьянам усадьбы и по две десятины земли на каждый двор. Таким образом, помещичья собственность на землю лишалась крепостной рабочей силы и, теряя свой феодальный характер, приобретала черты буржуазной собственности. Положение военных поселян, государственных и удельных крестьян было более выгодным — после введения в жизнь Конституции они получали все те земли, которыми владели раньше.

Ограниченность предлагаемого проекта сказалась также в вопросе о гражданстве. Избирательное право обусловливалось имущественным цензом: необходимо было обладать недвижимой собственностью на сумму не менее 500 руб. или движимой — на тысячу рублей серебром и, кроме того, иметь постоянное место жительства и возраст не моложе 21 года. Для избрания в центральные органы власти вводился более высокий имущественный ценз — 60 тыс. для движимой собственности или 30 тыс. для недвижимой. Только при выборах волостного старшины отсутствовало это требование. Таким образом, имущественный ценз лишал многие слои населения участия в политической жизни страны.

Согласно Конституции Муравьева, Россия должна была стать федерацией 13 держав и 2 областей со своими столицами и независимыми органами управления. Державы делились на уезды, или поветы, а последние — на волости по 500—1500 жителей мужского населения каждая. Столицей федерации предполагалось объявить Нижний Новгород, переименованный в Славянск.

В документе оговаривалось строгое разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Народное вече, состоявшее из двух палат (Верховной думы и Палаты народных представителей), являлось высшим законодательным органом. Верховная дума состояла из 43 депутатов (по 3 депутата от каждой державы и по 2 от области), Палата народных представителей — из 450 депутатов. Обе палаты избирались на шестилетний срок, причем треть депутатов переизбиралась каждые два года. Законодательную власть в державе осуществляло Державное вече, состоявшее также из двух палат (Державной думы и Палаты выборных) и избиравшееся на 4 года, но четверть его состава переизбиралась ежегодно.

Императору принадлежала высшая исполнительная власть федерации. Он являлся главнокоманду-

ющим, вел переговоры с другими странами, назначал (с согласия Верховной думы) послов и консулов, а также чиновников верховных судебных мест и министерств, как верховному чиновнику правительства ему назначался годовой оклад 8 млн руб. (на содержание своего двора). Придворным, находившимся в услужении, запрещалось занимать государственные должности, а императору — покидать пределы своей страны.

По проекту Конституции вводился новый гласный суд с присяжными и адвокатурой, а также принцип выборности и несменяемости судей. Высшим судебным органом в федерации являлось Верховное судилище, в державах — державное, в уездах — уездное. Волостной совестный суд был низшей судебной инстанцией.

Конституция Муравьева отменяла привилегированные сословия в обществе, упраздняла военные поселения и заменяла рекрутские наборы всеобщей воинской повинностью. Она провозглашала свободу вероисповедания, свободу слова, печати, передвижения и др.

Никита Муравьев хорошо понимал, какое сопротивление окажут введению в жизнь его Конституции старые силы. Поэтому он считал, что для свержения самодержавия необходимо воспользоваться силой оружия, т. е. произвести возмущение в войсках и призвать их к восстанию.

Наиболее напряженная деятельность декабристских обществ приходится на 1824—1825 гг. Одновременно с ростом числа единомышленников вставал вопрос о непосредственной подготовке к военному восстанию.

Во время приезда Пестеля в Петербург весной 1824 г. состоялись переговоры об объединении Южного и Северного обществ и общем плане действий в предстоящем восстании. Но возникли идейные разногласия и жаркие споры. Предложение Пестеля объединиться на платформе «Русской правды» встретило возражения членов Северного общества. Они выступали против введения диктатуры временного революционного правительства, раздачи земель крестьянам при их освобождении, отстаивали идею учредительного собрания и принцип федерации будущего государства. В результате было принято решение о совместном военном выступлении летом 1826 г. и разработке общего проекта конституции.

План действий декабристов заключался в том, чтобы начать революцию в Петербурге восстанием гвардии

и флота, арестовать императора, изгнать из страны членов императорской фамилии, созвать Сенат и через него обнародовать «новый порядок». Восстание в столице должно было быть поддержано на периферии — в армии и в губерниях.

Васильковская управа Южного общества, которой руководил С. И. Муравьев-Апостол, предлагала другой план революционного переворота — начать восстание на периферии: убить царя во время смотра войск, издать прокламации к армии и народу, после чего двинуться на Киев и Москву, присоединяя к себе другие войска. По настоянию Пестеля этот план был отвергнут.

Во время лагерных сборов в августе — сентябре 1825 г. в местечке Лещина (близ Житомира) к Южному обществу присоединилось Общество соединенных славян. Первоначально эта организация была основана юнкером Петром Борисовым в 1818 г. в местечке Решетиловке Полтавской губернии и называлась Обществом первого согласия (преобразованным затем в Общество друзей природы). Общество являлось кружком единомышленников и ставило скромную задачу «усовершенствования себя в науках, художествах и добродетели». В 1823 г. полк, в котором служили братья Петр и Андрей Борисовы, стоял в Новоград-Волынске. Здесь они познакомились с находившимся под надзором полиции молодым шляхтичем Юлианом Люблинским, человеком образованным и уже имевшим опыт конспиративной деятельности. Ими совместно была создана новая организация — Общество соединенных славян. С этого времени целью Общества стало объединение всех славянских народов в одну демократическую федерацию. Членами этой федерации должны были стать Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация и Кроация (венгров в Обществе считали тоже славянами). Каждый из объединенных славянских народов должен был иметь свою конституцию.

Члены Общества соединенных славян принимали клятву по образцу итальянских карбонариев в верности братскому союзу. Они клялись бороться против крепостничества и деспотизма. Славяне были противниками военной революции. Члены Соединенных славян в основном принадлежали к малоимущему дворянству.

Присоединение Общества соединенных славян к Южному обществу организовал М. П. Бестужев-Рюмин. Славяне составили в Южном обществе особую Славянскую управу, в которой насчитывалось 52 члена. При объединении члены Южного общества не чуждались целей славян, полагая их более отдаленными по сравнению с целью освобождения России от крепостничества и самодержавия.

Декабристы не считали себя готовыми к выступлению.

Между тем события опередили их планы — внезапная смерть Александра I вынудила выступить раньше намеченных сроков. В стране после 19 ноября 1825 г. неожиданно создалось двусмысленное и напряженное положение междуцарствия.

Александр I не оставил наследника, и по закону о престолонаследии императором должен был стать средний брат, Константин (родился в 1779 г.). Но последний был женат на полячке Грудзинской, которую Александр I титуловал как княгиню Лович. Вследствие брака на особе не царской крови Константин лишался права на престол, однако его отречение оставалось при жизни Александра I тайной*. В трех местах (Синоде, Государственном совете и Успенском соборе) хранились пакеты с пометкой Александра I: «Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть ...жде всякого другого действия, в чрезвычайном соб...ии»[10]. В них были запечатаны: письмо цесаревича ...стантина к государю от 14 января 1822 г. о добро...ьном отречении от престола; ответ Александра I ...огласии на отречение Константина от престола, ...твержденное также со стороны императрицы-матери ...манифест от 16 августа 1823 г., утверждающий право ...шего князя Николая на русский престол в случае ...бровольного отречения цесаревича Константина.

Хорошо информированный современник князь ...В. Долгоруков о дальнейших событиях в Петербурге по получении известия о кончине Александра писал ...: «Для вскрытия пакета и прочтения бумаг требовало ...ь менее получаса; следовательно, не было никакой ...ы ознакомиться с содержанием пакета, но министр

* Когда Константин влюбился в Грудзинскую и попросил дозво...ения на брак, Александром был издан закон, по которому дети от ...морганатического брака члена императорской фамилии лишались ...х прав, присвоенных законным детям.

юстиции князь Дмитрий Иванович Лобанов и министр просвещения Шишков, оба люди тупоумные и крайне упрямые, объявили, что ни под каким видом не согласятся приступить к какому бы то ни было занятию прежде принесения присяги своему законному государю. К ним присоединился петербургский генерал-губернатор, благородный, но бестолковый граф Милорадович. Николай Павлович, может быть, не обратил бы внимания на протесты Лобанова и Шишкова, но Милорадовичем пренебрегать было опасно; он был всеми любим, а войском обожаем»[11].

Но Константин находился в Польше и, не подавая о себе никаких известий, продолжал считаться наследником престола. 27 ноября 1825 г. население было приведено к присяге последнему. Таким образом формально Константин I стал новым императором. В магазинах уже выставили его портреты, успели даже отчеканить несколько монет с его изображением. Ожидая ответа от старшего брата, Николай Павлович тоже присягнул Константину. Ответ об отречении от престола пришел в Петербург только 12 декабря 1825 г. Тотчас же последовал манифест о восшествии на русский престол Николая I.

На 14 декабря в Петербурге была назначена вторая присяга императору. Междуцарствие волновало народ и раздражало армию. Члены тайного общества декабристов решили воспользоваться этим благоприятным для них моментом и выступить. Они знали о грозящих опасностях и возможности личной гибели, но в то же время верили в возможность общего успеха. Накануне восстания план государственного переворота обсуждался на квартире больного в то время Рылеева*.

План декабристов сводился к тому, чтобы вывести войска на Сенатскую площадь (там находились здания

---

* *Кондратий Федорович Рылеев* (1795—1826) — сын захудалого помещика, известный поэт и литературный деятель, один из друзей А. С. Пушкина. После окончания кадетского корпуса в 1814 г. стал офицером. Участник заграничного похода русской армии (был в Швейцарии и Париже). В 1818 г. подпоручиком вышел в отставку, в 1821 г. был избран от дворянства заседателем уголовной палаты и заслужил популярность как поборник справедливости. В 1824 г. перешел на службу в Российско-американскую компанию (был *правителем канцелярии*). В *Северное общество вступил в начале* 1823 г., стал наиболее активным членом Общества и через год был избран его директором. 14 декабря был на Сенатской площади, хотя и недолго. Следственная комиссия признала его «главнейшим виновником возмущения». Повешен 13 июля 1826 г.

Сената и Синода), не допустить сенаторов до присяги Николаю I, силой заставить объявить правительство низложенным и издать революционный манифест к народу. Диктатором восстания был избран голосованием Сергей Трубецкой (при аресте у него был обнаружен черновик манифеста). В манифесте объявлялось низложенным царское правительство, учреждалось Временное правительство, отменялось крепостное право и предоставлялся всем гражданам ряд свобод (свобода печати, занятий, вероисповеданий, введение гласного суда присяжных, замена рекрутчины всеобщей воинской повинностью, сложение подушных податей и «недоимок по оным»). Одновременно с блокированием Сената Гвардейский морской экипаж, Измайловский полк и конно-пионерный эскадрон должны были с утра захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью. Командование войсками при захвате Зимнего дворца было поручено капитану Александру Якубовичу. После этого созывался Великий собор (Учредительное собрание), которому надлежало принять решение о форме государства и о земле. Захват Петропавловской крепости поручался лейб-гренадерскому полку под командованием декабриста полковника Булатова.

У Рылеева было намерение убить Николая I во дворце, что, по его мнению, облегчило бы действия восставших. Это поручение рано утром 14 декабря он просил выполнить Каховского*. Но последний не хотел быть террористом-одиночкой и отказался.

На рассвете 14 декабря Якубович отказался вести матросов и измайловцев на Зимний дворец — он боялся, что при аресте в схватке матросы могут убить императора и его родственников, а цареубийство Якубович не хотел брать на себя. Тем самым положение осложнялось, задуманный план начал рушиться с самого начала.

В день восстания первым прибыл на Сенатскую площадь лейб-гвардии Московский полк под командованием штабс-капитана Александра Бестужева. Вместе с ним во главе полка шли его брат штабс-капитан Михаил Бестужев и штабс-капитан Дмитрий Щепин-

---

* *Петр Григорьевич Каховский* (1799—1826) — поручик в отставке. Следственной комиссией отнесен к высшей категории обвинения. Из Петропавловской крепости написал несколько писем Николаю I с критическим анализом русской действительности. Повешен 13 июля 1826 г.

Ростовский. Полк выступил с развевающимся полковым знаменем, с боевыми патронами и заряженными ружьями. В его составе насчитывался 671 человек. Выходу полка из казармы хотел помешать полковой командир барон Фредерикс. Но он упал с разрубленной головой после сабельного удара офицера Щепина-Ростовского. Был также ранен полковник Хвощинский, пытавшийся остановить солдат. На площади солдаты полка были построены в боевом порядке в форме каре около памятника Петру I.

Было 11 часов утра. Вскоре к восставшим прискакал петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович. Он обратился к солдатам с призывом вернуться в казармы и присягнуть Николаю I. Милорадович был одним из героев Отечественной войны 1812 г. и пользовался популярностью среди солдат. Его доходчивое и горячее обращение могло поколебать восставший полк, выступивший пока в одиночестве, и сорвать замысел декабристов. Чтобы этого не допустить, начальник штаба восстания лейб-гвардии поручик князь Евгений Оболенский штыком нанес удар лошади Милорадовича, а Петр Каховский выстрелом из пистолета смертельно ранил генерала.

К часу дня на площадь прибыли другие восставшие войска: матросы Гвардейского морского экипажа под командованием капитан-лейтенанта Николая Бестужева (около 1100 человек) и гвардейский полк во главе с поручиком Николаем Пановым и поручиком Александром Сутгофом (около 1250 человек). Теперь у восставших насчитывалось около 3 тыс. солдат и матросов при 30 офицерах.

Для подавления восстания Николай I стянул на подступах к Сенатской площади верные ему правительственные войска. Общая численность их составляла 9 тыс. пехоты и 3 тыс. кавалерии, поддержанных артиллерией.

Скоро выяснилось, что Сенат уже присягнул новому императору и сенаторы разъехались. Таким образом, восставшие войска собрались перед пустым Сенатом. Это была тяжелая неудача — первая цель выступления оказалась недостигнутой.

Вторая неудача была вызвана неожиданной изменой Сергея Трубецкого — он не явился на Сенатскую площадь. Рылеев искал его, но безуспешно. Смалодушничав, сидел он в здании Главного штаба, расположенном рядом с Сенатской площадью, и даже выходил из

помещения и смотрел из-за угла на площадь, чтобы узнать сложившуюся там обстановку. Но, не переставая колебаться, прятался вновь. Так решимость Трубецкого легко сломалась в час решительных действий*.

Восставшие войска продолжали стоять в ожидании. По приказу Николая I на каре восставших было предпринято несколько атак правительственной кавалерии. Но все они были отбиты беглым ружейным огнем восставших.

Хотя войска были главной силой восстания, на Сенатской площади 14 декабря присутствовал еще один участник события — толпы простого народа. По свидетельству современников, на площади и прилегающих к ней улицах собралось много сочувствующих и любопытных. Некоторые из собравшихся поддерживали восставших возгласами одобрения, другие кидали камни в правительственные войска и даже в свиту императора.

Как вспоминал позднее сам Николай, «между тем, видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится», он послал приказание «приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село»[12].

Холодный зимний день клонился к вечеру. Видя настроение толпы, Николай I боялся, что с наступлением темноты «бунт может сообщиться черни». Тогда могут дрогнуть правительственные войска. Впоследствии Николай приложил много усилий, чтобы создать впечатление, что во время восстания он не

---

* П. В. Долгоруков давал в 1867 г. С. Трубецкому следующую характеристику:

«Князь Сергей Петрович Трубецкой был человеком благороднейшего характера. По неисповедимой воле провидения, он имел в жизни своей один день малодушия и трусости, и, к несчастию, это был важнейший день его жизни — 14 декабря! Он тут прослыл трусом, между тем как он трусом никогда не был, о чем неоднократно свидетельствовали его старые товарищи по Семеновскому полку. Он делал все походы 1812, 1813 и 1814 годов в рядах гвардии с храбростью истинно русского офицера; в особенности в сражении под Кульмом он отличался мужеством самым хладнокровным; впоследствии он переносил страшные бедствия свои с непоколебимым достоинством; он был весьма нищелюбив, делал много добра, находил наслаждение в том, чтобы оказывать помощь неимущим, и, невзирая на свою слабость в день 14 декабря, до самого конца жизни своей пользовался любовью и уважением благородных товарищей своего благородного несчастья» (*Долгоруков П. В.* Указ. соч. С. 269).

хотел пролить кровь своих подданных и поэтому генерал-адъютанту Васильчикову пришлось уговаривать его пустить в дело пушки. Личные записки самого царя опровергают это. Как он пишет, сразу же убедившись, что «дело становится серьезным», он послал за артиллерией. Объехав верные ему войска, он «нашел прибывшую артиллерию, но, к нещастию, без зарядов», хранившихся отдельно от орудий. «До коль послано было за ними,— вспоминал Николай,— мятеж усиливался; к начальной массе Московского полка прибыл весь Гвардейский экипаж и примкнул со стороны Галерной; а толпа гренадер стала с другой стороны. Шум и крик делались беспрестанны, и частые выстрелы перелетали через голову. Наконец народ начал также колебаться, и многие перебегали к мятежникам»[13].

Когда подвезли заряды, Николай лично приказал зарядить орудия картечью. «Во мне была надежда, что мятежники устрашатся таких приготовлений и сдадутся... Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее»[14]. И Николай приказал: «Пали!»

Картечь начала косить не только восставших, но и всех находившихся на площади. Скоро солдаты, стоявшие в каре, были рассеяны, площадь опустела. Часть восставших оказалась на льду Невы, и там продолжалось побоище. К ночи все было кончено. Выступление декабристов потерпело поражение.

После обращения восставших в бегство Николай поехал в Зимний дворец. По его приказу дворец был окружен верными ему войсками и расставлена артиллерия (батарея из восьми орудий была поставлена у Эрмитажного съезда на Неву, другая, из четырех орудий,— на углу Зимнего и Невы).

Царское правительство в официальных сообщениях значительно преуменьшало число убитых на Сенатской площади — говорилось о 80 трупах, иногда — о сотне или двух. Но число жертв было гораздо больше. П. Я. Канн в статье «О числе жертв 14 декабря 1825 г.» опубликовал следующие данные чиновника Министерства юстиции по статистическому отделению С. Н. Корсакова. В день восстания было убито: генералов — 1, штаб-офицеров — 1, обер-офицеров разных полков — 17, нижних чинов лейб-гвардии Московского полка — 93, гренадерского — 69, морского экипажа гвардии — 103, конного — 17, во фраках и шинелях — 39, женского пола — 9, малолетних — 19, черни — 903. Общий итог убитых — 1271 человек[15].

Ночью после поражения восстания декабристы собрались на квартире Рылеева. Это было их последнее собрание, на котором они договорились, как держать себя на допросах. Рылеев условился, что декабрист отставной штаб-ротмистр Николай Оржицкий сейчас же отправится на юг, чтобы предупредить Южное общество о поражении декабристов в Петербурге и о том, что Трубецкой и Якубович изменили.

29 декабря 1825 г., когда членам Южного общества стало известно о разгроме восстания в Петербурге и когда Пестель и ряд других декабристов Общества были уже арестованы, поднялся Черниговский полк, стоявший в районе Василькова. Восстание черниговцев не могло претендовать на осуществление основной задачи — захват власти и государственный переворот — по своей отдаленности от центра, но оно явилось ярким свидетельством солидарности декабристов и их героических усилий продолжить дело, начатое в Петербурге. Выступление началось в селе Трилесы Киевской губернии. Восстание возглавил Сергей Муравьев-Апостол. Вечером того же дня восставшая 5-я рота полка из Трилес пришла в деревню Ковалевку, где соединилась с другой — 2-й гренадерской ротой. С этими двумя ротами ранним утром 30 декабря Сергей Муравьев вступил в Васильков, где его активно поддержали другие роты черниговцев. Почти весь полк оказался в сборе. Теперь в нем было пять рот общей численностью 970 солдат при восьми офицерах.

Сергей Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин еще до восстания составили революционный Катехизис. Он предназначался для распространения среди солдат и местного населения. Этот документ был написан в виде вопросов и ответов на основе текстов Священного писания и в доходчивой форме доказывал необходимость свержения самодержавия и установления республики. Катехизис читался восставшим солдатам, экземпляры его распространялись в других полках, среди крестьян и даже были посланы в Киев.

31 декабря после полудня из Василькова войска направились в деревню Мотовиловку, куда пришли к вечеру. Поход на Мотовиловку имел своей целью занять Брусилов, в районе которого стояли Александрийский и Ахтырский полки, на присоединение коих надеялся Сергей Муравьев. В случае удачи предполагалось идти в район Житомира, где были расположены

оинские части под командованием членов Общества оединенных славян. Однако надежда на присоединение новых полков не оправдалась. Положение становилось тревожным. Этому способствовало бегство из осставшего полка ряда офицеров. Сергей Муравьев-Апостол хотел переменить маршрут и двинуться на Белую Церковь — там в 17-м егерском полку был надежный офицер А. Ф. Вадковский, член Южного общества, обещавший поднять полк на восстание. Но при возвращении из Василькова в Белую Церковь Вадковский был арестован. Тогда из Мотовиловки полк опять через Ковалевку направился в деревню Пологи, а затем — в Трилесы.

3 января 1826 г. между деревнями Устиновкой и Ковалевкой восставший полк встретили правительственные войска под командованием генерала Ф. К. Гейсмара и расстреляли его картечью. Сергей Муравьев-Апостол получил ранение в голову, его брат Ипполит, сражавшийся рядом, погиб. Среди черниговцев было арестовано 869 солдат и пять офицеров.

В Петербурге аресты декабристов начались сразу же в ночь на 15 декабря. В Зимнем дворце арестованных допрашивал сам Николай I — он выступал в роли следователя. «Государственных преступников» после допроса отсылали в Петропавловскую крепость, в большинстве случаев с личными записками государя, в них высочайше указывалось, как должен содержаться данный арестант. Большую роль в организации суда сыграл Сперанский.

Декабристы по-разному вели себя на следствии. Некоторые клялись в лояльности к существующему строю и выдавали своих товарищей. Многие каялись. В числе державших себя с достоинством были М. С. Лунин, И. Д. Якушкин, П. И. Борисов, А. В. Усовский и др. Пестель сначала отрицал свою принадлежность к тайным обществам, но потом, выданный другими арестованными, стал давать подробные сведения.

Чтобы показать «глубокое раскаяние» заключенных, вроде бы признававших ошибочность своего выступления, и проявленное к ним милосердие царской власти, последняя официально через полицию и губернскую администрацию распространила документ, состоявший из трех писем арестованных — предсмертного письма Рылеева к жене, письма Оболенского к отцу и покаянного письма Якубовича к отцу.

Суд над декабристами происходил при закрытых дверях и походил больше на пародию, чем на объективное разбирательство дела: вызываемым подсудимым предлагали засвидетельствовать подписи под своими ранее данными показаниями, после чего объявляли заранее заготовленный приговор.

Петербургская следственная комиссия по делу декабристов под председательством военного министра графа А. И. Татищева работала полгода. Следственные комиссии были образованы также в Белой Церкви, Могилеве, Белостоке, Варшаве и в некоторых полках. Всего к следствию было привлечено 579 человек. Виновными были признаны 289 человек, из них 121 человек предан Верховному уголовному суду. Эти подсудимые по степени вины были разделены на 12 разрядов. В разряд высшего обвинения (названный нулевым) были отнесены Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский. Всех приговорили к четвертованию, замененному повешением.

Из 72 членов Верховного суда нашелся только один человек — адмирал Мордвинов, который открыто проголосовал против смертной казни. Он нашел, что она противоречит указам Елизаветы Петровны, «Наказу» Екатерины II и указу Павла от 13 апреля 1799 г., еще раз отменившему смертную казнь. Мнение Мордвинова не было принято во внимание.

Ночью перед казнью к приговоренным к смерти пришел назначенный им духовником протоиерей И. Н. Мысловский, протопоп Казанского собора. Он исповедовал, напутствовал и увещевал казнимых. Когда через несколько часов Мысловский вышел от них, он плакал. С трудом он произнес: «Они страшно виноваты, но они заблуждались, а не были злодеями!.. Надо молиться, чтобы Бог смягчил сердце царя!» Далее он добавил, что Рылеев «истинный христианин и думал, что делает добро, и готов был душу свою положить за други своя» [16].

Ранним утром 13 июля на кронверке Петропавловской крепости при свете костров состоялась казнь. На груди осужденных висели доски с надписью: «Цареубийца». По высочайшему повелению к виселице была также прибита доска с именем и фамилией Ипполита Муравьева-Апостола, храбро погибшего в бою. У Рылеева, Каховского и Муравьева-Апостола во время казни оборвались веревки, и они упали. По словам

священника Мысловского, Муравьев, у которого при падении была рассечена бровь, воскликнул: «Боже мой! И повесить порядочно в России не умеют!» После длительной задержки казнь была повторена*. Генерал-губернатор тут же доложил об этом царю.

По первому разряду было осуждено 30 человек. Среди них Сергей Трубецкой, Евгений Оболенский, Матвей Муравьев-Апостол, братья Борисовы, Вильгельм Кюхельбекер, Александр Якубович, Артамон Муравьев, Никита Муравьев, Иван Пущин, Иван Якушкин и др. Их приговорили к каторжным работам. Всего к различным срокам каторжных работ суд приговорил 88 обвиняемых, 9 офицеров разжаловал в солдаты.

Всех осужденных декабристов (кроме моряков и приговоренных к смерти) во дворе крепости построили в два каре: в одно — принадлежавших к гвардейским полкам, в другое — прочих. Здесь их разжаловали, лишили чинов и дворянства, над ними ломали шпаги, с них срывали погоны и мундиры, которые бросали в пылающие костры. Моряков отвезли в Кронштадт и в то же утро исполнили приговор на флагманском корабле. Их разжаловали, с них были сорваны эполеты и мундиры и брошены в воду.

Дела многих декабристов рассматривали суды в других городах и некоторых полках. Эти суды более 40 обвиняемых приговорили к различным мерам наказания — от каторжных работ до разжалования в солдаты. Около 120 человек были наказаны без суда; по распоряжению Николая I посажены в крепость на срок до 4 лет, разжалованы в солдаты, отправлены в действующую армию на Кавказ, отданы под надзор полиции.

В особых комиссиях рассматривались дела солдат, принимавших участие в восстании. Из них 178 человек прогнали через тысячный строй шпицрутенов от одного до 12 раз, 23 осужденных были наказаны палками и розгами. Других участников в восстании перевели в сводный полк и отправили на Кавказ в действующую

---

* Как свидетельствовал В. И. Штейнгель, священник Мысловский «от этой казни унес глубокое чувство уважения к страдальцам. Он после без боязни, не обинуясь, говорил и писал к своим друзьям, что они умерли как святые, дорожил данными от них вещами на память и до кончины своей поминал и молил об упокоении душ их перед престолом Божиим» (Записки барона В. И. Штейнгеля // Указ. соч. С. 461).

армию. Всего, по данным М. Н. Гернета, на Кавказ было переведено 2740 человек, шпицрутенами наказано 188. Дело о восстании Черниговского полка разбиралось отдельно. Наказания там были еще более суровые [17].

Отправка декабристов в Сибирь началась в июле 1826 г. «Преступников», большей частью скованными, отправляли туда в повозках в сопровождении фельдъегерей. Сначала каторжные работы отбывали они в Нерчинских рудниках. Сюда к некоторым декабристам добровольно прибыли их жены. Эти славные русские женщины ради своих осужденных мужей бросали свободную и обеспеченную жизнь и отваживались на тяжелейшие испытания. Их благородный подвиг воспел Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины». Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (1800—1854), жена декабриста С. П. Трубецкого, поехавшая за мужем в Нерчинск, говорит в поэме, прощаясь с Петербургом:

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим...
Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...[18]

Княжна Мария Николаевна Волконская (1805—1863), жена декабриста Сергея Волконского (дочь героя войны 1812 г. генерала Н. Н. Раевского), тоже добровольно последовавшая на каторгу, встретила в Перчинске свою подругу по несчастью княгиню Трубецкую. В поэме она говорит ей в утешение:

Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников Бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей.
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.

Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва — мы все отдаем
Избранникам нашим и Богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...[19]

Из 121 человека, приговоренных к различным мерам наказания, 23 были женаты (считая и И. А. Анненкова, который в тот момент не узаконил свой брак), 15 из них относились к высшему офицерству, их семьи были близки ко двору. Звания, титулы, состояния, положение в свете — всего этого декабристы были лишены. Отправляясь к месту их каторжных работ и переходя на положение «жен ссыльнокаторжных», декабристки «сознательно и бесповоротно порывали с прошлым, отказывались от привилегий, от своих былых представлений и от прежнего образа жизни. Уже сам по себе этот отказ был революционным актом. И поскольку он означал публичную поддержку государственных преступников, женщины оказывались в оппозиции к властям, их поведение становилось формой общественного протеста»[20].

Трубецкая, Волконская, Муравьева, Нарышкина, Ентальцева, Давыдова, Фонвизина, Розен, Юшневская... — они поддерживали в трудных условиях ссыльных, падших духом, успокаивали возбужденных и расстроенных, утешали огорченных.

«Богатырской темой» назвал подвиг декабристок Т. Шевченко, Н. А. Некрасов воспел их в поэме «Русские женщины», а П. А. Вяземский писал так: «Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории».

В 1828 г. бывший член Общества соединенных славян поручик И. И. Сухинов, отбывавший каторгу в Зерентуйском руднике, составил план обширного заговора, имевшего целью освободить декабристов, в том числе каторжан Нерчинского рудника. Он не искал себе помощников среди декабристов и стал вербовать сторонников заговора из среды других каторжан, вероятно крестьянского происхождения. Было решено напасть на цейхгауз, захватить оружие, разбить тюрьму и освободить колодников. Потом восстание должно было перекинуться на Нерчинские рудники. Выступление было назначено на 25 мая 1828 г. Но среди заго-

ворщиков нашелся предатель — он выдал начальству рудников планы заговорщиков. Все участники заговора были арестованы и предстали перед судом. На следствии Сухинов держался стойко, «ни в чем признания не учинил». Он был приговорен к 300 ударам кнута, клеймению и расстрелу, но перед казнью покончил жизнь самоубийством.

«Холодной молнией» называли декабристы Михаила Сергеевича Лунина. В тяжелых условиях каторги, ссылки и тюрьмы он не прекратил политической борьбы. Его «Письма из Сибири» — блестящее публицистическое произведение. «Письма» широко расходились по Сибири, были известны они и в Европейской России. Сам автор расценивал их как «возобновление действий наступательных». В 30-х годах, когда русская общественная мысль была задавлена гнетом николаевского самовластия, голос Лунина был одним из немногих, звавших к протесту. Лунин умер в Акатуйской тюрьме, но не был сломлен.

К осени 1827 г. ссыльные декабристы были переведены из Нерчинска в Читу, однако заговор в Зерентуйском руднике вынудил власти построить для заключенных новую тюрьму. Местом ее строительства выбрали Петровский завод близ Иркутска. Туда, в тюрьму более строгого режима, осужденные декабристы были доставлены своим ходом осенью 1830 г.

В 1856 г. после смерти Николая I и в связи с коронацией Александра II была объявлена амнистия осужденным декабристам и разрешено возвратиться из Сибири. Но в живых их осталось только 40 человек, около 100 человек погибло на каторге и в ссылке.

А. С. Пушкин был на стороне декабристов, более того, он был их другом. В первых числах января 1827 г. поэт встретился в Москве с женой декабриста Никиты Муравьева Александрой Григорьевной, уезжавшей к мужу в Забайкалье на каторгу. Он передал с ней свое знаменитое проникновенное послание декабристам в Сибирь. Пушкин писал:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут[21].

Это дружеское послание любимого поэта все декабристы встретили с большой радостью — оно было светлым эпизодом в их жизни и укрепляло в них твердое сознание правоты своего дела.

Известный русский поэт-декабрист князь Александр Иванович Одоевский (1802—1839), отбывавший каторгу в Чите, руками, закованными в кандалы, от имени всех декабристов написал ответ Пушкину. Он был таким же революционным по своему содержанию, как и послание Пушкина:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы[22].

Декабристы с достоинством переносили свою нелегкую долю на каторге и в ссылке. Их поддерживала мысль, что они страдают за прекрасное и благородное дело, что они несут «цепи за свободу своего отечества».

События 14 декабря 1825 г. явились прямым следствием назревания общего кризиса феодально-крепостнической системы в России. В. О. Ключевский писал: «Как политическое предприятие 14 декабря было несчастием, стоившим невознаградимых жертв. ... декабристы важны не как заговор, не как тайное общество; это нравственно-общественный симптом,

вскрывший обществу недуги, которых оно само в себе не подозревало; это целое настроение, охватившее широкие круги, а не 121 человека только, признанных виновными и осужденных по нескольким степеням виновности»[23].

Одной из причин поражения декабристов — людей из дворян — была их классовая ограниченность. Она проявилась в их непоследовательности и колебаниях — в их оторванности от народа, в их боязни стихийности народного восстания. Они стремились произвести революционный переворот хотя и во имя народа, но без его активного участия. «Постоянно подчеркивается, что декабристы, будучи дворянскими революционерами, боялись обратиться к народу. Почти никогда не отмечается, что эта субъективная боязнь имела объективную основу. Народ в России в то время не был готов к революции, к восприятию революционных призывов... Те самые, сугубо локальные народные восстания 1818—1820 гг. (особенно донские волнения), которые рассматриваются исследователями как некая «подоснова» движения декабристов, выявили характернейший для России XIX в. факт: сохранение монархических иллюзий, веры в царя в крестьянских массах при откровенной враждебности к дворянству... Такого — полнейшего — разрыва революционеров и угнетенных масс, как в России, не было в первой четверти XIX в. ни в одной втянутой в революционное движение европейской стране. Нигде столь далекими от народа не были революционеры. Нигде столь отсталыми не были массы. Оборотной стороной этой отсталости и была в сущности предельная узость организации и тактики первых российских борцов с самодержавием, прекрасно схваченная в крылатой фразе Грибоедова о «ста прапорщиках», которые захотели перевернуть государственный быт России»[24], — отмечают современные исследователи декабризма.

Однако простые люди России уважительно и сердечно относились к движению и судьбам декабристов. М. Н. Волконская писала: «Здесь кстати упомянуть, как правительство ошибается относительно нашего доброго русского народа.

В Иркутске меня предупреждали, что я рискую подвергнуться оскорблениям или даже быть убитой в рудниках и что власти не будут в состоянии меня защитить, так как несчастные не боятся больше наказаний».

Но, живя среди них, декабристы «видели с их сто-ны лишь знаки уважения»[25].

Об уважительном отношении к декабристам даже стороны каторжан, об их порядочности и честности общали Н. В. Басаргин, М. А. Бестужев и другие ланные.

Восприятие народом событий декабря 1825 г. от-кено в нескольких сибирских вариантах песни «Царя ебуют в сенат». Эти песни передают одни настрое-я и чувства — ненависть народа к помещикам, к про-волу властей, к крепостническому гнету («нам не роги сенаты, сенаторские судьи, из сенату мы пой-м и сенатик весь зажжем»).

О сочувствии судьбам многих декабристов дает едставление песня о молодом майоре и его семье, звестная в Сибири под названием «Молодой казак на ах стоял»:

У двора-то, двора государева,
У столба, у столба дубового,
У колечушка, у злаченного
Прикован сидит молодой майор,
Молодой майор со майоршею.
На часах стоял молодой казак,
Молодой казак — полковой капрал.
Приходила к нему красна девица
Жалобу творить на казаченьку:
— Тебе Бог судья, молодой казак,
Молодой казак, полковой капрал.
Ты зачем заковал мово батюшку
Со родимой моей матушкой?
— Уж ты глупая красна девица,
Неразумная дочь майорская,
Я не сам заковал твоего батюшку
Со родимой твоей матушкой.
Заковал его Шереметев-граф
По приказчику генеральскому,
По указчику государеву[26].

Велик вклад декабристов в развитие русской куль-ры. Их идеи оказали существенное влияние на твор-ство А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова. Среди них мих были известные писатели и поэты, ученые и ху-жники, военные специалисты. В ссылке они не изме-ли своим убеждениям и внимательно следили за бщественно-политическими событиями не только России, но и за рубежом. Декабристы оказали боль-ое положительное влияние на развитие просвещения еди народов Сибири.

Выступление декабристов на Сенатской площади напугало русское самодержавие. Распространяя свою версию о восстании 14 декабря, из которой следовало, что взбунтовалась шайка «мальчишек», «злодеев», правительство на самом деле пережило сильное потрясение. Это состояние хорошо передано в письме Николая I от 28 мая 1826 г. своей матери Марии Федоровне: «...по окончании процесса и по исполнении приговора я прикажу отслужить по всей империи панихиду за упокой душ тех, которые в этот день погибли, спасая престол и государство, а также и молебен, чтобы возблагодарить провидение за то, что оно уберегло нашу империю от опасности, столь же грозной, как и опасность 12 года» [27].

Движение декабристов имеет огромное политическое значение. В истории революционного движения это было первое открытое выступление против самодержавия с оружием в руках. Освещенное политическим сознанием, вдохновленное передовыми идеями эпохи, это движение ставило целью свержение самодержавия и ликвидацию крепостного права. «Оценивая в исторической перспективе шансы декабризма на успех, нельзя, разумеется, забывать о главном. Декабристы, стремясь следовать примеру передового Запада, забегали со своими освободительными планами вперед. Осуществление лозунга «свободы» могло означать в тех исторических условиях только свободу развития буржуазных отношений, а для России... была как раз характерна недостаточная зрелость формационных буржуазных предпосылок. Капиталистический уклад в стране только-только обозначился, третье сословие отсутствовало, крестьянство было проникнуто монархическими настроениями. Гигантскую сложность... представляла в России развязка векового антагонизма крепостного и помещика. И тем не менее определенные шансы ускорить развитие страны у декабристов имелись. К сенату они шли не на простое заклание... Они могли «творить историю» в случае военной удачи» [28].

Лозунги декабристов как завещание были переданы позднейшему революционному движению, традиции декабристского движения оказали важное воздействие на идейное воспитание последующих поколений русских революционеров.

Хотя первая в русской истории попытка открытого силового противостояния с самодержавием потерпела

удачу, выступление декабристов привело к немалым конкретным последствиям. В этом отношении очень тересно мнение декабриста А. М. Муравьева, выска-нное им уже в 50-е годы XIX в.

«Во время производства следствия государь услы-ал много истин, которые остались бы ему неизвест-ими. Страна обязана Тайному обществу опубликова-ем «Свода» наших законов, солдаты — уменьшени-срока службы, бывшей 25 лет. Наказание лицрутенами, практиковавшееся без всякой меры, ине ограничено».

И уж совсем пророчески прозвучало итоговое за-ючение Муравьева: «Мученики полезны для новых одей. Всякая преследуемая истина есть сила, которая копляется, есть подготавливаемый день торжест-»[29].

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Николай I

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

«Апогей самодержавия» — так назвал Николая I ис-орик А. Е. Пресняков. Русский император Николай авлович «считал идеалом своей империи казарму, где е, начиная от министров и генералов, отвечали бы на о приказы только одним словом «слушаюсь»»[1]. Вто-ая четверть XIX столетия — период наивысшего ут-ерждения российского абсолютизма в его военно-юрократической форме — протекала в условиях кри-иса всей феодально-крепостнической системы. Произ-ол, всеобщая ложь, продажность чиновников, внеш-ий эффект — всем этим характеризуется государствен-ое устройство в период правления Николая I.

Николай I родился 25 июня 1796 г., за несколько есяцев до смерти своей великой бабки Екатерины II. Он был третьим сыном Павла I и императрицы Марии Федоровны. Воспитание великого князя было не похо-ее на то, какое получили старшие братья — Александр и Константин: «Он воспитан был кое-как, словом, не по программе Руссо. Третий брат готовил себя к очень скромной военной карьере; его не посвящали в воп-росы высшей политики, не давали ему участия в серь-езных государственных делах»[2].

Главный надзор за воспитанием был поручен гене-ралу М. И. Ламздорфу, человеку жестокому и суровому, не обладавшему должными педагогическими спо-собностями. В целях воспитания он широко практико-вал телесные наказания, которые в ту эпоху был обычным делом в царской семье. В числе преподава-телей были немец Ф. Аделунг, профессор М. А. Балуг-янский, известный экономист А. К. Шторх, но науки, которым Николая начали обучать с шестилетнего воз-раста, не пошли ему впрок. Позже он сам писал о этом довольно просто и ясно: «В учении я видел одн принуждение и учился без охоты»[3]. Будущего само-держца больше всего интересовали военные занятия.

Подрастая, великий князь все более увлекался вое-ной дисциплиной, парадами, маневрами. «Математ

ка, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части»[4],— писал Николай в своих записках. С 1817 г. он командовал гвардейской дивизией и исполнял обязанности генерал-инспектора по инженерной части, где показал себя педантичным начальником и грубым офицером. По свидетельству современников, он знал превосходно все тайны фрунтовой части, был солдат по призванию, по образованию, по наружности и по внутренности. Парадомания и военные экзерциции на всю жизнь остались главной страстью Николая. В 1817 г. Мария Федоровна женила сына. Супругой великого князя стала 19-летняя дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, названная при обручении Александрой Федоровной. Однако привычки Николая и после этого мало изменились. Точность, симметрия, равновесие, порядок, стройность — только это владело умом Николая. Других идей у него не было. Чтобы создать стройный порядок, нужна дисциплина. Армия идеальным образом подходила под эту концепцию будущего императора. Именно в армии он нашел реальное воплощение своей идеи. По прошествии определенного времени, когда Николай получил высшую власть в империи, он начал ее осуществлять, вся материальная и духовная жизнь нации стала подгоняться под военный принцип — строжайшей субординации и дисциплины.

А. И. Герцен в «Былом и думах» так рисует облик нового императора России: «Он был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая на счет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное — глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза. Я не верю, чтоб он когда-нибудь страстно любил какую-нибудь женщину, как Павел Лопухину, как Александр всех женщин, кроме своей жены; он «пребывал к ним благосклонен», не более»[5].

В августа 1826 г. Николай I короновался в Москве, в 1829 г. в Варшаве возложил на себя и польскую корону. Его правление отличалось стремлением решить все задачи страны за счет милитаризации

государственного строя, усиления абсолютизма и мощи верховной власти, политической централизации и регламентации всех сторон общественной жизни. Николая I отличал тот воинственный тон, который он всегда проявлял против любого революционного выступления в Европе, против любого свободомыслия в собственной стране даже при самой умеренной критике существующего строя.

Его царствование началось с расправы над декабристами, с виселиц и ссылок в Сибирь на каторжные работы. На восстание самодержавие ответило усилением военно-крепостнической диктатуры. В стране была проведена военизация ряда звеньев государственного аппарата: министры назначались из генералов, военизировались отдельные ведомства (горное, лесное, путей сообщения); во главе многих губерний были поставлены военные губернаторы; если в 1803 г. из 48 губерний и областей гражданское управление имели 25, то в 1850 г. из 53 (без Финляндии и Царства Польского) — только 12 центральных губерний[6].

В ходе следствия над декабристами был обнаружен целый ряд серьезных недостатков в государственном управлении страной. Декабристы высказали лично государю немало горьких истин о положении в империи. Они указывали на вопиющие злоупотребления бюрократии, на жестокое самоуправство помещиков. При допросах декабристов Николай I приказал делопроизводителю следственной комиссии А. Д. Боровкову составить сводку всех критических замечаний и суждений — позже он пользовался этим материалом как справочным пособием.

После событий 1825 г. на высочайшее имя стали поступать всеподданнейшие записки, составленные различными представителями дворянства. В этих разных по своему содержанию посланиях предлагались проекты желаемых изменений. Представители наиболее реакционных крепостников требовали сохранения дворянских прав над крестьянами и даже отмены административных реформ Александра I. Осторожные противники революционных преобразований предлагали начать постепенное смягчение крепостного права и изменение системы административного и судебного аппарата с целью придания ему организационной стройности и законности его действиям. Наиболее безболезненным и мирным путем они надеялись вывести дворянское государство из состояния усиливающегося кризиса.

Царь и сам понимал необходимость принятия каких-либо мер, которые бы предотвратили возможность нового революционного выступления и помогли укрепить пошатнувшиеся устои самодержавия. Высшие центральные учреждения, скованные бюрократизмом и перегруженные мелочными вопросами, отличались крайней медлительностью в своей деятельности и уступили место комитетам. Немноголюдные, наделенные огромными полномочиями, они объединяли высших сановников (А. Н. Голицына, М. М. Сперанского, М. А. Корфа, А. И. Чернышева, А. С. Меншикова, П. Д. Киселева, Е. Ф. Канкрина и др.) и занимались вопросами разработки оперативного руководства государством.

Опасения правительства, что деятельность отдельных комитетов может вызвать надежды на какие-либо перемены (особенно надежды на отмену крепостного права сверху), определили их секретность. Часть законопроектов, подготовленных и обсужденных в таких комитетах, поступала в Государственный совет или Комитет министров, другие утверждались Николаем I, минуя эти учреждения, третьи вообще не получали никакого движения, отвергаясь самим императором. Характерной особенностью таких комитетов явилось то, что они действовали в узком бюрократическом составе, без привлечения не только широкой общественности, но и широкого слоя чиновников.

Деятельность таких комитетов была недолговечной — от нескольких месяцев до 2—3 лет. Лишь некоторые из них функционировали более длительное время. Николай I создал первый секретный Комитет 6 декабря 1826 г. Работу Комитета возглавил председатель Государственного совета граф В. П. Кочубей, опытный и осторожный администратор (при Александре I он был министром внутренних дел). Активным членом Комитета стал М. М. Сперанский, давно забывший свои конституционные мечтания и ставший убежденным монархистом. Царь обратил свое внимание на его знания и работоспособность, его веру в законодательную деятельность правительства. Император поставил перед Комитетом задачу рассмотреть бумаги Александра I, с тем чтобы определить настоящее положение всех дел государственного управления и решить, что можно оставить положительного и что необходимо изменить в ближайшее время.

Комитет 6 декабря работал до марта 1832 г. В его проектах самодержавие и крепостное право сохранялись незыблемыми. Сословная иерархия приобретала более резко выраженную форму. Предполагалось упразднить положение петровской Табели о рангах о получении дворянского звания по выслуге. Дворянство могло приобретаться только по праву рождения и в силу высочайшего пожалования. Чтобы удовлетворить выдвинувшиеся на государственной службе другие сословия, предлагалось ввести звания «именитые» и «почетные» граждане. К ним относили чиновников, крупных капиталистов, окончивших университет, известных художников. Эти категории граждан освобождались от подушного налога, рекрутского набора и телесных наказаний.

При сохранении крепостного права запрещались перевод крестьян в дворовые и отчуждение их без земли. Кроме того, создавалось новое сословие «вольноотпущенные земледельцы», состоявшее из крестьян, добровольно освобожденных помещиками с землей и без земли.

Предложения о реформе центральных органов власти исходили из идеи разделения властей с целью более четкого размежевания функций между различными ведомствами. Реформы местной администрации сводились к усилению контроля над ней со стороны не только смежных ведомств, но и центральных органов власти. Государственный совет освобождался от груды административных и судебных дел и становился прежде всего органом для обсуждения подготовленных законопроектов. Сенат разделялся на два самостоятельных учреждения: Сенат правительствующий и Сенат судебный. Первый состоял из всех министров и был верховным органом государственного управления, второй становился высшим органом государственной юстиции.

Предлагаемые преобразования были робкой попыткой, не задевая существа феодально-крепостнической системы, приспособить ее к развивающимся буржуазным отношениям. Однако крепостники возражали *против каких бы то ни было изменений.* Сам *великий* князь Константин Павлович был очень недоволен учреждением этого Комитета и «в минуту гнева» назвал даже царя Николая I «якобинцем». Далее, когда Секретный комитет разработал проект преобразований, великий князь Константин «сильнейшим образом

восстал против каких бы то ни было перемен, говоря, что «все это заморские идеи и в России менять нечего; все идет прекрасно» и «не мешало бы русские порядки ввести в чужих краях»»[7].

В условиях народных волнений в стране и восстания в Польше, оппозиционных настроений среди передовой дворянской и нарождающейся разночинской общественности, революций в странах Западной Европы в 1830—1831 гг. царское правительство не мыслило отказываться ни от одного звена старой государственной крепостнической машины. Николай так и не решился утвердить проекты Комитета 6 декабря. «В этом отношении императора к преобразовательным проектам и выразилось основное начало, которым он руководился; он одобрял все хорошие предложения, которые могли поправить дело, но никогда не решался их осуществить. Итак, поддерживать существующий порядок — вот программа нового правительства»[8].

Время правления Николая I характеризуется усилением надзора и контроля над всеми органами власти и созданием для этого новых звеньев управления, которые позволяли правительству более действенно осуществлять регламентацию и опеку над обществом. Поэтому в царствование Николая I появилось большое количество либо новых департаментов в старых учреждениях, либо новых канцелярий и комиссий. Комитеты и комиссии создавались для решения каждого нового государственного вопроса.

Чтобы руководить важными делами, император считал необходимым иметь собственную канцелярию. До этого была небольшая личная канцелярия царя со сравнительно малочисленным штатом чиновников. Теперь Собственная его императорского величества канцелярия настолько разрослась, что стала новым органом власти, позволявшим царю быстро разрешать важнейшие государственные дела. Она состояла из 6 отделений: I Отделение подготавливало бумаги для доклада императору и следило за исполнением его высочайших повелений, II Отделение — для кодификации законодательства — было создано в 1826 г. (под руководством М. М. Сперанского), в том же году возникло III Отделение — орган высшей политической полиции (его возглавлял А. Х. Бенкендорф). Через несколько лет (1828) появилось IV Отделение — для руководства женскими училищами и благотворительными заведениями, V — для проведения реформы государственных

крестьян — возникло в 1836 г., VI Отделение — для рассмотрения вопросов по управлению Закавказьем — было образовано в 1842 г. По структуре и выполняемым функциям эти отделения являлись своего рода министерствами, а некоторые из них в силу близости к императору были более влиятельными — они стояли над министерствами и контролировали работу последних. Каждое из отделений составляло самостоятельное учреждение со своим начальником, функциями, штатом, делопроизводством и личным докладом царю.

Выросло количество разных секретных комиссий и комитетов, которые подчинялись непосредственно императору; они вторгались в работу различных министерств, вносили путаницу в их административную деятельность и приводили к разложению министерской системы управления. При этом Николай I на ответственных постах предпочитал видеть не инициативных государственных деятелей, а аккуратных и послушных чиновников-исполнителей, не имевших собственных взглядов и программ. Эти обстоятельства способствовали тому, что Государственный совет как законодательный орган и Сенат как орган надзора в значительной мере лишились своих функций, которые перешли к личной канцелярии царя, секретным комитетам и комиссиям. Государственный совет в империи не играл, да и не мог играть существенной роли в условиях николаевской государственной системы. В 1847 г. император, касаясь функций Государственного совета, говорил: «Совет существует в моем понимании для того, чтобы добросовестно высказывать мне свое убеждение по тем вопросам, по которым я спрашиваю, ни более, ни менее...» [9]

К середине века придворный императорский штат состоял из 12 первых придворных чинов, 31 — вторых, 125 камергеров и 194 камер-юнкеров, а также включал до 200 женских придворных должностных лиц. Должность статс-секретаря императора теряет свое служебное назначение и превращается в почетное звание. Если в правление Александра I статс-секретарей было 7, то при Николае I их количество достигло 21 человека [10], среди которых были крупнейшие сановники империи — Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, М. А. Балугьянский, А. С. Танеев, В. Н. Панин, барон М. А. Корф, Ф. П. Вронченко и др. Высшие чины армии и флота получали почетные звания генерал-адъютантов, флигель-адъютантов, были людьми, близкими ко двору

и царской семье, выполняли особо важные поручения его императорского величества, оказывали влияние на государственные дела.

Местное управление перестраивалось в меньшей степени по сравнению с центральным. Однако штаты чиновников губернского правления тоже выросли, они утратили свой коллегиальный характер и всецело подчинялись губернатору, власть последнего возрастала. Дворянское самоуправление все более входило в общую систему государственной администрации, возрастали штаты земской и городской полиции, увеличивался их произвол. Бюрократизация провинциальной власти, так же как и центральных органов управления, являлась характерной чертой того времени. Чиновник стал одной из важных фигур в жизни провинции. О российских чиновниках А. И. Герцен писал: «Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме «служения», ничего не знающий, кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых» [11].

За 50 лет — с 1796 по 1847 г. — численность чиновников возросла в 4 раза, а за 60 лет — с 1796 по 1857 г. — почти в 6 раз. Важно отметить, что численность населения за этот период увеличилась примерно в 2 раза. Так, в 1796 г. в Российской империи насчитывалось 36 млн человек, в 1851 г. — 60 млн. Таким образом, государственный аппарат в первой половине XIX в. рос примерно в 3 раза быстрее, чем население [12].

Николай попытался упорядочить русское законодательство (о необходимости этого говорили на следствии декабристы). В начале нового царствования была проведена его кодификация. Эта работа осуществлялась во II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии под непосредственным руководством М. М. Сперанского.

Вылечившись от либеральных затей, Сперанский сохранил трудолюбие своей молодости и выполнил огромную работу по заданной ему программе. Первоначально он поставил перед собой довольно важную задачу — на основе уже существующих законов создать новое действующее законодательство. Но Николай I ограничил его — поручил собрать все известные законы, издать их в хронологическом порядке и выбрать из них действующие.

Сперанский прежде всего из разных канцелярий

и архивов собрал все указы, начиная с Уложения 1649 г. и до последнего указа Александра I. Затем он расположил их в хронологическом порядке и напечатал, дав сборнику наименование «Полное собрание законов Российской империи». Этот сборник, в который вошло 30 920 номеров, составил 45 увесистых томов. Он был опубликован в 1830 г.

В «Своде законов Российской империи», изданном в 1833 г. в 15 томах, Сперанский сделал отбор и произвел классификацию действующих законов. В первых трех томах были изложены основные и учредительные законы, определяющие пределы власти и порядок делопроизводства правительственных учреждений — Государственного совета, Сената, министерств, органов губернского управления и т. д. В следующих пяти томах излагались законы «государственных сил», т. е. средств, которыми питается государство,— законы о государственных повинностях, доходах и имуществе. В 9-м томе содержались законы «о состояниях», т. е. сословиях. В 10-м томе были представлены гражданские и межевые законы. В последующих четырех томах приводились законы «государственного благоустройства и благочиния», т. е. полицейские законы, и в последнем томе содержались законы уголовные.

Если «Полное собрание законов» имело значение историко-юридического источника, то «Свод законов» сделался официальным руководством в практике царского суда и управления.

Кодификация законов нисколько не меняла структуру России, не устраняла произвол, волокиту и коррупцию чиновников, которые именно в николаевское царствование достигли наивысшего расцвета. К середине XIX в. разложение бюрократического аппарата было настолько явным, что это признавали самые преданные сторонники существующего строя. «У нас злоупотребления срослись с общественным бытом, сделались необходимым его элементом,— писал апологет Николая I, бывший добровольный агент III Отделения публицист Н. И. Греч.— Может ли существовать порядок и благоденствие в стране, где из 60 миллионов нельзя набрать 8 умных министров и 50 честных губернаторов, где воровство, грабеж и взятки являются на каждом шагу, где нет правды в управлении?» [13]

Политика правительства с первых дней правления Николая I приняла репрессивный характер. Особое внимание было обращено на расширение полицейского

аппарата. Граф Бенкендорф представил императору записку о реформе полиции, содержание ее сводилось к следующему: «Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции, и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своей честностью и усердием...»[14] Николай увеличил штаты этого ведомства, оставил департамент исполнительной полиции в составе Министерства внутренних дел и особым указом от 3 июля 1826 г. образовал специальное III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, подчинив таким образом эту политическую полицию лично себе.

Бенкендорф был одним из самых ревностных следователей по делу декабристов, к нему весьма благосклонно относился император. Граф стал доверенным лицом царя, представляя ему ежедневные доклады и постоянно сопровождая во всех поездках. Николай I поручил Бенкендорфу возглавить III Отделение.

Одним из главных помощников Бенкендорфа был генерал-лейтенант Л. В. Дубельт. В 1835 г. он занял должность начальника штаба III Отделения, а с 1839 г. стал управляющим этого сыскного органа и членом Главного управления цензуры. Герцен даст следующую характеристику этому приближенному Николая I: «Дубельт — лицо оригинальное, он наверно умнее всего третьего и всех трех отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттененное длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил или, лучше, накрыл все, что там было. Черты его имели что-то волчье и даже лисье, т. е. выражали тонкую смышленость хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость. Он был всегда учтив»[15].

Служебные функции III Отделения были достаточно широкими, а именно: ведение дел высшей политической полиции; решение вопросов по сектам и расколу; осуществление высылки подозрительных лиц; принятие постановлений об иностранцах и поднадзорных лицах; заведование местами заключения; ведение ведомостей о всех происшествиях; обобщение статистических сведений полицейского характера; осуществление контроля за театральной деятельностью в стране.

В 40-х годах III Отделение создает тайную агентуру за рубежом для слежки за политической эмиграцией.

III Отделению был придан корпус жандармов, шефом которого стал тот же Бенкендорф. Несколько позже вся страна была разделена сначала на 5, а потом на 8 жандармских округов, задачи которых состояли в том, чтобы вести наблюдение и слежку за чиновниками и за частной жизнью «прочих обывателей». Это был орган осведомления царя обо всех «происшествиях» в Российской империи. В каждом из этих округов служили жандармские офицеры во главе с генералом.

Сосредоточив в своих руках огромную власть, осуществляя шпионаж и подкуп, действуя с помощью тайных агентов, III Отделение стало, по словам современников, «государством в государстве». Оно развернуло по стране сеть своей агентуры, которая проникала во все слои русского общества и вселяла страх тайными доносами. Многие лучшие люди России стали его жертвами либо оказались под его надзором (среди них были Пушкин, Лермонтов, Герцен и др.). В то же время Николай I говорил, что III Отделение было призвано «утирать слезы вдовам и сиротам».

Политика правительства Николая I была направлена прежде всего на поддержку дворян, на защиту их классовых привилегий. В экономическом и политическом отношениях это сословие продолжало оставаться в стране основной опорой самодержавия. Поэтому не случайно в манифесте от 13 июля 1826 г. Николай I не только называл дворянство «оградой престола», но и призывал его к сотрудничеству и повиновению. Позже он не раз высказывал свое благожелательное отношение к дворянам, называя последних «первейшим сословием», а себя — первым помещиком.

Однако во второй четверти XIX столетия происходил дальнейший процесс дробления дворянских имений, обеднения дворянства и «засорения» его выходцами из других сословий. С 1833 по 1850 г. из 127 тыс. дворянских семей разорились 24 тыс., лишившись земли и крепостных. Вместе с тем в состав дворянства влились выходцы из других сословий; это были в основном представители нарождающейся буржуазии, добившиеся дворянских прав посредством выслуги по Табели о рангах. Задолженности дворян в Опекунском совете и других кредитных учреждениях усиливали этот процесс, в результате потомственные дворяне могли утратить те позиции, которые делали их главной социальной базой самодержавия.

Чтобы не допустить этого, правительство Николая I осуществило ряд мер по улучшению общественного положения благородного дворянского сословия. Они состояли в следующем: обедневшие дворяне наделялись государственными землями; дворянские дети принимались бесплатно в специальные дворянские военные и гражданские учебные заведения. Для дворян сокращались сроки службы при производстве в чины; им выдавались денежные ссуды для поддержки их хозяйственной деятельности. С целью предотвращения дальнейшего дробления дворянских имений законом 1845 г. о майоратах крупным помещикам разрешалось объявлять свои имения заповедными; в этом случае имение навсегда оставалось собственностью данной дворянской семьи.

В 1845 г. были значительно повышены чины, дававшие дворянское звание. Теперь звание потомственного дворянина могли получать чиновники не 8-го, а 5-го класса (или полковники); звание личного дворянина получали чиновники не 12-го, а 9-го класса. Этим ограничивалось число лиц, получавших через выслугу доступ в дворянское сословие.

Одновременно повышались авторитет дворянских собраний и их роль в местном управлении. Для участия в этих собраниях надлежало иметь имущественный ценз, который законом 1831 г. был существенно повышен. Теперь право голоса в собраниях имели только потомственные дворяне не моложе 21 года, имевшие в данной местности недвижимую собственность и соответствующий чин на государственной службе. Дворяне, имевшие в данной губернии не меньше 100 душ крестьян и не менее 3 тыс. десятин земли, пользовались избирательным голосом. Обедневшее дворянство должно было складываться между собой до установленного ценза и избирать своих представителей для участия в голосовании.

Губернские собрания дворян имели право делать представления правительству по делам местного управления. В то же время они были подчинены губернаторам и Министерству внутренних дел. Предводители дворянских собраний являлись теперь крупными чиновниками, а служба по выборам рассматривалась как государственная.

Однако все это не принесло ожидаемого успеха — крепостное помещичье хозяйство переживало стадию разложения. Правительство не могло остановить этот

процесс; принятые им меры только задерживали его. На повестку дня неизбежно вставал главный социальный вопрос — вопрос о крепостном праве.

Новый император вынужден был приступить к решению крестьянского вопроса. Однако, не доверяя общественному мнению, его правительство обсуждало эту насущную проблему тайно от общества, в секретных комитетах, чисто бюрократическими средствами. Таких комитетов, состоявших из крупных чиновников и крепостников, за два десятилетия было создано около 10, что свидетельствовало о том, насколько остро стоял в то время крестьянский вопрос.

Чтобы прекратить разговоры крестьян о скором освобождении, Николай I в начале своего царствования издал манифест, в котором прямо заявил, что в положении крепостных крестьян не будет сделано никаких перемен. Вместе с тем секретно через губернаторов он рекомендовал помещикам соблюдать «законное и христианское» обращение с крестьянами.

По данным 8-й ревизии (1836), в европейской части России (без Царства Польского и Финляндии) численность населения достигала 52 млн человек. Из этого числа крепостных крестьян (принадлежавших дворянам, некоторым благотворительным и учебным заведениям, частным фабрикам и заводам) было около 25 млн. Правительственное законодательство по крестьянскому вопросу имело своей целью в некоторой степени уменьшить зависимость крепостных крестьян от помещиков.

Правительством Николая I был принят ряд мер (издано более 100 указов) по ограничению власти помещиков над их крепостными. Законом 1827 г. запрещалось отдавать крестьян на заводы. Право помещиков ссылать крестьян в Сибирь по своему усмотрению было отменено годом позже. Продавать крестьян с публичного торга с раздроблением их семей, дарить их или платить ими частные долги запрещал закон 1833 г. Не имевшие владений дворяне с 1841 г. не могли покупать крестьян без земли. С 1845 г. помещикам было разрешено по обоюдному договору отпускать дворовых без земли. По закону 1848 г. крестьяне получали право с согласия помещиков приобретать недвижимую собственность. И наконец, в 1845—1846 гг. юридическим путем были определены нормы наказаний крестьян помещиками. Все эти меры лишь регламентировали в какой-то степени крепостное право и нередко носили рекомендательный характер.

Из многих секретных комитетов по делам крестьян рекомендации только двух заслуживают внимания — это комитеты 1835 и 1839 гг. Первый из них — секретный Комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий — осторожно сформулировал задачу «нечувствительного возведения крестьян от состояния крепостного до состояния свободы». Процесс этого освобождения Комитет рекомендовал осуществить в три этапа. На первом этапе работа крепостных на своего владельца ограничивалась тремя днями в неделю (этим лишь восстанавливался закон Павла I 1797 г.). На втором — за крестьянами закреплялась земля, а их работа на помещика четко фиксировалась законом. На третьем этапе земля оставалась собственностью помещика, а крестьяне, получив право свободного перехода от одного владельца к другому, могли арендовать ее на определенных условиях по договору с помещиком. Освобождение крестьян затягивалось, таким образом, на неопределенное время и заканчивалось их безземельным выходом на свободу. Деятельность этого Комитета закончилась безрезультатно.

В Комитете 1839 г. большую роль играл видный государственный деятель, член Государственного совета граф П. Д. Киселев. Он принимал участие в Бородинском сражении и в заграничных походах русской армии. У него были тесные отношения с декабристами Южного общества, но в их организацию он не входил. Декабристы хотели видеть его во Временном революционном правительстве. Образованный и либеральный для своего времени человек, он никогда не выходил за рамки официальной идеологии.

Киселев был сторонником отмены крепостного права. Поэтому в Комитете он предложил для начала проект закона, по которому помещики оставались бы собственниками земли, но при освобождении крестьян обязательно наделяли бы их определенным наделом за выкуп и строго фиксированные повинности (от которых крестьяне не могли отказаться вплоть до полного выкупа). Реакционные члены Комитета резко выступили против обязательности такого закона.

В результате правительство пошло на уступки и приняло указ от 2 апреля 1842 г. об «обязанных крестьянах». При этом указ 1803 г. «о вольных хлебопашцах» не отменялся, но помещикам разрешалось по их желанию заключать со своими крестьянами по

взаимному соглашению договоры, по которым помещики сохраняли право вотчинной собственности на землю, а крестьяне получали от них участки земли за установленные повинности. Указ носил рекомендательный характер. Его практическое значение было невелико, поскольку он не ликвидировал зависимость крестьян от помещиков, которые сами устанавливали норму земельного надела и объем повинностей. До реформы 1861 г. освобожденных по этому указу «обязанных крестьян» насчитывалось несколько более 27 тыс. душ мужского пола.

В западнорусских губерниях помещиками в основном были поляки, находившиеся в оппозиции к русскому правительству. Последнее стремилось заручиться поддержкой украинского и белорусского крестьянства. Поэтому крестьянский вопрос решался там несколько по-другому. С 1844 г. начали составляться «инвентари», в которых описывались помещичьи имения с четким указанием размеров крестьянских земельных наделов и выполняемых ими повинностей, которые впредь нельзя было изменять. В Киевском генерал-губернаторстве эти «инвентари» были введены в 1847 г. Реформа вызвала недовольство как помещиков, которые были против регламентации своих прав, так и крестьян, чье положение нисколько не улучшилось. Дальнейшего распространения инвентарная реформа не получила.

В конце 30-х годов XIX в. была проведена реформа в государственной деревне — наиболее значительное мероприятие правительства. Государственные крестьяне юридически являлись свободными, но, выполняя повинности в пользу государства, находились от него в полной зависимости. По данным 8-й ревизии, их насчитывалось 7,8 млн душ мужского пола, т. е. 34% всего податного сельского населения. Они находились в ведении Министерства финансов и рассматривались как один из источников доходов государства. Положение их было тяжелым, среди них нередко вспыхивали волнения.

Правительство решило провести реформу государственной деревни с целью поднять благосостояние крестьян, сделать их исправными налогоплательщиками подать пример помещикам в деле улучшения их управления собственными деревнями. Для подготовки проведения реформы государственных крестьян указ от 29 апреля 1836 г. было учреждено V Отделение

Собственной его императорского величества канцелярии во главе с генерал-адъютантом П. Д. Киселевым.

Для более оперативного решения всех вопросов, связанных с государственными крестьянами, в 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ (его 18 лет возглавлял все тот же Киселев). Учреждением этого министерства осуществлялась одобренная еще Комитетом 6 декабря 1826 г. мысль М. М. Сперанского, что «одним из первых и надежнейших средств для улучшения состояния помещичьих крестьян должно быть учреждение лучшего хозяйственного управления для крестьян казенных, которое могло бы послужить образцом для частных владельцев» [16]. Создавалась громоздкая структура управления нового ведомства: в губерниях — палаты государственных имуществ, в округе — окружные начальники со штатом чиновников, в волости — волостные правления с судебными управами, в сельских обществах — старшины, сотские и десятские. Вся тяжесть содержания вновь созданного бюрократического аппарата ложилась на плечи крестьян.

Для улучшения положения государственных крестьян были осуществлены следующие полезные мероприятия: малоземельные крестьяне наделялись землей (соответствующий земельный фонд создавался путем переселения крестьян на новые земли). Было пересмотрено обложение податями в соответствии с местными хозяйственными условиями; учреждены вспомогательные ссуды для мелкого кредита крестьянам; расширена сеть запасных магазинов на случай неурожаев. Принимались некоторые меры по созданию в деревне медицинских и ветеринарных пунктов, увеличению сети низших школ, пунктов по пропаганде агрономических знаний. Однако вследствие чрезмерной бюрократизации и централизации в государственные деревни пошел поток ненужных инструкций, указаний и рекомендаций; они не учитывали местных условий, сбивали с толку земледельцев и только мешали им спокойно трудиться.

Шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф во всеподданнейшем отчете о деятельности III Отделения за 1842 г. писал: «Теперь остается решить: улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового попечительства. Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошедшем году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской

и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под влиянием земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то по крайней мере не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне на счет крестьян живут десятки чиновников»[17]. Если даже учесть, что в ряде случаев волнения крестьян были вызваны принудительными посадками картофеля, о чем умалчивает Бенкендорф, то в целом оценка шефа жандармов правильна. Рост аппарата по управлению государственными крестьянами привел к умножению чиновничества*. В записке на имя Николая I генерал-адъютант Н. Кутузов писал, что это было вредным средством, чиновничество «в России... губило и губит империю»[18].

Государственная деревня ответила на реформу массовыми выступлениями, особенно на Урале и в Поволжье.

В целом правительство Николая I не смогло развязать главный узел социальных противоречий в деревне — покончить с системой крепостнических отношений. Положение как помещичьих, так и государственных крестьян не было серьезно улучшено. То, что император до 1848 г. думал об отмене крепостного права, понимая, что оно является пороховым погребом под государством, и возлагал большие надежды на перевод крестьян в обязанные, говорит о серьезности этого намерения Николая. Но реформы, проводимые его правительством, приводили к противоположным результатам.

Финансовая политика во время правления Николая I также носила консервативный характер — она диктовалась интересами государственного бюджета. За период с 1825 по 1854 г. государственные расходы увеличились со 115 до 313 млн руб. в год, а доходы — со 110 до 260 млн руб. За это время численность армии и флота возросла почти на 40%, а ежегодные расходы на их содержание увеличились на 70%. Покрытие по-

* Из департамента Министерства финансов выросло три департамента, несколько канцелярий, полсотни палат, сотни окружных управлений. Вместо прежних 120 управлений по государственным крестьянам появилось более 1500 (см.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 111—112).

стоянного дефицита бюджета было главной заботой правительства.

Министерство финансов с 1824 по 1844 г. возглавлял граф Е. Ф. Канкрин. Он был родом из Ганау (близ Франкфурта-на-Майне). В Россию приехал в 1796 г. Будучи опытным политиком и осторожным финансистом, Канкрин своей главной задачей считал поддержание выгодного торгового баланса и увеличение доходных статей бюджета. Это достигалось повышением прямых и косвенных налогов, протекционистским тарифом, восстановлением питейных откупов. В 1839 г. была введена главная монета — серебряный рубль и осуществлен выпуск кредитных билетов, которые свободно обменивались на серебро. На некоторое время правительство стабилизировало денежную систему, но из финансового кризиса выйти не смогло.

Е. Ф. Канкрин был человеком широко образованным в области экономических вопросов. Современники отмечали, что он был человеком, выходящим «из ряда обыкновенных по уму, по сердцу и образу жизни». За известную независимость его не любили при дворе, но с именем Канкрина связаны и упорядочение государственного бюджета, и денежная реформа начала 40-х годов, и организация промышленных выставок, и создание высших технических учебных заведений; возглавляя работу министерства, он по мере возможности пытался бороться с хищениями и злоупотреблениями чиновников своего ведомства. Но таких людей в николаевское царствование было не много. После смерти Канкрина пост министра занял Ф. П. Вронченко, недалекий, неумный человек, который не имел ни одного из тех качеств, какие необходимы были в занимаемой им должности. Но Вронченко обладал тем достоинством, которое для Николая было наиболее ценным,— он был чрезвычайно послушен. Вронченко сменил Брок, обладавший тем же качеством[19]. Императору, писал член Государственного совета барон М. А. Корф, «как он неоднократно выражался, нужны люди не умные, а послушные». Во второй половине своего царствования Николай I становится особенно нетерпимым к чужому мнению, собственные суждения рассматриваются им как истина в последней инстанции, а иная точка зрения представляется как проявление крамолы в различных видах.

Самодержавие считало бюрократию своей главнейшей опорой, поддерживало и охраняло ее преданность

существующему строю. Но для высшей бюрократии времени Николая I было характерно почти полное отсутствие умных, волевых людей. М. А. Корф в дневнике за 1838 г. писал о Государственном совете: «...при необходимой надобности подкрепить Совет еще несколькими новыми членами... мы с графом Васильчиковым (председатель Государственного совета и Комитета министров.— *Авт.*) прошли на днях весь Адрес-календарь и не нашли никого, кто мог бы настоящим образом годиться и быть полезен в этом звании. Бедность в людях ужасная и не только в таком высшем разряде, но и в должностях второстепенных» [20].

Император, по мнению русского историка Н. А. Рожкова, «по-своему была цельная и яркая личность. И эта цельность и яркость была результатом того, что все в ней окрашивалось в один цвет одним господствующим чувством — сильно развитым инстинктом самосохранения. Лучшим средством самосохранения Николаю I казались порядок, дисциплина, безусловное повиновение. В сущности и его властность не была властолюбием, любовью к власти, а средством оградить себя от опасности... Воспитывать дисциплину, порядок, повиновение, по его мнению, могла лишь военная служба... По собственным словам Николая, его привлекали к военной службе «порядок, никакого всезнайства и противоречия, подчинения единой цели»» [21]. Но общеизвестна тяжелая участь николаевского солдата, ставшая нарицательной. За 25 лет в армии умерло от болезней 1 062 839 нижних чинов. В то же время цифры отчета Военного министерства «Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г.», составленного в связи с празднованием 25-летия царствования Николая I, свидетельствовали, что в сражениях русско-иранской войны 1826—1828 гг., русско-турецкой войны 1828—1829 гг., кавказских войн, а также во время подавления восстания в Польше в 1831 г., в интервенции в Венгрии в 1848 г. было убито 30 233 человека. По подсчетам историка П. А. Зайончковского, из состоявших в армии 23 604 407 солдат за указанный период от болезней умерло 40,4% наличного состава нижних чинов, т. е. за 25 лет «благополучного царствования» (так названо в обозрении время правления Николая I) любимое детище императора — армия выглядела следующим образом: из пяти прошедших на службу солдат двое умирали [22].

Армия была нужна Николаю I как для внешних войн, так и для подавления смут внутри империи.

Польский вопрос был одним из мучительных для императора, который знал, что поляки не были удовлетворены конституцией 1815 г. и мечтали о присоединении к Польше других областей, прежде всего Литвы. Во время коронации и присяги Николая I в Варшаве в мае 1829 г. сенаторы, купцы и депутаты от воеводств хранили молчание. На открывшемся через год сейме русский император произнес речь, из которой поляки поняли, что о воссоединении западных областей России с Польшей не может быть и речи.

Революционное движение в Польше возглавило польское дворянство. Восстановление государственной самостоятельности, выход из-под гнета российского самодержавия и восстановление Польши в границах 1772 г. (до первого раздела) были программой развернувшегося движения.

29 ноября 1830 г. группа младших польских офицеров ворвалась в резиденцию Константина с целью убить российского наместника, но ему удалось скрыться. Рабочие, студенты, овладев арсеналом, начали вооружаться. Было образовано Временное правительство, формировалась повстанческая армия. 25 января состоялась детронизация (лишение Николая I престола). Польский сейм провозгласил в тот же день независимость Польши.

Усмирять восставших поляков царь отправил армию в 120 тыс. человек под командованием Дибича, польские войска насчитывали около 50—60 тыс. Первое сражение под Сточком 14 февраля 1831 г. окончилось победой польских войск. Однако силы были неравны. 25 февраля под Гроховом польские войска пытались остановить наступление Дибича на Варшаву. Длившееся целый день сражение окончилось поражением поляков. 26 мая при Остроленке польские войска потерпели еще одно крупное поражение и отступили к Варшаве. Умершего от холеры Дибича заменил граф Паскевич. 7 сентября начался штурм Варшавы, а на следующий день царская армия вступила в город. Восстание было подавлено. Началась расправа с побежденными.

В ноябре 1831 г. Николай I учредил Временное правительство Польши во главе с Паскевичем. Русский император уничтожил польскую конституцию. В феврале 1832 г. был опубликован Органический статут. Согласно ему, Царство Польское объявлялось неотъемлемой

частью Российской империи, а польская корона — наследственной в русском императорском доме: отдельной коронации императора теперь не требовалось. Управление Польши возлагалось на Административный совет с наместником императора во главе. Сейм был уничтожен. Польскую конституционную хартию Николай приказал хранить в Оружейной палате как историческую реликвию.

Польское восстание потерпело поражение, так как не имело серьезной поддержки ни внутри страны, ни за ее пределами. Социальные задачи преобразований — облегчение положения крестьян, уничтожение крепостного гнета — не выдвигались, и тем самым революция не нашла действенной поддержки у городских и крестьянских масс. В то же время европейские государства (Австрия и Пруссия), напуганные требованием восстановления Польши «от моря до моря», развязали русскому императору руки в подавлении восстания. Разоружая польских революционеров на своих территориях, они выдавали их царскому правительству.

Русское дворянство сочувствовало карательной политике Николая. Император торжествовал, что на сей раз нашел поддержку своей программы.

Революционные потрясения 1848—1849 гг. в Западной Европе вызвали дальнейшее усиление реакции в России. В поднимавшейся волне народного недовольства правительство видело влияние западноевропейских революционных событий и стремилось предотвратить возможность революционного взрыва в России суровыми репрессивными мерами.

Охранительная политика Николая I сопровождалась стремлением поставить под свой контроль просвещение и воспитание юношества. В мае 1826 г. был создан Комитет по устройству учебных заведений. Перед ним ставилась задача проверить все уставы учебных заведений и установить единые принципы просвещения. В частности, он должен был определить перечень учебных дисциплин и набор книг, по которым надлежало преподавать эти дисциплины. Указанная программа уточнялась рескриптом Николая I от 19 августа 1827 г., в соответствии с которым «предметы учения и самые способы преподавания» должны были быть «соображаемы с будущим предназначением обучающихся». При этом имелось в виду, чтобы учащийся в будущем «не стремился через меру возвыситься над тем состоянием, в коем суждено ему оставаться».

На протяжении четверти века низшие и средние учебные заведения в России жили по уставу 1803 г. В 1828 г. был утвержден новый устав для этих школ. Он по-прежнему сохранил три ступени школы, но резко разделил их по сословному составу учащихся. Теперь в приходские одноклассные училища принимались дети самых низших состояний, уездные трехклассные училища предназначались для подростков городского недворянского населения, семиклассные гимназии — для детей дворян и чиновников. При гимназиях открывались дворянские благородные пансионы с преподаванием музыки, фехтования, искусства танца. Гимназии готовили учащихся для поступления в университеты. Во всех учебных заведениях особое внимание обращалось на религиозное и нравственное воспитание учащихся.

Претворение в жизнь принятой системы обучения было возложено на министра народного просвещения графа С. С. Уварова, управлявшего этим ведомством с 1833 по 1849 г. Прослужив около десяти лет в Министерстве иностранных дел, он в 1810 г. оставил дипломатическую службу и занял должность попечителя С.-Петербургского учебного округа, исполнял которую 11 лет. Затем в 1818 г. Уваров назначается президентом Академии наук. С 1828 г. Министерству народного просвещения подчинялось также и Главное управление цензуры. Таким образом, в руках министра была сосредоточена большая власть — он «опекал» просвещение, науку и печать. В молодости граф придерживался либеральных взглядов, был членом литературного кружка «Арзамас», а теперь верой и правдой служил монарху. Герцен, знавший его по университету, иронически называл его «Прометеем наших дней», с той большой разницей, что в отличие от древнегреческого титана «он свет крал не у Юпитера, а у людей» [23].

Уваров был автором пресловутой теории официальной народности. Сущность ее состояла в том, что Россия есть особое государство и особая национальность, она отличается от Европы всеми чертами своего национального быта и государственного устройства. В ней одной господствует истинный порядок вещей, отвечающий требованиям религии и политической мудрости. Утверждалось, что общественный строй России является идиллически-патриархальным и наилучшим образом соответствует интересам и характеру русских людей. Апологеты этой теории

•бходили вопрос о крепостном праве, которое сам Николай I считал злом, однако тут же уточнял, что устранение его было бы «злом еще более гибельным».

В 1835 г. было введено новое положение об учебных округах. Управление ими перестраивалось на принципах бюрократической централизации. Значительно расширялись права попечителя. Ему непосредственно стали подчиняться все учебные заведения округа. Заново рассматривались и утверждались Министерством просвещения программы по всем предметам. Из них изымались логика и статистика, сокращалось преподавание математики. В последние годы царствования Николая I попечителями отдельных учебных округов стали назначаться генерал-губернаторы — правительство считало, что они лучше выполняют указания.

В том же году был объявлен новый устав университетов. Последние ставились в подчинение попечителям, в силу чего практически теряли свою автономию. За советами университетов оставалось право выбирать ректора, деканов и профессоров, но министр просвещения мог не утвердить избранных и назначить своих кандидатов на эти должности. Уничтожался университетский суд, разрешавший внутренние вопросы. Жизнь в университетах строго регламентировалась, преподаватели и студенты находились под негласным надзором. Вводились должности инспектора и его помощников, исполнявших чисто полицейские функции. Студентов, нарушавших дисциплину, сажали в карцер, исключали из университета и даже отдавали в солдаты. Снижался уровень университетского образования. Из учебных программ были исключены естественное право и философия, а учеба на медицинском и юридическом факультетах все больше носила прикладной характер.

Но даже при самой строгой регламентации общественной науки нельзя было остановить дальнейшего распространения образования — стране нужны были чиновники, инженеры, агрономы, врачи и учителя. Поэтому в первой половине столетия число гимназий возросло с 48 до 74, а общее число учащихся в них — с 7 до 18 тыс. человек. В Петербурге были открыты Технологический институт, Высшее училище правоведения, Строительное училище и восстановлен Главный педагогический институт. Строительный, Горыгорецкий земледельческий и Межевой институты, школа

технического рисования начали функционировать в Москве.

Особое внимание Николая I привлекали военно-учебные заведения. Были учреждены Военная и Морская академии, вновь открыты 11 кадетских корпусов. В них господствовала внешняя сторона преподавания, пренебрегавшая общим образованием и мало готовившая учащихся к самостоятельным действиям в военное время.

Д. А. Милютин, назначенный в 1845 г. для наблюдения за практическими военными занятиями кадет в лагере, убедился, что этому не придавалось серьезного значения. «Строевое начальство,— пишет он,— смотрело неблагосклонно на означенные «практические» занятия, отнимавшие время от строевых учений, гораздо более заботивших и батальонных командиров, и самого начальника отряда»[24]. Характеризуя Николая I как военачальника, генерал А. Э. Циммерман писал: «Главным пороком его, конечно, была шагистика, неудержимая детская страсть играть в солдатики. Он бывал несправедлив, мелок, придирчив... за какие-нибудь фронтовые ошибки не щадил в таких случаях ни заслуг, ни лет»[25]. Все было подчинено лишь внешнему эффекту.

Репрессивный характер политики, проводимой правительством Николая I, ярко проявился в его отношении к печати и литературе. Одним из действенных средств в руках правительства была цензура. В 1826 г. был издан цензурный устав, составленный и проведенный в жизнь А. С. Шишковым, занимавшим в то время должности министра народного просвещения и управляющего делами иностранных исповеданий. По этому уставу высшей цензурной инстанцией являлся Верховный цензурный комитет, состоявший из министров народного просвещения, внутренних и иностранных дел. Ему были подчинены цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Дерпте и Вильне. Устав содержал 230 параграфов и был настолько мелочен и суров, что сами цензоры назвали его чугунным. Один из них справедливо говорил, что исходя из этого устава можно и молитву «Отче наш» истолковать якобинским наречием.

В 1828 г. появился новый, более смягченный цензурный устав, построенный на том принципе, что цензура не должна давать «какое-либо направление словесности; она долженствует только запрещать издание

или продажу тех произведений словесности, наук и искусств, кои вредны в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан»[26]. В то же время цензуре придавались полицейские функции — о всех запрещенных сочинениях надлежало сообщать соответствующему начальству, чтобы ставить авторов под надзор полиции.

По уставу 1828 г. Главное управление цензуры подчинялось Министерству народного просвещения. Это управление состояло из президентов академий наук и художеств, товарища министра народного просвещения, представителя III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, попечителя С.-Петербургского учебного округа и нескольких членов из других министерств. Главному управлению цензуры были подчинены цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве, Одессе и Тифлисе, состоявшие из цензоров под председательством попечителя учебного округа. В ведении комитетов находилась цензура всех внутренних и иностранных изданий. Основание новых периодических изданий требовало высочайшего разрешения. Помимо общей цензуры устав положил начало множественности цензуры. Издания духовного содержания контролировались Святейшим синодом, медицинские журналы и книги подвергались цензуре Медицинской академии. III Отделение не пропускало мимо своего внимания ни одного запрещенного сочинения, ни одного автора, замеченного в крамоле. Ряд общественно-политических изданий был закрыт в 30-е годы: среди них — «Европеец» П. В. Киреевского, «Московский телеграф» Н. А. Полевого, «Телескоп» Н. И. Надеждина, «Литературная газета» А. А. Дельвига.

Созданный в феврале 1848 г. секретный комитет имел целью прочитывать все произведения литературы и докладывать о их содержании лично императору, который сам выносил приговор. Все университеты стояли на пороге закрытия. Уваров, выступивший со статьей в их защиту, заменяется на посту министра просвещения П. А. Ширинским-Шихматовым. Принимаются меры к прекращению связей с Западной Европой. Однако самодержавие было не в состоянии остановить распространения демократических идей в России.

В царствование Николая I русская литература пережила тяжелые времена, но задавить ее было нельзя.

Несмотря на полицейскую цензуру, именно во время мрачной реакции она приобрела огромное значение.

Далеко не простым было отношение Николая I к А. С. Пушкину. Император, конечно, понимал, что Пушкин — национальная гордость России. В то же время государь не мог смириться с мятежным духом поэта, с его приверженностью к свободе. Поэтому Николай I старался, с одной стороны, держать Пушкина в дозволенных рамках (предписанных III Отделением), а с другой — пытался демонстрировать ему свою благосклонность (в частности, в вопросах материальной помощи), чтобы сделать его, по примеру В. А. Жуковского, придворным поэтом, воспевающим непреклонную «доблесть» монарха.

В отношениях между царем и поэтом помимо своего желания определенную роль играла Наталья Николаевна, жена Пушкина. Она была одной из первых красавиц Петербурга. Известный пушкинист П. Е. Щеголев писал о ней: «Можно было бы привести длинный ряд современных свидетельств о светских успехах Н. Н. Пушкиной. Все они однообразны: сияет, блистает, поразительная красавица и т. д. Но среди десятков отзывов нет ни одного, который указывал бы на какие-либо иные достоинства Н. Н. Пушкиной, кроме красоты. Кое-где прибавляют: «мила, умна», но в таких прибавках чувствуется только дань вежливости той же красоте. Да, Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств». Покидая свою жену, Пушкин всегда пребывал за нее в беспокойстве... Еще сильнее волновало и беспокоило Пушкина опасение, как бы его жена не зашла далеко в своем кокетстве. «Ты виновата кругом... кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом... Не стращай меня, не кокетничай с царем...» — такими фразами пестрят письма Пушкина. И далее. «Кокетничать я тебе не мешаю,— обращался Пушкин к жене,— но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к тону, а к чему-то уже важнейшему» [27].

Чтобы приблизить Пушкиных ко двору, Николай I пожаловал поэта званием камер-юнкера. Это было самое низкое придворное звание — оно обычно давалось молодым людям из высшей аристократической среды. 1 января 1834 г. Пушкин записал в своем дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что

довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» *.

Однако через несколько месяцев иронический отзыв Пушкина об этой царской милости стал одним из поводов для довольно серьезного инцидента. В апреле 1834 г. поэт написал большое письмо жене, находившейся в это время в Москве. В письме имелся шутливый (хотя, к счастью, вполне благонамеренный!) отзыв о Николае, который, писал поэт, «упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого (царя.— *Авт.*) не желаю; от добра добра не ищут» [28].

Письмо было на Московском почтамте перлюстрировано, доложено царю и пошло по рукам в Петербурге. Известие о том, что его, глубоко личное, письмо любящего мужа попало в чужие руки, вызвало у Пушкина взрыв гнева. Чувства свои он смог выразить в своем сокровенном дневнике, процитировав известные слова Ломоносова: «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудрено быть самодержавным» [29].

Конфликт был улажен только с помощью Жуковского.

Бесконечно много разнообразных суждений о роли жены Пушкина в его жизни и гибели. Сколько раз грешили исследователи и литераторы излишне детальным погружением в семейные тайны Пушкина, то обвиняя Наталью Николаевну с жестокостью, лишенной всякой объективности, то защищая столь рьяно, что образ ее лишался при этом обычных человеческих черт. Здесь не может быть окончательного приговор

---

* Приводя эту очень известную запись из дневника поэта, обы
но не говорят о другой: «Меня спрашивали, доволен ли я мо
камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намере
отличить меня, а не сделать смешным,— а по мне хоть в камер-па
только б не заставили меня учиться французским вокабулам и ар
метике» (*Пушкин А. С.* ПСС. Т. VIII. С. 27).

Нельзя забывать главное: один судья был вправе судить ее — сам поэт. Самым правильным, наверное, является суждение А. А. Ахматовой: «Если бы Пушкину предложили на выбор, или — первое: не ковыряться в его интимных отношениях с Натальей Гончаровой, потребовав с него за это полного отречения от всей литературной деятельности, отказаться от всего, что он написал; или — второе: сделать все так, как случилось с Пушкиным, т. е. Пушкин — великий поэт, и исследователи ковыряются бесстыдно в его интимной жизни — Пушкин, не задумываясь, выбрал бы первое: отрекся бы от всего, что написал, чтоб только умереть спокойно в уверенности, что никто никогда не будет ковыряться в его интимной жизни — с радостью бы согласился умереть в полной безвестности» [30].

Пушкин до последнего дня высоко держал голову перед всесильным монархом. В известном стихотворении он писал:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал [31].

* * *

Время Николая I историки называют периодом «апогея» русского самодержавия. И тем не менее при всем его кажущемся могуществе и уж совсем несомненной сильной воле он не смог решить во внутренней политике большинства важнейших проблем, которые выдвигала жизнь.

В чем же здесь дело? Ведь как показывает практика создания многочисленных секретных комитетов, Николай хорошо сознавал необходимость отмены крепостного права и модернизации России в целом. В последних разработках отечественных историков ответ дается такой: Николай, отстранив общество от участия в реформе, избрав тайный путь, заранее обрек дело на неудачу. Действия царя ярчайшим образом показали «историческую обреченность авторитарной системы

правления, не способной обеспечить прогресс общества, не отрекшись от самой себя... Почему сильная, неограниченная, авторитарная власть, опиравшаяся на мощную бюрократическую машину, не смогла осуществить то, в необходимости и жизненной важности чего она была убеждена?

Да потому, что для этого она должна была перестать быть самой собой или по крайней мере стать на путь к этому»[32].

Понадобились новые удары, провалы во внешней политике, где крепостнической России приходилось соперничать с передовыми капиталистическими державами, чтобы самодержавие после поражения в Крымской войне стало гласно решать крестьянский вопрос и реформировать Россию. А пока курляндский губернатор П. А. Валуев, один из умных представителей царской бюрократии, писал о состоянии государственного управления России: «Отличительная черта его заключается в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям и пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм составляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты: везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется — если не вдруг, то по крайней мере постепенно — должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, и — редко где окажется прочная плодотворная почва. Сверху блеск, а внизу — гниль»[33].

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Во второй четверти XIX в. Россия оставалась аграрной страной с преобладанием деревни над городом и крестьянского сословия над другими слоями общества. В погоне за повышением доходности своих имений владельцы мелких и даже крупных хозяйств отбирали у своих крестьян полевые и сенокосные угодья, а их самих превращали в дворовых или заставляли обрабатывать барское поле. Все это вело к обезземеливанию крестьян и усилению крепостнической эксплуатации.

Подневольная работа способствовала упадку производительности крестьянского труда. Крепостные отбывали постылую барщину неохотно, плохо обрабатывали барское поле. Помещики в свою очередь усиливали систему надзора и наказаний. Отношения между крестьянами и помещиками становились все более напряженными, росла взаимная ненависть.

Как следствие крепостной системы, происходило обнищание крестьянства, возрастала его полная безысходность в неурожайные годы. Упадок крестьянского хозяйства в условиях крепостного строя неизбежно отражался на доходности хозяйств самих помещиков.

Отдельные представители помещиков считали своевременным отмену крепостного права. Однако большинство дворян были убежденными крепостниками, привыкшими к использованию дарового труда. Они в своей повседневной жизни тратили больше, чем получали от хозяйства, что вынуждало их прибегать к денежным ссудам под залог своих земель и крестьян.

Многовековая история крестьянства в России немыслима без понимания роли сельской общины. К оценке ее положения в эпоху крепостничества ученые подходили по-разному, но почти все придерживались мысли о древности происхождения общины, признавая, что вотчинное право оказывало существенное давление на сельскую общину, подчиняя ее землевладельцу.

Сущность сельской общины заключалась в ее общественном и хозяйственном дуализме. Разумеется, на протяжении многовекового существования и развития феодальных отношений сельская община не оставалась неизменной.

На всех этапах своей истории она являлась организацией мелкого производителя-крестьянина, препятствовавшей силой своего существования крайним проявлениям власти феодалов, порой приходивших к мысли о доведении крепостного крестьянина до рабского состояния в полном смысле этого понятия[1].

Развитие новых капиталистических отношений в стране выдвинуло на первый план главный и основной вопрос — об уничтожении всей крепостнической системы, о ликвидации крепостной неволи. «Народ был уже не тот, что двадцать — тридцать лет назад»,— отмечали современники.

Чем глубже становился кризис крепостнического строя, тем настойчивее вставали перед современниками новые проблемы. Неизбежно возникали вопросы о путях дальнейшего развития России: в каком направлении оно пойдет, каковы его движущие силы, какими методами и средствами оно будет осуществляться?

Попытки ответить на жгучие вопросы современности, обосновать новую теорию развития, которая осветила бы путь в будущее, стали характерным содержанием общественного движения и идейной борьбы в России после восстания декабристов.

Наряду со всеобщей регламентацией и полицейской опекой общественной и частной жизни правительственный аппарат Николая I проповедовал среди нар консервативную идеологию. Она выражалась в фор ле С. С. Уварова «самодержавие, православие, нар ность», и задача ее состояла в том, чтобы удерж веру в начала самодержавия и православия в нар то есть в массе патриархального крестьянства. Б ным составляющим этой формулы было самодер вие, объявлявшееся основным устоем русской жи способным обеспечить мощь и величие России. О вой духовного самосознания русского народа об лялось православие. Православная церковь все подчинялась светской власти. В понятие «народно вкладывалось отсутствие социальных противоре в обществе, всеобщее единство народа, его един с царем. Это понятие содержало в себе также патриар

хальность русского общества, послушание и приверженность основным устоям государства.

Видными защитниками теории официальной народности были консервативные журналисты Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч.

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859)— весьма одиозная фигура русской журналистики. Поляк по происхождению, он окончил кадетский корпус, после чего служил в лейб-гвардии уланском полку, с которым участвовал в походах русской армии 1805—1807 гг. По возвращении в Россию был арестован, затем переведен в армейский драгунский полк, стоявший в Финляндии. Отсюда он бежал в Варшаву и вступил в польский легион, входивший в армию Наполеона. С этим легионом участвовал в Итальянском и Испанском походах французской армии 1809—1811 гг. В 1812 г. находился во французском корпусе маршала Удино, действовавшем в Литве и Белоруссии против русской армии Витгенштейна. В 1814 г. во Франции был арестован и отправлен в Пруссию, откуда после размена пленных вернулся в Варшаву.

В 1820 г. Булгарин прибыл в Петербург уже как литератор, у него оказался несомненный талант бойкого, легко читающегося фельетониста. Его беллетристические вещи охотно печатали в лучших тогдашних альманахах, включая «Полярную звезду» Рылеева и «Северные цветы» Дельвига. Булгарин познакомился с рядом тогдашних писателей — Грибоедовым, Рылеевым, братьями Бестужевыми, братьями Тургеневыми и др. Однако не пренебрегал знакомством и милостями людей влиятельных: сошелся с Магницким, Гуничем, Аракчеевым. После 14 декабря 1825 г. Булгарин сильно перепугался: он был знаком и дружен со многими декабристами. Доказывая свою непричастность, он так исчерпывающе описал приметы бежавшего Кюхельбекера, что по ним быстро узнали и арестовали беглеца.

В начале 20-х годов Булгарин издавал журналы «Литературные листки» и «Северный архив», впоследствии слившийся с «Сыном отечества» Греча. С 1825 г. Булгарин и Греч стали издавать газету «Северная пчела»: передовых статей в ней не было, политические известия сообщались в урезанном, часто даже в искаженном виде. Иногда в газете появлялись и руководящие статьи,— все они писались по заказу III Отделения. На страницах «Северной пчелы» Булгарин писал

литературе, музыке, театре, сводил счеты с литературными врагами, восхвалял свои произведения и своих друзей. Служба его правительству была многообразна: он писал доносы в III Отделение, состоял осведомителем последнего касательно литературы литераторов, писал в нужных случаях для правительства официальные воззвания. Главными началами, руководившими Булгариным в его деятельности, были, как сообщает Греч, тщеславие и алчность.

В 1830 г. кружок Пушкина, Дельвига и Вяземского стал издавать «Литературную газету», которая начала борьбу с духом прислужничества и беспринципности. Булгарин, боявшийся конкуренции, яростно травил газету, сначала не задевая самого Пушкина, но позже в «Северной пчеле» напечатал против него грязный пасквиль. На это Пушкин ответил следующей эпиграммой:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок * Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман[2].

До конца жизни Пушкин не переставал мечтать журнале, который бы дал отпор господству в журналистике таких беспринципных рептилий.

Николай Иванович Греч (1787—1867) не был такой диозной фигурой, как Булгарин. Окончив курс в Петербургском педагогическом институте, был преподавателем в учебных заведениях, издал ряд книг и учебников по русской грамматике и словесности, в свое время пользовавшихся спросом. Но главное значение Греч имел как журналист — как редактор журнала «Сын отечества» (1812) и соредактор Булгарина по газете «Северная пчела». Роман «Черная женщина» (1834) принес ему некоторую популярность, особенно среди женщин.

Греч был образованнее и культурнее Булгарина, держался более корректно, сколько возможно старался отмежевываться от последнего, но связи с ним не разрывал, *сознаваясь в своих воспоминаниях, что от* Булгарина зависело благосостояние его семейства.

А. С. Пушкин в своих полемических статьях нанес Гречу жестокие удары, высмеивая «утешительный

---

* *Видок* — начальник Парижской сыскной полиции.

пример согласия Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных».

В конце 50-х годов разрыв все-таки произошел, и Греч без стеснения в своих воспоминаниях изобразил Булгарина во всей его непривлекательности.

Теорию народности обстоятельно развивал и обосновывал в своих исторических трудах М. П. Погодин.

Михаил Петрович Погодин (1800—1875) был сыном крепостного домоправителя графа Строганова. Обстановка барского двора, искательство его отца у знатных и богатых аристократов оказали свое влияние на характер будущего историка. После окончания гимназии в Москве он в 1818 г. был принят в Московский университет, курс которого окончил в 1823 г. Через год защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», в которой защищал норманнскую теорию образования Русского государства. В 1826 г. ему было поручено читать всеобщую историю студентам первого курса университета. Профессорская деятельность Погодина продолжалась до 1844 г. С 1841 г. стал членом Академии наук. Издавал журналы «Московский вестник» (1827—1830) и «Москвитянин» (1841—1856), в которых выступал как апологет существующего порядка.

В своих взглядах Погодин противопоставлял исторические пути развития России и Западной Европы. Он утверждал, что если государственность Западной Европы сложилась в результате завоевания, то образование России произошло путем добровольного призвания варягов. Поэтому, по мнению Погодина, в России не было ни рабства, ни пролетариев, ни ненависти, ни феодального тиранства. Даже крепостничество вызывало у него умиление, поскольку, по его мнению, хороший помещик являлся благодетелем своих крестьян.

Большой популярностью среди читателей того времени пользовался научно-литературный журнал «Московский телеграф», издаваемый Н. А. Полевым с 1825 г. Он выходил два раза в месяц и знакомил своих читателей со всеми отраслями науки, литературы и искусства не только в России, но и за рубежом.

Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) был сыном сибирского купца. В 1811 г. его родители переехали из Иркутска в Курск. Побывав в Москве (где он в которое время посещал университет) и Петербурге,

Полевой понял недостаточность своего образования и серьезно принялся за самообразование, самоучкой изучил немецкий, французский, греческий и латинский языки. После смерти отца в 1822 г. он всецело посвятил себя литературе, сблизился с рядом писателей. Булгарин и Греч предлагали ему сотрудничать в их журнале, но Полевой не принял этого предложения и при поддержке известного поэта и критика князя П. В. Вяземского основал свой журнал. О «Московском телеграфе» хорошо отзывался Белинский. Он писал: «„Московский телеграф" был явлением необыкновенным во всех отношениях. Человек, почти вовсе не известный в литературе, нигде не учившийся, купец званием, берется за издание журнала,— и его журнал, с первой же книжки, изумляет всех живостью, свежестью, новостью, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностью однажды принятому и резко выразившемуся направлению. Среди мертвой, вялой, бесцветной, жалкой журналистики того времени он был изумительным явлением... Первая мысль, которую тотчас же начал он развивать с энергией и талантом, была мысль о необходимости умственного движения, о необходимости следовать за успехами времени, улучшаться, идти вперед, избегать неподвижности и застоя...»[3]

В литературном творчестве Полевого были, конечно, свои недостатки, в ряде случаев он допускал ошибки. Сам издатель не отличался принципиальностью и последовательностью. Об этом говорит его последующая эволюция в сторону реакции. Уже в последние годы издания своего журнала Полевой стал сближаться с Булгариным и Гречем, против которых раньше боролся; оберегая журнал, шел на самые непристойные компромиссы и умел найти себе защитников в жандармском генерале А. А. Волкове и в самом Бенкендорфе. Министру народного просвещения Уварову пришлось положить много усилий, чтобы сломить их заступничество. В 1834 г. «Московский телеграф» был закрыт.

Запрещение журнала вызвало у «литературной аристократии» (Пушкин, Вяземский, Жуковский и др.) чувство удовлетворения, смешанное с сожалением о чрезмерной крутости расправы. По словам Пушкина, Полевой проповедовал «якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полиции».

Полевой не разделял взглядов Н. М. Карамзина на русскую историю. Поэтому в противовес «Истории

государства Российского» Карамзина, вышедшей в 12 томах (1816—1826), Полевой написал и издал в 6 томах свою «Историю русского народа». Эта работа по научным достоинствам уступала труду Карамзина, однако заслуживала внимания передовых людей русского общества, которые отличали главное ее достоинство — попытку поставить в центр изучения историческую жизнь именно народа.

Прогрессивную роль играла русская художественная литература, она сквозь рогатки цензуры сеяла в народе идеи добра и справедливости, правдиво отображала реальные условия жизни. В произведениях А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова изображались явления жизни, волновавшие русское общество.

Наиболее выдающимся явлением в общественной жизни того времени было творчество А. С. Пушкина. Об этом хорошо писал Герцен: «Только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, полнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением. Поэты, живущие во времена безнадежности и упадка, не слагают таких песен — они нисколько не подходят к похоронам»[4].

Пушкин находился под постоянным и бдительным надзором III Отделения. Он должен был представлять свои наиболее крупные произведения самому Николаю I, который пожелал быть его «личным» цензором. В таких условиях поэт создавал свои бессмертные творения.

Пушкин — известный поэт и прозаик — в своих произведениях выступал и как историк. Темами его исторических повествований были наиболее важные, переломные моменты в судьбах России — эпоха Петра I, Смута в начале XVII в., крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева.

Активно участвуя в общественной жизни страны, Пушкин основал литературный и политический журнал «Современник». Первый его номер вышел 11 апреля 1836 г. До 1838 г. журнал выходил 4 раза в год, с 1843 г. стал ежемесячным. С 1838 по 1846 г. во главе журнала стоял П. А. Плетнев. Эти годы были бесцветным временем для журнала. В 1847 г. «Современник» перешел к И. И. Панаеву и поэту Н. А. Некрасову, которые быстро сумели превратить

его в орган передовой русской журналистики. В журнале сотрудничали В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Восстание декабристов положило начало революционному движению в России, голос протеста лучших представителей времени против существовавших порядков был услышан всей страной. Правительство жестоко расправилось с восставшими. В стране господствовал страх, высказывать свои мысли и мнения стало опасно. Но идеи, брошенные декабристами в русское общество, не умерли. Борьба продолжалась. В условиях правительственного террора революционное движение принимает новые формы. Это прежде всего распространение нелегальных революционных произведений, имевших большое агитационное значение в условиях всеобщего молчания, пропаганда прогрессивных идей с университетских кафедр, пусть даже в ограниченных размерах, создание тайных антиправительственных кружков, распространение прокламаций как новая форма революционной борьбы.

В 20-х годах в общественном движении Росси появились попытки возродить и продолжить револю ционные традиции декабристов. Это выразилось в ра пространении вольнолюбивых стихов А. С. Пушкин и К. Ф. Рылеева, его письме к жене из Петропавло ского каземата, в антиправительственных разговора и в создании нелегальных революционных кружков. И тайно распространяемых произведений общественно значение приобрела поэма А. И. Полежаева «Сашка»

Александр Иванович Полежаев (1804—1838), поэ был сыном помещика Пензенской губернии и крепост ной крестьянки. Воспитывался в Москве во француз ском пансионе, затем поступил вольнослушателем в словесный факультет Московского университета. Здес начал писать стихи, позже появилась и поэма «Сашка» Ее героем был вольнолюбивый студент, осуждавши сословное неравенство, лесть и ханжество и мечтавши о том времени, когда будет свергнута власть «пр зренных палачей». Поэма ходила по рукам в списка попала к начальству, а позже оказалась в руках Ник лая I, прибывшего в Москву на коронацию. Импер тор пожелал, чтобы к нему доставили дерзкого студе та и чтобы тот сам прочел государю свою поэм После этого Полежаев был исключен из университет и направлен в один из полков в чине унтер-офицер

Его обращение к императору с просьбой о помиловании осталось без ответа. Тогда поэт самовольно оставил полк, с тем чтобы лично подать просьбу государю, однако в дороге передумал. По возвращении Полежаев был разжалован в рядовые без выслуги. В отчаянии он запил и оскорбил фельдфебеля, за что был отдан под суд и приговорен к длительному тюремному заключению. В 1829 г. полк Полежаева отправили на Кавказ. Там осужденный принимал участие в целом ряде сражений, стараясь отличиться, чтобы получить офицерское звание. Но никого не интересовала судьба ссыльного. В 1833 г. он вернулся с Кавказа, заболел чахоткой и только на смертном одре узнал, что произведен в прапорщики.

Характеризуя взгляды А. Полежаева, Л. И. Насонкина пишет: «В поэме «Сашка» и других... произведениях Полежаева отразилось острокритическое отношение автора к действительности, ненависть к царизму, мечты об освобождении страны от крепостничества и вместе с тем элементы нового, указывающие на формирование мировоззрения Полежаева в демократическом направлении» [5].

Из революционных кружков заслуживает внимания нелегальная группа братьев Петра, Михаила и Василия Критских, сложившаяся в Москве в 1826 г. В нее входило 6 человек, все дети разночинцев, студенты университета. Они высоко чтили декабристов и считали себя их идейными последователями.

Участники организации видели будущую Россию свободной от крепостничества и самодержавия. По признанию одного из братьев Критских, он и его соратники свою ненависть к монархическому правлению черпали главным образом из вольнолюбивых стихов А. С. Пушкина и К. Ф. Рылеева. Отвергая в принципе крепостное право и неограниченную монархию, члены кружка братьев Критских высказывали и обсуждали различные довольно радикальные мнения о времени и способах уничтожения существующего строя. Что касается крепостных крестьян, то их положение в устах участников группы предполагалось оставить неизменным до тех пор, «пока благодетельный свет просвещения не озарит умы грубой, необразованной черни... Для сего в селениях должны быть заведены школы под надзором священников...». Предполагалось волю императора ограничить боярской думой, которая имела бы силу и власть испанских кортесов, не поручать

иностранцам государственных должностей, ограничить солдатскую службу десятью годами, всеми силами вводить в обиход русский язык и обычаи, запретить ввоз предметов роскоши из-за границы, «а через то оживятся народная промышленность, искусства и художества»[6]. В день коронации нового императора они разбросали на Красной площади прокламации, в которых осуждалось монархическое правление и содержался призыв к его свержению. Группа была обнаружена полицией. Все ее участники без суда, по личному повелению царя, были заключены в казематы Соловецкого монастыря, а через 10 лет отданы в солдаты.

Л. И. Насонкина, отмечая незначительные размеры кружка, рассматривает его, однако, как первую революционную организацию, которая подхватила знамя декабристов. «Кружковцы,— пишет она,— смутно понимали роль политической организации в будущем революционном перевороте и роль народа. Но в общих чертах им представлялось, что политическая организация должна пробудить народ, который сокрушит монархию. Они рассчитывали на поддержку армии и недовольных правительством лиц»[7].

Начало 30-х годов ознаменовалось в России новым обострением классовой борьбы, нарастанием крестьянского движения. Непосредственным поводом крестьянских волнений, выступлений солдат и городских низов явилось распространение холеры в европейской части России. Холерная эпидемия началась в 1829 г. на некоторых окраинах страны и в 1830 г. распространилась на центральные губернии. Против холеры устраивались крестные ходы, читались церковные проповеди, а также проводились строгие карантинные мероприятия. Но царская администрация организовала эти мероприятия так, что вызывала озлобление населения.

Наспех сколоченные бараки обрекали больных на верную смерть. Карантины являлись новыми источниками заразы. Холерная эпидемия оказалась также удобным средством для грабежей и злоупотреблений со стороны царской администрации. И неудивительно, что среди населения ходили слухи, что чиновники и богачи сознательно отравляют народ.

Большое значение для развития общественного движения имели революционные события в Западной Европе: июльская революция 1830 г. во Франции, революция в Бельгии, германских и итальянских княжествах и совсем рядом — в Польше и Литве нашли

большой отклик в России среди прогрессивных слоев русского общества, и особенно студенческой молодежи.

Правительство подавило польское восстание и принимало суровые меры по отношению к свободомыслию в России. Однако остановить освободительное движение оно было не в силах. Ведущее место в революционном движении начала 30-х годов принадлежало Московскому университету, среди студенчества которого либо при его деятельном участии возникали многочисленные кружки, обсуждавшие различные вопросы современной жизни*. Среди них общественную известность получили кружки, связанные с именами Н. П. Сунгурова, В. Г. Белинского, Н. В. Станкевича, А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Студенчество университета представляло собой пеструю, разносословную массу: здесь были сыновья и дворянской аристократии, и выходцев из чиновничества, и разночинцев. За стенами университета социальные перегородки отодвигались на задний план, главными становились товарищеские отношения. Наличие разночинской молодежи в студенчестве способствовало демократизации настроений передовой его части.

В «Обзоре общественного мнения за 1827 г.» шеф III Отделения Бенкендорф писал: «Молодежь, т. е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыш якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маской русского патриотизма... Экзальтированная молодежь... мечтает о возможности русской конституции, уничтожении

---

* Напряженная умственная жизнь студенчества сосредоточивалась не на кафедрах и в аудиториях, а в тесных дружеских кружках, спаянных единством интересов и настроений. Здесь в свободном обмене мнениями, в бурных спорах молодежь искала ответа на волнующие вопросы о настоящем и будущем Родины, о путях развития общества. «...Мы мало почерпнули из университетских лекций,— вспоминал К. С. Аксаков,— и много вынесли из университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая беседа, возобновлявшаяся каждый день, много двигали вперед здоровую молодость... Живое это время... залегло в их душу освободительным, поддерживающим основанием... Со стороны профессорства... очень тускло и холодно освещало наши умы солнце истины; но живые, неподавленные силы наши находили к ней дорогу» (*Аксаков К. С.* Воспоминания студентства 1832—1835 годов. СПб., 1911 С. 10—11).

рангов... и о свободе, которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ...» [8]

В самом начале 30-х годов сложился кружок вокруг М. Ю. Лермонтова, в него входили еще 5 близких поэту людей. Предметом споров и дискуссий являлись состояние России, тяжесть крепостного права для народа, будущее страны и ее героическое прошлое. На революцию во Францию поэт откликнулся стихотворением «30 июля — (Париж) 1830 г.». Лермонтов пророчески предсказал, что и в России наступит такое время, «когда с царей корона упадет».

Н. П. Сунгуров, губернский секретарь, выпускник Московского университета, в 1831 г. организовал тайное общество, считавшее своей главной целью введение конституционного строя в России, который ограничит деспотизм монархов и даст свободу гражданам. В него входило 26 молодых студентов. (Сунгуров говорил группе студентов, что тайная организация декабристов не разгромлена полностью, она даже выросла по своему численному составу.) Члены общества разработали план вооруженного восстания, в котором предусматривалось: захватить артиллерию и арсенал и раздать оружие народу; вовлечь в восстание фабричных людей и всю «чернь» московскую; разоружить полицию и освободить всех арестантов; разослать по всем губерниям прокламации к народу, чтобы возбудить его ненависть к царю и правительству.

В плане сунгуровцев было много наивного и незрелого. Это нелегальное общество было разгромлено в самом начале. Его возникновение говорило о том, что дух декабристов жив среди молодежи.

В довольно тесной связи с сунгуровской организацией действовало «литературное общество 11-го нумера» (название произошло от номера комнаты, где жили и собирались его участники), возникшее в Московском университете в самом начале 30-х годов. В него входили студенты, содержавшиеся на казенный счет. Во главе этого дружеского общества, на сборах которого читались произведения Пушкина, Грибоедова и Полежаева, стоял В. Г. Белинский.

Увлекались члены кружка философско-романтической поэзией Веневитинова, большое место на литературных вечерах занимали вопросы эстетики. Но не это

было главным занятием. Реальная русская жизнь, судьбы страны, ужас крепостного строя, протест против «гнусной российской действительности» — вот основные вопросы, которые волновали собиравшихся единомышленников. О политической направленности кружка отчетливо говорит факт распространения среди его членов стихов Полежаева, одно хранение которых было протестом против самодержавия.

Идейные позиции участников этого кружка нашли свое отражение в юношеском произведении Белинского «Дмитрий Калинин», где автор выражал резкий протест против крепостничества.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848) родился в Свеаборге в семье военного врача. Развился Белинский очень рано, еще до поступления в гимназию он казался современникам совершенно взрослым, сформировавшимся человеком*. После окончания училища (1825) и гимназии (1829) поступил в Московский университет, где возглавил оппозицию передового студенчества николаевскому режиму. В 1832 г. был исключен из университета с формулировкой «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей». Действительной причиной такого решения университетской администрации была написанная Белинским «возмутительная» драма «Дмитрий Калинин», в которой устами крепостного интеллигента говорит забитый русский народ. Пьеса была последней каплей, переполнившей чашу терпения университетского начальства, которое давно уже подозрительно относилось к строптивому студенту и искало только благовидного предлога. Таким предлогом стала продолжительная болезнь Белинского — с января по май 1832 года.

Оставшись без средств к существованию, Белинский вынужден был заниматься корректорской работой, давать частные уроки и одновременно настойчиво заниматься самообразованием. В это время он вошел в кружок Станкевича. В 1834 г. профессор Московского университета Н. И. Надеждин, издававший передовой по

---

* «Четырнадцатилетний Белинский по своему умственному развитию, по жизненному опыту, по силе воли и уверенности в себе был *ребенком, не мальчиком. Это был юноша, смело идущий своим* [illegible] и поисках цели, достойной приложения тех богатейших сил, которыми его наградила природа» (*Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Начало жизненного пути. С. 117).

тому времени журнал «Телескоп», пригласил Белинского к сотрудничеству, но в 1836 г. «Телескоп» был закрыт. К этому времени молодой педагог-новатор создает курс новой русской грамматики и издает его на свои скудные средства.

В 1836 г. Белинский становится учителем русского языка в Межевом институте. Вскоре он покидает его и всецело отдает свои силы литературному творчеству. Со временем Белинский заявляет о себе как выдающийся литературный критик, публицист и философ, революционный демократ, который эволюционировал от идеализма в духе Ф. Шеллинга и Г. Гегеля к материализму.

Современники, близко знавшие Белинского, называли его неистовым Виссарионом. Герцен писал о нем: «Но в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким, и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Как я любил и как жалел я его в эти минуты!»[9]

Почти одновременно в университете функционировал кружок Н. В. Станкевича.

Николай Владимирович Станкевич (1813—1840) в 1834 г. окончил курс словесного факультета Московского университета.

В окружении Станкевича, увлекавшегося историей, философией, литературой, было много ярких, удивительных людей. Размышляя о смысле жизни, Станкевич и его единомышленники критиковали существующие порядки, осуждали крепостническое право. По свидетельству К. С. Аксакова, воззрение участников кружка на Россию, на жизнь, на мир было «большей частью отрицательное». Программа же их выглядела весьма умеренной, причем средство ее осуществления

участники кружка видели главным образом в распространении просвещения. Никакого насильственного вмешательства в действия правительства Станкевич не допускал. «...Что всего замечательнее,— продолжает Аксаков,— кружок этот, будучи свободомыслен, не любил ни фрондерства, ни либеральничанья... политическая сторона занимала его мало»[10].

Вместе с тем деятельность самого Н. В. Станкевича как талантливого ученого и педагога и его друзей, среди которых были К. С. Аксаков, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, М. Н. Катков, братья П. В. и И. В. Киреевские, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, оказала заметное прогрессивное влияние на русскую общественную мысль, на историю русской культуры.

Познакомившись случайно с А. В. Кольцовым, никому до этого не известным, Станкевич издает сборник его стихов, и молодого поэта читает и перечитывает вся Россия. «Никому на свете не был я так обязан,— писал Т. Н. Грановский о Станкевиче.— Его влияние на нас было бесконечно и благотворно».

В 1837 г. Станкевич, больной туберкулезом, вынужден был выехать за границу. Его единомышленники какое-то время еще собирались, но отсутствие основателя и вдохновителя привело к тому, что кружок распался. На первом плане в этом кружке стояли не литературные вопросы, а вопросы философии, науки, политики. Огромное влияние на членов кружка оказало восстание декабристов. «Казнь Пестеля и его товарищей,— писал Герцен,— окончательно разбудила ребяческий сон моей души». Поступая в университет, Герцен и Огарев были «уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней»[11]. Июльская революция во Франции и польское восстание нашли живой отклик у членов кружка. Молодые люди еще плохо разбирались в характере и движущих силах этих выступлений, но приветствовали их как отрицание старого, как борьбу с произволом и насилием. Они любили русский народ, верили в его способность добиться новой жизни. К этому времени относится и обращение членов кружка к французскому утопическому социализму, и прежде всего к сенсимонизму, в котором они видели «целый мир новых отношений между людьми,— мир здоровья, мир духа, мир красоты, мир естественно нравственный и потому

нравственно чистый»[12]. Члены кружка мечтали о широкой пропаганде революционных идей в русском обществе. В 1834 г., уже по окончании университета, они составили план большого политического, художественного и философского журнала, но осуществить его не удалось.

В 1834 г. кружок был раскрыт; Герцен арестован, выслан в Пермь, а затем в Вятку, Огарев — в Пензу, остальные члены кружка отданы под надзор полиции.

Александр Иванович Герцен (1812—1870) — русский революционер, писатель, выдающийся публицист и философ. Внебрачный сын богатого помещика И. А. Яковлева, в юности он получил обычное барское воспитание. В 1830 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1833 г. Арестованный в 1834 г., Герцен вернулся в Москву в 1840 г., где стал активным членом кружка Станкевича и примкнул к западникам. После смерти отца в 1847 г. получил его наследство и навсегда уехал за границу. В 1853 г. основал в Лондоне Вольную русскую типографию. Издавал с 1857 г. еженедельную газету «Колокол», в которой обличал русское самодержавие, вел революционную пропаганду и требовал освобождения крестьян с землей. В те же годы (1857—1862) вместе с Огаревым издавал альманах «Полярная звезда» (названный так в память декабристского альманаха того же названия). Выступал в поддержку польского восстания 1863—1864 гг. Умер в Париже, похоронен в Ницце. Автор автобиографического сочинения «Былое и думы» (1852—1868) — одного из шедевров русской классической литературы.

Идеи великого русского мыслителя и гуманиста до сих пор сохранили свою актуальность. Как подчеркивает биограф Герцена Н. М. Пирумова, и сейчас «живут и действуют его мысли, направленные на поиск наиболее рациональных и гуманных путей социального развития, на утверждение достоинства человеческой личности, на борьбу с косностью и догматизмом»[13].

Правительство Николая I массовыми репрессиями и жесточайшей цензурой расправилось с общественным движением, и в начале 30-х годов в русском обществе наступила пора заметного пессимизма и неверия в возможность борьбы за лучшее будущее. Самодержавие укрепило свои позиции. Этому в опреде

ленной мере способствовали успешные войны России с Ираном и Турцией и спад революционных выступлений на Западе.

«Ощущение «неизмеримой» отсталости своей страны, осознание невозможности естественными средствами и в обозримые сроки ликвидировать эту отсталость порой вызывало у людей последекабристского времени подлинное отчаяние... Но человек не может долго существовать в состоянии безысходности. Именно самый глубокий пессимизм рождает надежду, стремление к разрешающему исходу. И стремление это в рассматриваемую эпоху питалось тем, что можно назвать национально-патриотическим чувством» [14],— пишут современные исследователи.

Такие настроения нашли свое яркое выражение в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева. Первое из «Писем» было опубликовано в журнале Н. И. Надеждина «Телескоп», после чего журнал был закрыт, а его издатель выслан в Усть-Сысольск.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) — русский философ, писатель, общественный деятель. Он учился в Московском университете, где его товарищами были А. С. Грибоедов, Н. И. Тургенев, И. Д. Якушкин. И тогда Чаадаев выделялся начитанностью, резким своеобразием ума и гордой самостоятельностью. В 16 лет он был одним из самых блестящих молодых людей московского «большого света». По окончании университета поступил на военную службу в гвардейский Семеновский полк. Во время кампании 1812—1814 гг. участвовал в сражениях при Бородине, Малоярославце, Лейпциге. В 1816 г. Чаадаев знакомится с лицеистом Пушкиным, который внимательно слушал умного и образованного гусара. Влияние на будущего поэта было велико, Чаадаев произвел на него сильное впечатление.

Вскоре в судьбе Чаадаева произошел резкий перелом. Он преуспевал по службе, ему было обещано производство в императорские флигель-адъютанты, а он неожиданно подал в отставку. О причинах ее сам Чаадаев своей родственнице писал так: «Я нашел более забавным презреть эту милость, чем получить ее. Меня забавляло высказывать мое презрение людям, которые всех презирают... В сущности, я должен вам признаться, что я в восторге от того, что уклонился от их благодеяний... Я предпочитаю позабавиться лицезрением досады высокомерной глупости» [15].

Прожив два года в бездействии, он в 1823 г. уехал лечиться за границу. Недовольный собою и всеми, он выражал негодование на Россию и ход ее истории. Вернувшись домой, Чаадаев вел до 1831 г. совершенно затворническую жизнь. После опубликования своего «Философического письма» по приказу царя был объявлен сумасшедшим, отдан под надзор полиции, последние 20 лет прожил в Москве.

Произведения Чаадаева свидетельствовали о том, что их автор пришел к самым пессимистическим выводам, которые заключали в себе страстные нападки на Россию, ее отсталость, некультурность, ничтожность ее истории, убожество ее настоящего. Потеряв надежду на возможность общественного прогресса в России, он писал: «Окиньте взглядом все пережитые нами века... вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания... Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли...» [16]

Чаадаев с большой страстью и горечью пишет о разных исторических путях России и других стран Европы. Он подчеркивает, что все народы Европы имели «общую физиономию», «преемственное идейное наследие». Сопоставляя это с историческими традициями России, Чаадаев констатирует, что ее прошлое было иным: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее — иноземное владычество, жестокое, унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала,— вот печальная история нашей юности» [17].

На Западе, обращал внимание Чаадаев, в отличие от России общественное развитие происходило таким образом, что «идеи долга, справедливости, права и порядка» вошли в повседневный обиход. «Что у других народов просто привычка, инстинкт, то нам приходится вбивать в свои головы ударами молота» [18].

Допуская сильное преувеличение, Чаадаев с болью писал: «Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения, и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь...

...Одним словом,— продолжал Чаадаев,— мы жили и сейчас еще живем лишь для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумного существования» [19].

В чем же Чаадаев видел главную причину такого положения? Основной бедой он считал отрыв от католического мира.

«По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения всех народов... Когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, если бы только не были отторгнуты от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжелому... До нас же, замкнутых в нашей схизме *, ничего из происходившего в Европе не доходило. Нам не было дела до великой всемирной работы» [20].

Герцен назвал письмо Чаадаева безжалостным криком боли и отчаяния, выстрелом, раздавшимся в темную ночь, которые потрясли всю мыслящую Россию. Выводы автора «Философических писем» вызвали протест среди передовых людей русского общества. В то же время они заставили их проснуться и более трезво оценить прошлое и настоящее России, с тем чтобы лучше понять пути ее дальнейшего развития.

В знаменитом письме П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. А. С. Пушкин писал: «Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством

* Схизма — церковный раскол, отделение от ранее единой церковной-либо ее части. Употребляя в приведенном контексте этот термин, Чаадаев подчеркивает свое негативное отношение к православию.

энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре,— как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж... Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен,— но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»[21].

Отрицательные отзывы многих современников заставили Чаадаева пересмотреть свои взгляды. Письмо к А. И. Тургеневу в 1835 г. он начинает с прежних положений об историко-культурной бедности российской цивилизации, но вывод делает неожиданный: «...нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя; понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам»[22]. Здесь высказан тезис, оказавший огромное влияние на всю последующую мысль в России: отсталость есть не только минус, но и огромное преимущество, которое заключается, во-первых, в возможности перенимать все готовое, начиная сразу с высокой фазы развития, достигнутой другими нациями; второе преимущество — *наивность, неиспорченность, открытость любому по*зитивному влиянию, историческая юность, необремененность долгим, вековым развитием[23].

В рукописи «Апология сумасшедшего» (1837) Чаадаев пришел к выводу, что, не будучи вовлечена в европейские распри, Россия, осмыслившая опыт западных стран, будет призвана сказать миру новое слово.

Конец 30-х годов был тяжелым для передовой России. 27 января 1837 г., в 5-м часу вечера, на Черной речке, на дуэли, был смертельно ранен первый поэт России А. С. Пушкин. «Закатилось солнце земли рус-

ской»,— говорилось в некрологе, который с трудом удалось протащить сквозь рогатки цензуры. Но гибель любимого поэта вызвала не только горечь утраты, но и общественное негодование. С наибольшей силой выразил его М. Ю. Лермонтов в своем знаменитом стихотворении «Смерть поэта», ставшем важным общественным событием. Лермонтов писал:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб *казнь его в позднейшие века*
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

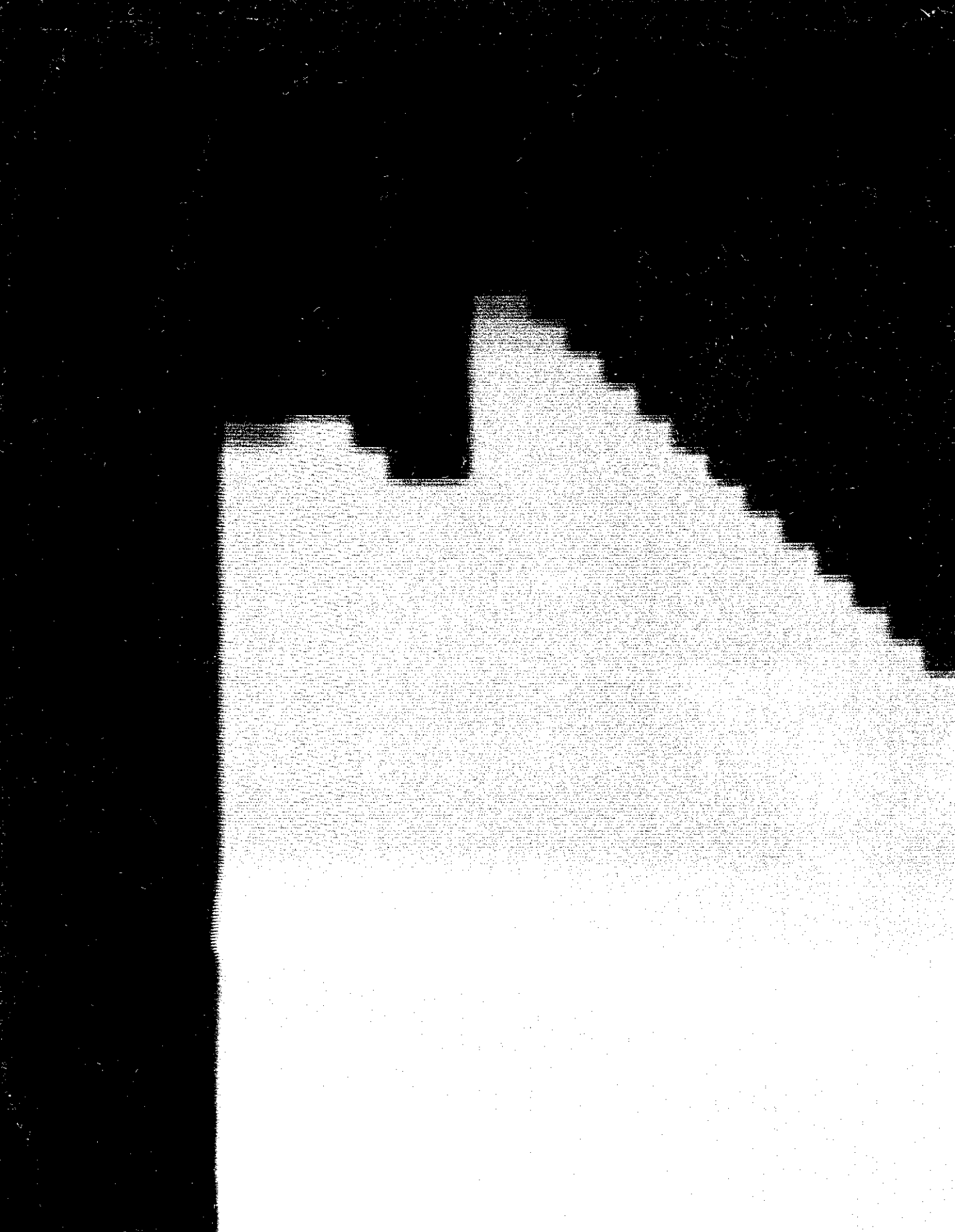
Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!

...А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою *поправшие обломки*
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед *.

---

* Часто публикаторы произведений Лермонтова дают и другое прочтение этой строки («есть грозный суд»), мотивируя это тем, что так написано в дошедших до нас списках (лермонтовский автограф заключительных строк не сохранился), и трактуя «грозный суд» как суд потомства и истории. То, что такая натяжка вопиюще противоречит смыслу лермонтовского стихотворения, их не смущает. У Лермонтова ведь сказано недвусмысленно: «Божий суд». Кроме того, суд истории и потомства не может знать «наперед» мысли и дела — это дано только Господу Богу.

Опускается в последние годы и эпиграф, который дал к своему стихотворению бесспорно сам Лермонтов.



в нескольких собственных имениях. В 1847 г. вновь побывал за рубежом (в Германии, Англии и Праге). Умер от холеры. Автор двух драматических произведений, многих стихотворений, посвященных славянской теме, и «Записок о всемирной истории». Выступал с резкой критикой существующих порядков. В стихотворении «России» (1854) А. С. Хомяков писал:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна! [25]

Воспитанный с детства в строго православном и националистическом духе, Хомяков всю жизнь оставался неизменно верен этому духу. Впоследствии один из основоположников славянофильства, он разрабатывал преимущественно религиозную сторону этого учения.

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — публицист, историк, лингвист, поэт. Он был старшим сыном известного писателя С. Т. Аксакова. В 1832 г. стал студентом словесного факультета Московского университета. В 1838 г. отправился за границу, но через пять месяцев вернулся домой и в 1841 г. защитил магистерскую диссертацию о Ломоносове. В 1857 г. редактировал газету «Молва». Автор нескольких драматических произведений, стихотворений и историко-филологических исследований. Умер от легочной чахотки на острове Занте Греческого архипелага.

Идейными противниками славянофилов были западники. Они доказывали несостоятельность утверждения о русской самобытности, исходя из признания общности развития России и Запада (отсюда наименование этого общественного движения).

Идея единства исторического пути Западной Европы и России в то время имела большое положительное значение, поскольку она: во-первых, означала отрицание казенной идеологии, доказывавшей незыблемость и необходимость сохранения феодально-крепостнических порядков; во-вторых, признавала важность и полезность успехов европейской цивилизации; в-третьих, утверждала мысль, что Россия в будущем должна тоже идти по пути буржуазного развития. Западники высоко оценивали реформы Петра I, повернувшего Россию на дорогу европейского развития. В журналах «Отечественные записки», «Современник»

«Русский вестник» они критиковали теорию официальной народности, крепостничество и самодержавие.

Активную пропаганду идеологии западников вел на кафедре Московского университета профессор Т. Н. Грановский. Против славянофилов выступали также В. Г. Белинский и А. И. Герцен.

Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) родился в помещичьей семье среднего достатка. В 13 лет был отдан в московский пансион, но пробыл там всего два года и в 1831 г. поступил на службу в департамент Министерства иностранных дел. После этого был принят на юридический факультет Московского университета. Самостоятельно продолжал заниматься литературой, историей и философией. В 1835 г. окончил курс и поступил на службу секретарем Гидрографического департамента Морского министерства. С 1837 г. имел двухлетнюю командировку в Берлин, где изучал историю и философию Гегеля. Осенью 1839 г. вернулся в Москву и начал читать лекции в университете филологам и юристам, в чем добился больших успехов. С не меньшим успехом выступал с публичными лекциями. В 1845 г. защитил магистерскую диссертацию, автор ряда статей на исторические темы. Был убежденным поклонником Петра Великого. Сочувствовал либеральным идеям, охватившим Западную Европу в 30—40-х годах.

Лекции Грановского в середине 40-х годов имели большое общественное значение — они воспринимались слушателями как критическая оценка феодально-крепостнических отношений в России.

Славянофилы и западники являлись идейными противниками, но по многим вопросам их взгляды совпадали. Социально-политические программы большинства и тех и других были умеренными, они предусматривали проведение реформ сверху, при сохранении конституционного монархического строя. К решению главного вопроса тогдашней русской действительности — вопроса о крепостном праве славянофилы подходили с либеральных позиций: они выступали за отмену крепостного права правительством с предоставлением крестьянским общинам земли за выкуп в пользу помещиков. Большинство западников также отрицательно относились к крепостному праву и полицейским порядкам николаевской России, но они были противниками революционной ломки этих порядков.

Известный русский религиозный философ Н. А. Бердяев говорил о славянофилах и западниках,

что и те и другие любили Россию, только славянофилы как мать, а западники как дитя. А. И. Герцен писал об этом более подробно: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна* любовь, но не *одинаковая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное... чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»[26].

Идейные споры славянофилов и западников имели большое общественное значение — они будили мысль в русском обществе, звали к деятельности и прогрессу, что по своему существу противоречило существующим самодержавным порядкам и теории официальной народности.

40-е годы были временем достаточно отчетливого размежевания либеральных и революционно-демократических тенденций в русском общественном движении. Московский кружок западников, сложившийся вокруг Т. Н. Грановского в 1839—1840 гг. и включавший одно время Н. П. Огарева и А. И. Герцена, к началу 1846 г. фактически распался. Определяя идейные противоречия, которые привели к этому, историк Е. Л. Рудницкая пишет: «Начавшись с расхождений по общефилософским вопросам, приведшим к размежеваниям по линии материализма и идеализма, противоречия обнаружились в подходе к решению кардинальных социально-политических проблем. Революционным и социалистическим идеям, отстаивавшимся Белинским и Герценом, их «друзья-враги» противопоставляли идеи мирного прогресса и буржуазного правопорядка»[27]. Отношения революционно-демократического течения со славянофильством ухудшались по мере того, как выяснялась умеренность предлагаемых славянофилами реформ и становилось все более очевидным, что они являются не столько сторонниками преобразований, сколько, по словам Белинского, «витязями прошедшего и обожателями настоящего»[28].

Наиболее активная и плодотворная деятельность В. Г. Белинского приходится на 40-е годы. Преодолев свой идейный кризис, Белинский в эти годы выступал со своими лучшими обзорами русской литературы, с замечательными статьями о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Кольцове и других русских писателях. В них он

утверждал реализм как правду жизни, будил у читателей любовь к родине и ненависть к самодержавию и ко всякому угнетению. Статьи Белинского в «Современнике» восторженно воспринимались передовыми людьми русского общества. Крупнейшее общественное значение имело появившееся в те годы знаменитое письмо Белинского к Гоголю. В 1847 г. Гоголь выступил в печати как реакционный публицист. Его книга «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвала протесты в передовых кругах; Гоголь провозглашал помещика «отцом крестьян», говорил о необходимости повиноваться царю и чиновникам, учил помещиков наживаться на крестьянском труде. Тяжелобольной Белинский ответил Гоголю письмом, которое не могло появиться в печати и ходило по рукам в списках. Белинский писал, что Россия видит свое спасение в успехах цивилизации, просвещения, гуманности, что нужны ей не проповеди, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства. Заявляя об унизительности крепостного права, Белинский писал о России как о стране, где люди торгуют людьми. Уничтожение крепостного права автор письма относил к самому современному, самому живому вопросу в России.

Получившее широкое распространение письмо Белинского стало манифестом передовой России и предсмертным завещанием выдающегося публициста. Умер В. Г. Белинский в мае 1848 г.

Верным идейным соратником Белинского в борьбе с деспотизмом николаевского режима выступал в те годы А. И. Герцен. После ссылки он напечатал ряд художественных произведений — «Сорока-воровка», «Кто виноват?», «Доктор Крупов» и др., в которых подвергал беспощадной критике российскую действительность, показывал помещиков-крепостников и в противовес им представлял умный, талантливый русский народ.

Видное место в истории освободительного движения 40-х годов занимает кружок петрашевцев. Он оформился в 1844 г. в Петербурге, во главе его стоял *Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский* (1821—1866) — русский революционер, социалист-утопист. Он был сыном петербургского помещика средней руки, доктора медицины и хирурга. В 1840 г. окончил Царскосельский лицей, где уже проявились его оппозиционные взгляды. После этого служил в Министерстве

иностранных дел и одновременно был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета, который окончил в 1841 г. со степенью кандидата права. Социалист по убеждениям, он начал вести активную антиправительственную пропаганду в кругах столичной молодежи. Вокруг него образовалась постоянная группа представителей передовой интеллигенции, объединенных общностью убеждений и острой заинтересованностью в обсуждении злободневных вопросов русской жизни.

Петрашевцы собирались на дружеские беседы по пятницам у своего руководителя, где на общих паях ими была создана первая коллективная библиотека, состоявшая преимущественно из книг по политэкономии, истории революционных движений и произведений великих социалистов-утопистов. «Пятницы» Петрашевского очень скоро получили общественную известность — в них перебывало много интеллигентов-разночинцев столицы: офицеры, учителя, чиновники. Среди них были писатели М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889), Ф. М. Достоевский (1821—1881) и поэты А. Н. Майков (1821—1897) и А. Н. Плещеев (1825—1893).

Вокруг основного кружка Петрашевского начали появляться нелегальные группы в других местах Петербурга. В начале 1846 г. возник офицерский кружок поручика лейб-гвардии московского полка Н. А. Момбелли. По вторникам происходили собрания у служащего Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. С. Кашкина — здесь собирались бывшие лицеисты и молодые чиновники. Среди них были братья К. и И. Дебу, кандидат Петербургского университета Д. Д. Ахшарумов и др. По субботам собирались преимущественно литераторы у отставного коллежского асессора С. Ф. Дурова. Здесь читалось и обсуждалось «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского.

На собраниях петрашевцев помимо философских и литературных проблем особенно горячо обсуждались состояние российской действительности и пути формирования общественного и политического идеала ближайшего будущего. Петрашевцы критиковали деспотический самодержавный строй, их ненависть была направлена на охранительную полицейскую опеку правительства и самого монарха, который представлялся им олицетворением произвола и беззакония.

Критике петрашевцев подвергались Сенат, министерства и вся законодательная система Российского

государства. Их негодование вызывали правительственный контроль над просвещением, наукой и литературой и приниженное положение русской интеллигенции. Выступая против крепостного права, они требовали освобождения крестьян, считая это важнейшей задачей современности.

Идеалом политического устройства сторонники Петрашевского считали федеративную республику, в которой законодательная власть осуществлялась бы однопалатным парламентом при наличии свободных выборов на все правительственные должности. В такой республике должны быть проведены широкие демократические преобразования — полное равенство всех перед законом, равные избирательные права для всех сословий, свобода слова, печати и передвижения. Должны быть осуществлены равенство всех перед судом, независимость суда от административной власти, несменяемость судей, гласность судопроизводства, введение адвокатуры и участие в суде выбранных от народа присяжных заседателей.

Петрашевцы не имели единого общепринятого и обязательного для всех программного документа; тем не менее достоверные источники позволяют говорить, что их социально-политическая программа сводилась к борьбе за буржуазно-демократическое переустройство крепостнической и самодержавной России. В течение 1845—1849 гг. цели входивших в организацию кружков существенно изменились. Сначала речь шла о самообразовании, включая знакомство с западноевропейскими теориями утопического социализма, затем — о широкой пропаганде передовых социально-политических идей. Наконец дело дошло до дискуссий относительно создания тайного революционного общества для руководства ожидаемой крестьянской революцией. Намечавшиеся петрашевцами преобразования имели весьма радикальный характер и охватывали социальную, политическую и культурную сферы. Аграрный вопрос большинство петрашевцев, в том числе и их руководитель, предполагали решить путем предоставления крестьянам личной свободы и передачи без выкупа всей обрабатываемой ими земли [29].

В среду петрашевцев проник провокатор, он выдал полиции весь кружок. 22 апреля 1849 г. все петрашевцы были арестованы и отправлены в казематы Петропавловской крепости. Им было предъявлено обвинение в преступном заговоре против существующего строя.

В докладе следственной комиссии, поданном на высочайшее имя, о деятельности петрашевцев говорилось: «На сходках сих происходили либеральные разговоры, читались лекции и речи в духе социализма и коммунизма, нападали на религию и верование во все святое, осуждали наше государственное управление, представляли действия административные в искаженном виде, порицали правительственные лица и даже священную особу вашего императорского величества. Петрашевский постоянно возбуждал и направлял эти суждения. Он доводил посетителей своих до того, что если они и не все делались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в прежних своих верованиях и наклонными к преступному направлению»[30].

По делу петрашевцев к следствию было привлечено 123 человека. Военный суд 21 подследственного приговорил к расстрелу. Среди них были Петрашевский, Достоевский, Плещеев, Момбелли, Кашкин, братья Дебу, Ахшарумов, Дуров и др. В назидание всем государственным преступникам Николай I решил разыграть показательную казнь петрашевцев.

22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу был построен эшафот и вкопаны специальные серые столбы. Эшафот и столбы были окружены войсками, построенными в каре. Стояли толпы любопытных. Утром ясного зимнего дня на плац привезли осужденных. Они были одеты по-весеннему, в той одежде, в какой были взяты 22 апреля. Было холодно, но в те роковые минуты мало кто обращал на это внимание.

Осужденных построили на эшафоте. Позади каждого из них стояло по солдату. Они сдернули с осужденных головные уборы, и священник прочитал соответствующую молитву и каждому дал поцеловать крест. Над головами осужденных дворянского происхождения были сломаны шпаги. Потом на осужденных надели белые саваны и колпаки, закрывающие глаза. Всех их по одному привязали к столбам. Солдатам была дана команда «заряжай!». Но выстрелов не последовало. В это время к месту казни прибыл царский курьер и объявил, что всем приговоренным к смерти император милостиво дарует жизнь.

Смертная казнь осужденным была заменена каторжными работами. Петрашевский был приговорен к вечной каторге, которую отбывал сначала на Забай-

кальских заводах, а потом, с 1856 г., на поселении в Иркутске. Достоевский получил 4 года каторги с последующей службой рядовым. Плещеев отбывал наказание рядовым в Оренбургском крае, где провел 8 лет. Остальные петрашевцы получили различные сроки каторжных работ и другие наказания.

Показательная казнь петрашевцев и их последующая ссылка оставили в психике каждого из них неизгладимый след на всю жизнь. В частности, каторга тяжело отразилась на здоровье Достоевского и оказала громадное влияние на его умственное развитие. Под влиянием суровых испытаний идеалы его молодости и приверженность утопическому социализму Фурье сменились у него на раскрытие глубокого психологизма и трагизма в столкновении личности и общества. Творчество Достоевского оказало сильное влияние на русскую и всю мировую литературу.

Дело петрашевцев получило большой политический резонанс в русском обществе. Николай I еще раз показал своим подданным, что он жестоко расправлялся и впредь так же жестоко будет карать всех инакомыслящих в своей полицейской империи. Великий русский поэт, друг Белинского Н. А. Некрасов отозвался на эту расправу следующим коротким, но весьма выразительным стихотворением (найденным в его бумагах):

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугало,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей переживших террор[31].

Общество петрашевцев сыграло определенную роль в формировании мировоззрения величайшего революционного демократа Н. Г. Чернышевского, который, не являясь участником их собраний, был связан с петрашевцами через своих близких друзей.

Жестокие гонения претерпела от III Отделения передовая русская мысль. «Ужасный, скорбный удел,— писал Герцен,— уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок... Рылеев повешен Николаем. Пушкин убит на

дуэли, тридцати восьми лет. Грибоедов предательски убит в Тегеране. Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе... Белинский убит, тридцати пяти лет, голодом и нищетой. Полежаев умер в военном госпитале после восьми лет принудительной солдатской службы на Кавказе. Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки. Бестужев потиб на Кавказе, совсем еще молодым, после сибирской каторги»[32]. Ни один передовой писатель не миновал надзора III Отделения. По словам Герцена, «история нашей литературы... реестр каторги...». С начала 30-х годов до самой смерти и сам русский революционный демократ находился под надзором III Отделения (сначала в России, потом в эмиграции).

Появление в 40—50-х годах теории русского социализма связано с именем А. И. Герцена. Существенную роль при этом сыграли два фактора: во-первых, разочарование передовой русской общественности в возможностях западноевропейской буржуазной демократии, наступившее после 1848 г.; во-вторых, идеализация сельской общины, нараставшая в значительной мере под воздействием славянофильской пропаганды.

Находившемуся в эмиграции и являвшемуся очевидцем развертывавшихся в Европе событий Герцену суждено было пережить горькое разочарование. Поражение революций 1848—1849 гг. привело к тяжелому внутреннему кризису, связанному с неверием в революционные возможности западноевропейских стран. Поиски выхода привели его к мысли, что только «сочетание западноевропейских социалистических идей с русским общинным миром обеспечит победу социализма и обновит дряхлеющую западноевропейскую цивилизацию». В общине, где присутствуют права каждого на землю, общинное владение ею и мирское управление, Герцен видел зародыш социалистической формы собственности, развитие которой может дать возможность России прийти к социализму, минуя капитализм[33].

Таким образом, к революционной ситуации 1859—1861 гг. Герцен подошел со своей собственной концепцией общественного переустройства.

Петрашевцы, Белинский и Герцен многое сделали для распространения социалистических идей и впервые начали соотносить их с условиями крепостнической России. То были первые шаги русской революционно-демократической мысли.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАВКАЗА К РОССИИ

Отношения между народами Кавказа и Россией имели давнюю историю.

Уже армянский писатель Моисей Каланкатуйский (Утийца) сообщал, что в хазарском войске, осадившем Тбилиси в VII в., жир назывался «сало», т. е. предки русских уже тогда имели контакты с Кавказом [1].

Из первых договоров Руси с Византией дошло упоминание о «Корсунской стране», которая рядом ученых соотносится с владениями Руси на Таманском полуострове. Из русских летописей известно, что, после того как во второй половине X в. князь Святослав Игоревич разгромил Хазарский каганат, на месте древнего поселения Таматархи возникла Тмутаракань, ставшая центром одноименного древнерусского княжества. В Тмутараканском княжестве (просуществовало до начала XII в., когда было присоединено к Византии) наряду с русскими жили греки, аланы и касоги.

Давние связи установились у России и с Грузией. Еще в конце XII в., когда грузинское государство добилось больших военно-политических успехов, первым мужем царицы Тамары был Юрий, сын князя Андрея Боголюбского. Хотя брак был неудачным и Тамара рассталась с князем через два года, династические связи русских с грузинами — яркое свидетельство давних контактов русских с народами Кавказа.

С конца XV столетия начинаются более оживленные сношения грузинских царей с Россией. Борьба кавказских народов против турецких и иранских завоевателей, сопровождавшаяся феодальными междоусобицами, толкала одних местных князей к сближению с Россией (Кабарда еще в 1557 г. приняла русское подданство), другие же занимали враждебные ей позиции. Вступление в 1562 г. русского царя Ивана Грозного в брак с кабардинской княжной Марией Темрюковной стало поводом для сближения России с кавказско-горскими народами. В 1582 г. жители окрестностей Бешпау, подвергшиеся набегам татар, перешли под

покровительство русского царя. Царь Кахетии Александр II в 1586 г. отправил посольство к царю Федору, изъявляя готовность вступить в русское подданство. В период Смутного времени на Руси сношения с Закавказьем надолго прекратились.

Укрепление России при Петре Великом отразилось и на отношениях с Кавказом. В 1722 г. Петр I предпринял Персидский поход. Его войска заняли Дербент и земли Прикаспия. Скоро, однако, покоренные области были вновь уступлены Ирану. Границей между обеими державами остался северо-восточный рукав Терека, так называемый Старый Терек, где началось строительство Кавказских укрепленных линий.

При царе Ираклии II грузины вместе с русскими войсками действовали против Турции. Царь Ираклий II в 1744 г. воцарился в Кахетии, а в 1760 г. объединил под своей властью царства Карталинское и Кахетинское. Кроме того, он умело пользовался раздорами в Иране, усмирил кавказских горцев.

В 1783 г. Ираклий II заключил с Россией Георгиевский трактат, в силу которого Восточная Грузия вступила под покровительство России. Но в 1795 г. полчища Аги-Магомед-хана персидского разбили в сражении войска Ираклия, вынудили последнего покинуть Тифлис, после чего город был разграблен и разрушен пришельцами.

После смерти Ираклия II в 1798 г. ему наследовал его старший сын, Георгий XII, последний царь Грузии. По манифесту Александра I от 12 сентября 1801 г. грузинская династия Багратидов лишалась престола, управление Картлией и Кахетией переходило к русскому наместнику. В 1803—1804 гг. на тех же условиях в состав России вошли остальные части Грузии — Мингрелия, Гурия и Имеретия.

В конце 1802 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал-лейтенант князь П. Д. Цицианов, хорошо знакомый с краем.

Частью дипломатическим путем, частью силой оружия ему удалось склонить на сторону России разных владетелей Каспийского побережья, Дагестана и Закавказья, несмотря на крайне ограниченное число русских войск, которыми он мог располагать, и осложнения, вызванные войной с Ираном. При нем к России были присоединены Шекинское, Карабахское и Ширванское ханства и Шурагельский султанат. В начале 1806 г. он овладел городом Баку, но был изменнически

убит местным ханом при получении ключей от крепости. Русские войска покинули Баку.

После этого должность наместника Кавказского края занял граф И. В. Гудович, хорошо знавший Северный Кавказ, но мало знакомый с Закавказьем. Ему удалось остановить проникшую в край чуму и восстановить уважение к русскому правлению. При Гудовиче русские войска изгнали из Дербента мятежного хана, заняли Баку, вновь покорили ханство Шекинское и часть лезгинских земель. 18 июня 1807 г. Гудович одержал победу под Арпачаем, но его приступы на Ахалкалаки и Эривань не принесли успеха.

В 1809 г. преемником Гудовича стал генерал А. П. Тормасов. Он нашел дела на Кавказе в тяжелом положении: Турция и Иран готовились к вторжению в русские пределы, в Имеретии и Абхазии происходили восстания, в Дагестане тоже было неспокойно. А в распоряжении главнокомандующего насчитывалось не более 42 тыс. войск. Тормасов занял крепость Поти и этим устранил активное влияние турок на Абхазию и Имеретию. В Дагестане были подавлены попытки к восстанию.

В 1811 г. на посту наместника Кавказа Тормасова сменил сначала генерал-адъютант маркиз Ф. О. Паулуччи, а затем в 1812 г.—генерал Н. Д. Ртищев. В это время иранский шах Аббас-Мирза со своими войсками вторгся в Карабахское ханство. Русские войска в октябре 1812 г. на реке Араксе при Асландузе разгромили иранцев, а затем штурмом взяли Ленкорань. Аббас-Мирза вынужден был начать мирные переговоры.

Мирный договор между Россией и Ираном был подписан 24 октября 1813 г. в местечке Гюлистан (в Азербайджане). По Гюлистанскому соглашению Иран признал вхождение в состав Российской империи Дагестана, Грузии с Шурагельской провинцией, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, а также ханств Карабахского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышинского. Россия, кроме того, получала исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Купцам России и Ирана предоставлялось право свободной торговли.

В 1812 г. в Бухаресте Россией был подписан мирный договор с Турцией. По этому договору за Россией признались как добровольно присоединившиеся к ней

все области Закавказья до Арапчая, Аджарских гор и Черного моря. Турция получила только Анапу. Одна из секретных статей договора передавала России участок Черноморского побережья Кавказа протяженностью 30—40 верст.

Таким образом, присоединив к своей империи подавляющую часть территории Закавказья, Россия добилась признания этого факта со стороны Ирана и Турции. В Кавказском крае установился мир. Но он оказался недолгим.

В процессе продвижения России в Закавказье огромную роль играли также военно-стратегические и политические факторы. Иран в начале XIX в. захватил Восточную Армению и контролировал азербайджанские ханства и западное побережье Каспийского моря. Значительные территории Закавказья находились под влиянием Турции — она владела укрепленными пунктами на Черноморском побережье (Анапа, Сухуми, Поти и др.). Обе эти державы хотели осуществить далеко идущие замыслы завоевания всего Кавказа.

Разобщенные государства Кавказского края в этих условиях не надеялись на сохранение своей национальной независимости, и поэтому многие из них добровольно принимали русское подданство. Однако в тех районах края, где у власти находились крупные феодалы и верхушка мусульманского духовенства, тяготевшие к Ирану и Турции, возникали очаги сопротивления утверждению власти русского самодержавия.

Следует заметить, что Кавказ соединял Европу с Азией, через него проходили важнейшие торговые пути. С древнейших времен он играл существенную роль в системе международных отношений. Поэтому по мере проникновения русских в Закавказье все туже затягивался узел противоречий между Россией, с одной стороны, и Ираном и Турцией — с другой. Эти противоречия, несмотря на Бухарестский и Гюлистанский мирные договоры, вновь обострились в 20-е годы XIX в.

Утверждение России на Кавказе правительство Англии расценивало как прямую угрозу своему господству в Индии. Вследствие этого Англия настойчиво толкала Иран и Турцию к ревизии Гюлистанского и Бухарестского мирных договоров. С английскими интересами совпадали желания иранского шаха и турецкого султана — они не отказались от своих планов, несмотря на недавние военные поражения.

Турецкое правительство летом 1813 г. потребовало вывода русских войск из Гурии, Мингрелии и Абхазии, подкрепив в 1815 г. эти требования сосредоточением турецких военных контингентов в районе Ахалциха. Позже, в 1817—1818 гг., султан настаивал на эвакуации русских армейских подразделений из Восточной Грузии и Сухуми, надеясь вновь укрепиться в этих районах.

Иран тоже стремился к пересмотру Гюлистанского договора, добиваясь возвращения под свою власть Талышинского и Карабахского ханств. К этому времени при шахском дворе сложилась воинственная антирусская оппозиция. Используя это, Англия поставляла Ирану оружие, а английские офицеры обучали иранские войска военному делу.

Чтобы договориться с русским императором о возвращении Ирану некоторых уступленных им по договору земель, в Петербург был послан Мирза-Абдул-Хасан-хан — впоследствии министр иностранных дел Ирана (он вместе с Ртищевым подписывал Гюлистанский договор). В ответ на это посольство правительство Александра I сообщило шаху, что оно посылает в Иран своим чрезвычайным послом вновь назначенного на Кавказ корпусным командиром и наместником края генерала А. П. Ермолова.

Алексей Петрович Ермолов (1777—1861) был выходцем из старинной, но небогатой дворянской фамилии в Орловской губернии. Военную службу начал в артиллерии под начальством Суворова. Внешне выглядел Геркулесом; был всегда приветливым, остроумным и веселым. Отличался свободомыслием, много читал, обладал широким кругозором. Рано познакомился с книгами французских просветителей, увлекался Вольтером и Руссо.

Оценивая сложный и противоречивый образ Ермолова, историк М. В. Нечкина писала о нем: «...проницательность, умение лавировать, разгадывать планы врага, побеждать хитростью и при нужде надевать маску, несомненно, присущие Ермолову черты. Это сочетание породило немало противоречий в его поведении. Однако черты политической оппозиционности и свободомыслия все же складываются в облике Ермолова в такое прочное и ясное целое, что становится вполне понятно, почему этот человек мог быть зачислен декабристами в ряды «своих»... Политическая оппозиционность Ермолова далеко не была в узком

смысле слова фрондой: нет, она проистекала из определенных, противоположных режиму принципов мировоззрения — сложного и противоречивого, но в основах — противостоящего режиму. От изложенных выше устоев был уже один шаг до политической критики правительства и до деятельности против него»[2].

Ермолов принимал деятельное участие в кампаниях 1805—1814 гг. Был начальником штаба в армии Барклая-де-Толли и особенно отличился в Бородинском сражении — смелой контратакой вернул занятую французами батарею Раевского. В заграничных походах русской армии возглавлял артиллерию союзных армий, был командиром сначала дивизии, а затем — корпуса.

Получив новое назначение, Ермолов 10 октября 1816 г. прибыл в Тифлис. Ознакомившись с положением в Кавказском крае, он в ноябре приступил к делам своего посольства. В правительственной инструкции Ермолову было предписано: выяснить возможность удовлетворения домогательств Ирана в возвращении ему некоторых земель, отошедших к России по Гюлистанскому договору, в обмен на другие выгоды для России. Открыть торговые конторы в Энзели, а особенно в Астрабаде. Заключить с Ираном такое соглашение, по которому он обязывался бы соблюдать строжайший нейтралитет, а Россия со своей стороны оставалась бы безучастной во всех войнах, кои Иран будет вести с другими сопредельными государствами. Ослабить и наконец совсем устранить английское влияние в Иране. Собрать подробные сведения об управлении в Иране, его экономике, топографии, а также о состоянии и силе войск. При отъезде из Тегерана учредить там постоянную миссию.

Посольство Ермолова в составе 200 человек выехало из Тифлиса 17 апреля 1817 г. и пробыло в Иране более пяти месяцев. Первую аудиенцию правителю Ирана Фехт-али-шах дал Ермолову 31 июля. 12 августа Ермолов провел переговоры с высшими государственными деятелями Ирана. 16 августа состоялись вторая аудиенция и селям (прием) у шаха. Ответное вручение подарков русскому посольству и прощальная аудиенция шаха были 27 августа. При всех встречах и переговорах Ермолов достойно представлял свое государство. Может показаться курьезом, но ему помогала его внешность. По этому поводу он с юмором писал графу А. А. Закревскому: «Угрюмая рожа мо

всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорил о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового схватить зубами за горло. К несчастью их, я заметил, что они того не любят, и тогда всякий раз, когда недоставало мне убедительных доказательств, я действовал огромною своею фигурою, которая производила ужасное действие, зверскою рожею и широким горлом, так что они убеждались, что не может же человек так сильно кричать, не имея справедливых и основательных причин. Когда доходило известие до шаха, что я человек-зверь неприступный, то при первом свидании с ним я отравлял его шестью, так что уже не смели ему говорить против меня, и он готов был обвинить того, кто мне угодить не может»[3]. О том, что миссия Ермолова имела определенный успех, говорит тот факт, что новая война России с Ираном была отсрочена почти на 10 лет.

Вернувшись в Тифлис, Ермолов доложил рапортом Александру I о положении в Кавказском крае и о своих планах, осуществление которых требовало новых войск. Император одобрил планы наместника, но в выделении дополнительных войск отказал.

С 1818 г. начался ряд военных операций русских войск в Чечне, Дагестане и на Кубани, сопровождавшихся строительством новых крепостей (Грозная, Внезапная, Бурная). Были устранены беспорядки в Имеретии, Гурии и Мингрелии, упрочено положение русской администрации в Абхазии и ханствах Карабахском и Ширванском.

На Кавказе Ермолов показал себя хорошим администратором и дальновидным государственным деятелем. Он не только возводил военные крепости, но и прокладывал новые дороги, строил больницы при ...ных минеральных водах, поощрял развитие торговли и промышленности. Все это способствовало общему ...состоянию края. Его особую заботу составляли ...русские войска, условия их размещения и быта. ...ной подготовке он избегал парадомании и ненужной муштры, требовал должного внимания и уважения к рядовым солдатам. Некоторых недоброжелателей наместника удивляло его покровительственное отношение к ссыльным декабристам.

...вместе с тем Ермолов допускал порой излишнюю ...кость по отношению к местному населению. Чеченцы, лезгины, аварцы и другие горные народы больше ...ни дорожили свободой. Они брались за оружие,

отстаивая свою независимость. Часто аулы превращались в маленькие крепости. При этом никакие уговоры и мирные предложения не помогали — приходилось прибегать к небольшим, но кровопролитным боям, сопровождавшимся потерями с обеих сторон. Однако военные строгости, наказания, разрушения аулов только усиливали ожесточение населения. Ермолов хорошо понимал это, успокаивая и оправдывая себя суровой необходимостью. Сподвижником Ермолова на Кавказе был Н. Н. Муравьев.

Николай Николаевич Муравьев (1794—1866), родной брат декабриста Александра Муравьева, близкий друг многих декабристов, проходил службу на Кавказе в подчинении у Ермолова. Он был в близких отношениях со своим начальником, с уважением и должной похвалой отзывался о нем, но осуждал его жестокость по отношению к горцам. Он писал в своих «Записках»: «Рассказы, слышанные мною касательно кампании Алексея Петровича, не могут быть здесь помещены, ибо, не имея настоящих сведений на сей счет, мне бы не хотелось обсуживать действия двенадцатитысячного корпуса, который в течение целого лета, как мне кажется, только грабил и разорял окрестные деревни и несколько раз рассеял вооружённые толпы жителей. Главнокомандующий до такой степени забывался, что даже собственными руками наказывал несчастных жителей. Жестокие поступки, которыми он себя ознаменовал в течение прошлого года, совсем несовместимы со свойственным ему добродушием»[4].

Николая I, занявшего престол после своего старшего брата, все раздражало в Ермолове: и его вольнодумство в молодые годы, и его неприятие аракчеевских порядков в армии, и особенно его связи с декабристами (они намечали ввести Ермолова во временное революционное правительство), и его добропорядочное отношение к последним, находившимся в ссылке. Больше того, всегда боявшийся свободомыслия и революционных настроений император опасался, как бы Ермолов не направил Кавказский корпус против царствующего дома. Поэтому он в 1826 г. назначил своего фаворита И. Ф. Паскевича помощником Ермолова, наделив его большими полномочиями и приказав доверительно докладывать о всех важных делах на Кавказе и в случае необходимости заменить наместника края.

Иван Федорович Паскевич (1782—1856) — один из участников суда над декабристами. Из пажей царского двора был произведен в поручики лейб-гвардии Преображенского полка и назначен флигель-адъютантом, состоявшим в царской свите. Принимал участие в русско-турецкой войне (1806—1812), в Отечественной войне и в заграничных походах русской армии (1812—1814). С 1817 по 1821 г. состоял при великом князе Михаиле Павловиче. Затем командовал пехотной дивизией. Командиром одной из бригад этой дивизии стал великий князь Николай Павлович. (Поэтому, будучи уже императором, Николай I называл Паскевича «отцом-командиром».) В 1825 г. был назначен генерал-адъютантом.

Паскевич и Ермолов были разными людьми и в своих отношениях не могли рассчитывать на взаимность и доверие. Оба хорошо понимали, для чего государь послал на Кавказ «отца-командира». Ермолов не стал испытывать судьбу — в марте 1827 г. по личной просьбе вышел в отставку и свои последние годы проживал либо в Москве, либо в орловском имении.

Еще до отставки Ермолова, узнав о смерти Александра I и восстании декабристов, иранский шах возымел намерение снова выступить против России. Он надеялся, что Турция и Англия поддержат его. Вступивший на престол Николай I готовился к войне с Турцией на Балканах и не хотел одновременно воевать с Ираном. Поэтому уступкой последнему некоторых территорий он надеялся обеспечить мир на Кавказе. С этой целью для переговоров с шахом в Тегеран было отправлено посольство князя А. С. Меншикова. К этому времени реорганизованная и обученная английскими офицерами иранская армия выглядела гораздо сильнее, чем в первую войну с русскими. Шах окончательно решил начать войну, арестовал Меншикова и заключил его в тюрьму.

Вторая русско-иранская война началась в июне 1826 г. 40-тысячная армия Аббас-Мирзы перешла Аракс, вторглась в Карабах и, выбрав для своего наступления тифлисское направление, осадила крепость Шушу. Немногочисленный гарнизон крепости во главе с полковником Реутом защищался героически. В обороне крепости русским солдатам оказывало помощь местное население. Так и не взяв Шушу, Аббас-Мирза продолжил движение на Тифлис, оставив для блокады небольшой отряд.

18-тысячный авангард армии Аббас-Мирзы занял Елизаветполь и, разграбив его, продвинулся далее, к крепости Гяндже. Здесь на реке Шамхоре 3 сентября иранцев встретил высланный Ермоловым 4-тысячный отряд генерала В. Г. Мадатова. Активные действия артиллерии и стремительные штыковые атаки русских принесли им победу. Разбитые наголову иранские войска, потеряв 2 тыс. убитыми, бежали вплоть до Аракса, преследуемые кавалерией. Мадатов занял Елизаветполь. Здесь к нему присоединился подошедший из Тифлиса 5-тысячный отряд Паскевича, принявшего на себя общее командование.

Узнав о поражении своего авангарда, разгневанный Аббас-Мирза повесил четырех своих военачальников и с армией двинулся к Елизаветполю. Испытывая неуверенность и присущие ему сомнения в успехе предстоящей встречи с численно превосходящим противником, Паскевич хотел отступить. Но Мадатов и другие офицеры настояли на сражении. Благодаря их смелым и хорошо продуманным действиям, а также храбрости русских солдат битва была выиграна. На поле боя осталось 2 тыс. убитых иранцев; русские захватили 2 орудия, 4 знамени и тысячу пленных. Аббас-Мирза с остатками своих войск ушел в Тавриз.

Отдельные иранские отряды, еще находившиеся в Азербайджане, после поражения главных сил отступили на свою территорию. Горцы же Дагестана, которых агенты шаха призывали к «священной» войне против России, решили не выступать против русских.

К началу 1827 г. в Закавказье были переброшены новые подкрепления: для активных действий против Ирана было выделено до 24 тыс. человек. В апреле началось наступление русских войск на Эривань. Их приход в Араратскую долину вызвал одобрение армянского населения. К армии добровольно присоединилось более тысячи армян. Паскевич долго не решался штурмом брать осажденную Эривань. Только в октябре, когда огнем осадной артиллерии были полностью разрушены стены крепости, она была взята русскими солдатами. Еще до падения Эривани из Карабаха вступил в Южный Азербайджан отряд Эристова и 3 октября 1827 г. взял сначала крепость Меренд, а затем овладел Тавризом, откуда бежал Аббас-Мирза.

Военное поражение Ирана стало очевидным. Шах вынужден был начать мирные переговоры. Они приняли затяжной характер. И только 10 февраля 1828 г.

в селении Туркманчае, близ Тавриза, Россия и Иран подписали мирный договор, завершивший русско-иранскую войну. По этому договору Эриванское и Нахичеванское ханства вошли в состав России, устанавливался порядок переселения подданных обоих государств из одной страны в другую. Река Аракс стала границей между Россией и Ираном. На Иран была наложена контрибуция в 20 млн руб. серебром. Подтверждались преимущественное право России иметь военный флот на Каспийском море и свобода плавания там для русских торговых судов. Стороны обменялись миссиями на уровне посланников и условились ввести консульские отношения. Наследником иранского престола признавался Аббас-Мирза.

По трактату о торговле, приложенному к соглашению, русским и иранским купцам предоставлялось право свободной торговли в Иране и в России. Устанавливалась экстерриториальность российских подданных в Иране; за Россией признавалось право юрисдикции на территории Ирана.

Договор способствовал усилению влияния России на Среднем Востоке и подрывал английские позиции в Иране. Он имел особенно большое значение для судеб армянского народа. В результате его подписания 140 тыс. армян из Турции и Ирана переселились в Закавказье.

В выработке условий Туркманчайского соглашения активное участие принимал А. С. Грибоедов. После подписания договора он, осыпанный царскими милостями, был назначен русским министром-резидентом (послом) в Иран. Это назначение закончилось для него трагически — он был убит 30 января 1829 г. религиозными фанатиками в результате заговора шахского окружения и английской агентуры.

Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829) — известный русский писатель и дипломат, по словам Пушкина, «один из самых умных людей в России». Его род восходит к выехавшим из Польши дворянам, обедневшим в России после петровских времен. В детстве гувернерами Александра были иностранцы, профессора университета давали ему частные уроки. Мальчик рано и много начал читать, поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета. На службу (1812) поступил корнетом в Московский гусарский полк. В марте 1816 г. вышел в отставку. Прибыв в Петербург, поступил на службу

в Коллегию иностранных дел. Сблизился с будущими декабристами — в числе своих друзей считал А. Одоевского, П. Чаадаева и К. Рылеева. В 1818 г. был назначен секретарем русской миссии в Иране. Затем переехал в Тифлис — по ходатайству Ермолова стал секретарем по иностранной части при главнокомандующем на Кавказе.

Летом 1824 г. Грибоедов закончил комедию «Горе от ума», ставшую классикой русской литературы, а в то время запрещенную цензурой. Первое издание комедии вышло в Москве в 1833 г. Поэт был арестован и привлечен к допросу следственной комиссией по делу декабристов. Оправданный, в июне 1826 г. он был выпущен на свободу и приступил к своей прежней службе. Присутствовал при многих сражениях во время русско-иранской войны 1827—1828 гг. В 1828 г. Грибоедов женился на 15-летней Нине Чавчавадзе, дочери известного князя Грузии. После трагедии изуродованное тело Грибоедова было вывезено из Тегерана и похоронено в Тифлисе.

Существует две версии трагической гибели Грибоедова. Первая из них принадлежит правительству иранского шаха, отрицавшему политический характер этого события. Царское правительство молчаливо согласилось с этим по политическим соображениям. Эту версию поддерживал И. О. Симонич, преемник Грибоедова на посту посланника в Тегеране, якобы проводивший расследование причин этой трагедии. Он писал, что Грибоедов сам виноват в своей гибели — своим непродуманным поведением вызвал стихийный взрыв религиозных иранцев, закончившийся дикой расправой над официальным представителем России, только что подписавшей выгодный для себя мир в Туркманчае. Здесь имеются в виду два факта. Во-первых, Грибоедов укрыл в здании посольства евнуха-армянина из Эривани, бежавшего из шахского гарема и просившего помощи в возвращении на родину. Фетх-Али-шах был сильно оскорблен: евнух не являлся русским подданным, принял мусульманскую веру и был взят на службу к шаху в то время, когда Эривань принадлежала Ирану.

Во-вторых, Грибоедов потребовал освобождения двух армянских женщин — наложниц гарема Аллаярхана, первого адъютанта и зятя шаха. После освобождения наложниц Грибоедов до отъезда в Тавриз укрыл их в посольстве, что послужило поводом для обвинения его в неблаговидном поступке.

Вторая, неофициальная и более правдивая версия состояла в том, что Грибоедов стал жертвой политического заговора правительства и исламского духовенства Ирана, а также агентов Англии, направленного против утверждения русских позиций в Закавказье. Главными организаторами расправы над сотрудниками русского посольства в Тегеране были Аллаяр-хан и тегеранский муджехид Месих. Эту версию подтверждал близкий друг Грибоедова, участник сражений в Закавказье Николай Муравьев-Карский. В своих «Записках» он указывал: «Из хода сего дела заключают, что сам шах и все персидское правительство знало об умысле Аллаяр-хана и тайно допустило совершение злодейства; полагали даже, что англичане, видя верх, который Грибоедов над ними начинал брать, из-под руки склоняли главных чиновников Персии к дерзкому поступку. Нельзя полагать, чтобы они хотели довести дело до такой степени; но весьма немудрено, что они желали какого-либо происшествия, последствием коего было уничижение нашего посланника и уменьшение его влияния»[5].

Вспоминая о своих встречах с Грибоедовым (в Петербурге и последнюю, трагическую, когда Пушкин в Закавказье встретил тело убитого Грибоедова), Пушкин писал, так характеризуя этого незаурядного человека: «Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время под подозрением... Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна»[6].

После погрома в русском посольстве (из русских остался жив только секретарь Мальцев) правительство Ирана испытывало большую озабоченность — шах боялся действий со стороны России. Однако правительство Николая I потребовало только выдачи тела Грибоедова. Тогда со стороны Ирана начались

дипломатические отписки и уверения шаха в невиновности и непричастности к случившемуся. Только в мае в Тифлис прибыл с извинениями Хозрой-Мирза, сын Аббас-Мирзы. Паскевич отправил его в Петербург. Николай I принял представителя шаха в Царском Селе и охотно выслушал его извинения. Больше того, он благосклонно отнесся к его просьбе и уменьшил размер контрибуции, взыскиваемой с Ирана по Туркманчайскому договору. Такое поведение царского правительства можно объяснить тем, что в то время Россия вела войну с Турцией.

Николай I заявил на приеме Хозрой-Мирзе: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». После этого двери салонов великосветского Петербурга широко распахнулись для молодых иранских вельмож, знать охотно флиртовала с ними, хотя после гибели Грибоедова прошло всего несколько месяцев.

В апреле 1828 г. началась спровоцированная султаном война между Россией и Турцией, вызванная столкновением их интересов на Балканах и в Закавказье. По сравнению с балканским кавказский фронт войны играл второстепенную роль, однако развернувшиеся на нем события имели для России большое значение. Военные действия происходили на Черноморском побережье и в Западной Армении. Турки, учитывая симпатии армян к русским, перед началом войны отобрали у армянского населения оружие и переселили жителей подальше от границы. Но это мало им помогло.

Русские первыми начали наступление и быстро продвинулись вглубь. При этом Паскевич имел для активных действий всего 17 тыс. солдат против 40 тыс. у противника. 1 июля 1828 г. русские осадили хорошо укрепленную турецкую крепость Карс. Турки нерасчетливо предприняли вылазку из крепости, были отражены, а затем русские егеря, преследуя неприятеля, ворвались на его плечах в предместье крепости и закрепились там. 5 июля войска штурмом овладели Карсом. Эта победа была добыта без разрешения Паскевича, считавшего несвоевременной атаку на противника.

Оставив в Карсе 9-тысячный гарнизон, Паскевич двинулся к Ахалциху, с ходу взяв по пути крепость Ахалкалаки. У Ахалциха он встретил 25-тысячную армию Киос-Мехмет-паши и благодаря мужеству своих солдат быстро разбил ее. Часть разгромленной

армии турок укрылась за стенами Ахалциха, который 28 августа был взят штурмом. Затем под ударами русского оружия пали Ацхур, Ардаган и Баязет. Одновременно черноморским десантом были захвачены приморские крепости Анапа и Поти.

Все эти успехи были достигнуты при весьма посредственном руководстве Паскевича, который, однако, охотно докладывал о них императору, приписывая славу побед себе. В сентябре 1828 г., опасаясь возможной неудачи, он отвел армию в Грузию на зимние квартиры, чем вызвал удивление у турок, ожидавших наступления на Эрзерум.

Пассивность Паскевича ободрила турок — в феврале 1829 г., подтянув свежие силы из Малой Азии, Сирии и Египта, они перешли в контрнаступление. Но добиться успеха им не удалось. 20-тысячная армия Ахмет-паши была отброшена от стен Ахалциха, а потом разгромлена отрядом полковника И. Г. Бурцова. В то же время отряд полковника Н. Н. Муравьева нанес поражение противнику, наступавшему на Ардаган.

Весной 1829 г. русские предприняли новое наступление. 1 июля недалеко от Карса они встретились с главными силами эрзерумского сераскера Салех-паши и разбили их. На другой день у Миллидюза потерпела поражение другая турецкая армия, в плен был взят командующий войсками в Азиатской Турции Гачки-паша. После этого морально подавленный противник при наступлении русских уже не оказывал серьезного сопротивления. Паскевич быстро подступил к Эрзеруму и потребовал у сераскера капитуляции, на что последний немедленно согласился.

Паскевич опасался далеко заходить в глубь вражеской территории и, ссылаясь на отсутствие резервов, остановил продвижение войск. Благоприятный момент был упущен. Через месяц турецкая армия оправилась от поражений и вновь стала оказывать упорное сопротивление.

Дождавшись нового подкрепления, Паскевич из Эрзерума двинулся с главными силами на Трапезунд и у Байбурта разгромил вышедшую ему навстречу армию нового сераскера. Турок снова охватила паника. Но известие о заключении в сентябре 1829 г. Адрианопольского мирного договора остановило продвижение Паскевича и спасло Турцию от новых поражений на Кавказе. Заслуги Паскевича были оценены

Николаем I — он был произведен в генерал-фельдмаршалы. (Еще ранее, после взятия Эривани, ему было пожаловано графское достоинство с именованием Эриванский.)

По Адрианопольскому договору все Кавказское побережье Черного моря, от устья Кубани до северной границы Аджарии, крепости Ахалкалаки и Ахалцих с прилежащими к ним районами переходили к России. Турция признавала присоединение к России Имеретии, Мингрелии и Гурии, а также ханств Эриванского и Нахичеванского. Весной 1830 г. русские войска по условиям соглашения покинули Эрзерум, Карс и Баязет.

Адрианопольский и Туркманчайский мирные договоры юридически закрепили присоединение Закавказья к России и установили границы, которые почти не изменились до 1917 г.

Обстановка в Кавказском крае постепенно стабилизировалась. При этом международная напряженность и сложность взаимоотношений с местным населением, представляющим собой различные национальности, вынуждали проводить осторожную политику. Процесс внутреннего административного устройства этого края затянулся на несколько десятилетий.

По отношению к местным феодалам правительство Николая I проводило двойственную политику: с одной стороны, оно боролось с их сепаратизмом, а с другой — стремилось привлечь их на свою сторону. Многие члены царствующих фамилий Грузии были переселены в Петербург. Заговоры местных сепаратистов решительно подавлялись, их земли конфисковывались в пользу государства. Скоро царизм стал крупным земельным собственником не только в Грузии, но и в Азербайджане и Армении. Чтобы создать из местных феодалов свою классовую опору, Николай I в 1827 г. специальным указом уравнял в привилегиях грузинских дворян с русскими. Царская политика русификации на Кавказе, однако, не имела большого успеха — народы Закавказья сохранили свой язык, культуру, верования и обычаи, несмотря на то что официальное делопроизводство велось на русском языке.

С присоединением к России экономика Закавказья стала развиваться более интенсивно. Возникли торговые общества, железорудные и хлопкоочистительные заводы. Значительно возросли торговые обороты — край стал крупным центром транзитной торговли.

Заметно расширились связи представителей русской культуры с народами Закавказья. На общественно-политическую жизнь этого региона большое влияние оказало вольнолюбивое творчество А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова и М. Ю. Лермонтова.

В то же время народные массы края активно боролись против эксплуатации со стороны как царского самодержавия, так и своих местных феодалов. Летом 1804 г. было подавлено восстание грузинских крестьян. Духовенство Грузии в 1819 г. подняло на борьбу крестьян против секуляризации церковных земель. В 1830 г. восстание против царской администрации вспыхнуло в Южной Осетии, в 1837 г. поднялись на борьбу жители Кубинской провинции и Армении. Все эти выступления носили антифеодальный характер.

К концу 30-х годов XIX в. численность кавказских горцев, расчлененных на многие десятки языковых и этнических групп, достигала примерно 1,5 млн человек. Уровень их социально-экономического развития был различным, однако в большинстве своем они находились на завершающей стадии перехода от общинного устройства к феодальным формам собственности и политической организации. Процесс феодализации существенно изменил положение горских крестьян (узденей), которые составляли основную массу населения Северного Кавказа. Обогатившись торговлей и ремеслом, часть этого вновь возникшего сословия вольных узденей начинает приобретать значительный общественный вес и вступает в борьбу с аристократией, в руках которой находилась вся власть. Разбогатевшая прослойка узденей находит себе верного помощника в лице мусульманского духовенства. Историк Н. А. Дьяков пишет по этому поводу: «Генетически князцы и муллы были связаны с богатой узденьской прослойкой, что в значительной мере усиливало в них аристократическую настроенность, предрасполагало к сотрудничеству с новым слоем феодалов, который представлял собой нечто вроде кавказского варианта новородовитого дворянства»[7]. Оставалась еще и масса крестьян, составляющих сельские общины, на плечи которых ложились и гнет местных феодалов, и репрессии царской администрации. Эти социальные разногласия постоянно давали себя знать в ходе освободительной борьбы горских народов Северного Кавказа.

Стремление России установить свою власть на Кавказе встретило вооруженное сопротивление горцев,

которое из отдельных стычек превратилось в кавказскую войну, охватившую горные районы Северо-Западного Кавказа, Дагестана и Чечни и продолжавшуюся почти полстолетия — с 1817 г. План «покорения Кавказа» сводился царским правительством к захвату стратегических пунктов, запиравших выходы в плодородные долины, к оттеснению горцев в районы, где без пашни и зимних пастбищ было невозможно нормальное ведение хозяйства. Горские аулы переселялись, жителей мобилизовывали на строительство дорог и мостов, за неповиновение жестоко наказывали.

Недовольство населения произволом царских властей использовали местные феодалы и мусульманское духовенство. Начавшееся движение носило сложный характер: освободительная борьба крестьянства соединялась со стремлением ставших во главе движения местной знати и духовенства к укреплению своей власти и влияния среди горских народов. Идеологическим оружием антиколониальных сил стал мюридизм.

Мюридизм (послушничество) проповедовал духовное совершенствование на основе мусульманской религии и безусловное слепое подчинение своим наставникам и вождям. Для мюридов наиболее характерными были религиозный фанатизм и провозглашение газавата — священной войны против неверных. В этом движении под религиозной оболочкой скрывался социально-политический протест. Во главе его стояло духовенство, а движущими силами были часть местных феодалов и главным образом верхушка горных вольных обществ — так называемых узденей.

В 1828 г. первым имамом (руководителем движения) стал мусульманский священник Гази-Магомед, провозгласивший на основе ислама объединение народов Чечни и Дагестана. Его войска нападали на укрепления Сунжинской линии. Гази-Магомед боролся также против не подчинявшихся ему местных феодалов и аварских ханов. После того как этот имам в 1831 г. захватил Кизляр, царское правительство в 1832 г. предприняло против него карательную экспедицию во главе с генерал-адъютантом бароном Г. В. Розеном, в результате которой Гази-Магомед был окружен в ауле Гимры и погиб в бою.

Гамзат-бек стал вторым имамом, возглавившим борьбу горцев в 1832 г. Завершив разгром аварских ханов, он продолжал проповедовать учение мюридиз-

ма среди горцев Дагестана. Но в 1834 г. Гамзат-бек пал жертвой кровавой мести.

Новым имамом в том же году был провозглашен Шамиль (1799—1871). Он родился в Гимрах и, будучи одарен блестящими способностями, продолжал свое образование — слушал лучших в Дагестане преподавателей грамматики, логики и риторики арабского языка. Учение первого проповедника газавата Гази-Магомеда увлекло Шамиля, и он стал его учеником и ярым сторонником. Во время осады аула Гимры в 1832 г. командовал одним из отрядов имама, был тяжело ранен и с большим трудом пробился из окружения русских.

Хаджи-Али в течение многих лет был начальником охраны Шамиля и казначеем, позже стал автором «Сказания очевидца о Шамиле». В «Сказании» он дает следующую характеристику имаму: «Шамиль был человек ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, пловец, борец, бегун, одним словом — никто ни в чем не мог состязаться с ним. Он хорошо изучил народ и землю Дагестана в то время, как находился при Гамзад-беке. Он был способен на все, что бы ни задумал предпринять...»[8]

Став имамом, Шамиль вынужден был отступить внутрь Дагестана, где в то время происходили столкновения между претендентами на власть. Весь 1835 г. он набирал приверженцев, оттесняя своих соперников. Русские власти дали ему возможность усилиться, принимая за искателя приключений. В 1836 г. для приобретения большего влияния среди населения Шамиль женился на вдове бывшего имама Гамзат-бека. В конце года он достиг желаемого: все свободные дагестанские горные общества от Чечни до Аварии признали его власть.

Обладая военным талантом, большими организаторскими навыками, выдержкой и настойчивостью, Шамиль 25 лет властвовал над горцами Дагестана и Чечни, успешно борясь с наступлением русских войск. При этом он не разбирал средств для достижения своих целей. Ему удалось создать достаточно прочное теократическое государство — имамат. В нем Шамиль сосредоточил в своих руках военную, административную и духовную власть. Обычное право было повсеместно заменено сводом религиозно-этических и правовых предписаний — шариатом. Государственным языком стал арабский.

Имамат Шамиля делился на округа, в них всеми делами управляли наместники имама — наибы. Была создана по законам шариата дисциплинированная армия, насчитывающая 10—15 тыс. человек. Резиденция имама находилась в центре горной гряды Северо-Восточного Кавказа — в хорошо укрепленном ауле Ахульго. Любое неподчинение власти имама сурово каралось как измена религии и вероотступничество. Сам имам считался лицом, избранным Богом на великий подвиг для блага верующих.

В имамате по мере его укрепления и развития формировалась новая феодальная верхушка из приближенных Шамиля. Поэтому движение горцев Чечни и Дагестана со временем стало терять свой первоначальный характер. Окружение имама шло на компромисс со старой аристократией и становилось социальной опорой сложившегося государства.

Шамиль предпринял попытки установить связь с иностранными государствами, чтобы с их стороны получить поддержку в своей борьбе против России. Это привлекло внимание турецких и английских эмиссаров. Англия, интересующаяся положением на Кавказе, нуждалась в информации об этом регионе. Свои услуги в этом деле предложил известный английский публицист, дипломат и разведчик Д. Уркарт. Он перебрался в Константинополь и оттуда сумел завязать отношения с вождями горцев. Ему удалось убедить правительство Англии в необходимости начать снабжение горцев деньгами и оружием. В 1836 г. у Черноморского побережья Кавказа была задержана и конфискована русским правительством английская шхуна «Виксен» с грузом оружия на борту. Разразился острый политический скандал, возникла угроза англо-русского вооруженного столкновения. Однако Лондон уступил и в дальнейшем вынужден был проводить более осторожную и сдержанную политику в отношении Кавказа. Вместе с тем связи иностранной агентуры с горцами сохранились, и кавказский фактор неизменно учитывался в русско-английских и русско-турецких отношениях.

Военные действия на Северном Кавказе возобновились в 1837 г. Но наступление русских войск на Дагестан не принесло успеха. Поэтому после заключения перемирия с Шамилем пришлось вернуться к старой тактике — строительству укреплений, новых дорог и к вырубке лесов. В это время были построены новые

крепости (Навагинская, Тенгинская, Новороссийская и др.).

Перемирие не могло быть продолжительным. Для выступления против Шамиля в 1838 г. был назначен генерал-адъютант П. Х. Граббе. В мае 1839 г. его отряд подошел к селению Аргуани, где Шамиль засел с 16 тыс. вооруженных горцев. После рукопашного боя, продолжавшегося 12 часов, Шамиль, потеряв до 2 тыс. человек, оставил аул и отошел к Ахульго. 12 июня к Ахульго подступил отряд Граббе. Блокада этого сильно укрепленного аула Аварского округа Дагестанской области длилась десять недель. 17 августа русские войска пошли на приступ, во время которого Шамиль пробовал вступить в переговоры, но не имел успеха. Приступ возобновился и только после отчаянного штурма, стоившего наступавшим больших потерь, Ахульго был очищен от мюридов, а его укрепления разрушены. Раненому Шамилю со своим отрядом удалось прорваться в Чечню. Осада и взятие Ахульго вились одной из ярких страниц в истории Кавказской войны.

40-е годы стали периодом наибольших военных и политических успехов Шамиля. Ему удалось нанести ряд чувствительных ударов отрядам Кавказского кор-, были захвачены укрепления Черноморской бере-ой линии, занята Авария, вновь утверждена власть Дагестаном. Территория имамата увеличилась с лишним раза, численность его армии возросла 0 тыс. человек. Это была внушительная сила, с ко-ой приходилось серьезно считаться царскому пра-ительству.

мае 1845 г. Николай I приказал генерал-фельд-шалу князю М. С. Воронцову, ставшему с 1844 г. естником Кавказа, выступить против Шамиля ить его резиденцию — Дарго. Против этой беспо-ой карательной экспедиции выступали многие слу-ие на Кавказе генералы. Экспедиция Воронцова предпринята 31 мая и окончилась полной неуда-Хотя брошенное и сожженное Шамилем Дарго занято русскими войсками, их потери в этой ции составили более 3 тыс. человек.

Русская администрация вынуждена была изменить тактику и снова прибегнуть к планомерной и политическим маневрам. Создавались новые и укрепленные пункты. Подобные меры не и не дать свои плоды, поскольку соотношение

сил и ресурсов было не в пользу Шамиля. На руку царскому правительству играло также социальное перерождение мюридизма. Наибы Шамиля и верхушка духовенства жестоко угнетали простой народ, разоряли его бесконечными податями. Феодальная эксплуатация, бесчисленные военные поборы, суровые законы шариата, а также деспотизм самого Шамиля и его ближайших ставленников оттолкнули большинство горского крестьянства от мюридизма. Теряя поддержку среди населения, Шамиль усиливал репрессии, что еще более обостряло внутренний конфликт. В конце 40-х — начале 50-х годов имамат Шамиля начал клониться к закату. В 1853 г. его отряды были окончательно вытеснены в горный Дагестан, где испытывали острую нужду в продовольствии. Прорыв Шамиля летом 1854 г. в Кахетию и захват Цинандали стал его последним военным успехом. Поражение Турции на Кавказском фронте окончательно развеяло надежды Шамиля на помощь извне.

Внутреннее положение имамата стало особенно безнадежным после окончания Крымской войны. Кавказский корпус, преобразованный в армию, повел последнее решительное наступление на горные районы Северного Кавказа. В Северном Дагестане начались народные выступления против Шамиля. После ожесточенного сражения в августе 1859 г. было занято последнее убежище Шамиля — аул Гуниб. Шамиль сдался в плен. Его государство перестало существовать.

Мюридистское движение было обречено на поражение прежде всего внутренними противоречиями, обусловленными несовпадением коренных интересов тех социальных слоев, которые принимали в нем участие. «Строго отличать исторически прогрессивную освободительную борьбу горского крестьянства от борьбы мусульманского духовенства и феодализирующейся верхушки узденьства за создание своего теократического по форме, феодального по социальной сущности государства — имамата»[9] — необходимое условие для правильной оценки движения на Кавказе, отмечал историк А. В. Фадеев.

К концу 1863 г. русские войска заняли весь Северный Кавказ. В мае 1864 г. штурмом был взят Кбааду — последнее укрепление черкесского племени убыхов. Изнурительная и длительная Кавказская война закончилась победой русского оружия.

Последствия полного присоединения Кавказа к России имели сложный, противоречивый характер. С одной стороны, подавление национально-освободительного движения горцев дало русскому самодержавию возможность проводить в этом крае политику, ущемляющую их интересы. Но есть и другая сторона этого исторического процесса. С вхождением народов Кавказа в Российскую империю окончились кровавые феодальные смуты, было уничтожено рабство. Все это способствовало развитию торговли, промышленности, оживлению хозяйственной жизни края. Втягивание Кавказа во всероссийский рынок ускорило развитие капиталистических отношений. Создались, таким образом, предпосылки для роста национального самосознания и формирования наций.

Официальная Россия в лице Николая I, высших сановников, дворян, помещиков считала необходимым подчинение горцев силой оружия. Сомнения в верности политического курса, принятого царизмом в отношении горских народов Кавказа, высказывали полковник Чайковский, генерал Н. Н. Раевский, генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин, публицист С. Иванов и др. По достоинству оценил народы Кавказа русский писатель А. С. Грибоедов. «Он был одним из первых русских писателей, с любовью относящихся к нашему краю...— писал известный грузинский деятель Г. Д. Эристави.— Он один из первых, если не первый, сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли» [10].

Горячее сочувствие освободительной борьбе кавказских народов выражали писатели-декабристы, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой. Сопротивление на Кавказе, заявлял М. В. Петрашевский, увеличивает недовольство в стране, приближая тот момент, когда трудящиеся массы поймут необходимость изменения политического строя. Что касается войны, которую царизм долгие годы вел на Кавказе, то ее петрашевцы справедливо считали противоречащей желанию народов.

Политику царского правительства на Северном Кавказе осуждали передовые прогрессивные деятели русского народа. «Одна миролюбивая политика с горцами,— писал Н. Н. Раевский,— может вести к прочному их покорению, всякая другая, основанная на разорении, кровопролитиях, вредна... торговля сближает горцев

с нами, доставляя огромные выгоды... Не может иметь вредных последствий»[11].

Не русский народ, который сам был угнетаем, а царизм ответствен за проявленные на Кавказе жестокость и насилие во время Кавказской войны первой половины XIX в.

С большой художественной силой борьба горцев Кавказа показана в повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат». Двойственное отношение гениального русского писателя к личности Шамиля следует, видимо, объяснить тем, что Толстой, считая борьбу горцев освободительной, в то же время отрицательно оценивал многие черты имамата и самого Шамиля, в частности его жестокость. «Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников той эпохи — Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса властного абсолютизма — азиатского и европейского»[12] — такое высказывание Л. Н. Толстого записал посетивший его в 1903 г. кавказовед С. Н. Шульгин.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Дальнейшее развитие капитализма в Европе и нараставшее революционное движение определяли международные отношения во второй четверти XIX в. Внешнюю политику русского правительства определял сам царь. По свидетельству известного русского дипломата барона А. Г. Жомини, Александр I завещал своему преемнику идею Священного союза. Однако Николай I в своей внешней политике был противником общеевропейских конгрессов, с его воцарением Священный союз фактически распался; он стремился решать все вопросы путем двусторонних соглашений. Не желая согласовывать свою политику, направленную на подавление революционного инакомыслия, с западными державами, император делал ставку на собственные силы.

Тот же Жомини указывал, что царскую внешнюю политику направляли консервативные деятели, отставшие в своем политическом развитии. Он писал: «Дело в том, что в то время, как вокруг нас все, и события и люди, видоизменились, у нас все оставалось в руках тех деятелей, которые управляли делами в течение пятидесяти лет и применяли к своей деятельности принципы, убеждения и привычки всей своей жизни. И не только они продолжали придерживаться их непоколебимо, но им даже казалось, будто грозный переворот, потрясавший всю Европу, является блистательным доказательством их правоты. Они не замечали вовсе, что этот кризис не только поколебал прежние основы нашей общественной жизни, но что он неминуемо должен будет существенно видоизменить ее. Чем быстрее события следовали друг за другом, тем более эти люди упорствовали в своем сопротивлении, тем более они старались сплотить разрозненные консервативные элементы, с тем чтобы воссоздать и упрочить созданную в 1815 году плотину, в надежде ввести в прежнее русло поток, уже наводнявший Европу»[1].

Представителем консервативного направления являлся прежде всего К. В. Нессельроде, бывший министром

иностранных дел при Александре I и оставшийся им при Николае I, а с 1844 г.— государственный канцлер. Остряки в Петербурге за проавстрийскую политику, ущемлявшую национальные интересы России, звали его «австрийским министром русских иностранных дел».

Современник дал любимцу Николая I такую характеристику: Нессельроде, «немец происхождением и по своим понятиям, немец старого покроя; человек ума необширного, но ума необыкновенно хитрого и тонкого, ловкий и вкрадчивый от природы... Нессельроде был отменно способным к ведению обыденных мелких дипломатических переговоров. Но зато высшие государственные соображения были ему вовсе чуждыми... Нессельроде не любил русских и считал их ни к чему не способными; зато боготворил немцев, видел в них совершенство человечества...»[2].

Священный союз прекратил свое существование, но сотрудничество трех монархических государств — России, Австрии и Пруссии — продолжалось. При этом негласно, сами собою, роли между ними были распределены следующим образом: Австрия являлась авангардом в Италии, Пруссия — на Рейне, а Россия принимала на себя обеспечение статус-кво на Востоке. Несмотря на такое распределение, согласие между этими державами не было прочным и постоянным — каждая из них, решая задачи, исходила из собственных интересов.

Во второй четверти XIX в. наметилось сближение между Англией и Францией. Поскольку оно тоже не было прочным, у русской дипломатии возникала надежда на соглашение с Англией. Но русско-английские противоречия не ослабевали. Англия становилась главным соперником России на Ближнем Востоке, она добивалась преобладающего влияния в Константинополе и Средиземноморье. Английская пресса пугала общественность «русской опасностью».

С Францией у России не могло быть сближения — с момента Французской буржуазной революции 1830 г. Николай I занял по отношению к этой стране враждебную позицию.

Русская дипломатия добивалась в районе Ближнего Востока решения следующих важных для себя задач: достижения наиболее выгодного режима черноморских проливов; поддержки национально-освободительного движения народов Балканского полуострова; расширения черноморской торговли и усиления своего влияния в Константинополе.

Между Россией и Грецией существовали давние религиозные, культурные и экономические связи. Поэтому, когда греки в 1820 г. подняли восстание против турецкого деспотизма, русские люди с должным пониманием и сочувствием встретили это патриотическое выступление. В свое время попытки Александра I договориться с европейскими державами закончить восстание приемлемым компромиссом не имели никакого успеха: Англия не хотела допустить разрешения этого вопроса силами Российской империи. Перед царским правительством встала дилемма — или активно вмешаться в происходившие события, или примириться с утратой своего политического влияния на Балканах.

Предупреждая одностороннее выступление России, с целью сохранения за собой дальнейшей инициативы английское правительство пошло на заключение с царским правительством в апреле 1826 г. Петербургского протокола. Согласно этому документу, Греция получала право независимого существования, но была обязана платить Турции определенную дань и находиться под ее верховной властью. Турецкие земли в Морее (Пелопоннес) и на островах отходили к грекам за известный выкуп. Порта принимала участие в выборе правительственных лиц в Греции, но они должны были быть непременно из греков; грекам предоставлялась полная свобода торговли и религии. Австрия, Пруссия и Франция приглашались присоединиться к Протоколу. Франция, связанная с Грецией торговыми сношениями, приняла это приглашение, а Австрия и Пруссия отнеслись к нему отрицательно, считая, что оно усилит позиции России на Балканах.

Петербургский протокол был успехом русской дипломатии и первым внешнеполитическим успехом Николая I. В Лондоне его встретили неодобрительно, и лорд Веллингтон, подписавший соглашение, выслушал порицание своих коллег по Кабинету.

24 июня 1827 г. Россия, Англия и Франция на основе Петербургского протокола подписали в Лондоне конвенцию об образовании автономного греческого государства. Стороны обязались предложить Порте свое посредничество в целях примирения с греками на следующих условиях: греки будут находиться в зависимости от султана и платить ему ежегодную подать; управление будут осуществлять местные власти, но в их назначении известное участие будет принимать Порта; для отделения греческой национальности от

турецкой и предотвращения столкновений между ними греки получат право выкупать всю турецкую собственность, находившуюся на их территории.

В это время граф Каподистрия, находившийся на службе в высших сферах русского правительства, был избран греками президентом, и ему была вручена неограниченная власть в стране.

Избрание Каподистрии президентом Греции насторожило турок — оно еще более убедило их, будто греческое восстание — дело рук России. Поэтому представления Лондонской конвенции были отвергнуты правительством Турции. Тогда, с целью воспрепятствовать военным действиям Турции, эскадры союзных держав были посланы на помощь грекам к берегам Мореи (Пелопоннеса).

8 октября 1827 г. в Наваринской бухте произошло морское сражение между русско-англо-французским и турецко-египетским флотами. На стороне союзников было 27 кораблей, в том числе 3 линейных (1276 орудий), на стороне Турции — 66 кораблей, в том числе 3 линейных (2200 орудий). Сражение продолжалось 4 часа и закончилось уничтожением турецко-египетского флота. Решающую роль в победе сыграла русская эскадра Л. П. Гейдена, разгромившая весь центр и правый фланг флота противника. Это явилось важным этапом в освобождении Греции от власти турецкого султана.

Но и после поражения в Наваринской бухте Турция не пошла на уступки союзникам. Тогда посланники России, Англии и Франции покинули Константинополь. Считая Россию главным виновником греческого восстания, Порта специальным указом объявила ее непримиримым врагом Турции и всех мусульман. Русские подданные были изгнаны из всех турецких владений. Русским судам запрещалось заходить в Босфор. Желая стать во главе войска, выступающего на защиту ислама, турецкий султан перенес столицу в Адрианополь и приказал своим войскам укрепить дунайские крепости. На этот вызов ответить немедленно, т. е. начать боевые действия, Николай I не мог. Ему необходимо было сначала закончить войну с Ираном и освободить войска, действовавшие на Кавказе. Только в апреле 1828 г. царское правительство объявило войну Турции. Был отдан приказ о выступлении русских войск из Бессарабии в турецкие пределы. Объявляя войну, Николай I в особой декларации заявил

Порте, что он всегда готов будет вступить в мирные переговоры.

Порта не воспользовалась этим. Готовясь к войне, султан надеялся, что европейские державы не допустят ее, поэтому вступление русских войск в Турцию застало его в разгар празднования байрама (одного из главных мусульманских праздников). К этому времени вооруженные силы Порты не превышали 190 тыс. человек (из них только около 80 тыс. регулярных войск), разбросанных по всей европейской и азиатской ее территории; из флота у турок сохранилось 10 кораблей, стоявших в Босфоре. С русской стороны для действий на Балканском фронте были выделены три пехотных и один кавалерийский корпуса (всего 100 тыс. человек) под командованием генерал-фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна.

Петр Христианович Витгенштейн (1768—1842) принадлежал к древнему германскому роду. Отец его поступил на русскую службу в царствование Елизаветы Петровны. В 1781 г. П. Х. Витгенштейн был зачислен сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Во время войны с Польшей в 1795 г. состоял волонтером при корпусе в Литве, затем участвовал в штурме Праги. После этой войны перешел в корпус графа В. А. Зубова, действовавший на Кавказе, был при взятии Дербента. Принимал деятельное участие войне 1805—1807 гг. против Наполеона. В Отечественную войну 1812 г. командовал 1-м пехотным корпусом, был дважды ранен. Участвовал в преследовании отступающей армии Наполеона и в феврале г. вступил в Берлин. После смерти Кутузова главнокомандующим русскими и прусскими войсками, но после неудачных сражений при Люцене и Бауцене попросил отставки. В 1814 г. в битве при Фер-Обе был тяжело ранен. В 1818 г. назначен командующим 2-й армией.

Витгенштейн должен был переправиться через Дунай, двинуться на Варну и Шумлу, перейти Балканы и наступать на Константинополь. 25 апреля войска вступили в Дунайские княжества, 30 мая заняли крепость Исакча, 7 июня пал Браилов. Между 24 и 26 июня был занят Базарджик, после чего один корпус направился к Козлудже, другой — к Варне. Основные силы подошли к Шумле, где 14 августа хотя и отразили две атаки турецких войск, большого успеха не добились.

Вообще к концу августа обстоятельства на Балканском фронте сложились для русских весьма неблагоприятно. Осада Варны, даже после подхода к ней русского флота и высадки десантных войск князя А. С. Меншикова, затянулась. В войсках, стоявших под Шумлой, свирепствовали болезни, лошади падали от бескормицы. Заметно активизировались действия турок, особенно их партизан. Сказывалось численное превосходство неприятеля.

29 сентября Варна капитулировала, а под Шумлой продолжал стоять Витгенштейн. После падения Варны для русских конечной целью кампании 1828 г. стало покорение Силистрии.

В начале 1829 г. командующим войсками на Балканском фронте вместо Витгенштейна был назначен генерал-фельдмаршал граф И. И. Дибич.

Иван Иванович Дибич (1785—1831) был определен отцом в Берлинский кадетский корпус. По приезде в Петербург (1801) стал прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. Во время первых войн с Наполеоном отличился при Аустерлице, в Отечественную войну 1812 г. участвовал в наступлении корпуса Витгенштейна. В 1813 г. стал генерал-квартирмейстером союзных армий; отличился в боях при Дрездене, Кульме и Лейпциге. После войны был назначен начальником штаба 1-й армии и вскоре получил звание генерал-адъютанта. В 1824 г. назначен начальником Главного штаба. При воцарении Николая I заслужил его расположение донесением о заговоре декабристов, лично принимал участие в их арестах. Был в командировке на Кавказе в 1827 г. с целью рассмотрения недоразумений между Ермоловым и Паскевичем. Руководил подавлением восстания в Польше (1830). Скончался от холеры.

К концу апреля 1829 г. Порта успела увеличить свои вооруженные силы на Балканском фронте до 150 тыс. человек. Численное превосходство турецких войск над русскими стало более ощутимым. Однако боевой дух турецкой армии не был настолько высок, чтобы перейти в наступление. Поэтому турецкие военачальники по-прежнему предпочитали оборонительную тактику.

Чтобы обеспечить свой тыл перед движением на Балканы, Дибич решил прежде всего овладеть Силистрией. 7 мая начались осадные работы. В это время визирь Решид-паша начал наступление на Варну с целью возвращения ее Порте. Дибич вынужден был оставить часть своего гарнизона у Силистрии, а с дру-

гой его частью направиться в тыл визирю. Этот маневр 30 мая 1829 г. закончился разгромом турецких войск у деревни Кулевчи. Осада Силистрии продолжалась успешно, и 18 июня эта крепость сдалась.

В июле русские войска перешли Балканский хребет и овладели крепостью Ахиоло и городом Бургасом. Продолжая двигаться, они заняли города Айдос и Карнабат. 31 июля Дибич атаковал у города Сливно 20-тысячный корпус турок, разбил его и этим прервал сообщение Шумлы с Адрианополем. После трудных переходов 7 августа русская армия подошла к Адрианополю — второй столице Оттоманской империи. Неожиданность появления русских привела к тому, что город был сдан без боя.

Падение Адрианополя на Балканском фронте и Эрзерума в Азии вынудило турок начать мирные переговоры. Однако султан преднамеренно затягивал их, надеясь на помощь Англии и Австрии. Тогда Дибич начал наступление на Константинополь. Это сразу возымело свое действие — уполномоченные Порты быстро согласились на все предлагаемые русскими условия предстоящего договора.

Мирный договор между Россией и Турцией, завершивший русско-турецкую войну 1828—1829 гг., был подписан в Адрианополе 2 сентября 1829 г. Обмен ратификационными грамотами был произведен 17 октября. По этому соглашению устье Дуная с островами переходило к России, обеспечивалась автономия Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), подтверждались полученные ранее Россией права свободной торговли во всех областях Османской империи. Турция открывала проход через Босфор и Дарданеллы иностранным и русским торговым судам. Греция получала широкую автономию.

Адрианопольский договор имел важное значение для России и народов Балкан в их борьбе за национальное освобождение. Греция в 1830 г. провозгласила свою независимость. Одновременно были закреплены наследственные права за сербским князем. Все это способствовало росту влияния России на Балканах, ее авторитета у южнославянских народов. Наряду с этим стабилизировались русско-турецкие отношения, а черноморская торговля получила более благоприятные условия для своего развития.

После Адрианопольского мира внешняя политика России не претерпела сколько-нибудь существенных

изменений. В ней по-прежнему доминировал «восточный вопрос». И более острой, более важной стала проблема черноморских проливов.

При рассмотрении «восточного вопроса» необходимо учитывать положение на Балканах славянских народов, близких России по крови. Покоренные в XIV—XVI столетиях мусульманами, они к концу XVIII в. поднялись на борьбу за освобождение от турецкого ига. Русское правительство поддержало эту борьбу славян, что нашло внутри страны должное понимание не только в передовых кругах общественности, но и в разных слоях русского народа.

Босфор и Дарданеллы соединяют Черное, Мраморное и Эгейское моря. Через них не только шел русский хлеб в Европу — через них русский флот мог выходить на оперативные просторы Средиземноморья, а враги России могли угрожать Северному Причерноморью. Вот почему эти проливы составляли для России экономическую, политическую и военно-стратегическую проблему. На протяжении первой половины XIX в. русская дипломатия искала различные пути ее решения. Суть их в конечном счете сводилась к двум подходам Петербурга: или установление добрососедских отношений с Портой и на их основе открытие проливов для русских торговых судов и военных кораблей, или прямая аннексия Константинополя, Босфора и Дарданелл.

Следует заметить, что в отношении Османской империи в целом в русской дипломатии также боролись две точки зрения. Одна концепция заключалась в желании принять активное участие в разделе Турции. Такой план вынашивался всеми главными европейскими кабинетами и основывался на заблуждении, что Османская империя находится на грани своей гибели (Николай I называл ее «больным человеком») и что нужно только успеть поделить ее наследство.

Другая, более реалистическая тенденция в русской дипломатии состояла в том, чтобы установить систему собственно русско-турецких отношений. В 1829 г. взял верх политический реализм — не присутствие русских войск в Черноморских проливах, не ущемление целостности Турции, а расширение с ней дружественных связей. Именно эта концепция была положена в основу Адрианопольского мирного договора.

В начале 30-х годов XIX в. разразился первый турецко-египетский конфликт, привлекший к себе вни-

мание европейских держав. Египетский паша Мухаммед Али выступил против своего сюзерена — турецкого султана.

Порта в 1806 г. сама назначила Мухаммеда Али наместником Египта. Последний произвел в стране ряд реформ, изменивших в ней весь уклад жизни. Он распустил старую недисциплинированную армию и создал новую из послушных феллахов, организовав ее по европейскому образцу. Численность армии доходила до 160 тыс. человек. С ней он покорил соседние провинции — Нубию, Сеннаар и Донголу, расположенные в среднем течении Нила. Были устроены казармы, арсенал, правильно организована поставка провианта, укреплены Александрия и Каир, положено начало египетскому флоту. Финансовая система преобразована по европейским образцам. Были введены косвенные налоги, организовано разведение конопли, льна, индиго и других культур. Произведена земельная реформа. Мухаммед Али не пренебрегал и духовным развитием страны — им были основаны многие школы, несколько типографий и газета. Сила и самостоятельность египетского вице-короля, как называли его европейцы, чрезвычайно возросли. Его зависимость от Порты выражалась только в выплате дани и во внешних знаках подданства. Европейские правительства напрямую вели с ним переговоры.

Укрепив с помощью французских инструкторов армию и флот, Мухаммед Али в 1832 г. начал военные действия против Турции. Армия под начальством его сына Ибрагима быстро овладела Сирией и, разбив турок под Гомсом, стала продвигаться в Анатолию, а египетский флот блокировал турецкую эскадру. Распад Османской империи, казалось, был предрешен.

Русское правительство смотрело на этот конфликт с большой тревогой — оно не хотело свержения султана. Николай I к тому же видел в египетском паше бунтовщика, в действиях которого состоял злодейский умысел против законного правителя. Было решено остановить продвижение египетских войск на Константинополь и при необходимости оказать помощь султану. Такое решение объяснялось общей политической линией правительства на сохранение устойчивости Османской империи и стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе.

Решено было послать сначала в Константинополь, а затем в Египет неофициальное доверенное лицо

с секретной миссией: заверить султана в дружеском отношении к нему русского царя и склонить пашу отказаться от преступных намерений относительно Турции. Эта трудная миссия была возложена на генерал-адъютанта Н. Н. Муравьева.

Получив инструкции от Нессельроде и лично от государя, Муравьев на фрегате «Штандарт» без верительных грамот прибыл 9 декабря в резиденцию русского посла в Константинополе. Его первая аудиенция у султана закончилась без видимого успеха — препятствий для поездки в Александрию не было, но ему не удалось убедить султана в дружеских чувствах русского императора. Турки стали дружелюбнее только после сообщения о готовности России в случае необходимости и с согласия султана оказать Турции военную помощь и прислать к берегам Босфора русскую эскадру из пяти кораблей. 23 декабря фрегат «Штандарт» с Муравьевым на борту отплыл в Египет и 1 января 1833 г. прибыл в Александрию.

Прием у паши состоялся на следующий после прибытия день. Муравьев в переговорах с Мухаммедом Али вел себя так учтиво и в то же время так решительно, что последний должным образом оценил предупреждение русского царя, дал приказ о прекращении военных действий против Турции и согласился изъявить свою покорность султану. В конце января Муравьев вернулся в Константинополь и отметил следующее в своих записках о встрече с Мухаммедом Али: «Хитрая изворотливость в речах Мухаммеда Али свидетельствовала, сколько ему было неприятно и тяжко покориться. Но, невзирая на то, дело было совершено: военные действия прекращены, и он несколько клятвенно обещал замириться с султаном. Если бы он по непостоянству или каким-либо причинам отменил повеление, данное сыну, то уже временный перелом в делах имел свою пользу, ибо от того ослабевал победоносный порыв его войск, а Турция выигрывала время для собрания новых сил. Возобновление военных действий обнаружило бы вероломство паши перед всем светом»[3].

Сообщения Муравьева об успешных переговорах с пашой обрадовали и успокоили султана. Он заявил русскому послу, что отдается под покровительство России и просит прислать обещанную эскадру и сухопутные десантные войска для защиты Константинополя.

Русская военная эскадра под начальством контр-адмирала М. П. Лазарева вошла в Босфор, и вскоре на азиатском его берегу, в долине Ункяр-Искелеси, высадился 30-тысячный русский десант. Одновременно Николай I через своего посла в Константинополе сообщил султану, что русские корабли и десант останутся в Босфоре до тех пор, пока Мухаммед Али не удовлетворит всех требований Порты.

Успех русского демарша в Египет вызвал большую популярность Николая Муравьева в петербургском обществе. Это не нравилось императору. Он не мог, конечно, отрицать заслуг этого образованного и всегда собранного генерала, но не питал к нему дружеских чувств. Государь знал, что Муравьев был не только другом декабристов, но и сподвижником Ермолова на Кавказе. Поэтому Николай I хотя и пожаловал Муравьева званием генерал-лейтенанта, но, чтобы не подчеркивать в светских кругах его успеха, послал своего приближенного графа А. Ф. Орлова полномочным представителем в Турцию и главнокомандующим всеми находящимися там сухопутными и морскими силами. Столичные газеты сразу же переключились с Муравьева на Орлова, рассказывая о заслугах последнего перед государством. Муравьев не мог не догадаться о причинах всего этого и записал в своем дневнике: «Случилось то, что я предвидел, что из Петербурга будет лицо, которое захочет взять себе славу сию, да уже миновала всякая опасность... Я останусь при той ответственности и занятиях самых трудных в ряде, тогда как слава и честь поручения сего достанется графу Орлову. Итак, все труды мои пропали, и другой воспользуется оными»[4].

Турецко-египетский конфликт совпал по времени с заметным обострением противоречий европейских держав на Ближнем Востоке. Усилилось экономическое порабощение Османской империи Англией и Францией. Если английский экспорт на Ближний Восток в 1825 г. составлял 531 704 фунта стерлингов, то, по оценке К. Маркса, его стоимость к 40-м годам XIX в. превысила 1 млн фунтов стерлингов. В 1850 г. эта сумма достигла еще большего значения — 3 762 480 фунтов стерлингов[5]. В то же время значительно возрос экспорт французских товаров в Турцию. Франция, став серьезным конкурентом Англии на турецком рынке, опиралась на Мухаммеда Али и пыталась укрепить свое влияние в Египте, Сирии и Ливане.

Австрия занимала третье место по ввозу своих товаров в Турцию. Используя дунайскую торговую артерию, она пыталась закрепиться на Балканском полуострове. Торговля России с Османской империей существенно отставала от западноевропейской. Поэтому правительство Николая I поощряло русскую буржуазию к расширению торговли с Ближним Востоком. Для укрепления своего влияния в Константинополе оно делало основную ставку на политические акции.

Между турецким султаном Махмудом и Мухаммедом Али был заключен Кютахийский договор, и тем самым устранялся предлог для присутствия русских вооруженных сил около Константинополя. Но, прежде чем покинуть турецкие владения, А. Ф. Орлов от имени России заключил союзный договор о дружбе и взаимопомощи. Он был подписан 26 июня 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси близ турецкой столицы.

Ункяр-Искелесийский договор устанавливал, что между Россией и Турцией будут навеки существовать мир, дружба и союз и что обе стороны будут согласовывать свои действия в целях безопасности и оказывать друг другу военную помощь в случае необходимости. Он подтверждал Адрианопольский мирный договор 1829 г. и другие русско-турецкие соглашения. При этом Россия обязалась предоставлять Турции необходимое количество вооруженных сил в тех случаях, когда обстоятельства побудят Порту требовать от России военной помощи. Другие статьи соглашения определяли расходы на содержание войск и устанавливали 8-летний срок действия договора. Приложенная к договору отдельная секретная статья освобождала Турцию от оказания России помощи, предусмотренной в 1-й статье, но налагала на Порту обязательство закрывать по требованию России Дарданеллы для прохода иностранных кораблей.

Ункяр-Искелесийское соглашение было самым крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке — оно ослабило влияние западноевропейских держав в Турции и усилило позиции России в Константинополе. Это вызвало протесты Англии и Франции, сопровождавшиеся военно-морской демонстрацией у турецких берегов. В нотах, врученных в октябре 1833 г. правительству России английским и французским поверенными в делах, говорилось, что «если условия этого акта вызовут впоследствии вооруженное

вмешательство России во внутренние дела Турции, то английское и французское правительства почтут себя совершенно вправе поступать так, как если бы упомянутого трактата не существовало»[6]. В ответной ноте К. В. Нессельроде заявил, что Россия намерена точно выполнять условия договора, поступая так, как если бы этих нот не существовало.

Однако вскоре после подписания договора значение его для России ослабело в связи с заключением Николаем I Мюнхенгрецкой конвенции от 6 сентября 1833 г. между Австрией и Россией. Конвенция предусматривала в случае повторения турецко-египетского кризиса совместные действия России и Австрии, направленные на сохранение Османской империи под властью существующей династии. В секретной статье конвенции подчеркивалась необходимость совместных действий стран в случае ниспровержения существующего в Турции порядка. Конвенция противодействовала французской экспансии на Ближнем Востоке. Таким образом была ослаблена возможность создания единого блока западных держав против России.

В июне 1839 г. возник новый турецко-египетский конфликт. Турецкие войска были разгромлены в первом же сражении. Турецкий флот перешел на сторону Египта. Порта готова была договориться с Мухаммедом Али, однако в конфликт вмешались западные державы. При этом усилились англо-французские противоречия. Стремясь утвердиться в Египте и Сирии, Франция поддерживала Мухаммеда Али. Она выступала за предоставление независимости Египту и Сирии под властью египетского паши. Но правительства других европейских стран не были заинтересованы в создании сильного египетского государства.

Ближневосточная программа русского правительства значительно изменилась в ходе второго турецко-египетского кризиса. До этого Россия предпочитала сохранять свободу рук на Ближнем Востоке, не терпела вмешательства других европейских держав в русско-турецкие отношения и проблему черноморских проливов рассматривала как вопрос взаимоотношений только с Турцией. К концу 1839 г. наметилась новая тенденция — ослабление экономических и политических позиций России в Турции заставило русскую дипломатию искать союзников в решении восточного вопроса. Возможного союзника русское правительство ошибочно видело в Англии. Поэтому Николай I предпочел

вовсе отказаться от Ункяр-Искелесийского договора, чтобы этим облегчить соглашение с Англией против Франции.

Сближение России с Англией должно было происходить на основе общей вражды к Франции. Англия в ходе турецко-египетского конфликта использовала Россию для ослабления позиций Франции в Египте и Сирии. В то же время она при поддержке других западных держав стремилась связать руки русскому правительству при решении ближневосточного вопроса.

Летом 1840 г. в Лондоне Англия, Россия и Пруссия заключила конвенцию, в силу которой Мухаммед Али отзывал свои войска из Сирии, Палестины, Аравии и с острова Крит. Указами султана от 13 февраля и 1 июня 1841 г. устанавливался новый статус Египта — он и Восточный Судан объявлялись наследственными владениями Мухаммеда Али, который признавал себя вассалом султана. На территорию Египта распространялись все договоры Турции с другими державами. Лондонская конвенция 1840 г. провозглашала международный принцип закрытия черноморских проливов для военных кораблей как России, так и других европейских держав.

В июле 1841 г. Россия, Англия, Австрия, Франция, Пруссия и Турция подписали вторую Лондонскую конвенцию. Она регламентировала новый режим черноморских проливов. Согласно этой конвенции, Босфор и Дарданеллы в мирное время объявлялись закрытыми для военных судов всех держав. За султаном сохранялось право разрешать проход через проливы легких кораблей, находящихся в распоряжении посольств дружественных стран.

С заключением Лондонской конвенции 1841 г. Россия окончательно утратила свои преимущества в проливах, установленные Ункяр-Искелесийским договором. До этой конвенции Черное море фактически оставалось закрытым морем России и Турции, и проход судов через проливы регулировался русско-турецкими соглашениями. Конвенция 1841 г. создавала прецедент, дающий неприбрежным державам юридические основания под предлогом сохранения всеобщего мира претендовать на установление своей опеки над проливами. При этом не обеспечивалась безопасность южного побережья Российской империи, а ее флот оказался в эксперт в Черном море. Конвенции 1840 и 1841 гг. пост

вили Турцию под опеку европейских держав и фактически усилили ее зависимость от Англии. Потерпев крупное дипломатическое поражение, русский император не терял надежды вернуть утраченные позиции. Он пытался договориться с Англией по восточному вопросу. Но разговоры в Лондоне ни к чему не привели.

Внешнеполитический курс правительства Николая I находился в тесной связи с его реакционной внутренней политикой и его борьбой с освободительным движением в Европе.

На рубеже 20-х и 30-х годов XIX в. политическая обстановка во Франции становилась все более напряженной. Чтобы отвлечь внимание общественности от внутренних затруднений, обуздать либеральную оппозицию, поднять свой престиж в армии и обеспечить себе расположение торговой и промышленной буржуазии, правительство Карла X предприняло завоевание Алжира. При осуществлении этой акции Франция могла рассчитывать на моральную поддержку России. Дипломатические интриги Англии, пытавшейся свести на нет плоды русских побед в войне с Турцией (1828—1829), побудили Николая I занять благоприятную для Франции позицию. 14 июня 1830 г. началась высадка французских войск на Алжирском побережье; 5 июля они заняли город Алжир. Турецкий паша-лык (административная единица) был объявлен французской колонией.

Несмотря на успех захватнической политики правительства Карла X, в июле в Париже вспыхнуло вооруженное восстание, быстро принявшее массовый характер. Восставший народ с боем занял Тюильрийский дворец и поднял над ним трехцветное знамя революции — власть перешла в руки муниципальной комиссии. 2 августа 1830 г. Карл X отрекся от престола. Новым королем французов был провозглашен близкий к буржуазным кругам герцог Луи-Филипп Орлеанский. Власть в стране захватила крупная буржуазия.

Передовая общественность Европы приветствовала июльскую революцию во Франции. Она встретила горячее сочувствие у А. И. Герцена. Он писал: «Славное было время, события неслись быстро... Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами... Мы не только подробно знали, но горячо любили всех передовых деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты»[7].

Буржуазная революция 1830 г. вызвала резкую реакцию русского самодержавия. Николай I предпринял ряд дипломатических демаршей, думая о контрреволюционной интервенции. Но признание нового французского короля Луи-Филиппа остальными европейскими государствами поставило Россию в этом вопросе в политическую изоляцию. Позднее она была вынуждена признать новую власть во Франции, но отношения с нею испортились на долгое время.

В 1847 г. во Франции разразился экономический кризис, повлиявший на всю политическую жизнь страны. Резко ухудшились условия жизни широких народных масс. Начались демонстрации и забастовки рабочих и студентов.

23 февраля 1848 г., после расстрела демонстрации правительственными войсками, в Париже вспыхнуло всенародное вооруженное восстание против монархии. За ночь в городе было возведено более 1500 уличных баррикад. Луи-Филипп вынужден был отречься от престола и с семьей бежать в Англию. Народ захватил Тюильрийский дворец, королевский трон был перенесен на площадь Бастилии и сожжен. Так свершилась буржуазно-демократическая революция 1848 г. во Франции. Страна была провозглашена демократической республикой.

Эта революция получила отклик в других государствах Европы — Баварии, Пруссии. В марте того же года началась революция в Венгрии — там задача ликвидации феодально-крепостнического строя совпала с программой борьбы против австрийского владычества. В Италии народные массы вместе с прогрессивной буржуазией выступили против феодальных порядков и австрийского гнета.

Широкий размах революционных выступлений 1848—1849 гг. вызвал консолидацию контрреволюционных сил в монархических государствах Европы. Царизм стал одним из важных оплотов этих реакционных сил. На Николая I возлагали свои надежды все сторонники контрреволюции, разногласия между ними были забыты.

Русские войска в июне 1848 г. вступили в Молдавию и Валахию, где совместно с турецкой армией подавили революционные выступления и восстановили старый порядок. В апреле 1849 г. австрийское правительство обратилось к России за помощью. Тогда же царский манифест объявил о походе в Венгрию для

подавления революции. Русская армия численностью 140 тыс. человек под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича через Галицию вступила на венгерскую землю, чтобы спасти австрийскую монархию. Прогрессивная русская общественность осуждала этот поход. Венгерская армия в августе 1849 г. капитулировала перед превосходящими силами русско-австрийских войск.

Ряд руководителей революционной армии были повешены. Многие деятели венгерской революции эмигрировали в Турцию, чтобы не сдаваться русско-австрийским войскам. Победители потребовали выдачи эмигрировавших подданных, но Турция, опираясь на поддержку Англии и Франции, не выполнила их требований. Россия и Австрия разорвали дипломатические отношения с Турцией. Таким образом, контрреволюционная победа царизма привела к новому обострению восточного вопроса.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853—1856 гг.

Весной 1850 г. европейские газеты сообщили о новой ссоре между католическими и православными монахами в Палестине. Вначале мало кто обратил на это серьезное внимание. Действительно, эта ссора на первый взгляд не представляла ничего особенного, поскольку с давних пор православные и католики претендовали на монопольное положение в святых местах Палестины. В ней особое значение имели храм Гроба Господня в Иерусалиме и храм в Вифлееме, связанный с легендой о рождении Христа. При этом речь шла не о доступе к святыням (им пользовались на равных правах все паломники), а о том, кто будет блюстителем этих религиозных памятников — от этого зависели и престиж церкви, и ее влияние, и ее доходы.

Чиновники турецкого султана, в империю которого входила Палестина, при осуществлении административной власти в Иерусалиме в своих целях использовали соперничество между христианскими общинами. Право контроля над святыми местами они передавали то одной из них, то другой, получая за это значительные подарки. Православная община в Иерусалиме в то время была более многочисленной и более состоятельной, поэтому она пользовалась привилегией наблюдать за сохранностью главных христианских памятников.

Духовные распри в Палестине стали вдруг предметом обсуждения в дипломатических кругах сначала Константинополя, а затем Парижа и Петербурга. 28 мая 1850 г. французский посол в Константинополе потребовал от султана Абдул-Меджида передать преимущественное право распоряжаться святынями в Палестине католическому духовенству. Имелось в виду, что только оно может чинить провалившийся купол храма Гроба Господня и обладать религиозными памятниками. Русский посланник в Константинополе В. П. Титов немедленно встал на защиту православной церкви. При этом первый претендент ссылался на до-

говор французского короля с султаном 1740 г., а второй — на Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г.

На первых порах Абдул-Меджид не придавал значения домогательствам французской и русской сторон. Но когда новый посол Франции в мае 1851 г. привез султану личное послание президента республики, повелитель мусульман решил уступить католикам. Тогда русский царь ответил своим личным посланием султану, в котором требовал восстановить в вопросе о святых местах прежнее положение.

Религиозные споры очень скоро переросли в дипломатический конфликт, который стал внешним проявлением противоречий между европейскими державами на Ближнем Востоке, продолжавших обостряться в середине XIX в. Османская империя испытывала в это время дальнейшее ослабление и внутреннее разложение. На Балканах росло национально-освободительное движение. Англия и Франция в этих условиях настойчиво осваивали ближневосточные рынки. Россия оставалась их главным конкурентом в этом районе. Революционные события 1848 г. в Европе позволили русскому самодержавию проводить свою политику *в отношениях с Турцией. Не полагаясь на коллективные* гарантии режима черноморских проливов, установленные Лондонскими конвенциями 40-х годов, царская дипломатия снова прибегла к политике «свободных рук» — она добивалась пересмотра режима проливов в пользу России. Опасаясь усиления России, Англия и Франция вынашивали планы ее военного поражения, с тем чтобы добиться осуществления своих целей на Востоке. Турция опиралась на поддержку этих мощных европейских держав, надеясь, что поражение России поможет ей покончить с поднявшимся национально-освободительным движением на Балканах и упрочить свои внешнеполитические позиции. Вот почему в ходе борьбы европейских держав за восточные рынки не Иерусалим и Вифлеем, а Босфор и Дарданеллы являлись действительными спорными пунктами в Турции.

В Англии была еще свежа память о движении чартистов и бурных событиях 1848 г. Война против русского царя не только могла бы стать популярной среди английской буржуазии, но и позволила бы правительству обеспечить прочный тыл и привлечь на свою сторону либеральную интеллигенцию и демократические силы общества. А главное, Англия, в которой

завершился промышленный переворот (ее называли «мастерской мира»), стремилась к утверждению своего влияния. Исходя из всего этого, руководители внешней политики Англии решили ввязаться в конфликт, возникший между Россией и Францией на Востоке.

Николая I раздражала активность французской дипломатии в Турции. Еще больше его возмущала податливость правительства Абдул-Меджида в отношении происков Франции в Палестине. Он не хотел допустить активного влияния Франции в столице Османской империи. Поэтому, когда в Петербурге стало известно, что султан и его министр иностранных дел обещали французскому послу поддержать католиков в споре о святых местах, в царском окружении заговорили о возможности военных действий против Турции.

Но прежде чем прибегнуть к силе, русский император попытался установить доверительные отношения с Англией в восточном вопросе. Еще в июне 1844 г. Николай I посетил Лондон с целью ведения двусторонних переговоров. Тогда его десятидневные беседы с королевой Викторией, с герцогом Веллингтоном и министрами правительства не дали желаемых результатов. Англия не поддержала Николая I — она все больше сближалась с Францией. Вторую попытку заручиться поддержкой Англии Николай I предпринял в 1853 г. — вечером 20 февраля на балу он встретился с английским посланником в Петербурге Гамильтоном Сеймуром. Уединившись с ним в отдельной комнате, он предложил английскому правительству план изоляции Франции на Востоке и раздела части владений султана между Россией и Англией. Государь повторял, что Турция «больной человек», что она умирает, и в этом случае англичане и русские не могут позволить застать себя врасплох. Николай I заверял посланника, что Россия не претендует на захват Константинополя, Дунайские княжества (Молдавия и Валахия), а также Сербия и Болгария станут самостоятельными под русским протекторатом, а Англия может занять важные для себя Египет и Крит. Однако предложения русского императора привели к обратным последствиям: они способствовали сближению Англии с Францией. В Константинополь был отправлен английский посол С. Каннинг, ставший вдохновителем борьбы против России. Перед Николаем I реально встала угроза изоляции, однако он этого еще не понимал.

В Константинополь в качестве чрезвычайного и полномочного посла отправился приближенный царя князь А. С. Меншиков. Он увозил с собой требования к султану не только восстановить все права и привилегии православной церкви в Палестине, но и признать русского царя покровителем всех православных подданных в Турции. Прибегая к такому решению, Николай I рассчитывал на дружественный нейтралитет Англии, которая не выступает на стороне султана, а преданные ему прусский король и австрийский император окажут России поддержку.

Но все для Николая I обернулось иначе. Англия и Франция вмешались в русско-турецкий конфликт на стороне Абдул-Меджида, а Австрия и Пруссия заняли нежелательный для России нейтралитет.

Русский военный пароход с внушительным названием «Громоносец» 28 февраля 1853 г. вошел в Босфор и бросил якорь. С его борта сошел Меншиков и, не обращая ни на кого внимания, проследовал в русское посольство. Только на третий день полномочный посол явился к верховному визирю. При этом он не стал надевать парадный мундир и треуголку с плюмажем, накинул на плечи обыкновенное пальто и водрузил на голову скромную мягкую шляпу.

Не оказывая должного уважения турецким министрам, Меншиков проявил не больше почтения и к самому султану. Получив приглашение на заседание дивана, он вошел в зал, не сделав предусмотренного этикетом поклона. При втором посещении дивана он увидел специально укороченную дверь, чтобы нельзя было не поклониться ее, не сделав соответствующего поклона. Однако князь повернулся к двери спиной и вошел в зал, пятясь в коленях. Такая демонстрация посла и резко ультимативный тон требований Николая I не могли способствовать мирному урегулированию возникшего конфликта.

Правительства Англии и Франции делали все возможное, чтобы показать себя поборниками мира, Россию — агрессором, а Турцию изобразить жертвой российской агрессии. В Константинополь были направлены эскадры западных держав.

Переговоры приближались к развязке. Абдул-Меджид выразил готовность удовлетворить все требования относительно привилегий православной церкви в Палестине. Но Меншиков настаивал на заключении договора о покровительстве русского императора православным подданным Турции.

15 мая министр иностранных дел султана запросил шестидневную отсрочку для решения вопроса о заключении конвенции. 21 мая, не дождавшись положительного ответа турецкого правительства, Меншиков вместе с сотрудниками русского посольства покинул Константинополь. После этого средиземноморские эскадры Англии и Франции получили приказ направиться к Дарданеллам. Но и это не заставило Николая I отказаться от ошибочной оценки позиции западных держав, он решил вновь оказать давление на султана и 26 июня объявил манифест о занятии русскими войсками территории Дунайских княжеств, подчиненных Турции.

21 июня армия под командованием князя М. Д. Горчакова перешла Прут и начала оккупацию Молдавии и Валахии. Тогда эскадры союзников, нарушив конвенцию 1841 г. о нейтралитете черноморских проливов, 22 сентября вошли в Мраморное море. Через четыре дня Абдул-Меджид, побуждаемый западными дипломатами, в ультимативной форме потребовал вывода русских войск из Валахии и Молдавии. Не получив положительного ответа из Петербурга, он 16 октября 1853 г. начал военные действия на Дунае и в Закавказье.

Россия в начале 50-х годов не была готова к войне с сильным противником. Хотя царь и его высшие сановники считали военно-экономические ресурсы страны практически неограниченными, кризис феодально-крепостнической системы пагубно сказывался на экономическом и военном потенциале России. К этому времени изжила себя рекрутская система формирования армии. Ее содержание при численности более миллиона человек дорого обходилось государству. Кроме того, армейские соединения были рассредоточены по всей территории империи. При отсутствии развитой сети железных дорог, в условиях русского бездорожья их быстрая переброска для решения оперативно-стратегических задач была чрезвычайно затруднена. Военная промышленность могла обеспечить армию всем необходимым в мирное время, но не в состоянии была сделать это в условиях войны.

Серьезное отставание России от передовых западных стран можно было наблюдать в области вооружения сухопутных войск и военно-морского флота. Русские солдаты были вооружены устаревшими гладкоствольными ружьями, поражавшими цель до 120—

150 м. Более дальнобойные нарезные ружья (штуцеры), поражавшие цель до 800 м, стали поступать в армию только в начале боевых действий. Так, при обороне Севастополя на каждый корпус численностью 42 тыс. солдат штуцеров приходилось только около 1800 единиц. Русская артиллерия по своим техническим характеристикам заметно уступала английской и французской, она также в основном была старого образца. Флот продолжал оставаться преимущественно парусным. В Черноморской эскадре из 21 крупного военного корабля только 7 были паровыми, в то время как англо-французский флот почти целиком состоял из паровых судов с винтовыми двигателями.

Сухопутные войска были плохо подготовлены для ведения боевых действий. В армии процветали парадомания и показная строевая выучка. От солдата требовали бравого вида и четкого выполнения ружейных приемов. Амуниция солдата была мало приспособлена к ведению боя — она весила два пуда с четвертью. Солдат носил на спине полуметровый квадратный ранец из тюленьей или телячьей кожи с ремнями, перекрещивающимися на груди.

Офицеры армии без должного уважения относились к рядовым, они мало интересовались личностью солдата и всегда требовали от него только уставной дисциплины. Среди высшего командования процветали рутина и казнокрадство.

В августе 1852 г. Николай I назначил военным министром вместо А. И. Чернышева Василия Андреевича Долгорукова. В это время Россия стояла лицом к лицу перед союзом двух сильнейших государств мира — Франции и Англии, и иметь военным министром человека способного было бы нелишне. Однако самонадеянный русский император, считавший себя непобедимым и всемогущим, громко и ясно говорил, что не имеет нужды в гениях, а лишь в исполнителях. В. А. Долгоруков был одним из таких: он никогда не перечил царю. Во время войны единственной мыслью военного министра было скрывать от государя настоящее положение дел, не расстраивать его дурными вестями, раздражение от которых отзывалось на окружающих, а тем более на военном министре. Брат В. А. Долгорукова Владимир Андреевич был генерал-провиантмейстером при Военном министерстве, еще при А. И. Чернышеве он показал «всю глубину своей человекоугодливости» и, ворочая миллионами

казенных денег, допускал воровство самое наглое и бессовестное. Вместо того чтобы быть отданны под суд за то, что солдаты умирали с голоду и пи тались тухлой провизией, а свежие припасы прода вались врагам, генерал-провиантмейстер по вступл нии на престол Александра II получил чин генера лейтенанта и ленту Белого Орла. Военный минист В. А. Долгоруков, награжденный Владимирской и А дреевской лентами, по заключении мира, такого тя кого для России, получил чин генерала от кавалерии — «награды, в два года с половиной доказавшие, сколь выгодно при Голштейн-монгольском дворе быть человеком искательным, бездарным и пошлым...»[1].

Крымская война была несправедливой и поэтому весьма непопулярной в народе. В ней каждая из участвующих сторон преследовала свои корыстные интересы. Русское самодержавие стремилось к новым захватам на Ближнем Востоке. Англия и Франция, поддерживая притязания Порты, ставили своей главной задачей ослабить Россию и овладеть новыми рынками на Востоке и в Азии. Султанская Турция надеялась захватить территорию Крыма и некоторые области Закавказья.

По времени Крымскую войну можно разделить на два этапа: первый — русско-турецкая кампания на Дунайском фронте (октябрь 1853 — апрель 1854 г.) и второй — высадка союзников в Крыму и оборона Севастополя (апрель 1854 — февраль 1856 г.).

Военные действия в низовьях Дуная первыми начали турки — их береговые батареи 23 октября обстреляли корабли русской флотилии, направлявшиеся к Галацу. В Молдавии и Валахии к осени 1853 г. находилось 80 тыс. русских войск. Этого было мало не только для наступления за Дунай, в Болгарию, но и для удержания за собой территории Дунайских княжеств в случае активных действий противника. Поэтому командующий русскими войсками князь М. Д. Горчаков был озабочен главным образом организацией обороны на рубеже Дуная, от моря до сербской границы. Он 20 лет прослужил начальником штаба у фельдмаршала И. Ф. Паскевича, талантом полководца не обладал и остался типичным кабинетным стратегом. После долгих колебаний из всех возможных решений он принял самое неудачное — небольшими отрядами разбросал свои войска по левому берегу Дуная.

В Болгарии под командой Омер-паши было сосредоточено 145 тыс. турецких войск. Спустя две недели

после объявления войны Омер-паша переправил 10-тысячный отряд на левый берег Дуная и занял укрепленную позицию у румынского села Ольтеница. Генерал П. А. Даненберг, командовавший ближайшим русским отрядом, 4 ноября без разведки и артиллерийской подготовки атаковал турецкие позиции. Атака оказалась неудачной, и поредевшие русские батальоны вынуждены были отступить на исходные рубежи.

Однако доблесть войск в бою под Ольтеницей произвела на турецких военачальников такое сильное впечатление, что они отказались от наступления на Бухарест и через несколько дней отвели свой отряд на правый берег Дуная. Позднее противник пытался перейти к активным действиям в районе Калафата (на стыке границ Валахии, Сербии и Болгарии). Здесь донские казаки контратаками дважды отражали наступление турок.

6 января 1854 г. 18-тысячный отряд противника обрушился на селение Четати, где стоял Тобольский пехотный полк (вместе с приданными казаками и гусарами он насчитывал лишь 7 тыс. человек). Тобольцы, отразив несколько ожесточенных вражеских атак, отошли за селение, где яростный бой продолжался еще пять часов. Многие русские солдаты и офицеры были ранены или убиты, но оставшиеся в строю стояли насмерть. После полудня к месту сражения подошел [illegible]ческий егерский полк. Он с ходу атаковал противника. Турецкие войска перешли к обороне, а затем [illegible]нуждены были отступить к Калафату.

Бой у Четати показал слабость тактической выучки [illegible]ской армии. Имея чуть ли не двукратное численное превосходство, она не смогла добиться решающего успеха и сломить сопротивление русских. Вместе с тем следует заметить, что обе стороны действовали [illegible]ное настолько вяло и нерешительно, что происшедшие там боевые столкновения не могли оказать [illegible]ственного влияния на ход войны.

[illegible]авной страницей русско-турецкой войны 1853—[illegible]т. было морское сражение в Синопской бухте. [illegible]день, когда на Дунае прозвучали первые выстрелы Севастопольского рейда вышла эскадра военных [illegible]ей. Она направилась к берегам Турции, чтобы [illegible]одить за неприятельским флотом и препятствовать [illegible]ему перебрасывать подкрепления и оружие из [illegible]ангинополя на Кавказ. Эскадрой командовал *[illegible]дмирал П. С. Нахимов.*

Павел Степанович Нахимов (1802—1855) родился в Вяземском уезде Смоленской области. Обучался в Морском кадетском корпусе. Под командой адмирала М. П. Лазарева в 1822—1825 гг. на фрегате «Крейсер» вахтенным офицером совершил кругосветное плавание. В 1827 г. отличился в Наваринском сражении, командуя батареей на корабле «Азов». В русско-турецкую войну 1828—1829 гг. командовал корветом «Наварин». С 1834 г. служил в Черноморском флоте, где командовал сначала линейным кораблем «Силистрия», а затем бригадой и эскадрой кораблей. Нахимов был признанным авторитетом в различных областях военного морского дела. Вера в русского матроса, забота о нем, формы и методы его боевой подготовки принесли русскому флотоводцу большую популярность на Черноморском флоте.

Свыше месяца эскадра Нахимова находилась в плавании в условиях осенней штормовой погоды, вдали от своих баз. Учитывая незначительный численный состав эскадры, реальную угрозу для нее представляли действия англо-французского флота, находившегося в двухдневном переходе от района плавания русских кораблей. Но это не страшило отважных моряков.

В середине октября 1853 г. в Константинополе была сформирована турецкая эскадра из лучших быстроходных кораблей. Ее командующим был назначен вице-адмирал Осман-паша. В первых числах ноября корабли Осман-паши подошли к Синопу, бухта которого была лучшим убежищем флота на всем Анатолийском побережье Черного моря. Узнав о движении турецкой эскадры, Нахимов тоже взял курс к Синопу, где 8 ноября обнаружил неприятельский флот.

В составе турецкой эскадры находилось 16 боевых и вспомогательных судов, вооруженных 476 орудиями. На береговых батареях Синопа было еще 44 орудия. У Нахимова же — всего три корабля с 252 орудиями. При таком неравенстве сил командующий русской эскадрой принял смелое решение заблокировать неприятеля в бухте до прибытия подкрепления из Севастополя.

Несмотря на превосходство сил, турецкие адмиралы и их английский советник не решились на прорыв блокады. Они только послали в Константинополь курьера с донесением о создавшемся положении. Но ни турецкие, ни англо-французские корабли не успели прибыть к Синопу. Их опередила эскадра адмирала

Ф. М. Новосильского. Утром 16 ноября она прибыла к Синопу в составе трех линейных кораблей и двух фрегатов. После этого Нахимов решил дать сражение.

Утром 18 ноября русская эскадра пошла к Синопской бухте. Появление кораблей в ненастное, дождливое утро явилось полной неожиданностью для турок. Завязался стремительный морской бой. Под огнем неприятельских орудий русская эскадра прорвалась на рейд Синопа, сблизилась с противником, стала к нему правым бортом и открыла сокрушительный огонь. В итоге сражения 15 судов было уничтожено, лишь одному удалось спастись бегством. Потери противника превышали три тыс. человек. В числе пленных турецких моряков находился и Осман-паша. Русская эскадра не потеряла ни одного корабля.

После исправления повреждений, полученных в бою, эскадра Нахимова 20 ноября вышла из Синопа. Через двое суток победителей торжественно встречал Севастополь.

После Синопа и военных действий на Дунае правительства Англии и Франции поняли, что Турция не выдержит единоборства с Россией. Несмотря на свое численное превосходство, турецкая армия не смогла добиться каких-либо успехов на Дунайском фронте и понесла невосполнимые потери на море и в Закавказье. Боязнь, что победа русского оружия приведет к усилению России на Востоке, заставила английское и французское правительства вмешаться в русско-турецкую войну.

Чтобы подготовить к этому общественное мнение, пресса Лондона и Парижа начала антирусскую пропаганду. В печати и выступлениях парламентских лидеров появились требования немедленно выступить в защиту Турции. Банкиры Англии и Франции поспешили заявить, что они готовы предоставить турецкому султану заем в 2 млн фунтов стерлингов.

4 января 1854 г. английская и французская эскадры через Босфор проследовали в Черное море, а два месяца спустя правительства западных держав предъявили русскому императору требование о выводе русских войск из Дунайских княжеств. 27 марта того же года английская королева Виктория официально объявила России войну. Через день то же сделал и французский император Наполеон III.

Дипломаты Парижа и Лондона надеялись поднять против России всю Европу. Однако эти надежды не

оправдались. Кроме небольшого Сардинского королевства, ни одно из европейских государств не присоединилось к антирусской коалиции. Король Сардинии примкнул к ней почти год спустя, в январе 1855 г.

Вместе с тем, не вступая в войну официально, Австрия на деле заняла враждебную по отношению к России позицию. По мере роста национально-освободительного движения на Балканах и активизации военных действий на Дунае эта враждебность становилась все более откровенной.

Русские войска в марте 1854 г. переправились на правый берег Дуная возле Браилова. Наступая в южном направлении, они осадили турецкую крепость Силистрию. Вступление русских на болгарскую землю имело важное политическое последствие — среди балканских народов пробудились новые надежды на освобождение от османского ига. Патриоты Греции подняли восстание в Эпире. С новой силой вспыхнула освободительная борьба в Боснии и Герцеговине. Возникли первые партизанские освободительные отряды в Болгарии.

Австрия стала угрожать России сосредоточением своих войск на границе с Дунайскими княжествами. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич, не так давно назначенный главнокомандующим русской армией на Дунайском фронте, боялся флангового удара со стороны австрийской армии и убедил Николая I снять осаду Силистрии и вывести русские войска из Валахии и Молдавии. Дунайские княжества были заняты австрийскими войсками.

Казалось бы, теперь требования западных держав можно считать удовлетворенными. Но Англия и Франция уже забыли об этом. Министр английского правительства Генри Джон Темпл Пальмерстон писал другое: «Мы поддерживаем Турцию для нашего собственного дела и во имя наших собственных интересов...»[2]

Можно предполагать, что теперь Николай I начал постепенно осознавать, какие страшные последствия имели его грубые дипломатические просчеты. Россия должна была воевать не только с Турцией, но и с могущественным союзом передовых западных держав. Союзники могли выставить армию в миллион человек против 700 тыс. русских солдат; им не составляло труда направить свои военно-морские силы, состоявшие на ¾ из паровых судов, против русского, преимущественно парусного, флота.

Судьба войны решалась в Крыму, хотя военные действия велись и на Дунае, и в Закавказье, и в других местах. Союзные эскадры безраздельно господствовали на море, пытаясь в нескольких местах перейти в наступление.

Англо-французская эскадра подвергла Одессу бомбардировке из 350 орудий *. Неприятельские корабли еще некоторое время курсировали вдоль побережья, однако эта демонстрация силы кончилась конфузом. Английский корабль «Тигр» сел на мель недалеко от города. Он был обстрелян, и его команда сдалась в плен.

Весной 1854 г. английская эскадра под командованием Ч. Непира вошла в воды Балтийского моря. В Лондоне ее провожала королева Виктория. Атаковать с моря Кронштадтскую крепость Непир не решился и направился к Аландским островам. Здесь располагалось недостроенное русское укрепление Бомарзунд. Почти 50 боевых судов англо-французского флота в течение месяца блокировали этот пункт. Только после упорного штурма враги овладели развалинами укрепления.

Потерпела неудачу военно-морская эскадра союзников у берегов Камчатки. Там англичане и французы пытались овладеть Петропавловском. Они несколько раз подвергали порт бомбардировке и дважды высаживали с кораблей свой десант.

Поэт К. Симонов так описывал предъявление англичанами ультиматума о сдаче русскому командиру:

Полдня они палили наудачу:
Грозя весь город обратить в костер,
Держа в кармане требование сдачи,
На бастион взошел парламентер...

---

* Фрейлина двора А. Ф. Тютчева записала в своем дневнике: «Вы открыть огонь по городу, они выбрали Страстную пятницу самый час, когда народ был в церкви. Бомбардировка продолжалась 12 часов; большинство наших батарей не могли действовать, так английские суда, вооруженные гораздо более дальнобойными орудиями, держались настолько далеко от берега, что остались вне сферы нашего огня... Английская граната разорвалась около нас в то самое время, когда шел крестный ход с плащаницей во главе с преосв. Иннокентием. Епископ без малейшего волнения повернулся в сторону неприятельского флота и провозгласил анафему тем, которые не побоялись кощунственно нарушить священный обряд. Все с полным спокойствием и благоговением достояли до конца службы. Город вообще держался геройски...» (*Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора. М., 1990. С. 61).

Что защищать? Заржавленные пушки,
Две улицы то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избушки,
Клочок не нужной никому земли?

Но все-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?
Он горсточку земли растер рукою:
Забытая, а все-таки земля.

Дырявые, обветренные флаги
Над крышами шумят среди ветвей...
— Нет, я не подпишу твоей бумаги,
Так и скажи Виктории своей![3]

Русский гарнизон блокированного города в составе 900 солдат и матросов под командованием генерала В. С. Завойко стойко защищал свои позиции. Когда неприятелю победа казалась совсем близкой, он штыковым ударом был остановлен и обращен в бегство. Стойкая оборона петропавловцев вынудила мощную английскую эскадру уйти прочь.

Не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход войны нападения английских кораблей на Соловецкий монастырь в Белом море и на городок Колу на Мурманском побережье. Эти атаки англичан были отражены находившимися там войсками при активной помощи местных жителей.

Не добившись серьезных успехов на Дальнем Востоке, на Севере и в Балтийском море, союзники осенью 1854 г. решили нанести удар по главной базе Черноморского флота — Севастополю. В глазах английского кабинета и Наполеона III падение Севастополя должно было ликвидировать русское влияние на Востоке и облегчить дальнейшее выполнение плана аннексий. Севастополь становился главным средоточием борьбы. Для этого на побережье Болгарии, в районе Варны, они сосредоточили большую экспедиционную армию, которую потом высадили в Крыму. Главнокомандующим французским десантным корпусом был назначен маршал Франции Сент-Арно. Английскими войсками командовал фельдмаршал лорд Раглан. Английские и французские стратеги надеялись на быструю победу. Но их десантная операция вылилась в затяжную, изнуряющую борьбу, которая вошла в нашу историю под названием «Оборона Севастополя».

Командование Севастопольской армией Николай I поручил адмиралу, генерал-адъютанту А. С. Меншикову.

Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869) был праправнуком выдающегося сподвижника Петра I А. Д. Меншикова. Службу начал в дипломатическом корпусе, затем перешел в армию. С 1813 г. находился в свите императора Александра I и часто выполнял его поручения. В 1820 г., при Аракчееве, ему было предложено командование Черноморским флотом, но он отказался, поскольку понятия не имел о морской службе. Меншиков принимал участие в составлении проекта освобождения помещичьих крестьян, принятого императором неблагосклонно. Выйдя в отставку, светлейший князь удалился в деревню, где случайно нашел учителя-моряка и занялся изучением морского дела. При Николае I с чрезвычайной миссией побывал в Иране, там был арестован и находился в тюрьме. По возвращении (1827) получил поручение преобразовать Морское министерство, что и исполнил с большой энергией. В турецкую кампанию 1828 г. командовал десантным отрядом, посланным к восточным берегам Черного моря; овладел крепостью Анапой. Потом командовал войсками, подошедшими к Варне; провел атаку крепости, во время которой был ранен ядром, после чего оставил армию. В 1829 г. стал начальником Главного морского штаба. С 1830 г. служил финляндским генерал-губернатором.

Меншиков был образованным и остроумным человеком; его библиотека была одной из лучших в Петербурге. Но он остался посредственным дипломатом и тем более посредственным военным стратегом. В самом начале крымской кампании он оставил без внимания сведения о приготовлениях союзников к десантной операции и не выделил ни одного подразделения для охраны западного побережья полуострова. Поэтому ничто не помешало противнику утром 2 сентября 1854 г. приблизиться к приморскому городку Евпатории и начать высадку войск на пустынный берег.

Десант союзников насчитывал 360 различных судов и 62-тысячную армию с осадными орудиями. Из общего числа вражеских морских сил 31 судно составляло боевую эскадру, что значительно превосходило весь флот, находившийся в Севастополе под командованием Нахимова. Севастополь, представлявший собой главный объект действий вражеского десанта, имел относительно хорошую береговую оборону, но ничтожные укрепления со стороны суши.

На всем полуострове находилось около 52 тыс. русских войск. Однако часть их была дислоцирована

между Керчью, Феодосией и Арабатом. В Севастопольской армии Меншикова насчитывалось 33 тыс. воинов при 96 орудиях.

После высадки десанта Меншиков предпринял попытку остановить вражескую армию на рубеже реки Альмы. Здесь 8 сентября произошло первое сражение русских войск с интервентами. Русская пехота проявила в этом бою большую стойкость — где только было можно, она отбрасывала врага штыковыми контратаками. Но противник имел не только численный перевес в живой силе, он значительно превосходил русских по своему техническому вооружению. Французская пехота обошла левый фланг русских войск и вынудила их к отходу. Русские потеряли в этом сражении около 6 тыс. человек, союзники — более 3 тыс.

Меншиков отвел свою армию сначала к Севастополю, а потом, боясь оказаться запертым в городе и отрезанным, совершил с армией фланговое движение на Бахчисарай, чтобы сохранить связь с внутренними губерниями России.

Находясь под впечатлением упорного сражения на Альме, английские и французские военачальники не решились атаковать Севастополь с севера. Они обошли Севастопольскую бухту и подготовили для себя морскую базу в Балаклаве. Отсюда началось их наступление на севастопольские укрепления с юга.

Этот маневр союзников предоставил защитникам Севастополя драгоценное время для подготовки к обороне. Проект укрепления Севастополя с суши был разработан еще в 1834 г., но в результате недооценки царским правительством остался почти невыполненным. Даже в 1854 г., когда уже шла война, на укрепление города не было отпущено ни копейки. Теперь же пришлось наверстывать упущенное. И днем и ночью строились наземные бастионы, траншеи и ложементы. Вскоре на холмах вокруг города с юга возникло семь бастионов, связанных между собой более мелкими укреплениями — *редутами, батареями, люнетами* или просто траншеями. Их устройством руководил талантливый инженер Э. И. Тотлебен. Экипажи морских судов перешли на сушу и заняли оборонительные позиции. В эти дни сошли на берег 10 тыс. матросов, а всего за время обороны — свыше 20 тыс. Они явились *решающей силой в героической защите* Севастополя. Корабельные орудия свозились на берег и устанавливались на бастионах. Чтобы преградить вражеском

флоту путь в бухту, у входа в нее были затоплены семь старых парусных судов: линейные корабли «Варна», «Силистрия», «Уриил», «Селафаил», «Три Святителя», фрегаты «Флора» и «Сизополь». В приказе Нахимова о затоплении их говорилось: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой»[4]. Неприятельский флот лишался возможности проникнуть в бухту и с морских судов вести бомбардировку города.

Главными героями и душой обороны Севастополя были флотские начальники — вице-адмирал В. А. Корнилов и адмирал П. С. Нахимов.

Владимир Алексеевич Корнилов (1806—1854) был воспитанником Морского кадетского корпуса. С 1827 г. проходил службу в Средиземном море на корабле «Азов». Участвовал в Наваринской битве. С 1842 по 1846 г. командовал кораблем «Двенадцать Апостолов». После этого был командирован в Англию наблюдать за постройкой пароходов для Черноморского флота, с 1849 г.— начальник штаба этого флота. Принимал участие в Синопском морском сражении. При обороне Севастополя проявил энергию, распорядительность, бесстрашие и спокойствие, которые внушали к нему всеобщее доверие и беспредельное уважение. Он говорил своим подчиненным и защитникам города: «Будем драться до последнего. Отступать нам некуда: сзади нас — море... Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника... Если б я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьет меня...»[5]

Враг подходил к Севастополю. 25 сентября 1854 г. приказом по гарнизону город был объявлен на осадном положении. Эта дата вошла в историю как первый день героической обороны Севастополя, которая продолжалась 349 дней.

Войдя на Южную сторону Севастополя, союзники с изумлением увидели выросшие здесь бастионы и ре-

Не зная о малочисленности гарнизона города, они не отважились на немедленный штурм. Неприятель начал строить свои укрепления и устанавливать осадные батареи.

Чтобы лишить осажденный Севастополь пресной воды, враг разрушил водопровод, проведенный из

окрестностей города. Защитники и жители Севастополя на протяжении всей обороны вынуждены были пользоваться исключительно колодцами, вода в которых имела горько-соленый вкус из-за примеси минеральных солей.

Приступив к осаде города, неприятель тем самым дал его защитникам возможность продолжить оборонительные работы. С какой энергией они велись, видно из того, что если англичане и французы за две недели построили 16 батарей, то севастопольцы — 20. Противник установил 144 орудия, а севастопольцы — 196[6].

В последних числах сентября скончался командующий французской армией Сент-Арно. Его место занял генерал Ф. Канробер. Приблизившись на возможно более близкое расстояние к Севастополю, интервенты начали 5 октября первую интенсивную бомбардировку города из осадных орудий. 6—7 октября бомбардировка продолжалась. Осажденные несли ощутимые потери и терпели многочисленные разрушения. Противник выпустил по городу 59 тыс. снарядов, защитники могли ответить лишь 36 тыс. выстрелов. Но о капитуляции не могло быть и речи. Убитых и раненых убирали, а разрушения, произведенные днем, устраняли ночью. Защитники города вели ответный прицельный огонь, чем приносили союзникам большие неприятности. Больше того, севастопольцы мелкими отрядами совершали смелые ночные вылазки во вражеский лагерь и стремительной штыковой атакой выбивали французов и англичан из траншей. Потери защитников города за день составили 1250 человек, из них 400 убитыми. Самой тяжелой утратой явилась гибель адмирала Корнилова. Общее руководство обороной города после его смерти перешло к Нахимову.

Действия Крымской армии в это время выглядели следующим образом. Осенью 1854 г. Меншиков пытался дважды атаковать позиции противника. Первый раз это произошло 25 октября на подступах к Балаклаве. Но выделенные для этого силы были незначительны, состояли из отдельных отрядов и действовали крайне несогласованно. В первый раз русские овладели четырьмя неприятельскими редутами, однако развить успех не сумели и вскоре отступили. Второй раз они столкнулись с английскими силами в районе Инкерманских высот. В задачу войск входило разгромить правый фланг противника, окружившего Севастополь, сбить его с Инкерманских высот и Сапун-горы. Ан-

глийская дивизия фактически попала в окружение, подверглась почти полному разгрому, но на помощь англичанам подоспели французы. Русская пехота в сражении с французами держалась стойко, но командующий отрядом генерал П. А. Даненберг растерялся и приказал отступить. В атаках войск под Балаклавой и Инкерманом русские воины проявили чудеса храбрости, стойкости и мужества. Командующий Крымской армией, потери которой составили 10 тыс. человек, был подавлен неудачами и впал в состояние полной пассивности. Севастополь был предоставлен собственной участи.

В конце осени пошли дожди и наступили холода. От них страдали и союзники, и защитники города. Отдаленность Крыма от промышленных центров России затрудняла снабжение войск. Чтобы доставить в Севастополь все необходимое, в повозки запрягались волы, которые медленно тащили груз по размытым проселочным дорогам. Севастопольский гарнизон постоянно терпел острую нужду в оружии, снарядах, порохе и теплой одежде.

В ноябре в Севастополь приехал артиллерийский подпоручик Лев Николаевич Толстой, ставший в дальнейшем великим писателем. Он добровольно перевелся из Дунайской армии, уже продолжительное время бездействовавшей. Через несколько дней в письме брату Толстой писал: «Я провел неделю в крепости до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей... Дух в войсках выше всякого описания. В времена Древней Греции не было столько геройства...»[7]*

Героическую оборону Толстой запечатлел в бессмертных «Севастопольских рассказах», которые Россия читала, когда еще шли бои за город. Уже в первом рассказе он писал: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» Отсюда писатель вынес твердое

* Зоркий взгляд молодого Льва Толстого увидел и многое другое: «Только наше войско может стоять и побеждать при таких условиях. Надо видеть пленных французов и англичан (особенно последних): это молодец к молодцу... Козаки говорят, что даже жить жалко, и рядом с ними надо видеть нашего какого-нибудь брата: маленький, вшивый, сморщенный какой-то». Важнейшей своей целью Л. Толстой считал рассказать в печати «о подвигах этих вшивых и сморщенных героев», которые в труднейших условиях держались героически (*Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 59. С. 282).

убеждение в невозможности «поколебать где бы то ни было силу русского народа»[8].

Имена героев Севастополя знала и чтила вся страна. Среди них особенно отличились лейтенант Н. А. Бирюлев, матросы Петр Кошка и Игнатий Шевченко, солдат Афанасий Елисеев и многие другие.

Мужество и стойкость Севастополя удивляли не только союзников, но и всю Европу. Многие высоко оценивали значение выдвигаемых русскими перед главной оборонительной линией полевых укреплений. В марте 1855 г. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Сооружение за последнее время на Малаховом кургане и перед бастионом Корнилова выдвинутых вперед укреплений не имеет себе равных в истории осад и характеризует их организаторов как первоклассных специалистов в своей области»[9].

Благодаря инициативе передовых офицеров и сметливости солдат и матросов начали рождаться новые элементы военного искусства: атака или оборона не колонной, а в рассыпном строю, стрелковой цепью; рытье окопов, в том числе на отдельного стрелка; использование ракет в полевых действиях войск; новые приемы инженерного искусства в строительстве укреплений; создание глубокоэшелонированной обороны; систематические ночные вылазки в расположение врага; стрельба из орудий с закрытых позиций; применение для защиты орудийной прислуги тросовых щитов, ставших прообразом щитов стальных. Это нашло отражение и в прессе союзников. Английская газета писала о том, что Севастополь оказался гораздо более сильной крепостью, чем думали, что русские очень хорошо отстреливаются и быстро исправляют все повреждения. В унисон ей французская газета писала, что «русские далеко превзошли то понятие, которое о них было составлено» и что восторжествовать над ними не так легко[10].

В обороне Севастополя принимал участие первый в русской истории отряд сестер милосердия. Он был сформирован в Петербурге из женщин-добровольцев. В Севастополе в него влились некоторые местные жительницы. Сестры милосердия несли свою изнурительную и благородную вахту в госпиталях и на перевязочных пунктах под руководством врачей и хирурга Н. И. Пирогова.

Николай Иванович Пирогов (1810—1881) — один из известнейших врачей и педагогов XIX столетия и круп-

нейший авторитет в военно-полевой хирургии. Родился в Москве в семье обеспеченных родителей, где получил первоначальное образование. В 14 лет выдержал вступительный экзамен в университет на медицинский факультет. Практические занятия по анатомии и хирургии начал в институте при Дерптском университете. В 1832 г. защитил диссертацию. Через год был командирован на казенный счет в Берлин и работал у известных немецких профессоров. Избранный профессором Дерптского университета в 1836 г., тогда же Пирогов обнародовал свои знаменитые «Анналы хирургической клиники». В 1837—1839 гг. издал на немецком и латинском языках широко известную «Хирургическую анатомию», удостоенную Демидовской премии. С 1841 г. перешел в Петербургскую медико-хирургическую академию, проработал в ней 14 лет, произвел более 10 тыс. вскрытий и опубликовал ряд новых научных трудов. В 1847 г. отправился на Кавказ, где шла война. С началом военных действий в Крыму в 1854 г. прибыл в Севастополь. Здесь он трудился дни и ночи, делал наиболее сложные операции, руководил работой врачей и сестер и наблюдал госпитали и перевязочные пункты, создавая в них надлежащие условия санитарии.

Оборона Севастополя на всем протяжении отличалась высокой боевой активностью его защитников. Особенно прославились они своими смелыми и дерзкими ночными вылазками. Незаметно подкрадываясь к вражеским траншеям, участники вылазок врывались в них, уничтожали или захватывали в плен англичан и французов, выводили из строя орудия, разрушали укрепления, захватывали оружие, боеприпасы и другие трофеи, особенно охотились за штуцерами — нарезными ружьями противника.

Трудовые подвиги севастопольцев были подобны ратным. Батареи и бастионы постепенно соединялись оборонительными стенками, насыпями или завалами, ходами сообщений. Углублялись рвы, и возвышались брустверы, на насыпях укладывались для защиты стрелков мешки с песком или туры. Было вырыто огромное количество ложементов и блиндажей. На второй линии, позади бастионов, возводились новые редуты — Язоновский, Чесменский, Ростиславский.

По приказу Нахимова был наведен наплавной мост через Южную бухту, между центром города и Корабельной стороной,— это помогло ускорить пере-

броску подкреплений и подвоз боеприпасов, а также в значительной мере обезопасило сообщение между защитниками.

Усилена была и защита города с моря. В связи с тем что затопленные корабли пострадали от штормов, в феврале 1855 г. моряки дополнительно затопили в бухте, между Михайловской и Николаевской батареями, парусные линейные корабли «Двенадцать Апостолов», «Святослав», «Ростислав», фрегаты «Кагул» и «Месемврия». Команды и орудия с них усилили оборону города с суши.

Оборонительные работы велись и впереди бастионов. Еще в октябре на подступах к Малахову кургану, к 3-му и 4-му бастионам, в 100—150 метрах от неприятельских траншей стрелки-охотники стали использовать по ночам различные естественные укрепления. Они устанавливали завалы из камней, чтобы днем под их прикрытием вести наблюдение и стрельбу. Это позволяло точно знать, что делает противник, мешать его осадным работам, уничтожать его офицеров и солдат. Можно сказать, что эти засады севастопольцев явились своего рода началом зарождения снайперского движения.

Заставляла и нужда: из гладкоствольных ружей стрелять с оборонительной линии было немыслимо — нужно было подобраться поближе к противнику.

Наконец, в феврале 1855 г. для защиты подступов к Малахову кургану были сооружены Камчатский люнет (открытое полевое укрепление), Волынский и Селенгинский редуты (полевые укрепления, подготовленные к самостоятельной обороне), названные так по имени строивших их полков.

Противник был обескуражен появлением этих укреплений и неоднократно пытался уничтожить их артиллерийским огнем или атакой, но удалось ему это сделать лишь спустя четыре месяца и ценой огромных потерь.

С каждым месяцем союзники наращивали свои силы под Севастополем. Наполеон III пытался ускорить развязку и не жалел войск. Турция также покорно слала и слала свои войска под Севастополь. В январе в Крым прибыл 15-тысячный Сардинский корпус.

В конце января союзники насчитывали 120 тыс. воинов, в апреле — уже 170 тыс. Общая численность русских войск в Крыму в это время достигала 110 тыс. человек.

Еще более превосходили союзники в вооружении и боеприпасах. Количество осадных орудий они увеличили до 541, из них мортир крупного калибра — до 130. Защитники в это время могли противопоставить им 466 орудий, из них мортир только 57. Самое главное было в том, что противник имел до 600 зарядов пороха на орудие, а севастопольцы — всего лишь 154 заряда. К тому же союзники получали порох непрерывно и в большом количестве, а защитники — ничтожно мало и со значительными перебоями.

Союзники обрушили на Севастополь особенно сильный огонь на пасхальной неделе 1855 г. Бомбардировка началась 9 апреля и продолжалась 10 дней с 5 часов утра ежедневно до позднего вечера. «Сто тридцать мортир было среди осадных орудий интервентов против пятидесяти семи у защитников Севастополя; между тем огонь мортир не прицельный, а навесной, и своими бомбами большого веса производили они огромные разрушения на русских батареях и вырывали множество жертв, тем более, что недостаток пороха заставил Сакена разослать по бастионам и редутам приказ отвечать на два неприятельских выстрела одним, и это было всего через пять часов после начала бомбардировки. Чугунная туча над головой, и каждую секунду рвутся, круша ребра укреплений, снаряды — так было на бастионах. Чугунная туча, не редея, направлялась в город и бухту, на флот и низвергалась там. На бастионах от нее было темно и днем, как в сумерки. Это был подлинный ураганный огонь, хотя тогда еще не было в ходу такого сочетания слов» [11]. За эти дни на город было выпущено 165 тыс. снарядов из тяжелых орудий и мортир. Защитники города понесли большие потери (из строя было выведено около 6 тыс. человек), многие укрепления получили значительные повреждения. Но героическая оборона Севастополя продолжалась.

Десять дней не переставая гремела неслыханная канонада. Гигантская лавина металла и огня обрушилась на город. Защитники были вынуждены ограничиться 88 700 выстрелами. Потери союзников составили 1852 человека, русских — 5986 [12].

Все эти дни Нахимов неизменно появлялся на бастионах, особенно часто — на Малаховом кургане. Его видели в самых опасных местах, в том числе на передовых редутах. Он воодушевлял защитников своим спокойствием, храбростью, презрением к смер-

ти, дружескими беседами с матросами и солдатами, заботой о них.

Со временем превосходство неприятеля над осажденными в количестве войск и особенно в вооружении становилось все более ощутимым. Доставка боеприпасов к позициям англо-французских войск обеспечивалась по железной дороге, специально проложенной союзниками от Балаклавы.

Летом 1855 г. произошла смена французского главнокомандующего — место Канробера занял генерал Ж. Ж. Пелисье, считавшийся сторонником активных действий. Все ждали штурма города. Сосредоточив силы против Севастополя, союзники 25 мая начали очередную ожесточенную бомбардировку города. Наиболее сильный огонь противник направлял на укрепления Корабельной стороны, особенно на Малахов курган, Камчатский люнет, Селенгинский и Волынский редуты. Бомбардировка продолжалась всю ночь и следующий день.

Ряды защитников Севастополя таяли. Все острее ощущался недостаток боеприпасов. Порох для орудий начали добывать уже из ружейных патронов. Но севастопольцы не думали об отступлении.

Союзники предприняли штурм в направлении Корабельной стороны, во время которого ценой больших потерь им удалось захватить Камчатский люнет, Селенгинский и Волынский редуты. Для этого только французы сосредоточили свыше 35 тыс. солдат. Враг имел двенадцатикратное превосходство в живой силе. Защитники несколько раз выбивали противника из укреплений, но к концу дня вынуждены были отойти к Малахову кургану. За время этих боев неприятель потерял 6200, защитники — 5500 солдат. Находившийся на Камчатском люнете Нахимов попал в окружение, но вместе с остатками гарнизона, любовно оберегаемый матросами, пробился из вражеского кольца.

Осадные укрепления неприятеля все ближе придвигались к главной оборонительной линии Севастополя.

28 июня защитников Севастополя постигла тяжелая утрата. Во время ежедневного объезда оборонительной линии Нахимов был смертельно ранен на Малаховом кургане пулей в висок. 30 июня выдающийся флотоводец, герой Наварина, Синопа и Севастополя скончался, не приходя в сознание.

В Севастополе, в склепе Владимирского собора, где уже были похоронены адмиралы М. П. Лазарев

В. А. Корнилов и В. И. Истомин, прибавилась еще одна гробница.

Последним проявлением оперативной активности князя Меншикова была попытка захватить 5 февраля 1855 г. Евпаторию, являвшуюся основной неприятельской базой в Крыму. Русскими войсками командовал генерал Хрулев. Но в результате заведомой недооценки действительных сил противника в Евпатории, находившихся к тому же под защитой сильного флота, и недостатка у русских артиллерии и пороха сражение закончилось неудачей.

Князь Горчаков, став главнокомандующим, убеждал нового царя, Александра II в неизбежности сдачи города. Смерть Нахимова ускорила события. Горчаков приказал приступить к строительству плавучего моста через Большую бухту для отвода войск с Южной стороны города на Северную. Этот мост был построен в августе.

Под давлением царя Горчаков бросил 4 августа войска на штурм Федюхинских высот, хорошо укрепленных врагом, имевшим численное превосходство перед атакующими. Последовало известное Черноречен-ское сражение, превратившееся по существу в массовый расстрел союзниками русских войск. Потери русской армии убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили до 10 тыс. человек, противник потерял около 2 тыс. своих войск.

Обильной кровью заплатили русские воины за бездарность царских генералов, изумляя противника стремительностью своих атак, присутствием боевого духа в любых ситуациях, героизмом. Во время боя войсками фактически никто не управлял, они вводились в действие по частям, что вело к напрасной гибели сотен солдат. Несмотря на имевшийся уже опыт боя в стрелковой цепи, полки и батальоны наступали в колоннах и поэтому несли большие потери.

Упоенные победой на Черной речке, союзники предприняли массированную бомбардировку Севастополя. Она продолжалась четыре дня. Город истекал кровью. Вражеские осадные укрепления приблизились к бастионам русских войск на расстояние 25—40 м. Десятки орудий в русском лагере выходили из строя, заменить их было нечем. Все острее чувствовался недостаток боеприпасов. Начавшаяся в августе новая бомбардировка продолжалась несколько дней. После ее прекращения французы бросились на штурм города.

м удалось ворваться на Малахов курган. Несколько з оттесняли неприятеля защитники кургана, но силы ли неравны. Вернуть курган так и не удалось. С по-рей Малахова кургана положение Севастополя стало знадежным.

Вечером по приказу Горчакова русские войска стали тавлять бастионы и переправляться на пароходах и переходить по плавучему мосту на Северную орону. Одновременно специальные команды присту-ли к взрыву пороховых погребов и уничтожению тарей и орудий, к затоплению в бухте оставшегося ота.

Переправа была завершена утром. Плавучий мост звели и подтянули к Северной стороне. На Южной ороне бушевали пожары. Опасаясь, что город за-нирован, неприятель в течение двух дней не осмели-лся вступить на его улицы.

Крымская кампания закончилась, но не так, как телось бы правительствам западных держав. Русские раведливо говорили, что они не капитулировали Крыму — они оставили Севастополь.

Французский маршал Канробер с большим уваже-ем и восхищением вспоминал о героях Севастополя: Чтобы понять, что такое были наши противники, помните о шестнадцати тысячах моряков, которые, ача, уничтожали свои суда с целью загородить про-д и которые заперлись в казематах бастионов со оими пушками под командой своих адмиралов — рнилова, Нахимова, Истомина. К концу осады от х осталось восемьсот человек, а остальные и все три мирала погибли у своих пушек...»[13]

«Восточная война разорвала завесу, дотоле в гла-к Европы скрывавшую бессилие огромной простран-зом России. Оказалось, что армия, которую Незаб-нный (Николай I.— *Авт.*) считал образцом военного вершенства, потому что она выучена была отлично ршировать и отменно маневрировать, не может, взирая на беззаветное мужество солдат, обер-офице-в и многих штаб-офицеров, бороться с армиями ропейскими по причине непроходимой глупости ге-ралов. Незабвенный, одаренный от природы особен-м даром отыскивать и выводить людей бездарных, ел разогнать все, что было способного; при нем ны превратились в настоящий парник дураков. Ад-нистрация являла зрелище необузданного грабежа ходившего до разбоя, особенно в администрации

военной... На русской земле, в Крыму, войска французские, английские и пиэмонтские вдали от своей родины не нуждались ни в чем, а русские солдаты умирали с голоду, гибли в госпиталях без призора, без помощи, даже без одежды, и когда хоронили мертвых, то чиновники и подрядчики Военного министерства воровали даже их гробовые саваны! Грозный призрак могущества России, пугавший Европу, распался, исчез, и место его уступили в Европе чувства сожаления к русскому народу и презрения к петербургскому правительству» [14],— писал современник.

К концу 1855 г. Англия и Франция стали склоняться к мирным переговорам. Франция первая по неофициальным каналам начала зондировать почву. В свою очередь царское правительство ввиду тяжелого экономического, военного и внешнеполитического положения страны также хотело заключения мира.

Парижский мирный конгресс открылся в феврале 1856 г. в новом здании Министерства иностранных дел Франции, он завершил Крымскую войну 1853—1856 гг. В нем приняли участие представители России и находившихся с ней в состоянии войны Англии, Франции, Турции и Сардинии, а также Австрии и Пруссии.

На конгрессе Россия использовала противоречия между победителями и при некотором сближении с Францией сумела добиться смягчения условий мира.

Парижский мирный договор был подписан на заключительном заседании конгресса 18 марта. Он провозглашал восстановление мира между участниками войны и предусматривал: возвращение Россией Турции города Карса с крепостью в обмен на Севастополь и другие города в Крыму, занятые союзниками Турции в ходе крымской кампании; объявление Черного моря нейтральным, т. е. открытым для торговых судов всех наций, с запрещением России и Турции иметь там военные флоты и арсеналы. Отменялись права России «говорить в пользу» княжеств Молдавии и Валахии, предусмотренные Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г. Сербия, Молдавия и Валахия отдавались под покровительство европейских государств.

Условия договора были унизительны для России. Они лишали страну результатов ее многовековой борьбы за выход к Черному морю, оставляли беззащитными Крым, Украину и Кавказ. К договору

рилагались три конвенции: первая подтверждала Лондонскую конвенцию о проливах 1841 г., запретив шую проход военных судов европейских держав чере проливы Босфор и Дарданеллы; вторая устанавливал ограничения в отношении количества и водоизмеще ния легких военных судов России и Турции, пред назначенных для несения сторожевой службы в Чер ном море; третья обязывала Россию не возводит военных укреплений на Аландских островах в Бал тийском море.

Парижский мир 1856 г., мир тяжкий, горестный и унизительный для России, но совершенно необходи мый, был естественным следствием ошибок Николая и проавстрийской политики Нессельроде и его 35-лет него управления Министерством иностранных дел. Оставаться министром Нессельроде было невозмож но. Человек хитрый, он сам это понял и покорился судьбе [15].

Парижским мирным договором было положено на чало новому курсу внешней политики России. С уче том распада Священного союза, напряженности в от ношениях России с Турцией и враждебного России курса Англии основные усилия российской диплома тии были направлены на дальнейшее сближение с Францией.

Николай I не дожил до позора России — ее пораже ния в Крымской войне. Он умер 18 февраля 1855 г. Последние дни жизни наглядно показали, что его «охранительная система» и постоянная боязнь революции — это всего лишь целый ряд ошибок во внешней и внутренней политике страны. Существует версия будто раскаяние и угрызения совести перед смертью у императора были так велики и так мучительны, что он покончил жизнь самоубийством. Пикуль писал по этому поводу: «Я склонен думать, что Николай I по ступил все же рыцарски, когда, не стерпев стыда пора жений, приказал лейб-медику Мандту дать ему пор цию яда, от которого и скончался... Царь понял крах тех идеалов, которым он поклонялся и всю жизнь следовал. Перед смертью он сказал своему сыну: «Прощай, Сашка... я сдаю тебе под команду Россию в дурном порядке!»» [16]

По-другому говорил об этом С. Н. Сергеев-Цен ский: «Во всяком случае можно считать, что те, кто распространял и поддерживал печатно легенду о само убийстве Николая, о свободном уходе его из жизни,

оказывали только посмертную услугу мрачной тени этого убежденного душителя свободы, подсовывая хотя и невысокий, но все-таки некий пьедестал под его личность, делая его способным ужаснуться той пропасти, в которую он завел Россию, и казнить себя самого за дикую глупость своей системы правления»[17]*.

Итак, правление Николая I закончилось поражением в Крымской войне.

Наполеон писал королеве Виктории: «Теперь вполне очевидно для всякого, что одними нашими силами мы не сможем сломить Россию». Французский император сделал все, чтобы состоялись мирные переговоры с русским правительством. Парижский трактат, подписанный 30 марта 1856 г., многих разочаровал на Западе больше, чем в России. Французский посол в Вене барон де Буркнэ, ознакомившись с ним, заметил: «Никак нельзя сообразить... кто же тут победитель, а кто побежденный!»

Побежденной все-таки была Россия. Точнее, потерпел поражение русский царизм. Его престиж на международной арене был серьезно подорван, авторитет внутри страны — поколеблен.

Абсолютная монархия в России к середине 40-х годов оказалась не способной к реформаторской деятельности. Любое даже незначительное преобразование упиралось в это время в наличие в стране крепостного строя. Обсуждая в различных комитетах и комиссиях этот вопрос, члены последних приходили к выводу, что коснуться одной части невозможно, не

---

* Если выбирать между взаимоисключающими версиями, развивавшимися двумя упомянутыми маститыми беллетристами, приходится отдать предпочтение второй. И это определяется не наличием вульгарного просторечия «Сашка», которое было свойственно скорее разночинцам, а отнюдь не повседневному обращению членов царской фамилии. Гораздо важнее то, что свидетельства очевидицы смерти Николая I — фрейлины А. Ф. Тютчевой — объективно и непредвзято говорят о неожиданности фатального конца для самого императора (*Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. С. 89).

Кстати, в последнее время линию Пикуля в освещении этого события продолжил Юрий Нагибин, который в своем новом произведении связывает смерть Николая с известием о падении Севастополя. При этом Нагибина не смущает, что, перенеся оставление Севастополя с конца августа на февраль 1855 г., он более чем на полгода сократил продолжительность героической обороны города. Подобные фантазии на сюжеты русской истории не имеют ничего общего с действительными историческими реалиями (*Нагибин Ю.* Александр Благословенный: Литературный сценарий // Литературные новости. Декабрь. 1993).

потрясая целого, а коснуться целого отказывались потому, что опасно было трогать 25 млн народа. И правительственные круги нашли для себя выход: не трогать ни части, ни целого. После Крымской войны верхи были вынуждены отказаться от такой позиции.

«Царствование Николая I,— писал В. О. Ключевский,— было самой разрушительной из всех эпох, какие довелось пережить России после великой разрухи Смутного времени. Внешнее величие, поддерживаемое грозной армией и заносчивой самонадеянностью, рухнуло в Восточную войну; Европа перестала бояться северного колосса на (обнажившихся) крепостных ногах. Двадцатидевятилетнее правительственное воспитание народа в духе строгой дисциплины и национальной гордости привело к полному нравственному разладу общественных сил. Дворяне страшились крестьян, крестьянство злобилось на дворянство, то и другое не питало ни малейшего доверия к правительству, а правительство боялось обоих»[18].

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Своеобразие русской культуры первой половины XIX в. стало особенно отчетливо проявляться после Отечественной войны 1812 г. Рост национального самосознания народа в этот период оказал огромное воздействие на развитие литературы, изобразительного искусства, театра и музыки.

Самодержавно-крепостнический строй с его сословной политикой в области образования сдерживал процесс развития культуры в России. Однако социально-экономическое развитие страны требовало создания единой системы народного образования.

Дети недворянского происхождения (крестьян, купцов и ремесленников) получали начальное образование в приходских и уездных училищах. Право открывать такие учебные заведения имели земства, городские управления, сельские общества и частные лица.

Для детей дворян и чиновников в городах создавались средние учебные заведения — гимназии. К середине XIX в. их насчитывалось в стране около 50. Гимназии давали право поступления в университет.

Массового женского образования по существу не было. Институты благородных девиц были закрытыми — в них принимались только лица дворянского происхождения.

В первой половине XIX в. в России было образовано семь университетов, они давали высшее образование. Кроме действовавшего Московского были учреждены Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, Петербургский и Киевский университеты.

Высших государственных чиновников готовили в привилегированных учебных заведениях — лицеях. Кроме Императорского Царскосельского лицея действовали Ришельевский — в Одессе, Демидовский — в Ярославле, Нежинский лицей, Императорское училище правоведения и Лазаревский институт восточных языков в Москве.

Продолжало развиваться книгоиздательское и журнально-газетное дело. С одобрения цензуры Министерства

Внешняя политика России во второй четверти XIX в. (с. 659—675)

[1] За стеной Кавказа. С. 503.
[2] *Долгоруков П. В.* Указ. соч. С. 262.
[3] *Задонский Н.* Указ. соч. С. 286.
[4] Там же. С. 290.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М., 1957. С. 13.
[6] Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 499.
[7] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. VIII. С. 133.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. М., 1961. С. 305.

Крымская война 1853—1856 гг. (с. 676—704)

[1] *Долгоруков П.* Указ. соч. С. 181.
[2] *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. VIII. М., 1959. С. 347.
[3] *Симонов К. М.* Собр. соч. Т. 1. С. 61.
[4] Цит. по: *Семин Г. И.* Оборона Севастополя. 1854—1855. М., 1962. С. 22.
[5] Вице-адмирал Корнилов: Сб. документов. М., 1947. С. 294.
[6] *Семин Г. И.* Указ. соч. С. 34.
[7] *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 59. М., 1935. С. 281.
[8] Там же. Т. 4. М.; Л., 1932. С. 16.
[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XI. М., 1958. С. 180.
[10] *Семин Г. И.* Указ. соч. С. 38.
[11] *Сергеев-Ценский С. Н.* Севастопольская страда. Ч. II. М., 1948. С. 554.
[12] *Семин Г. И.* Указ. соч. С. 72.
[13] Цит. по: там же. С. 68.
[14] *Долгоруков П.* Указ. соч. С. 165—166.
[15] См. там же. С. 167.
[16] *Пикуль В.* Битва железных канцлеров. М., 1988. С. 33.
[17] *Сергеев-Ценский С. Н.* Указ. соч. С. 356.
[18] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. V. С. 434.

Русская культура в первой половине XIX в. (с. 705—733)

[1] Северная пчела. 1829. № 65.
[2] С.-Петербургские ведомости. 1829. № 72.
[3] *Пушкин А. С.* ПСС. Т. IX. Л., 1981. С. 48, 49.
[4] Там же. Т. 1. Л., 1977. С. 303.
[5] *Гершгейн Э.* Вокруг гибели Пушкина. По новым материалам // Новый мир. 1962. № 2. С. 211—226.
[6] *Пушкин А. С.* ПСС. Т. 1. С. 319. С. 215.
[7] Цит. по: *Пушкин А. С.* ПСС. Т. X. М., 1981. С. 273.
[8] *Пушкин А. С.* ПСС. Т. III. М., 1981. С. 210.
[9] Там же. Т. VI. М., 1981. С. 39, 155.
[10] Северная пчела. 1831. № 219—220; 1836. № 26.
[11] *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. Т. 1. С. 76.
[12] См.: *Серов А. Н.* Критические статьи. Т. III. СПб., 1895. С. 1560.
[13] *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975. С. 196.
[14] Там же. С. 210—211.
[15] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. V. С. 170—171.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас-Мирза 637, 643—645, 648
Абдул-Меджид 676—680
Август III 137, 210
Августа Тимофеевна *см.* Досифея
Ададуров А. 11
Аделунг Ф. 574
Айдос Мехмет-паша 195
Акимов И. А. 397
Аксаков И. С. 625
Аксаков К. С. 613, 616, 617, 625, 626, 748
Аксаков С. Т. 626
Алабуев 368
Алашев 98
Александр, церк. 74
Александр I 74, 83, 115, 131, 132, 174, 196, 220, 243, 250, 257, 278, 288, 311, 313, 321, 326, 353—358, 388, 396, 417, 429—434, 436, 437, 439, 441—444, 446—461, 463—467, 469—473, 479, 481, 483, 484, 486, 487, 489, 491, 493, 494, 496, 499, 504, 505, 507—511, 513, 514, 516—524, 526—530, 532—536, 538, 540, 555, 574—577, 580, 582, 622, 636, 639, 641, 643, 659—661, 689, 718, 732, 742, 745, 746
Александр II 97, 391, 452, 567, 682, 699, 702, 703
Александр II Кахетинский 636
Александра Павловна 312
Александра Федоровна 575, 718
Александров В. А. 748
Алексеев Ф. Я. 397
Алексеев М. 207
Алексей Михайлович 23, 108, 363, 380
Али-Магомед-хан 636
Алим-Гирей 166
Аллаяр-хан 646, 647
Альбани, церк. 95
Альгаротти 229
Алябьев А. А. 725
Амвросий, церк. 282, 283
Андреев В. 282
Андрей Боголюбский 635
Андронников И. Л. 745
Андрущенко А. И. 86
Анисимов Е. В. 369
Анна Иоанновна 24, 108, 241, 366, 367, 379, 384
Анна Павловна 471, 472
Анненков И. А. 566
Аносов П. П. 710
Антинг Ф. И. 188
Антокольский П. Г. 749
Антропов А. П. 396
Апраксин 211, 267
Аракчеев А. А. 313, 318, 321, 431, 435, 452, 494, 515, 518—523, 528, 545, 605, 689
Арапов И. 59, 64
Аргунов И. П. 394
Аргунов Н. И. 730
Аргуновы 394
Аристотель 384
д'Артаньян 267
Арфа 144
Архаров Н. П. 127, 287, 315, 321, 736
Арцыбашев Н. С. 714
Атласов В. В. 362
Ахматова А. А. 601
Ахмет-паша 649
Ахшарумов Д. Д. 630, 632

Багратиды 636
Багратион П. И. 345, 348, 462, 480, 481, 484, 486, 488—490, 501
Баденский, принц 430
Баженов В. И. 399, 400
Бакунин М. А. 617, 712
Балашов А. Д. 450, 483, 514
Балугьянский М. А. 574, 580
Бантыш-Каменский Д. Н. 270—271, 300, 741
Баранов Н. 47
Баратынский Е. А. 634, 716

Барклай-де-Толли М. Б. 468, 480—482, 484—487, 489, 491, 505, 640, 730
Барсов А. А. 369
Бартенев П. И. 264, 391
Барятинские 400
Барятинский 288, 292, 431
Басаргин Н. В. 570
Баташевы 515
Батеньков Г. С. 450, 451
Батый-Гирей 166
Башарин И. 57
Беарде де Лаббей 279
Безбородко А. А. 136, 225, 245, 247, 250, 300, 303, 313, 314, 330, 433, 440, 739
Безухов П. 122, 123
Бейль П. 290
Беккариа Ч. 25, 26, 31
Беклемишев 730
Беклешов А. А. 324
Белинский В. Г. 301, 382, 608, 610, 613—617, 624, 625, 627—630, 633, 634, 712, 714, 725, 748
Беллинсгаузен Ф. Ф. 711
Белобородов И. 62, 67, 70, 78
Бельгард Г. 336, 338
Бенкендорф А. Х. 579, 583, 584, 589, 590, 608, 613, 733
Беннигсен Л. Л. 356, 358, 455, 460—462, 491
Бердяев Н. А. 627
Беринг В. И. 364, 365
Берков П. Н. 120
Бернулли Д. 367
Бескровный Л. Г. 745
Бестужев А. А. 557, 634, 715
Бестужев М. А. 557, 570
Бестужев Н. А. 558, 715
Бестужевы 605
Бестужев-Рюмин К. Н. 86
Бестужев-Рюмин М. П. 555, 561, 563
Бецкой (Бецкий) И. И. 232, 292, 371—373
Бибиков А. И. 30, 59—61, 66, 67, 117, 187
Билов 53
Бильбасов В. А. 270
Бирон Э. И. 379
Бирюлев Н. А. 694
Бичурин Н. Я. 714
Блудов Д. Н. 580
Блюментрост Л. Л. 365, 366
Бобринская С. А. 718
Бобринский А. Г. 279
Бове О. И. 731
Богданович 298
Боголюбов В. Н. 736
Богомолов Ф. 48
Богрянский 130
Болотников И. И. 87
Болотов А. Т. 19, 57, 83, 84, 326, 735, 742
Болтин И. Н. 122, 381
Болховитинов Н. Н. 738
Бомарше П. О. 126
Борис Годунов 380, 717
Бориссенков Е. П. 744
Борисов А. 554, 564
Борисов П. 554, 562, 564
Боровиковский В. Л. 394, 396
Боровков А. Д. 543, 576, 746, 747
Бородин 42, 43
Боткин В. П. 617
Бошняк 76
Браницкие 208
Браницкий 162
Браницкий К. 211, 215, 216
Брант фон 49, 69—71
Брауншвейгский, герцог 129
Брени В. Ф. 399
Брикнер А. Г. 741
Бродский Н. 132
Бродский Н. Л. 749
Брок П. Ф. 591
Брокгауз Ф. А. 198, 266, 291, 535, 741, 742, 746—748
Бруни Ф. А. 97
Брут М. Ю. 355
Брюллов К. П. 728, 730
Брюс Я. А. 112, 114
Буало Н. 290
Будберг А. 453
Будяк Л. М. 736
Бужанинова 384
Буксгевден Ф. Ф. 467
Булавин К. А. 87
Буланин 740
Булатов 467
Булатов А. М. 557
Булахов П. П. 725
Булгаков Я. И. 175, 215
Булгарин Ф. В. 600, 605—608, 706, 716
Бурбоны 529
Буркнэ 703
Бурнов И. 79
Бурцов И. Г. 546, 649
Буташевич-Петрашевский М. В. 629—632, 657
Бутенеп 708
Бутурлин А. Б. 122, 235
Бюлер А. Я. 741

Ваврженкий Т. 245
Вадковский А. Ф. 562
Валериани 396
Валишевский К. 230, 734, 743
Валленштерн 63
Валуев П. А. 602, 748
Ванька, лит. 85
Василий, старец 46
Василий Иванович 423
Васильев Н. 398
Васильчиков 229, 260, 284
Васильчиков И. В. 545, 592
Ватрен Ф. 342
Вацуро В. Э. 745
Вашингтон Д. 171, 218, 221
Вегенер 325
Вейсман 156, 157
Веллингтон А. У. 661, 678
Веневитинов Д. В. 614
Венсцианов А. Г. 727
Вергилий 377
Верден К. 362
Верссаев В. В. 714, 720
Верстовский А. Н. 725, 726
Видок Э.-Ф. 600, 606
Виктория 678, 685, 687, 688, 703
Виланд К. М. 126
Витали И. П. 730
Витворт 354, 355
Витгенштейн П. Х. 498, 505, 540, 605, 663, 664
Витрувий 399
Власов С. П. 405
Войнович М. И. 185, 272
Волков А. А. 608
Волков Ф. Г. 120, 401
Волконская М. Н. 565, 566, 569
Волконский 73, 82
Волконский М. Н. 236
Волконский С. Г. 565
Волынский А. П. 23, 384
Волькенштейны 724
Вольтер 21, 22, 26, 121, 259, 289, 290, 295, 296, 374, 443, 639, 734
Воронихин А. Н. 404
Воронцов А. Р. 247, 290, 433, 453
Воронцов М. И. 9, 11, 289
Воронцов М. С. 390, 655, 717
Воронцов Р. И. 48, 122, 289
Воронцов С. Р. 330
Воронцова *см.* Дашкова Е. Р.
Воронцова Е. Р. 6, 122, 293
Воронцовы 9, 413
Ворчалкина, лит. 389
Востоков А. Х. 714
Вронченко Ф. П. 580, 591
Всеволожский Н. 543
Вукасович Ф. 335
Вяземский А. А. 30, 83, 97, 301
Вяземский П. А. 131, 390, 566, 606, 608, 707, 717, 736

Габсбурги 505
Гавриил, церк. 313, 314
Гагарин Г. Г. 97
Гагарины 413
Гази-Магомед 652, 653
Гайдн Ф. Й. 329
Гайскон 206
Гамзат-бек 652, 653
Гамильтон 95
Гамильтон С. 678
Гамлет, лит. 385, 724
Гамма А. 345
Ганецкий 95
Ганнибал 148, 149
Ганнибал Б. 234
Гаро Л. 342
Гаррис Д. 222
Гассан 93, 95
Гассан, алжирец 147, 150
Гассан-паша 190
Гачки-паша 649
Гегель Г. 616, 624, 627, 712
Гейден Л. П. 662
Гейсмар Ф. К. 562
Геккерн Я. 718, 719
Гексли 175
Гельбиг Г. 204
Гельвеций 373
Гельфердинг 401
Георг III 221, 222
Георг Ольденбургский 448, 471
Георгий XII 636
Георгий Конисский, церк. 210
Геркулес 639
Герман И. И. 332, 334
Гернет М. Н. 538, 565, 743, 746, 747
Герцен А. И. 116, 124, 133, 134, 229, 288, 289, 292, 303, 355, 389—391, 493, 575, 581, 583, 584, 595, 609, 610, 613, 616—618, 624, 627—629, 633, 634, 673, 712, 725, 736, 741, 742, 747—749
Герштейн Э. 750
Гессен-Дармштадтская Вильгельмина *см.* Наталья Алексеевна
Гессен-Дармштадтские 309
Гиреи 168
Гладков 725

Глебов А. И. 10, 292
Глинка М. И. 726, 727
Глинка Ф. Н. 543, 544
Глинков Р. 393
Гмелин И. Г. 365
Гнедич Н. И. 300
Гогенцоллерн Ф. К. 338
Гоголь Н. В. 609, 628—630, 707, 716, 720, 721, 723, 725, 729, 733
Голиков И. И. 226
Голицын 61, 64—66
Голицын 384
Голицын А. М. 97, 140, 144, 397
Голицын А. Н. 524—528, 577
Голицын Д. А. 22
Голицын М. 10
Голицыны 38, 122, 413
Головачев 395
Головина В. Н. 252, 253, 256, 739, 741
Головкин *И.* Г. 383
Гольдони К. 126
Гольдсмит 126
Гонта И. 211, 212
Гончаров И. А. 723
Гончарова Н. Н. 264, 599—601, 718
Горбатов 73, 77
Горбунов А. 76, 80
Горчаков А. 252, 740
Горчаков А. М. 440
Горчаков М. Д. 680, 682, 699, 700
Горький М. 719, 750
Готце Ф. 336, 344—346
Граббе П. Х. 655
Грановский Т. Н. 617, 627, 628, 712, 725
Грейг С. К. 96, 143, 147—150, 183, 184
Греч Н. И. 315, 358, 359, 582, 605—608, 743, 747
Грибовский А. М. 128, 207, 736, 738
Грибоедов А. С. 570, 605, 609, 614, 619, 634, 645—648, 651, 657, 723, 749
Григорьев С. 158, 737, 738
Гримм Ф. 22, 23, 88, 265, 303
Гринев П., лит. 57
Гросс Ф. 168
Грудзинская 555
Груши Э. 332
Грязнов 60
Губин 400
Гудович И. В. 48, 91, 196, 200, 316, 637
Гудон Ж. А. 296
Гулливер, лит. 329
Гумилев Л. Н. 744
Гурго 491
Гурилев А. Л. 404
Гурьевы 280
Гуссейн-паша 178, 188
Густав II Адольф 182
Густав III 182, 185
Густав IV 466, 467
Гучковы 419

Даву Л. Н. 460, 479, 484, 490
Давыдов Д. В. 78, 246, 249, 441, 442, 465, 501, 739, 744, 745
Давыдова 566
Даламбер (д'Аламбер) 22, 25, 296, 308
Даненберг П. А. 683, 693
Данилов М. В. 743
Дантес Ж. 718, 719
Дараганы 89
Даргомыжский А. С. 727
Дашков Д. В. 580
Дашков М. 290, 291
Дашков П. 295, 296, 301
Дашкова Е. Р. 22, 119, 122, 131, 229, 232, 233, 289—303, 355, 389, 733, 741
Дашковы 291
Дебу 632
Дебу И. 630
Дебу К. 630
Девлет-Гирей 140, 164
Дедон 349
Дежнев С. И. 365
Делиль Ж. Н. 365
Дельвиг А. А. 440, 598, 605, 606
Демидов 41, 57, 62, 71
Демидов 378, 400
Демидовы 395
Демут-Малиновский В. И. 730
Денисов И. 45, 61
Дениц 175
Дербов Л. А. 736
Державин 76
Державин Г. Р. 36, 59, 116, 131, 231—233, 257, 298, 300, 387, 388, 390, 396, 404, 437, 535, 717, 735, 736, 744
Дерфельден В. Х. 243, 244
Десницкий С. Е. 361
Дефо Д. 126
Деянов Ф. 283
Дженкинс 95, 96
Джефферсон Т. 221, 533
Джонс П. 181

Джоуль Д. П. 392, 710
Дибич И. И. 593, 664, 665
Дидло К. 726
Дидро Д. 22, 289, 294, 296, 303
Дик Д. 96
Дмитриев И. 282
Дмитриев И. И. 151, 298, 320, 390, 404, 737, 742
Дмитриевский И. А. 402
Дмитрий Ростовский, церк. 8
Добролюбов Н. А. 120, 610, 736
Долгоруков Вас. А. 681, 682
Долгоруков Вл. А. 681
Долгоруков В. М. 73, 98, 154, 162
Долгоруков И. А. 543
Долгоруков П. В. 519, 555, 559, 746, 747, 749, 750
Долгоруков Ю. В. 174, 247, 262
Доманский М. 92, 93, 95—97
Дорохов И. С. 501
Досифея 89—91
Достоевский Ф. М. 630, 632, 633, 723, 733
Дохтуров Д. С. 481, 486, 490, 491
Дружинин П. 49
Дружинина Е. И. 168
Дубельт Л. В. 390, 583
Дубинин В. 405
Дубинин Г. 405
Дубинин М. 405
Дубровин Н. Ф. 86, 735
Дуров С. Ф. 630, 632
Дьяков В. А. 651, 748, 749
Дюбуа 275
Дюмас 256
Дюмурье 212, 238
Дюрок 351
Дядьковский И. Е. 712

Евгений Вюртембергский 356
Егорка 254
Екатерина I 24, 93, 233, 267, 365, 370, 394
Екатерина II 4—12, 19—23, 25—28, 30, 31, 34—40, 48, 49, 58, 61, 62, 64, 72, 73, 77, 81—85, 88—90, 92—94, 98, 99, 102, 105—111, 114—119, 121, 123, 124, 127—137, 139—142, 144—147, 151—153, 156, 158, 162, 163, 165—178, 180—186, 188, 189, 192, 193, 196, 198, 199, 203—207, 210—219, 222—226, 228—233, 236, 239, 241—243, 246—248, 250, 253, 254, 258—261, 263—266, 268—270, 272, 279—287, 289, 291—293, 295—297, 299, 301—306, 308—316, 318—320, 323, 325, 328, 329, 350, 355, 358, 371—373, 386—392, 395, 396, 399, 400, 402—405, 417, 429—432, 434, 439, 442, 516, 521, 563, 574, 622, 732—734, 736—739, 741, 744
Екатерина Алексеевна *см.* Екатерина II
Екатерина Павловна 356, 448, 471
Елагин 53
Елагин И. П. 123—125, 260, 386
Елизавета Алексеевна 354, 430, 534
Елизавета Петровна 5, 6, 9, 10, 24, 27, 88—90, 92, 93, 98, 106, 135, 235, 257, 289, 291, 308, 311, 366—368, 371, 379, 384, 390, 395, 400, 401, 405, 406, 521, 563, 663
Елисеев А. 694
Елманов 143
Ентальцева 566
Ермина Курица *см.* Оболяев С.
Ерменев И. А. 397
Ермолаев А. П. 481, 491, 639—644, 646, 664, 669
Еропкин П. Д. 283
Ерошкин Н. П. 440, 744—747
Ефрон 198, 266, 291, 535, 741, 742, 746—748

Железнов Т. 79
Железняк 211, 212
Жемчугова (Ковалева) П. И. 402, 404
Жилярди Д. И. 731
Жеребцова О. А. 354, 355
Жозефина 471
Жомини 659
Жомини А. 506
Жубер Б. К. 341, 342
Жуковский В. А. 300, 306, 390, 525, 600, 608, 706, 717, 726, 727, 742

Заболоцкий Н. А. 395, 744
Завадовский П. В. 115, 229, 433, 439, 448
Завойко В. С. 688
Загряжская Н. К. 286
Задонский Н. 749
Зайончковский П. А. 590, 592, 747, 748

Закревский А. А. 640
Залусский, церк. 210
Зарудный 32
Захаров А. Д. 731
Земцов М. 398
Зиновьева Е. Н. 285
Золотарев В. А. 198, 737, 738, 743
Зорич 403
Зубов 65
Зубов В. А. 243, 433, 663
Зубов Н. А. 255, 314, 358, 431, 455
Зубов П. А. 206, 207, 229—231, 264, 273, 301, 356, 358, 403, 433, 434
Зубовы 255, 313, 355, 356
Зуев В. Ф. 299
Зюдерманландский *см.* Карл Зюдерманландский

Ибрагим 667
Ибрагим Хосамеддин 147
Иван, царевич 89
Иван III 622
Иван IV Грозный 89, 380, 622, 635
Иван VI Антонович 128, 129, 280, 293
Иванов 38
Иванов А. А. 727
Иванов И. 39
Иванов К. 347, 348
Иванов М. М. 397
Иванов С. 657
Иванова Е. 375
Игельстром И. А. 218, 219, 246
Игнатьев 32
Игорь, кн. 714
Иероним 507
Иловайский В. Д. 515
Ильинский И. 382
Инзов И. Н. 714, 717
Иннокентий, церк. 687
Иоанн Предтеча 89
Иосиф II 22, 155, 170, 171, 180, 190, 192, 193, 205, 254
Ипсиланти А. 532
Ираклий II 169, 636
Истомин В. И. 699, 700

Кадыр-бей 274
Казаков М. Ф. 399, 400
Кайсаров 362
Калигула 359
Калинин Д., лит. 615
Каменский А. Б. 105, 303
Каменский И. М. 475
Каменский М. Ф. 158—160, 316
Каменский С. М. 725
Канкрин Е. Ф. 577, 591
Канн П. Я. 560
Каннабих 318
Каннинг С. 678
Канробер Ф. 692, 698, 700
Кантемир А. Д. 120, 382, 383, 744
Капнист В. В. 298
Каподистрия И. А. 528, 532, 662
Кар В. А. 58, 59, 61
Караваев Д. 50
Карагеоргий 475, 533
Карамзин Н. М. 126, 298, 300, 301, 385, 390, 437, 448, 449, 525, 608, 609, 707, 713—715, 717, 745
Каратыгин В. А. 724
Карачай А. 191
Каржавин Ф. В. 225
Карл 336, 343
Карл X 673
Карл XII 108, 174, 182, 234, 483
Карл XIII 468
Карл Зюдерманландский 183, 184
Катаяма 227, 738
Катков М. Н. 617
Кауниц В. А. 155, 296
Каховский А. М. 251, 740
Каховский М. В. 215, 216
Каховский П. Г. 557, 558, 563
Качеповский М. Т. 714
Кашкин 180
Кашкин Н. С. 630, 632
Кваренги Д. 299, 399
Кейзерлинг 8
Кейт Я. 122
Кий 385
Киос-Мехмет-паша 648
Кипренский О. А. 727, 730
Киреевский И. В. 617, 625
Киреевский П. В. 598, 617, 625, 715
Кирпотин В. Я. 749
Киселев П. Д. 577, 587, 589
Кларк Д. 732
Клемент XIV 95
Кленау 338
Клибанов А. И. 735
Клодт П. К. 730
Клопшток Ф. Г. 126
Клочков М. В. 743
Ключевский В. О. 7, 12, 21, 233, 304, 309, 359, 360, 371, 374,

389, 405, 406, 429, 431, 441, 446, 450, 512, 513, 516, 534, 568, 704, 732, 734, 742—747, 750
Кнорринг Б. Ф. 467, 468
Княжнин Я. Б. 131, 298, 300, 301, 304, 403, 724, 725, 742
Кобеко Д. Ф. 264
Кобенцль И. А. 264
Кобург *см.* Саксен-Кобург Заальфельд Ф. И.
Кованько И. 495
Кожевников 47
Кожин 73
Кожина В. 502
Козицкий Г. В. 117
Козлов И. И. 716
Козловский М. И. 397, 730
Козловский О. А. 403, 404
Кокоринов А. Ф. 396
Коленкур Л. 465, 471, 472
Коллонтай Г. 215, 217
Кологривов 462
Колокольников В. 129
Коломинов В. В. 742
Колонг де 60, 61, 68, 73
Колумб Х. 713
Колычев С. А. 350
Кольцов А. В. 617, 628, 707, 716
Конде, принц 334, 343
Коновницын П. П. 491
Константин Павлович 163, 216, 311, 349, 356, 463, 494, 555, 556, 574, 578, 593
[illegible]рник Н. 382
[illegible]цель П. 126
[illegible]пилов В. А. 691, 692, 694, 699, 700, 750
[illegible]ббин 34
[illegible]ньков М. 132, 736
[illegible]аков 230
[illegible]аков С. Н. 560
[illegible]ф 246
[illegible]ф, барон 138
[illegible]ф И. А. 246
[illegible]ф М. А. 577, 580, 591, 592
[illegible]нтко Т. 111, 216—220, 320
[illegible]убицкий Н. О. 355
[illegible]ву А. 742
[illegible]цей В. П. 354, 431, 433, 436, [illegible], 444, 577
[illegible]ев А. И. 625
[illegible]а П. 694
[illegible]ский А. А. 708
[illegible]. 335, 336, 338, 341, 342
[illegible]ницкий А. 211
[illegible]ницкий М. 211
Краснобаев Б. И. 406, 744
Крашенинников С. П. 298, 365
Крестова Л. В. 120
Кречетников 211, 212, 217, 736
Кречетов Ф. В. 131—133
Критский В. 611
Критский М. 611
Критский П. 611
Круз А. И. 184
Крузенштерн И. Ф. 711
Крупов, лит. 629
Крылов А. П. 52
Крылов И. А. 300, 706, 707, 723, 725, 729
Кузнецов 60
Кузнецова У. 64, 83
Кукольник Н. В. 716
Кулибин И. П. 299, 391—393
Кульнев Я. П. 467
Куракин А. Б. 324, 390, 396, 443, 463, 478
Куракин А. 390
Куракины 395
Курдель 5
Курин Г. 502
Курмачева М. Д. 404, 744
Курций М. 284
Кутайсов И. П. 432
Кутейников 45
Кутузов М. И. 196, 198, 456—458, 475, 476, 481, 486—491, 493—504, 663, 730, 745, 746
Кутузов Н. 590
Кюхельбекер В. К. 543, 564, 605, 715, 716
Кюхельгартен Г. 720

Лависс Э. 745
Лаврова И. Ю. 745
Лагарп 429, 431
Лагрене 396
Ладыженский 76
Лазарев М. П. 669, 684, 698, 711
Луи-Филипп Орлеанский 673, 674
Лаксман А. 227, 228
Лаксман Э. Г. 227
Ламздорф М. И. 574
Ланн 461
Ланской А. 229, 230, 301
Лаптев Д. 365
Ларионов 66
Лас Каз 745
Ласунский 280
Лафитт 186
Лебедев Г. С. 404
Лебедев-Ласточкин П. С. 227

Левицкий Д. Г. 394, 396
Леклерк 381
Ленц Э. Х. 710
Леонтьев А. 283
Леонтьев М. 355, 358, 432, 743
Леопольд II 193
Лепехин И. И. 298—300
Лермонтов М. Ю. 485, 491, 584, 609, 614, 623, 624, 628, 634, 651, 657, 716, 721—723, 733, 745, 746, 749, 750
Лесков Н. С. 725
Лессинг Г. Э. 121, 126
Лефевр Ф. Ж. 461
Лжедмитрий 380
Лимбургский, кн. 92
Лимонов Ю. А. 230, 738
Линденер Ф. И. 739, 740
Линкен 346, 348
Линь де 187, 196
Лист Ф. 726
Лисянский Ю. Ф. 711
Лобанов Д. И. 556
Лобанов-Ростовский 463
Лобачевский Н. И. 709
Логинов М. 97
Лозинская Л. Я. 742
Локателли 402
Локк 373
Ломбард Д. 178—180
Ломоносов 740
Ломоносов В. Д. 375
Ломоносов М. В. 120, 285, 297—300, 369, 375—377, 382, 385, 397, 405, 525, 600, 626, 706, 741—743
Лопатин В. С. 81, 173, 188, 189, 199, 263, 741
Лопухин И. В. 736
Лопухин П. В. 129, 320, 324, 739
Лопухина А. 322, 575
Лопухина М. И. 396
Лористон 465, 493
Лосев 227
Лосенко А. П. 395, 397
Луиза 459
Лунин М. С. 543, 544, 547, 562, 567
Любомирские 208
Люблинский Ю. 554
Людовик XIV 230
Людовик XVI 93, 110, 111, 299, 509
Людовик XVIII 509, 529, 530
Льюис М. 732

Маврин 79
Мавродин В. В. 86, 735, 749
Магницкий Л. Ф. 362, 368
Магницкий М. Л. 525, 526, 6
Магомет 532
Мадалинский 218
Мадатов В. Г. 644
Мазепа И. С. 108
Майер Д. И. 36, 392
Майков А. Н. 630
Макагоненко Г. П. 120
Макдональд Ж. Э. 335—340
Македонский А. 234
Малахов С. 214
Малыгин С. 365
Мальцев 647
Мамонов 229, 230, 264
Мандт 702
Мансуров 61, 64, 67, 73, 76
Мария-Луиза 472
Мария-Терезия 230
Мария Петровна 89
Мария Темрюковна 635
Мария Федоровна 302, 310, 311, 313, 322, 328, 356, 390, 429, 448, 463, 472, 493, 494, 571, 574, 575
Маркс К. 669, 749, 750
Мармон 508
Мартос И. А. 730
Мартынов 722
Массена А. 336, 343—346, 349
Массон К. 243, 738
Матвеев А. М. 394, 397
Матвеева М. А. 267
Махмуд 670
Махмут-Гирей 166
Медведев 66
Медокс 403
Межевич М. Н. 198, 737, 738, 743
Межснинов С. 33
Мей Л. А. 440
Мелас М. Ф. 339, 342
Меллин Б. П. 73—76
Мельников 47
Мельников (Печерский А.) П. И. 90, 736
Ментор 332
Меншиков А. Д. 689
Меншиков А. С. 577, 643, 664, 679, 680, 688—690, 692, 69 733
Мерсье 126
Мертваго Д. Б. 74, 231, 735, 73
Месих 647
Мессершмидт Д.-Г. 364
Меттерних К. 472, 505, 506, 511, 529, 530, 532
Мехемет 93
Мещерские 122

Миллер Г. Ф. 365, 380, 381
Милорадович М. А. 497, 556, 558
Мильтон Д. 126
Милюков П. Н. 106
Милютин Д. А. 256, 349, 597, 657, 739, 741, 743
Минсев Ф. 57
Минин К. 145, 551, 730
Миних Б. Х. 145, 385
Минкина Н. Ф. 520
Миранда Ф. 225
Мирза-Абдул-Хасан-хан 639
Мирович В. Я. 293
Мироненко С. В. 746—748
Михаил Федорович 380
Михаил Павлович 643
Михайлов А. А. 731
Михайлов О. Н. 198, 239, 254, 255, 738
Михельсон И. И. 66, 68—71, 73, 76, 78, 79, 240, 475
Моисей Каланкатуйский 635
Молдаванчи-паша 140
Мольер Ж. Б. 126
Момбелли Н. А. 630, 632
Монро Д. 531, 533
Монтескье Ш. Л. 25, 26, 31, 36, 290, 374
Монферран А. А. 731
Мордвинов Н. С. 178, 179, 181, 204, 273, 515, 516, 563
Мордовцев Д. Л. 290, 741
Моро Ж. В. 336—339, 341, 342
Морозовы 419
Мортье Э. А. 508
Моцарт В. А. 329
Мочалов П. С. 724
Муравьев А. З. 564
Муравьев А. М. 572, 747
Муравьев А. Н. 539, 541, 544, 642
Муравьев М. Н. 429, 431, 439
Муравьев Н. М. 539, 543, 544, 546, 547, 548, 551—553, 567
Муравьев Н. Н. 642, 647, 649, 668, 669, 749
Муравьев-Апостол И. И. 562, 563
Муравьев-Апостол М. И. 537, 539, 544, 564
Муравьев-Апостол С. И. 539, 544, 561—564
Муравьева А. Г. 566, 567
Мусин-Пушкин В. П. 183, 316
Мусина-Пушкина 402
Муфель 64, 73, 75, 76
Мухаммед Али 667—672
Мысловский П. 563, 564
Мюрат И. 460, 479, 485, 486, 490, 495, 496, 506
Мясников Т. 50, 51
Мясоедов 66
Мятлев 431

Нагибин Ю. М. 326, 703
Надеждин Н. И. 598, 615, 619
Надир-шах 88, 241
Наполеон I Бонапарт 253, 274, 288, 330, 350, 351, 427, 441, 444, 450, 454—464, 466, 469—472, 475—499, 501—512, 519, 526, 529, 533, 538, 539, 605, 663, 664, 745
Наполеон III 685, 688, 696, 703
Нартов А. К. 378
Нарышкин Д. Л. 718
Нарышкин Л. А. 403
Нарышкина М. А. 430, 566
Нарышкины 38
Насонкина Л. И. 611, 612, 748
Нассау-Зиген К. Г. 181, 184, 185
Наталья Алексеевна 261, 309, 310
Науендорф 344
Наумов 52
Нахимов П. С. 683—685, 689, 691, 692, 695, 697—700
Невельской Г. И. 711
Неверовский Д. П. 485
Невзоров М. 129
Невский А. 189
Недюжева С. 45
Ней М. 462, 479, 485, 490, 498
Некрасов Н. А. 565, 566, 609, 633, 723, 733, 747, 749
Нелидова Е. И. 302
Нельсон Г. 275—277, 351
Немезида 288
Непир Ч. 687
Неплюев И. И. 361, 362, 743
Нессельроде К. В. 470, 510, 528, 529, 532, 659, 660, 668, 671, 702, 733
Нестор 381
Нечаева В. С. 615
Нечкина М. В. 538, 639, 744, 746, 747, 749
Никитин И. 716
Никитин И. Н. 394
Николай I 48, 390, 391, 428, 452, 526, 555—560, 562, 564, 567, 571, 574—586, 590—594, 596—601, 604, 609, 610, 618,

632, 633, 642, 643, 647, 648, 650, 655, 657—662, 664, 666, 667, 669—671, 673, 674, 678—681, 686, 688, 689, 700, 702—704, 709, 718, 732, 733, 747
Николай II 535
Николай Михайлович 535, 746
Новиков 179
Новиков Н. И. 111, 116—121, 124—132, 304, 320, 381, 385, 389, 400, 406, 707, 736
Новокрещенов 42
Новосильский Ф. М. 685
Новосильцев Н. Н. 354, 433, 435, 436, 517
Нулин, лит. 717
Нуман-паша 157

Оболенский Е. П. 547, 558, 562, 564
Обольянинов П. Х. 324, 357, 432
Оболяев С. 47, 49, 50
Обренович М. 533
Обресков А. М. 139, 153, 155
Овцын Д. 365
Овчинников А. 55, 64, 65, 67, 68, 73, 78
Овчинников Р. В. 86, 735
Огарев Н. П. 390, 613, 617, 618, 628
Огинский 238
Огинский М. 91, 92
Одиссей 113
Одоевский А. И. 568, 646, 716
Ожеро 461, 501
Олег, кн. 306
Ольденбургский, герцог 472
Омер-паша 682, 683
Онегин Е., лит. 535, 543, 717, 718
Оржицкий Н. 561
Орлов А. Г. 94—96, 98, 140, 142, 146—151, 162, 184, 195, 232, 233, 278, 280, 285—288, 294, 397, 403
Орлов А. Ф. 669, 670
Орлов Г. Г. 8, 9, 25, 119, 142, 155, 229, 232, 233, 260, 278—281, 283—286, 291, 395
Орловский Б. И. 730
Орловы 8, 9, 94, 116, 135, 230, 258, 261, 279—281, 285, 293, 308
Орль-Ошменц Ф. 706—707
Осман-паша 189, 190, 242, 684, 685
Осман-эфенди 155
Остен-Сакен Ф. В. 697
Остерман 491
Островский А. Н. 723
Остроградский М. В. 709

Павел I 6, 7, 48, 109, 115, 125, 128—130, 135, 136, 196, 220, 243, 250—257, 261, 263, 273, 274, 277, 280, 285—288, 292, 302, 308—316, 318—330, 332, 334, 340—343, 349—359, 388, 390, 395, 400, 403, 417, 429—432, 440, 442, 443, 448, 455, 481, 516, 518, 540, 563, 574, 575, 587, 732, 738—743
Павел Петрович см. Павел I
Павленко Н. И. 743
Павлюченко Э. А. 747
Павский Г. П. 714
Падуров Т. 53, 66, 78, 83
Пален П. А. 355, 357, 358, 455
Пальмерстон Г. Д. 686
Панаев И. И. 609
Панин В. Н. 98, 580
Панин Н. И. 8, 9, 11, 25, 72, 93, 135, 136, 138, 153, 155, 170, 172, 222, 223, 261, 280, 281, 285, 292, 308, 309, 311, 312, 354, 386
Панин Н. П. 330, 354—356
Панин П. И. 45, 72, 73, 79, 81, 82, 85, 86, 151, 152, 154, 236, 240, 268, 354
Панина М. Р. 397
Панины 82, 261
Панов Н. А. 558
Пантин И. К. 746—749
Пасецкий В. М. 744
Паскевич И. Ф. 593, 642—644, 648, 649, 664, 675, 682, 686, 733
Пассек 431
Паулуччи Ф. О. 637
Пашков П. Е. 399
Пекарский П. П. 744
Пелисье Ж. Ж. 698
Пенелопа 113
Перигоф 465
Периньон 332
Перфильев А. 44, 68, 77, 82
Пестель П. И. 537, 539—542, 544—551, 553, 554, 561—563, 617
Петр I 23, 24, 31, 32, 41, 81, 93, 102, 108, 112, 113, 121, 132—134, 145, 148, 150, 174, 182, 228, 233—235, 241, 254, 257, 267, 271, 296, 306, 313, 324,

361—365, 367—370, 377, 378, 380, 382, 385, 394, 396, 398, 405, 478, 483, 520, 558, 609, 622, 625—627, 636, 689, 743
Петр II 24, 366, 379
Петр III 4—7, 10, 19, 20, 46, 48, 122, 137, 144, 258, 268, 279, 286, 288, 289, 291, 292, 302, 308, 309, 311, 315, 395
Петр Федорович *см.* Петр III
Петрашевский *см.* Буташевич-Петрашевский М. В.
Петров В. В. 710
Петров С. 39
Петрушевский А. Ф. 81, 186, 190, 235, 735, 737—740
Пикуль В. С. 203, 230, 263, 264, 702, 703, 738, 741, 750
Пименов С. С. 730
Пирогов Н. И. 694, 695, 712
Пирумова Н. М. 618, 748
Плавильщиков В. А. 706
Платов М. И. 351, 490, 491, 497, 498, 515
Платон 384
Платон, митрополит 91, 127, 309
Платонов С. Ф. 306
Плетнев П. А. 609, 720
Плещеев А. Н. 630, 632, 633
Плимак Е. Г. 746—749
Плотников В. 51
Плутарх 229
Погодин М. П. 300, 380, 607, 617, 714
Пожарский Д. М. 145, 551, 730
Познанский В. В. 731, 750
Ползунов И. И. 391—393
Полевой Б. В. 738
Полевой Н. А. 165, 607—609, 716
Полежаев А. И. 610, 611, 614, 615, 634
Поликарпов Ф. 362
Понятовский И. 216, 218
Попов 369
Попов А. 33
Попов И. 730
Потапов 42
Потапов Ф. 502
Потемкин Г. А. 69—72, 81, 82, 94, 98, 99, 108, 116, 128, 136, 163, 165, 167, 170—177, 179—181, 183, 185—189, 192, 193, 195, 196, 198—200, 202—207, 215, 225, 229—233, 240—242, 257—266, 270, 272, 273, 285, 287, 295, 300, 301, 306, 316, 317, 320, 355, 388, 403, 434, 733, 741
Потемкин П. 81, 82, 196, 244
Потоцкий 93
Потоцкий, граф 211
Потоцкий И. 214, 217, 245
Потоцкий Ф. 215, 216
Почиталин И. 51, 52, 66, 78
Прасковья Михайловна 89
Пресняков А. Е. 574, 747
Пржездецкий 93
Прованский 111
Прозоровский А. А. 128, 164, 165, 239, 316, 475
Прокопович Ф. 120, 362
Прончищев В. В. 365
Простаков М., лит. 88
Простаковы, лит. 387
Прядунов 393, 394
Пугачев Е. И. 45—88, 98, 114, 120, 160, 240, 261, 494, 609, 718, 735
Пугачев Т. 79
Пугачева С. 79, 83
Пугачевы 46
Пулавские 237
Пулавский О. 211
Пустобаев 68
Пушкин А. С. 21, 36, 37, 48, 52, 57, 69, 71, 78, 80, 83, 85—87, 148, 232, 233, 264, 266, 286, 300, 301, 304, 306, 359, 376, 385, 390, 440, 452, 492, 501, 503, 525, 535, 543, 548, 556, 567, 568, 570, 584, 599—601, 606, 608—611, 614, 619, 621, 622, 624, 628, 633, 645, 647, 651, 657, 706—708, 713, 714, 716—727, 730, 733, 735, 737, 738, 741—743, 745—750
Пущин И. И. 547, 548, 564
Пыляев М. И. 368, 402, 742—744
Пыпин А. Н. 449, 745
Пьянов Д. 48, 49, 64
Пясты 137

Раглан 688
Радзивилл К. 92—95
Радзивиллы 208
Радищев А. Н. 21, 111—116, 119, 120, 131—134, 320, 385, 391, 406, 537, 736
Раевский Н. Н. 481, 486, 488, 491, 565, 640, 657, 717
Разин С. Т. 45, 87
Разумовская П. К. 91

Разумовские 9, 89
Разумовский А. Г. 9, 88, 89, 385
Разумовский А. К. 182, 310, 330, 333, 346, 510
Разумовский К. Г. 8, 107, 268, 292, 385
Раковский А. И. 741
Рамбо А. 745
Расин Ж. 126
Расторгуев 515
Растрелли Б. К. 398
Растрелли В. В. 398
Ребиндер М. В. 334, 343,
Резанов Н. П. 228
Рейнсдорп И. А. 44, 52—54, 63, 65
Реман Г. 744
Рейхель 124, 125
Репнин Н. В. 189, 190, 199, 200, 210, 211, 242, 243, 247, 252, 316, 395, 724
Реут И. А. 643
Решид-паша 664
Ржевуский 211
Ржевуский С. 215, 216
Рибас де Х. (Дерибас О. М.) 195, 196, 207, 355, 356
Римский-Корсаков А. М. 334, 343—346
Робеспьер М. 359
Роган 344
Рожков Н. А. 592, 748
Розе 387
Розен А. В. 566
Розен Г. В. 652
Розенберг А. Г. 334, 335, 343, 347, 740
Рокотанс, церк. 95
Рокотов Ф. С. 394, 395
Романовы 91
Рослав, лит. 403
Росси К. И. 731
Ростопчин Ф. В. 287
Ртищев Н. Д. 637, 639
Рудницкая Е. Л. 628, 749
Рулье К. Ф. 712
Румовский 369
Румянцев А. И. 266
Румянцев Н. П. 270, 453
Румянцев П. А. 10, 11, 98, 99, 136, 140, 144—146, 151, 153, 154, 156—158, 160—163, 165, 174—176, 189, 219, 225, 232, 233, 239, 240, 242—244, 246, 247, 259, 261, 262, 266—270, 287, 310, 313, 316, 439, 457, 733, 737
Рунич П. С. 53, 54, 605, 735
Руссо Ж. Ж. 125, 329, 373, 374, 429, 574, 639
Рыбкин Н. 739
Рылеев 73
Рылеев К. Ф. 556—558, 561—563, 605, 610, 611, 614, 617, 633, 646, 715, 716
Рюльер К. 290, 291
Рюрик 713
Рябушинские 419

Саблуков Н. А. 314, 352, 357, 742
Савари 465
Савастьев 544
Сагиб-Гирей 154, 164
Саид-бей 194
Саит-Али-паша 200, 273
Сакен *см.* Остен-Сакен Ф. В.
Саксен-Кобург Заальфельд Ф. И. 181, 189—193
Салех-паша 649
Салтыков 156
Салтыков Г. 38
Салтыков И. П. 247, 316
Салтыков Н. И. 172, 174, 242, 247, 314, 316, 429. 433, 518, 737
Салтыков П. С. 282
Салтыков С. 6, 260
Салтыкова Д. 38—40, 520
Салтыковы 431
Салтыков-Щедрин М. Е. 610, 630, 723
Самарин Ю. Ф. 625
Сапеги 208
Сафонов М. М. 251, 255
Светлов Л. Б. 126, 736
Свифт Д. 126
Святослав Игоревич 306, 635
Себастиани 474
Северцов Н. А. 712
Сегюр Л.-Ф. 6, 109, 159, 171—173, 175, 180, 183, 186, 206, 263, 264, 312, 402, 737, 738
Селим III 193
Селим-Гирей 154, 164
Семенова А. В. 745
Семенова Е. С. 404, 724
Семенников В. П. 120
Семин Г. И. 750
Сен-Мартен Л. К. 124
Сенковский О. И. 716
Сент-Арно 688, 692
Сенявин Д. Н. 475
Сераковский 242
Сергеев-Ценский С. Н. 702, 750

Середонин С. 535, 746
Серов А. А. 726, 750
Сеславин А. Н. 501
Сиверс Я. Е. 41, 99, 217, 218
Сивков К. В. 106
Симонич И. О. 646
Симонов 44, 51, 52, 63, 67
Симонов К. М. 255, 347, 687, 741, 743, 750
Синав, лит. 385
Скаррон П. 126
Скарятин 358
Склифосовский Н. В. 402
Скорняков-Писарев 362
Скородумов Д. Е. 198, 737, 738, 743
Скотинины, лит. 387
Смирдин А. Ф. 706
Смит А. 295
Смоллетт Т. Д. 126
Снытко Т. Г. 251, 739, 740
Соймонов Ф. 362
Соколов А. 54, 57, 58, 65, 77
Соловьев И. М. 743
Соловьев С. М. 86, 734, 736, 737, 741
Солтык 210
София Доротея Вюртембергская *см.* Мария Федоровна
Сперанский М. М. 300, 361, 443—452, 517, 525, 534, 562, 577, 579, 581, 582, 589, 745
Спиридов Г. А. 143, 146—149, 151
Станислав-Август *см.* Станислав Понятовский
Станислав Понятовский 45, 91—93, 138, 171, 210, 211, 214—216, 220, 258, 260, 292
Станкевич Н. В. 613, 615—618, 712
Старов И. Е. 398
Стединг 469
Степанов А. И. 744
Стерн Л. 126
Столыпин А. И. 725
Строганов 607
Строганов А. С. 29
Строганов Г. А. 459
Строганов П. А. 354, 433, 434, 436
Строгановы 38, 264
Струве В. Я. 710
Струйская А. 395
Суворин А. С. 737
Суворов А. В. 45, 73, 79, 81, 82, 85, 98, 111, 146, 156—160, 163—166, 171, 173, 174, 176-182, 186—192, 195—199, 207, 212, 219, 232—257, 261—263, 275, 276, 287, 313, 316, 332—349, 358, 388, 397, 432, 433, 457, 481, 639, 733, 735, 737—741, 743
Суворов В. 239
Суворов Н. 240
Суворова Н. 241
Суворовы 236
Сумароков А. П. 117, 119, 122, 125, 300, 385, 386, 395, 401, 724, 725, 744
Сунгуров Н. П. 613, 614
Сусанин И. 726
Сутгоф А. Н. 558
Сухинов И. И. 566, 567
Сухомлинов М. И. 299
Сыросчковский Б. Е. 747

Талейран Ш. М. 330, 459, 470, 507—511
Талызин 356—358, 455
Тальман П. 384
Тамара 635
Тамбовцев П. 43, 44
Танеев А. С. 580
Тараканова Е. 88—94, 96—98, 286, 736
Тарле Е. В. 142, 150, 287, 483, 737, 741, 745, 746, 750
Тартини 403
Татаринова Е. Ф. 527
Татищев А. И. 563
Татищев В. Н. 378—381, 405
Творогов 73, 78, 79, 83
Текели 176
Телемах 113, 332
Теплов Г. Н. 292
Теребенев И. И. 730
Титов В. П. 676
Титов Н. А. 725
Толкачев М. 63, 64
Толстой Л. Н. 36, 122, 488, 502, 503, 520, 535, 543, 610, 657, 658, 693, 723, 733, 734, 736, 745, 746, 749, 750
Толстой П. А. 361
Толстой Ф. 543, 544
Толстые 38
Толь 491
Томашевский А. 47
Тон К. А. 731
Тормасов А. П. 218, 245, 480, 637
Торнов В. 83
Тотлебен Э. И. 690

Трауберг фон 44, 50
Тредиаковский В. К. 113, 120, 300, 382—385, 706
Трезини Д. 398
Троепольская Т. И. 402
Троицкий Н. А. 489, 745
Тропинин В. А. 404, 727
Трощинский Д. П. 353, 433
Трубецкая Е. И. 540, 565, 566
Трубецкой Н. 10
Трубецкой Н. Н. 125, 129
Трубецкой С. П. 539, 540, 547, 557—559, 561, 564, 565
Трубецкие 122
Трувор, лит. 385
Тугут Ф. 333
Тургенев А. И. 390, 622
Тургенев А. М. 315, 317, 318, 742
Тургенев И. П. 119, 129
Тургенев И. С. 610, 733
Тургенев Н. И. 390, 543, 544, 547, 619
Тургеневы 605
Тутолмин И. В. 493
Тутолмин Т. И. 101, 102
Тучков 467
Тютчев Ф. И. 716
Тютчева А. Ф. 687, 703

Убри 459
Уваров С. С. 595, 598, 604
Уваров Ф. П. 352, 490, 491
Удино 349, 490, 605
Уркарт Д. 654
Усаев К. 60
Усовский А. В. 562
Устинов И. 398
Устрялов Н. Г. 714
Ухтомский Д. В. 399
Ушаков Ф. И. 271
Ушаков Ф. Ф. 185, 186, 193, 194, 200, 232, 233, 270—278, 331, 340, 473, 741

Фабиян И. 734
Фадеев А. В. 656, 749
Файнштейн М. Ш. 742
Фалалей 119
Фальконе Э. М. 397
Фамусов, лит. 725
Фарварсон А. 362
Федор Алексеевич 120
Федор Иванович 636
Федор Кузьмич 535, 746
Федоров Н. 131
Федотов П. А. 728, 729
Федульев 78, 79
Фелица, лит. 387
Фенелон Ф. 113
Фердинанд I 531
Фермор В. В. 236
Ферзен 219, 243, 244
Фехт-Али-шах 640, 646
Фигнер А. С. 501
Фике *см.* Екатерина II
Филарет, старец 47, 49
Филарет, лит. 383
Филиппов С. 49
Филипс Д. 122
Филомафитский А. М. 712
Фильдинг 126
Флавицкий К. Д. 97
Фомин Е. И. 403, 404
Фонвизин Д. И. 119, 298, 300, 304, 370, 386, 387, 391, 403, 725, 736
Фонвизин М. А. 354
Фонвизина Н. Д. 566
Фонтенель Б. Л. Б. 382
Фотий, церк. 527
Франклин Б. 122, 222
Франц I 529
Франц II 333, 337, 341—343, 456, 458
Фредерикс 558
Фрейман 44, 59—61, 64, 73
Фридрих II 6, 22, 89, 137, 152—153, 170, 210, 213, 236, 23[illegible] 294, 309—311, 316
Фридрих-Вильгельм II 182, 21[illegible] 216, 219, 459
Фридрих-Вильгельм III 459, 52[illegible] 575
Фролов К. Д. 391, 393
Фукс Е. Б. 188, 256, 344, 737, 739—741, 743
Фуль 481
Фурье Ш. 633

Хаджи-Абдур-Резак 159
Хаджи-Али 653
Хаджи-Гирей 168
Хаджи-Мурат, лит. 658, 749
Хандошкин И. Е. 403
Хвостов Д. 251, 740
Хвощинский 558
Херасков М. М. 125, 298, 300
Хитрово 258, 280
Хлопуша *см.* Соколов А.
Хмельницкий Б. 108, 269
Ходасевич В. Ф. 101, 230, 30[illegible] 388, 736, 738, 742, 744
Хозрой-Мирза 648
Хомутова Н. Ф. 520

Хомяков А. С. 617, 625, 626, 721, 749
Хорев 401
Хорос В. Г. 746—749
Храповицкий А. В. 110, 114, 130, 199, 736
Христенек 95, 96
Хрулев 699
Хрущов П. Ф. 280
Хуссейн-паша 193, 194, 273

Цезарь Ю. 234
Циммерман А. Э. 597
Цинциннат К. Л. 171, 218
Цицерон 377
Цицианов П. Д. 636

Чаадаев П. Я. 619—622, 646, 717, 748, 749
Чавчавадзе Н. 646
Чайковская О. Г. 373, 743
Чайковский 657
Чарномский 93, 95—97
Чарторыйский А. 321, 324, 354, 355, 433, 434, 436, 437, 443, 446, 453, 742—745
Чарторыйские 208, 210
Чацкий, лит. 724
Челюскин С. И. 365
Черепанов Е. А. 405
Черепанов М. Е. 405
Черепов 43
Чернышев 59, 236
Чернышев А. И. 577, 681
Чернышев З. Г. 10, 45, 59, 99
Чернышев И. Г. 316
Чернышевский 301
Чернышевский Н. Г 610, 633, 721
Чертков В. Г. 734
Четвертаков Е. 502
Чивилихин В. А. 381, 744
Чика-Зарубин И. 44, 50, 51, 60, 62, 66, 77, 83
Чириков А. 364, 365
Чистова И. С. 745
Чичагов В. Я. 111, 184, 397
Чичагов П. В. 352, 498
Чорба 73
Чуковский К. И. 749
Чумаков Ф. 55, 78, 79
Чулков Г. 742, 744, 746, 747
Чучков А. 50, 51

Шагин-Гирей 164—167
Шамиль 653—656, 658
Шамшуренков Л. 393
Шанин Ф. 398
Шаховской Д. И. 748
Шаховской Я. П. 10
Швабрин А., лит. 57
Шванвич М. А. 57
Шварц 545
Шварц И. Г. 126
Шварценберг 508
Шверин 278
Шевченко И. 694
Шевченко Т. Г. 566
Шекспир В. 126
Шелехов Г. И. 226—228
Шеллинг Ф. 616
Шепелев 73
Шереметев 570, 730
Шереметев Н. П. 402
Шереметев П. 394, 402
Шереметевы 400, 413
Шерер 335, 336
Шеридан Р. Б. 126
Шешковский С. И. 82, 114, 128, 129, 304
Шибанов М. 397, 404
Шибо 275
Шигаев М. 44, 50, 66, 78, 83
Шиллинг П. Л. 710
Шильдер Н. К. 313, 353, 742, 746
Шиман 430
Ширинский-Шихматов П. А. 598
Шишков А. А. 717
Шишков А. С. 257, 437, 556, 597, 741
Шишков В. Я. 735
Шлыкова Т. 404
Штакельберг 162
Штейнгель В. И. 564, 747
Шторх А. К. 574
Штраух 344
Шуазель 141
Шуази 238, 239
Шубин Ф. И. 106, 397
Шувалов 117
Шувалов А. 10
Шувалов И. И. 11, 300, 371, 375, 377, 395
Шувалов П. 278
Шуйский В. 89
Шульгин С. Н. 658, 749
Шумахер 365, 366
Шумигорский Е. 255
Шумский Я. Д. 402

Щеголев П. Е. 539, 599, 748, 749
Щедрин Ф. Ф. 730
Щелоков В. 49
Щепин-Ростовский Д. А. 557, 558

пкин М. С. 724, 725
рбатов 67, 72
рбатов М. М. 31—33, 122, 133, 134, 300
рбатова 264, 391
рбинин 295
рбинина А. 301

дельман Н. Я. 267, 326, 353, 355, 357, 735, 742—744
лер Л. 367, 393
ьмпт И. К. 316
ьфинстон Д. 144, 147, 148
гельгардт А. В. 264
гельгардт В. П. 264
гельгардт Л. Н. 229, 243, 256, 738, 739
гельс Ф. 694, 749, 750
гиенский Л. А. 454
ристави Г. Д. 657
ристов 644
ски-Гассан 178, 181, 185, 186, 193, 272

Юласв С. 60, 66, 68, 72
Юрий, кн. 635
Юсуповы 413
Юсуф-Коджа 175
Юсуф-паша 190, 242
Юшков 73
Юшневская М. К. 566
Юшневский А. П. 546

Якоби Б. С. 710
Яковлев И. А. 493, 618
Якубович А. И. 557, 561, 562, 564
Якушкин И. Д. 539—541, 543, 544, 562, 564, 619
Янкович де Мириево Ф. И. 373
Янус 133
Ярослав I 377
Яссин-заде-эфенди 155
Bertrand 745
Gourgand 745
Lac Cases 745
Montholon 745
Tulard 745

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Императрица Екатерина II и Россия: начало царствования 4

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева 38

Внутреннее положение Российской империи после 1775 г. 88

О внешней политике правительства Екатерины II и ее ближайших последствиях 135

Русско-турецкие и русско-шведские войны 137
Освоение Северного Причерноморья 201
Разделы Речи Посполитой 207
Декларация вооруженного нейтралитета 220

Екатерининские орлы: фавориты и сподвижники русской императрицы. Оценка личности Екатерины II 229

А. В. Суворов 233
Г. А. Потемкин 257
П. А. Румянцев 266
Ф. Ф. Ушаков 270
Г. Г. Орлов 278
А. Г. Орлов 285
Е. Р. Дашкова 289

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Время правления Павла I 308

Особенности павловского режима: его внутренняя и внешняя политика 314
Новый поворот в политике Павла и его гибель 349

Русская культура в XVIII столетии 360

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Развитие России в первой половине XIX в. 408

Российское самодержавие в начале XIX в. 429

Эпоха Отечественной войны 12 года 477

Политика самодержавия во второй половине царствования императора Александра I 513

Движение декабристов 537

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренняя политика самодержавия во второй четверти XIX в. 574

Общественное движение во второй четверти XIX в. 603

Присоединение Кавказа к России 635

Внешняя политика России во второй четверти XIX в. 659

Крымская война 1853—1856 гг. 676

Русская культура в первой половине XIX в. 705

Источники, литература и примечания 734

Указатель имен 751

Заичкин И. А., Почкаев И. Н.

З-17 Русская история: От Екатерины Великой до Александра II.— М.: Мысль, 1994.— 765, [2] с.

ISBN 5-244-00756-4

Книга — одна из попыток в популярной форме показать путь, пройденный русским народом на протяжении четырех царствований — Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Авторы, широко используя произведения научной и художественной литературы, мемуары и документы, раскрывают вехи эволюции российской государственности, развития жизни общества, прогресс культуры, рассматривают самые разные аспекты внешней политики за почти столетний период. Авторы стремились оживить изложение, включив в текст многочисленные характеристики эпохи. В работе высказано много новых точек зрения.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3 (2)

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА № 1
Восточного административного
цена округа г. Москвы 6000р.

Научно-популярная

Иван Алексеевич Заичкин,
Иван Николаевич Почкаев

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
От Екатерины Великой до Александра II

Редактор *Л. П. Желобанова*
Оформление художника *Г. М. Чеховского*
Художественный редактор *А. И. Ольденбургер*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректор *О. П. Кулькова*

ЛР № 010150 от 25.12.91.

Сдано в набор 31.03.94. Подписано в печать 05.07.94. Формат 84×108
Бумага типогр. № 2. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печ. лис
40,32. Усл. кр.-отт. 40,74. Учетно-издат. листов 44,72. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 3406.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Кр
Знамени Московское предприятие «Первая Образцовая типогра
тета Российской Федерации по печати. 113054, Москва, Валов